

С.А.КРЫЛОВ

4И(МОНГ)
К-85
52175

4И(МОНГ)
К-85
52175

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
ГРАММАТИКА
СОВРЕМЕННОГО
МОНГОЛЬСКОГО
ЯЗЫКА

И СМЕЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ

1

Российская академия наук
Институт востоковедения

2/11/10/01/15
К-85

С. А. КРЫЛОВ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

И СМЕЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ

- 52145 -
ae

Часть 1

Морфемика, морфонология,
элементы фонологической
трансформаторики
(в аспекте общей теории
морфологических
и морфонологических моделей)

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2004

УДК 811.512.36'36

ББК 81.2Монг-2

К85

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 03-04-16183

Издательство благодарит за содействие в издании книги
Институт практического востоковедения (г. Москва)

Крылов С.А.

К85 Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. В 6 ч. Ч. 1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей) / С.А. Крылов ; Ин-т востоковедения. — М. : Вост. лит., 2004. — 479 с. — ISBN 5-02-018397-0 (в пер.).

Книга представляет собой первую часть обширного исследования, содержащего теоретическое описание грамматического строя современного халха-монгольского языка. В ней содержится очерк основных положений «неоструктуралистской» модели монгольского языка. Предметом моделирования стали монгольская морфемика, морфонология и глубинно-фонологическая трансформаторика.

Исследование демонстрирует применимость так называемого неоструктуралистского подхода к грамматическому описанию агглютинативных языков.

Книга содержит несколько приложений. В «монголистических» приложениях дан краткий очерк предмета современной лингвистической монголистики, сопровождаемый тематически организованным указателем важнейших книг по монгольскому языкознанию. В «металингвистических» приложениях освещено содержание некоторых важных понятий общего языкознания (из сферы общей фонологии, морфонологии и грамматики), используемых автором.

ББК 81.2Монг-2

© Крылов, 2004

© Оформление. Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2004

ISBN 5-02-018397-0

ВВЕДЕНИЕ

Объект исследования

Объектом исследования являются морфемика и морфонология агглютинативного языка в их межуровневых связях — как между собой, так и с другими уровнями языка; а также сами принципы морфологического и морфонологического описания языков агглютинативного строя. В качестве традиционного примера агглютинативного языка выбран современный халха-монгольский литературный язык в его устной форме.

Состояние вопроса (общелингвистические проблемы)

На материале флективных языков морфонологическая и морфологическая проблематика исследуется много и плодотворно. Большое значение для выработки используемого в работе концептуального аппарата морфемики и морфонологии сыграли работы Ю. С. Маслова, Т. В. Бульгиной, В. Г. Чургановой, И. А. Мельчука, П. Х. Мэтьюза, А. А. Зализняка, А. К. Поливановой.

Однако на материале агглютинативных языков она только начинает разрабатываться; ср., напр.:

опыты эксплицитной формулировки морфологических правил при формальном моделировании морфологии в русле теории моделей «Смысл \leftrightarrow Текст» применительно к татарскому (Х. Ф. Исхакова), венгерскому (И. А. Мельчук);

работы об уточнениях таких лингвистических понятий, как «флективные языки», «агглютинативные языки», «слово», «части речи», «словоформа», «фузия», «флексия», «супплетивизм», «сломорфема», «субморф», «грамматические категории» в свете материала нефлективных языков (Л. Блумфилд, Р. Мартин, С. Е. Яхонтов, В. Б. Касевич, В. Г. Гузев, Д. М. Насилов, В. М. Алпатов, В. А. Плунгян);

разработка т. н. «грамматики порядков» (И. И. Ревзин, Г. Д. Юлдашева, В. Я. Пинес, М. С. Джикия, А. П. Володин, В. С. Храковский), «морфосинтаксического подхода» к структуре турецкой словоформы (А. Н. Барулин);

выяснение последствий применения принципов современной фонологии к языкам с сингармонизмом (В. А. Виноградов, Г. П. Мельников, Р. Б. Лиз, Дж. Лайонз).

В сентябре 1993 г. ЛО ИЯ была проведена специальная конференция, на которой основное внимание участников обсуждения (Н. Б. Вахтин, И. Б. Иткин, Е. С. Маслова, И. А. Муравьева, В. А. Плунгян) было привлечено, по словам хроникера, «к тем специфическим трудностям, которые представляют агглютинативные языки для лингвистической теории (прежде всего морфологии и теории грамматики)».

Далее отмечается, что «традиционные понятийные системы, использовавшиеся в морфологии и в грамматической типологии, сформировались под неявным воздействием некоторых “родовых” свойств флективных языков; в силу этого языки, принадлежащие к другим морфологическим типам, продолжают служить источником многочисленных и нетривиальных теоретических проблем, и концептуальное равновесие в этой области еще только начинает восстанавливаться»¹.

Состояние вопроса (частнолингвистические проблемы)

В современной монголистике имеются достаточно подробные описания различных аспектов грамматики и фонетики монгольских языков.

Морфологический строй халха-монгольского языка наиболее подробно рассмотрен в теоретических грамматиках [Porpe 1951, Тодаева 1951, Street 1963, Орчин 1966, Санжеев 1960], практических грамматиках [Поппе 1931, Касьяненко 1968, Vietze 1969, Beffa — Namayon 1975, Лувсанжав 1976, Vacek — Luvsandordž — Luvsandžav 1979] и в специальных трудах по морфологии [Лувсанвандан 1968, Өлзийхутаг 1972, Болд 1986, Орчин 1976]. Имеются специальные работы по морфологии имени [Орловская 1961, Бямбасан 1975], глагола [Ramstedt 1903, Кузьменков 1984, Орчин 1987], по теории звуковых чередований [Пюрбеев 1972, Золхоев 1980, Базаррагчаа 1987], по теории грамматических единиц

¹ Плунгян 1994. Материалы дискуссии частично опубликованы там же, с. 28—55.

халха-монгольского языка [Фице 1974, Яхонтова 1982, Жамбалсүрэн 1987, Надеяев 1988].

Широко представлен халха-монгольский материал также в работах по сравнительно-исторической морфологии монгольских языков [Санжеев 1953, Санжеев 1964, Цыдендамбаев 1979], сравнительно-сопоставительной морфологии монгольских языков [Бертагаев 1969], сопоставительной грамматике монгольского и русского языков [Галсан 1975], монгольского и английского языков [Лувсанжав 1971]. Особую ценность для изучения морфемики представляют обратные словари халха-монгольского языка [Болд 1976, Vietze 1976], а также словарь омонимов [Цогбадрах 1981].

Однако в настоящее время в монголистике еще недостаточно активно (или недостаточно последовательно) применяются методы структурной (и даже, более широко, современной теоретической) лингвистики. Среди немногочисленных исключений можно отметить:

различение фонетической и фонологической транскрипций — либо в русле петербургско-ленинградской фонологической школы (Н. Н. Поппе в довоенный период, Ш. Луванвандан, В. М. Надеяев, В. И. Золхоев), либо в русле американского дескриптивизма (Дж. Стрит, Н. Н. Поппе в послевоенный период);

признание необходимости морфонологического компонента в грамматике монгольских языков и разработка морфонологической проблематики (в частности, с использованием понятия морфемы²) в русле ленинградской фонологической школы (В. И. Золхоев);

разработка динамического моделирования морфонологических механизмов в рамках «морфографемы» (Дж. Стрит), т. е. раздела грамматики, описывающего соотношения между морфологическими единицами и буквами современной монгольской орфографии, в русле традиций позднеленинградской и раннегенеративистской фонологии;

попытки уточнения инвентаря грамматических единиц монгольского языка такими методами классической структурной лингвистики, как метод дистрибутивного анализа и др. (Дж. Стрит, Е. А. Кузьменков, Г. Жамбалсүрэн, Н. С. Яхонтова, Г. С. Дугарова и др.);

² В книге В. И. Золхоева морфонология трактуется в русле традиций ленинградской фонологической школы, но без учета таких ее разновидностей, как «неошербианская» функционалистская морфонология (Ю. С. Маслов, В. Б. Касевич и др., не говоря уже о фактическом игнорировании других концепций морфонологии (впрочем, номинально учитываются работы пражской, московской и мыгжинской школ).

попытки применения трансформационного подхода к описанию некоторых явлений монгольской грамматики (Дж. Стрит, Р. Бинник, Х. П. Фитце, Е. А. Кузьменков, Е. К. Скрибник, Э. У. Омакаева).

Актуальность темы

Необходимость предпринятого исследования диктуется и дискусионностью ключевых проблем морфонологии как научной дисциплины, и неопределенностью ее статуса по отношению к другим разделам грамматики, и малой изученностью морфонологии языков т. н. «алтайского» языкового типа.

Между тем данные неевропейских языков исключительно важны для построения общей теории грамматики, применимой к описанию языков различного строя³.

Без учета этих данных едва ли возможно ставить вопрос о «сизмеримости» языков⁴ и, соответственно, о разработке проблем морфологической и морфонологической типологии⁵.

В общелингвистической литературе распространены расхожие априорные представления о бедности морфонологии агглютинативных языков и об «одно-однозначном» характере их морфологии, однако эти представления нуждаются в проверке на материале конкретных языков и в уточнении. Чтобы такое уточнение было не голословным, оно должно опираться на достаточно строго сделанный фрагмент описательной грамматики некоторого языка, признаваемого агглютинативным. Такая грамматика должна базироваться на некоторых общелингвистических предпосылках, лежащих не только в ее основании, но и в основании описаний языков других типов⁶.

Следует отметить, что с точки зрения неоструктуралистской методологии здесь следовало бы говорить не только о первичности общелингвистической теории по отношению к частнолингвистической, но и об обратном отношении — об опоре общелингвистической теории на имеющиеся частнолингвистические и ее постоянном обогащении, т. е. о некотором цикличном процессе «челночного» типа. В ходе этого процесса происходит взаимообогащение частнолингвистической и общелингвистической теории. Здесь уместен был бы

³ См.: Солнцев и др. 1982.

⁴ См.: Солнцев 1976.

⁵ Разработке проблем морфонологической типологии посвящен ряд работ последних лет (В. У. Дресслер, В. Б. Касевич, В. А. Плунгян), да и в наши дни данная проблематика не теряет своей актуальности.

⁶ Соотношение общелингвистической и частнолингвистической теории чётко изложено в кн.: Вардуть 1977, с. 105—130.

графический образ — напоминающий гегелевскую «спираль» или кибернетическую блок-схему рекурсивных процессов (выглядящую как граф с циклами). Такое представление оставляло бы меньше лазеек для возникновения иллюзий неопозитивистского толка.

С другой стороны, можно говорить об актуальности темы и в общелингвистическом, и в частнолингвистическом плане.

Касаясь актуальных и малоисследованных проблем современной монголистики, Э. Р. Тенишев и Л. Д. Шагдаров отмечали: «...следует расширить исследования по морфонологии, по которой имеется лишь единственная работа В. И. Золхоева⁷... несмотря на то, что морфология монгольских языков издавна является объектом постоянных и скрупулезных исследований, в ней продолжает оставаться много спорных вопросов»⁸... «монголоведам необходимо преодолеть имеющиеся в их работах недостатки, в частности, шире учитывать общие типологические процессы, наблюдаемые в разных языках, общую типологию развития звуков, форм, шире применять разнообразные современные приемы и методы исследования»⁹.

Думается, что применение неоструктуралистского подхода к монгольской морфемике и морфонологии — один из возможных способов откликнуться на процитированный призыв.

Материал исследования

Материалом исследования послужил массив монгольских словоформ, приводимых в описательных грамматиках современного монгольского языка и не отвергаемых опрошенными монгольскими информантами. Фонетические данные почерпнуты частично из собственных слуховых наблюдений автора, частично — из работ, в которых используется тот или иной вид фонетической транскрипции¹⁰.

Большинство работ описывают морфологию словоформ, записанных в современной орфографии, а не в фонетической или фонологической транскрипции (за исключением вышеуказанных), поэтому некоторые данные приходится корректировать в соответствии со сведениями по фонетике халха-монгольского языка, почерпнутыми из работ, использующих транскрипцию.

Основная цель настоящей работы состоит в выяснении природы монгольской морфонологии, установлении инвентаря монгольских

⁷ Тенишев & Шагдаров 1988, с. 7.

⁸ Ibidem, с. 8.

⁹ Ibidem, с. 21.

¹⁰ См.: Ramstedt 1903, Владимирцов 1929/1989; Поппе 1931, с. 7—32; Poppe 1951, S. 12—30, 164—188; Наделяев 1957; Street 1963, p. 46—79; Ринчен 1966; Лувсанвандан 1967; Моомоо 1970; Цолоо 1976; Vietze 1978, S. 17—30; Vacek et al. 1979.

морфоном и их соотношений с фонемами и морфемами, классификации морфем и звуковых чередований, ориентированной на включение в интегральную модель монгольского языка и системное представление Языка вообще, а также в уточнении основных понятий общей морфемики и морфонологии и выяснении границ их применимости в грамматическом описании языка агглютинативного строя.

Исследовательские задачи

В качестве основных задач исследования выбраны следующие:
инвентаризация фонологических единиц монгольского языка и соответствующее уточнение принципов фонологического анализа;
инвентаризация морфонологических единиц монгольского языка и соответствующее уточнение принципов морфонологического анализа;

исчисление классов морфологических единиц монгольского языка и описание отличительных особенностей этих классов, а также уточнение некоторых положений общей морфемики;

исчерпывающая классификация звуковых чередований монгольского языка и соответствующее уточнение общей теории звуковых чередований;

демонстрация методологических трудностей, связанных с неединственностью морфонологических интерпретаций;

демонстрация примера действия модели морфологического синтеза словоформ.

Методика исследования

Основной метод описания — включение описываемой единицы в интегральную трехмерную модель языковых отношений, связывающую ее с другими языковыми единицами.

В соответствии с концепцией языковых планов, разработанной З. М. Шаляпиной, выделяются три языковые оси — выражения, членения и обобщения¹¹; в семиотической теории В. Г. Гака этим трем осям соответствуют «семиотический план», «синтагматический план» и «парадигматический план»¹². В неструктуралистском подходе говорится соответственно об описании «сигнификативных», «структурных» и «таксономических» отношений между языковыми единицами.

¹¹ Шаляпина 1985; Shalyapina 1987, с. 524—526.

¹² См.: Гак 1977; Гак 1986, с. 26—29.

С точки зрения традиционной классификации лингвистических методов можно охарактеризовать принимаемый подход как «описательный метод» или метод «описательной грамматики», обогащенный структуралистскими или «структурными» (в широком смысле) методами, или, как их иногда называют, методами «структурного анализа».

Преимущественное внимание к системе отношений между языковыми единицами, характерное для структурализма, и создает особый предмет исследования — «языковую систему» с ее подсистемами — морфологической и морфонологической.

Если принять во внимание, что языковая система мыслится как трехмерная (ср. трехмерную диаграмму языковых отношений у З. М. Шаляпиной), то, стало быть, любой языковой элемент характеризуется в шести аспектах — образно выражаясь, по числу граней параллелепипеда, изображающего его встроенность в систему языковых отношений. А именно, любая языковая единица описывается с точки зрения двух сигнификативных, двух структурных и двух таксономических отношений, в которые она может входить:

А. Сигнификативные, или «семиологические», отношения моделируются «сигнификативными» методами:

А1. «Экспозитивный» (= «синтетический») метод описания («от содержания — к форме»): для знаковой единицы это задание ее синонимов, для фигуры плана выражения — задание ее алловариантов, для фигур плана содержания — наоборот, сведение вариантов к инвариантам и выявление содержательных оппозиций. Этот метод иногда называется «трансформационным».

А2. «Интерпретирующий» (= «аналитический») метод описания («от формы — к содержанию»): для знаковой единицы это задание ее омонимов, для фигуры плана выражения — сведение ее вариантов к инвариантам и выявление формальных оппозиций, для фигуры плана содержания — наоборот, описание правил ее содержательного варьирования.

Этот метод иногда именуют «аналитическим».

Б. Структурные отношения моделируются «структурными» (в узком смысле) методами:

Б1. «Дивизивный» (= «генеративный») метод описания («от целого — к его частям»): это исчисление единиц, с помощью которого может быть получена любая единица данного ранга, путем указания на то, из чего (из каких «конституэнтов») состоит некоторая сложная единица («интегрант») ¹³.

¹³ Этот метод также иногда (не вполне корректно) именуется «трансформационным» (в таком случае имеется в виду лишь т. н. «базовый» компонент трансформационной модели).

Б2. «Интегративный» (= «селективный») метод описания («от частей — к целому»): это распознавание того, складываются ли элементы данной цепочки (конституэнты) в некоторое правильное целое (интегрант)¹⁴.

На основе структурных отношений задаются и отношения синтагматические, т. е. они трактуются как отношения частей некоторого целого друг к другу.

В. Таксономические отношения моделируются «таксономическими» методами:

В1. «Экземплификативный» метод описания («от класса — к его подклассам»): для любого класса языковых единиц тем или иным способом задаются все его подклассы — и так вплоть до отдельных элементов.

В2. «Классификативный» метод описания («от подклассов — к классам»): для любой языковой единицы дается указание на то, к каким классам она принадлежит, а для любого класса единиц — в какие более широкие классы («надклассы») данный класс входит.

На основе таксономических отношений задаются и парадигматические отношения — они трактуются как отношения элементов некоторого класса друг к другу.

Особенностью динамического подхода к синхронной морфологии является определенная степень параллелизма между единицами синхронного описания и единицами т. н. «внутренней реконструкции». Такой подход представлен и в настоящей работе. Достоинство такого подхода состоит в том, что он позволяет среди кажущегося хаоса явлений, создаваемого наложением друг на друга чередований разного типа, разграничить регулярное и нерегулярное, фонетическое и грамматическое, морфонологию говорящего и морфонологию слушающего.

Методология исследования

Методологической основой исследования является т. н. неоструктуралистский подход, основанный на синтезе нескольких принципиальных идей и методов, выработанных в общей и частной теории грамматики к настоящему времени и уже обнаруживших свою эффективность при описаниях ряда языков.

Этими идеями неоструктурализм обязан:

античной грамматике (представление о субстанции и акциденциях, о частях речи и грамматических категориях),

¹⁴ Этот метод иногда (не вполне корректно) именуется «методом непосредственных составляющих».

европейской гебраистике XVI в. (понятия корня и аффикса), младограмматическому языкознанию (учение о звуковых законах, в частности о законах звуковых чередований),

соссорианству (учение о языковом знаке, о синтагматических и ассоциативных отношениях),

классическому, или «таксономическому», структурализму (учение о фонеме, морфеме и морфоне, об исходной записи морфемы, о направленности чередования, требование эксплицитности морфологического описания),

«динамическому» структурализму (т. е. трансформационной грамматике и теории моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст» (представление о построении действующих моделей автоматического синтеза и анализа как об основном средстве формальной верификации лингвистического описания, о необходимости различения нескольких уровней глубины между звучанием и смыслом),

современной многоаспектной и квантитативной морфологической типологии (тезис об отсутствии «чистых» типов, напр., о возможности сочетания элементов флективности и агглютинативности в одном языке),

функциональной морфологии и морфонологии (функциональная классификация морфем и звуковых чередований),

«естественной морфологии» и психолингвистике (тезис о многоаспектности языка и речевой деятельности, о «естественных» ограничениях на степень абстрактности описания, об одновременной ориентированности описания на потенциальное включение в контекст нескольких разных действующих моделей),

современной структурной лингвистике, разрабатываемой в русле той отечественной традиции, которая сложилась на ОСиПЛ филологического факультета МГУ (тезис о сближении метаязыков частной описательной грамматики, типологии и общей теории грамматики).

Философские основы неоструктурализма

Философской основой неоструктуралистского подхода является теория познания, выработанная в современном диалектическом материализме¹⁵.

¹⁵ Литература, посвященная диалектическому материализму, практически необозрима. Читателю, незнакомому с основными положениями этого философского направления, можно было бы порекомендовать довольно выжатое и компактное изложение в БСЭ, изд. 3, ФЭС и указанной там литературе, иногда, однако, адекватное восприятие этого изложения *sine ira et studio* затрудняется пе-

Язык (в т. ч. морфонология и морфология монгольского языка) трактуется как общественное явление, составляющее часть общественного бытия и неразрывно связанное с человеческим общением.

Язык имеет по крайней мере четыре стороны реального (материального) существования:

речевая деятельность,
языковой // речевой материал,
языковая способность,
языковая система.

Во всех этих аспектах язык (и в т. ч. монгольская морфонология и морфология) имеет материальную природу в том смысле, что существует объективно, независимо от того, как он отражается в сознании тех или иных лингвистов (соотв. монголистов, теоретиков морфонологии и др.)¹⁶.

Поэтому при его описании создается новый, идеальный, объект, существующий в индивидуальном сознании лингвиста — а именно концепция языка (в нашем случае — концепция монгольской морфологии и морфонологии), создаваемая с целью лучшего познания монгольского языка и Языка вообще. Концепция строится на основе фактов, извлекаемых из речевой деятельности информантов и фиксируемых монголистами (в первую очередь фонетистами) в виде транскрипции.

Необходимым элементом построения этой концепции является следование определенным исследовательским процедурам, так как в противном случае, «не имея строго определенной системы соответствий между элементами объекта нашего исследования и элементами модели, мы не можем получить модели, которая бы имела эвристическую ценность»¹⁷.

Будучи воплощена в виде научного текста и опубликована, концепция становится теорией¹⁸ и начинает существовать опять-таки

риодически декларировавшимися в нем претензиями на идеологический монополизм; впрочем, в таких текстах последних лет, как, напр., Учебник 1988, эти претензии практически сведены на нет.

¹⁶ В той мере, в которой монгольский язык осознается своими носителями, он имеет и идеальную природу, однако идеальный образ языка нетождествен самому языку, ибо сам язык (как языковая способность) существует в психике его носителей в основном бессознательно, не говоря уже о других формах существования языка. В психике учащихся, изучающих неродной язык, он, может быть, и не опускается на уровень бессознательного, однако обычно это свидетельствует скорее именно о том, что они этим языком еще не овладели.

¹⁷ См.: Леонтьев 1965, с. 47.

¹⁸ О лингвистической теории как разновидности научного текста см.: Вардуть 1977, с. 106. Несмотря на некоторую нетрадиционность этого взгляда, он представляется предпочтительнее, чем взгляд на теорию как на чисто менталь-

объективно, независимо от состояния сознания ее автора, т. е. становится объектом восприятия общественного сознания лингвистического сообщества. Как таковая, эта теория подлежит оценке с металингвистической точки зрения и в этом смысле существует независимо от того, что о ней думают и говорят отдельные рецензенты, создающие множество¹⁹ метатеорий, посвященных этой теории.

Таким образом, теория как объект металингвистического описания (объект метатеории) представляет собой «материю», т. е. реальность, независимую от сознания металингвистов.

Наконец, металингвистическая оценка может исходить от самого создателя теории — и здесь мы имеем дело с его «автометаописанием». В этом случае перед нами типичный случай индивидуальной методологической авторефлексии, позволяющей более четко проследить за самим процессом познания языка-объекта. На этом этапе исследования морфонологическая теория снова выступает в качестве «первичной» реальности («материи»), металингвистическая концепция как результат методологической авторефлексии — в качестве идеального отражения этой первичной реальности (фрагмент индивидуального сознания), а описывающий ее метатеоретический текст — в качестве «вторичной» знаковой реальности, способной стать объектом дальнейших оценок.

Во всех этих ситуациях налицо диалектический процесс перехода материального в идеальное в ходе «пересадки» этого материального «в человеческую голову» и обратный процесс перехода идеального в материальное в ходе «вторичного опредмечивания» идеального научного образа (концепции) языка, т. е. воплощения результатов этого процесса в научном тексте.

Таков в общих чертах с точки зрения материалистической диалектики ход познания монгольской морфонологии и морфологии, создания текстов на эту тему и дальнейшего изучения самого хода этого познания и научных текстов, создаваемых в ходе этого познания.

При этом следует помнить, что «абсолютной» модели, и в частности абсолютной модели языка (речевой деятельности), не бывает. Всякое описание, всякая модель объекта «покрывает» его лишь частично, «освещая» в нем то, что важно с определенной

ную сущность («совокупность идей» или «систему идей»), благодаря своей конструктивности, так как об идеях, не воплощенных в научные тексты, мало что содержательного можно сказать.

¹⁹ В математическом смысле.

точки зрения. Исчерпывающее описание — это не реальная модель, а совокупность всех возможных моделей, т. е. чисто теоретическое допущение... Абстрактный объект есть обобщение множества возможных моделей данной предметной области (конкретных объектов), инвариант этих моделей. Дело в том, что все эти модели уже по определению (так как имеют эвристическую значимость) обладают инвариантными характеристиками, остающимися неизменными при переходе от одной модели к другой. Эти характеристики и могут быть объединены понятием абстрактного объекта и соответствуют предмету данной науки... лингвист, говоря о языке, имеет дело как раз с инвариантом всех моделей речевой деятельности, построенных под определенным углом зрения, специфичным для лингвистической науки»²⁰.

«Относительность любой модели языка ни в коей мере не означает ни сомнения в реальности существования языка как объективной системы, ни невозможности его познания; это — не относительность знания в целом, а относительность отдельных элементов знания, отдельных шагов познавательной деятельности»²¹.

Нельзя не отметить сходство изложенной концепции со взглядами Г. П. Щедровицкого, высказанными в 1963 г. и отраженными в статье 1967 г.²²

Следует подчеркнуть, что настоящая работа сама по себе не является философской, так что вышеизложенная экспликация ее философских оснований должна считаться сугубо вспомогательным элементом изложения.

В принципиальном плане автор разделяет точку зрения, согласно которой «материалистически понимать язык — это значит понимать его таким, каков он есть, без всяких посторонних прибавлений»²³, а также тезис о том, что, напр., «диалектический подход к фактам грамматики состоит в том, чтобы постоянно учитывать взаимосвязь и взаимопереходы грамматических категорий и значений, учитывать связь грамматики с другими аспектами языка, обращать внимание на промежуточные явления в грамматической структуре»²⁴.

Хотя обе формулировки носят слегка упрощенный характер, но по сути дела с ними хотелось бы согласиться.

²⁰ См.: Леонтьев 1974б, с. 40—41.

²¹ См.: Леонтьев 1965, с. 47.

²² См.: Щедровицкий 1967, с. 25.

²³ См.: Серебrenников 1983, с. 7.

²⁴ См.: Гак 1986, с. 6.

Терминологическая новизна работы

Можно говорить о терминологической новизне предлагаемого подхода как в общелингвистическом, так и в частнолингвистическом аспекте.

Это связано с тем, что неоструктурализм характеризуется любовью к переименованиям. Как отмечал М. И. Стеблин-Каменский, «всякое введение нового термина — это в большей или меньшей степени замена вопроса “что собой представляет данное явление?” вопросом “как следует называть данное явление?”²⁵. Действительно, характерной чертой структуралистов является то, что они любят заниматься «называнием языковых явлений»²⁶, и в этом отношении неоструктурализм несет на себе ту же «каинову печать».

В оправдание терминологических инноваций можно сказать, что за всяким термином стоит некоторое обобщение.

Более того, внутренняя форма термина (а термины почти всегда имеют прозрачную внутреннюю форму!) отражает сразу несколько обобщений и характеризует обозначаемое языковое явление сразу с нескольких сторон.

Поэтому введение новых терминов будет мотивированным и эвристически полезным для привлечения внимания к дотолем замечавшимся свойствам обозначаемого явления.

Кроме того, компоненты внутренней формы термина (особенно составного термина, а среди неологизмов таких большинство!) обладают весьма важными ассоциациями, на которые автору теории хочется обратить внимание читателя.

Общелингвистический аспект терминологической новизны

Чтение текста настоящей работы оказывается серьезно затруднено обилием новых терминов.

В метаязык общей теории грамматики вводятся такие понятия, как «морфемы-коммуникативы», «синтаксически абсолютные морфемы», «морфологически абсолютные морфемы», «потенциально свободные морфемы», «потенциально квазисвободные морфемы», «гармоническое слово», «суффиксы-локализаторы», «антегрессив», «конгрессив», «сентенциальный формант», «атрибутив»

²⁵ См.: Стеблин-Каменский 1974б, с. 132.

²⁶ Шрейдер 1978, с. 33. Эта мысль приводится Ю. А. Шрейдером со ссылкой на соответствующее высказывание М. И. Стеблина-Каменского.

(= «атрибутивный падеж»), «суффикс-плюрализатор», «дистинктивная функция морфемы», «чужеродная морфонема», «чужеродный корень», «монструозный корень», «натуральный корень», «морфемный уровень представления», «лексограммемные чередования», «морфемные чередования», «гипофонемные чередования».

Эксплицитно введены (в их морфонологической синхронной интерпретации) термины «инициаль корня», «финаль корня», «инициаль суффикса», «финаль суффикса», «неосвоенный корень», «освоенный корень» и др.

Частнолингвистический аспект терминологической новизны

Профессиональным монголистам читать данную работу будет еще тяжелее, чем типологам. Дело в том, что используемый в ней метаязык во многом выходит за рамки принятого в монголистике терминологического инвентаря.

Предложен инвентарь граммем, согласующийся с принципами общей теории грамматики.

Так, вместо «единственного числа» говорится о граммеме «общего числа» (здесь неоструктуралистский подход полемичен по отношению к европоцентристской традиции²⁷).

Вместо «инструменталиса со значением одновременности» говорится о «контемпоралисе».

Вместо перечня послелогов предлагается говорить о полуаналитических показателях «каритива» и «симулятива».

Вместо «формы на *-lā*» или «презентного перфекта» говорится о «профекте», вместо «формы на *-džē*» или «претеритного имперфекта» — о «(синтетическом) перфекте», вместо «формы на *-wa*» или «претеритного перфекта» — об «аористе».

Вместо «датива-локатива» говорится просто о «дативе», вместо «винительного неформленного» говорится о «номинативе», вместо «формы полной основы» — об «атрибутиве» и т. п.

И это не просто смена этикеток, ибо речь идет о мотивированном употреблении общелингвистической терминологии применительно к конкретному языку. Принципиально необходимо наложение концептуальных аппаратов общелингвистической и частнолингвистической традиций: следует сблизить метаязыки общего языкознания и монголистики.

²⁷ Ср.: «Некоторые исследователи, не пытаясь выявить грамматическую специфику монгольских языков, слепо следуют европейской традиции» [Тенишев & Шагдаров 1988, с. 8].

Более того, декларируется существование в монгольском таких категорий, как таксис у деепричастных форм глагола, синтетический вид у причастных форм глагола, акционсарт у глаголов, репрезентация и посессивность у существительных.

Предлагается «импортировать» из общего языкознания (понимаемого в русле европейской лингвистической традиции, в первую очередь отечественной) в монголистику некоторые базовые понятия современной общей лингвистики. К таким терминам можно отнести такие, как «морфонемная транскрипция», «сильная» и «слабая» фонологическая позиция, «морфологические идиомы», «конверсия», «симульффикс», «живое чередование», «историческое чередование», «апофония», «лексема», «граммема», «словоформа», «архифонема», «фузия», «гетероклизия», «клитика», «формант», «акцентное слово», «гармоническое слово», «исходная форма морфемы», «тематическое» и «атематическое» склонение, «артикль», «эпентеза», «компрессия», «элизия», «омофония», «омография», «дистантная диссимиляция», «прогрессивная ассимиляция», «тематическая морфема», «омосемия», «гаплосемия», «синтетосемия», «позиционное чередование», «формально устранимое чередование», «нулевой знак», «парциальная основа», «лексограммемный уровень», «морфемный уровень», «морфонемный уровень», «фонемный уровень».

Собственно говоря, и само понятие «морфонемы» (в понимании Г. Улашина, М. Сводеша, З. Харриса, Г. Л. Трейгера, а в русистике представленное в концепциях Р. И. Аванесова и В. Г. Чургановой), примерно соответствующее «фонеме» в понимании ортодоксальных представителей Московской фонологической школы (В. Н. Сидорова, А. А. Реформатского и П. С. Кузнецова), предлагается ввести в монголистику.

В оправдание такой терминологической перенасыщенности можно привести следующий аргумент.

За каждым из употребляемых терминов тянется пучок теоретических ассоциаций, отсылающих одним махом к множеству исследований, посвященных данному вопросу на материале того или иного «традиционно изучаемого» языка — обычно это языки индоевропейские.

Эвристическая ценность каждого акта «называния языковых явлений» монгольского языка тем или иным термином из арсенала современной традиционной (sic!) отечественной общей лингвистики состоит в том, что предполагается допустимым и желательным применение к этому явлению всех содержательных суждений, которые делаются о явлении, обозначаемом этим термином в других языках помимо монгольского.

Так, напр., назвать постпозитивные притяжательные частицы «притяжательными артиклями» — это не просто переименование. Вдумчивый читатель должен как бы расшифровать сконденсированный в этом термине намек на некоторый типологический класс явлений и прочесть «между строк» имплицитно выраженный совет поискать сходные явления в других языках — например, хотя бы в армянском. Найдя в этом другом языке (скажем, армянском) систему артиклей, противопоставленных по лицам и этимологически восходящих к притяжательным местоимениям со значением 'твой', 'мой', 'его', вдумчивый читатель может получить немало полезного для типологии и описательной грамматики. Во-первых, он задумается над тем, нет ли в армянском артикле еще чего-то сходного с тем, что нам уже известно о монгольском и, возможно, найдет что-нибудь. Во-вторых, он задумается над тем, нет ли в монгольском артикле еще чего-нибудь сходного с тем, что нам уже известно об армянском, и также найдет что-нибудь интересное. А может быть, и не найдет. Но если по тексту рассыпаны такие намеки в большом количестве, то вероятность обнаружения нетривиальных фактов на основе межъязыковых экстраполяций сильно повышается. *Mutatis mutandis*, то же самое можно сказать про все остальные случаи переименования или «называния языковых явлений» монгольского языка теми или иными общелингвистическими (как правило, европоцентристскими) терминами.

Ограниченность реальных рамок реализации неструктуралистского подхода и возможные пути ее преодоления

В отличие от самого неструктуралистского подхода как такового, теоретически допускающего весьма широкую сферу применения, фактически осуществленная в настоящей работе реализация этого подхода ограничена весьма узкими рамками.

Так, в морфемике не дается полного списка корневых морфем монгольского языка, а полностью перечислены только служебные морфемы. Служебные морфемы также описываются неполно: так, в монографии нет их сводного указателя.

При описании «двойного склонения» предложена блок-схема синтеза словоформ с циклом, т. е. как бы рекурсивная модель построения словоформы. При всей привлекательности этого математического образа, нельзя не признать его чистой воды преувеличением: любому монголисту (да и вообще специалисту по агглютинации) ясно: длина агглютинативной словоформы имеет

свой предел. Так, в монгольском двойном склонении крайне маловероятно последовательное наращение более трех падежных показателей к одной основе. Между тем блок-схема с циклом в программировании и кибернетике означает, что процесс рекурсии потенциально бесконечен. Количество рекурсивных шагов по предлагаемой блок-схеме должно быть каким-то образом эксплицитно ограничено.

Вопрос о семиотическом статусе симульфиксов, интересный и важный для общей морфологической теории как таковой, применительно к монгольскому языку (да и вообще применительно к агглютинативным языкам, специфике которых посвящена Работа) является сугубо маргинальным. Все рассуждения о симульфиксах будут воистину существенны тогда, когда неоструктуралистский подход будет применяться к языкам флективным, а в особенности к интрофлективным (типа афразийских и индоевропейских). Пока в сфере описания находится лишь монгольский, эти рассуждения о значащих чередованиях — не более чем стрельба из пушек по воробьям. Возможным путем преодоления этого недостатка была бы разработка теории симульфиксов на материале флективных (в том числе интрофлективных) языков.

Гипофонемные чередования изложены предельно лаконично. Фактически приводятся только формулы самих чередований: что чередуется с чем и в каком окружении.

Между тем всякая теория должна быть хотя бы проиллюстрирована примерами вывода реальных словоформ из их морфемной записи. Это сделано фактически лишь для лексограммемных, морфемных, морфонемных и фонемных чередований.

Конечно, и по этим примерам можно приблизительно понять, как действуют правила более поверхностных уровней (ибо приведенные примеры трансформационных цепочек охватывают все виды транскрипции вплоть до аллофонемной).

Однако соблюдения принципов полноты и эксплицитности оказывается недостаточно: важнейший прагматический принцип неоструктурализма — «доходчивость» описания — в этих разделах оказывается нарушен.

Ориентация на компьютер как на основной адресат описательной грамматики, характерная для некоторых направлений формальной лингвистики 1960—1970-х годов, могла быть оправдана ссылками на (якобы) «прикладной» характер описания, однако с неоструктуралистской точки зрения основным адресатом описания должен считаться профессиональный лингвист, хотя и не обязанный, вообще говоря, уметь понимать автора грамматики

«с полуслова» и расшифровывать его намеки на общий фонд знаний автора и читателя.

Если исходить из необходимости соблюдения принципа доходчивости описания, то иллюстрации к любому правилу являются не факультативным, а обязательным элементом этого описания. Возможным путем преодоления этого недостатка были бы иллюстрации ко всем правилам гипофонемных чередований, подобно тому, как это было сделано для чередований лексограммемных, морфемных, морфонемных и фонемных.

Тезис о достоверности описания нуждается в важных уточнениях в свете данных экспериментальной фонетики.

Так, недавние исследования Я.-У. Свантессона²⁸ показали, что фонологическое противопоставление, которое в традиционной монголистике считается противопоставлением по ряду («задний vs. незадний» или, иначе, «мужской vs. женский»), в действительности артикуляторно и акустически не имеет отношения к ряду — по крайней мере, в современном состоянии монгольского языка (хотя раньше, может быть, действительно было противопоставлением по ряду).

Сам Свантессон предпочитает говорить о противопоставлении по фарингальности, но использует этот термин не вполне корректно, как это явствует из приводимых им же сонограмм.

Видимо, различие, традиционно трактуемое как оппозиция по ряду, на самом деле скорее представляет собой оппозицию по подъему, тогда как традиционное понятие подъема должно трактоваться как оппозиция по раствору.

Что же касается признака ряда, то он фактически представляет собой контекстно предсказуемый признак отдельных аллофонов, а не оппозитивный признак.

Неоструктуралистская фонология монгольского языка базируется на традиционной монголистической трактовке, а стало быть, достоверность неоструктуралистских рассуждений о вокализме оказывается под сильным сомнением.

Сказанное касается не только чисто фонетического уровня, но также фонемики и морфофонемики: сколь угодно адекватное (в чисто «структурном» аспекте) описание морфофонемики²⁹ может оказаться неудачным терминологически, если под «опозицией по ряду» понимается нечто фонетически иное.

²⁸ Svantesson 1985.

²⁹ Следует отметить, что адекватность морфонологических описаний, заменяющих морфофонемнику морфографемикой, т. е. ориентированных на письменную форму языка (как в монголистике теория Дж. Стрита, а в русистике, напр., теория А. А. Зализняка), не столь зависит от адекватности фонетических описаний.

Так, например, морфонологическая типология может сделать из этого описания неверные выводы о том, что монгольский относится к числу языков с гармонией по ряду.

Выходом из положения могла бы стать полная переформулировка всех утверждений о монгольском вокализме, содержащихся в неоструктуралистской фонологии и морфонологии.

Наконец, следует признать, что в некоторых отношениях ограничен и сам неоструктуралистский подход, а не только его конкретная реализация в настоящем описании.

Так, не соблюден общенаучный принцип непротиворечивости описания, что ведет к нарушению принципа доходчивости.

Здесь, однако, следовало бы вспомнить о том, что сам язык по природе сложен и противоречив, а потому и его описание тоже вынуждено быть до некоторой степени противоречивым.

Этот парадокс, уже отмечавшийся в литературе³⁰, не имеет простого, естественного и убедительного решения.

Неопозитивисты считают этот парадокс кажущимся — по их мнению, достаточно реформировать метаязык, на котором говорят лингвисты, ввести в него новые термины, привлекательные своей однозначностью, запретить употребление традиционных терминов в нескольких разных смыслах, и переформулировать все утверждения, казавшиеся противоречивыми.

Между тем мнимым здесь является, по-видимому, не столько сам парадокс, сколько предлагаемый неопозитивистами способ разрешения этого парадокса ибо:

1) всякое введение новых (однозначных) терминов — это реформа имеющегося языка науки, и тем самым оно уменьшает доходчивость научного текста³¹ (а ведь доходчивость — важнейшее прагматическое достоинство научной теории!);

2) неоднозначность термина обычно связана с многоаспектностью предмета³², и введение новых однозначных терминов не дает возможности эту многоаспектность отразить³³;

3) неоднозначность бывает связана с тем, что предмет, охватываемый термином, имеет свою историю развития — начало,

³⁰ См., напр.: Серебренников 1973, с. 274—276; Серебренников 1983, с. 11—15, 29—30.

³¹ Как отмечает М. И. Стеблин-Каменский, «переформулировка в новых терминах «делает описание, как правило, менее понятным, а иногда и совсем непонятным» (см.: [Стеблин-Каменский 1974, с. 34]).

³² См.: [Гак 1986, с. 7].

³³ Смысловую комплексность таких базовых понятий лингвистики, как «предложение», отмечал еще К. Бюлер, говоривший в таких случаях о «синхитических понятиях» [Bühler 1934/1993, с. 203, 328—330].

эволюцию и конец, причем развитие идет постепенно, а лингвист, употребляющий данный термин, обычно пытается соблюдать правила двузначной логики («есть vs. нет»), а не логики развития («возникает» ⇒ «растет» ⇒ «цветет» ⇒ «увядает» ⇒ «исчезает»);

4) само впечатление неоднозначности термина может оказаться обманчивым, поскольку на самом деле данный термин характеризуется не столько неоднозначностью, сколько диффузностью, т. е. семантической широтой.

В таком случае запрет на использование таких терминов означает, по сути дела, запрет на обобщения.

Похоже, что с лингвистическими понятиями типа «слово», «морфема», «знак», «субморф», «морфонема», «фонема» дело обстоит в значительной мере именно так.

Напр., десемантизация морфемы — процесс сугубо постепенный. В начале его перед нами — безусловное сочетание морфем, в конце — безусловная морфема, а в середине — постепенная шкала переходов.

Разрешить этот вопрос по-неопозитивистски — значит просто очередной раз нарваться на классический «парадокс кучи» или «парадокс лысого», известный со времен античности.

Допустим, мы идем на уступку логическим позитивистам и примем дефиницию морфемы как четко выделяемой единицы. Но спросим себя: в какой момент некая морфологическая идиома превратилась из сочетания морфем в морфему?

Любой ответ типа «в 1998 году» будет неадекватным, так как язык изменяется постепенно. Убедительного ответа нет, однако «строгая синхронная» точка зрения требует однозначного ответа на поставленный вопрос.

Если для единицы двустороннего членения зарезервировать термин «элементарный морфологический знак», то ситуация повторится. Встанет вопрос «с какого года бывшее сочетание двух элементарных знаков превратилось в единый знак?»

Если для единицы морфонологической членимости («этимологической морфемь») предложить термин типа «субморф» или «форматив»³⁴, то возникнет еще один вопрос (относящийся к ситуации полной фузии между двумя контактирующими субмор-

³⁴ В отечественном востоковедении эта дилемма начала обсуждаться в работах В. М. Алпатова: см.: [Алпатов 1980, 1982: 20—22] (в применении к японской морфонологии); В. М. Алпатов, по-видимому, впервые отметил логическую эквивалентность двух концептуальных систем — концепции «субморф vs. морф» и концепции «морф vs. идиоматичное сочетание морфов».

фами): с какого момента сочетание субморфов превращается в единый субморф?

Здесь мы опять натолкнемся на тот же «парадокс кучи».

Выходом из ситуации здесь может быть только признание: морфема как реальность имеет онтологически нежесткие границы; понятие морфемы, чтобы быть адекватным своему объекту, должно также иметь нежесткие границы.

Впрочем, это касается и любых других языковых единиц.

Отсюда — признание онтологической адекватности и эвристической эффективности таких принципов как: «многомерность грамматических явлений», «полевая структура грамматических явлений»³⁵, «нежесткость языковой системы»³⁶, «естественная классификация»³⁷, «взаимодействие системы и среды»³⁸.

Апробация работы

Основные положения настоящей работы были изложены в докладах на Теоретическом семинаре Отдела языков ИВ АН СССР (1985, 1986, 1987), заседаниях сектора тюрко-монгольских и дальневосточных языков ИВ АН СССР (1985, 1986, 1987, 1988), IV и V Всесоюзных школах молодых востоковедов (Москва, 1986, 1989), сессии ПИАК (Ташкент, 1986), конференциях аспирантов и молодых сотрудников ИВ АН СССР (Москва, 1987, 1988) и ЛГУ (1986), на Всесоюзной конференции монголоведов (Владимирцовских чтениях, Москва, 1989), «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию В. А. Дыбо» (Москва, 1990), ежегодном съезде австрийских лингвистов (Инсбрук, октябрь 1992 г.), конференции «Агглютинативные языки и проблемы теории грамматики» (Ленинград, сентябрь 1993 г.), II Конференции монголоведов (Владимирцовских чтениях, Москва, 1994), семинаре по лингвистической типологии и теории грамматики ИВ РАН (Москва, 1994, 1995), семинаре по «естественной морфологии» (Вена, июнь 1994 и ноябрь 1994 г.), на Сидоровских чтениях 1998 г. и Реформатских чтениях 1998 г., на конференции по алтайским языкам, посвящённой 400-летию со дня рождения Зая-Пандиты (Элиста, сентябрь 1999 г.), на конференции по изучению языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Петербург, сентябрь 1999 г.).

³⁵Адмони 1964, с. 35—51.

³⁶См. [Гак 1986, с. 7].

³⁷Шайкевич 1980.

³⁸Бондарко 1985; Касевич 1988, с. 11—13.

Публикации

Ряд положений работы был опубликован ранее в виде статей и тезисов (см. список публикаций по теме настоящего исследования). От основных идей, высказанных в этих публикациях, автор не отказывается, однако некоторые конкретные утверждения нуждаются в уточнениях.

Формальный аппарат морфонологического описания, использованный в публикациях 1985—1990 гг., нуждается в коррекции: а именно, в них использовалась транскрипция на кириллической основе, казавшаяся тогда более удобной по техническим причинам (отсутствие доступа к наборной технике). В публикациях 1991—1995 гг. вместо кириллической транскрипции используется более удобная транскрипция на латинской основе (она же используется и в настоящей работе).

Следует, однако, подчеркнуть, что сейчас автор воспринимает свои попытки построить морфонологическую транскрипцию на основе кириллицы как подготовительный этап не только к теоретическому описанию морфонологии, но и к решению особой задачи, представляющей самостоятельную ценность.

А именно, можно считать этот эксперимент попыткой разработать один из вариантов практической морфофонемной транскрипции и практической морфографемной транскрипции для современного халха-монгольского языка³⁹.

Структура работы

Работа состоит из введения, основной части (4 главы), заключения и приложения. В приложениях даны фрагменты описания используемого в работе концептуального аппарата. Библиография к основной части дана в конце книги; библиография к каждому приложению дана непосредственно в его составе (это решение содержательно оправдано относительной автономностью самих приложений).

³⁹ Строго говоря, предлагаемые виды транскрипции не совсем подходят под определение понятия практической транскрипции, поскольку кириллическая графика используется не только для метаязыка транскрибирования, но и в самом монгольском письме. Поэтому в строгом смысле слова речь должна была бы идти о разработке с и м п л и г р а ф и ч е с к о й транскрипции для монгольского языка. Последняя задача имеет не только чисто теоретическую, но и прикладную значимость: симплиграфия наглядно демонстрирует последствия принятия любого последовательного принципа орфографии. А это оказывается полезным для обсуждения научной обоснованности тех или иных предложений по усовершенствованию орфографии.

Благодарности

Выработка обцелингвистического концептуального аппарата морфемики и морфонологии (т. н. «неоструктуралистского подхода»), используемого в работе, происходила около 20 лет.

В 1975—1995 гг. автор получил мощный импульс от общения со своими учителями и старшими коллегами, без которых эта теория не сложилась бы (не всегда помню, кому принадлежит та или иная идея: многое было выражено устно).

Некоторых из них, увы, уже нет среди нас: †Ю. С. Маслова, †И. Ш. Козинского, †И. Ф. Вардуля, †В. Г. Чургановой, †К. Г. Менгеса, †Т. В. Булыгиной, †М. В. Панова, †В. Г. Гака, †Э. Р. Тенишева.

Другие, дай им Бог здоровья, живут и сейчас: Н. Д. Арутюнова, С. Е. Яхонтов, В. А. Дыбо, И. А. Мельчук, А. Я. Шайкевич, А. А. Зализняк, Е. В. Красильникова, С. Е. Никитина, С. В. Кодзасов, А. Е. Кибрик, А. К. Поливанова, А. Н. Барулин, З. М. Шалапина, В. М. Алпатов.

Работа по структурному описанию монгольской морфонологии была начата в мае 1984 г. по инициативе И. Ф. Вардуля; выбранная тема оказалась содержательной и красивой.

Обращение к монгольскому материалу в 1984 — 1995 гг. потребовало выяснения многих проблем в ходе многократных консультаций с профессиональными монголистами — М. Н. Орловской, †З. В. Шеверниной, Г. Ц. Пюрбеевым, А. Д. Цендиной, в том числе с монгольскими коллегами Гантогтохом, Жамбалсурэном, Тунгалаг. Многие ценные идеи, связанные с ролью морфонологического анализа для решения проблем внутренней реконструкции монгольского языкового строя, автор вынес из обсуждения монголистической проблематики с коллегами по алтаистическому семинару (С. Г. Болотова, А. В. Дыбо, О. А. Мудрака, С. А. Старостина). Ценные замечания автор получил от коллег, прочитавших первоначальные варианты отдельных частей работы и обсуждавших их с автором (в устном или письменном виде) — от А. Ю. Айхенвальд, Н. Б. Вахтина, А. П. Володина, А. Н. Головастикова, Л. М. Гореловой, У. Долешаль, В. Дресслера, И. Б. Иткина, Л. Р. Концевича, Л. И. Куликова, И. А. Муравьевой, В. И. Подлеской, М. С. Полинской, Дж. Реннисона, Н. Р. Сумбатовой, Я. Г. Тестельца, Е. Г. Устиновой, М. Хаспельмата, В. С. Храковского и С. Е. Яхонтова. Но ответственность за спорные суждения лежит целиком на авторе.

При подготовке текста к печати большую помощь автору оказали на разных этапах: †Е. Д. Белорусова, Ю. Ю. Врублевская, А. В. Шеймович; при овладении техникой компьютерной подготовки изданий ценными оказались консультации С. Г. Болотова, В. Ф. Боруна, Ф. С. Крылова.

Названным лицам автор приносит глубокую благодарность.

0. ОБЩИЙ КОНТЕКСТ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящая работа представляет собой фрагмент предполагаемого труда с более широким охватом проблематики. В настоящее время реализована лишь часть этого замысла. Тем не менее читателю было бы небесполезно ознакомиться и с общей структурой того описания, фрагмент которого предложен в настоящей работе. По сути дела, это план-проспект довольно объемистой книги. Чтобы стало ясно, о каком жанре исследования идет речь, приведем здесь общий план задуманной работы.

Теоретическая грамматика халха-монгольского языка.

Часть 1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформаторики.

Работа мыслится как часть описательной грамматики халха. Ее теоретическую основу составляет неструктуралистская теория грамматики (составляющая фрагмент неструктуралистского подхода к языку), которая, однако, не может быть здесь детально изложена. Морфологический компонент грамматики базируется на идеях Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Р. О. Якобсона, Ю. С. Маслова, Т. В. Булыгиной, И. А. Мельчука, А. А. Зализняка, П. Х. Мэтьюза, В. У. Дресслера, В. М. Алпатов.

Морфонологический и фонологический компоненты тесно связаны как с идеями упомянутых авторов, так и с идеями Н. С. Трубецкого, Г. Улашина, Г. Л. Трейгера, В. А. Дыбо, В. Г. Чургановой, А. К. Поливановой.

Для нашего изложения релевантны следующие 7 языковых уровней:

1. морфосинтаксический (МС-уровень),
2. формально-грамматический (ФГ-уровень),
3. морфематический (МС-уровень),
4. морфонематический (морфофонемный уровень),

5. фонематический (Ф-уровень),
6. гипофонематический (ГФ-уровень),
7. аллофонематический (АФ-уровень).

Каждый уровень может быть описан:

- (а) генеративно;
- (б) селективно;
- (в) классификативно;
- (г) экземплификативно.

Значит, для описания упомянутых уровней по предложенной схеме понадобилось бы 28 описаний.

Но и это еще не все: каждое соответствие между двумя соседними уровнями может быть описано либо в синтетическом, либо в аналитическом режиме. Это значит, что при описании соотношений между указанными 7 уровнями мы должны иметь 12 описаний: 6 синтетических (от морфосинтаксического к формально-грамматическому, от формально-грамматического к морфемному и т. п.) и 6 аналитических (от аллофонематического к гипофонематическому, от гипофонематического к фонематическому, от фонематического к морфофонемному и т. п.).

Фонология рассматривает уровни с (5) по (7). Она состоит из глубинной фонологии (фонематического генератора, фонематического селектора, фонематического классификатора, фонематического экземплификатора, фонематического синтезатора и фонематического анализатора) и поверхностной фонологии (гипофонематического генератора, гипофонематического селектора, гипофонематического классификатора, гипофонематического экземплификатора, гипофонематического синтезатора и гипофонематического анализатора).

Морфонология рассматривает уровни с (5) по (7). Она состоит из глубинной морфонологии (морфематического генератора, морфематического селектора, морфематического классификатора, морфематического экземплификатора, морфематического синтезатора и морфематического анализатора) и поверхностной морфонологии (морфофонематического генератора, морфофонематического селектора, морфофонематического классификатора, морфофонематического экземплификатора, морфофонематического синтезатора и морфофонематического анализатора).

Морфология шире, чем это позволяет описать предлагаемая схема. Синтетическая словоизменительная морфология целиком покрывает уровни (2) и (3). Она состоит из формально-грамматического генератора, формально-грамматического селектора, формально-грамматического классификатора, формально-грамматического экземплификатора, формально-грамматического синтезатора и формально-грамматического анализатора. Однако частично

морфология затрагивает и более глубинные уровни. А именно, помимо своего «ядерного» (формально-грамматического) раздела морфология в предлагаемом понимании охватывает также аналитическую словоизменительную морфологию (составляющую одновременно часть морфосинтаксиса), аналитическую словообразовательную морфологию и синтетическую словообразовательную морфологию (составляющие одновременно часть глубинного синтаксиса и лежащие за пределами нашей схемы).

Морфосинтаксис состоит из морфосинтаксического генератора, морфосинтаксического селектора, морфосинтаксического классификатора, морфосинтаксического экземплификатора, морфосинтаксического синтезатора и морфосинтаксического анализатора.

Предполагаемая мысленная общая структура настоящего описания может быть представлена примерно так:

0. Введение.

0.1. Содержание термина «монгольский язык» в лингвистике.

0.2. Содержание термина «халха-монгольский язык». Отношение халха-монгольского к другим монгольским языкам.

0.3. Краткие сведения о состоянии изученности халха-монгольского языка.

(а) Общие вопросы.

(б) Словари.

(в) Фонология.

(г) Морфология.

(д) Морфонология.

0.4. Краткая типологическая характеристика монгольских языков вообще и халха-монгольского в частности с точки зрения:

0.4.1. фонетической типологии (наличие геминат, слоговых сонантов, ненадлежащего связанного ударения и т. п.);

0.4.2. фонологической типологии, т. е.

(а) поверхностно-фонологической типологии (дистинктивность оппозиций «звонкий» vs. «глухой ненапряженный» vs. «глухой напряженный», начальное связанное ударение, гармония гласных, долгие гласные, дифтонги, дистинктивность оппозиции палатализованных и непалатализованных сонантов и т. п.);

(б) глубинно-фонологической типологии (дистинктивность оппозиций «напряженный vs. ненапряженный» среди шумных, наличие бивокалических долгих слогов, наличие делимитативного и кульминативного ударения, отсутствие дистинктивного ударения);

0.4.3. морфонологической (морфофонематической) типологии («богатый вокализм корней», «бедный вокализм суффиксов», «почти полное отсутствие плавных в инициали корня», «наличие дифтонгизации трифтонгов» и т. п.);

0.4.4. морфематической типологии («агглютинация», «суффиксальность», «частичная редупликация» и т. п.);

0.4.5. формально-грамматической типологии («синтетический», «безродовой», «падежный», «с двумя деклинационными разрядами», «без конъюгационных разрядов» и т. п.);

0.4.6. морфосинтаксической типологии («центростремительный», «бессогласовательный», «группофлектирующий», «постартиклевый», «неоднородно-сочинительный», «аналитико-темпоральный», «аналитико-падежный» и т. п.);

0.4.7. конструктивно-синтаксической типологии («аналитико-акционсартный», «предпочитающий комитативные конструкции», «охотно образующий парные квазикомпозиты» и т. п.).

0.5. Роль монгольского материала в типологических исследованиях (ленинградской, московской и новосибирской типологических школ).

0.6. Адресаты изложения: типологи, теоретики общей лингвистики, монголисты, создатели систем автоматической обработки текста на монгольском языке.

0.7. Цель исследования.

0.8. Источники материалов: лингвистические, филологические, экспериментальные.

0.9. Методы описания. Очерк неструктуралистского подхода.

а. Источники.

б. Принципы.

в. Основные понятия.

г. Особенности.

1. Морфология.

1.0. Общие вопросы. Слово в халха-монгольском языке.

1.0.1. Морфология vs. морфосинтаксис.

(а) Синтагматические границы слова.

(б) Аналитические формы: акцентное слово + акцентное слово.

(в) Полуаналитические формы: гармоническое слово + клитика.

(г) Полусинтетические формы: словоформа + формант.

(д) Синтетические формы: основа + аффикс.

1.0.2. Морфология vs. интрасинтаксис.

(а) Парадигматические границы слова.

(б) Место словообразования в монгольской грамматике.

(в) Граница между словообразованием и словоизменением.

1.1. Формально-грамматическая структура словоформы.

(а) Порождение правильной формально-грамматической структуры словоформы.

(б) Распознавание правильной формально-грамматической структуры словоформы.

1.2. Формально-грамматическая парадигматика.

(а) Классы формально-грамматических единиц.

(б) Оппозиции релевантных признаков формально-грамматических единиц.

1.3. Формально-грамматическая трансформаторика.

(а) Формально-грамматическая эквивалентность: супплетивизм, гетероклизия, омосемия.

(б) Формально-грамматическая амбивалентность: омонимия основ, омонимия флексий.

2. Морфемика.

2.0. Морфема в халха-монгольском.

2.1. Морфематическая структура слова.

(а) Порождение морфематической структуры слова.

(б) Распознавание морфематической структуры слова.

2.2. Морфематическая парадигматика.

(а) Классы морфем и морфемосочетаний.

(б) Оппозиции и релевантные признаки морфем и морфемосочетаний.

2.3. Морфематическая трансформаторика.

(а) Морфематическая эквивалентность: алломорфия.

(б) Морфематическая амбивалентность: омофония морфем.

3. Морфофонемика.

3.0. Морфонема в халха-монгольском.

3.1. Морфофонемотическая структура морфа.

(а) Порождение морфофонемотической структуры морфа.

(б) Распознавание морфофонемотической структуры морфа.

3.2. Морфофонемотическая парадигматика.

(а) Классы морфонем и морфонемосочетаний (морфов).

(б) Оппозиции и релевантные признаки морфонем и морфонемосочетаний (морфов).

3.3. Морфофонемотическая трансформаторика.

(а) Морфофонемотическая эквивалентность: варианты морфонемы.

(б) Морфофонемотическая амбивалентность: омофония морфов как результат фонологической нейтрализации.

4. Фонематика.

4.0. Фонема в халха-монгольском.

4.1. Фонематическая структура фонологического слова.

(а) Порождение фонологического слова:
фонологическое слово \Rightarrow слог \Rightarrow фонема.

(б) Распознавание фонологического слова:
фонема \Rightarrow слог \Rightarrow фонологическое слово.

4.2. Фонематическая парадигматика.

(а) Классы фонем.

(б) Оппозиции и релевантные признаки фонем.

4.3. Фонематическая трансформаторика.

(а) Фонематическая эквивалентность: варианты фонемы.

(б) Фонематическая амбивалентность.

5. Гипофонематика.

5.0. Гипофонема в халха-монгольском.

5.1. Гипофонематическая структура гипофонемного слова.

(а) Порождение гипофонемного слова:

гипофонемное слово \Rightarrow гипофонемный слог \Rightarrow гипофонема.

(б) Распознавание гипофонемного слова:

гипофонема \Rightarrow гипофонемный слог \Rightarrow гипофонемное слово.

5.2. Гипофонематическая парадигматика.

(а) Классы гипофонем;

(б) Оппозиции и релевантные признаки гипофонем.

5.3. Гипофонематическая трансформаторика.

(а) Гипофонематическая эквивалентность: варианты гипофонемы.

(б) Гипофонематическая амбивалентность.

6. Аллофонематика.

6.0. Аллофонема в халха-монгольском.

6.1. Аллофонематическая структура аллофонемного слова.

(а) Порождение аллофонемного слова:

аллофонемное слово \Rightarrow аллофонемный слог \Rightarrow аллофонема.

(б) Распознавание аллофонемного слова:

аллофонема \Rightarrow аллофонемный слог \Rightarrow аллофонемное слово.

6.2. Аллофонематическая парадигматика.

(а) Классы аллофонем.

(б) Оппозиции и фонетически релевантные признаки аллофонем.

6.3. Трудности описания соответствий между аллофонемной

транскрипцией и живой речью.

7. Результаты и выводы.

Из предлагаемой схемы для нашего изложения выбраны лишь некоторые фрагменты, представляющие особый общелингвистический интерес. А именно, пункты 0.1 и 0.2 изложены в приложении 1, пункты 0.6, 0.7 и 0.8 — во Введении к монографии, пункт 0.1.2в (конспективно) — в главе 2, разделе 2.12.3.3, пункт 1.3а — в главе 3, пункт 1.3б — в главе 2, разделе 11.0–11.3, пункты 2.0, 2.1а, 2.2а, 2.3а, 2.3б — в главе 2 (*passim*), пункты 3.1, 3.3а и 3.3б — в главе 2, разделы 10.1 — 10.3, а также в главе 4. Пункты 3.3а, 4.4а, 5.3а раскрыты (хотя и конспективно) в главе 4. Пункты 5.0 — 5.3 не затрагиваются вовсе. Думается, что для подробного описания всех аспектов монгольской грамматики, предусмотренных нашей схемой, потребовалось бы в десятки раз больше места. По крайней мере о содержании гипотетического целого предлагается судить по содержанию его созданных частей. Но судить об этих частях приходится на основании их самих, воспринимаемых как отдельные произведения.

ГЛАВА 1

МЕСТО МОРФОЛОГИИ В МОНГОЛЬСКОЙ ГРАММАТИКЕ

1. Уровни представления текста

Каждый уровень представляет собой систему языковых единиц, находящихся друг с другом в определенных закономерных отношениях (а именно, отношениях парадигматических, синтагматических, конститутивных и репрезентативных). Сами уровни выстроены в иерархической последовательности так, что некоторые из единиц «высшего» уровня манифестируются (или «перекодируются» некоторыми из единиц «низшего» уровня. Язык в целом организован как система действующих механизмов, выполняющих различные функции. Среди этих механизмов целесообразно различать парадигматические, синтагматические и сигнификативные. С другой стороны, механизмы всех трех типов могут работать в двух противоположных режимах (направлениях): ретроспективном и проспективном.

Таким образом, возможны шесть видов языковых правил и, соответственно, шесть типов семиотических моделей (систем таких правил).

Парадигматика.

1. Ретроспективные парадигматические правила (правила классификации) позволяют отнести языковую единицу к тому или иному классу единиц, членом которого она является.

2. Проспективные парадигматические правила (правила экземплификации)¹ позволяют для каждого класса задать множество языковых единиц, являющихся членами этого класса.

¹ = репрезентации = конкретизации.

Синтагматика.

3. Ретроспективные синтагматические правила (правила распознавания, или сокращения) позволяют для каждого комплекса языковых единиц (в частности, для каждой «цепочки» единиц) ответить на вопрос, построен ли он по законам данного уровня, и если да, то также определить «интегративную» функцию единиц этого комплекса, т. е. какие единицы более крупного формата («синтагмы») строятся из данных единиц более мелкого формата («компонентов»).

4. Проспективные синтагматические правила (правила порождения, или «конституирования», в частности, правила «экспансии», т. е. «распространения») позволяют описать структуру (конституцию) любой единицы более крупного формата, построив ее (по законам данного уровня) из единиц более мелкого формата (ее составляющих, или «конституэнтов»).

Трансформаторика.

5. Ретроспективные трансформационные правила (правила анализа, или «декодирования») ² позволяют перейти от некоторой более поверхностной единицы (экспонента) ³ ко всем более глубинным единицам («десигнатам») ⁴, манифестируемым ⁵ этой единицей.

6. Проспективные трансформационные правила (правила синтеза, кодирования) ⁶ позволяют перейти от некоторой более глубинной единицы (десигната) ко всем более поверхностным единицам (экспонентам), которыми она манифестируется.

В настоящем очерке упоминаются следующие уровни представления текста: «лексограммемный» (= формально-грамматический = глубинно-морфологический), морфемный («поверхностно-морфологический»), морфонеменный («морфонологический»), фонемный («глубинно-фонологический»), гипофонемный («поверхностно-фонологический») и аллофонематический (= «фонетический»).

Предметом морфонологии является следующее:

- (а) морфонологическая парадигматика,
- (б) морфонологическая синтагматика,
- (в) морфонологическая трансформаторика.

Морфонологическая парадигматика устанавливает парадигматические (в т. ч. оппозитивные) отношения между морфонема-

² В том числе правила «слушания», «чтения», «восприятия», «понимания», «толкования», «интерпретации».

³ Или «манифестанта», в том числе «означающего» или «формы».

⁴ Т. е. «содержания», в том числе «сигнификатам», «означаемым» или «значениям».

⁵ Т. е. «экспонируемым», «оформляемым», в том числе «обозначаемым», «выражаемым», «символизируемым».

⁶ В том числе правила «оформления», «говорения», «письма», «выражения», «формулировки», «номинации», «свертки».

ми и объединяет морфемы в морфемные классы на основе абстракции отождествления.

В настоящем кратком варианте нашего очерка проблемы морфонологической парадигматики затрагиваются лишь в небольшой степени по ходу изложения вопросов морфонологической синтагматики и трансформаторики.

Морфонологическая синтагматика включает правила построения морфонологической фразы — из морфонологических синтагм, морфонологических синтагм — из акцентных слов, акцентных слов — из морфем (точнее, из алломорфем), алломорфем — из морфем. Морфонологическая синтагматика современного монгольского языка описана во 2-й главе настоящей работы. Описание построено в проспективном режиме, т. е. может рассматриваться как своего рода порождение (исчисление) правильных морфонологических структур.

Морфемная трансформаторика включает правила установления соответствия между морфемным и фонемным представлениями.

Ретроспективная морфемная трансформаторика (морфемный анализ) устанавливает правила перехода от фонем к морфемам. Проспективная морфемная трансформаторика (морфемный синтез) устанавливает правила перехода от морфем к фонемам.

В 3-й главе настоящей работы содержится описание современной монгольской морфемной трансформаторики в синтетическом режиме, т. е. правил морфонологического синтеза.

2.3. При изложении морфонологической проблематики приходится на каждом шагу оперировать морфологическими и фонологическими понятиями, полное описание которых возможно лишь за рамками морфонологии (а именно в морфологии и в фонологии). Хотя морфонологическое описание логически независимо от морфологического и фонологического описаний, однако для удобства читателя желательно пояснить, каковы исходные данные и каков конечный результат действия правил морфонологического синтеза.

2.4. Так как используемый концептуальный аппарат применяется в частной лингвистике, то небесполезно здесь же дать краткие сведения о монгольском языке. Однако в настоящей работе этого не сделано, ибо все необходимые сведения читатель может почерпнуть из работы [Санжеев & Тодаева 1993] и указанной там литературы. В Приложении 1 дан список основной литературы по монголистике, которая может оказаться полезной при наведении разнообразных справок. Однако он не совпадает со

списком использованной литературы в конце работы, а лишь отчасти пересекается с ним.

2. Гипофонемика монгольского языка

Гипофонемный состав монгольского языка описан в работах Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Поппе (1951), В. М. Наделяева и Ш. Лувсанвандана в традициях щербианской фонологии, т. е. под названием «фонема» имеется в виду психологически естественный «звукотип» (хотя и несколько различающийся у разных монголистов или в русле дескриптивизма (Дж. Стрит, Н. Н. Поппе (1970), где несколько дальше проведен принцип дополнительного распределения при объединении вариантов: так, все гармонически обусловленные варианты кратких гласных считаются вариантами одной фонемы и т. п.

В связи с этим в центре нашего обсуждения будет стоять лишь один вопрос, а именно, каковы пределы аллофонемного варьирования каждой гипофонемы, т. е. какие модификации претерпевают гипофонемы в тех или иных фонетических позициях. Для решения этого вопроса следовало бы исчислить все нестандартные соотношения между гипофонемами и аллофонемами (или, что то же самое, между гипофонемными и аллофонемными единицами, будь то единицы сегментные или просодические).

На первый взгляд данная проблематика не имеет отношения к морфонологии. Однако все же некоторый смысл в нашем обсуждении есть.

Дело в том, что даже среди гипофонемных модификаций, как это ни странно, есть и такие, которые некоторыми авторами трактуются как чередования фонем и, соответственно, зачисляются в ведомство морфонологии.

Так, большинство монголистов, работающих в русле ЛФШ, т. е. щербианской фонологии (Б. Я. Владимирцов, ранний Н. Н. Поппе, В. М. Наделяев, Ш. Лувсанвандан), в отличие от работавших в русле американского дескриптивизма монголистов «сиэттловской» школы (Дж. Стрита и позднего Н. Н. Поппе), трактуют сингармонистически обусловленные варианты краткого редуцированного гласного как разные фонемы (в смысле ЛФШ), а не как варианты одной фонемы.

Более того, в работах новосибирского монголиста В. И. Золхова, эксплицитно декларирующего свое следование фонологическим традициям Л. В. Щербы, в качестве разных фонем трактуют-

ся не только гармонические варианты гласного, но даже глухой и звонкий варианты согласного!

В его транскрипции, напр., трактуются как разные фонемы [d] и [t], но при этом к фонеме \t\ причисляется, в частности, глухая модификация фонемы |d| на конце слова. Создается впечатление полной аналогии между монгольским и русским языками. Между тем аналогия здесь если и есть, то чисто фонетическая, но никак не фонологическая. Ведь в монгольском языке дистинктивной является оппозиция по напряженности–ненапряженности, а не по глухости–звонкости. У ненапряженных согласных глухость–звонкость представляет собой контекстно обусловленный признак. В частности, на конце слова они действительно оглушаются (см. правило оглушения в разделе об аллофонемных чередованиях), однако при этом не происходит нейтрализации никаких оппозиций. Конечно, может встать вопрос: не являются ли глухие конечные [t], [ʃ] и [k] вариантами напряженных согласных фонем? Но ответ на него будет одним и тем же с точки зрения любых фонологических школ: они не являются вариантами напряженных, так как не являются напряженными. Не исключено, правда, что в трактовке глухости–звонкости В. И. Золхоев следует не столько за фонологической традицией, сколько за традицией т. н. «практической транскрипции», применяемой иногда в учебниках монгольского языка для русских (напр., Поппе 1931: 19–20; Санжеев 1952: 7). С точки зрения учебных целей в такой транскрипции, может быть, действительно оправдано употребление кириллических букв *т*, *к*, *п*, однако надо при этом помнить, что:

во-первых, за этими символами стоят единицы чисто фонетические, а не фонологические;

во-вторых, для передачи различия между напряженными и ненапряженными следовало бы использовать специальные (возможно, диакритические) символы, как это сделано в [Поппе 1931: 19–20], в отличие от [Золхоев 1980], где и напряженные, и ненапряженные обозначены кириллическими «глухими» буквами;

в-третьих, для теоретической описательной фонологии некоторого языка могут оказаться неуместными те средства транскрибирования, которые были уместны в практическом пособии по данному языку для иностранцев (напр., в практических разговорниках нередко используется предельно упрощенная запись словоформ, иногда вплоть до омографии паронимов!), но это не повод для того, чтобы такие упрощения вносить в фонологическую транскрипцию.

Может быть, и существуют такие диалекты монгольского, где на конце слова напряженные и ненапряженные нейтрализованы,

и в этом случае применительно к таким диалектом изложенные критические замечания по адресу В. И. Золхоева окажутся неуместными. Однако пока все известные автору источники говорят скорее об обратном. А значит, приводимые В. И. Золхоевым примеры не относятся к чередованиям «фонем» (в любом, даже довольно широком смысле слова «фонема»).

На аллофонемном уровне (соответствующем «категориально-фонетическому» [Кодзасов 1986, с. 7], или уровню «системной фонетики» [Кодзасов & Кривнова 1981, с. 5]) текст представлен как комплекс (или, в простейшем случае, цепочка) «аллофонем» [Маслов 1987, с. 48]. Каноническое отношение между гипофонемным и аллофонемным уровнями представления — их тождество, неканоническое соответствие задается правилами гипофонемной трансформаторики.

К числу гипофонемных модификаций (т. е. чередований нескольких аллофонем внутри одной гипофонемы) принадлежат следующие модификации.

Сегментная гипофонемика

К числу сегментных гипофонем монгольского языка относятся /a/, /b/, /c/, /č/, /d/, /e/, /f/, /g/, /i/, /k/, /l/, /m/, /n/, /ŋ/, /N/, /ɔ/, /ə/, /p/, /r/, /s/, /t/, /u/, /y/, /w/, /x/, /y/, /z/, /ʒ/.

Консонантизм

К числу согласных гипофонем монгольского языка относятся /b/, /c/, /č/, /d/, /f/, /g/, /k/, /l/, /m/, /n/, /ŋ/, /p/, /r/, /s/, /t/, /w/, /x/, /y/, /z/, /ʒ/.

3. Собственно фонемика. Особенности используемой фонологической транскрипции

На выходе модели морфонологического синтеза — цепочка фонем. В соответствии с традициями Пражской школы фонема понимается как пучок релевантных фонологических признаков.

При этом (в соответствии с терминологией Р. И. Аванесова) различаются сильные и слабые фонемы.

«Слабая» фонема — это приблизительно то же, что «архифонема» Н. С. Трубецкого, т. е. пучок релевантных фонологических

признаков, реализующийся в тех позициях, где невозможно различение максимального числа фонем.

Слабые фонемы бывают разных степеней «слабости» в зависимости от того, сколько признаков теряют в этой позиции дифференциальную функцию, т. е. сколько оппозиций нейтрализуются.

«Сильная» фонема — это фонема в «сильной» позиции, т. е. в такой позиции, где возможно различение максимального числа фонем, в позиции максимальной противопоставленности.

Если трактовать сингармонизм как фонологический процесс уподобления непервых слогов первому⁷, то позиция первого слога является «сильной» (т. к. в ней гласные противопоставлены по максимальному количеству признаков), а позиция непервого слога — слабой (т. к. возможности различения здесь невелики).

1.3. Вкратце фонологическую систему современного халха-монгольского языка (далее — халха-монгольского языка) можно охарактеризовать так. Различается 18 согласных фонем, 7 сильных гласных, 3 слабые гласные и 3 сверхслабые гласные, 3 границы и 1 эмфаза.

Согласные.

Смычные: |p|, |t|, |k|, |b|, |d|, |g|.

Аффрикаты: |c|, |ʒ|, |č|, |ǰ|.

Фрикативные: |f|, |s|, |x|, |š|, |v|, |j|.

Сонорные: |m|, |n|, |ŋ|, |N|, |l|, |r|.

Согласные |f| и |k| встречаются лишь в чужеродных словах, т. е. свидетельствуют о неосвоенности данного слова (заимствования); в ряде диалектов процесс адаптации заимствований настолько силен, что |f| и |k| в составе русских заимствований не сохраняются и передаются «освоенными» фонемами халха-монгольского языка: |k|, |x| или |g|. Ср. рус. кино = халха-монгольское |xɪ:nəə|, трактор = |tarəgtər| и т. п.

В парах |p:b|, |t:d|, |k:g| и т. п. первый член пары — напряженный, второй — ненапряженный. Различие по глухости—звонкости в халха-монгольском языке не является фонологическим: напряженные фонемы всегда глухие, а ненапряженные имеют глухой или звонкий аллофон (позиционно распределенные). Различие по напряженности не снимается ни в какой позиции, поэтому оно всюду сохраняется в фонемной записи⁸.

⁷ Для простоты отвлекаемся от слов с чужеродными корнями, а также от клитик, для которых система гласных описывается несколько иначе.

⁸ В отличие от [Золхоев 1980], где глухие ненапряженные записываются так же, как и глухие напряженные, русскими буквами *п, т, к, ф, и*, т. о., в транскрипции возникает нейтрализация, которой не было в произношении.

В принципе допустима трактовка [j] не как самостоятельной фонемы, а как аллофона гласной фонемы [i], но установление их относительной дистрибуции связано с рядом сложностей, которых мы не касаемся.

Символом [N] обозначается носовая язычная архифонема (слабая фонема), выступающая в позиции конца акцентного слова, где нейтрализовано различие между [n] и [ŋ]. В фонетической транскрипции фонема [N] передается символом [ŋ], а в халха-монгольской орфографии — буквой *н*.

Фонема [j] передается в халха-монгольской орфографии по-разному, в зависимости от того, какая гласная следует за ней: т. е. так же, как и в русской орфографии, [ja] пишется *я*, [jω] пишется *ю* и т. п.

В остальном консонантизм халха-монгольского языка весьма точно передается современной халха-монгольской орфографией. Для читателя, незнакомого с халха-монгольской орфографией, добавим, что *ж* = [ʒ] (аффриката, ненапряженный коррелят напряженного [ʃ]), *з* = [z] (аффриката) и что *г* = [g] в интервокальной позиции реализуется фрикативным аллофоном [ɣ].

Гласные. Вокализм начальной моры

Гласные бывают сильные и слабые. Сильные гласные фонемы выступают в первом слоге (точнее, в вершине первого слога). Слабые гласные выступают во всех остальных позициях (т. е. в «слабых» позициях).

При описании вокализма есть определенный резон в том, чтобы использовать нетрадиционную для общей фонетики, но традиционную для монгольской лингвистической традиции терминологию⁹ (а именно, говорится о противопоставлении между т. н. «мужскими», «женскими» и «нейтральными» гласными). Точная фонетическая интерпретация этих терминов составляет весьма сложную проблему для теоретической фонетики современного монгольского языка. Во всяком случае, традиционная для европейской монголистики трактовка данного противопоставления как противопоставления по ряду либо просто неверна (если «ряд» понимать в традиционном смысле, как в общей фоне-

⁹ Восходящую еще к работам Сажа Пандита Гунгажалцана 1243 г. и Пагва-ламы Лолойжалцана 1269 г., известным по комментариям Чойжи-Одсэра 1308, 1311 г., дошедшим до нас в пересказе равжамба Данзандагвы около 1727 г.

тике), либо требует радикального пересмотра того содержания, которое вкладывается в термин «ряд». В любом случае эта терминология сбивает с толку. В. М. Надеяев и И. Д. Бураев сохраняют термин «ряд», но при этом предпочитают говорить не о «переднем» и «заднем» ряде, а о «мягком» и «твердом». Эти термины действительно лучше, но от термина «ряд» предпочтительно отказаться и в этом случае. Скорее уж можно было бы ввести для данного противопоставления термин «консистенция», чтобы не вызывать ложных ассоциаций. В таком случае можно было бы говорить о противопоставлении «твердой» и «мягкой» консистенции.

Ш. Лувсанвандан считает оптимальными терминами для данного противопоставления либо традиционное для монгольской лингвистической традиции обозначение «мужские слова» (и «мужские гласные») vs. «женские слова» (соотв. «женские гласные»), либо принятую у фонетистов дихотомию «напряженные звуки» («мужские») vs. «ненапряженные» («женские»).

Недавние исследования Я.-У. Свантессона¹⁰ показали, что фонологическое противопоставление, которое в традиционной монголистике описывается как противопоставление по ряду («задний–незадний» или, хуже того, «задний–передний»), в действительности артикуляторно и акустически не имеет отношения к ряду, по крайней мере в современном состоянии монгольского языка (хотя раньше, может быть, действительно было противопоставлением по ряду).

Сам Свантессон предпочитает здесь говорить о противопоставлении по фарингальности, но использует этот термин не вполне корректно, как это явствует из приводимых им же сонограмм.

По-видимому, противопоставление, которое традиционно трактовалось как оппозиция по ряду, на самом деле скорее представляет собой оппозицию по подъему, тогда как традиционное понятие подъема скорее должно трактоваться как оппозиция по раствору.

Что же касается признака ряда, то он фактически представляет собой контекстно предсказуемый признак отдельных аллофонов, а не оппозитивный признак.

Сильные гласные:

[i] мягкая консистенция, неогубленность, верхний подъем.

[u] мягкая консистенция, огубленность, верхний подъем.

[ω] твердая консистенция, огубленность, верхний подъем.

¹⁰ Svantesson 1985, p. 283, 327.

|e| мягкая консистенция, неогубленность, средний подъем.

|ɔ| мягкая консистенция, огубленность, средний подъем.

|a| твердая консистенция, нижний подъем.

Вокализм неначальной моры.

Слабые гласные:

|ɪ|: неогубленность, верхний подъем.

|u|: огубленность, верхний подъем.

|ə|: неверхний подъем.

Слабая фонема |ə| выступает в качестве архифонемы для нейтрализующегося противопоставления по огубленности и консистенции (среди неверхних фонем). Слабая фонема |u| выступает в качестве архифонемы для нейтрализующегося противопоставления по ряду (среди верхних огубленных фонем). Слабая фонема |ɪ| отличается от сильной фонемы |i| тем, что признак заднего ряда у нее не является дифференциальным, и, т. о., она входит в меньшее число оппозиций, чем сильная фонема |i|, имеет иную фонологическую (дифференциальную) значимость. Фонологическая транскрипция слабого вокализма существенно отличается от халха-монгольской орфографии. А именно, в фонемной записи снимаются различия между гармоническими вариантами фонем |ə| и |u|, а орфография их различает. Т. о., вопреки принципу дополнительной дистрибуции, орфография ориентирована на аллофоны, т. е. следует скорее принципу фонетическому. Ср., напр., написания:

Фонологическая транскрипция	Орфография	Перевод
ədər	əдэр	'день'
əldəxə	одох	'найтись'
unər	үнэр	'запах'

Экскурс. Можно было бы выделять также сверхслабые гласные, но это связано с некоторыми практическими неудобствами, поэтому в настоящей работе эта проблема рассматривается лишь бегло.

Сверхслабые гласные.

|ɤ|: неогубленность.

|ɤ̃|: не «неогубленность и верхний подъем».

|ɤ̃|: верхний подъем.

Сверхслабая фонема |ɤ̃| выступает в позиции нейтрализации различия между слабыми фонемами |ə| и |ɪ|, сверхслабая фонема |ɤ̃̄| — в позиции нейтрализации различия между слабыми фонемами |ə| и |u|, сверхслабая фонема |ɤ̃̄| в позиции нейтрализации различия между слабыми фонемами |u| и |ɪ|. Однако вы-

деление «сверхслабых» позиций создает дополнительные трудности, поэтому в дальнейшем изложении мы оставим эту проблему в стороне.

Дифтонги и трифтонги в фонологической транскрипции передаются не отдельными символами, а сочетаниями символов, т. е. трактуются как сочетания фонем. А именно, в первом слоге:

орфографическое *я* транскрибируется как |*ia*| (ср. *мянга*(*н*) |*miaŋə*| 'тысяча'),

орф. *иа* как |*iaə*| (ср. *хиа* = |*xiaə*| 'адъютант'),

орф. *уа* как |*uaə*| или |*ua*| (ср. *гуа* |*guaə*| 'красивый', *гуанз* |*guanʒə*| 'ресторан'),

орф. *уай* как |*uai*| (ср. *гуай* |*guae*| 'господин'),

орф. *ай* как |*ai*| (ср. *байна* |*baɪnə*| 'есть, имеется'),

орф. *ой* как |*ɔi*| (ср. *ой* |*ɔi*| 'лес'),

орф. *уй* как |*ɔi*| (ср. |*gɔi-xə*| 'просить'),

орф. *үй* как |*ui*| (ср. |*gui*| 'не', |*ui-xə*| 'плести').

Долгие гласные в фонологической транскрипции также передаются сочетаниями фонем. А именно, в первом слоге:

орф. *аа* транскрибируется как |*aə*| (ср. *хаа* |*xaə*| 'где?'),

орф. *оо* как |*ɔə*| (ср. *тоо* |*tɔə*| 'число'),

орф. *өө* как |*ɵə*| (ср. *өөр* = |*ɵrgə*| 'другой'),

орф. *ээ* и *эй* как |*eə*| (ср. *дээд* = |*dəəd*| 'верхний'),

орф. *ий* после дентальных однофокусных как |*eɪ*| (ср. *тийм* = |*teɪm*| 'такой'),

орф. *ий* после прочих согласных как |*iɪ*| (ср. *жийх* = |*ʒɪpləxə*| 'вытягивать, протягивать'),

орф. *уу* как |*ɔu*| (ср. *уул* |*ɔul*| 'этот самый'),

орф. *үү* как |*uu*| (ср. *дүү* |*duu*| 'младший брат').

В непервых слогах:

орф. *иа* транскрибируется как |*iəə*| (ср. *бариад* |*bari-əəd*| 'взять'),

орф. *ио* тоже как |*iəə*| (ср. *болиод* |*bɔliəəd*| 'прекратив'),

орф. *иу* как |*iuu*| (ср. *халиу* |*xaliuu*| 'бобёр'),

орф. *ай*, *ой* транскрибируется как |*ɔi*| (ср. *нохой* = |*nɔxəi*| 'собака', *далай* = |*daləi*| 'океан'),

орф. *уй* и *үй* транскрибируется как |*ui*| (ср. *харанхуй* = |*xarəNxiu*| 'темный'),

орф. *ы* и *ий* также транскрибируется как |*ui*| (ср. *ханыг* = |*xanə-ɯɪg*| 'стену', |*ɵduɪ*| 'еще не'), если предшествующая согласная произносится непалатализованно; в противном случае *ий* транскрибируется как |*iɪ*| (ср. *ханийг* |*xaniɪg*| 'друга'),

орф. *ээ*, *эй* и *өө* как |*ɵə*| (ср. *хүлээх* = |*xuləxə*| 'ждать', *хэрэгтэй* = |*xerəgtəɪ*| 'нужно', *өглөө* = |*ɵgləɪ*| 'утро').

Границы

Различаются 3 границы: |#|, |#,#| и |#.#|. Граница |#| (звучит как слабая пауза или замедление) отделяет акцентные слова друг от друга. Граница |#,#| (слабая пауза, замедление и обычно повышение тона) отделяет друг от друга синтагмы, она же стоит в конце вопросительных предложений. Граница |#.#| (звучит как сильное замедление и постепенное падение тона) отделяет друг от друга целые предложения, она ставится в конце повествовательных предложений.

Эмфаза.

Эмфаза |#!| (звучит как сильное динамическое и количественное выделение последнего слога акцентного слова) ставится в конце восклицательных (в т. ч. эмфатических вопросительных) предложений, а также маркирует ритмически выделенный член предложения.

В фонологической записи ставится после выделяемого слова, но перед символом границы, ср.:

Энэ их үнэтэй юмаа! |##| энэ # жіхэ # унэтэь # жіштээ #! #. #| 'Это очень дорого!'

Особо сложную проблему для фонологического транскрибирования составляет редукция слабых гласных (в частности, их реализация в виде нулевого аллофона (в случаях синкопы или апокопы). Окончательного решения этой проблемы в нашем очерке не предлагается.

Данные грамматик на этот счет несколько расходятся. В работе [Владимирцов 1929: 231, 336] отмечаются «отпадения и выпадения гласных». В [Поппе 1931: 10] говорится, что краткие гласные непервых слогов «часто исчезают». В [Тодаева 1951: 21, 24] правила огласовки словоформы сформулированы довольно подробно, однако лишь применительно к орфографическому а не фонетическому) облику халха-монгольского языка, в [Санжеев 1960: 12] вслед за [Поппе 1931] повторяется утверждение, что «во многих случаях... редуцированные гласные артикулируются столь слабо, что они при этом вообще исчезают».

В [Bosson 1964: 18—19] приведено лишь правило орфографии (вслед за Тодаевой). Вопрос о том, отличается ли произношение конечных (или предконсонантных) согласных от произношения этих же согласных в позиции перед апокопой (соотв. перед синкопой), в этих работах специально не обсуждается. В [Поппе 1931: 31, 43, 45, 52; Порре 1951: 60, 85] дается формулировка морфонологического правила выбора аффиксальных вариантов *-д/-т, -ч/-ж, -чээ/-жээ*. А именно утверждается, что показатели *-д, -ж, -жээ*

употребляются после основ на гласную (а также на некоторые сонорные: *л, м, н*), а показатели *-т, -ч, -чээ* — после основ на согласные. При этом остается неясным, можно ли отличить на слух согласный перед концом от согласного перед апокопой. Судя по транскрипции примеров в [Поппе 1931] и [Поппе 1951], такое различие везде налицо, т. е. позиций нейтрализации вовсе нет. Но это противоречит утверждению автора о том, что гласные первых слогов «часто исчезают».

Факт различения предконечного согласного и согласного перед апокопой (и синкопой) в живом современном произношении отмечен в работе С. Галсана¹¹. К сожалению, там приводятся только факты, касающиеся фонем *|g|* и *|b|* (в аллофонической транскрипции Галсана речь идет о «звуке В»), для этих согласных позиция перед концом и перед согласной фонемой характеризуется «оглушением». Остается, однако, открытым вопрос о том, возможна ли апокопа и синкопа после сонорных *|l|, |m|, |r|*, а также фрикативного сибиланта *|s|*, а если возможна, то приводит ли она к фонологической нейтрализации различия между согласным и сочетанием «согласный + синкопированный краткий гласный».

Дж. Стрит считает, что «после */в р г л м н с/* имеет место отчетливое противопоставление присутствия */V/* его отсутствию»¹², но минимальных оппозитивных пар не приводит. Проблема наличия / отсутствия позиций нейтрализации указанного противопоставления Стритом не затрагивается.

Опрос носителей монгольского языка показывает, что в речи некоторых из них данная оппозиция нейтрализована. Возможно, существующая орфография отражает именно те диалекты, где указанное различие не выражено.

В общих чертах принимаемый принцип транскрибирования можно сформулировать следующим образом:

(а). От фонетики к фонологии.

Перед */C/* или *##/*:

№ 1. После согласных *|t|, |c|, |ʒ|, |j|, |x|*: независимо от того, что реально произносится (*[ə]*, *[i]* или ничто), в фонемной записи пишется *|ə|*.

№ 2. После согласных *|b|, |v|, |g|, |d|, |l|, |m|, |n|, |r|, |s|*:

если реально произносится гласная (это бывает *[ə]* или *[i]*), то она фиксируется в фонемной записи (соотв. в виде *|ə|* или *|i|*),

если реально не произносится ничто, то:

а) если данная гласная реализуется палатализованным аллофоном (что бывает с фонемами *|b|, |d|, |l|, |m|, |n|, |r|*, то после нее

¹¹ [Галсан 1968: 58—59].

¹² [Street 1963: 71].

фиксируется фонема |l| (реализуемая фонетически как «мягкость предшествующего сегмента»),

б) если данная согласная реализуется непалатализованным аллофоном и при этом в позиции непосредственно после нее имеет место свободное варьирование звуков [ə] и нуля (т. е. факультативная синкопа или апокопа), то в фонемной записи на этом месте фиксируется фонема |ə|,

в) в остальных случаях на этом месте не фиксируется никакой гласной фонемы.

Приведенные правила не всегда позволяют дать однозначное фонологическое решение при анализе фонетического представления конкретного речевого отрезка. По-видимому, в ряде случаев имеет место нейтрализация (неразличение фонемы |ə| и фонологического нуля). В этом случае фонемная запись должна была бы содержать в соответствующей слабой позиции особую архифонему — |∅|. Дело, однако, осложняется тем, что не вполне ясно, каковы эти слабые позиции¹³.

Практически для определения того, является ли данный фонетический нуль (в позиции конца слова или в позиции перед согласным) аллофоном фонемы |ə| или не является, полезна другая формулировка правила «2б» (другой тест), апеллирующая непосредственно к наблюдаемым фонетическим характеристикам данного отрезка.

А именно (назовем это правилом № 3):

№ 3. Если реально не произносится ничего, но предшествующая согласная реализуется глухим аллофоном (это бывает с фонемами |b|, |g|, |d|), то в фонемной записи не фиксируется никакой гласной фонемы.

Не вполне ясна ситуация с согласными |l|, |m|, |n|, |r|, |s|: возможно, что фонетический нуль после них реализует архифонему |∅|. Тогда на основании фонетических данных нельзя точно сказать, является ли фонетический нуль (т. е. незаполненная позиция перед концом слова или перед последующей согласной) аллофоном фонемы |ə| или не является. В любом случае проблема фонологического статуса апокопированных и синкопированных гласных требует более тщательного экспериментального исследования в полевых условиях, с опросом значительного числа информантов.

Практически в нашем очерке мы будем исходить из того, что наиболее адекватными являются транскрипционные записи Н. Н. Поппе, Дж. Стрита и Ш. Лувсанвандана. Согласно этим записям, фонологической нейтрализации апокопированного глас-

¹³ Ср. некоторые закономерности редукции, отмечаемые в [Street 1963: 70, 72].

ного с нулем (т. е. нейтрализации открытого и закрытого слога) не происходит, по крайней мере в отчетливом произношении.

Особую проблему фонологического описания составляет противопоставление палатализованных и непалатализованных звуков¹⁴. В данном очерке предлагается все палатализованные звуки трактовать как аллофоны непалатализованных (точнее, нейтральных по палатализованности) согласных фонем, выступающие в позициях перед гласными [i], [i]. Там же, где палатализация выступает не перед звуком [i], она считается «следом» апокопированной (или синкопированной) фонемы [i].

Более того, вопреки традиции предлагается считать наблюдаемым «следом» опущенной (или реальной) фонемы [i] также фонологический дифференциальный признак «наличие второго фокуса», лежащий в основе противопоставления звуков [ʃ] и [s], [çI] и [ç], [ʒ] и [ʒ].

Таким образом, в фонемной записи все так называемые «шипящие» звуки выступают не как отдельные фонемы, а как сочетания «свистящих» звуков с гласной фонемой [i]. Это решение может показаться рискованным по ряду причин: оно не соответствует фонетической сущности шипящих, противоречит правилам халха-монгольской орфографии и не облегчает формулировку морфонологических правил. Заметим, однако, что все три аргумента против бифонемной трактовки шипящих носят экстрафонологический характер. Кроме того, осложнение фонетических правил позволяет сильно упростить систему фонологических правил, точнее: в данном случае осложнение правил фонологической трансформаторики (т. е. «аллофонического варьирования») сильно упрощает систему правил сочетаемости фонем (фонологической синтагматики) и систему правил формирования фонемных оппозиций (фонологической парадигматики). Что касается правил орфографии, то их усложнение отражает тот объективный факт, что они ориентированы не только на фонологический уровень, но отчасти также на фонетический. Что касается правил морфонологии, то при бифонемной трактовке шипящих звуков они не только не усложняются, но в некоторых аспектах даже, наоборот, упрощаются, так как оказывается возможным вынести ряд правил морфофонемной трансформаторики за ее пределы, в фонологическую трансформаторику, а также упростить ряд правил морфонологической синтагматики и морфонологической парадигматики, спроецировав на морфонологический уровень все те упрощения фонологической

¹⁴ Проблема фонологической трактовки палатализованных подробно рассматривается в работе [Санжеев 1982].

синтагматики и фонологической парадигматики, которые были достигнуты благодаря принятию бифонемной трактовки.

1.4. Прежде чем приступить к изложению правил морфонологической трансформаторики (см. ниже, глава 2), вкратце рассмотрим те черты морфонологической записи текста, которые обусловлены не закономерностями морфонологической синтагматики или морфонологической парадигматики, а правилами морфологической трансформаторики (и, стало быть, подлежат ведению морфологии).

Морфологическая трансформаторика подразделяется на два этапа: это лексограммемная трансформаторика и морфемная трансформаторика. Оба эти раздела не относятся к морфологии в строгом смысле слова, но для лучшего понимания тех данных, которые поступают на вход модели морфологического синтеза (а заодно и тех, которые могли бы получаться на выходе модели морфонологического анализа), желательнее вкратце очертить их содержание.

4. О лексограммемной трансформаторике

Правила лексограммемной трансформаторики позволяют перейти от текста, записанного в терминах лексем и граммем, к тексту, записанному в терминах морфем.

Так как халха-монгольский язык относится к числу типичных агглютинативных языков, то в нормальных случаях лексограммемная трансформаторика является вырожденной, т. е. осуществляет изоморфные преобразования. Таким образом, нетривиальную ее часть составляют «ненормальные» соответствия между лексемами и морфемами, а также между граммемами и морфемами. Фактически такие правила суть правила супплетивной манифестации.

Правила современной монгольской морфематики описаны в ряде работ. Наиболее полный свод таких правил содержится в [Street 1963: 21, 36]. Однако Стрит трактует многие из этих правил как «морфографемные» (а не как алломорфические), хотя большая часть этих правил фактически описывает чередование целых значимых отрезков (морфов), а не фонем или графем (как полагает Дж. Стрит). То, что в настоящем очерке формулируется в разделе морфематики («от морфемы — к ее алломорфам») (ср. морфемные правила 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14), у Дж. Стрита формулируется попеременно с морфонологическими (точнее, морфографематическими) правилами в разделе, посвященном прави-

лам «взаимного приспособления» звуков (т. е. комбинаторным чередованиям морфем), что существенно искажает алломорфическую природу этих правил.

Другое отличие предлагаемого описания от модели Дж. Стрита состоит в том, что модель Дж. Стрита ориентируется на орфографическую форму халха-монгольского языка и содержит ряд правил, которые представляют собой «правила правописания».

В настоящем очерке моделируется переход от морфонологического уровня представления к фонологическому, а не к орфографическому. В результате морфонологическая запись во многом отличается от «морфографемной» записи Дж. Стрита. Так, в ней не проводится различие между формантами, пишущимися вместе, и формантами, пишущимися отдельно, отсутствуют многие правила (ср. у Стрита правила, определяющие соотношение *и* и *ь*¹⁵) и т. п.

5. Каноническое выражение грамем в современном халха-монгольском языке

Классификация морфем может быть основана на некоторой функциональной классификации выражаемых ими грамем. Такая классификация представима в виде следующей таблицы:

	[монг. термины]: нөхцөл (н.) = 'формант, маркер, показатель'	Функция S: синтагматическая (что завершают), или P: парадигматическая (что выражают)	S: тип синтагм √ P: грамма G категории K	(аббр.)	Маркер	орфогр. (осн. вид)	орфогр. (варианты)
I.	үгэлбэрийн (ү.) н.	S: фразу (предложение √ группу)	фразовые				
IA.	үгэлбэрийн (ү.) н.	S: предложение:	сентенциальные	'Sent'			
IA1.	асуух (а.) ү.н.	SP: вопросительное	вопросительные				
IA1a.	ялган а. ү.н.	SPG: 'диктальный вопрос'	квестив	'Quest'	{+bəi?}	вэ?	бэ?

¹⁵ Эти графемы выступают как дополнительно распределенные графические варианты одной морфографемы.

5. Каноническое выражение граммем в современном халха-монгольском языке

1A16.	ерөнхий а. ү.н.	SPG: 'модаль- ный вопрос'	интерро- гатив	'Interrog'	{=uu}	уу?/юу?	
1A2.	онцлох (о.) ү.н.		выдели- тельные:				
1A2a.	батлан о. ү.н.		утверди- тельные:				
		'усиление'	эмфаза	'Emph'	{=ээ!}	аа!, -(э)аа!	(э)ээ!, (э)оо!, (э)өө!
		'уверенность'	цертив	'Cert'	{=siuu}	шуу	шуу
1A2б.		эпистемиче- скую модаль- ность:					
	магадлан о. ү.н.	'вероятность' ('разумеется')	перспек- тив	'Perspic'	{=дээ}	даа	дээ, доо, дөө
	ү. барагцаа- лах (б.) о. н.	'предположе- ние'	гипоте- тические				
	ү. тааварлан б.о.н.	'догадка' ('пожалуй', 'наверно', 'вероятно', 'видимо')	пробаби- литатив	'Probab'	{+bizэ}	биз	
	ү. төсөөлон б.о.н.	'правдоподобие' ('вроде', 'как будто', 'кажется')	симуля- тив	'Simul'	{+sig}	шиг /шив	
1Б.		S: член пред- ложения (син- тагму, группу)	синтаг- матиче- ские (группо- вые)				
	салган о.н.	SPG: 'противопо- ставление', 'же'	контра- стив	'Contrast'	{=l}	л	
	зэрэгцүүлэн о.н.	SPG: 'объедине- ние', 'и', 'так- же', 'же', 'даже'	консоциа- тив	'Consoc'	{=c1}	ч	
2.	үгийн н.	S: словоформу	Слово- измени- тельные				
2А.	үйлийн н.	SP: глагольную PK: репрезен- тация	Конъюга- ционные = гла- гольные				
2А1.		SPG: главное сказуемое PG: 'финитность' ¹⁶	Пре- катив- ные	Praed			

¹⁶ Финитность понимается как граммема в смысле [Мельчук 1998: 256—263]; соответствующая грамматическая категория называется репрезентацией вслед за А. И. Смирницким.

	РК: төлөв (т.)	РК: наклонение	РК: наклонение				
2A1a.	РКГ: *дам төлөв	РГ: косвенные наклонения	Модальные				
2A1a1.	РКГ: биед хамаатуулах (б. х.) н. РКГ: *дам төлөв	РКГ: связанные с лицами РКГ: субъективную модальность:	Субъективные модальные				
2A1a1a.	ү. нэгдүгээр биед (1. б.) х. н.	РГ: связанные с I л.	дезидеративные	Desid'			
	РГ: ү. 1. б. шийдэж х. н. // *хүсэх т.	'намерение, самопобуждение' (букв. 'решительность' или *'желание')	волюнтарив	'Vol'	{=jəə}	-(b)я	-(b)я -(b)е -(b)ё
2A1a1b.	ү. хоёрдугаар биед (2. б.) х. н.	РГ: связанные со II л.: 'побуждение'	прескриптивные	Prescr'			
	ү. 2. б. шууд захиран х. н. // *захиран тушаах т. // **захирах хүсэх т.	'приказ, распоряжение' (букв. 'прямая команда' // *'командное распоряжение // **административное пожелание')	(простой) императив (и.)	'Imper'	{∅}	-∅	
	ү. 2. б. захиран х. н.	'усиленное побуждение'	прекатив = эмфатический и.		{∅=əə!}	-(z)aa!	-(z)ээ! -(z)оо! -(z)өө!
	ү. 2. б. шаардан х. н.	'требование, понукание'	фестиватив ¹⁷	'Fest'	{∅=əə=ci!}	-(z)aaч! -(z)ооч! -(z)өөч!	
	гуйн хүсэх т.	'вежливая просьба'	рогатив	'Rog'	{∅=əə=ta!}	-(z)aaт! -(z)ээт! -(z)оот! -(z)өөт!	
	ү. 2. б. зүвшин х. н.	'вежливый совет или просьба' (букв. 'рекомендация')	рекомендатив ¹⁸	'Recom'	{=əərai!}	-(z)aa-рай!	-(z)ээ-рэй! -(z)оо-рой! -(z)өө-рэй!

¹⁷ Традиционное название — прекатив.¹⁸ Традиционное название — прескриптив.

5. Каноническое выражение граммем в современном халха-монгольском языке

	ү. 2. б. хүндэтгэж захиран х. н. // хүндэтгэн тушаах т.	'вежливый призыв' (букв. 'вежливая команда, вежливое распоряжение')	инвокатив ¹⁹	'Invoc'	{=gtu=n}	-гтун	-гтун
		'почтительная просьба'	гоноратив	'Honor'	{=gtu=1}	-гтуй	-гтуй
2A1a1g.	ү. гуравдугаар биед (3. б.) х. н.	P: связанные с III л.					
			юссивные	'Juss:'			
	ү. 3. б. зөвшин х. н.	'договор' ('пусть будет')	оптатив	'Opt'	{=g1}	-г	
	ү. 3. б. өрөөн х. н.	'да будет'	салютатив	'Salut'	{=tugə1!}	-тугай!	-тугэй
2A1a1d.	ү. 3. б. х. н.	PG: нейтральные к лицу					
			юссивные				
	ү. 3. б. хүсэх х. н. // ээрэн хүсэх т.	'пожелание, надежда'	сператив	'Sper'	{=əəsə1!}	-(г)аасай!	-(г)ээсэй! -(г)оосой! -(г)өөсэй!
			премонитивные				
	ү. 3. б. сануулан х. н. // болгоомжлох т.	G: 'предостережение, опасение'	превентив // премонитив	'Prev'	{=uuзə1!}	-(г)уузай!	-(г)үүзэй!
2A1a2.		PK: объективную модальность	Объективно-модальные				
		PK: алетическую модальность					
		G: 'возможность'	потенциалис	'Pot'	{=mзə}	-мз	
		PK: эпистемическую модальность					

¹⁹ Традиционное название — бенедиктив.

2A16.	PG: ерөнхий хамаатуулах (х.) н. PK: цаг (ц.):	PG: нейтральные к лицу PG: 'индикатив' & PK: время:	<u>Индикативные = темпоральные</u>	<u>Indic =Temp</u>			
	ирээдүй өнгөрсөн цаг(т х. н.)	'непрошедшее' (букв. 'будущее')	презенс	'Praes'	{=nə}	-на	-нэ -но -нө
	өнгөрөн үргэлжилсэн ц. х. н.	'минующее' (букв. 'миновательно продлённое, расширенное')	профект	'Prof'	{=ləə}	-лаа	-лээ -лоо -лөө
	мэдэгдэж өнгөрсөн ц. х. н.	'прошедшее эффективное, прошедшее с актуальными последствиями' (букв. 'ощутимое прошедшее')	(неэмфатический) синтетический перфект	'Perf _S '	{=ʒɪ}	-ж	
	мэдэгдэж өнгөрсөн ц. х. н.	'прошедшее эффективное, прошедшее с актуальными последствиями' (букв. 'ощутимое прошедшее')	(эмфатический) синтетический перфект	'Perf _S Emph'	{=əɪəɪ}	-жээ	
	мэдэгдээгүй өнгөрсөн ц. х. н.	'повествование о прошедшем' (букв. 'неощущаемое прошедшее')	аорист	'Aor'	{=bə}	-в	
2A2.	PK: үйлийн тийн ялгал (ү.т.я.) //үйл үгийн тийн ялгал (-ын нөхцөл) (н.)	S: наречный вербоид — второстепенное сказуемое (в.с.) PG: 'наречная репрезентация' (букв. 'акциональный падеж' или 'глагольный падеж') ²⁰	<u>Деепричастные</u>	<u>Conv.</u>			

²⁰ Считать деепричастные формы 'глагольными (или 'акциональными') падежами' предложил Ш. Лувсанвандан. См.: Лувсанвандан 1968: 61—73.

		S: сочинённое в.с.	сочинительные = таксисные: PK: '(глагольная) координативность' (= PG: 'координатив') ²¹ PK: таксис ²²	Тах.			
	ү. зэрэгцэх(ийн т.я.) (н.)	P: 'одновременность' (букв. 'соединение')	PG: конгрессив	'Congr'	{=ʒɪ} // {=çɪ}	-ж, -ч	
	ү. урьдчилах(ын т.я.) (н.)	P: 'предшествование' (букв. 'предварение')	PG: антегрессив	'Ante'	{=æəd}	-(г)аад	-(г)ээд -(г)оод -(г)өөд
	ү. хамжих(ын т.я.) (н.)	P: 'конкретизация' (букв. 'смыкание')	PG: модификатив	'Modif'	{=N}	-н	
		S: подчинённое в.с. = (S: синтаксическое наклонение)	Обстоятельные: PG: Обстоятельство PK: синтаксическое наклонение	Char.			
	ү. болзох(ын т.я.) (н.)	PG: 'условие'	PG: кондционал	'Cond'	{=bəl}	-бал/-вал	-бэл -бол -бөл -вэл -вол -өөл
	ү. дутагдах(ын т.я.) (н.)	PG: 'уступка' (букв. 'нехватка')	PG: концессив	'Concess'	{=bcɪ}	-вч	
	ү. угтах(ын т.я.) (н.)	PG: 'предел' (букв. 'встреча')	PG: терминал	'Term'	{=təl}	-тал	-тэл -тол -төл

²¹ Граммема 'координатив' понимается в смысле [Мельчук 1998: 313, 320—324]; отсутствие показателя координатива в глагольной словоформе выражает оппозитивную координативу немаркированную граммему — 'абсолютив' в смысле Мельчук 1998: 320.

²² Понятие таксиса близко к тому, что иногда называют категорией «относительного времени».

	ү. бэлт- гэх(ын т.я.) (н.)	PG: 'в тот мо- мент как, как только' (букв. *подготовка)	PG: кон- фестима- тив	'Confest'	{=mægсә}	-магц	-мэгц -могц -мөгц
	ү. үргэлж- лэх(ийн т.я.) (н.)	PG: 'продолжение'	PG: пер- севератив	'Persev'	{=sәәг}	-саар	-сээр -соор -сөөр
	ү. зорих(ийн т.я.) (н.)	PG: 'цель' (букв. 'достижение')	PG: супин	'Supin'	{=хәә}	-хаа	-хээ -хоо -хөө
	ү. дагал- дах(ын т.я.) (н.)	PG: 'следование' (как только, 'сразу после')	PG: кон- секутив	'Consec'	{=xlәәг}	-хлаар	-хлээр -хлоор -хлөөр
	ү. далим- дах(ын т.я.) (н.)	PG: 'попутно с, наряду с'	PG: транскур- сив	'Trans- curs'	{=ɲuutә} //{=ɲәә}	-нгуут -нгаа	-нгүүт -нгаа -нгээ -нгоо -нгөө
	ү. магад- лах(ын т.я.) (н.)	PG: 'проверка'	PG: тен- татив	'Tent'	{=mәәз᠎}	-мааж	-мээж -моож -мөөж
2А3.	PK: цагт нэр (-ийн дага- вар) (ц. н. д.) //үйлт нэр (-ийн д.) (ү. н. д.)	S: именной вербоид (при- частие или ин- финитив); P: вид	Прича- стные: (= PK: 'гла- гольный ряд') ²³ ; PG: 'зави- симый ряд' (= PK: вид')				
	PG: *төгс бус байдлын үйлт нэр (-ийн д.)	PG: 'незавер- шенность'	PG: им- перфек- тив	'Imperf'	{=әә}	-(г)аа	-(г)ээ -(г)оо -(г)өө
	PG: *төгссөн байдлын үйлт нэр (-ийн д.)	PG: 'заверше- нность'	PG: пер- фектив (-ный вид)	'Perf(a)'	{=sән}	-сан	-сэн -сон -сөн
	PG: *ирээдүй байдлын үйлт нэр (-ийн д.)	PG: 'перспек- тивность'	PG: ин- финитив	'Inf'	{=хә}	-х	

²³ Граммема 'глагольный ряд' понимается в смысле [Мельчук 1998: 315—320]; отсутствие показателя 'зависимого ряда' в глагольной словоформе выражает оппозитивную зависимому ряду немаркированную граммему — 'независимый ряд' в смысле [Мельчук 1998: 320].

5. Каноническое выражение граммем в современном халха-монгольском языке

	PG: *тогтвортой байдлын үйлт нэр (-ийн д.)	PG: 'обычность'	PG: узуа- лис	'Us'	{=dæg}	-даг	-дэг -дог -дөг
	PG: *чадавхи (*боломж) байдлын үйлт нэр (-ийн д.)	PG: 'способ- ность'	PG: аби- литатив	'Habil'	{=määr}	-маар	-мээр -моор -мөөр
	PG: *үйлдэх үйлт нэр (-ийн д.)	PG: 'имя деяте- ля или актив- ное причастие'	PG: актив	'Ag'	{=gci}	-гч	
2Б.	PK: тийн ялгал (-ын н.) (т. я. н.)		Декли- национ- ные = именные				
2Б1.		S: связывает (Т-)основу и (Т-)флексию ²⁴	темати- ческий				
		P: падежные и деривационные различия	(показа- тель те- матиче- ского типа склонения и темати- ческой субпара- дигмы)	T	{=n=}	-н-	
2Б2.		PG: 'приимен- ное субстан- тивное опреде- ление или до- полнение'	адъекти- визи- рующие =адноми- нальные				
	PG: *тодотгох //*тодот- гол(ын) //*тухай- лах(ын) //*онцолбор т. я. н. (//хэлбэр)	PG: 'относящийся к'	*атрибу- тив ²⁵	'Attr'	T{=∅}	∅	
	PG: харьяа- лахын т. я. н.	PG: 'принад- лежащий'	генитив	'Gen'	T{=uIN}	-ын	-ы, -ий, -ийн

²⁴ Вставляется в ходе лексограммемной трансформаторики.

²⁵ В монголистической традиции атрибутив трактуют обычно либо как разно-
видность номинатива, либо как внепадежную «форму полной основы».

	PG: хамтрахын т. я. н.	PG: 'обладающий'	комитатив	'Comit'	{=təi}	-тай	-тэй, -той
2Б3.			собственно падежные //актантные //ролевые				
2Б3а.			синтетические:				
	PG: нэрлэхийн т. я. н.	PG: 'прямое на- зывание'	номина- тив ²⁶	'Nom'	{∅}	∅	
	PG: заахын т. я. н.	PG: 'объект'	аккузатив	'Acc'	{=vɪgɪ}		
	PG: өгөх оршихын т. я. н.	PG: 'адресат и место'	датив	'Dat'	T{=də}	-д, -и	
	PG: үйлдэхийн т. я. н.	PG: 'орудие'	инстру- менталис	'Instr'	{=əər}	-(г)аар	-(г)ээр -(г)оор -(г)өөр
	PG:	PG: 'путь', 'по... [какому пути]' (лексически ограниченный)	*транслатив ²⁷	'Translat'	{=uʊr}	-(г)уур	-(г)үүр
	PG: *нэг зэргийн т. я. н.	PG: 'одновремен- но с'	*контем- поралис ²⁸	'Contemp'	T{=əər}	-(г)аар	-(г)ээр -(г)оор -(г)өөр
	PG: гарахын т. я. н.	PG: 'начальная точка; движе- ние от, из'	аблатив	'Abl'	T{=əəs}	-(г)аас	-(г)ээс -(г)оос -(г)өөс
	PG: чиглэхийн т. я. н.	PG: 'конечная точка; движе- ние к'	директив	'Dir'	{=ruu}	руу	луу, рүү, лүү

²⁶ В монголистической традиции принято считать номинатив в позиции прямого дополнения разновидностью аккузатива. Кроме того, Ш. Лувсанвандан считает обстоятельственное употребление номинатива (возможное для ориентативов — наречий времени и места) разновидностью датива (датива-локатива) [Лувсанвандан 1968: 50]. Однако если исходить из принципа различимости падежных форм, то такое решение приведёт к затруднениям.

²⁷ Ш. Лувсанвандан считает транслатив разновидностью инструменталиса [Лувсанвандан 1968: 46—47], и не без серьёзных оснований. Действительно, между этими двумя граммемами налицо строго дополнительное распределение относительно основ: после существительных употребляется инструменталис, а после ориентативов (наречий пространства и времени) — транслатив. Лексическая ограниченность транслатива не даёт возможности предложить убедительное решение проблемы соотношения между инструменталисом и транслативом.

²⁸ Необходимость выделения такого падежа (падежа со значением «совместимости») показана в статье [Галсан 1977: 57].

		PG: 'конечная точка' (лексически ограниченный)	латив ²⁹	'Lat'	{=gsɪ}	-гш	-ш
	PG: хэмжихийн т. я. н.	PG: 'по...[куда], до...[куда]' (лексически ограниченный)	мензуратив	'Mens'	T{=сээ}	-цаа	-цээ -цоо -цөө
2Б3б.			аналитические:				
	PG: жишихийн т. я. н.	PG: 'сходство'	симулятив	'Simul'	{+sig}	шиг	
2Б4.	нэрсийн (нэрийн) хамаатуулахын (х.) н.		Посессивные (= артикли):	'Poss'			
	н. ерөнхий х. н.	PG: 'возвратное притяжание' ('свой') (букв. 'общее притяжание')	рефлексивный посессив	'PossRef'	{=əə}	-(г)аа	-(г)ээ -(г)оо -(г)өө
		'личное притяжание'	лично-притяжательные				
	н. нэгдүгээр биед х. н.	PG: 'притяжание I л. ед. ч.' ('мой')	посессив I л. Sg.	'PossISg'	{+mɪ-nu}	минь	
	н. нэгдүгээр биед х. н.	PG: 'притяжание I л. мн. ч.' ('наш')	посессив I л. Pl.	'PossIPl'	{+ma(ə)-nu}	маань, мань	
	н. хоёрдугаар биед х. н.	PG: 'притяжание II л. ед. ч.' ('твой')	посессив II л. Sg.	'PossIISg'	{+ɕi-nu}	чинь	
	н. хоёрдугаар биед х. н.	PG: 'притяжание II л. мн. ч.' ('ваш')	посессив II л. Pl.	'PossIIPl'	{+ta(ə)-nu}	таань, тань	
	н. гуравдугаар биед х. н.	PG: 'притяжание III л.' ('его, её, их')	посессив III л.	'PossIII'	{+nu}	нь	

²⁹ Ш. Лувсанвандан считает латив разновидностью директива [Лувсанвандан 1968: 44—45], и не без серьезных оснований. Действительно, между этими двумя граммемами налицо строго дополнительное распределение относительно основ: после существительных употребляется директив, а после ориентативов (наречий пространства и времени) — латив. Лексическая ограниченность латива не даёт возможности предложить убедительное решение проблемы соотношения между директивом и лативом.

ГЛАВА 2

МОРФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА

2.1. Правильная морфонологическая структура предложения

Предложение состоит из одного или нескольких акцентных слов.

Предложение оканчивается границей ⟨#.#⟩ или ⟨#,#⟩. Между последним словом и концом предложения может стоять показатель эмфазы ⟨#!#⟩.

Показатель ⟨#!#⟩ встречается лишь после эмфатической частицы ⟨-ээ⟩.

Акцентные слова отделяются друг от друга границами ⟨#⟩ и ⟨#,#⟩ в зависимости от синтаксических условий.

2.2. Морфонемная структура акцентного слова

Как правило, акцентное слово содержит ровно одно гармоническое слово. Кроме того, оно может содержать также клитику (конкретнее, энклитику, т. к. проклитик в халха-монгольском языке нет). Клитика — это акцентно несамостоятельная служебная морфема, не подвергаемая действию сингармонизма.

В исключительном случае акцентное слово содержит как бы два гармонических слова. Это происходит в том случае, когда после первого (знаменательного) гармонического слова идет клитика ⟨+nar⟩ 'мн.ч.'. Клитика ⟨+nar⟩, хотя является акцентно несамостоятельной, тем не менее ведет себя как отдельное гармониче-

ское слово: к ней справа могут присоединяться форманты, гармонирующие с ней, а именно падежные форманты и притяжательный формант (=əə). Возможно, впрочем, что этот факт следует фиксировать не в морфемной, а в морфемной синтагматике: слово ⟨+nar⟩ является единственной «склоняемой» клитикой в халха-монгольском языке.

В халха-монгольском языке есть около двадцати клитик.

К клитикам относятся:

1) ⟨+nar⟩ = *нар* 'мн.ч.',

2) ⟨šiuu⟩ = *шуу*¹;

3) все пять присвязочных частиц:

⟨+biu⟩ = *бий* 'кажется, видимо, похоже',

⟨+mən⟩ = *мөн* 'тот самый, действительно, именно',

⟨+jɔm⟩ или ⟨+jim⟩ = *юм* 'есть, вообще-то есть',

⟨+biši⟩ = *биш* 'нет, не',

⟨+san⟩ 'был';

4) обе связочные частицы (корреляты связи):

⟨+biu⟩ = *бий* 'имеется, кажется, оказывается',

⟨+algə⟩ = *алга* 'нет, не имеется',

5) ⟨+biši⟩ = *биш* 'не' (отрицат. частица),

6) все притяжательные частицы, кроме (=əə) 'свой', а именно:

⟨+minu⟩ = *минь* 'мой',

⟨+člinu⟩ = *чинь* 'твой',

⟨+nu⟩ = *нь* 'его',

⟨+manu⟩ или ⟨+maənu⟩ = *мань* или *маань* 'наш',

⟨+tanu⟩ = *тань* 'ваш',

7) вероятностная частица ⟨+bizə⟩ = *биз* 'должно быть, по-видимому',

8) отрицательная частица ⟨+guu⟩ 'без', 'не',

9) сравнительные частицы ⟨+sig⟩ = *шиг* 'словно, будто, как бы, вроде', 'образный, подобный, типа...' и ⟨+šib⟩ = *шив* 'словно, будто, как бы, вроде'.

10) морфема ⟨+vəi!⟩ = *вэ* 'вопросительность' // 'ли', представленная двумя орфографическими вариантами ⟨bəi!⟩ и ⟨+vəi!⟩ (см. раздел о правилах морфемике, правило морфемное-14).

Иногда акцентное слово содержит более чем одну клитику. Возможны, напр., последовательности: ⟨+jɔm+biši⟩ = *юм биш* 'не', ⟨+mən+biši⟩ = *мөн биш* 'не' и некоторые другие. Однако правила

¹ *шуу* — выделительная частица со значением 'ведь, же, но, так, именно, действительно'. Трактовка частицы *шуу* как подвергаемой сингармонизму (ср. примеры *явна шуу*, *сайн шуу*, приводимые в [Санжеев 1960: 79] в качестве правильных) не соответствует реальному произношению.

сочетаемости клитик относятся не к морфонологии, а к синтаксису², поэтому можно оставить их в стороне.

Экскурс.

Спорные моменты при выделении класса клитик

В [Street 1963: 158, 162] в число присвязочных частиц включается показатель прошедшего времени *сан*. Морфонологические данные (подверженности *сан* сингармонизму) заставляют отвергнуть транскрипцию этой частицы, при которой она (как и остальные присвязочные частицы) отделяется от предшествующего отрезка символом //+//, как это предлагал Дж. Стрит (см. [Street 1963: 158, 162]). Что же касается частицы *юмсан* ('было бы', 'хорошо было бы', 'надо было бы'), то ее можно было бы трактовать двумя способами.

(1) |jumsəN|, т. е. нерасчлененно,

(2) |jum=səN|, т. е. как сочетание клитики |+jum| с формантом прошедшего времени |=səN|. Мы выбираем вторую трактовку. При этом, однако, приходится констатировать морфонологическую исключительность этого сочетания: в нем клитика предшествует форманту.

Впрочем, возможна морфологическая трактовка этой исключительности, при которой |+jum| трактовалась бы как единственная спрягаемая клитика в халха-монгольском языке. Другим исключением из общего морфологического правила (о том, что форманты предшествуют клитикам) является клитика |+nar| — единственная «склоняемая» клитика. Остается открытым вопрос о том, может ли цепочка |+jumsəN| выступать в качестве отдельного акцентного слова (т. е. в виде #jum=səN|). Если юм выступает в варианте |jim|, то формант |=səN| гармонирует с этим вариантом: |jimsəN| ⇒ |jimsəŋ| ⇒ [jimsen]. К сочетанию |jum=səN| может добавляться далее формант |ʒɪɪ|: |jumsəNʒɪɪ| ⇒ jumsəNʒɪ̄ или |jimsəNʒɪ̄| ⇒ imsəNʒɪ̄.

2.3. Морфонологическая структура гармонического слова

Гармоническое слово («словоформа») содержит ровно одно лексическое слово («лексему») и, кроме того, может содержать также грамматическую часть (которую с известной долей условности можно называть грамматемой или «грамматической формой»).

² Такие правила приводятся, напр., в [Бертагаев 1964: 159, 168].

Грамматическая часть словоформы³ состоит из одного или нескольких формантов, служебных морфем с грамматическим значением, подверженных действию сингармонизма, а также обладающих рядом сопутствующих морфонологических закономерностей. Так, на границе перед формантом:

усечение морфемы ⟨n⟩ перед шумными морфемами ⟨x⟩, ⟨r⟩ факультативно (а перед суффиксом — обязательно),

усечение морфемы ⟨n⟩ перед сонорными (кроме ⟨g⟩) невозможно (а перед суффиксом — обязательно),

для усечения морфемы ⟨n⟩ перед морфемой ⟨g⟩ надо, чтобы за этой ⟨g⟩ непосредственно следовала цепочка ⟨пә⟩ (а перед суффиксом достаточно, чтобы за этой ⟨g⟩ непосредственно следовала любая согласная морфема).

Кроме того, отличать форманты (грамматические морфемы) от суффиксов (словообразовательных морфем) желательно в интересах морфемики и лексограммемики. Так, напр., для лексограммемики имеет значение тот факт, что при синтезе текста выбор суффиксальных морфем уже осуществлен в рамках словообразовательного механизма, а выбор грамматических морфем может быть осуществлен лишь в рамках лексограммемики (а не словообразования), ибо сами «грамматические значения», выражаемые грамматическими морфемами («формантами»), как правило, в значительной степени обусловлены закономерностями морфосинтаксиса («поверхностного» синтаксиса). Иначе говоря, в процессе синтеза текста выбор граммем в конечном счете зависит, в частности, и от выбора поверхностно-синтаксических конструкций при поверхностно-синтаксическом (морфосинтаксическом) синтезе, и только после этого граммемы могут быть выражены определенными морфемами (формантами), что как раз и составляет предмет лексограммемики. В то же время «дериватемы» (словообразовательные значения) приписываются основам (или «глубинным лексемам») в процессе семантико-синтаксического и интрасинтаксического («глубинно-синтаксического») синтеза и, по-видимому, не только могут, но и должны быть выражены словообразовательными морфемами (суффиксами) до поступления на вход модели морфосинтаксического синтеза. А это как раз и осуществляется моделью словообразовательного синтеза, которая обеспечивает выражение дериватем с помощью словообразовательных морфем. Таким образом, лексограммемика (словоизменение) и деривация (словообразование) относительно автономны друг от дру-

³ Термин «флексия» здесь был бы не совсем уместен, так как он обычно применяется лишь к единицам флективных языков.

га: словообразовательный синтез предшествует морфосинтаксическому, а словоизменительный следует за морфосинтаксическим (что не исключает ряда промежуточных явлений, допускающих альтернативные трактовки). Соответственно, при анализе текста сначала осуществляется лексограммный анализ, затем морфосинтаксический, а затем уже словообразовательный.

Несомненно, для морфемики (в отличие от лексограммемики) противопоставление словообразовательных процессов словоизменительным имеет не столь принципиальное значение. Однако и здесь оно до некоторой степени существенно. В первую очередь это различие проявляется в разных возможностях линейной диспозиции морфем в пределах словоформы. А именно: суффиксы (словообразовательные морфемы) располагаются непосредственно после словообразовательной основы («справа» от нее), а форманты (словоизменительные морфемы) располагаются, как правило, непосредственно после словоизменительной основы, т. е. вслед за суффиксами, справа от них. Таким образом, в рамках морфемики возможна определенная структурная иерархия морфемных синтагм, организованная по принципу непосредственных составляющих. Сложный компонент состоит из двух неравноправных частей, знаменательной и служебной. Знаменательная часть может, в свою очередь, представлять собой сложный компонент и т. п.

На каждом этапе развертывания знаменательный компонент располагается слева от служебного. Для халха-монгольского языка это правило не знает исключений, т. к. он, как и вообще алтайские языки, относится к ярко выраженному центростремительному типу, в смысле [Теньер 1959/1989: 25].

Существует несколько классов формантов, отличающихся по своей сочетаемости с разными классами лексем (т.е. «частеречной» сочетаемости). Подробное описание этой сочетаемости составляет предмет синтаксиса и морфологии (а не морфонологии), поэтому ниже дано лишь перечисление самих этих формантов.

Соотношение гармонического слова с орфографическим

Как правило, гармоническое слово совпадает с орфографическим (т. е. орфографический пробел в идеальном случае воспроизводит границу гармонического слова). Однако между этими двумя единицами имеются и расхождения.

Во-первых, имеется ряд «отделенных» (на письме) формантов, т. е. морфем, не нарушающих сингармонизма, но пишущихся от-

дельно от своего левого соседа, знаменательной части гармонического слова. К ним относятся:

1) некоторые сентенциальные частицы:

⟨=əə⟩ (эмфатическая и звательная частица, 'о!', 'конечно!', показатель обращения)⁴,

⟨=l⟩ = л 'же', 'а', 'то', 'ведь', 'еще',

⟨=ci⟩ = ч '...угодно', '...бы ни', 'а', 'же', 'даже', 'ни',

⟨=dəə⟩ (деэмфатическая частица, 'так что же?', '...', 'что ли?'),

⟨=juu⟩ и ⟨=uu⟩ — алломорфы вопросительной частицы {=juu} = уу или юу 'ли',

2) сочетание падежного форманта ⟨=də⟩ (или его алломорфа ⟨=tə⟩) с атрибутивным формантом ⟨=xɪ⟩ = дахь,дохь,дэх,дөх⁵.

Во-вторых, иногда клитики пишутся слитно. А именно:

т. н. «отрицательная атрибутивная частица», т. е. показатель каритива ⟨+guɪ⟩ = гуй 'не, без'.

Вопрос о морфонологическом статусе композитов (которые, как правило, представляют собой сочетания двух акцентных слов и, соответственно, двух гармонических слов) будет рассмотрен ниже, см. п. 2.7.

2.4. Квазикомпозиты в халха-монгольском языке

1. Почему я называю эти единицы не словосочетаниями, а квазикомпозитами?

Существуют различные критерии разграничения между словами и словосочетаниями (а также, соответственно, между частями слова и словами). Но эти критерии не дают четкого ответа на поставленный вопрос. Понятие слова неоднозначно, так как фактически включает в себя несколько различных понятий: фонетическое слово, графическое слово, лексикографическое слово, флективное слово, целостное слово, автономное слово и пр.

2. С фонетической точки зрения квазикомпозиты располагаются где-то между словом и словосочетанием.

2а. В некоторых отношениях они ведут себя как слова, а именно:

2а1. У них имеется только одно динамическое ударение.

Если все слоги краткие, динамическое ударение падает на первый слог. Например, хара 'черный' + хун 'человек' ⇒ хархун

⁴ Частица ⟨=aa⟩ пишется слитно лишь со словами, оканчивающимися на ⟨nə⟩, ⟨gə⟩; так, байнаа!, даргаа!, но Бат аа!

⁵ И это несмотря на гармонию гласных!

‘мирянин’. В отличие от него, словосочетание *хар хун* ‘черный человек’ имеет ударения на обоих компонентах.

Если один из слогов долгий, динамическое ударение падает на этот долгий слог. Например, *шар* ‘желтый’ + *шувуу* ‘птица’ ⇒ *шаршувуу* ‘филин’. Словосочетание же *шар шувуу* ‘желтая птица’ имеет ударение на каждом компоненте.

Если имеется несколько долгих слогов, динамическое ударение падает на предпоследний из долгих слогов. Например, *халуун* ‘тепло, жар’ + *хүйтэн* ‘холод’ ⇒ *халуун хүйтэн* ‘температура’.

2а2. На границах компонентов квазикомпозитов проявляются некоторые морфонологические и фонологические чередования (так называемые «внешние сандхи»).

А именно:

Иногда наблюдается элизия последнего гласного первого компонента: ⟨*харə+xun*⟩ ⇒ ⟨*хархун*⟩.

Значительно более регулярно происходит регрессивная ассимиляция перед дентальными и лабиальными согласными. Перед дентальными согласными произносится как [ŋ]⁶: *мөнгөн* ‘серебро, серебряный’ + *зоос* ‘монета’ ⇒ *мөнгөн зоос* ‘серебряная монета’. Перед лабиальными согласными ⟨*n*⟩ произносится как ⟨*m*⟩: *сайн* ‘хороший’ + *бай-* ‘быть’ + ⟨*nə*⟩ ‘Praes.’ + *уу* ⟨*uu*⟩ ‘вопр. частица’ + ! ‘эмфаза’ (букв. ‘хорошо ли есть?’) ⟨*sain+bai=nə=uu!*⟩ |*saiM+ bainuu!*| = /*saiMban̄*/ ‘Здравствуйте!’. Перед ⟨*s*⟩ морфонема ⟨*ʒ*⟩ манифестируется как [d]. Например, *хэлж* ‘говоря’ + *суув* ‘сидел’ ⟨*xel=suu=bə*⟩ ⇒ ⟨*xelʒi+sɔubə*⟩ ‘сидел и говорил’.

Представлена также прогрессивная аллофоническая ассимиляция, а именно ассимиляция по звонкости стоящих в начале второго компонента квазикомпозита слабых (непридыхательных) согласных ⟨*b*⟩ и ⟨*g*⟩, т. е. уподобление их по звонкости стоящим на конце первого компонента сонантам ⟨*m*⟩, ⟨*n*⟩, ⟨*l*⟩ и ⟨*r*⟩.

Например, |*saiM bainuu*| ‘Здравствуйте!’ (см. выше) = [i*saiMban̄*], хотя в изолированной позиции ⟨*b*⟩ в ⟨*ban*⟩ является глухим.

2а3. Между компонентами квазикомпозитов невозможна пауза.

2b. Однако в других отношениях квазикомпозиты ведут себя как словосочетания. А именно:

2b1. Они не подлежат сингармонизму. То есть правила гармонии гласных действуют только внутри компонентов квазиком-

⁶ В монгольском ауслате ⟨*n*⟩ манифестируется не как [n], а как [ŋ] или как реализация предшествующего гласного. Поэтому не только лабиальная, но и дентальная реализация ⟨*n*⟩ должна рассматриваться как более контекстно обусловленная, чем велярная. Сходство транскрипционных символов для обозначения морфемы и звука не должно в данном случае трактоваться как признание дентальной аллофемы основным вариантом соответствующей фонемы.

позитов, а между компонентами гармония не проводится. Поскольку сингармонизм — важнейший признак слова в халха-монгольском, это очень показательно.

2b2. Правило редукции гласных ориентируется не на границы «акцентного» слова, а на границы «гармонического» слова. То есть краткие гласные не-первого слога любого компонента квазикомпозита могут редуцироваться, но краткий гласный первого слога второго компонента квазикомпозита должен оставаться «полным».

3. Морфосинтаксические (структурные) критерии устойчивости требуют, чтобы компоненты слова не разделялись и не менялись местами (как это происходит с немецкими отделяемыми приставками, аналитическими глагольными формами, с русскими отрицательными частицами в составе отрицательных местоимений и под.).

3a. С точки зрения устойчивости квазикомпозиты представляют собой целостные морфосинтаксические слова, так как компоненты не могут отрываться друг от друга.

3b1. Но не следует забывать, что эта устойчивость прямым образом связана со специфической синтаксической особенностью монгольского языка: причину устойчивости можно видеть в относительной фиксированности монгольского порядка слов. Поэтому устойчивость здесь не столь доказательна, как во флективных языках.

3b2. Иногда (хотя, разумеется, не всегда) компоненты квазикомпозитов все же обладают способностью к перестановке: *ээх* 'мать' + *эцэг* 'отец' ⇒ *ээх эцэг* 'родители', но в том же значении возможно и *эцэг ээх*.

4. Морфологический критерий целостности — это так называемая монофлексивность: грамматические показатели присоединяются не к отдельным компонентам, а к слову в целом (ср., например, раздельнофлексивное франц. *bonhomme* — *bonshommes*, где в написании представлена раздельнофлексивность, а в произношении — монофлексивность).

4a1. Монгольские квазикомпозиты всегда монофлексивны. В этом отношении они без сомнения являются целостными словами.

Например, *аав* 'отец' + *ээж* 'мать' ⇒ *аав ээж* 'родители' склоняется как слово: *аав ээжийн* 'родителей', *аав ээжид* 'родителям', *аав ээжээс* 'от родителей', *аав ээжтэй* 'с родителями', *аав ээжгүй* 'без родителей' и т. д.

То же самое с глагольными композитами: *хэлж* 'говоря' + *өгөх* 'давать' ⇒ *хэлж өгөх* 'сообщать'; эти квазикомпозиты спрягаются как один глагол.

4а2. Но и все свободные словосочетания в монгольском могут быть монофлексивными: *ямаа, хонь, үхрийг тууж явна* 'Он/она гонит коз, овец и коров'.

4б1. Раличие между свободными словосочетаниями и квазикомпозитами состоит в том, что для свободных словосочетаний возможна также и полифлексивная конструкция: *ямааг, хонийг, үхрийг тууж явна* 'Он/она гонит (именно) коз, овец и коров', в то время, как для квазикомпозитов она невозможна.

4б2. Внутри ряда квазикомпозитов имеется грамматический показатель. Например, в *худалдаж авах* 'покупать', букв. 'торгуя брать' имеется показатель деепричастия «конгрессивного//одновременного» таксиса (-жс).

4б3. Но этот показатель не выражает никаких внешних отношений компонентов с другими словами, а только «внутренние» связи между компонентами квазикомпозита: в последнем примере это «координативная» и «одновременная» связь между торговлей и взятием внутри ситуации покупки.

5. Синтаксический критерий требует, чтобы слово могло функционировать как минимальное предложение, например, могло бы служить ответом на вопрос.

5а1. С этой точки зрения квазикомпозиты представляют собой минимальную синтаксическую единицу, или синтаксическое слово.

5б1. Но в качестве минимальной синтаксической единицы может выступать не только отдельное слово, но и сочетание полнозначного и неполнозначного слова, так как вспомогательное слово не может функционировать как ответ на вопрос.

5б2. Идиоматические выражения также являются минимальными, т. е. их части не могут функционировать как ответы.

Это означает, что синтаксический критерий помогает выделить вовсе не слово, а член предложения.

5б3. Возможно, однако, что синтаксический критерий в данном случае все же показывает, что квазикомпозитные словоформы являются словоформами (хотя они, видимо, будут при этом аналитическими формами синтетической лексемы, или синтетическими формами аналитической лексемы, или же аналитическими формами аналитической лексемы). Но монгольский (и, по-видимому, шире, алтайский) аналитизм не столь «аналитичен», как аналитизм в европейских языках, поскольку компоненты монгольского квазикомпозита (в отличие от «европейских», т. е. флексивных аналитических форм и идиоматических выражений) не допускают разрывности и перестановок.

6. Семантический критерий требует, чтобы слово выражало простое понятие, т. е. функционировало бы как автономная лексикографическая единица.

6а1. С этой точки зрения квазикомпозит представляет собой лексикографическое слово.

6а2. Но семантический критерий определяет лишь лексикографические единицы — идиоматические выражения также являются лексикографическими словами, а потому этот критерий нерелевантен для грамматических задач.

6а3. Однако же (вместе с тем) он и не абсолютно нерелевантен, поскольку идиоматизация тесно связана с грамматической универбацией. С исторической и функциональной точек зрения идиоматизация — это основная причина универбации.

7. Графический критерий состоит в том, что слово пишется отдельно. С этой точки зрения монгольские квазикомпозиты ведут себя неодинаково: одни пишутся слитно, другие раздельно.

7а. Большая часть квазикомпозитов пишется раздельно, т. е. это не графические слова, а комбинации графических слов.

7б. Некоторые группы квазикомпозитов пишутся вместе. К ним принадлежат:

1. все личные имена, например, *Сухбаатар* 'Сухэ-Батор' от ⟨suxə⟩ 'топор' + ⟨baətər⟩ 'герой'.

2. многие топонимы, например, *Улаанбаатар* от ⟨uləən⟩ 'красный' + ⟨baətər⟩ 'герой'.

Но бывают и топонимы с раздельным написанием, например, *Халхын Гол* 'халхасская река', где *-ын* — показатель генитива.

3. словосочетания с некоторыми клитиками, например, с *гүй* 'не-, без'.

В монгольском ауслaute ⟨n⟩ манифестируется не как [n], а как [ŋ] или как назализация предшествующего гласного. Поэтому не только лабиальная, но и дентальная реализация ⟨n⟩ должна рассматриваться как более контекстно обусловленная, чем велярная.

Из этого правила имеется несколько интересных исключений, но мы их здесь не рассматриваем, так как это скорее историко-лингвистическая проблема. С синхронной точки зрения это маргинальные явления.

2.5. Морфонемная структура лексемы

Лексемы подразделяются на простые и сложные в зависимости от количества простых основ, входящих в основу данной лексемы. Простая основа имеет в своем составе ровно одну корневую морфему. Сложная основа состоит из двух простых основ.

Вопрос о морфонологическом статусе сложных лексем («композитов») весьма нетривиален и не может быть достаточно подробно

исследован в рамках настоящей работы; он требует дальнейшего всестороннего изучения.

Здесь, однако, заметим лишь следующее.

Единицы, традиционно относимые к композитам, морфонологически неоднородны.

Можно выделить по крайней мере 3 типа таких единиц.

1. Единицы, состоящие из двух гармонических слов. К их числу относятся:

(а) глаголы со вторым компонентом *хий*- 'делать'. Напр., ⟨am-⟩ 'отдыхать' & ⟨-s-⟩ (суффикс отглагольных наречий) & ⟨xii-⟩ 'делать' & *х* (=хэ) (формант инфинитивного причастия) ⇒ ⟨am-s:xii-xэ⟩ *амсхийх* 'слегка отдохнуть';

(б) несколько существительных со вторым компонентом *зүй* 'ведение', напр., *газар зүй* 'география' (букв. 'страноведение'), *авиан зүй* 'фонетика' (букв. 'звуковедение')⁷;

(в) ряд собственных имен: ср. {lɔb-sən} & {den-dəb} ⇒ ⟨lɔb-sən:den-dəb⟩, орф. *Лувсандэндэв*;

(г) наречие ⟨tɔsə:buur⟩ = орф. *тусвүүр* 'по отдельности', восходящее к сочетанию ⟨tɔsə⟩ = *тус* 'этот, данный' & ⟨buur⟩ = *бүүр* 'каждый'.

Морфонологически такие единства ведут себя скорее как словосочетания, а не как слова.

Поэтому представляется вполне правдоподобным утверждение Н. Н. Поппе, согласно которому в халха-монгольском языке нет сложных слов, а все биномы по своей структуре суть не слова, а словосочетания, и потому должны рассматриваться в синтаксисе (см. [Рорре 1951: 31]). Некоторую проблему при такой трактовке составляют отдельные проявления морфонологической спаянности биномов (внутренние сандхи). Так, в сочетании *тус:бүүр* 'по отдельности' возможно произношение фонемы |b| как фрикативной, т. е. реализация данной фонемы гипофонемой |w|, что отразилось, между прочим, в современной халха-монгольской орфографии⁸. Как видим, орфографические данные дают противоречивую картину: нарушение принципа сингармонизма свидетельствует о том, что перед нами словосочетание, а написание *в* вместо *б* — о том, что перед нами слово.

⁷ Трактовка таких сочетаний как композитов, предлагавшаяся в [Street 1963: 89], представляется необоснованной, тем более что и применительно к письменной форме ХМЯ, описываемой Стритом, такая трактовка противоречит данным орфографии: формы *газарзүй*, *авианзүй*, приводимые Дж. Стритом, не соответствуют нормам халха-монгольской орфографии и, т. о., не могут считаться свидетельством графической цельнооформленности этих сочетаний (как полагает, по-видимому, Дж. Стрит).

⁸ Ср. [Ринчинз 1947: 215], где это сочетание передано как *тусвүүр*.

Вопрос об акцентуации таких биномов (как и вообще вопрос об ударении в халха-монгольском языке) пока остается открытым.

Неполнота сведений по данному вопросу не позволяет однозначно решить вопрос о том, существуют ли в халха-монгольском языке сочетания двух и более гармонических знаменательных слов, являющиеся акцентно слитными.

В настоящем кратком очерке можно для простоты исходить из «рабочего» предположения, что таких сочетаний нет. В действительности здесь необходимо экспериментально-фонетическое исследование.

Соответственно, в настоящем очерке всякое сочетание двух и более гармонических знаменательных слов признается словосочетанием, и между его компонентами ставится символ морфологической границы (#).

2. Сочетания основ, в которых второй компонент подвергается действию прогрессивного сингармонизма. К их числу относятся, напр., *уржидар* 'позавчера', в морфонемном представлении (*ʊrʒi-dər*).

С морфонологической точки зрения такие единицы являются лексемами, а второй их компонент ведет себя как суффикс.

Любопытный случай представляют собой сочетания основ типа *өнөөдөр* 'сегодня', *өчигдөр* 'вчера', *нөгөөдөр* 'послезавтра'. Своеобразие таких примеров состоит в том, что сингармонизм здесь выглядит как регрессивный (предвосхищающий), а не как прогрессивный (инерционный). По-видимому, с исторической точки зрения так оно и есть: при сложении двух основ в данном случае первая основа уподоблялась второй, а не наоборот: Ср. орф. *нэг* 'один' + *өдөр* 'день' ⇒ орф. *нөгөөдөр* 'послезавтра', т. е. 'через один день', орф. *энэ* 'этот' + *өдөр* 'день' ⇒ орф. *өнөөдөр* 'сегодня'; орф. *эцэг* 'конец, заключение' + *өдөр* 'день' ⇒ *өцөгдөр* 'вчера'.

Однако механически переносить в синхронную грамматику правила исторических изменений было бы необоснованно. Введение в синхронную грамматику халха-монгольского языка правил регрессивного сингармонизма повлекло бы за собой резкий контраст между подавляющим большинством случаев, где регрессивного сингармонизма нет, и ничтожно малой группой исключений, где он есть. Между тем ставить на одну доску регулярные и нерегулярные образования неправомерно.

Как будет показано ниже, в разделе «Фонемная трансформаторика», фонологический сингармонизм в принципе может трактоваться как отношение, не имеющее линейной направленности вообще (хотя в настоящем очерке принята иная трактовка). Однако трактовка фонологического сингармонизма как отношения,

не имеющего линейной направленности (т. е. как симметричного отношения между членами фонологической цепочки, характеризующейся определенным набором супрасегментных [= просодических] признаков), не освобождает нас от обязанности давать неравноправное, несимметричное морфонологическое соотношение между корнями и суффиксами, между лексемами и формантами. Ведь просодический признак должен будет экстраполироваться с основы на лексему (а не с суффикса на лексему), с лексемы на гармоническое слово (а не с форманта на гармоническое слово). Т. о., в морфонологии налицо линейная направленность гармонических отношений — с лексической морфемы на грамматическую⁹. Так как монгольский язык — суффиксальный, то сингармонизм в нем имеет прогрессивную (инерционную) направленность.

В настоящей работе трактовка сингармонизма на фонологическом уровне принята по аналогии с трактовкой морфонологического сингармонизма. А именно, фонологический сингармонизм признается направленным (конкретно — прогрессивным, или «инерционным») отношением.

Исходя из такой трактовки, мы вынуждены уже в фонологическом представлении приписывать «сильную» (обуславливающую) характеристику гласной фонеме первого слога, а «слабую» (обуславливаемую) характеристику — гласным фонемам остальных (непервых) слогов.

Тогда обсуждаемые «компози́ты» получают фонологическое представление следующего вида: *нөгөөдөр* (*nɛgɛədɔr*), *өнөөдөр* (*ɔnɛədɔr*), *өчигдөр* (*ɔcɪgɔr*). Получается фонологическое представление, которое парадоксальным образом в некоторых аспектах (а именно в аспекте сингармонизма) отстоит от морфемного строения этих слов как бы несколько дальше, нежели их фонетическое представление, в котором второй компонент композита выглядит весьма схоже с отдельным знаменательным словом *өдөр* 'день'.

Возникает соблазн разрешить этот парадокс, введя в морфонологию правила регрессивного сингармонизма. В этом случае морфонологическая запись обсуждаемых «компози́тов» должна была бы сближаться с морфонологической записью знаменательных слов, из которых этот композит построен, и в фонологии не возникло бы отмеченного парадокса.

⁹ Противоположной направленностью, как известно, характеризуется у м л а у т — уподобление корня аффиксу. С исторической точки зрения в формах типа *нөгөөдөр*, *өнөөдөр* представлено нечто подобное умлауту, имевшему в монгольских языках (как и в германских) регрессивную направленность.

Однако в действительности описанное решение не помогает устранить реальную сложность указанных случаев. Необъяснимым остается, например, морфонемная структура слова *уржидар* 'позавчера'.

С формальной точки зрения здесь неизбежно признание прогрессивного сингармонизма, а тем самым второй компонент композита приходится транскрибировать через «слабую» морфону, подвергаемую действию сингармонизма: морфонемное представление будет иметь вид $\langle \omega r \dot{z} i - d \dot{a} r \rangle$.

Между тем в морфонемном представлении желательно отразить интуитивно ощущаемое родство между вторыми компонентами композитов типа $\langle n \dot{e} g \dot{a} \dot{e} d \dot{a} r \rangle$, $\langle \dot{e} n \dot{e} \dot{a} \dot{e} d \dot{a} r \rangle$ и вторым компонентом композита $\langle \omega r \dot{z} i d \dot{a} r \rangle$. Если в синхронном описании морфонологии халха-монгольского языка совмещать правила регрессивного сингармонизма (действующие в случаях типа $\langle n \dot{e} g \dot{e} \dot{e} d \dot{e} r \rangle$, $\langle \dot{e} n \dot{e} \dot{e} d \dot{e} r \rangle$) и правила прогрессивного сингармонизма (действующие в случаях *уржидар*), то это приведет к тому, что и вторая основа композитов, означающих 'отрезок времени длиной в сутки', будет иметь существенно различные морфонемные представления в первом и во втором случаях. При этом постулировать чередование $\langle \dot{e} \rangle \Rightarrow \langle \dot{a} \rangle$ придется в любом случае независимо от того, каким способом описывать композиты, в которых исторически имел место регрессивный сингармонизм, ведь надо же каким-нибудь способом объяснить наличие звука \dot{e} в слове *уржидар*¹⁰. Единоразово введя морфонологическую «депертинизацию» (т. е. потерю дистинктивной функции) определенных дифференциальных признаков, характеризующих компоненты морфемы $\dot{e} d \dot{e} r$, мы должны будем распространить ту же трактовку и на случаи типа $\langle n \dot{e} g \dot{e} \dot{e} d \dot{e} r \rangle$, $\langle \dot{e} n \dot{e} \dot{e} d \dot{e} r \rangle$, дабы избежать излишнего разнобоя морфонемных транскрипций одной морфемы.

Т. о., приходится принять трактовку, по которой сингармонизм во всех случаях оказывается прогрессивным, но первые компоненты некоторых композитов в ряде случаев претерпевают определенные морфемные преобразования. При этом морфонемная запись основ *нэг-* и *нэг-*, *эн-* и *эн-* оказывается различной. Более того, приходится считать различным также и морфемный состав соответствующих основ. А именно, основы типа *нэг-* состоят из двух морфем: основа *нэг-* состоит из корневой морфемы $\{n \dot{e} g \dot{a}\}$

¹⁰ Если только не признавать созвучие корня $\dot{e} d \dot{e} r$ с суффиксом *дар* чистой случайностью. Такое описание является логически возможным (и потому допустимым), но обладает несколько меньшей объяснительной способностью (и потому оно малоинтересно).

‘один’ и симульфиксальной морфемы $\{\theta \leftarrow e_{\frac{9}{10}}\}$. Второй компонент таких композитов также элементарен, поскольку содержит помимо корня $\theta\delta\theta$ также симульфиксальную структурно-техническую морфему $\{\theta \leftarrow e_{\frac{9}{10}}\}$, превращающую корень в своеобразный «суффиксоид». При этом обе симульфиксальные морфемы являются семантически опустошенными, выполняют чисто структурную функцию (или, может быть, точнее говорить, сигнализируют о сцеплении морфем $n\theta\theta$ и $\theta\delta\theta$ друг с другом).

3. Сочетания основ, компоненты которых, взятые по отдельности, сходны друг с другом в аспекте гармонических признаков (т. е. консистенции и огубленности). Иначе говоря, компоненты таких сочетаний с точки зрения своего вокалического состава относятся к одной и той же консистенции и к одному и тому же значению признака огубленности.

Сюда относятся, например:

$\{ul\ae n\}$ *улаан* + $\{ba\ae t\theta r\}$ *баатар* \Rightarrow орф. *Улаанбаатар* (букв. ‘красный герой’).

Морфонологическая интерпретация подобных примеров является не вполне однозначной. С одной стороны, можно усматривать здесь сочетания двух гармонических слов, у которых случайным образом совпадают значения гармонических признаков.

С другой стороны, можно усматривать здесь единое гармоническое слово. В последнем случае, видимо, приходится постулировать в начальном слоге второй основы не «сильную», а «слабую» гласную фонему, что создает дополнительные трудности для морфонологического описания.

Вообще описание морфонологического статуса композитов осложнено тем обстоятельством, что в настоящее время крайне мало известно об их акцентуации (как, впрочем, и о монгольской акцентуации вообще).

Если фонетический эксперимент покажет, что некоторые биномы (устойчивые сочетания двух гармонических слов) являются акцентуационно простыми (т. е. представляют собой одну тактовую группу), то это будет свидетельствовать об их автономном морфонологическом статусе.

Композитами можно считать такие сочетания двух гармонических слов, которые представляют собой единое акцентное слово.

Такая дефиниция, впрочем, нуждалась бы в некоторых уточнениях.

А именно, вопрос о морфонологическом статусе клитик допускает два решения (возможно, различающиеся лишь терминологически):

- (а) считать всякую клитику отдельным гармоническим словом,
 (б) не считать клитики гармоническими словами.

Решение (а) предполагает распространение принципа безостаточной членимости на «гармонические слова», тогда как при решении (б) текст представим в виде последовательности гармонических слов и клитик. Решение (а) означает, что с морфонологической точки зрения нет никакой разницы между композитом и сочетанием знаменательного гармонического слова с клитикой. Решение (б) заставляет такую разницу признавать. Между тем степень изученности вопроса и здесь столь невелика, что не позволяет сделать однозначный выбор между указанными альтернативами.

Итак, проблема морфонологического поведения композитов в настоящий момент не может быть освещена в данном очерке подобающим образом.

Практически при проведении словесных границ приходится следовать за работой [Porre 1951]. Таким образом, большинство «композитов» будут признаваться сочетаниями двух гармонических слов.

Лексемы подразделяются на производные и непроизводные. Непроизводная лексема равна своей основе. Производная лексема состоит из основы и деривационного аффикса. Основы, в свою очередь, подразделяются на производные и непроизводные. Непроизводная основа состоит из одного корня. Производная основа состоит из некоторой исходной основы и деривационного аффикса. Исходная основа может быть, в свою очередь, производной или непроизводной.

Корни с морфонологической точки зрения подразделяются на освоенные и чужеродные. Чужеродные корни не подчиняются правилам морфонемной синтагматики халха-монгольского языка. Не следует путать чисто синхронное противопоставление освоенных корней чужеродным с историческим различием между «исконными» и «заимствованными» корнями. Заимствованные корни могут подвергаться морфонемной адаптации. В этом случае они становятся освоенными.

Типичные показатели чужеродности — несоблюдение правил сингармонизма, употребление фонем ⟨v⟩, ⟨p⟩, ⟨f⟩, ⟨k⟩, а также употребление каких-либо фонем в несвойственных им позициях (например, употребление фонем ⟨l⟩ и ⟨r⟩ в начале корня). В ряде диалектов (а также идиолектов) действуют более или менее мощные процессы морфонемной адаптации русских заимствований¹¹.

¹¹ Богатый иллюстративный материал на эту тему можно найти в работах [Дарбеева 1984, Дарбеева 1985а, Дарбеева 1985б, Лувсанвандан 1974] и др.

Так, медиальное б (в позиции не после сонорных), адаптируясь, реализуется фрикативной гипофонемой [w], к перед напряженной согласной передается фонемой [g], а в остальных позициях — фонемой [x], ф передается как [p] и т. д.

При этом орфографической адаптации русских заимствований не наблюдается (или она минимальна, т. е. не отражает большинства фонологических модификаций, которым подвергаются звуковые оболочки заимствований).

Чтобы описать морфонемную структуру лексемы достаточно конкретным образом, следовало бы выйти за пределы морфонологии в область словообразовательной морфематики. Хотя с точки зрения формальной строгости это и будет отвлечением от основной темы, но без экскурса в морфемную синтагматику изложение морфонемной синтагматики было бы малопонятным. Ниже даны основные сведения такого рода.

Необходимость экскурса в морфематику обусловлена тем, что этот экскурс содержит морфонемные транскрипции значительного числа служебных морфем, необходимые, в частности, для понимания основных принципов морфонемного транскрибирования¹².

Для морфонологических целей это оказывается более удобным, а степень семантической идиоматизации морфемных сочетаний для морфонемного описания нерелевантна. Наиболее выигрышной стратегией морфонемной сегментации оказывается такая, при которой выделяется относительно небольшое число морфем, из которых по относительно простым правилам могут быть построены все словоформы данного языка, реальные, потенциальные и окказиональ-

¹² Отношение между идиомой и морфемой в моем понимании соответствует отношению между морфом и субморфом в концепции В. Г. Чургановой (см. [Чурганова 1973: 11, 12, 232]).

Предлагаемое понимание морфемы довольно точно соответствует тому пониманию, которое было предложено в работе Алпатов: «Морфема как целая единица морфонологического яруса понимается здесь в смысле, отличном от понимания этой единицы в большинстве лингвистических работ: наличие значения не является ее свойством. Напомним, что морфема как морфонологическая единица рассматривается как негативно интерпретированная. Морфонологические морфемы могут по протяженности совпадать с минимальными значимыми единицами (и, как правило, совпадают). Однако и это необязательно. Морфемы выделяются не на основе обращения к семантике, а на основе выявления морфонологических закономерностей их структуры. (...) Минимальная значимая единица может быть равна морфеме в нашем смысле, но может состоять и из нескольких таких морфем. Иные соотношения невозможны» [Алпатов 1984: 4].

«Вопрос о том, совпадают ли морфонологические морфемы со значимыми единицами, рассматривается не морфонологией, а морфологией» [Алпатов 1984: 6].

Понятие «минимальной значимой единицы» по Алпатову соответствует тому, что в настоящей работе называется «идиомой», а термин «идиома» заимствован у Ч. Хоккета.

ные. Понятия относительной простоты и относительно небольшого количества морфем, разумеется, требуют более точного раскрытия¹³, но в рамках настоящей работы такая задача не ставится.

Так как морфема рассматривается как морфонологическая единица, то, соответственно, всякая пара показателей считается единой морфемой¹⁴. Для удобства изложения в нашем экскурсе в морфемику члены таких пар рассматривались в разных разделах в соответствии со своей «частеречной» характеристикой, однако это отнюдь не означает признания отдельных членов омонимических пар отдельными морфемами. Соответственно, морфема на практике отождествляется с морфонемной записью своего «главного» варианта, по необходимости иногда помеченной тем или иным цифровым «различителем». Цифровые различители предназначены не для того, чтобы отличать «омонимичные» морфемы друг от друга¹⁵, а для того, чтобы отличать друг от друга разные морфемы, у которых исходные алломорфемы омонимичны друг другу.

Корни подразделяются на субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные и междометные.

Соответственно выделяется несколько классов деривативных суффиксов.

2.6. Глагольные суффиксы

2.6.1. Суффиксы отглагольных глаголов (акционсартные суффиксы)

Все отглагольные глаголы образуются от исходного глагола добавлением того или иного показателя способа действия (акционсарта). Акционсарты делятся на залоговые («залогии»), аспектуальные («аспектуальные классы») и кванторно-субъектные.

2.6.1а. Суффиксы залогов

{-lgə-} (показатель каузативного залога).

Появляется в нескольких морфонемных обликах в соответствии с правилами морфемной трансформаторики:

¹³ Ср. определение морфемы как множества устойчивых разрешенных отрезков текста в [Сухотин 1984: 18].

¹⁴ Ср. [Поливанова 1976: 3].

¹⁵ При формальном понимании морфемы, омонимия есть не отношение между двумя морфемами, а свойство одной морфемы.

⟨-lgə-⟩ (ср. ⟨bai-lgə=xə⟩ = байлгах 'держатъ, оставлять, размещать' от ⟨bai-xə⟩ 'быть'; ⟨səw-lgə=xə⟩ 'сажать' от ⟨səw=xə⟩ = суух 'сидеть'),

⟨-gə-⟩ (ср. ⟨bəl-gə=xə⟩ = болгох 'делатъ' от ⟨bəl=xə⟩ = болох 'становиться, стать', ⟨gar-gə=xə⟩ = гаргах от ⟨gar=xə⟩ = гарах 'выходить'),

⟨-xə-⟩ (ср. ⟨bəs-xə=xə⟩ = босгох 'подниматъ, ставитъ, воздвигатъ' от ⟨bəs=xə⟩ = босох 'вставатъ, подниматъся', ⟨cad-xə=xə⟩ 'кормитъ досыта' от ⟨cad=xə⟩ = цадах 'наедатъся досыта'),

⟨-ə-⟩ (напр., ⟨zəg-sə-ə=xə⟩ = зогсоох 'останавливатъ, ставитъ на ноги' от ⟨zəg-sə=xə⟩ = зогсох 'останавливатъся, стоятъ').

{-uulə-} (показателъ каузативного залога). Ср. ⟨jabə-uulə=xə⟩ = явуулах 'посылатъ, отправлять' от ⟨jab=xə⟩ = явах 'идти, уходитъ', ⟨uzə-uulə=xə⟩ = үзүүлэх 'показыватъ' от ⟨uzə=xə⟩ 'видетъ'; ⟨bai-uulə=xə⟩ = байгуулах 'создаватъ, строитъ' от ⟨bai=xə⟩ 'бытъ'.

{-gəə-} (показателъ каузативного залога). Ср. ⟨wənə-gəə=xə⟩ = унагаах 'свергатъ, валитъ, ронятъ' от ⟨wənə=xə⟩ = унах 'падатъ' (непродуктивный).

{-gdə-} (показателъ пассивного залога). Появляетъся в нескольких различных морфонемных обликах в соответствии с правилами морфемной трансформаторики:

⟨-gdə-⟩ (ср. ⟨medə-gdə=xə⟩ = мэдэгдэх 'обнаруживатъся, выявлять' от ⟨medə=xə⟩ = мэдэх 'знать, узнаватъ'),

⟨-də-⟩ (ср. ⟨ɔl-də=xə⟩ = олдэх 'найтись' от ⟨ɔl=xə⟩ = ⟨ɔl=⟩ & ⟨-tə-⟩. Ср. ⟨ab-tə=xə⟩ = автах 'бытъ взятым' от ⟨ab=xə⟩ = авах 'взять').

{-ldə-} (взаимный залог, или 'реципрок'); ср. ⟨bari-ldə=xə⟩ = барилдах 'боротъся', букв. 'хвататъ друг друга' от ⟨bari=xə⟩ = барих 'хвататъ'.

{-rə-} 'медиум' (или 'антикаузатив'); ср. ⟨əbdə-rə=xə⟩ = эвдрэх 'ломатъся, рушитъся' от ⟨əbdə=xə⟩ = эвдэх 'ломатъ, разрушатъ' (непродуктивный).

2.6.16. Суффиксы аспектуальных классов

{-ci-} (показателъ «интенсивного» акционсарта ('моментальное законченное действие'), 'интенсива'). Ср. ⟨jabə-ci=xə⟩ = явчих 'исчезнуть' от ⟨jabə=xə⟩ = явах 'уйти'.

{-ci-xə-} (также 'интенсив'); (обычно от переходных глаголов). Ср. ⟨idə-ci-xə=xə⟩ = идэхчэх 'проглотитъ' от ⟨idə=xə⟩ = идэх 'естъ'.

{-l-} 'фреквентатив' ('часто повторяющиеся действия'). Ср. ⟨сэх1-l=хэ⟩ = *цохилох* 'постукивать' от ⟨сэх1=хэ⟩ = *цохих* 'стучать' (непродуктивный).

{-зээ-нэ-} 'делимитатив' (или 'бrevиатив') = 'преходящее, недолгое действие'. Ср. ⟨с᠋ᠣᠤ-зээ-нэ=хэ⟩ = *суузаанах* 'посидеть' от ⟨с᠋ᠣᠤ=хэ⟩ = *суух* 'сидеть' (непродуктивный).

{-лзэ-} ('альтернатив', 'ритмическое разнонаправленное движение'). Ср. ⟨наигэ-лзэ=хэ⟩ = *найгалзах* 'покачиваться' от ⟨наигэ=хэ⟩ = *найгах* 'качаться' (непродуктивный).

{-бэ-лзэ-} (показатель дубликативного акционсарта). Ср. ⟨ани-бэ-лзэ=хэ⟩ = *анивалзах* 'моргать, подмигивать' от ⟨ани=хэ⟩ = *аних* 'смежать веки' (непродуктивный).

{-гэ-лзэ-} (показатель дуратива) ('длительное, основательное действие'). Ср. ⟨санэ-гэ-лзэ-хэ⟩ = *санагалзах* 'хорошенько обдумать' (непродуктивный).

2.6.1в. Суффиксы кванторно-субъектных акционсартов

{-лсэ-} (показатель совместного (социативного, кооперативного) акционсарта, = 'социатива' = 'кооператива'). Ср. ⟨с᠋ᠣᠤ-лсэ=хэ⟩ = *суулцах* 'сидеть вместе, жить вместе, присутствовать' от ⟨с᠋ᠣᠤ=хэ⟩ = *суух* 'сидеть, жить', ⟨идэ-лсэ=хэ⟩ = *идэлцэх* 'участвовать в совместном питании' от ⟨идэ=хэ⟩ = *идэх* 'есть'.

2.6.1г. Прочие (десемантизированные) суффиксы акционсартов

{-эй-} (значение стерто). Ср. ⟨хавтэ-эй=хэ⟩ = *хавтайх* 'быть, становиться плоским' (непродуктивный).

{-гэ-нэ-} (значение стерто). Ср. ⟨гилбэ-гэ-нэ=хэ⟩ = *гилвэгнэх* // *гилбэгнэх* 'блестеть, заблестеть'. Ср. *гилбэх* // *гилвэх* 'блестеть'.

{-ни-} (значение стерто). Ср. ⟨зэвэ-ни-хэ⟩ = *зовних* 'страдать' от ⟨зэвэ=хэ⟩ *зовох* 'страдать'.

(Оба последних суффикса непродуктивны.)

2.6.2. Суффиксы отсубстантивных и отадективных глаголов

{-лэ-} 'применять или создавать что-л., становиться каким-л.'. Ср. ⟨хазээг-лэ=хэ⟩ = *хазаарлах* 'взнуздать, надеть узду' от ⟨хазээг⟩ = *хазаар* 'узда' (продуктивный).

{-dә-} 'использовать что-л.'. Ср. ⟨aləgә-dә=xә⟩ = алгадах 'хлопать в ладоши' от ⟨aləgә-⟩(n) = алга 'ладонь' (непродуктивный).

{-d-} 'становиться каким-л.'. Ср. ⟨jixә-d=xә⟩ = ихдэх 'увеличиваться' от ⟨jixә⟩ = их 'большой', ⟨swlә-d=xә⟩ = сулдах 'слабеть' от ⟨swlә⟩ = сула 'слабый' (непродуктивный).

{-tә-} 'становиться каким-л.'. Ср. ⟨oirә-tә=xә⟩ = ойртох 'прижаться' от ⟨oirә⟩ = ойр 'близкий, близко', ⟨gem-tә=xә⟩ = гэмтэх 'получить повреждение' от ⟨gem⟩ = гэм 'изъян' (непродуктивный).

{-ʒi-} 'становиться каким-л.'. Ср. ⟨bajә-ʒi=xә⟩ = баяжих 'богатеть' от ⟨bajә⟩ = бая 'богатый' (непродуктивный).

{-ʒi-rә-} 'становиться каким-л.'. Ср. ⟨mwu-ʒi-rә=xә⟩ = муужрах 'ухудшаться' от ⟨mwu⟩ = муу 'плохой' (непродуктивный).

{-ʃi-} ('приобрести что-л.'). Ср. ⟨aldәр-ʃi=xә⟩ = алдарших 'прославиться, стать знаменитым' от ⟨aldәр⟩ = алдар 'слава' (непродуктивный).

{-rә-} 'становиться каким-л.'. Имеет два варианта: ⟨-rә-⟩ и ⟨-lә-⟩, распределенные по правилам морфемной трансформаторики. Ср. ⟨xarә-lә=xә⟩ = харлах 'чернеть' от ⟨xarә⟩ = хар 'черный', ⟨xөхә-rә=xә⟩ = хөхрөх 'синеть' от ⟨xөхә⟩ = хөх 'синий' (продуктивный).

{-ʃiәә-} 'признавать, считать каким-л.'. Ср. ⟨ʒөb-ʃiәә=xә⟩ = зөвшөөх 'находить правильным, соглашаться'.

{-rxә-} 'присваивать что-л., проявлять к.-л. свойство, показывать что-л.'. Этот суффикс имеет 2 варианта, распределенных по правилам морфемной трансформаторики: ⟨-rxә-⟩ и ⟨-lxә-⟩. Ср. ⟨ʒэсiп-rxә-xә⟩ = зочирхох 'церемониться', от ⟨ʒэсiп⟩ 'гость'; ⟨пегә-lxә=xә⟩ = нэрэлхэх 'кичиться' от ⟨пегә-⟩ = нэр 'имя' (непродуктивный).

{-çilә-} 'делать каким-л.'. Ср. ⟨ʃinә-çilә=xә⟩ = шинэчлэх 'обновлять' от ⟨ʃinә⟩ = шинэ 'новый', ⟨maʃin-çilә=xә⟩ машинчлах 'машинизировать' от ⟨maʃin-⟩ = машин 'машина'.

{-пә-} 'использовать что-л.'. Ср. ⟨ʒiп-пә=xә⟩ = жигнэх 'взвешивать' от ⟨ʒiп⟩ = жин(г) 'вес, весы'.

{-sә-} 'очень хотеть что-л.'. Ср. ⟨maxә-sә=xә⟩ = махсах 'быть голодным, хотеть мяса' от ⟨maxә-p=⟩ = мах(ан) 'мясо'.

{-s-} 'становиться каким-л.'. Ср. ⟨bagә-s=xә⟩ = багасах 'уменьшаться' от ⟨bagә⟩ = бага 'маленький'.

2.6.3. Суффиксы отнаречных глаголов

Все такие суффиксы непродуктивны.

{-l-} 'делать как-то'. Ср. ⟨xөгә-l-xә⟩ = хугалах 'разбивать пополам' от ⟨xөгә⟩ = хуга 'пополам', ⟨swгә-l-xә⟩ = сугалах 'выдернуть, вытащить, вырвать' от ⟨swгә⟩ = суга 'наружу'.

{-rə-} 'изменяться как-то'. Ср. ⟨səgə-rə=xə⟩ = *сугарах* 'выскальзывать, вырываться, выпадать' от ⟨səgə-⟩ *суга* 'наружу'.

{-cī-} 'мгновенно делать как-л. или делаться как-л.'. Ср. ⟨хемхə-cī=xə⟩ *хэмхчих* 'мгновенно раскалывать(ся)' от ⟨хемхə-⟩ = *хэмх* 'вдребезги'.

{-tə-} 'делать или делаться как-л.'. Ср. ⟨tasə-tə=xə⟩ = *тасатах* 'разбить' от ⟨tasə⟩ = *тас* 'пополам'.

2.6.4. Суффиксы отмеждоментных глаголов

{-cīgnə-} 'издавать к.-л. звуки'. Ср. ⟨šiar-cīgnə=xə⟩ = *шарцигнах* 'скрипеть, хрустеть' от ⟨šiar⟩ = *шар* 'хрусть'.

{-gīnə-} 'издавать к.-л. звуки'. Ср. ⟨хан-gīnə=xə⟩ = *хангинах* 'тренькать, брэнчать' от ⟨хан⟩ = *хан* 'трень, брень, динь'.

{-xīgə-} 'издавать к.-л. голосовые звуки'. Ср. ⟨xəsi-xīgə=xə⟩ = *хошхирах* 'цыкать' от ⟨xəsi⟩ = *хош* 'цыц! тсс!'.

2.7. Субстантивные суффиксы

2.7.1. Суффиксы отглагольных существительных

{-əəsi-} 'человек, профессионально делающий что-л.'. Ср. ⟨техə-lə-əəsi⟩ = *мэхлээч* 'обманщик' от ⟨техə-lə=xə⟩ = *мэхлэх* 'обманывать' (продуктивный).

{-uul-} 'человек, профессионально делающий что-л.'. Ср. ⟨хагə-uul⟩ = *харуул* 'дозор, стража, охрана' от ⟨хагə=xə⟩ = *харах* 'наблюдать' (непродуктивный).

{-uur-} 'орудие действия'. Ср. ⟨šilə-əə-uur⟩ = *шилээгүүр* 'кочерга' от ⟨šilə-əə=xə⟩ = *шилээх* 'шевелить горящие дрова'. Этот суффикс реализуется двумя вариантами — ⟨-uur⟩ и ⟨-uul⟩ в соответствии с правилами морфемной трансформаторики. Ср. ⟨сэхі-uur⟩ = *цохиур* 'теннисная ракетка' от ⟨сэхі=xə⟩ = *цохих* 'бить', но ⟨cīg-uul⟩ = *чирүүл* 'буксир' от ⟨cīg=xə⟩ = *чирэх* 'тащить'.

{-mī-} 'орудие действия'. Ср. ⟨bəə-mī⟩ = *боомь* 'петля, силок, аркан' от ⟨bəə=xə⟩ = *боох* 'завязывать, душить'. Непродуктивен.

{-g-} 'продукт деятельности'. Ср. ⟨biči-g⟩ = *бичиг* 'письмо' от ⟨biči=xə⟩ = *бичих* 'писать'.

{-zə(n)-} 'результат действия'¹⁶. Ср. ⟨gar-zə(n)⟩ = *гарз(ан)* 'ущерб'. Непродуктивен.

¹⁶ Вопреки [Рорре 1951: 34], приходится включать в состав этого суффикса тематический элемент ⟨(n)⟩.

{-əən} 'результат или процесс действия'. Ср. ⟨zɔdə-əən⟩ = *зодоон* 'драка' от ⟨zɔdə=xə⟩ = *зодох* 'драться'.

{-gəən} 'результат действия'. Ср. ⟨saxil-gəən⟩ = *цахилгаан* 'молния, электричество' от ⟨saxil=xə⟩ = *цахилах* 'сверкать'.

{-əə(n)} 'процесс или объект действия'. Ср. ⟨xədə-l-gə-əə(n)⟩ = *хөдөлгөөн* 'движение' от ⟨xədə-l-gə=xə⟩ = *хөдөлгөх* 'сдвигать, поднимать, трогать'.

{-sə(n)} 'результат'. Ср. ⟨šeə-sə(n)⟩ = *шээс(эн)* 'моча' от ⟨šeə=xə⟩ = *шээх* 'мочиться'.

{-r} 'предмет, как-то связанный с действием'. Ср. ⟨beə-r⟩ = *бээр* 'гной' от ⟨beə=xə⟩ = *бээх* 'загнивать, протухать'.

{-ri} 'результат или место действия'. Ср. ⟨zɔbə-ri⟩ = *зоворь* 'мучение' от ⟨zɔbə=xə⟩ = *зовох* 'мучиться'.

{-mæg} 'результат действия'. Ср. ⟨ɔrə-əə-mæg⟩ = *ороомог* 'катушка' от ⟨ɔrə-əə=xə⟩ = *ороох* 'обертывать, наматывать, обвивать'.

{-n} 'результат действия'. Ср. ⟨salbə-n⟩ = *салбан* 'болтающийся лист' от ⟨salbə=xə⟩ = *салбах* 'полоты(?)'.

{-uuri} 'процесс или место действия'¹⁷. Ср. ⟨dabə-uuri⟩ = *давуурь* 'лестница, ступеньки' от ⟨dabə=xə⟩ = *давах* 'переходить, перелезть, превышать'.

{-uuli} 'процесс или место действия'. Ср. ⟨sɔŋə-uuli⟩ = *сонгууль* 'выборы' от ⟨sɔŋə=xə⟩ = *сонгох* 'выбирать'.

¹⁷ Согласно работе [Porpe 1970: 91], после корней, содержащих {r}, суффикс {-uuri} выступает в виде алломорфемы {-uuli}.

Действительно, примеры типа {sɔr} & 'Caus' & 'Nomen loci' ⇒ {sɔr} & {-lgə} & {-uuri} ⇒ {sɔr} & {-gə} & {-uuli} ⇒ {sɔr-gə-uuli} ⇒ /sɔrguuli/ ⇒ \sɔrgūli\ = *сургууль* 'школа' (от *сургах* 'обучать') как будто свидетельствуют в пользу такой трактовки.

Однако морф {-uuli} выступает и после корней, не содержащих {r} в корне.

Значит, в примере со словом *сонгууль* перед нами алломорфема некоторой другой морфемы.

Сам по себе пример *сонгууль* не является опровержением правила об автоматическом характере выбора алломорфем морфемы {-uuri}, однако его наличие свидетельствует как минимум о том, что в словах *сонгууль* и *сургууль* перед нами не одна и та же морфема, а две разные.

Конечно, здесь имеется в виду тождество и различие морфем в синхронном аспекте.

Если они и восходят этимологически к одному источнику, то здесь налицо формальное различие морфонемного состава.

Отсутствие дополнительного распределения означает, что сегодня перед нами — две разные морфемы.

Налицо парадоксальное явление «омонимичных синонимов» или «синонимичных омонимов».

Такое явление возможно, если две синонимичные морфемы M_1 и M_2 имеют разные исходные алломорфемы $A_1(M_1)$ и $A_1(M_2)$, но при этом комбинаторно обусловленная алломорфема $A_2(M_1)$ одной из них совпадает с (основной или просто единственной) алломорфемой $A_1(M_2)$ другой из них.

{-ši} 'объект или результат действия'. Ср. ⟨гаixэ-ši⟩ = *гайxaш* 'удивление, изумление' от ⟨гаixэ=xэ⟩ = *гайxax* 'удивляться'.

{-æəsə(n)} 'объект или орудие действия'. Ср. ⟨təl-æəsə(n)⟩ = *төлөөс(өн)* 'плата, платеж' от ⟨təl=xэ⟩ = *төлөx* 'платить'.

{-li} 'результат действия'. Ср. ⟨saə-li⟩ = *сааль* 'удой' от ⟨saə=xэ⟩ = *саax* 'дойти'.

{-cə} 'объект или процесс действия'. Ср. ⟨cəbə-cə⟩ = *цувц* 'тропка' от ⟨cəbə=xэ⟩ = *цувах* 'идти гуськом, вереницей'.

{-m} 'объект действия'. Ср. ⟨təxə-m⟩ = *тохом* 'потник, войлок, седло', от ⟨təxə=xэ⟩ = *тохox* 'седлать, накладывать потник'.

{-mtə} 'результат действия'. Ср. ⟨darə-mtə⟩ = *дарамт* 'обуза' от ⟨darə=xэ⟩ = *дараx* 'давить, жать'.

{-ltə} 'объект или процесс действия'. Ср. ⟨səŋə-ltə⟩ = *сонг* 'выборы' от ⟨səŋə=xэ⟩ = *сонгоx* 'выбирать, избирать'.

{-lgə(n)} 'объект или процесс действия'. Ср. ⟨xaə-lgə(n)⟩ = *хаалга(н)* 'дверь' от ⟨xaə⟩ = *хаа* 'закрывать'.

{-bər} 'процесс или объект действия'. Ср. ⟨šud-bar⟩ = *шийдвэр* 'решение' от ⟨šud=xэ⟩ = *шийдэх* 'решаться, принимать решение'.

{-mər} 'объект или процесс действия'. Ср. ⟨užə-mər⟩ = *үзмэр* 'выставка, экспонат' от ⟨užə=xэ⟩ = *үзэх* 'смотреть'.

{-l} 'процесс действия'. Ср. ⟨sain-ži-rə-l⟩ = *сайжрал* 'улучшение' от ⟨sain-ži-rə=xэ⟩ = *сайжрах* 'улучшаться'.

{-dəl} 'процесс действия'. Этот суффикс имеет два варианта, распределенных по правилам морфемной трансформаторики: ⟨-dəl⟩ и ⟨-təl⟩. Ср. ⟨nuu-dəl⟩ = *нүүдэл* 'кочевая жизнь' от ⟨nuu=xэ⟩ 'кочевать', ⟨sər-təl⟩ = *суртал* 'учение' от ⟨sər=xэ⟩ = *сурах* 'учиться'.

{-mži} 'процесс действия'. Ср. ⟨bəl-gə-əə-mži⟩ = *болгоомж* 'осторожность, предусмотрительность' от ⟨bəl-gə-əə=xэ⟩ = *болгоох* 'осматриваться, быть осторожным'.

{-ləŋ} 'предмет или процесс действия'. Ср. ⟨ər-čī-ləŋ⟩ = *орчлон(г)* 'вселенная, мир, круговорот' от ⟨ər-čī=xэ⟩ = *орчих* 'вертеться, кружиться'.

{-də(n)} 'процесс действия'. Ср. ⟨inəə-də(n)⟩ = *инээд(эн)* 'смех' от ⟨inəə=xэ⟩ = *инээx* 'смеяться'.

2.7.2. Суффиксы отадъективных существительных

{-gčin} 'самка к.-л. масти'. Ср. ⟨xəxə-gčin⟩ = *хөхөгчин* 'сивка' от ⟨xəxə⟩ = *хөx* 'серый'.

2.7.3. Суффиксы отсубстантивных существительных

{-tən} 'совокупность чего-л.'. Ср. ⟨tərə-l-xi-tən⟩ = *төрөлхтон* 'живность' от ⟨tərə-l-xi⟩ = *төрөлх* 'природный, врожденный'.

{-lig} 'свойство или совокупность чего-л.'. Ср. ⟨daləŋ-lig⟩ = *даланлиг* 'плотина, гать' от ⟨daləŋ⟩ = *далан(г)* 'насыпь, гряда, вал'.

{=хэн} 'кто-л. женского пола'. Ср. ⟨хиу=хэн⟩ = *хүүхэн* 'девочка' от ⟨хиу⟩ = *хүү* 'сын, мальчик, дитя'.

{-či(n)} 'лицо, занимающееся чем-л.'. Ср. ⟨хэтэ-чи(n)⟩ = *хоточ* 'сторож' от ⟨хэтэ(n)⟩ = *хот* 'город, хотон (группа юрт), стойбище'.

{-bci} 'вместилище для чего-л.'. Ср. ⟨зүү-bci⟩ = *зүүвч* 'игольник' от ⟨зүү(n)⟩ = *зүү(н)* 'игла'.

2.7.4. Суффиксы отнумеративных существительных

{-lzi} 'N-угольник'. Ср. ⟨dərbə-lzi⟩ = *дөрвөлж* 'кости для гадания, четырехугольная корзина' от ⟨dərbə(n)⟩ = *дөрв(өн)* 'четыре'.

{-lzin} 'N-угольник'. Ср. ⟨dərbə-lzin⟩ = *дөрвөлжин* 'четырёхугольник' от ⟨dərbə(n)⟩ (см. выше).

{-lzi(n)} (значение стерто). Ср. ⟨šigr-gə-əə-lzi(n)⟩ = *шоргоолж(ин)* 'муравей'.

С исторической точки зрения три перечисленных суффикса, видимо, представляют собой варианты одной и той же единицы. Как обстоит дело в синхронии, не вполне ясно.

Действительно ли можно говорить о расщеплении одного суффикса на два или три разных, как это сделано выше? (Или на самом деле суффикс один, но существующие источники (словари и грамматики) дают неполную информацию о наличии/отсутствии в основе тематического согласного — т. н. 'неустойчивого -н-'.) Этот вопрос пока остается открытым. Во всяком случае, два первых суффикса связаны отношением квазиизонимии (или паронимии), а первый и третий — отношением формальной соотносимости членов квазиизонимических пар — конверсия по признаку (тематический / атематический тип склонения).

{-n} 'множество из N членов'. Ср. ⟨зүү-n⟩ 'столетие' = *зуун* от ⟨зүү(n)⟩ = *зуу(н)* 'сто'.

{-tə} 'предмет, имеющий сколько-то компонентов'. Ср. ⟨найм-тə⟩ = *наймт* 'восьмерка (в карточных играх)' от ⟨наймэ(n)⟩ = *найм(ан)* 'восемь'.

{-uulə(n)} 'общим количеством в столько-то'. Этот суффикс — морфологическая идиома, он состоит из двух морфем: {-uulə} и {(n)}, совместно выражающих значение 'собирательного числительного'.

У этого знака есть синоним — другой сложный суффиксальный знак, экспонентом которого является сложный суффикс {-uulə-ŋ}.

Суффиксальный знак {-uulə-ŋ} также состоит из двух суффиксальных морфем, а именно из суффиксальных морфем {-uulə} и {-ŋ}.

Первый компонент обоих суффиксов — аффиксальная морфема {-uulə}. Она реализуется тремя алломорфами, распределенными

по правилам морфемной трансформаторики: <-uulə>, < $\frac{-uulə}{r}$ > и < $\frac{-uulə}{əə}$ >.

В позиции после морфемы <r> выступает симульфиксальный

морф < $\frac{-uulə}{r}$ >. Ср. {xəjər} & {-uulə} & {-ŋ} ⇒ <xəjər> & < $\frac{-uulə}{r}$ > & <-ŋ> &

<-uNx> ⇒ |xəjuuləŋuN| = *хоюулаангийн*. В позиции после сочетания

морфем <əə> выступает симульфиксальный морф < $\frac{-uulə}{əə}$ >. Ср.

{zɔrgəə} & {-uulə} & {(n)} & {-uNx} ⇒ <zɔrgəə> & < $\frac{-uulə}{əə}$ > & {-n} & {-u}

⇒ |zɔrguulənu| = *зургуульны* 'трёх вместе'. В остальных позициях выступает нулевой аффикс <-∅>. О месте этих трансформаций в общей системе механизмов морфемной трансформаторики рассказано в разделе «Морфемная трансформаторика».

2.7.5. Суффиксы-плюрализаторы

Суффиксы-плюрализаторы (показатели множественного числа) с т. зр. своих дистрибутивно-морфологических характеристик занимают промежуточное положение между деривационными суффиксами и формантами, поэтому их целесообразно перечислить в отдельном разделе. Помня о морфонологическом характере настоящего исследования, не будем вдаваться в весьма сложный вопрос о том, является ли число существительных в халхалмонгольском языке словоизменительной или словообразовательной категорией. В рабочем порядке примем решение рассматривать числовые показатели как деривационные суффиксы, обратив внимание на специфику их морфемной диспозиции в составе лексемы: после числового суффикса не может идти никакой другой деривационный суффикс (нечисловой). Т. о., числовые суффиксы занимают в структуре лексемы финальную позицию. По-

сле них могут идти лишь словоизменительные показатели (т. е. форманты). Числовые показатели во многом напоминают единицы того класса, который В. М. Алпатов называет «флексиями» [Алпатов 1985: 92, 101]. В частности, на границе между основой и числовым показателем происходит варьирование, непредсказуемое фонологически [Алпатов 1985: 93]. Чтобы с уверенностью отнести числовые показатели к флексиям, следовало бы доказать сперва грамматический характер числового противопоставления в халха-монгольском языке, что само по себе весьма нелегко. Показатели множественности употребляются гораздо реже, чем флективные плюрализаторы европейских языков. Их отсутствие не воспринимается как «нулевой показатель»¹⁸. С формальной т. зр. неплюральные формы скорее воспринимаются как безаффиксные. С семантической точки зрения специфика числового противопоставления в халха-монгольском языке состоит в том, что оно базируется не на «эквиполентной» оппозиции единичности / множественности, как в большинстве европейских языков, а на «привативной» оппозиции множественности /нейтральности (неохарактеризованности). Иначе говоря, «множественное число» халха-монгольского языка противопоставлено не «единственному числу» (как это бывает в языках с эквиполентной оппозицией по числу), а «общему (нейтральному) числу» (ввиду отчетливо выраженного привативного характера числовой оппозиции).

Статус множественного числа в грамматической системе халха-монгольского языка почти такой же, как статус категории «уменьшительности» в русском языке¹⁹: перед нами явление регулярного словообразования.

Интересно, что по одному из важнейших признаков грамматичности (а именно по признаку причастности к синтаксису)²⁰, число в халха-монгольском языке имеет мало шансов быть зачисленным в грамматические категории, так как синтаксическая релевантность признака «число» весьма невелика. Эта синтаксическая релевантность заключается в том, что существительные мн. ч. не сочетаются с числительным.

Эти соображения не носят окончательного характера, но имеют целью лишь дать какое-нибудь основание, мотивирующее вы-

¹⁸ Ср. [Мельчук 1961: 34].

¹⁹ Ср.: «...любое существительное русского языка либо содержит, либо не содержит аффикс “уменьшительности”, и нет никаких критериев, кроме семантических, для того, чтобы “запретить” приписывать непроемным существительным нулевой суффикс “неуменьшительности” (или “нейтральной оценки”)» [Булыгина 1980: 329].

²⁰ [Булыгина 1980: 326].

бор «словообразовательной» трактовки числа существительных в халха-монгольском языке.

Перейдем теперь к морфемному описанию деривационных суффиксов, выражающих множественность.

{-nəɣ} 'мн.ч.'. Ср. ⟨ахə-пəɣ⟩ = *ах нар* 'старшие братья', ⟨дуу-нəɣ⟩ = *дуу нэр* или *дуу нар* 'младшие братья' = *дуу нэр* или *дуу нар*.

{-s} 'мн.ч.'. Плюрализатор {-s}, входящий в состав этого экспонента, имеет две алломорфемы, распределенные по правилам морфемной трансформаторики. А именно, это алломорфемы ⟨-s⟩ и

⟨ $\frac{-s}{1}$ ⟩. Ср. ⟨erə-s⟩ = *эрс* 'мужи, мужья, мужчины' от ⟨erə⟩ = *эр* 'муж, мужчина'; ⟨nəɣə-s⟩ = *нэрс* 'имена' от ⟨nəɣə⟩ 'имя', ⟨uɣə-s⟩ = *үгс* 'слова' от ⟨uɣə⟩; ⟨jixə-s⟩ = *ихс* 'великие, большие' от ⟨jixə⟩ = *их* 'большой'; ⟨zaluu-s⟩ = *залуус* 'молодые (люди)' от ⟨zaluu⟩ = *залуу* 'молодой человек', ⟨nəxə $\frac{-s}{1}$ ⟩ = *нохос* 'собаки' от ⟨nəxə1⟩ = *нохой* 'собака';

{-d} 'мн.ч.'. Плюрализатор {-d} имеет три алломорфемы ⟨-d⟩, ⟨ $\frac{-d}{n}$ ⟩ и ⟨ $\frac{-d}{r}$ ⟩, распределенные по правилам морфемной трансформаторики. Например: ⟨nəjən $\frac{-d}{n}$ ⟩ = *ноёд* 'князья' от ⟨nəjən⟩ = *ноён* 'князь';

⟨nəxəɣ $\frac{-d}{r}$ ⟩ = *нөхөд* 'товарищи' от ⟨nəxəɣ⟩ = *нөхөр* 'товарищ', ⟨mərɪ-d⟩ = *морьд* или *морид* 'лошадимн' от ⟨mərɪ(n)⟩ = *морь(морин)* 'лошадь',

⟨nəwɣəsə $\frac{-d}{sə}$ ⟩ = *нугад* 'утки' от ⟨nəwɣəsə(n)⟩ = *нугас* 'утка' (устар.),

⟨xəwɣsəsə $\frac{-d}{sə}$ ⟩ = *хувцад* 'платья' от ⟨xəwɣsəs⟩ = *хувцас(ан)* 'платье'.

{-uu-d} 'мн.ч.'. Ср. ⟨wɣləs-uu-d⟩ = *улсууд* 'народы' от ⟨wɣləs⟩ 'народ, страна', ⟨bɔwɣlɛg-uu-d⟩ = *булгууд* 'источники' от ⟨bɔwɣlɛg⟩ = *булаг* 'источник', ⟨nəm-uu-d⟩ = *номууд* 'книги' от ⟨nəm⟩ = 'книга'; ⟨debtər-uu-d⟩ = *дэвтрүүд* 'тетради' от ⟨debtər⟩ = 'тетрадь'.

{-n-uu-d} 'мн.ч.'. Ср. ⟨daləi-n-uu-d⟩ = *далайнууд* 'морья' от ⟨dal⟩ = *далай* 'море', ⟨gəl-n-uu-d⟩ = *голнууд* 'реки' от ⟨gəl⟩ = *гол* 'река';

⟨gar-n-uu-d⟩ = *гарнууд* 'руки' от ⟨gar⟩ = *гар* 'рука'²¹; ⟨xerəə-n-uu-d⟩ = *хэрээнүүд* 'вороны' от ⟨xerəə⟩ = *хэрээ* 'ворона'; ⟨wulə-n-uu-d⟩ = *уулнууд* 'горы' от ⟨wulə⟩ = *уул* 'гора'²².

{-Ø₅-n} 'мн.ч.'. Морфема {-Ø₅}, входящая в состав данного экспонента, представлена двумя вариантами, ⟨-Ø⟩ и ⟨ $\frac{-n}{1}$ ⟩, распределе-

²¹ Допустимость последних двух случаев в литературном ХМЯ ставится под сомнение, см. [Street 1963: 96].

²² Формы *хэрээнүүд* и *уулнууд* приводит [Орловская 1961: 14].

ние которых задается правилами морфемной трансформаторики.

Ср. $\langle il-\dot{c}i-\emptyset-n \rangle = \text{илчин}$ 'послы' от $\langle il-\dot{c}i \rangle = \text{илчи}$ 'посол'; $\langle m\ddot{a}r\dot{i}-t\ddot{a}i-\frac{-n}{1} \rangle = \text{морьтон}$ 'всадники' от $\langle m\ddot{a}r\dot{i}-t\ddot{a}i \rangle = \text{'всадник'}$.

$\{\dot{c}i-uu-d\}$ 'мн.ч.', 'собирательность'. Этот показатель выступает в двух вариантах: $\langle -\dot{c}i-uu-d \rangle$ и $\langle \frac{\dot{c}i}{n}-uu-d \rangle$.

$\langle baj\ddot{e}n-\langle \frac{\dot{c}i}{n} \rangle-\dot{c}i-uu-d \rangle$. *баячууд* 'богачи' от $\langle baj\ddot{e}n \rangle = \text{'богатый, богач'}$, $\langle bag\ddot{e}-\emptyset-\dot{c}i-uu-d \rangle = \text{багачууд}$ 'малыши, маленькие' от $\langle bag\ddot{e} \rangle = \text{бага}$ 'маленький'.

$\{\dot{c}i-uu-l\} = \text{-чуул}$ ('мн. ч.', 'собирательность').

Выступает также в двух вариантах: $\langle -\emptyset-\dot{c}i-uu-l \rangle$ и $\langle \frac{\dot{c}i}{n}-uu-l \rangle$.

Ср. $\langle baj\ddot{e}n-\langle \frac{\dot{c}i}{n} \rangle-\dot{c}i-uu-l \rangle = \text{баячуул}$ 'богачи', $\langle bag\ddot{e}-\emptyset-\dot{c}i-uu-l \rangle = \text{багачуул}$ 'малыши, маленькие' от тех же основ, что и дериваты, описанные выше (с суфф. $\{\emptyset_4-\dot{c}i-uu-d\}$).

Возможны также некоторые другие экспоненты мн. ч., состоящие из нескольких морфем. Вопрос о том, являются ли они сложными экспонентами, т. е. выступают ли морфемы, входящие в их состав, в качестве отдельных самостоятельных экспонентов (или, напротив, не являются, т. е. функционируют на правах «субэкспонентов», пока остается открытым. Во всяком случае, можно говорить о сочетаемости морфем-плюрализаторов друг с другом в пределах одной словоформы.

Ср. $\langle lam\ddot{e}-n\ddot{a}r-uu-d \rangle = \text{лам нарууд}$ 'буддийские монахи', $\langle xa\ddot{e}n-\frac{-d}{n}-uu-d \rangle = \text{хаадууд}$ 'ханы', $\langle er\ddot{e}-\emptyset-s-uu-d \rangle = \text{эрс}$ 'мужчины'²³.

Каковы синтагматические пределы этого морфонологического плеоназма, пока неизвестно. Неясно и то, какие именно плюрализаторы могут, а какие — не могут служить базой для образования таких плеонастических цепочек. Во всяком случае, эта проблема относится к ведению морфемики и дериватологии, а не к морфологии, и, т. о., заслуживала бы отдельного рассмотрения.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемые морфемы-плюрализаторы отнюдь не всегда выступают в качестве самостоятельных экспонентов. Иногда они являются лишь частями тех или иных экспонентов, представляющих собой «морфонологические идиомы». Ср. $\langle sain-\frac{-d}{n} \rangle = \text{сайд}$ 'министр' (букв. 'хорошие' от $\langle sain \rangle =$

²³ В грамматике, откуда взяты эти примеры, говорится, что «значение таких форм ничем не отличается от значения обыкновенного множественного числа» [Рорре 1951: 55].

сайн 'хороший'). Даже в том случае, когда между исходной и производной основой ощущается смысловое сходство, то соответствующее смысловое различие никоим образом не может быть квалифицировано как различие по числу. Здесь перед нами фразеологические комплексы, компоненты которых имеют «полустертые» значение.

Ср. $\langle \text{ex}\bar{\text{a}}\text{-n}\bar{\text{a}}\text{r} \rangle = \text{эхнэр}$ 'жена, женщина' от $\langle \text{ex}\bar{\text{a}} \rangle = \text{эх}$ 'мать, матка, родина', $\langle \text{xuu}=\text{x}\bar{\text{a}}\text{n}-\frac{-\text{d}}{\text{n}} \rangle = \text{хүүхэд}$ 'ребенок, дитя, дети' от $\langle \text{xuu}=\text{x}\bar{\text{a}}\text{n} \rangle = \text{хүүхэн}$ 'девушка, женщина', восходящего, в свою очередь, к $\langle \text{xuu} \rangle = \text{хуу}$ 'сын, мальчик, дитя'. Про такие образования можно сказать словами Ю. С. Маслова, что «значение морфемы лишь косвенно, опосредованно входит в значение целого, оно превращается в компонент "внутренней формы", т. е. в компонент того мотивировочного значения, которое не фиксируется лексикографическим определением слова, а лишь "просвечивает", "угадывается" в слове за его актуальным значением» [Маслов 1978: 15]. В русском языке также есть случаи, когда слово формально организовано так, как будто это форма множественного числа от некоторого другого слова, а реальная семантическая связь между исходной и производной лексемами оказывается в той или иной мере затемнена. Ср. рус. *очко* — *очки*, *час* — *часы*, *вес* — *весы*, *козел* — *козлы* и т. п.

Однако для целей морфонологического описания характер семантического соотношения между двумя формально соотносительными лексемами не играет роли²⁴. Это позволяет рассматривать морфологические идиомы типа вышеуказанных как содержащие морфему-плюрализатор.

Подытоживая характеристику словообразовательных суффиксов существительных, следует подчеркнуть, что приводимые в скобках пояснения ни в коей мере не претендуют на статус толкований соответствующих суффиксальных знаков или дериватов, образованных с помощью этих знаков.

Эти пояснения (типа «орудие действия», «процесс действия») являются сугубо неформальными пометами, имеющими чисто мнемоническую функцию.

Как правило, они соответствуют тем ярлыкам, с помощью которых принято в монголистических работах обозначать деривационные семы, выражаемые экспонентами, соответствующими изучаемым суффиксальным морфемам.

²⁴ Обоснование такой точки зрения см. [Чурганова 1973: 11,12, 232, Поливанова 1976: 3,9, Алпатов 1980: 6,9, Алпатов 1984: 4,6].

В действительности словообразовательные функции соответствующих суффиксальных экспонентов значительно более разнообразны, чем позволяют предположить используемые в нашем очерке условные ярлыки²⁵.

2.8. Адъективные суффиксы

Говоря об адъективных суффиксах, следует вновь обратить внимание на чисто мнемонический характер используемых неформальных пояснений, касающихся функций этих суффиксов²⁶. В настоящем очерке предметом рассмотрения являются исключительно морфонологические свойства суффиксов.

2.8.1. Суффиксы отглагольных прилагательных

{-n} 'свойство, возникающее в результате совершения к.-л. действия'. Ср. ⟨šijə-n⟩ = *шингэн* 'жидкий' от ⟨šijə⟩ = *шингэх* 'растворяться'.

{-uu} 'свойство, возникшее в результате совершения к.-л. действия'. Ср. ⟨tencə-uu⟩ = *тэнцүү* 'равный, одинаковый' от ⟨tencə=xə⟩ = *тэнцэх* 'уравновешиваться'.

{-Ø₅-gəi} 'свойство, возникающее в результате действия'. Ср. ⟨xazəi-Ø→əi-gəi⟩ = *хазгай* 'кривой, кособокий, косой' от ⟨xazəi=xə⟩ = *хазайх* 'накреняться'.

{-xəi} 'свойство, возникшее в результате действия'. Ср. ⟨tasər=xəi⟩ = *тасархай* 'обособленный, отдельный' от ⟨tasər=xə⟩ = *тасрах* 'отрываться, рваться'.

{-gər} 'свойство, возникающее в результате совершения действия'. Ср. ⟨ser-tə-gər⟩ = *сэртгэр* 'оттопыренный' от ⟨ser-tə-əi=xə⟩ = *сэртийх* 'торчать'.

{-gɪr} 'свойство, возникающее в результате совершения действия'. Ср. ⟨bɔʒi-gɪr⟩ = *бужгир* 'кудрявый' от ⟨bɔʒi-ui-xə⟩ = *бужийх* 'курчавиться'²⁷.

{-mə} 'способный осуществлять к.-л. действие или способствующий его осуществлению'. Ср. ⟨gaixə-mə⟩ = *гайхам* 'чудесный,

²⁵ См. подробное описание этих функций в [Орловская 1961: 30, 43].

²⁶ Более подробную характеристику адъективных суффиксов с т. зр. выполняемых ими функций можно найти в [Рорре 1951: 36, 39, Орловская 1961: 84, 99, Street 1963: 99, 102].

²⁷ Как видим, в этом деривате представлено усечение финали основы (ui). Морфонологическая трактовка этого явления остается под вопросом.

удивительный, изумительный' от ⟨gaixə=xə⟩ = *гайхах* 'удивляться, изумляться'.

⟨-məəg⟩ 'вызывающий к.-л. отношение к себе'. Ср. ⟨atəə-гхə-məəg⟩ = *атаархамаар* 'завидный' от ⟨atəə(n)⟩ = *атаа(н)* 'зависть'.

⟨-məl⟩ 'возникший в результате совершения к.-л. действия'. Ср. ⟨xiṯ-məl⟩ = *хиймэл* 'искусственный' от ⟨xiṯ=xə⟩ = *хийх* 'делать'.

⟨zɔgə-məl⟩ = *зурмал* 'нарисованный' от ⟨zɔgə=xə⟩ = *зурах* 'рисовать'.

⟨-uu⟩ 'делающий что-л.'. Ср. ⟨jaəg-uu⟩ = *яаруу* 'спешный, торопливый' от ⟨jaəg=xə⟩ = *яарах* 'спешить, торопиться'.

⟨-g⟩ 'совершающий к.-л. действие'²⁸. Ср. ⟨maxə-sə-g⟩ = *махсаг* 'большой любитель мяса' от ⟨maxə-sə=xə⟩ = *махсах* 'хотеть мяса', ⟨bajəp-гхə-g⟩ = *баярхаг* 'гордый своим богатством' от ⟨bajəp-гхə=xə⟩ = *баярхах* 'гордиться своим богатством', ⟨maxə-lə-g⟩ = *махлаг* 'мясистый, толстый' от ⟨maxə-lə=xə⟩ = *махлах* 'толстеть, полнеть, откармливаться', ⟨əmtə-гхə-g⟩ = *оморхог* 'гордый, кичливый, высокомерный, надменный' от ⟨əmtə-гхə=xə⟩ = *оморхох* 'гордиться, кичиться, быть надменным, высокомерным', ⟨aəʒi-m-sə-g⟩ = *аажимсаг* 'медлительный' от ⟨aəʒi-m-sə-xə⟩ = *аажимсах* 'медлить'.

2.8.2. Суффиксы отсубстантивных прилагательных

{-bxi} 'характеризуемый чем-л.'. Ср. ⟨wsə-bxi⟩ = *усавхи* 'водяной' от ⟨wsə(n)⟩ = *ус(ан)* 'вода'.

{-də} 'характеризуемый чем-л., обладающий чем-л.'. Ср. ⟨ami-də⟩ = *амьд* 'оживленный' от ⟨ami⟩ = *амь* 'жизнь'.

{=xəi} 'характеризуемый чем-л. в небольшой степени'. Ср. ⟨xəNхəг-xəi⟩ = *хонхорхой* 'углубленный' от ⟨xəNхəг⟩ = *хонхор* 'впадина'.

2.8.2. Суффиксы отадъективных прилагательных

{=xəi} 'слегка какой-л.'. Ср. ⟨baləg=xəi⟩ = *балархай* 'смутный, неясный' от ⟨baləg⟩ = *балар* 'темный'.

{=xəp} (уменьшительно-ласкательное). Ср. ⟨wləə=xəp⟩ = *улаахан* 'красненький' от ⟨wləəp⟩ = *улаан* 'красный'.

²⁸ В транскрипции лексем, содержащих этот суффикс, я следую за Дж. Стритом [Street 1963: 99], т. е. признаю его отдельной морфемой, а не компонентом морфем {-ləg}, {-səg}, {-гхəg}, {-msəg}, как предлагает [Porpe 1951: 36—37]. Все указанные сочетания трактуются как морфологические идиомы.

{-btər} ('Atten') ('слегка какой-либо') (показатель аттенуатива). Ср. ⟨wɫəə-btər⟩ = *улаавтар* 'красноватый' от ⟨wɫəən⟩ = *улаан* 'красный'.

{-сэг} 'слегка какой-либо'. Ср. ⟨xarə-сэг⟩ = *харцар* 'черноватый' от ⟨xarə⟩ = *хар* 'черный'.

2.9. Адвербиальные суффиксы

Адвербиальные суффиксы сочетаются со "связанными" основами, поэтому отнесение исходных основ к определенным "частям речи" затруднительно. Наиболее естественно считать эти основы субстантивными. Тогда соответствующие суффиксы будут считаться суффиксами отсубстантивных наречий.

{-rə} (эссивное и лативное значение). Ср. ⟨dɔ-rə⟩ = *дор* 'внизу, вниз', ⟨deə-rə⟩ = *дээр* 'вверху, вверх', ⟨dɔtə-rə⟩ = *дотор* 'внутри'.

{-нэ} (эссивно-лативное значение). Ср. ⟨xəə-nə⟩ = *хаана* 'где, куда' ⟨nəə-nə⟩ = *наана* 'с этой стороны, в эту сторону', ⟨сəə-nə⟩ 'с той стороны', ⟨xɔi-nə⟩ = *хойно* 'позади, за', ⟨əmə-nə⟩ = *əmnə* 'перед, впереди, вперед', ⟨gadə-nə⟩ = *гадна* 'снаружи, наружу, вон, кроме', ⟨dɔtə-nə⟩ = *дотно* 'внутри, внутренний'.

{-sɪ} (лативное значение). Ср. ⟨xəə-sɪ⟩ = *хааш* 'куда?', ⟨nəə-sɪ⟩ = *нааш* 'в эту сторону', ⟨сəə-sɪ⟩ = *цааш* 'дальше', ⟨xɔi-sɪ⟩ = *хойш* 'обратно, назад', ⟨dɔə-sɪ⟩ = *доош* 'вниз, в сторону'²⁹, ⟨deə-sɪ⟩ = *дээш* 'наверх'. Если описывать тот диалект, который составлял предмет изучения в [Porre 1951: 44], то приходится каким-то образом зафиксировать умлаут, вызываемый им в вокализме корня.

{-uur} (транслативное значение). Ср. ⟨xəə-uur⟩ = *хаагуур* 'путем', ⟨nəə-uur⟩ = *наагуур* 'по этой стороне', ⟨сəə-uur⟩ = *цаагуур* 'по той стороне', ⟨enə-ə-uur⟩ = *энээгуур* 'здесь, по этому месту', ⟨terə-ə-uur⟩ = *тэрээгуур* 'там, по тому месту', ⟨xɔi-uur⟩ = *наагуур* 'по задней стороне', ⟨dɔə-uur⟩ = *доогуур* 'по низу', ⟨deə-uur⟩ = *дээгуур* 'по верху'.

{-сээ} (цельситивное значение: 'по что, покуда [по высоте]'). Ср. ⟨əbdəg-сээ⟩ = *əvdəgцөө* 'по колено', ⟨zɛrəg-сээ⟩ = *зэрэгцээ* 'наряду с' от ⟨zɛrəg⟩ = *зэрэг* 'уровень', исходные субстантивные основы здесь вполне употребительны изолированно.

²⁹ Интерпретации лексемы *доош* не вполне однозначны, т. к. здесь наличествует нерегулярное наращение долготы гласного. Выбранная транскрипция означает, что в структуре данной основы усматривается наличие пустого суффикса (-ə). В работе [Porre 1951: 44] приводятся наречия, которые в пересчете на кириллическую орфографию дали бы *хайш*, *найш* и *цайш*, но если верить «Обратному словарю» Л. Болда (см. [Болд 1976: 308]), в литературном ХМЯ сейчас эти варианты неупотребительны.

{-хэн} 'слегка...'. Этот суффикс присоединяется к адвербиальным основам, т. о., он относится к суффиксам отнаречных наречий. Ср. ⟨хэи-нэ-хэн⟩ = *хойнохон* 'несколько дальше назад, несколько позднее' от ⟨хэи-нэ⟩ = *хойно* 'сзади, позади, за', ⟨сајә-хэн⟩ = *саяхан* 'недавно' от ⟨сајә⟩ = *сая* 'в последнее время'.

2.10. К проблеме омонимии суффиксов

Среди вышеперечисленных суффиксов есть некоторые суффиксы, образующие омонимичные пары. Так, суффикс ⟨-хэн⟩ выполняет функцию оператора образования отсубстантивных существительных, отадъективных глаголов и отнаречных наречий. От специального рассмотрения таких случаев приходится отказаться, т.к. их изучение не входит в компетенцию морфологии.

2.11. Морфонемная структура природного корня

Под природным корнем понимается корень, удовлетворяющий тем ограничениям на морфонемную структуру, которым подчиняется большинство исконных корней данного языка³⁰. Помимо исконных корней к природным относятся также некоторые заимствованные, а именно те, которые подверглись морфонемной адаптации в такой степени, что не воспринимаются как чужеродные. Такие корни называются *освоенными*. Т.о., природные корни — это понятие синхронной морфологии. С диахронической же точки зрения натуральные корни подразделяются на *исконные* и *освоенные*. Природные корни противопоставляются чужеродным. С синхронной т. зр. *чужеродные* корни — это такие корни, которые не удовлетворяют ограничениям на типичную морфонемную структуру исконных корней данного языка. С диахронической т.зр. чужеродные корни подразделяются на *монструозные* корни, или *монстры* (т. е. исконные, но чужеродные корни) и *неосвоенные* (т. е. заимствованные) корни, еще не подвергшиеся морфонемной адаптации. К монстрам относятся, как правило, междометия, образные и звукоподража-

³⁰ Понятие природного корня (отличающееся от диахронически окрашенных понятий «исконного» и «освоенного» корня) было предложено в работе Поливанова 1976: 8, со ссылкой на работу М. Шапиро 1968 г.

тельные слова и т. п. Ср.: междометие ⟨әй!⟩ 'эй!' включает в себя эмфазную супрасегментную морфону ⟨!⟩, междометие ⟨par⟩ = *пар* 'барабанная дробь, шумиха, хохот' содержит морфону ⟨p⟩, являющаяся типичным признаком чужеродности и т. п.

Природные корни подразделяются на односложные и двусложные. Любой корень содержит хотя бы одно вокалическое ядро, или, для краткости, просто ядро. Ядра подразделяются на начальные (сильные) и ненаачальные (слабые). Единственный слог односложного корня содержит лишь одно ядро, а именно сильное. Первый слог двусложного корня также содержит лишь одно ядро, а именно сильное. Второй слог двусложного корня также содержит ровно одно ядро, а именно слабое.

Всякий слог содержит ровно одно вокалическое ядро.

В качестве ядра может выступать либо монофтонг, либо полифтонг. Полифтонги подразделяются на дифтонги и трифтонги. В качестве сильного монофтонгического ядра может выступать любая сильная гласная морфонема: ⟨a⟩, ⟨ə⟩, ⟨ə⟩, ⟨e⟩, ⟨u⟩. Дифтонги подразделяются на восходящие и нисходящие. Всякий дифтонг состоит из вершины и глайда. В восходящем дифтонге глайд предшествует вершине, в нисходящем дифтонге вершина предшествует глайду.

В качестве вершины сильного дифтонга может выступать любая сильная гласная (см. выше). В качестве глайда сильного дифтонга в принципе может выступать любая слабая гласная: ⟨ə⟩, ⟨i⟩, ⟨u⟩. Однако реализуются далеко не все принципиально возможные сочетания вершин с глайдами. Имеются определенные ограничения на комбинацию гласных морфонем в составе сильного дифтонга.

В халха-монгольском языке имеется ровно один восходящий дифтонг, выступающий в качестве ядра в составе природных корней: это дифтонг ⟨ia⟩. Ср. ⟨miaŋə⟩ = *мянга* 'тысяча', ⟨biar⟩ = *бяр* 'сила, мощь', ⟨gialbəə⟩ = *гялбаа* 'зарница', ⟨niałxə⟩ = *нялх* 'младенец', ⟨xiaŋə=xə⟩ = 'проверить' и т. п.

⟨iə⟩ в составе натуральных корней — только после ⟨ʒ⟩, ⟨č⟩, ⟨š⟩. Ср. ⟨ciəŋə⟩ = *чоно* 'волк', ⟨šiəg⟩ = *шог* 'шутка, проделка', ⟨šəiəg⟩ = *жор* 'рецепт'.

⟨iə⟩. Такое ядро возможно лишь после ⟨ʒ⟩, ⟨č⟩, ⟨š⟩. Ср. ⟨ʒiəgəŋ⟩ = *журам* 'линия, правило, порядок, режим', ⟨ciəwluu⟩ = *чулуу(н)* 'камень', ⟨šiəwuu⟩ = *шувуу* 'птица'.

Следует признать, что наличие двух последних сочетаемостных ограничений (касающихся ядер ⟨iə⟩ и ⟨iə⟩) приходится констатировать лишь в том случае, если принять предлагаемую в настоящей работе фонологическую трактовку шипящих гипофоном

как сочетаний архифонем-сибилянтов с последующей фонемой [ɨ]. Несомненно, данное осложнение правил сочетаемости представляет собой аргумент против принимаемой трактовки шипящих гипофонем. Можно, однако, надеяться, что это усложнение оправдывается тем, что многие другие сочетаемостные правила упрощаются.

Выступая в качестве глайда нисходящего дифтонга, гласные ⟨ə⟩ и ⟨ɨ⟩ свободно сочетаются с вершинами ⟨a⟩, ⟨ɔ⟩, ⟨e⟩, ⟨ə⟩. После вершины может идти только глайд ⟨ə⟩, после вершины ⟨i⟩ может идти только глайд ⟨ɨ⟩, после вершин ⟨ω⟩ и ⟨u⟩ может идти только ⟨u⟩.

Гласная ⟨u⟩ в качестве глайда нисходящего дифтонга выступает лишь после вершины ⟨a⟩. Ср. ⟨aωgəə⟩ = *аугаа* 'сила, могущество, мощь', 'сильный, могущественный, мощный'. Таких слов, по-видимому, ничтожно мало, так что они могут трактоваться как монстры (в вышеуказанном смысле).

Трифтонги имеют восходяще-нисходящее строение, т. е. состоят из вершины, занимающей срединную позицию в ядре, и двух глайдов, занимающих начальное и конечное положение. В качестве вершины трифтонга может выступать только ⟨a⟩. В качестве начального компонента трифтонга может выступать ⟨ə⟩, ⟨ɨ⟩ ⟨u⟩.

ГЛАВА 3

ТИПЫ МОРФЕМ В ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

3.0. Общие замечания

Материалом исследования послужил современный халха-монгольский язык в его устной форме. Для записи используется специально разработанная система транскрипции на латинской основе. Орфографическая запись (в кириллице) дана курсивом без разграничителей, морфемная — в фигурных скобках {}, морфонемная — в угловых скобках <>, архифонемная — в «вертикальных» скобках ||, гипофонемная — в обратных косых скобках \/, аллофонемная — в квадратных скобках [].

3.0.1. История вопроса

Морфологический строй халха-монгольского языка наиболее подробно рассмотрен в теоретических грамматиках¹, практических грамматиках² и в специальных трудах по морфологии³. Имеются специальные работы по морфологии имени⁴, глагола⁵, по теории звуковых чередований⁶, по теории грамматических единиц халха-монгольского языка⁷. Широко представлен халха-монгольский материал также в работах по сравнительно-истори-

¹ [Porpe 1951; Тодаева 1951; Street 1963; Орчин 1966; Санжеев 1960].

² [Поппе 1931; Касьяненко 1968; Vietze 1969; Beffa & Hamayon 1975; Лувсанжав 1976; Vacek & Luvsandordž & Luvsandžav 1979].

³ [Лувсанвандан 1968; Өлзийхутаг 1972; Болд 1986; Орчин 1976].

⁴ [Орловская 1961; Бямбасан 1975].

⁵ [Ramstedt 1903; Кузьменков 1984; Орчин 1987].

⁶ [Пюрбеев 1972; Золхоев 1980; Базаррагчаа 1987].

⁷ [Фице 1974; Яхонтова 1982; Жамбалсүрэн 1987; Надеяев 1988].

ческой морфологии монгольских языков⁸, сравнительно-сопоставительной морфологии монгольских языков⁹, сопоставительной грамматике халха-монгольского и русского языка¹⁰, халха-монгольского и английского языка¹¹. Особую ценность для изучения морфемики представляют обратные словари халха-монгольского языка¹², а также словарь омонимов¹³. Большинство работ описывают морфологию словоформ, записанных в современной орфографии, а не в фонетической или фонологической транскрипции (исключение здесь составляют немногие работы по фонетике халха-монгольского языка), поэтому некоторые данные приходится корректировать в соответствии со сведениями по фонетике халха-монгольского языка, почерпнутыми из этих работ¹⁴.

Подробный обзор достижений монголистов в области халха-монгольской морфемики занял бы слишком много места; поэтому сходства и различия в трактовках здесь специально не оговариваются.

3.0.2. Теоретические пояснения

0.2.0. Прежде чем говорить о типах морфем, сделаем несколько пояснений.

Мы сознательно не будем останавливаться на проблемах, связанных с трактовкой используемых общелингвистических понятий в специальной литературе¹⁵. В наибольшей мере повлияли на автора работы по морфемике и морфонологии последней четверти века¹⁶. Однако перечислять все сходства и отличия авторской концепции от концепций вышеупомянутых авторов здесь не

⁸ [Санжеев 1953; Санжеев 1964; Цыдендамбаев 1979].

⁹ [Бертагаев 1969].

¹⁰ [Галсан 1975].

¹¹ [Лувсанжав 1971].

¹² [Болд 1976; Vietze 1976].

¹³ [Цогбадрах 1981].

¹⁴ [Ramstedt 1903; Владимирцов 1929/1989; Poppe 1951; Street 1963; Лувсанвандан 1967; Vacek et al. 1979].

¹⁵ Для ориентации в них рекомендуется обратиться к «Лингвистическому энциклопедическому словарю» (М., 1990), в частности к статьям «Категория», «Лексема», «Морф», «Морфема», «Морфология», «Морфонема», «Означающее», «Оппозиция», «Падеж», «Понятийные категории», «Склонение», «Флексия», «Флективность», «Фузия». В этих статьях (а также в других статьях этого словаря, ссылки на которые даны в предметном указателе) можно найти обзор взглядов на соответствующие проблемы.

¹⁶ Специально следует отметить труды [Чурганова 1973; Мельчук 1975; Поливанова 1976; Булыгина 1977; Маслов 1978; Маслов 1979; Mel'čuk 1982; Маслов 1987], влияние которых сказалось в настоящей работе особенно сильно.

место. Поэтому основные принимаемые положения приходится изложить несколько декларативно.

0.2.1. Морфема есть базисная единица морфемного уровня. В терминах морфем можно представить любой текст без остатка. Таким образом, из морфем состоят не только слова, но и такие «супрасегментные» средства, как аранжировка (порядок слов) и интонация¹⁷.

0.2.2. Морфема — предельная (= минимальная) единица морфемного уровня, т. е. не может составлять часть другой морфемы.

0.2.3. Хотя при вычленении морфем делается опора на оба плана (выражение и содержание), однако семантическое единство морфемы признается достаточно растяжимым понятием. Фактически это означает, что внимание обращается в первую очередь на формальные свойства морфемы, а не на ее значение. Несколько преувеличивая эту особенность применяемого подхода, можно было бы сказать, что *de facto* морфема вычленяется скорее как единица плана выражения (своего рода «фигура» выражения), чем как собственно двусторонняя единица.

0.2.4. В связи со сказанным в п. 0.2.3, в каноническом случае экспонент морфологического знака состоит из одной морфемы, но в предельном случае имеет место полная идиоматизация: экспонент идиоматичного знака состоит из нескольких морфем (см. п. 8). По сути дела, далее в настоящей работе речь пойдет об этимологических морфемах, для краткости именуемых просто «морфемами»¹⁸.

0.2.5. Наряду с сегментными (= аддитивными) морфемами выделяются несегментные — в т. ч. суппозитивные (= заместительные морфемы = морфологические замены) и субтрактивные (= вычитательные морфемы = морфологические усечения).

0.2.6. В предельном случае морфема бывает более или менее десемантизованной¹⁹, или «соединительной»²⁰. Морфологическая

¹⁷ См.: [Маслов 1987, с. 140].

¹⁸ Можно было бы, конечно, ввести для них особый термин (такой, как «фономорф» или «субморф» в [Чурганова 1973] или «форматив» в [Поливанова 1976]). Однако в этом нет особой необходимости. Ведь даже компоненты полных идиом принято называть словами, хотя они не функционируют в качестве самостоятельных знаков; и причиной тому — их структурное, внешнее сходство с «настоящими» словами. Почему бы в таком случае не называть морфемами единицы, выделяемые на основании их внешних, дистрибуционных характеристик, независимо от того, образуют ли они реально самостоятельные означающие? Между прочим, в ряде работ по морфонологии принято именно такое, «формальное» понимание морфемы. Ср.: Кузнецова и Ефремова; Зализняк.

¹⁹ Ср. понятие «пустой» морфемы в [Мельчук 1975, с. 36].

функция соответствующего знака сводится к «внутрикодовой (служебной) информации»²¹ о сцеплении морфем из определенного класса лексических морфем с морфемой из некоторого определенного класса грамматических морфем²².

0.2.7. Морфема как инвариант класса своих вариантов — результат абстракции отождествления над множеством алломорфем, функционально непротивопоставленных друг другу и автоматически распределенных относительно морфонемного контекста. Вопреки традиции, в одну морфему могут включаться не только алломорфемы, характеризующиеся определенным формальным сходством, но также и алломорфемы, несходные друг с другом — однако лишь при условии, что налицо автоматическое распределение относительно морфонемного контекста. Поэтому морфему, вообще говоря, нельзя записать с помощью морфонем. В терминах морфонем представима лишь алломорфема.

3.0.3. Общий взгляд на классификацию морфем

Общую классификацию морфем можно представить схематически так.

Для наглядности представим классификацию морфем в виде иерархии рубрик. Следует обратить внимание на то, что номера рубрик, представленные в иерархии, не соответствуют номерам рубрик, на которые членится раздел о классификации морфем.

Кроме того, данная классификация не претендует на логическую последовательность. Её основания содержательно гетерогенны. Так, противопоставление словообразовательных и формообразовательных маркеров носит содержательный характер, а противопоставление сегментных и несегментных маркеров — фонетический характер. Однако настоящая классификация была бы практически удобна для внесения некоторой ясности в дальнейшее изложение вопроса.

1. Свободные морфемы

1.1. Морфологически свободные (= морфемы-слова)

1.2. Синтаксически свободные (= морфемы-предложения = морфемы-коммуникативы)

2. Связанные морфемы

2.1. Знаменательные (= акцентно самостоятельные) морфемы (= корни)

²⁰ См. [Трубецкой 1987, с. 76].

²¹ См. [Маслов 1978, с. 7].

²² На материале халха-монгольского языка см. [Крылов 1987].

- 2.1.1. Назывные корни
 - 2.1.1.1. Глагольные корни
 - 2.1.1.1.1. Самостоятельные глагольные корни
 - 2.1.1.1.2. Строчные глагольные корни
 - 2.1.1.1.2.1. Служебно-глагольные корни (= корни служебных глаголов)
 - 2.1.1.1.2.2. Полуслужебные глагольные корни (= корни полуслужебных глаголов)
 - 2.1.1.1.2. Именные корни
 - 2.1.1.1.2.1. Субстантивные корни
 - 2.1.1.1.2.2. Адъективные корни
 - 2.1.1.1.2.3. Наречные корни
 - 2.1.1.1.2.4. Ориентативные корни
 - 2.1.1.1.2.5. Нумеративные корни
 - 2.1.2. Местоименные корни
- 2.2. Служебные (= акцентно несамостоятельные) морфемы (= маркеры)
 - 2.2.1. Сегментные маркеры
 - 2.2.1.1. Гармонически самостоятельные маркеры (= клитики)
 - 2.2.1.1.1. Сентенциальные клитики
 - 2.2.1.1.2. Выделительные клитики
 - 2.2.1.1.3. Связочные клитики
 - 2.2.1.1.4. Клитики-последлоги
 - 2.2.1.2. Гармонически несамостоятельные маркеры (= аффиксы)
 - 2.2.1.2.1. Реляционные аффиксы (= форманты = постфиксы)
 - 2.2.1.2.1.1. Сентенциальные форманты
 - 2.2.1.2.1.2. Выделительный формант
 - 2.2.1.2.1.3. Конъюгационные форманты
 - 2.2.1.2.1.3.1. Предикативные форманты
 - 2.2.1.2.1.3.1.1. Индикативные форманты
 - 2.2.1.2.1.3.1.2. Модальные форманты
 - 2.2.1.2.1.3.2. Причастные форманты
 - 2.2.1.2.1.3.3. Деепричастные форманты
 - 2.2.1.2.1.3.3.1. Сочинительные форманты
 - 2.2.1.2.1.3.3.2. Обстоятельственные форманты
 - 2.2.1.2.1.4. Деклинационные форманты
 - 2.2.1.2.2. Деривационные аффиксы (= суффиксы)
 - 2.2.1.2.2.1. Модификаторы
 - 2.2.1.2.2.1.1. Глагольные модификаторы
 - 2.2.1.2.2.1.2. Субстантивные модификаторы
 - 2.2.1.2.2.1.3. Адъективные модификаторы
 - 2.2.1.2.2.1.4. Наречные модификаторы
 - 2.2.1.2.2.2. Транспозиторы

- 2.2.1.2.2.2.1. Вербализаторы
- 2.2.1.2.2.2.2. Субстантиваторы
- 2.2.1.2.2.2.3. Адъективаторы
- 2.2.1.2.2.2.4. Адвербиализаторы
- 2.2.2. Несегментные маркеры
- 2.2.2.1. Супraseгментные маркеры
- 2.2.2.1.1. Интонемы
- 2.2.2.1.2. Позиционные маркеры
- 2.2.2.2. Морфемы-операции
- 2.2.2.2.1. Симульфиксы
- 2.2.2.2.1.1. Заместительные симульфиксы
- 2.2.2.2.1.2. Вычитательные симульфиксы
- 2.2.2.2.2. Редупликации (= повторы)
- 2.2.2.2.2.1. Неполная редупликация
- 2.2.2.2.2.2. Полная редупликация
- 2.2.2.2.2.2.1. Точная полная редупликация
- 2.2.2.2.2.2.2. Неточная полная редупликация
- 2.2.2.3. Нулевые маркеры (если таковые признавать)

3.1. Классификация морфем по функции в составе более сложных единиц

3.1.0. Знаменательные и служебные морфемы

С точки зрения дистрибуции можно подразделить морфемы на знаменательные и служебные. Служебные морфемы обычно употребляются лишь в сочетании с какими-нибудь знаменательными морфемами. Служебные морфемы в любом языке немногочисленны (их десятки); знаменательных морфем много (их тысячи). Служебные морфемы входят в состав «ограниченных инвентарей», знаменательные морфемы — в состав «неограниченных инвентарей»²³. Употребительность большинства служебных морфем весьма велика; она на порядок больше, чем частота употребления большинства знаменательных морфем²⁴.

Выделение служебных и знаменательных морфем на смысловых основаниях возможно, но это гораздо сложнее, чем применение дистрибутивного критерия.

В любом случае следует помнить, что «вместо альтернативы "или / или" в грамматике определения должны даваться по прин-

²³ См.: [Мартине 1963, с. 471].

²⁴ См.: [Апресян 1966, с. 130, со ссылкой на Б. В. Сухотина и Ю. В. Кнорозова].

ципу “более / менее” (...). Полюсами каждой шкалы постепенных переходов служат вполне определенные категории (лексема и граммема, корень и аффикс и др.). Реальные же речевые единицы могут занимать промежуточные положения на оси, соединяющей эти два полюса»²⁵. Так, среди знаменательных морфем можно выделять подкласс строевых морфем, которые некоторыми своими чертами (частотой употребления, сочетаемостью) сближаются со служебными морфемами (см. ниже 11.3.2).

С другой стороны, служебные морфемы по своим сочетаемым возможностям весьма неоднородны и подразделяются на несколько групп.

3.2. Морфема и высшие единицы (слово и предложение)

С точки зрения структурной соотнесенности морфемы со словом и предложением можно выделять:

3.2.1. Свободные морфемы

3.2.1.1. А. Морфемы-коммуникативы

Морфемы-коммуникативы обычно выступают в качестве отдельного предложения — это междометия *аа* ‘о! а!’, *ээ* ‘о! а!’, *тий* ‘брр!’, *ёо* ‘ох!’, дискурсивные реплики *биш* ‘нет’, *за* ‘да! ладно!’, *байз* ‘минуточку! погоди!’, дейктический элемент *май* ‘вот!’.

3.2.1.2. Б. Морфемы-слова

Морфемы-слова²⁶ обычно выступают в качестве отдельного акцентного слова. Сюда относятся наречия типа *нэвт* ‘насквозь’, *бут* ‘вдребезги’, интенсификаторы типа *маш*, *тун*, *нэн* (со значением ‘очень’, ‘весьма’). Дистрибутивный анализ таких слов осуществлен в [Кузьменков 1980].

Морфемы вышеуказанных двух классов могут квалифицироваться как абсолютные // свободные // самостоятельные; тип А — как синтаксически абсолютные, а тип Б — как морфологически

²⁵ См.: [Арутюнова 1964, с. 140—141].

²⁶ [Маслов 1987, с. 132].

абсолютные; остальные морфемы — в той или иной степени связанные. Впрочем, для халха-монгольского языка, как и для всех агглютинативных языков, характерна тенденция использовать нулевые показатели в составе «семантически исходных форм»²⁷. Словоформы без сегментного показателя грамматического значения могут трактоваться по-разному.

(А). Отсутствие сегментного показателя трактуется как нулевой показатель²⁸. Тогда приходится признать именные и глагольные корни связанными морфемами. Если усматривать как в номинативе и атрибутиве имен, так и в императиве глаголов нулевую морфему, то большинство корней (как именных, так и глагольных) должны быть признаны потенциально квазисвободными (т. е. способными в сочетании с нулевым грамматическим показателем самостоятельно образовывать словоформу).

(Б). Многие авторы, исходя из семантической оправданности (мотивированности) нулевой манифестации семантически немаркированных форм, в подобных случаях говорят не о «нулевом аффиксе», а об «отсутствии аффикса»²⁹. При такой трактовке придется большую часть именных корней считать потенциально свободными, т. е. способными функционировать на правах отдельного слова (в словоформах номинатива и атрибутива), а большую часть глагольных корней — потенциально квазисвободными, т. е. способными (в сочетании с нулевым показателем) составлять самостоятельную словоформу (для халха-монгольского языка это — императив).

(В). Исходя из общих соображений о структуре агглютинативной словоформы, можно трактовать все словоформы без сегментного показателя грамматического значения как безаффиксные (независимо от того, является ли соответствующее грамматическое значение семантически не маркированным или нет). Если трактовать существительное в номинативе и глагол в императиве как «безаффиксные» формы, то большинство корней (как именных, так и глагольных) надо считать потенциально свободными.

3.2.2. Связанные морфемы

Связанные морфемы способны составлять часть акцентного слова. Они подразделяются на корни (связанные знаменательные морфемы) и маркеры (связанные служебные морфемы). Семанти-

²⁷ [Маслов 1987, с. 236].

²⁸ [Маслов 1987, с. 236].

²⁹ [Яхонтов 1965, с. 95].

ческая характеристика этих классов затруднительна: за псевдо-семантическими ярлыками (типа «корень — смысловое ядро слова»), как правило, кроется «внутриязыковая» классификация морфем. Термин «маркеръ» содержательно близок к «формантам» в понимании В. М. Алпатова³⁰: речь идет об агглютинативных морфемах, неспособных к самостоятельному употреблению, неотделимых от знаменательного слова.

Корни как дистрибутивный класс характеризуются тем, что подавляющее большинство членов этого класса способно употребляться в качестве отдельного акцентного слова (оговорки насчет «потенциальной квазисвободы» см. выше).

Исключение из этого правила, по-видимому, составляют некоторые немногочисленные «связанные» корни типа {nam-} 'я' (винительный падеж), {ɕiam-} 'ты' (косвенные падежи), {ma-} 'мы' (косвенные падежи), {tei-} 'к', {dø-} 'низ', {deə-} 'верх', {døtə-} 'внутренности', {ømə-} 'перед', {dω-} 'середина', {gadə-} 'наружная сторона', {xɕi-} 'зад', {naə-} 'близость', {dɛrgə-} 'близость', {saə-} 'зад' или 'даль', {ɕi-} 'близость' и т. п., употребляющиеся только в сочетании с определенными суффиксами или постфиксами. Ср. пространственные наречия и прилагательные {døtə-rə} 'внутри', {døtə-gšɨ} 'вовнутрь', {deə-rə} 'на', {deə-gšɨ} // {deə-šɨ} 'выше, вверх', {gadə-əə} 'наружу', {gadə-nə} 'снаружи, вне, кроме', {xɕi-nə} 'сзади', {xɕi-uur} 'сзади', {xɕi-šɨ} 'назад', {naə-uur} 'ближе, по эту сторону', {naə-də-xɨ} 'находящийся по эту сторону, ближайший', {naə-nə} 'ближе, по эту сторону', {naə-šɨ} 'сюда', {saə-nə} 'дальше, за, по ту сторону', {saə-šɨ} или {saɨ-šɨ} 'дальше', {dɕə-uur} 'под, ниже', {dɕə-rə} или {dɕə-rə} 'под, ниже, внизу', {dɕə-rə-tə} 'низший, нижний, последний', {dɕə-šɨ} // {dɕə-rə-šɨ} 'вниз, ниже, менее', где значения компонентов полустерты, но прослеживается значение «ориентира» у корня и «двигательное» значение суффикса. Ср. {ɕiam-də} 'тебе', {ɕiam-əɨ-gɨ} 'тебя', {nam-əɨ-gɨ} 'меня', {ma-n-əəɕ} 'от нас (эксклюзив)' (книжное). Маркеры же неспособны употребляться в качестве отдельного акцентного слова.

Акцентное слово может состоять из нескольких гармонических слов.

Маркеры подразделяются на сегментные и несегментные. Сегментные маркеры подразделяются на клитики (не подвергаемые действию сингармонизма, т. е. выступающие в качестве отдельного гармонического слова) и аффиксы (составляющие единое гармоническое слово с предшествующим корнем). Термин «клитика» здесь употребляется несколько в ином значении, чем

³⁰ [Алпатов 1985].

это принято у других авторов³¹. Но клитики вместе с тем нетождественны «служебным словам» в понимании В. М. Алпатова³², так как неспособны к дистантному расположению относительно синтаксически связанных с ними знаменательных слов.

Общее число клитик в халха-монгольском языке не вполне ясно. Вероятно, их два-три десятка. К клитикам (конкретнее, энклитикам) относятся показатели типа {+gu} 'не, без', {+šiuu} 'ведь', редуцированные притяжательные местоимения артиклевого характера — {+minu} (букв. 'мой'), {+cinu} (букв. 'твой') и т. п. Видимо, некоторую склонность к клитизации (потере самостоятельного ударения при сохранении гармонической автономности) в той или иной степени обнаруживают вообще все строевые (полуслужебные) морфемы (см. 1.0 и 11.3.2).

Гармоническое слово, способное выступать в качестве отдельного акцентного слова, есть словоформа. Словоформы неизменяемых частей речи (наречий) материально тождественны соответствующим лексемам. Словоформы изменяемых частей речи (существительных, прилагательных, глаголов, послелогов) состоят из лексической части (словоизменительной основы) и грамматической части (форматива).

Обычно лексема имеет ровно одну словоизменительную основу, если отвлечься от случаев супплетивизма и гетероклизии (более сложную проблему представляет собой «тематическое» склонение, см. [Крылов 1987]). Поэтому в общем случае можно говорить о морфемном строении лексемы, подразумевая морфемное строение ее словоизменительной основы.

Лексемы подразделяются на производные и непроизводные. Непроизводная лексема состоит из одного корня. Производная лексема состоит из деривационной основы и деривационного форматива. В качестве деривационного форматива, как правило, выступает тот или иной суффикс или сочетание суффиксов. Деривационная основа может быть также производной и непроизводной.

Словоизменительный форматив может состоять из одного или нескольких формантов. Термин «формант» употребляется здесь приблизительно в том же значении, как у В. М. Алпатова³³, с той оговоркой, что клитики³⁴ я к формантам не отношу и выделяю в особый морфонологический класс.

³¹ Ср. [Барулин 1984, Кононов-Барулин 1987], где клитиками считаются также некоторые элементы, подвергаемые сингармонизму.

³² См. [Алпатов 1985, с. 99].

³³ См. [Алпатов 1985, с. 94].

³⁴ Как было сказано выше, это — морфемы, не подвергаемые сингармонизму.

С позиционной точки зрения форманты в халха-монгольском языке относятся к постфиксам; сегментные аффиксы иных позиционных типов в халха-монгольском языке, по-видимому, отсутствуют³⁵.

Таким образом, с точки зрения морфологической типологии халха-монгольский язык является типичным «суффиксальным» языком. «Индекс суффиксации» [Гринберг 1963, с. 80], т. е. отношение числа суффиксов и постфиксов к числу словоформ в достаточно представительном отрезке текста на халха-монгольском языке, весьма высок: по подсчетам Н. С. Яхонтовой, он составляет 1,01.

Из 26 языков, послуживших базой исследования по количественной типологии [Количественная 1982], ему уступают лишь турецкий (1,14), корейский (1,05), японский (1,38), телугу (1,42), чукотский (1,02), санскрит (1,15), арабский (1,13)³⁶.

3.3. Классификация корней и аффиксов

3.0. Вышеуказанные классы морфем не отделены друг от друга непроницаемыми границами. Так, среди суффиксов можно выделить подкласс грамматикализованных суффиксов, или «суффиксов грамматического словообразования», занимающий в составе этого класса периферийное положение. Грамматикализованные суффиксы — это, например, показатели мн. ч. — {-s-}, {-d-}, {-uud-}, {-n-}, а также продуктивные показатели глагольных залогов — {-uula-}, {-lgə-} (каузатив) и {-gdə-} (пассив).

Остальные суффиксы — лексикализованные (суффиксы лексического словообразования), хотя и среди них есть продуктивные — особенно показатели глагольных залогов {-əə-} // {-gəə-} (каузатив), {-ldə-} (реципрок), {-lcə-} (кооператив), {-cəgəə-} (плюрикатив), {-cɪ-} // {-cɪxə-} (интенсив).

Позиционная особенность плюралных суффиксов существительных: они всегда следуют после лексикализованных суффиксов (но перед постфиксами). Позиционная особенность грамматикализованных суффиксов глагола: в составе глагольной основы, включающей как лексико-деривационные, так и грамматико-деривационные суффиксы, первые всегда предшествуют последним.

³⁵ Если не трактовать редупликацию (напр., в составе цветообозначений) как особого рода «префикс».

³⁶ Впрочем, результаты этого исследования, очевидно, нуждаются в серьезных уточнениях: при увеличении выборки уменьшится дисперсия (которая в упомянутом исследовании порой оказывается непростительно велика!) и, соответственно, допустимое отклонение. Таким образом, можно будет сузить доверительный интервал и тем самым повысить надежность сделанных статистических подсчетов.

Вместе с тем любые суффиксы (в том числе грамматикализованные) в составе словоформы предшествуют постфиксам.

3.1. Среди суффиксов различаются модификаторы (операторы внутрикатегориальной деривации, т. е. деривации внутри одной части речи) и транспозиторы (операторы межкатегориальной деривации, или транспозиции, т. е. перехода от одной части речи к другой).

Глагольные модификаторы — это, например, показатели глагольных залогов (см. выше).

Субстантивные модификаторы — это, например, плюрализаторы, а также суффиксы {-ci} 'тот, кто имеет дело с чем-л.', ср. *хонь-ч* 'овчар' от *хонь* 'овца'; {-bcɪ} 'покрытие для чего-л.', например *хуруу-вч* 'наперсток' от *хуруу* 'палец'.

Адъективные модификаторы — это, например, суффиксы {-gɕɪn} 'о самке', ср. *харагчин* 'ворона' от *хар* 'черный'; {-xəp} '-оватый', ср. *улаанхан* 'красноватый' от *улаан* 'красный'; {-btər} '-оватый', например, *сулавтар* 'слабоватый' от *сул* 'слабый'. Суффикс {-xəp} выступает и как наречный модификатор, ср. *саяхан* 'только что' от *сая* 'недавно'.

Транспозиторы подразделяются на субстантиваторы, адъективаторы, вербализаторы, локализаторы. Субстантиваторы — операторы образования существительных, адъективаторы — операторы образования прилагательных (подробный перечень тех и других см. [Орловская 1961]), вербализаторы — операторы образования глаголов³⁷; локализаторы — операторы образования послелогов с локативным значением от корней со значением ориентира. К числу суффиксов-локализаторов можно отнести, например, суффиксы {-gɕi-} // {-sɪ-} 'латив', {-пə} 'эссив', {-rə} 'эссив', {-uur} 'транслатив', ср. *хаа* 'где?', *хаа-ш* 'куда?', *хаа-гуур* 'каким маршрутом?', *хаа-на* 'где?', а также примеры корней со значением ориентира, см. выше, пункт 2.2.

3.2. Корни подразделяются на глагольные, субстантивные, адъективные, наречные и ориентативные согласно своим сочетаемостным потенциям.

Глагольные корни характеризуются сочетаемостью с постфиксами {=nə} 'презент', {=ləə} 'профект', {=ʒiə} 'перфект', {=b} 'аорист', {=əəd} 'антегрессив', {=ʒi} 'конгрессив', {=xə} 'инфинитив', {=əə} 'имперфектив', {=sən} 'перфектив', {-dəg} 'узуалис' и т. п.

Субстантивные корни характеризуются сочетаемостью с постфиксами {=uɪNx} 'генитив', {=də} 'датив', {=uɪgɪ} 'аккузатив', {=əər} 'инструменталис', {=təɪ} 'комитатив'.

³⁷ О глагольном словообразовании см. [Poppe 1951, с. 45—52; Street 1963, с. 83—87].

Различие между субстантивными и адъективными корнями прослеживается по преимуществу в их сочетаемости с деривационными суффиксами. Так, субстантивные корни сочетаются с суффиксами глагольного словообразования {-lə-}, {-nə-} 'использовать что-л.', с суффиксами субстантивного словообразования {-ci}, {-bcī}, {-tən}, с энклитикой {+nəg} 'мн. число'. Адъективные корни сочетаются с вербализаторами {-ci-lə-}, {-zi-gə-}, с адъективными модификаторами (примеры см. выше).

В целом границу между классом субстантивных корней и классом адъективных корней приходится признать размытой. Но это не значит, что существительные и прилагательные как отдельные части речи слабо разграничены: граница между соответствующими синтаксическими частями речи проводится гораздо более четко, но это уже синтаксическая проблема.

Форманты (= постфиксы) можно разделить на несколько классов.

1. Сентенциальные (завершают предложение): {=bəl!}, {=uu}, {=əəl!}, {=l}, {=dəə};

2. Конъюгационные (завершают глагольную словоформу), в т. ч.:

2а. Предикативные (завершают главное сказуемое): {=əəgəl}, {=əəci}, {=gtun}, {=g}, {=əəsəl}, {=jəə}, {=mzə}, {=uuʒəl}, {=nə}, {=ləə}, {=ʒi}, {=bə};

2б. Деепричастные (завершают второстепенное сказуемое): {=ʒi}, {=əəd}, {=n}, {=bəl}, {=təl}, {=xləər}, {=məgcə}, {=ŋuutə}, {=ŋəə}, {=bcī}, {=səər};

2в. Причастные (завершают именные вербоиды): {=əə}, {=sən}, {=xə}, {=dəg}, {=məər}, {=gci}, {=əəstəl}, {=xuiсə};

3. Деклинационные (завершают именную словоформу), в т. ч.:

3а. тематический (основообразующий) {=n=};

3б. адъективизирующие: комитативный {=təl}; генитивный {=uiNx};

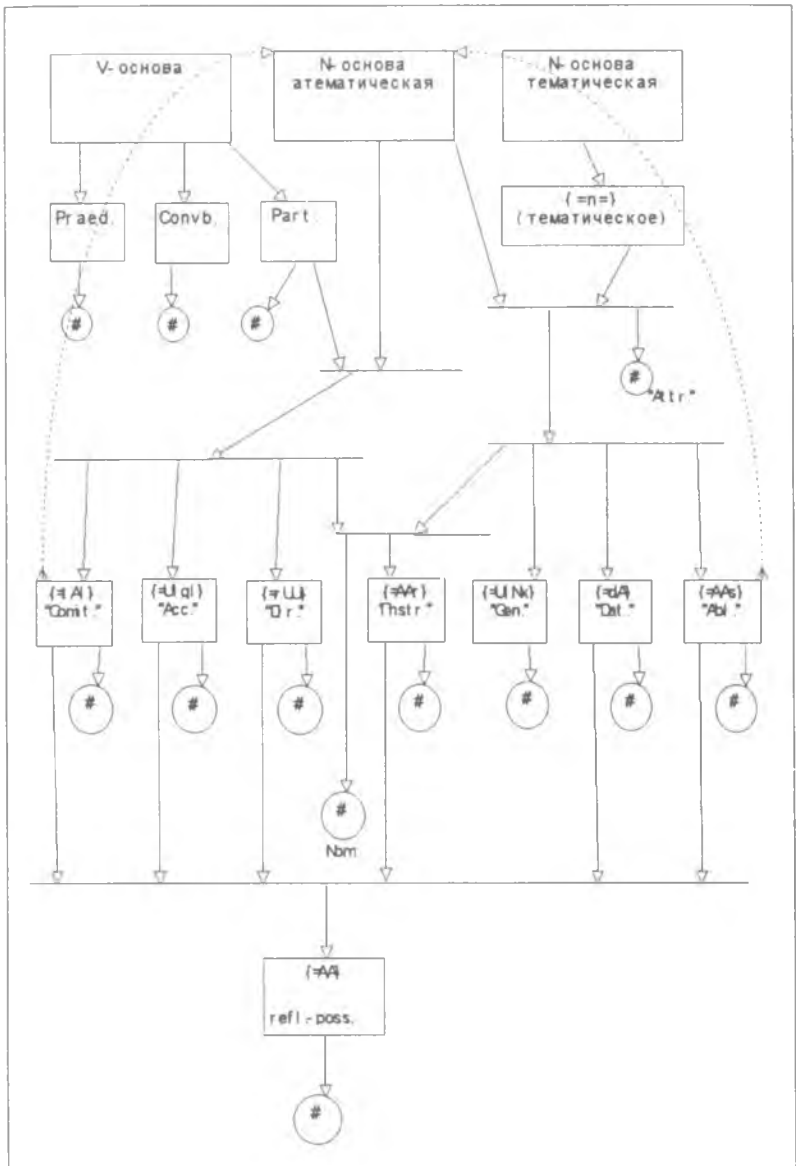
3в. собственно-падежные: {=də}, {=uigi}, {=əər}, {=ruu}, {=əəs};

3г. возвратный {=əə}.

Порядок следования постфиксов может быть изображен на следующей блок-схеме (см. табл. 1 на вклейке).

Наличие циклов в схеме связано с тем, что после деклинационных формантов {=təl} и {=uiNx} могут следовать другие деклинационные форманты (при так называемом «двойном склонении»). Возможна трактовка, согласно которой {=təl} образует прилагательные с комитативным значением 'имеющий X', а {=uiNx} — прилагательные с посессивным значением 'принадлежащий X-у'; а эти прилагательные далее субстантивируются и приобретают склоняемость (хотя возможности такого склонения и ограничены).

Таблица 1.
Блок-схема словоизменительной аффиксации
в халха-монгольском языке

3.4. Несегментные морфемы

Среди несегментных морфем можно выделить нулевые морфемы, морфемы-операции (симульфиксы и повторы) и супрафиксы. Ударение и тон в халха-монгольском языке не используются в качестве интравербальных морфем: ударение имеет лишь кульминативную и делимитативную функцию, а тон используется лишь для выражения коммуникативных установок и логического выделения. Сведения о супрасегментных значимых единицах халха-монгольского языка весьма скудны, поэтому о супрафиксах говорить далее не придется.

3.4.1. Проблема «нулевых морфем»

Исходя из вышеизложенного (в пп. 0.1—0.9) понимания термина «морфема», морфологическое описание в принципе может обойтись вообще без понятия нулевой морфемы. Вводя нулевую морфему, понимаемую в духе европейской грамматической традиции, грамматисты фактически стремятся к установлению «однозначного» соответствия между означаемыми и означающими. Однако изложенная выше концепция соотношения между морфемами и идиомами ориентирована, напротив, на описание асимметрии языкового знака. Исходя из этого понимания, нулевыми следовало бы считать не морфемы, а идиомы. Если вспомнить, что идиомы описываются как состоящие из морфем, то достаточно определить нулевую идиому (нулевой знак) как идиому, состоящую из нулевого числа морфем, т. е. вообще не содержащую ни одной морфемы. Тогда в нулевых морфемах практически нет нужды: нулевой следовало бы считать лишь морфему, постулируемую на основе общих закономерностей морфонемной структуры словоформы. Таких случаев, видимо, не слишком много. Другим возможным подходом было бы введение понятия нулевой морфемы.

Заметим, что монголисты почти не используют понятие нулевой морфемы (или «нулевого аффикса»). Так, существительное в номинативе трактуется как «форма чистой основы», как исходная (и, таким образом, наиболее простая) форма в парадигме.

В последующем изложении мы будем оставлять открытым вопрос о том, является ли нулевой знак только нулевой идиомой или также нулевой морфемой. Для изложения соответствующей проблематики будет использован «нейтральный» термин «нулевой знак», покрывающий оба эти понятия.

3.4.1.1. Использование нулевых знаков

Нулевые знаки используются в халха-монгольском языке для выражения:

- (а) номинатива и атрибутива в системе склонения, например, *төмөр(-∅)* 'железо' (номинатив) или 'железный' (атрибутив);
- (б) императива в системе спряжения, например, *яв(-∅)* 'иди';
- (в) субстантивации прилагательных в системе словообразования, например, *сайн (-∅)* 'благо' (от *сайн* 'хороший').

3.4.1.2. Проблема нулевых знаков и числовая оппозиция

Отсутствие эксплицитного аффикса-плюрализатора иногда трактуется как нулевой знак. В пользу этой трактовки говорит следующее:

(1) Нулевой знак противопоставлен ненулевому (суффикс-плюрализатору), сигнализирующему о множественности предметов.

(2) Эта оппозиция имеет грамматическую значимость, так как наличие / отсутствие суффикса-плюрализатора влияет на грамматическую правильность текста. Так, числительные и кванторные слова не сочетаются с существительными во множественном числе: ср. **олон номууд* (надо: *олон ном* 'много книг').

(3) Значение нулевого знака не обязательно определять как 'ед. ч.', можно назвать эту граммему «общим числом» по аналогии с общим видом в аспектологии.

Против этой трактовки говорят следующие доводы:

(1) Числовая оппозиция имеет ярко выраженный привативный характер. Безаффиксная форма может обозначать и множество. Значит, нельзя выделять нулевой знак с грамматическим значением 'единственное число'.

(2) Числовое различие носит скорее словообразовательный, нежели словоизменительный характер, ибо:

(а) плюрализованные формы употребляются во много раз реже безаффиксных и выступают в тех же синтаксических функциях, что и безаффиксные формы;

(б) обычно замена множественного числа на общее и обратно не ведет к нарушению (или, наоборот, восстановлению) грамматической правильности текста. Ситуация напоминает положение с уменьшительными суффиксами в русском языке, которые обычно не считают грамматическими.

(3) Нежелание признать числовое различие словообразовательным обусловлено гипнотическим давлением европейской грамматической традиции, базирующейся на языках «среднеевропейского стандарта».

Тем самым вопрос о статусе значимого отсутствия плюрализатора допускает три альтернативных решения:

(а) оппозиция по числу грамматична;

(а¹) единственное число противопоставлено множественному числу;

(а²) общее число противопоставлено множественному числу;

(б) оппозиция по числу — словообразовательная.

Точки зрения (а¹) и (а²) допускают как трактовку «с нулевым знаком», так и противоположную трактовку. Точка зрения (б) плохо сочетается с признанием нулевого знака, противопоставленного плюрализатору.³⁸

3.4.1.3. Использование нулевых знаков в синтаксисе

В принципе можно было бы выделять знаменательные нулевые знаки, функционирующие наподобие отдельных материально выраженных лексем (например, нулевую связку, нулевое анафорическое местоимение, нулевые актанты в составе полупредикативных и вторично-предикативных оборотов) (если понимать морфему как двустороннюю единицу, то можно было бы говорить о нулевых корневых морфемах или нулевых знаменательных морфемах), однако выделение таких знаков может быть обосновано лишь синтаксическими, а не морфологическими соображениями.

3.4.2. Проблема симульфиксов

В халха-монгольском языке имеется ряд звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию. Но обычно они ее выполняют не в одиночку, а вместе с аффиксом.

Наряду с сегментными (= аддитивными) морфемами мы будем выделять несегментные — в том числе суппозитивные (т. е. заместительные) и субтрактивные (т. е. вычитательные) морфемы.

³⁸ Это было бы столь же нелепо, как усматривать в русском слове *дом* нулевой знак со значением «нормальности», противопоставленный показателям уменьшительности (*дом-ик*) и увеличительности (*дом-ище, дом-ина*).

Несегментная морфема, или «симульффикс»³⁹, — примерно то же, что «апофония»⁴⁰, «значащее чередование», «чередование с морфологической функцией». Суппозитивные средства — это морфологические замены, а субтрактивные — это морфологические усечения.

Многочисленные случаи такого рода представлены в склонении местоимений: ср. чередования в составе корня местоимения первого лица единственного числа ('я'): {bi} (в номинативе), но {m1-} (в генитиве); {namə1-} (в аккузативе), но {nad-} (в остальных косвенных падежах); местоимение второго лица единственного числа ('ты'): {ci-} (в номинативе и генитиве), но {ciamə1-} (в аккузативе) или {sam-} (в остальных косвенных падежах); местоимения третьего лица единственного числа ('он'): {te-rə} (в номинативе), но {te-uu-} или {te-rə-uu-} (в инструменталисе) и {te-uu-n-} или {te-rə-uu-n-} (в остальных косвенных падежах); {e-nə} (в номинативе), но {e-uu-} или {e-nə-uu-} (в инструменталисе) и {e-nə-uu-n-} (в остальных косвенных падежах) и т. п.

Во всех таких случаях мы имеем дело с явлением частичного супплетивизма (или «гетероклизии»). Это явление носит резко исключительный характер. Наибольший интерес в этом смысле представляет чередование {n ⇒ ∅} в склонении. Возможно усмотреть здесь либо симульффикацию типа «меня» {n ⇒ d}, либо сочетание усечения {n ⇒ ∅} с суффиксом {-d} (см. ниже), однако допустимо трактовать {n} и как член чередования {n ⇒ ∅}, выполняющего морфологическую функцию (см. ниже, п. 9.2). Морфологическое усечение имеет место перед суффиксом-плюрализатором {-d}: *нөхөр* 'товарищ' — *нөхөд* 'товарищи', *хаан* 'хан' — *хаад* 'ханы' и т. п.⁴¹.

3.5. Редупликация

Редупликация состоит в употреблении особого типа морфем — «морфем-повторов»⁴².

В халха-монгольском языке представлено три типа редупликации.

³⁹ См.: [Маслов 1987, с. 140].

⁴⁰ См.: [Мельчук 1975, с. 43].

⁴¹ О теоретически возможных трактовках этого усечения см. [Крылов 1988]: здесь можно усматривать и симульффикацию типа «меня» {n ⇒ d}, и сочетание усечения {n ⇒ ∅} с суффиксом {-d}.

⁴² См.: [Маслов 1987, с. 140, 142].

3.5.1. Редупликация первого слога корня (Re₁)

Re₁ является неполной: редуплицируются лишь инициаль и ядро первого слога корня. Повтор является неточным, так как в его составе содержится еще финаль ⟨-b⟩, добавляемая после повтора. Re₁ относится к препозитивному типу, т. е. повтор (вместе с финалью ⟨-b⟩) располагается перед знаменательным словом, к которому он применяется.

Re₁ применяется к цветообозначениям и служит для выражения интенсивности качества: Re₁(*хара* 'черный') = *хав хара* 'очень черный', Re₁(*улаан* 'красный') = *ув улаан* 'красный-красный', Re₁(*цагаан* 'белый') = *цав цагаан* 'белоснежный, ослепительно белый', Re₁(*ногоон* 'зеленый') = *нов ногоон* 'ярко-зеленый'.

Re₁ можно описать и иначе — как прибавление к корню префикса (или предлога) с переменным морфонемным составом («префикса-хамелеона»), транскрибируемого как {CVb:} и подверженного регрессивному консонантно-вокалическому сингармонизму относительно инициали и ядра первого слога корня. Остается неясным акцентологический статус редуплицированных образований: сколько ударений они содержат и на каких слогах стоит ударение.

3.5.2. Редупликация слова (Re₂ и Re₃)

Редупликация слова может быть точная (Re₂) и неточная (Re₃). Точная редупликация основы выражает значения:

дистрибутивной множественности Re₂(*гэртээ* 'в своей юрте') = *гэр гэртээ* 'по своим юртам',

интенсивности Re₂(*чанга* 'крепко') = *чанга чанга* 'крепко-крепко'

и длительности Re₂(*явсаар* 'шел') = *яв явсаар* 'шел, шел...'

Неточная редупликация (добавление «слова-эха», начинающегося на ⟨m⟩) выражает значение 'и тому подобное', 'и прочее' (разговорное, пренебрежительное): ср. Re₃(*дарга* 'начальник') = *дарга марга* 'начальство'.

Если первый слог корня — прикрытый, то его инициаль заменяется на ⟨m⟩, если неприкрытый — то к нему добавляется инициаль ⟨m⟩ (впрочем, можно считать, что в последнем случае «нулевая» инициаль заменяется на ⟨m⟩): Re₃(*архи* 'водка') = *архи мархи* 'водка и прочее' (разговорное, пренебрежительное).

Re₃ может применяться и к целым словоформам: Re₃(*цонхтой*) = *цонхтой монхтой* 'с окнами-оконницами', где *цонхтой* — форма комитатива от *цонх* 'окно'.

Я не уверен, что повторы типа Re_2 и Re_3 можно считать морфо-логическими в строгом смысле слова (может быть, разумнее относить редупликацию к синтаксическим средствам).

3.6. Морфонологическая структура морфем

Имеются определенные ограничения на употребление фонем (и морфоном) в составе морфем (точнее говоря, алломорфем). Так, ядро первого слога корня не может состоять из одной редуцированной гласной. Оно обязательно включает сильную (нередуцированную) гласную, а ядро любого слога аффикса, напротив, не может содержать сильных гласных. Корень не может начинаться с согласной ⟨r⟩ и т. п. Многие из этих ограничений элементарно выводятся из ограничений на дистинктивные возможности морфоном, поэтому очертим эти возможности вкратце.

3.6.1. Дистинктивные функции морфоном

В начальной (вершинной) мере корня реализуются корреляции: по узкому / среднему раствору (⟨i⟩/⟨e⟩, ⟨u⟩/⟨e⟩, ⟨ω⟩/⟨ɔ⟩), по огубленности / неогубленности (⟨u⟩/⟨i⟩, ⟨ə⟩/⟨e⟩), и «полу» («женский» / «мужской») (⟨ω⟩/⟨u⟩, ⟨ɔ⟩/⟨e⟩);

а также дизъюнкции:

по «полу» и огубленности (⟨i⟩/⟨ω⟩, ⟨e⟩/⟨ɔ⟩), по «полу» и раствору (⟨ω⟩/⟨e⟩, ⟨u⟩/⟨e⟩, ⟨i⟩/⟨a⟩, ⟨e⟩/⟨a⟩), по огубленности и раствору (⟨u⟩/⟨e⟩, ⟨i⟩/⟨e⟩, ⟨e⟩/⟨a⟩, ⟨ɔ⟩/⟨a⟩), по «полу», огубленности и раствору (⟨i⟩/⟨ɔ⟩, ⟨u⟩/⟨a⟩, ⟨ω⟩/⟨e⟩, ⟨ə⟩/⟨a⟩).

В нена начальной (или невершинной) мере корня, а также в составе суффиксов и формантов реализуются дизъюнкции:

по раствору и ряду (⟨ə⟩/⟨i⟩), по огубленности и ряду (⟨i⟩/⟨u⟩), по раствору и огубленности (⟨ə⟩/⟨u⟩).

Долгие гласные и дифтонги трактуются⁴³ как сочетания морфоном; соответственно, и оппозиции таких единиц друг другу и простым единицам будут считаться неэлементарными.

В большинстве позиций реализуются такие консонантные противопоставления шумных, как:

⁴³ Вслед за [Street 1963].

напряженность / ненапряженность ((p)/(b), (t)/(d), (x)/(g), (c)/(z), (c)/(z), (v)/(f)),

способ артикуляции (смычность / аффрикатность) ((t)/(c), (d)/(z)); локальный ряд ((b)/(d)/(g), (p)/(t)/(k)).

Однако перед передними гласными верхнего подъема ((i), (i)) дистинктивная нагрузка оппозиции переднеязычных по способу и месту образования оказывается ослабленной, так как здесь возможны лишь двухфокусные согласные ((z), (c), (š)), а однофокусные ((d), (z), (t), (c), (s)) невозможны.

Сонорные согласные ((m), (n), (l), (r)) противопоставлены по способу образования (назальные / плавные) и по локальному ряду.

3.6.2. Морфонемная структура корня

Неместоименный корень может состоять из одного или из нескольких слогов.

Фонетические облики корней обычно слоговые; неслоговые фонетические облики встречаются только у местоимений, однако и в данном случае морфонематическая запись этих корней показывает, что они все-таки содержат гласные — хотя и подвергаемые фузии при словообразовании местоименных слов. Это: ⟨ja-⟩ 'вопросительность', ⟨te-⟩ 'экстремум', ⟨e-⟩ 'проксимум'. У «назывных» слов вообще не бывает неслоговых корней — ни на фонетическом, ни на морфонемном уровне. Инициаль первого слога корня может быть нулевой и ненулевой. В исконных корнях в качестве ненулевой инициали могут выступать все согласные, кроме «чужеродных» ((v), (k), (f)) и плавных ((l), (r)); стечения согласных запрещены. Финаль последнего слога корня («исход») может быть ненулевой («консонантный исход» — «закрытый» корень) и нулевой («вокалический исход» — «открытый» корень).

В качестве ненулевой финали корня могут выступать только согласные ⟨b⟩, ⟨g⟩, ⟨d⟩, ⟨n⟩, ⟨l⟩, ⟨r⟩, ⟨m⟩, ⟨ŋ⟩; кластеры запрещены.

В качестве консонантного перекрытия между первым и вторым слогами двусложного корня могут выступать как одиночные согласные, так и кластеры. В качестве первого компонента кластера могут выступать:

- (1) любые сонорные;
- (2) шумные ⟨g⟩, ⟨d⟩, ⟨s⟩, ⟨b⟩.

Вокализм корня как будто не подвержен дополнительным ограничениям, кроме тех, которые прямо следуют из дистинктивных возможностей морфем.

3.6.3. Морфонемная структура суффикса

Инициалью суффикса может быть ⟨r⟩, что отличает суффиксы как от корней, так и от клитик (а также от большинства формантов; исключение составляет показатель директива ⟨=ruu⟩ 'по направлению к', занимающий промежуточное положение между классом суффиксов и классом формантов).

Суффиксы (их около сотни) большей частью односложны. Двусложных суффиксов всего семь: ⟨-æsi⟩; ⟨-cægæ⟩; ⟨-cixə⟩; ⟨-mtægəi⟩; ⟨-uuri⟩; ⟨-uuli⟩; ⟨-dugær⟩.

В составе суффиксов не употребляется морфонема ⟨j⟩, а также «чужеродные» морфонемы.

В соответствии с пунктом 3.6.1 ядром суффиксального слога не могут быть «сильные» морфонемы ⟨a⟩, ⟨ə⟩, ⟨e⟩, ⟨ə⟩, ⟨ω⟩, ⟨u⟩.

Кроме того, финалью суффикса не может быть морфонема ⟨b⟩. Кластеры здесь невозможны (если разве только не трактовать ⟨ŋ⟩ как кластер, что само по себе не абсурдно, но усложняет описание без надобности).

3.6.4. Морфонемная структура форманта

Формантов насчитывается пятьдесят; большинство их односложны. Двусложных формантов всего пять: это ⟨=æəgəi⟩, ⟨=æəsəi⟩, ⟨=sugəi⟩, ⟨=tugəi⟩, ⟨=uuzəi⟩.

Ядром формантного слога не могут быть «сильные» гласные (что естественно, так как этот слог — неначальный).

В составе формантов не употребляются «чужеродные» морфонемы.

Инициалью форманта не могут быть морфонемы ⟨j⟩, ⟨r⟩ (ср., однако, пограничный случай между формантом и суффиксом — показатель директива ⟨=ruu⟩).

Финалью форманта не может быть кластер (если не считать пограничного случая с показателем генитива ⟨=uiNx⟩, имеющим такую форму перед вокалической инициалью форманта рефлексивности ⟨=əə⟩).

3.6.5. Морфонемная структура клитики

Общее число клитик (т. е. морфем, не составляющих отдельно акцентного слова, но и не подверженных действию сингармонизма) не вполне ясно. Можно предположить, что их не менее двух десятков, однако сейчас о монгольском ударении известно слишком мало, чтобы судить о составе этого класса с уверенностью.

Характерной чертой клитик (как это следует из определения) является употребление «сильных» вокалических ядер (т. е. ядер, не подверженных сингармонизму). Ср. $\langle +algə \rangle$ 'нет', $\langle +biši \rangle$ 'не', $\langle +biʒə \rangle$ 'должно быть', $\langle +cinu \rangle$ (артикл, букв. 'твой'), $\langle +maənu \rangle$ (артикл, букв. 'наш'), $\langle +minu \rangle$ (артикл, букв. 'мой').

3.7. Статус морфологических чередований

Чередования, происходящие в морфологическом контексте, являются компонентами экспонентов элементарных морфологических знаков. Тем самым приходится отвергнуть концепцию, согласно которой чередования, вызываемые каким-либо знаком в составе экспонентов соседних знаков, входят в «синтактику» этого знака⁴⁴: в моем понимании эти чередования входят в означающее того знака, наличием которого они вызываются. Вкратце мотивы принятого решения можно сформулировать так. В принципе означающее элементарного знака может быть сложным, т. е. быть представимым через означающее других элементарных знаков, т. е. состоять из нескольких морфем. Значит, теоретически допустима ситуация, при которой означающее элементарного знака представляет собой сочетание сегментного аффикса (конфикса) с симульфиксом, а самый знак — морфологическую идиому. С другой стороны, если аффиксация регулярно сопровождается некоторым неавтоматическим чередованием, то нет оснований приписывать выражаемое при этом грамматическое значение или деривационное значение именно аффиксу, а чередование считать чем-то вторичным, «сопутствующим». Более естественно считать⁴⁵, что чередование и аффикс совместно передают выражаемое значение.

Так, значение множественности передается сочетанием суффикса $\{-d\}$ с «вычитательным» симульфиксом («усечением» конечного согласного)⁴⁶ или даже всего последнего слога. Заметим, что грань между сложным и простым экспонентом весьма условна: если трактовать это чередование как «заместительный» симульфикс («мену») $\{d \leftarrow n\}$, то экспонент оказывается простым, состоящим из одного симульфикса (а не из сочетания суффикса с симульфиксом).

То же значение может выражаться сочетанием суффикса $\{-s\}$ с «заместительным» симульфиксом $\{\ə \leftarrow əi\}$: $\{nəxəi-\} \& \{\ə \leftarrow əi\} \& \{-s\} \rightarrow \{nəxə-s\} = \text{нохос}$.

⁴⁴ См.: [Мельчук 1975, Mel'cuk 1982].

⁴⁵ Вслед за [Маслов 1987, с. 138].

⁴⁶ См.: [Крылов 1988].

Значение собирательности при числительном выражается сочетанием суффикса $\{=uul\}$ с «вычитательным» симульфиксом («усечением» конечного согласного $\langle r \rangle$): $хоёр \{x\text{ɔ}j\text{ɛ}r\} \& \{\emptyset \leftarrow r\} \& \{=uul\} \rightarrow \langle x\text{ɔ}j\text{ɛ}-uul\} \rightarrow |x\text{ɔ}juul| = хоёул \text{ 'вдвоем'}$.

Представляется разумной точка зрения, согласно которой чередования могут быть не только полностью семантизованными (т. е. в одиночку несущими свою знаковую функцию, как в англ. *fall* — *fell*), или полностью асемантическими, но также и «находящимися на начальной ступени семантизации»⁴⁷, т. е. осуществляющими свою знаковую функцию совместно с суффиксом. Такой подход привлекателен потому, что он позволяет отразить постепенность перехода от одного полярного случая к другому, объективно присущую естественному языку. Идеальной функциональной классификацией чередований была бы вообще не дискретная, а градуальная классификация, располагающая их по степени семантизации. Опыт такой классификации представлен в работе Ю. С. Маслова⁴⁸. Заметим, что в этом случае классификация должна быть

(а) многомерной (производимой по нескольким параметрам), учитывающей также

(б) степень фонетической обусловленности чередования,

(в) его продуктивность и

(г) его речевую употребительность.

Вообще говоря, эти четыре параметра не выводимы прямо друг из друга (хотя, безусловно, во многом зависимы друг от друга). Но такая классификация не может быть проведена подробно в рамках настоящего очерка. Это должно составить предмет отдельного исследования.

3.8. Синтагматическая выделимость морфем

3.8.1. Дистрибутивные критерии выделения морфем

Синтагматическая выделимость морфем основана на ее регулярной повторяемости в тексте. На морфемных границах наблюдается всплеск энтропии, характеризующей вероятность того или

⁴⁷ См.: [Маслов 1979, с. 198].

⁴⁸ См.: [Маслов 1979].

иною продолжения текста. С этой точки зрения морфема (точнее, алломорфема) может быть охарактеризована как относительно устойчивое сочетание морфем. Измерив эту устойчивость для всех возможных морфемных сочетаний достаточно представительного речевого отрезка, мы получим пробный инвентарь морфем данного языка⁴⁹. В дальнейшем инвентарь морфем данного языка должен быть уточнен с помощью различных дополнительных приемов морфологического анализа. Отказ от семантических критериев выделения морфем влечет признание морфемами таких отрезков текста, которые не являются «морфемами» в традиционном смысле слова (хотя исторически они, видимо, большей частью восходят к ранее выделявшимся осмысленным частям слова)⁵⁰. Таким образом, даже предельная степень идиоматизации (наблюдаемая в приведенном примере) не служит основанием для вывода о слиянии морфемного сочетания в единую морфему. Один из мотивов такого решения — разнообразие морфологических идиом, отсутствие четких границ между полными и неполными идиомами (см. ниже, п. 3.9), допущение и признание структурной асимметрии двух сторон языкового знака как типичного проявления неравномерности развития, свойственной по природе естественному языку.

Если отводить семантическим критериям решающую роль при выделении структурных единиц плана выражения, то пришлось бы считать любые полные идиомы словами (и одновременно морфемами), а их компоненты не признавать словами (и даже не признавать их морфемами!); так как это решение явно противоречит интуиции, то его следует отвергнуть.

3.8.2. Фузия как препятствие для проведения межморфемных границ в фонемной записи

Конечно, фонологический сегмент, репрезентирующий алломорфему, можно в принципе трактовать как особую единицу («фо-

⁴⁹ Опыт такой сегментации применительно к орфографической записи текста на современном русском языке описан в [Сухотин 1987].

⁵⁰ Тем самым, морфема в этом смысле — приблизительно то же самое, что «субморф» в смысле [Чурганова 1973] или «форматив» в смысле [Поливанова 1976]. Крайний случай применения такого принципа членимости — выделение морфем при полной идиоматизации — можно проиллюстрировать примерами вроде *сайд* 'министр'; с точки зрения «формального» подхода это слово членится на корень {*sain*} и суффикс {-*d*} (букв. 'множественное число'), хотя с точки зрения двустороннего членения *сайд* представляет собой элементарную двустороннюю единицу, т. е. не членится на более мелкие двусторонние единицы.

номорфему»), однако эта единица оказывается, по сути дела, избыточной, ибо при морфонемном анализе анализируется фонема (а не «фономорфема»), при морфонемном синтезе границы алломорфем стираются как ненужные, а при исчислении фонологически правильных структур (будь то их порождение или распознавание) фонемы служат строительным материалом для слов, а не для «фономорфем». Таким образом, фонологические облики морфем (вопреки традициям дескриптивизма и концепциям многих отечественных теоретиков морфонологии, но в полном соответствии с динамико-семиотическим подходом к морфологии⁵¹) признаются не элементарными единицами, а сочетаниями элементарных единиц.

Типичные примеры морфонемного варьирования — конвергенция ⟨ŋ⟩ и ⟨n⟩ в конце словоформы, компрессия ⟨n⟩ перед некоторыми согласными кластерами, усечение ⟨ə⟩ перед дифтонгами ⟨əə⟩ и ⟨uu⟩ (морфонемная элизия), устранение зияния при вставке |g| между двумя дифтонгами (консонантная морфонемная эпентеза), разложение кластеров при вставке |ə| между компонентами некоторых консонантных сочетаний (например, вставку |ə| в группы ⟨rn⟩, ⟨ln⟩, ⟨bn⟩ в конце словоформы).

Заметим, что если при элизии и компрессии можно с некоторой степенью условности указать границу между контактирующими морфемами на фонемном уровне, например, ⟨baɪ-nə-uu⟩ ⇒ |baɪnuu|, где |baɪ| — фонемная оболочка корня, |n| — фонемная оболочка презентного постфикса и |uu| — фонемная оболочка вопросительного постфикса, то при эпентезе нет столь же очевидных оснований для проведения морфемных границ непосредственно в фонемной транскрипции. Возьмем, например, словоформу *нохойгоор* = |nɔxəɪgəər| 'собакой'. В морфемной транскрипции она записывается как {nɔxəɪ} & {=əər}, в морфонемной транскрипции — как ⟨nɔxəɪ=əər⟩. Граница между фонемными оболочками морфем (= «морфами» в дескриптивистском смысле) может быть проведена либо как |nɔxəɪ=gəər|, либо как |nɔxəɪg=əər|, и нет серьезных оснований предпочитать одну из этих трактовок другой. Может быть, первая трактовка лучше в силу «парадигматической экономии»: в этом случае удваивается число аффиксов, начинающихся с дифтонга, что значительно меньше, чем удвоение числа корней, кончающихся на дифтонг (что получилось бы при второй трактовке). Тот же аргумент можно использовать для проведения морфемных границ в фонемной транскрипции при вокалической эпентезе. Так, в форме *гаран* 'выходя' = |gɑrəN|

⁵¹ [Булыгина 1977, с. 148].

фонема |ə| — паразитарная (эпентетическая), т. е. не имеет соответствия на морфонемном уровне; морфонемная запись выглядит как ⟨gar-n⟩.

Правда, по соображениям «парадигматической экономии» можно выбрать решение типа |gar-əN|, т. е. всегда проводить морфемную границу перед эпентетической гласной фонемой. Это позволяло бы удваивать не число корневых «фономорфем», кончающихся на ⟨r⟩, ⟨b⟩, ⟨l⟩, ⟨g⟩, ⟨m⟩, ⟨n⟩, а число суффиксальных или постфиксальных морфем, начинающихся на согласную, после которой не идет гласная (что существенно меньше). Заметим, однако, что (1) соображения количественного порядка не являются вполне строгими; (2) фонологические облики морфем не составляют особых структурных единиц фонологического уровня, обладающих какими-либо нетривиальными свойствами, и потому целесообразность их выделения остается недоказанной.

3.9. Синтагматическая выделяемость элементарного морфологического знака

3.9.0. Критерии выделения элементарных знаков

Критерии, традиционно применяемые при выделении морфем, вполне применимы при выделении элементарных морфологических знаков. Обычно здесь проблем не возникает. В спорных случаях целесообразно исходить из следующих принципов.

3.9.1. Фразеологизации морфемного сочетания

В случаях большей или меньшей фразеологизации морфоблока его компоненты считаются экспонентами элементарных морфоблоков до тех пор, пока сохраняется их вклад в содержательную сторону словоформы хотя бы в качестве компонентов живой внутренней формы (мотивировки) слова. В случаях полной идиоматизации приходится считать элементарным морфоблоком лишь целое морфемное сочетание. Следует, однако, подчеркнуть, что граница между полными и неполными морфологическими идиомами не является дискретной ввиду постепенности самого процесса идиоматизации.

3.9.2. Морфологический статус тематического элемента в субстантивной основе

Бывают случаи, когда приходится выделять элементарный морфологический знак со структурно-технической (соединительной и классифицирующей) функцией⁵².

Около пятисот монгольских существительных — «двуосновные». Их падежные формы образуются не от единой для всех форм словоизменительной основы, а от двух «парциальных» основ — «полной» и «неполной». От «полной» основы (т. е. основы, оканчивающейся на «тематический» элемент {=n=}) образуются словоформы генитива, датива, аблатива, контемпоралиса. Она же фигурирует как самостоятельная словоформа в атрибутивной позиции перед некоторыми существительными и послелогоми. Описанное явление допускает несколько альтернативных трактовок (в рамках единой общей концепции).

(А) Считать, что в конце единой «исходной» основы стоит особая «морфонема» ⟨*n⟩, т. е. чередование ⟨n/∅⟩, ступени которого распределены относительно морфологического контекста⁵³. Исходя из того, что члены морфемы должны быть обусловлены (мор)фонологическим контекстом, данное решение приходится отвергнуть.

(В) Раз «беглое» ⟨n⟩ не составляет особой «морфонемы», значит, в «тематических» формах оно присутствует, а в «атематических» (номинативе, инструменталисе, аккузативе, комитативе, директиве) — отсутствует.

(В₁) Считать ⟨n⟩ частью одного из контактирующих морфов.

(В_{1.1}) Считать ⟨n⟩ частью предшествующего морфа, будь то корень или деривационный суффикс. В пользу проведения морфемной границы справа от ⟨n⟩ говорят такие морфологические пропорции, как

$$\frac{\langle \text{asəndə} \rangle \text{ 'вода' }}{\langle \text{asənəəs} \rangle \text{ 'от воды' }} = \frac{\langle \text{galdə} \rangle \text{ 'огню' }}{\langle \text{galəəs} \rangle \text{ 'от огня' }} = \frac{\langle \text{xəlgəndə} \rangle \text{ 'двери' }}{\langle \text{xəlgənəəs} \rangle \text{ 'от двери' }} ,$$

и соблюдение общего принципа «стандартности» аффиксов, характерного для агглютинативных языков.

Однако в этом случае придется заключить, что около пятисот корней и пять субстантивных суффиксов являются «двухвариантными», причем условия распределения вариантов — грамматиче-

⁵² См. подробнее [Маслов 1978].

⁵³ Заметим, что именно таково понимание термина «морфонема» в работе [Барулин 1984: 4]; но в неструктуралистской морфонологии принята иная трактовка морфемы.

ские, а не (мор)фонологические. Если постулировать принцип, согласно которому алловарианты одной морфемы могут быть обусловлены грамматическим контекстом, то приходится заключить, что ⟨ωsə-⟩ и ⟨ωsən-⟩, ⟨mɔdə-⟩ и ⟨mɔdən-⟩, ⟨-lgə-⟩ и ⟨-lgən-⟩ (суффикс объекта действия) и т. п. — пары морфем, принадлежащих одной морфеме. Если же понимать алломорфию как распределенность лишь относительно (мор)фонологического контекста, то получится, что перед нами пары синонимичных, но дополнительно распределенных (омосемичных) морфем, т. е. супплетивные пары. Как супплетивизм морфем одной морфемы, так и супплетивизм морфем в рамках лексемы — весьма громоздкое решение, ибо придется постулировать супплетивизм у нескольких сотен единиц, что противоречит определению супплетивизма как явления исключительного. Кроме того, необъяснимым остается наличие многочисленных пропорций типа:

$$\frac{\langle asə- \rangle}{\langle asən- \rangle} = \frac{\langle mɔdə- \rangle}{\langle mɔdən- \rangle} = \frac{-\langle lgə- \rangle}{-\langle lgən- \rangle}$$

(B_{1.2}) Считать ⟨n⟩ частью последующего морфа (т. е. окончания). В пользу проведения морфемной границы слева от ⟨n⟩ говорят такие морфологические пропорции, как:

$$\frac{\langle asə \rangle}{\langle asəndə \rangle} = \frac{\langle gal \rangle}{\langle galdə \rangle}$$

Что бы ни усматривать в парах типа ⟨-də⟩ / ⟨-ndə⟩ — алломорфию или омосемию, — количество падежных окончаний в системе склонения удваивается. В этом случае остаются необъяснимыми формальные пропорции типа:

$$\frac{\langle -də \rangle}{\langle -ndə \rangle} = \frac{\langle -əəs \rangle}{\langle -nəəs \rangle} = \frac{\langle -\emptyset \rangle}{\langle -n \rangle}$$

установленные между членами подобных пар.

(B₂) Оптимальным решением представляется «интегральная» трактовка, совмещающая достоинства решений (B_{1.1}) и (B_{1.2}), т. е. принимающая во внимание оба вида формальных пропорций. А именно, необходимо совмещать аналогическое сопоставление внутри «горизонтальных» рядов (эквиграммемных словоформ разных лексем) с аналогическим сопоставлением внутри «вертикальных» рядов, т. е. словоизменительных парадигм (грамматически противопоставленных словоформ одной лексемы). Приходится проводить морфемные границы по обе стороны от сегмента ⟨n⟩, а значит, считать ⟨n⟩ отдельной морфемой, выполняющей, впрочем, чисто технические, «внутрикодовые»⁵⁴ функции.

⁵⁴ См.: [Маслов 1978, с. 7].

На синтагматической оси (в цепочке других морфем) она выполняет структурную (= «соединительную») функцию — сигнализирует о сцеплении лексемы определенного класса с граммемой определенного класса. На парадигматической оси (в составе «вертикальных» и «горизонтальных» рядов) она выполняет системную (классификационную и субпарадигматическую) функцию, т. е. сигнализирует о принадлежности лексемы к определенному словоизменительному классу — тематическому («носовому») типу склонения и о принадлежности граммемы к тематической («носовой») субпарадигме. «Тематические» элементы иногда называют «пустыми» морфемами, однако такая «пустота» весьма относительна. В определенных условиях они могут становиться единственными показателями некоторых смысловых противопоставлений.

Выполняя субпарадигматическую функцию, морфема {=n=} дифференцирует некоторые падежные формы существительных.

Атрибутив противопоставлен номинативу в парах типа

$N^1_{attr.} + N^2$		$N^1_{nom.} + N^2$	
<i>модон гэр</i>	'деревянная юрта'	<i>мод гэр</i>	'дерево и юрта'
<i>чулуун зүрх</i>	'каменное сердце'	<i>чулуу зүрх</i>	'камень и сердце'
<i>морин тэрэг</i>	'конная упряжка'	<i>морь тэрэг</i>	'конь и упряжка'
<i>алтан загас</i>	'золотая рыба'	<i>алт загас</i>	'золото и рыба'
<i>морин хулгана</i>	'полевая (букв. 'конская') мышь'	<i>морь хулгана</i>	'лошадь и мышь'
<i>туйнуун байшин</i>	'кирпичный дом'	<i>туйлуу байшин</i>	'кирпич и дом'

Инструменталис противопоставлен контемпоралису в парах типа

инструменталис		контемпоралис	
<i>цайгаар</i>	'чаем'	<i>цайнаар</i>	'за чаем'
<i>адуугаар</i>	'табуном'	<i>адуунаар</i>	'одновременно с табуном'
<i>хониор</i>	'овцами'	<i>хониноор</i>	'одновременно с овцами'

Выполняя классифицирующую функцию, морфема {=n} различает некоторые пары лексем. В ряде случаев по аналогии с флективными языками можно говорить о конверсии как о словообразовательном средстве.

По конверсии соотносительны «тематические» и «атематические» варианты количественных числительных, ср. *нэгт¹ ирэв²* 'прибыл² в час¹' / 'прибыл² первым¹', но *нэгэнд¹ ирэв²* 'прибыл² первого¹'.

По конверсии соотносительны члены пар типа

Нарицательное имя (Abl.) (тематическое)		Собственное имя (Abl.) (атематическое)	
<i>тогооноос</i>	'от котла'	<i>Тогоогоос</i>	'от Тогоо'
<i>туяанаас</i>	'от сияния'	<i>Туяагаас</i>	'от Туяа'
<i>даваанаас</i>	'от перевала'	<i>Даваагаас</i>	'от Даваа'

Ср. также единичные пары типа:

Атематическое склонение		Тематическое склонение	
<i>хүүхэд хэлд орсон</i>	'ребенок овладел языком' (букв. 'вошел в язык')	<i>энэ үг хэлэнд орсон</i>	'это слово вошло в язык'
<i>сүх гэрт байна</i>	'топор — в юрте'	<i>сүх гэрэнд байна</i>	'топор — в футляре'

Формально соотносительны по конверсии, но семантически изолированы (квазиомонимичны) члены таких пар, как:

Тематическое склонение		Атематическое склонение	
<i>бараа(н)</i>	'товар, ткань, пожитки'	<i>бараа</i>	'очертание'
<i>тав(ан)</i>	'пятерка'	<i>тав</i>	'вкус, желание, прихоть; спокойствие, уют; заклепка, шляпка гвоздя; хохол, чуб'
<i>толь(толин)</i>	'зеркало'	<i>толь</i>	'словарь'
<i>шил(эн)</i>	'стекло, бутылка; затылок, загривок'	<i>шил</i>	'гребень горного хребта; плоскогорье, пригорок; возвышенность'
<i>эх(эн)</i>	'начало, источник, недра; подлинник, оригинал'	<i>эх</i>	'мать; самка-производительница; родина'

Несоотносительны по конверсии частичные лексико-грамматические омонимы, отличающиеся устойчивостью vs. неустойчивостью конечного ⟨n⟩, типа:

Тематическое склонение		Атематическое склонение	
<i>гэгээ(н)</i>	'свет, рассвет'	<i>гэгээн</i>	'гэгэн' (духовный сан)
<i>мөрөн</i>	'большая река'	<i>мөр(өн)</i>	'плечо'

Однако *мөр(өн)* 'плечо' формально соотносится по конверсии с *мөр* 'след; путь; строка; ряд'.

Альтернативой здесь являлось бы отнесение «тематического элемента» либо «налево» (к основе), либо «направо» (к суффиксу). Такое членение позволило бы соблюсти структурную симметрию содержательной и формальной сторон словоформы (отсутствие «пустых» знаков), однако затруднило бы решение многих морфологических проблем. Так, если считать тематический элемент частью корня, то становится необъяснимым:

(а) почему большое число корней имеет по два варианта, отличающихся друг от друга наличием vs. отсутствием тематического элемента;

(б) каким образом варианты одного корня образуют явную морфемную оппозицию, ср.:

шил 'стекло' — *шилэн* 'стеклянный'.

Если же считать тематический элемент частью флексии, то непонятно:

(в) за счет чего различаются члены таких пар, как *гуравт* (например, *гуравт ирэв* 'пришел в три часа') и *гурванд* (например, *гурванд ирэв* 'пришел третьим' или 'пришел третьего числа'), и

(г) почему возникают морфологические пропорции типа

$$\frac{-ndə}{-də/-tə} = \frac{-n}{-\emptyset} = \frac{-nəəs}{-əəs}$$

Предпочтительным оказывается выделение тематических элементов как морфологических знаков особого рода.

3.10. Парадигматическая выделяемость (идентификация) морфемы

3.10.1. Пределы варьирования морфемы

Многие морфемы выступают в виде языковых вариантов — алломорфем. Между алломорфемами могут быть либо отношения дополнительной дистрибуции, либо отношения свободного варьирования.

Каковы пределы варьирования морфемы? Некоторые авторы считают возможным относить к одной морфеме такие «морфы», разница между которыми определяется достаточно простыми «правилами, не выходящими за пределы словоформы»⁵⁵.

⁵⁵ [Мельчук 1975].

В частности, при таком понимании русские флективные падежно-числовые показатели разных деклинационных классов могут быть отнесены к одной морфеме.

Остается неясным: что такое «достаточно простые правила распределения»?

Если «достаточно простые» правила допускают обращение к словарной информации, то тогда можно объединять в одну морфему любые омосемичные суффиксы⁵⁶. Но едва ли это подразумевалось авторами соответствующих дефиниций.

С другой стороны, если «достаточно простые» правила — это правила, апеллирующие к звуковой стороне соседних морфем, то тогда нельзя объединять в одну морфему флексии разных деклинационных разрядов типа *-ом* (*стол-ом*), *-ю* (*лошад-ю*) и *-ой* (*жен-ой*).

Последнее решение представляется предпочтительным: таким образом, выбор между алломорфемами одной морфемы зависит от звукового (точнее, морфонемного) окружения.

Это требование сильнее, нежели приведенный выше критерий «простоты правил».

Вместе с тем оно одновременно и слабее и сильнее, нежели требование, согласно которому между алломорфемами должны быть отношения «закономерного чередования фонем»⁵⁷ или «внешнего сходства».

С одной стороны, требование зависимости выбора от звукового контекста не предполагает с обязательностью «внешнего сходства» алломорфем или даже наличия «регулярных звуковых соответствий» между ними.

Так, в русском языке окончания родительного падежа множественного числа *-ов* и *-ей* дополнительно распределены относительно морфонемного контекста: после мягких морфонем выбирается *-ей*, а после твердых — *-ов*, однако звукового сходства между этими вариантами, очевидно, нет, равно как нет и «закономерных чередований фонем», связывающих эти алломорфемы.

С другой стороны, требование «закономерного чередования фонем» оказывается слишком общим, так как не позволяет разграничить три существенно различных класса случаев:

(1) чередование, представленное в ограниченном числе морфем, зависящее от морфонемного контекста;

(2) чередование, представленное в ограниченном числе морфем, зависящее от морфонемного (звукового) контекста;

⁵⁶ Напр., в русском языке такие суффиксы, как *-ец* (*ленинград-ец*), *-ич* (*москвич*), *-як* (*тул-як*), *-янин* (*киевл-янин*).

⁵⁷ См.: [Маслов 1987].

(3) чередование, представленное в неограниченном числе морфем (т. е. во всех морфемах, имеющих звуковую структуру определенного типа) и зависящее от морфонемного (звукового) контекста.

В первом случае мы имеем дело (1а) со значащими чередованиями — симульффиксами или (1б) с нестандартным выражением грамматических значений.

(1а). Значащие чередования.

Так, при употреблении показателя множественного числа {-d} корневая морфема представлена усеченным сегментом.

Например, *нөхэд* 'товарищи' состоит из морфем {нөхэр-} & {-Ø₄} & {-d}. Морфема {нөхэр-} при этом реализуется фонемным сегментом [нөхэ]. Этот факт можно описать двумя способами: «алломорфемным» и «фонемным». При «алломорфемной» трактовке чередование будет морфемным (т. е. поверхностно-морфологическим). Морфема {нөхэр-} будет в данном случае представлена алломорфемой ⟨нөхэ⟩, употребляющейся в контексте усечения, т. е. перед диэремой ⟨Ø⟩. Достоинство этой трактовки состоит в том, что наблюдаемая разница звуковых оболочек корня непосредственно фиксируется в морфонемной транскрипции. Это позволяет легко идентифицировать корневую морфему даже в таком усеченном виде.

Вместе с тем «алломорфемная» трактовка не вполне убедительна. И вот почему:

1) правила употребления полного и усеченного вариантов нельзя сформулировать в терминах морфонемного контекста (приходится вводить специальный символ Ø);

2) усеченный и неусеченный сегменты иногда контрастируют в тождественном фонемном окружении: так, фонемная цепочка [пэјэдэ] = *ноёдоо* имеет значение 'своих князей' (мн. ч., вин. п., возвр.-притяж.), а фонемная цепочка [пэјэндэ] = *ноёндoo* имеет значение 'своему князю' (общее число, дат. п., возвр. притяж.); но если усеченный и неусеченный сегменты считать представителями одной морфемы, то функциональное противопоставление этих сегментов в приведенном примере выглядит несколько необъяснимым.

При «фонемной» трактовке усечение трактуется как симульффикс. То есть корневая морфема не расщепляется на две алломорфемы, а представлена одной алломорфемой.

Так, в форме [пөхэд] = *нөхэд* 'товарищи' морфема {нөхэр-} реализуется алломорфемой ⟨нөхэр-⟩. Эта алломорфема сочетается с алломорфемой ⟨ $\frac{\text{Ø}}{\text{r}}$ ⟩.

Морфонологическая запись выглядит как $\langle \text{пэхэг}-\frac{\emptyset}{\text{r}}-\text{d} \rangle$.

В эту запись морфонема $\langle \text{r} \rangle$ входит дважды — первый раз как бы со знаком плюс, а второй раз как бы со знаком минус.

(16). В некоторых контекстах имеет место нестандартное выражение граммем, что характерно для флективных языков, а монгольскому языку как агглютинативному вообще-то несвойственно.

Однако некоторые случаи такого рода в халха-монгольском языке представлены.

Так, после основ $\{\text{man-}\}$ 'мы' и $\{\text{tan-}\}$ 'вы' граммема генитива выражается формантом $\{=\text{әi}\}$ или $\{=\text{әi!}\}$ (вместо стандартного $\{=\text{u1Nx}\}$). Отношения между морфемами $\{=\text{әi}\}$ и $\{=\text{u1Nx}\}$ — это отношения омосемии⁵⁸: две морфемы выражают одно и то же грамматическое значение, но являются при этом автоматически распределенными относительно лексического контекста.

Во втором случае (2) мы имеем дело с алломорфией: одна морфема может быть представлена двумя алломорфемами, автоматически распределенными относительно морфонемного контекста. Так, например, морфема $\{=\text{uu}\}$ («общий вопрос») после дифтонгов и долгих гласных реализуется алломорфемой $\langle \text{-juu} \rangle$, в других контекстах — алломорфемой $\langle \text{-uu} \rangle$. Это чередование можно охарактеризовать как морфемную эпентезу.

В третьем случае перед нами одна и та же алломорфема, реализуемая, однако, различными фонемными сегментами. Здесь, строго говоря, следует усматривать не алломорфию, а морфонемное варьирование. Правила здесь можно сформулировать «от морфонемы — к фонеме».

3.10.2. Алломорфемы vs. морфемы

Попытаемся кратко очертить типичные соотношения между алломорфемами, представляющими формальные варианты одной морфемы.

10.2.1. Алломорфема есть относительно устойчивое сочетание морфонем, охарактеризованное с точки зрения своей морфонемной синтактики, то есть сочетаемости с соседними морфонемами.

Морфема есть класс алломорфем, функционально непротивопоставленных друг другу и дополнительно распределенных от-

⁵⁸ Термин В. Скалички, использованный затем в [Маслов 1975; Маслов 1987; ЛЭС].

носителю морфонемного контекста. Обычно имеет место также распределенность относительно фонемного контекста.

Морфемная трансформаторика есть система правил, устанавливающих различия в морфонемном составе алломорфем одной морфемы, а также принадлежность омонимичных алломорфем к тем или иным морфемам.

10.2.2. Правила морфемной трансформаторики удобно формулировать как правила преобразования «исходной» алломорфемы в «производные». Теоретически все алломорфемы одной морфемы равноправны: в принципе правила выбора алломорфем могут пониматься как ненаправленные. Однако в реальном описании более привлекательна «направленная» трактовка, при которой правила приобретают псевдофонетический облик. Это облегчает инвентаризацию и типологическую классификацию морфемных чередований, опирающуюся на аналогический перенос фонетических понятий в область морфологии. В любом случае, разумеется, следует помнить, что выбор одной алломорфемы в качестве «исходной» нередко достаточно условен.

10.2.3. Следует отличать правила морфемной трансформаторики от правил лексограммемной трансформаторики, то есть выбора той или иной флективной морфемы из класса омосемичных морфем. Контекст применимости лексограммемных правил не может быть описан в терминах морфонем, так как связан с ограниченным числом конкретных словарных единиц (морфем, лексем) и / или грамматических значений (граммем). Например, в современном русском языке правила выбора между окончаниями *-ов* и *-Ø* (*стол-ов*, но *стен-Ø*) апеллируют к лексограммемному контексту (то есть к таким словарно фиксируемым характеристикам лексем, как «тип склонения»), а значит, перед нами не алломорфемы одной морфемы, а две разные омосемичные морфемы. Напротив, правила выбора между окончаниями *-ов* и *-ей* (*стол-ов*, но *гвозд-ей*) апеллируют к морфонемному контексту (после твердых морфонем — *-ов*, после мягких морфонем — *-ей*), и, таким образом, *-ов* и *-ей* являются алломорфемами одной морфемы.

10.2.4. «Количественное» отличие морфемных чередований от морфонемных чередований состоит в том, что они морфонологически непродуктивны, т. е. представлены в составе весьма небольшого числа морфем. Так, например, в халха-монгольском языке имеется прогрессивное уподобление (ассимиляция и аккомодация) по звучности (то есть по степени участия голоса), состоящее в том, что непосредственно после гласных и сонорных (кроме ⟨r⟩) употребляется морфонема ⟨d⟩, а непосредственно после шумных и ⟨r⟩ употребляется морфонема ⟨t⟩. Продуктивность этого

чередования весьма невелика: оно представлено всего в трех морфемах — в суффиксе Dat $\{=d\dot{a}\} \infty \{=t\dot{a}\}$, суффиксе Pass $\{-gd\dot{a}-\} \infty \{-d\dot{a}-\} \infty \{-t\dot{a}-\}$ и в суффиксе отглагольных существительных $\{=d\dot{a}\} \infty \{=t\dot{a}\}$. Символ ∞ в этой записи используется вслед за Ю. С. Масловым для обозначения «исторических чередований» (в противоположность «живым») [Маслов 1987, с. 63–66].

Постулировать здесь особую морфему, например, $\langle D \rangle$ ⁵⁹, было бы, так сказать, «стрельбой из пушки по воробьям»: ведь при анализе текста гораздо проще найти соответствующие морфемные альтернанты в словаре (где они хранятся как «готовые» единицы), чем пытаться интерпретировать всякое $|d|$ и $|t|$ как потенциальный «след» морфемы $\langle D \rangle$.

10.2.5. Весьма невелика и продуктивность другого морфемного чередования — прогрессивной дистантной диссимилиации по вибрантности. Этот тип диссимилиации состоит в том, что в составе некоторых суффиксов, если они следуют за основами, содержащими морфему $\langle r \rangle$, в определенной позиции выступает морфонема $\langle l \rangle$; если же они следуют за основами, не содержащими морфону $\langle l \rangle$, то в составе этих суффиксов в соответствующей позиции употребляется морфонема $\langle r \rangle$. Это чередование представлено в пяти морфемах — в глагольных суффиксах $\langle -r\dot{a}- \rangle \infty \langle -l\dot{a}- \rangle$ 'становиться каким-л.', $\langle -r\dot{x}\dot{a}- \rangle \infty \langle -l\dot{x}\dot{a}- \rangle$ 'показывать что-л.', суффиксах отглагольных существительных $\langle -uur \rangle \infty \langle -uul \rangle$ 'орудие или место действия', $\langle -uur\dot{u} \rangle \infty \langle -uul\dot{u} \rangle$ 'место действия' и в падежном суффиксе $\langle =ruu \rangle \infty \langle =luu \rangle$ «директив». Введение особого абстрактного («глубинного») символа для обозначения результата абстракции отождествления членов данного чередования⁶⁰ также едва ли может быть оправдано ссылками на экономность описания. Здесь, как и в предыдущем случае, целесообразнее усматривать алломорфическое расщепление перечисленных пяти морфем на пары альтернантов — алломорфем, а не диверсификацию «абстрактных единиц» типа R на две фонемы (альтернирующие в составе одной «морфемемы»).

10.2.6. Надежда на то, что использование морфемной транскрипции позволит дать единую абстрактную запись всякой морфемы, из которой автоматически выводимы все альтернанты данной морфемы, оказывается иллюзорной. Введение морфемной транскрипции позволяет «снять» лишь «формально устранимые» чередования. Для описания «формально неустрашимых» чередований оказывается целесообразным использовать традици-

⁵⁹ Или морфографему, как предлагал Дж. Стрит в [Street 1963, с. 44].

⁶⁰ Типа морфографемного символа $\{R\}$ в работе Дж. Стрита.

онный раннедескриптивистский концептуальный аппарат — составление списка альтернантов данной морфемы и формулировку правил их контекстного распределения.

3.10.3. Типы звукового варьирования морфемы

Представляется разумным дифференцированный подход к звуковым альтернамциям в составе монгольской морфемы, при котором учитывается как степень фонетической обусловленности, так и функциональная нагрузка чередования в системе языка.

В принципе, чем выше степень фонетической обусловленности чередования, тем выше степень несходства альтернантов морфемы. С другой стороны, чем выше степень фонетической обусловленности, тем меньше функциональная нагрузка чередования. Следует, однако, оговориться, что обе закономерности являются нестрогими в силу отсутствия полного параллелизма между развитием фонетической системы языка и системы значимых (двухсторонних) единиц.

Высшая степень фонетической обусловленности достигается при «фонетических модификациях», или «гипофонемных чередованиях». В халха-монгольском языке таковыми являются аспирация, полуозвончение, вокализация сонорных и фрикативных согласных, геминация, оглушение и озвончение редуцированных гласных, акцентуация слогов. Их функция сводится к облегчению произносительных усилий. Степень звукового сходства альтернантов значимых единиц здесь настолько велика, что сведение вариантов морфемы к единому инварианту может быть осуществлено непосредственным объединением аллофонов в фонемы безотносительно к звуковым позициям, обусловившим ту или иную звуковую модификацию, т. е. по бесконтекстным правилам.

Несколько меньшая степень фонетической обусловленности имеет место при «фонемных чередованиях» — таких, как палатализация, лабиализация [M], оглушение и озвончение ненапряженных согласных, фрикативизация [g] и [b], потеря размычки у [N], редукция кратких гласных непервых слогов, сингармонизм по ряду и губная аттракция гласных, монофтонгизация дифтонгов и их продвижение вперед при эмфатическом удлинении, синкопа и апокопа кратких гласных непервых слогов. Для многих (потенциально для всех) фонемных чередований сведение морфемных альтернантов, создаваемых ими, к единому облику (т. е. к фонемной транскрипции) невозможно без учета той звуковой позиции, в которой стоит соответствующая гипофонема. Так, для того, чтобы

определить, восходит ли некоторая долгая гласная гипофонема к сочетанию двух «слабых» гласных фонем («пол» и огубленность которых контекстно обусловлены по принципу сингармонизма) или к сочетанию сильной гласной фонемы («пол» и огубленность которой ингерентно присущи ей, входя в ее фонологическое содержание) со слабой гласной фонемой, надо проверить, стоит ли она в первом слоге или в непервом. Таким образом, правила объединения гипофонем в фонемы большей частью апеллируют к звуковым позициям и, таким образом, являются контекстными. Функция фонемных чередований (как и гипофонемных) состоит в облегчении произносительных усилий и может быть квалифицирована как эвфоническая. Однако в ряде случаев фонемные чередования приобретают побочную (косвенную, вторичную) функцию несамостоятельного участия в выражении грамматических значений, выступая как своеобразные фонетические «приметы» тех или иных грамматических форм или групп слов (подпарадигм). Так, все «явления конца слова» побочно выступают как фонетические приметы номинатива, хотя степень «грамматической нагрузки» таких явлений невелика: ведь ненапряженные согласные оглушаются не только в абсолютном исходе словоформы (в номинативе), но и перед напряженными согласными (а значит, и перед показателем комитатива (=təi)).

Еще меньше степень фонетической обусловленности у «морфонемных» чередований — таких, как компрессия ⟨g⟩ после ⟨n⟩ перед ||; эпентеза |g| между дифтонгами; элизия ⟨ə⟩ перед дифтонгами; эпентеза |ə| при разрежении некоторых кластеров; лабиализация ⟨n⟩ перед губными согласными; монофтонгизация дифтонгов в словах незаднего ряда и др. С одной стороны, морфонемное чередование разводит в стороны варианты одной морфемы. С другой стороны, под воздействием морфонемных альтернатив возникает омофония. Так, в результате компрессии ⟨g⟩ сливаются по звучанию |daləN| 'гряда, вал, насыпь' от основы ⟨daləŋ-⟩ и |daləN| 'семьдесят' attr от основы ⟨dalə⟩ + постфикс {=n=}, т. е. от тематизированной основы ⟨daləŋ-⟩; |xabəN| 'отек, опухоль' от основы ⟨xabəŋ⟩ и |xabəN| = ⟨xabə-n⟩ 'стегая' от основы ⟨xabə-⟩ + постфикс деепричастия образа действия {=n}. Функции морфонемных чередований — те же, что и у фонемных.

Минимальная степень фонетической обусловленности наблюдается у «морфемных» чередований — таких, как отпадение конечного ⟨Nx⟩ у форманта генитива {=uNx}, эпентеза ⟨j⟩ перед вопросительным формантом {=uu}, компрессия в составе суффиксов пассива {-gdə} и каузатива {-lgə}, прогрессивная ассимиляция и аккомодация по звучности в составе показателей ⟨=ʒi⟩ ∞ ⟨-ci⟩,

$\langle =d\text{ə} \rangle \infty \langle =t\text{ə} \rangle$, $\langle -d\text{əl} \rangle \infty \langle -t\text{əl} \rangle$, $\langle =d\text{ə} \rangle \infty \langle =t\text{ə} \rangle$, прогрессивная дистантная диссимиляция по вибрации в составе суффиксов $\langle -r\text{ə} \rangle \infty \langle -l\text{ə} \rangle$, $\langle -r\text{x}\text{ə} \rangle \infty \langle -l\text{x}\text{ə} \rangle$, $\langle -uur \rangle \infty \langle uul \rangle$, $\langle -uur_1 \rangle \infty \langle -uuli \rangle$, $\langle -ruu \rangle \infty \langle luu \rangle$.

Функции этих чередований те же, что и у фонемных и морфемных, но степень фонетической дифференциации морфемных альтернантов существенно выше. Кроме того, если звуковой контекст применения такого чередования создается одной-единственной морфемой или ничтожным числом таких морфем, то оно приобретает некоторую грамматическую значимость.

3.11. Содержательное варьирование морфемы

3.11.0. Можно говорить о «варьировании морфем в плане содержания», или «содержательном варьировании морфем». Если морфемы выделяются на преимущественно формальных основаниях, то говорить о содержании морфемы как таковой приходится в некотором не вполне строгом смысле слова. Более строго было бы говорить о содержательном варьировании морфем и идиоматичных морфоблоков. Фактически именно это имеется в виду под содержательным варьированием морфем.

Это, однако, не решает всех проблем, а лишь отодвигает их в сторону. Первая проблема может быть сформулирована так: где граница содержательного варьирования морфемы? Вторая проблема: есть ли между морфемами отношение омонимии или по крайней мере какой-нибудь аналог этого отношения?

3.11.1. Содержательное варьирование и тождество морфемы

Морфемы могут находиться в отношении *изонимии* (одноименности) или *гетеронимии* (разноименности)⁶¹.

Изонимическая пара морфем может образовывать либо многозначный пучок (если между их значениями есть нетривиальное сходство), либо пучок омонимов (если такого сходства нет). Пример полисемии корневых морфем: $\{m\text{e}\text{r}\text{ə}\}$ 'деньги' или 'серебро'. Пример омонимии корневых морфем: $\{g\text{ol}\}$ 'река' и $\{g\text{ol}\}$ 'ось'. Пример полисемии деривационных морфем: $\{-uur\}$ 'место' или

⁶¹ Термины «изонимия» и «гетеронимия» взяты из [Бережан 1973].

'орудие'. Пример омонимии грамматических морфем: {=ээ} 'возвратность' и {=ээ} 'эмфаза'.

Помимо случаев «чистой» омонимии и полисемии можно говорить также о квазиодноименности (в том числе квазиомонимии и квазиполисемии) с точностью до дистрибутивных характеристик. Так, квазиомонимами являются корни {ɣr} 'кровать' (субстантивный корень) и {ɣr-} 'входить' (глагольный корень); {sɔr} 'лук' (субстантивный корень) и {sɔr-} 'учиться, изучать' (глагольный корень); {gɔl} 'река' (субстантивный корень) и {gɔl} 'центральный' (адъективный корень). Считать ли их омонимами — зависит от того, включать ли «синтактику» морфемы в её означающее или означаемое или считать её особой, третьей, стороной морфемы. В первом случае ответ отрицательный, во втором — положительный, в третьем для ответа надо сначала уточнить само определение одноименности. Я не буду здесь решать этих проблем, ограничившись указанием на их наличие.

То же самое касается квазиполисемии. Примером квазиполисемии являются отношения между частями таких пар, как {amər} 'легкий' и {amər-} 'отдыхать'.

Другой важный вопрос, связанный с квазиполисемией и смежными явлениями — это вопрос о том, относить ли к квазиполисемии отношения между существительным и прилагательным, звучащими одинаково.

Здесь нужно различать два случая.

В первом случае исходным членом пары является существительное с предметным значением, производным — словоформа с признаковым значением. Ср. *təmər* 'железо' и *təmər* 'железный'. Предлагается трактовать исходный член как существительное в номинативе, а производный член — как существительное в атрибутиве (т. е. как существительное в особом падеже с атрибутивной функцией), а не прилагательное.

Во втором случае исходным членом пары является слово с признаковым значением (занимающее немаркированную позицию присубстантивного или приглагольного определения), а производным — слово со значением абстрактного существительного.

Ср. *Ихийг¹ хий гэвэл³, багаа эхэл⁵!* ('Если-собираешься делать² большое, начинай⁵ с-малого').

В таких случаях можно говорить о субстантивированном употреблении прилагательного. Остается открытым весьма сложный вопрос о том, можно ли считать такие случаи проявлением конверсии⁶².

⁶² В смысле [Mel'čuk 1982, p. 102–104].

Не аргументируя свою позицию, заметим, что субстантивированное употребление прилагательного — это не то же самое, что употребление отадъективного существительного; субстантивация указанного типа — это не переход прилагательного в существительное, а лишь употребление прилагательного в особой (несобственной) синтаксической функции. Показателями этого употребления являются падежные форманты. Ситуация здесь примерно та же, что и с другими частями речи: употребление существительного в функции атрибута или приложения отнюдь не делает его прилагательным.

Примером квазиомонимии деривационных морфем является отношение между членами таких пар, как $\{-r\bar{e}_1\}$ (суффикс отадъективных глаголов 'становиться каким-л.') и $\{-r\bar{e}_2\}$ (суффикс отглагольных медиальных глаголов 'претерпевать изменения'); $\{=t\bar{e}_1\}$ (суффикс отсубстантивных прилагательных 'обладающий чем-л.') и $\{=t\bar{e}_2\}$ (суффикс отсубстантивных глаголов 'приобретать что-л.').

В первом случае два квазиомонимичных суффикса присоединяются к разным дистрибутивным классам основ ($\{-r\bar{e}_1\}$ — к адъективным основам, $\{-r\bar{e}_2\}$ — к субстантивным основам).

Во втором случае два квазиомонимичных суффикса образуют слова разных частей речи ($\{=t\bar{e}_1\}$ — адъективный суффикс, $\{=t\bar{e}_2\}$ — глагольный суффикс); ср. также $\{=\dot{c}i_{-1}\}$ (суффикс отнаречных или отглагольных глаголов) и $\{=\dot{c}i_2\}$ (суффикс отглагольных агентивных существительных).

Примером квазиполисемии деривационных морфем является отношение между упомянутым выше медиальным суффиксом $\{-r\bar{e}_{-1}\}$ и суффиксом отадъективных глаголов $\{-r\bar{e}_3\}$ ('делать как-л.' или 'вести себя как-л.'): в отличие от квазиомонимии, здесь наличие некоторого содержательного сходства между означаемыми, поэтому допустимо говорить о квазиполисемии.

Примером квазиомонимии грамматических морфем могут служить отношения между членами пар, в которых деклинационный суффикс квазиомонимичен конъюгационному: $\{=\bar{a}\bar{e}_2\}$ «имперфективное причастие» и $\{=\bar{a}\bar{e}_2\}$ «рефлексивность»; $\{=n_1\}$ (тематический элемент субстантивной основы) и $\{=n_2\}$ (показатель деепричастия образа действия).

3.11.2. Изонимия морфем

Аналогом одноименности для морфем можно было бы считать такую ситуацию, когда у двух морфем совпадает морфонемный состав. Может ли это быть, если морфема выделяется на фор-

мально-структурных основаниях? Может, если учесть, что, помимо морфонемного состава, каждая алломорфема характеризуется определенной дистрибутивной характеристикой. Теоретически можно представить себе случай, когда у двух алломорфем совпадают морфонемные составы. Тогда можно говорить об изонимии двух алломорфем, относящихся к разным морфемам, или об омонимичности некоторой морфонемной цепочки. Так, цепочка ⟨n⟩ репрезентирует либо морфему {=u1Nx} 'генитив' (после дифтонгов), либо морфему {=n} (тематический элемент в разных контекстах). Цепочка ⟨=g1⟩ репрезентирует либо морфему {=uigi} 'аккузатив' (после дифтонгов), либо морфему {=g1} 'оптатив'. Цепочка ⟨=dә⟩ репрезентирует либо морфему {-gdә-} 'пассив' (после гласных), либо морфему {=dә} 'датив'. Цепочка ⟨tә⟩ репрезентирует либо морфему {=dә} 'датив' (после шумных согласных и ⟨r⟩), либо морфему {-tә} (суффикс отыменных прилагательных), либо морфему {-gdә-} ('Pass'); возможны и другие омонимические столкновения. Вероятность фактического смешения значений в этих случаях невелика, так как нередко изонимичными оказываются деклинационная и конъюгационная алломорфемы, и, таким образом, внутрисловный контекст оказывается уже достаточным фактором для внешнего различения двух словоформ.

3.11.3. Смешанные случаи квазиомонимии

Возможна смешанная омонимия, т. е., например, одноименность некоторой словообразовательной морфемы и некоторой формообразовательной морфемы. Такое явление проиллюстрировано таблицей 2.

Таблица 2

Словообразовательные маркеры		Формообразовательные маркеры	
{-әә}	отглагольное имя предмета действия	{=әә}	1) имперфективное причастие;
			2) рефлексивное притяжание
{-dә}	отглагольное имя состояния	{=dә}	дательный падеж
{-l}	отглагольное имя	{=l}	контрастивный показатель
{-n}	отглагольное имя	{=n}	1) тематический показатель;
		{=n}	2) плюральное имя
		{=n}	3) деепричастие образа действия
{-nә}	локативное наречие	{=nә}	презенс
{-әәd}	распределительное числительное	{=әәd}	антегрессивное деепричастие

Здесь, как и в предыдущем случае, вероятность фактического смешения значений тоже крайне мала, так как внутрисловный контекст обычно оказывается достаточным фактором для внешнего различения двух словоформ.

3.12. Функции морфем

3.12.1. Еще раз о целесообразности трактовки десемантизованных отрезков как морфем

Строго говоря, при «формально-структурном» подходе к морфемам едва ли можно говорить об их функциональной классификации, так как в общем случае содержательные функции приписываются не морфемам, а их комбинациям, функционирующим в качестве «морфоблоков».

Таким образом, о наличии значений у морфем мы говорим лишь метонимически, имея в виду десигнаты тех элементарных морфоблоков, экспоненты которых содержат ту или иную морфему. Однако большей частью экспонент элементарного морфоблока состоит ровно из одной морфемы, и в этом случае можно говорить о морфеме как о носителе той или иной функции. Поэтому для тех случаев, когда означающее элементарного морфоблока состоит ровно из одной морфемы, можно в метонимическом смысле говорить о функциях морфем и, соответственно, об их функциональной классификации. В оправдание такой вольности заметим, что метонимическими переносами пестрит любой научный текст; и в данном случае надо не «запрещать» метонимические сдвиги, а эксплицировать их. Для обоснования правомерности такого словоупотребления можно привести аналогию с употреблением термина «значение слова». Хотя, вообще говоря, бывают слова полностью десемантизованные (не имеющие значений), например, компоненты «полных идиом», однако это не ведет к отказу от употребления термина «значение слова». Таким же образом надлежит относиться к термину «значение морфемы»: хотя морфемы и бывают полностью десемантизованными (гораздо чаще, чем слова), но это не ведет к отказу от термина «значение морфемы».

3.12.2. Многообразии функций морфем

Говоря о функциях морфем, целесообразно исходить из концепции их многообразия⁶³ (с поправками на предложенное в пункте 0.2 уточнение понятия морфемы).

Во-первых, можно классифицировать морфемы «по характеру отношения их значений к значению целого, в состав которого эти морфемы входят»⁶⁴.

Согласно Ю. С. Маслову, «здесь возможны следующие основные случаи (между которыми имеются, конечно, постепенные переходы):

(1) «Значение морфемы прямо и непосредственно входит в значение целого»⁶⁵. Например, в слове ⟨jab-uul⟩ 'посылать' значения морфем ⟨jab-⟩ 'идти' и ⟨-uul⟩ «каузация» прямо и непосредственно входят в значение целого слова. Здесь экспоненты элементарных морфологических знаков являются одноморфемными.

(2) Значение морфем лишь косвенно, опосредованно входит в значение целого, оно превращается в компонент «внутренней формы», т. е. в компонент того мотивированного значения, которое не фиксируется лексикографическим определением слова, а лишь «просвечивает», «угадывается» в слове за его актуальным «значением»⁶⁶. Так, в глаголе ⟨ṣiɔbuu-lə-⟩ 'охотиться на птиц' (от ⟨ṣiɔbuu⟩ 'птица') лексическое значение включает в себя не только значение корня ('птица') и суффикса ⟨{-lə}⟩ 'делать что-л.', но и специфическую смысловую добавку ('охотиться на')⁶⁷.

Более продвинутый этап идиоматизации морфемных сочетаний налицо в таких случаях, как ⟨gar-ʒə⟩ 'расход, ущерб' (от ⟨gar-⟩ 'выходить' с помощью суффикса ⟨-ʒə⟩ 'результат действия'). Здесь происходит дезактуализация морфемных значений, и постепенно значения морфем превращаются в компоненты внутренней формы. Пока внутренняя форма осознается носителями, соответствующие морфемы имеют «мотивировочную функцию»⁶⁸.

Другой пример — парадигматическая семантическая фразеологизация, т. е. употребление морфем в переносных, фразеологически связанных значениях. Так, корни связочных глаголов ⟨baɪ-⟩ 'быть', ⟨bɔlə-⟩ 'становиться', ⟨biɪ-⟩ или ⟨bi-⟩ 'быть', сочетаясь

⁶³ Развитой в [Маслов 1978].

⁶⁴ [Маслов 1978, с. 7].

⁶⁵ [Маслов 1978, с. 15].

⁶⁶ [Маслов 1978, с. 15].

⁶⁷ В таких случаях налицо «синтагматическая семантическая фразеологизация» (в смысле [Гловинская 1975]).

⁶⁸ [Маслов 1978, с. 16].

с предшествующими им причастными и деепричастными формами, образуют аналитические формы глаголов, т. е. служат аналитическими показателями аспектуальных грамматических значений. Корни «полуслужебных» глаголов в сочетании с предшествующими деепричастными формантами образуют аналитические показатели направленности, совершаемости, модальности, фазовости. Корень ⟨ab-⟩ (букв. 'брать') служит показателем ацептива ('с пользой для себя или по направлению к себе'), корень ⟨өг-⟩ (букв. 'давать') — показателем донатива ('с пользой для другого или в направлении от себя'), корень ⟨irə-⟩ (букв. 'приходить') — показателем вентива (≈ рус. 'при-'), корень ⟨jabə-⟩ (букв. 'идти') — показателем децессива (≈ рус. 'у-'), корень ⟨э́и-⟩ (букв. 'уходить') — показателем абитива (≈ рус. 'от-') (разница между абитивом и децессивом довольно тонкая, примерно как между рус. *от-* и *у-*), корень ⟨э́гə-⟩ (букв. 'входить') — показателем инитива (+ рус. 'в-'), корень ⟨gar-⟩ (букв. 'выходить') — показателем экзитива (≈ рус. 'вы-', 'из-'), корень ⟨э́гхи-⟩ (букв. 'бросать') — показателем (с непрерывными основами) сатива (≈ рус. 'вы-', 'от-' с переходными основами в значении полного охвата объекта действием — ср. 'выпороть', 'отколошматить'), корень ⟨sou-⟩ (букв. 'сидеть' или 'жить') — показателем континуатива ('продолжать'), корень ⟨узə-⟩ (букв. 'видеть') — показателем аттемптива (т. е. значения 'старания' или 'попытки').

Во всех таких случаях корни служебных и полуслужебных глаголов составляют вместе с предшествующими конъюгационными формантами аналитические показатели Aktionsart'ов, однако «прямые» значения морфем образуют достаточно прозрачную внутреннюю форму.

Наконец, возможна полная идиоматизация, когда значение целого уже практически утрачивает связь со значениями компонентов, а внутренняя форма как бы «застывает».

Интересно, что иногда весьма сильно идиоматизованы существительные во множественном числе: ⟨exə⟩ 'мать' & ⟨-nəg⟩ «множественное число» = ⟨exə-nəg⟩ 'жена'; ⟨xuu⟩ 'сын' & ⟨-xəp⟩ 'женский пол' & ⟨-d⟩ 'множественное число' = ⟨xuu-xə-d⟩ 'ребенок' и т. п.⁶⁹ В этих случаях, видимо, в качестве элементарного морфологического знака можно трактовать лишь идиому в целом. Экспонент

⁶⁹ Ср. также случаи предельной идиоматизации вроде ⟨sain⟩ 'хороший' & ⟨-d⟩ 'множественное число' = ⟨sai-d⟩ 'министр'. В подобных случаях мы имеем дело с соотношениями, которые представляют собой «темное место» также и в этимологическом аспекте.

такой идиомы будет состоять из нескольких морфем, а его десигнат не имеет прямого отношения к десигнатам каких-либо единиц, в него входящих. Морфемы, входящие в состав такого экспонента, предельно десемантизованы.

В принципе предлагаемая концепция морфологической членности совместима как с признанием одностороннего характера морфемы, так и с трактовкой морфемы как знака (двусторонней единицы).

В последнем случае необходимо ввести понятие «вырожденного знака», т. е. признать, что бывают знаки полностью десемантизованные, входящие в состав идиоматических знакосочетаний. Тогда вопрос об их «значении» (есть ли оно, и если есть, то какое именно) несуществен. Можно признать эти значения «нулевыми», можно — ненулевыми, но суть дела от этого не изменится: значение целого не будет иметь никакого (или почти никакого) отношения к значениям частей.

3.12.3. Типы значений, выражаемых морфемами

3.12.3.1. Общие замечания

Типы значений, выражаемых морфемами, более или менее связаны с их дистрибутивной классификацией. Это вполне естественно, так как сочетаемость морфемы, вообще говоря, в той или иной степени обусловлена ее содержательным предназначением (хотя здесь возможны и несоответствия).

Дистрибутивные классы морфем были вкратце охарактеризованы выше.

В принципе у каждого дистрибутивного класса есть своя прототипическая семантика.

Так, морфемы-коммуникативы выражают «законченную мысль» (как правило, это даже не «мысль» в строгом смысле слова, а некоторое эмоциональное состояние). Морфемы-слова выражают некоторую уточняющую характеристику ситуации. Корни обозначают некоторый элемент ситуации. Субстантивные корни имеют значения, тяготеющие к «таксономическому» типу, адъективные — к «характеризующему», глагольные — обозначают ситуации, локализованные во времени (временные состояния, процессы, события). Наречные корни имеют значения временной или пространственной характеристики ситуации. Нумеративные корни выражают числовые понятия.

Эти утверждения не столь тавтологичны, как это может показаться: имеется в виду «устойчивая корреляция» между сочетаемостными возможностями морфем и их семантикой.

С другой стороны, у корней есть два типа сочетаемостных признаков: внутрисловная сочетаемость и межсловная сочетаемость (синтаксические свойства).

Если принять во внимание многоуровневый характер языка, то синтаксические свойства могут трактоваться и как особого рода «значения» (так называемые «синтаксические значения»). Речь идет о так называемых «грамматических значениях». Можно сказать, не впадая в тавтологию, что корневые морфемы, относящиеся к классу «морфологически субстантивных», выражают «синтаксическую субстантивность»; корневые морфемы, относящиеся к классу «морфологически глагольных и словной морфологической сочетаемостью этих морфем и их синтаксической (межсловной) сочетаемостью».

Так, например, класс «морфологически переходных» глагольных корней может быть определен как класс корней, после которых в принципе может употребляться суффикс пассива (<gdə-). При этом класс «синтаксически переходных» глагольных корней может быть определен как класс корней, которые могут, сочетаясь с определенными видо-временными показателями, образовывать переходное сказуемое (управляющее прямым дополнением).

Эти два класса в значительной степени накладываются друг на друга, но не совпадают полностью. Можно утверждать, не впадая в тавтологию, что «морфологически переходные» корни выражают значение «синтаксической переходности».

Однако не будем углубляться в эту проблематику: она относится не столько к морфемике, сколько к теории частей речи.

3.12.3.2. Противопоставление лексических и грамматических значений морфем

Во-первых, можно говорить о противопоставлении лексических и грамматических функций морфем. Как уже указывалось выше (пункт 1.0), служебные и знаменательные морфемы выделяются на дистрибутивных основаниях. Однако это не исчерпывает сути проблемы. Дистрибуция — это наиболее «осязаемый» признак, на основе которого можно выделять морфемы и подразделять их на лексические и грамматические. Это отнюдь не исключает дополнительной характеристики тех или иных морфем как носителей значений того или иного характерного для них типа.

С одной стороны, применение дистрибутивного критерия может давать результат, не вполне тождественный тому, который получился бы в случае механического применения упрощенно понятого семантического критерия.

Упрощенно понятый семантический критерий сводится к тому, что корень — носитель «лексического значения», или «ядра лексического значения», а аффиксы — носители «деривационных значений» и «грамматических значений». Естественно, что при прямом применении этого критерия многие единицы окажутся с дистрибутивной точки зрения корнями (хотя и образующими особый слой так называемых «строевых» имен или «полуслужебных» корней), а с семантической точки зрения окажутся «служебными» или «грамматическими» словами. Сюда в первую очередь относятся местоименные корни и полуслужебные глагольные корни (см. выше, 1.0.).

Однако при более тонком применении семантического критерия окажется, что результаты практически совпадут с результатами применения чисто дистрибутивного критерия. Можно предложить следующее дистрибутивно-семантическое уточнение семантического критерия.

С дистрибутивной точки зрения морфемы делятся на два основных класса. Тот из них, который включает в себя большинство морфем с «реляционным» значением (типа 'агенс', 'пациенс', 'свойство', 'презумпция', 'ассерция' и др.), а также со значениями из некоторого универсального прототипического набора «понятийных категорий» («время», «модальность», «целеустановка», «лицо», «квантификация», «референциальный статус»), и есть класс служебных морфем; другой класс есть класс знаменательных морфем.

По-видимому, результаты применения такого критерия практически совпадут с результатами применения дистрибутивно-статистического критерия (согласно которому класс служебных морфем — это тот из двух дистрибутивных классов, который на порядок меньше по объему, чем другой класс, и члены которого обладают на порядок большей употребительностью, чем члены другого класса).

Таким образом, семантический критерий в уточненном виде не только не противоречит дистрибутивному, но естественно дополняет его. У служебных морфем как формального класса есть своя прототипическая семантика — это универсальный набор синтаксических отношений и понятийных категорий.

Заметим попутно, что таким же образом обстоит дело с другими дистрибутивными («формальными») классами морфем: они

выделяются на формальных основаниях, но каждый из выделенных классов обладает своей «прототипической» семантикой (не обязательно присущей всем без исключения членам данного класса). Теоретический статус прототипической («категориальной») семантики может быть разным: либо это опора для дистрибутивно-семантического критерия, либо это добавочная характеристика каждого дистрибутивно-статистического класса, не используемая при его выделении. В последнем случае прототипическая семантика может быть основой для исследования семантики грамматических категорий и крупных лексических классов в полном объеме.

Все сказанное выше о прототипической семантике формального класса относится, в частности, и к таким грамматически существенным классам знаменательных морфем, каковыми являются «части речи».

Так, субстантивные корни — это тот дистрибутивный класс, куда входит большинство знаменательных морфем с «предметным» значением (таких, как 'земля', 'небо', 'солнце', 'луна', 'вода', 'человек', 'рука' и т. п.).

Глагольные корни — это тот дистрибутивный класс, куда входит большинство морфем со значением «динамической ситуации» («процесса» или 'события').

Адъективные корни могут при этом определяться как на основе прототипической семантики, так и на дистрибутивно-синтаксической основе.

В первом случае адъективные корни определяются как дистрибутивный класс, куда входит большинство морфем со значением 'признака' или 'свойства'.

Во втором случае — как дистрибутивный класс морфем, для которых наиболее частотной и немаркированной является синтаксическая позиция присубстантивного или приадъективного атрибута.

Применительно к халха-монгольскому языку, как и ко всем «центростремительным» (по Теньеру) языкам, в частности, ко всем алтайским, позиция атрибута формально может быть приравнена к позиции валентного слова относительно аргумента, заполняющего одну из его валентностей.

Что касается наречных корней, то есть основания полагать, что критерий прототипической семантики здесь применим только к конкретному языку и, таким образом, не может служить универсальным критерием их выделения: в одних языках прототипической семантикой наречий является сфера оценочных значений ('очень', 'хорошо'), а в других — сфера пространственных значений ('вдали'), а возможно, и какие-то другие сферы.

Поэтому здесь, скорее всего, применим лишь дистрибутивно-синтаксический критерий: считать наречиями тот дистрибутивный класс знаменательных морфем, для которых характерно употребление в позиции присубстантивного и приаждективного атрибута, т. е. в позиции валентного слова, синтаксически подчиненного (и, таким образом, в центростремительных языках — предшествующего) своему аргументу, который, в свою очередь, представляет собой валентное слово.

Полуслужебные морфемы выражают местоименные значения — {bi-} // {mi-} // {nam-} // {nad-} 'я', {ma-} 'мы', {ci-} // {ciam-} 'ты', {ta-} 'вы', {ali-} 'который?', {əer-} 'другой', {ɔdəə-} 'сейчас', {te-} 'тот', {e-} 'этот', {ja-} 'вопр.', {xe-} 'вопр.'; пространственные отношения — {tei-} 'к', {dɔ-} 'низ', {deə-} 'верх', {dɔtə-} 'в', {əm-} 'перед', {dɔn-} 'середина', {gadə-} 'наружная сторона', {xɔ-} 'зад', {naə-} 'близость', {daguu-} 'вдоль', {dergə-} 'близость', {saə-} 'зад' или 'даль', {ɔi-} 'близость' и т. п.; логические отношения — {tɔlə-} 'цель', {xamtə-} 'вместе', {sɔgə-} 'вместе' и т. п.

Сюда же можно отнести корни «строевых» (т. е. «служебных» и «полуслужебных») глаголов.

К служебным глаголам относятся «связочные» глаголы — {bai-} 'быть', {bɔl-} 'становиться', функционирующие (наряду с видовыми показателями в причастиях) как аналитические показатели глагольного вида. Система аналитических глагольных видов (они представлены, в частности, в финитных репрезентациях глагола) в монгольском значительно богаче, чем система синтетических видов, представленных в причастных репрезентациях глагола.

К полуслужебным глаголам можно отнести разнообразные аналитические выразители некоторых категорий, принадлежащих к подразделам довольно широкого поля **«акционсартов»**. Внутри этого поля выделяются в первую очередь следующие более частные типы.

Показатели «направленности глагольного действия»

Категория «ориентации»	Строевой глагол	Буквальное значение	Реальное значение
«вентив»	{irə-}	'прийти'	≈ 'сюда'
«абитив»	{jab-}	'уйти'	≈ 'отсюда'
«адитив»	{ɔɔi-}	'идти, направляться'	≈ 'туда'
«экзитив»	{gar-}	'выйти'	'вы.'
«инитив»	{ɔrə-}	'войти'	≈ 'в.'
«донатив»	{əg-}	'дать'	≈ 'ради кого-л.'
«акцептив»	{ab-}	'взять'	≈ 'ради себя'
«хабитатив»	{sɔu-}	'сидеть, находиться'	≈ 'жить, продолжать быть на одном месте'

Показатели «совершаемости»

Категория «совершаемости»	Строевой глагол	Буквальное значение	Реальное значение
«проинквитатив»	{aldə-}	'потерять, уронить'	'почти'
«супрематив»	{ɔxɪ-}	'оставлять, покидать'	≈ 'окончательно и бесповоротно'

Показатели фазы

Категория «фазы»	Строевой глагол	Буквальное значение	Реальное значение
«инцептив»	{exəl-}	'начинать, начинаться'	'начинать'

Показатели модальных значений

Категория «модальности»	Строевой глагол	Буквальное значение	Реальное значение
«поссибилитив»	{cadə-}	'мочь'	'мочь'
«аттемптив»	{uzə-}	'видеть'	'пытаться'
«импоссибилитив»	{jad-}	'не мочь'	'не мочь'
«сукцессив»	{amʒi}	'успешно сделать'	≈ 'успешно'

Служебные морфемы делятся на определенные классы также в соответствии с их дистрибуцией (см. выше).

С морфонологической точки зрения можно выделить среди них клитики (не подверженные сингармонизму) и аффиксы (подверженные сингармонизму).

Среди аффиксов различаются суффиксы и постфиксы. Можно ли дать семантическую характеристику этим классам? Различие между суффиксами и постфиксами, видимо, имеет некоторую семантическую подоплеку: типичные деривационные значения выражаются суффиксами, а грамматические значения — постфиксами.

Между постфиксами и клитиками, видимо, нет принципиальной разницы в значении. Это видно хотя бы из того, что взаимоисключающие однородные значения (по сути дела, составляющие одну грамматическую категорию) выражаются по-разному. Так, значения пространственной локализации и моторной направленности выражаются как послелогам {+deə-rə}, {+dətə-rə}, {+dɔ-rə} и т. п., так и падежными постфиксами {-də} ('датель') (выражающий, в частности, 'нахождение где-то' и 'движение куда-то'),

{=əə} ('аблатив', выражающий в первую очередь 'удаление откуда-то') и {=ɣuʊ} ('директив', выражающий, в частности, 'движение куда-то'), хотя, видимо, есть некоторая нечеткая тенденция выражать двигательные значения падежными постфиксами, а ориентирующие — клитиками. Категория принадлежности выражается либо лично-притяжательными клитиками (артиклями) {+nu}, {+mi-nu}, {+ci-nu}, {+maə-nu}, {+ta-nu}, либо возвратно-притяжательным постфиксом {=əə}; таким образом, в соответствующей парадигме есть несколько полусинтетических форм и одна синтетическая.

Еще более очевидна функциональная близость постфиксов и полуслужебных корней при взгляде на образование аналитических глагольных форм. В принципе нет необходимости объединять аналитические и синтетические формы в одну морфологическую парадигму, но в единую «синтаксическую» парадигму они, видимо, все-таки входят.

Основная тенденция здесь может быть выражена примерно следующим образом ⁷⁰.

«Репрезентация» выражается кумулятивно — вместе с временем, наклонением, видом, таксисом и межсобытийными отношениями: предикативные форманты выражают наклонение и время, причастные — вид, деепричастные полупредикативные — таксис, деепричастные обстоятельственные — межсобытийные отношения. Наклонение и время также выражаются кумулятивно: неизъявительные формы не охарактеризованы по времени, а изъявительные все выражают не только «изъявительность», но и время.

Корреляция между синтаксическими и семантическими функциями формантов, конечно, не является строгой и однозначной, но игнорировать ее не стоит.

Как морфемы-коммуникативы, так и морфемы-слова слитно выражают лексическое и грамматическое значение.

Таким образом, само противопоставление лексических и грамматических значений имеет смысл лишь для корней и служебных морфем.

Принято считать, что в основном корни выражают лексические значения, а служебные морфемы — грамматические значения. Является ли такое утверждение тавтологией? Может быть, и является, но не обязательно: все зависит от того, как понимать термины «лексическое значение» и «грамматическое значение» (счи-

⁷⁰ Подчеркнем, что речь идет о выражении именно морфологических, а не понятийных и не синтаксических категорий!

тая, что термины «корень», «служебная морфема», «знаменательная морфема», «клитика» и т. п. уже определены на основе формальных дистрибутивных критериев).

Если определение лексических и грамматических значений основывается на противопоставлении служебных и знаменательных морфем, то тогда разбираемое утверждение будет, скорее всего, аналитически истинным суждением (т. е. тавтологией).

Если же основывать определение «лексических» и «грамматических» значений на чем-то другом, то в разбираемом суждении есть нетривиальная информация. Так, можно основывать определение понятия «грамматическое значение» на признаке «обязательности», «причастности к синтаксису» или «абстрактности», и тогда результат может оказаться несколько иным.

Корни служебных и полуслужебных глаголов, а также местоименных слов выражают грамматические значения (примеры таких единиц см. выше).

3.12.3.3. Словообразовательные и словоизменительные значения морфем

Существенным вопросом является различие деривационных и словоизменительных значений. Здесь мне не удастся обнаружить проявлений расхождения между классификацией морфем и классификацией их значений.

Есть, однако, ряд спорных случаев, совмещающих признаки обоих типов значений и, таким образом, лежащих в пограничной области. Перечислим эти случаи.

(1) В системе имени неясен статус числовых показателей. В пользу признания их словоизменительными говорит неграмматичность сочетаний существительных во множественном числе с числительными и кванторами. Против признания их словоизменительными (т. е. за признание словообразовательными) говорят такие доводы, как привативный характер числовой оппозиции, отчетливо маркированный характер множественного числа, редкость употребления плюрализирующих суффиксов (см. выше, п. 4.1.2). Примем второе решение.

(2) В системе глагола неясен статус залоговых показателей. В пользу признания их словоизменительными говорят: синтаксическая релевантность выражаемых значений; высокая продуктивность залоговых образований. В пользу признания их словообразовательными говорят: (а) та или иная степень фразеологизации сочетаний корней с залоговыми суффиксами; (б) нестандартное

выражение залога; (в) сочетаемость залоговых показателей друг с другом. Примем второе решение.

(3) В системе вербоидов неясен статус причастных показателей. В пользу признания их словоизменительными говорят такие факторы, как синтаксическая релевантность, стандартность выражения. В пользу признания их словообразовательными говорит то, что причастия склоняются наподобие существительных. Здесь предпочтительно компромиссное решение: трактовать значение суффикса <-gĕi> ('Nomina agentis') как словообразовательное, а значения причастных формантов — как словоизменительные. Формы на <-gĕi> целесообразно относить к словообразовательным, так как они, во-первых, иногда фразеологизированы, а, во-вторых, могут принимать показатели множественного числа, ср. <ᠰᠣᠷ-gĕi-d> 'учащиеся' (а показатели множественного числа хотелось бы считать словообразовательными).

Есть, конечно, и некоторые контраргументы против такого решения. А именно формы на <-gĕi> ведут себя как словоизменительные формы глагола, например, могут подчинять себе деепричастия на <=n> и на <=ᠵi>.

3.12.3.4. Собственно семантические и синтаксические функции морфем

Разграничение собственно семантических и синтаксических функций морфем в значительной мере условно, но практически полезно. Собственно семантические функции морфем проявляются в указании на элементы внеязыковой действительности, а синтаксические — в указании на отношения между языковыми единицами или на их роль в составе более крупных языковых единиц. О семантических и синтаксических (частеречных) функциях знаменательных морфем упоминалось выше, поэтому остановимся на разграничении семантических и синтаксических функций служебных морфем.

Клитики

1) Сентенциальные клитики <+bəi>, <+šiuu>, <+bižə> выражают коммуникативную установку высказывания, эмфазу, модальность.

2) Выделительная клитика <+ĕi> выражает логические и коммуникативные отношения между частями высказывания.

3) Связочные клитики (<+biu>, <+biᠰi>, <+mən>, <+algə>, <+jəm>) выражают наличие / отсутствие, подтверждение / отрицание чего-л.

4) Клитики-последлоги (<+guɪ) и (<+ʂig) выражают значения отношений — каритивного ('не имеющий', 'без') и симулятивного ('похожий на', '-образный', '-подобный'). Есть основания считать эти последлоги показателями полусинтетических падежей — каритива и симулятива.

Форманты

1) Сентенциальные форманты выражают довольно разнообразный круг значений — эмфазу и обращение (⟨=əə⟩), общий вопрос (⟨=uu⟩), труднопереводимые значения типа ⟨=l⟩ (≈ 'же'), ⟨-dəə⟩ (≈ 'так', 'ну').

2) Предикативные выражают модальность. Причем эксплицитное выражение модальности исключает выражение времени.

Экскурс

Исходя из «внутренней логики» халха-монгольского языка, приходится признать, что в нем (как, впрочем, и во многих алтайских языках) форманты с модальным значением и форманты с темпоральным значением входят в один набор взаимоисключающих элементов, в одну парадигму. Такая ситуация допускает по крайней мере следующие типы описания.

А. Усматривается единая категория «предикативности», включающая несколько временных и несколько модальных граммем. Соответственно, формы делятся на «временные» и «модальные».

Б. Усматриваются две категории — время и модальность, причем в «индикативных» формах модальности категория принимает значение «индикатива», а в «неиндикативных» формах категория времени принимает значение «футурума».

В. Усматриваются две категории — время и модальность, причем временные формы не относятся ни к какой модальности, а модальные, напротив, не охарактеризованы по времени.

Г. Усматриваются две категории — время и модальность, причем временные формы относятся к индикативу, а неиндикативные формы не относятся ни к какому времени (это, по-видимому, и есть традиционно принятая точка зрения).

Д. Усматриваются две категории — время и модальность, причем неиндикативные формы относятся к будущему времени, а временные формы не относятся ни к какому наклонению (решение, диаметрально противоположное традиционному).

Вопрос о категориальной принадлежности глагольных форм не является бессмысленным, ибо речь идет о том, какие типы грамматических оппозиций имеют место в данном языке. Но он не допускает однозначного решения.

Приняв то или иное решение, мы можем вывести из него различные следствия применительно к предикативным формантам. В слу-

чае А форманты гапloseмичны, т. е. каждый формант выражает одну-единственную грамему⁷¹. В случае Б имеет место либо (Б₁) синтетoseмия (каждый формант выражает одновременно две грамемы — временную и модальную), либо (Б₂) гапloseмия с употреблением нулевого аффикса индикатива в «индикативных» формах и нулевого аффикса футурума в «неиндикативных» формах. В случае В налицо гапloseмия. В случае Г «временные» формы (= «индикативные») либо (Г₁) синтетoseмичны, либо (Г₂) содержат нулевой аффикс индикатива, а «невременные» (= «неиндикативные») — гапloseмичны. В случае Д временные формы, напротив, гапloseмичны, а формы футурума — либо (Д₁) синтетoseмичны, либо (Д₂) содержат нулевой аффикс футурума.

Все перечисленные решения имеют и свои достоинства, и свои недостатки.

В случае А интуиция традиционного лингвиста противится явной семантической неоднородности грамем, зачисляемых в одну грамматическую категорию. Кроме того, кажется неестественным описывать систему наклонений, начисто лишенную индикатива. Почему-то хочется увидеть индикатив во «временных» формах. В случаях Б₁, Г₁, Д₁ признание синтетoseмии противоречит типологической характеристике халха-монгольского языка как агглютинативного. В случаях Б₂, Г₂, Д₂ признание нулевого аффикса отдаёт некоторой «искусственностью», так как нет прямой оппозиции нулевого аффикса ненулевому; а сигнализация соответствующих значений осуществляется посредством определенных материальных носителей. В случае В остается необъяснимым, откуда же, собственно говоря, носитель языка извлекает информацию о времени «неиндикативных» форм и о наклонении «индикативных» форм. Иначе говоря, кажется естественным признать, что значения «будущее время» и «индикативность» обязательно выражаются в любом языке тем или иным образом.

Как видно, проблема соотношения предикативных формантов с выражаемыми грамматическими значениями довольно сложна и не допускает однозначного решения.

3) Причастные форманты выражают одновременно (а) «синтаксическое» значение «причастия» (т. е. именные формы глагола) и (б) «семантическое» значение вида.

Предлагаемая здесь трактовка причастных форм как «видовых» нетрадиционна, и все же я рискну высказать несколько соображений в ее защиту. Соображения эти носят прежде всего структурно-морфологический, «формальный» характер. Именные формы сказуемого противопоставлены друг другу в одной синтаксической позиции, значит, различие между ними носит оппозитивный характер. Эта оппозиция включает 5 членов: перфектив

⁷¹ Термины «гапloseмия» и «синтетoseмия» взяты из [Маслов 1987, с. 235].

{{=sən}}, имперфектив ({{=əə}}, узуалис ({{=dæg}}, герундив ({{-mæg}}) и инфинитив ⁷² ({{=xə}}).

Следует обратить внимание, что речь идёт лишь о синтетических (а не аналитических) видах. Аналитических видов гораздо больше, но это уже особая проблема, выходящая за рамки морфемики.

4) Деепричастные форманты подразделяются на сочинительные и обстоятельственные.

Основная семантическая функция сочинительных формантов — это выражение ГК таксиса, обстоятельственных — выражение богатого набора других межсобытийных отношений.

Категория таксиса включает три члена — {{=əəd}} 'антегрессив' ('предшествование'), {{=ʒɪ}} «конгрессив» ('одновременность'), {{=p}} «модификатив» ('слитность, образ действия, способ осуществления действия, конкретизация действия').

Значение первых двух граммем таксиса очевидно. Модификативный таксис означает полное вкладывание времени второстепенного действия во время основного действия. По сути, это очень близко конгрессиву, но придаёт второстепенному действию оттенок «конкретизации способа основного действия».

Обстоятельственные межсобытийные отношения выражаются формантами {{=bəl}} «кондиционал» ('условие'), {{=təl}} «терминал» ('предел'), {{=xlæg}} «консекүтив» ('следствие'), {{=mægsə}} «конфестиватив» ('как только'), {{=bci}} «концессив» ('уступка', 'несмотря на'), {{=sæg}} «постфактив» ('с того времени, как') и некоторыми другими.

Основная синтаксическая функция сочинительных формантов состоит в выражении сочинительного отношения между однородными сказуемыми, а обстоятельственных — в выражении подчинительного отношения между подчиняющим (= «главным») и подчиненным («второстепенным») сказуемым.

Сочинительный формант сигнализирует о сочинительной связи сочиненного оборота (т. е. группы сказуемого, маркированного этим формантом), с группой сказуемого, непосредственно следующей за сочиненным оборотом, т. е. о синтаксической однородности этих двух групп.

Обстоятельственный формант сигнализирует о подчиненности обстоятельственного оборота (т. е. группы сказуемого-вербоида,

⁷² Последнюю форму с равным основанием можно назвать «футурум», «супин», «герундий» или «перспектив», так как она имеет черты, свойственные соответствующим образованиям в европейских языках, и не вполне ясно, какую из ее синтаксических и семантических функций следовало бы считать «основной», т. е. диагностической для ее номенклатурной квалификации.

маркированного этим формантом) группе сказуемого, следующей за обстоятельственным оборотом, т. е. о «второстепенном» статусе этого оборота относительно «главного» сказуемого.

Подробное обоснование предлагаемой трактовки сочинительных и подчинительных отношений в халха-монгольском языке относится к сфере синтаксиса и, таким образом, выходит за рамки нашего изложения.

Помимо семантических и синтаксических функций, деепричастные (конкретнее, сочинительные) форманты обладают также «структурно-техническими» функциями.

Эти функции реализуются в том случае, если сочинительные форманты управляются служебными глаголами (*бай* 'быть' и *бол* 'стать') или полуслужебными глаголами (а именно направительными, совершаемостными и модальными).

В сочетании со служебными глаголами сочинительные форманты образуют аналитические показатели глагольного вида и наклонения. Так, сочетание форманта {=ʒɪ} «конгрессив» с последующим за ним глаголом {bai-} образует аналитический показатель прогрессива; сочетание форманта {=æd} «антегрессив» с тем же глаголом образует аналитический показатель перфектива. Сочетание {=ʒɪ} с глаголом {bɔl-} образует аналитический показатель потенциалиса.

5) Деклинационные форманты выражают грамматическую категорию падежа.

Согласно традиционной монголистической трактовке, в эту категорию объединяются граммемы весьма разнообразные — настолько разнообразные, что иногда (в рамках так называемого «двойного склонения») одна словоформа содержит несколько падежных формантов и, соответственно, выражает одновременно целый комплекс падежных граммем.

Исходя из наиболее распространенной трактовки грамматических категорий, принятой в современной лингвистике, следовало бы придерживаться такой трактовки «двойного склонения», которая была бы внутренне непротиворечива и согласовывалась бы с общей теорией грамматических категорий.

В таком случае здесь возможны три решения:

(1) считать каждый сложный показатель простым и, таким образом, вводить в описание «двойные падежи»;

(2) усматривать здесь две или три разные грамматические категории существительного, граммемы которых, естественно, могут сочетаться друг с другом;

(3) усматривать в таких словоформах сочетание деривационного форманта (адъективатора или адвербиализатора) с собственно

падежным формантом, присоединяемым к субстантивированному прилагательному.

По-видимому, все три трактовки более последовательны, чем традиционная (усматривающая здесь единую грамматическую категорию падежа, но допускающая сочетание падежных граммем в одной словоформе). Изложим эти трактовки подробнее.

(1) В падежную систему вводятся (наряду с традиционными) такие падежи, как «дательно-отложительный», «родительно-дательный», «совместно-дательный», «совместно-винительный» и проч.

Недостаток этой трактовки в том, что выделяемые знаки окажутся неэлементарными, они будут обнаруживать частичное формально-смысловое сходство друг с другом. А значит, неестественно видеть здесь разные, не имеющие отношения друг к другу граммемы и разные, не похожие друг на друга морфемы.

(2) Деклинационная система признается сложной, включающей не только грамматическую категорию падежа, но также еще несколько категорий. Деклинационные категории — это:

(а) репрезентация, выражаемая формантами-адъективаторами: комитативным $\{=təi\}$ и генитивным $\{=uɪN_x\}$;

(б) собственно падеж, выражаемый собственно-падежными формантами — дативным $\{=də\}$, аккузативным $\{=uɪgɪ\}$, инструментальным $\{=əər\}$, директивным $\{=ruu\}$, аблативным $\{=əəs\}$;

(в) посессивность (принадлежность), выражаемая возвратно-посессивным формантом $\{=əə\}$, а также лично-посессивными артиклями-клитиками.

Впрочем, здесь мы выходим за пределы словоформы, а значит, и из сферы синтетических форм в область структуры акцентного слова, т. е. в сферу «квазисинтетических» (= «полусинтетических» или «полуаналитических») форм, т. е. форм, образуемых комбинацией словоформы с клитикой.

При такой трактовке остаются неразъясненными формы типа *гэртээс* 'из дома', *эндээс* 'отсюда' (согласно первой трактовке, это — «датив-аблатив»). Однако их можно считать падежными (аблативными) формами наречий *гэрт* 'дома', *энд* 'здесь', в которых граммема датива представляет собой живой компонент «внутренней формы» лексемы, а не элемент грамматического значения соответствующих словоформ. Таким образом, перед нами не формы датива как такового, а отсубстантивные наречия, образованные путем «застывания» словоформы датива, ее морфологической фразеологизации. А при такой трактовке неувиденной становится и склоняемость этих образований: ведь наре-

чия в халха-монгольском языке до некоторой степени обладают свойством склоняемости.

(3) Можно, наконец, считать комитатив и генитив (заодно и атрибутив) операторами образования отсубстантивных прилагательных. К этому как будто склоняется Дж. Стрит.

Недостатком такой трактовки следует признать то, что значения формантов-адъективаторов обладают свойством регулярности (от всех существительных могут быть образованы формы атрибутива, генитива и комитатива) и синтаксической нагруженности (эти формы нередко являются сильноуправляемыми: ряд послелогов требует атрибутива или генитива, ряд глаголов требует комитатива), что сближает эти формы с «собственно падежными» и отличает от форм адъективной деривации. Интересно, что в русистике принята именно такая трактовка русских притяжательных форм на *-ин* (*мамин, папин, Ильин*) и *-ов* (*отцов, Петров*): с одной стороны, они почти не включаются в словари; а с другой стороны, в систему русских падежей не принято вводить «посессив», именно на том основании, что посессивные формы являются склоняемыми (*мамино, папино, Ильина, отцова, Петрова*).

Исходя из этого, трактовка (2) представляется предпочтительнее остальных. Но и она не свободна от недостатков: ибо, приняв ее, мы вынуждены будем не считать генитив и комитатив падежами (что противоречит традиции и лингвистическому здравому смыслу).

ГЛАВА 4

ТИПЫ ЧЕРЕДОВАНИЙ В ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

0. Введение

В современном халха-монгольском языке представлено несколько классов чередований. Под чередованием понимается закономерная модификация внешнего облика той или иной языковой единицы при переходе с одного уровня на другой. Первая попытка динамического моделирования чередований халха-монгольского языка, предпринятая Дж. Стритом в [Street 1963, с. 17, 45], ориентирована на орфографические правила «т. н. правила морфографемики». Настоящее исследование посвящено собственно морфонологическому моделированию, ориентированному на устную (т. е. звуковую) форму халха-монгольского языка. Фонетические данные почерпнуты частично из собственных слуховых наблюдений автора, частично — из работ, в которых используется тот или иной вид фонетической транскрипции¹. Будет рассмотрено шесть уровней представления текста, отражающих определенные относительно автономные этапы преобразования мысли в звучащую речь, — лексограммемный, морфемный, морфонемный, фонемный, гипофонемный и «фонетический» (= аллофонемный). Соответственно числу межуровневых переходов выделяется пять классов звуковых чередований: лексограммемные, морфемные, морфонемные, фонемные и гипофонемные чередования.

¹ [Владимирцов 1929; Поппе 1931, с. 7, 32; Poppe 1951, S. 12, 30, 164, 188; Street 1963, с. 46, 79; Vietze 1978, S. 17, 30; Ринчен 1976; Лувсанвандан 1976; Цолоо 1976; Моомоо 1970; Надеяев 1957].

1. Лексограммемные чередования

Лексограммемный уровень близок к т. н. «глубинно-морфологическому»² или «морфолексемному» [Булыгина 1977, с. 62].

Морфемный уровень близок к т. н. «поверхностно-морфологическому»³ или «поморфемному»⁴. Каноническое соответствие между лексограммемной записью лексемы и ее морфемной записью тривиально: это их полное тождество. Неканоническое соответствие, имеющее место в случае полного или частичного супплетивизма, осуществляется по правилам лексограммемной трансформаторики основ.

А. Полный супплетивизм

ЛГО-1. Перед граммемой генитива ('Gen'): лексема *БИ 'я' реализуется основой {mi(n)=}, сокращенно *БИ \Rightarrow {mi(n)=}.

Т. о., *БИ_{Gen} \Rightarrow {mi(n)=} & 'Gen' \Rightarrow {min=} & {=n=} & {=u1Nx} \Rightarrow <mi> & <=n= > & <=u1 > \Rightarrow <minu1 > \Rightarrow |minu1| \Rightarrow \minī = миний 'мой'.

ЛГО-2. Перед граммемой аккузатива ('Acc'): лексема *БИ реализуется основой {nam=}, сокращенно *БИ \Rightarrow {nam=}.

Т. о., *БИ_{Acc} \Rightarrow {nam} & 'Acc' \Rightarrow {nam=} & {=ə1=} & {=u1g1} \Rightarrow <nam= > & <=ə1= > & <=g1 > \Rightarrow <namə1g1 > \Rightarrow |namə1g1| \Rightarrow \nam^əēg\ = намайг 'меня'.

ЛГО-3. Перед граммемой датива ('Dat'): лексема *БИ факультативно реализуется основой {na=}, сокращенно *БИ (\Rightarrow) {na=}.

Т. о., *БИ_{Dat} (\Rightarrow) {na=} & 'Dat' \Rightarrow {na=} & {=də} \Rightarrow <na= > & <=də > \Rightarrow <nadə > \Rightarrow |nadə| \Rightarrow \nad\ = над 'мне' (наряду с более регулярным *надд* 'мне').

ЛГО-4. Перед граммемами остальных косвенных падежей:

(а) лексема *БИ реализуется основой {nadə=}, сокращенно *БИ \Rightarrow {nadə=},

(б) лексема *ЧИ 'ты' реализуется основой {ciam=}, сокращенно *ЧИ \Rightarrow {ciam=}.

Примеры:

*БИ_{Attr} \Rightarrow {nadə=} & 'Attr' \Rightarrow {nadə=} & {=∅} \Rightarrow <nadə= > \Rightarrow |nadə| \Rightarrow \nad\ = над 'атрибутивная форма би'⁵.

² [Мельчук 1974, с. 34, 40; Бидер & Большаков 1978, с. 70].

³ [Мельчук 1974, с. 35, 40; Weiss 1982, с. 602].

⁴ [Булыгина 1977, с. 64].

⁵ Употребляемая, например, перед послелогом *шиг* ('подобный, -образный') в сочетании *над шиг* 'вроде меня, похожий на меня, такой, как я'.

**БИ*_{Abl} ⇒ {nadə=} & 'Abl' ⇒ {nadə=} & {=əəs} ⇒ ⟨nadə=⟩ & ⟨=əəs⟩
⇒ ⟨nadəəəs⟩ ⇒ |nadəəs| ⇒ \nadās\ ⇒ = *надаас* 'от меня'.

**БИ*_{Instr} ⇒ {nadə=} & 'Instr' ⇒ {nadə=} & {=əər} ⇒ ⟨nadə=⟩ & ⟨=əər⟩
⇒ ⟨nadəəər⟩ ⇒ |nadəər| ⇒ \nadār\ = *надаар* 'мною'.

**БИ*_{Comit} ⇒ {nadə=} & 'Comit' ⇒ {nadə=} & {=təi} ⇒ ⟨nad⟩ & ⟨=təi⟩
⇒ |nadətəi| ⇒ \nadlt^{aē}\ = *надтай* 'вместе со мной'.

**ЧИ*_{Attr} ⇒ {člam=} & 'Attr' ⇒ {člam=} & {=∅} ⇒ ⟨nad⟩ ⇒ |člam| ⇒
\čam\ = *чам* 'атрибутивная форма от *чи*, употребляемая, напр.,
в сочетании *чам дээр* 'на тебе'.

**ЧИ*_{Acc} ⇒ {člam=} & 'Acc' ⇒ {člam=} & {=əi=} & {=uigi} ⇒ ⟨člam=⟩
& ⟨=əi=⟩ & ⟨=gi⟩ ⇒ ⟨člaməigi⟩ ⇒ |člaməigi| ⇒ \čam^{aēg}\ = *чамайг* 'тебя'.

**ЧИ*_{Abl} ⇒ {člam=} & 'Abl' ⇒ {člam=} & {=əəs} ⇒ ⟨člam=⟩ & ⟨=əəs⟩
⇒ ⟨člaməəs⟩ ⇒ |člaməəs| ⇒ \čamās\ Ю = *чамаас* 'от тебя'.

**ЧИ*_{Instr} ⇒ {člam=} & 'Instr' ⇒ {člam=} & {=əər} ⇒ ⟨člam=⟩ &
⟨=əər⟩ ⇒ ⟨člaməər⟩ ⇒ |člaməər| ⇒ \čamār\ = *чамаар* 'тобой'.

**ЧИ*_{Comit} ⇒ {člam=} & 'Comit' ⇒ {člam=} & {=təi} ⇒ ⟨nad⟩ & ⟨=təi⟩
⇒ |člamtəi| ⇒ \čamt^{aē}\ = *чамтай* 'вместе с тобой'.

Б. Частичный супплетивизм, или 'гетероклизия'

По правилам ЛГО-5 — ЛГО-8 после некоторых основ перед некоторыми граммемами или перед некоторыми клитиками наращиваются (либо же, наоборот, усекаются) межморфемные 'прокладки', которые могут трактоваться как «пустые морфемы»⁶ или «соединительные морфемы»⁷. Такие прокладки выполняют чисто техническую, «структурную» функцию — оформляют «вторую основу» соответствующих существительных⁸ и, т. о., несут «внутрикодую» информацию о сцеплении определенных лексем с определенными граммемами.

ЛГО-5 (сочетание полного супплетивизма с частичным). Перед граммемами косвенных падежей:

(а) лексема **ЭНЭ* 'этот, он' реализуется основой {e-uu(n)=} или {e-nə-uu(n)=}, сокращенно **ЭНЭ* ⇒ {e-uu(n)=}, **ЭНЭ* ⇒ {e-nəuu(n)=}.

(б) лексема **ТЭР* 'тот, он' реализуется основой {te-uu(n)=} или {te-rə-uu(n)}, сокращенно **ТЭР* (⇒) {te-uu(n)=}, **ТЭР* (⇒) {te-rə-uu(n)}.

Примеры:

**ЭНЭ*_{Attr} ⇒ {e-uu(n)=} & 'Attr' ⇒ {e-uu=} & {=n=} & {=∅} ⇒ ⟨e-uun⟩ ⇒
|uuN| ⇒ \ūŋ\ = *үүн*⁹.

⁶ [Мельчук 1975, с. 36].

⁷ [Трубецкой 1987, с. 75].

⁸ [Маслов 1978, с. 11].

⁹ (атрибутивная форма лексемы *энэ*, употребляемая, напр., в сочетании *үүн дор* 'под ним').

*ЭНЭ_{Gen} ⇒ {e-uu(n)=} & 'Gen' ⇒ {e-uu=} & {=n=} & {=u1Nx} ⇒ (e-uu=) & (<n=) & {=u1Nx} ⇒ (e-uun=) & (<u1) ⇒ (e-uunui) ⇒ |uunui| ⇒ \ūnī\ ⇒ = *үүний* 'ero'.

*ЭНЭ_{Dat} ⇒ {e-uu(n)=} & 'Dat' ⇒ {e-uu(n)=} & {=n=} & {=dә} ⇒ (e-uu=) & (<n=) & (<dә) ⇒ (e-uundә) ⇒ |uundә| ⇒ \ünd\ = *үүнд* 'emy'.

*ЭНЭ_{Acc} ⇒ {e-uu(n)} & 'Acc' ⇒ {e-uu(n)=} & {=n=} & {=u1g1} ⇒ (e-uu=) & (<n=) & (<u1g1) ⇒ (e-uunuiḡ1) ⇒ |uunuiḡ1| ⇒ \ūnīḡ\ = *үүнийг* 'ero'.

*ЭНЭ_{Abl} ⇒ {e-uu(n)=} & 'Abl' ⇒ {e-uu(n)=} & {=n=} & {=әәс} ⇒ (e-uu=) & (<n=) & (<әәс) ⇒ (e-uunәәс) ⇒ |uunәәс| ⇒ \ūnēs\ = *үүнээс* 'от него'.

*ЭНЭ_{Comit} ⇒ {e-uu(n)=} & 'Comit' ⇒ {e-uu=} & {=n=} & {=tә1} ⇒ (e-uu) & (<n=) & (<tә1) ⇒ (e-uuntә1) ⇒ |uuntә1| ⇒ \üntē\ = *үүнтэй* 'вместе с ним'.

*ЭНЭ_{Attr} ⇒ {e-nә-uu(n)=} & 'Attr' ⇒ {e-nә-uu=} & {=n=} & {=∅} ⇒ (e-nә-uu) & (n) ⇒ (e-nә-uun) ⇒ |enә-uuN| ⇒ \enū\ = *энүүн*¹⁰.

*ЭНЭ_{Gen} ⇒ {e-nә-uu(n)=} & 'Gen' ⇒ {e-nә-uu=} & {=n=} & {=u1Nx} ⇒ (enә-uu=) & (<n=) & (<u1) ⇒ (enә-uun=) & (<u1) ⇒ (enә-uunui) ⇒ |enuunui| ⇒ \enūnī\ = *энүүний* 'ero'.

*ЭНЭ_{Dat} ⇒ {e-nә-uu(n)=} & 'Dat' ⇒ {e-nә-uu(n)=} & {=n=} & {=dә} ⇒ (e-nә-uu=) & (<n=) & (<dә) ⇒ (e-nә-uundә) ⇒ |enuundә| ⇒ \enündә\ = *энүүнд* 'emy'.

*ЭНЭ_{Acc} ⇒ {e-nә-uu(n)} & 'Acc' ⇒ {e-nә-uu=} & {=n=} & {=u1g1} ⇒ (enә-uu=) & (<n=) & (<u1g1) ⇒ (enә-uunuiḡ1) ⇒ |enuunuiḡ1| ⇒ \enūnīḡ\ = *энүүнийг* 'ero'.

*ЭНЭ_{Abl} ⇒ {e-nә-uu(n)=} & 'Abl' ⇒ {e-nә-uu=} & {=n=} & {=әәс} ⇒ (e-nә-uun=) & (<әәс) ⇒ (enә-uunәәс) ⇒ |enuunәәс| ⇒ \enūnēs\ = *энүүнээс* 'от него'.

*ЭНЭ_{Comit} ⇒ {e-nә-uu(n)=} & 'Comit' ⇒ {e-nә-uu=} & {=n=} & {=tә1} ⇒ (e-nә-uu) & (<n=) & (<tә1) ⇒ (enә-uun=) & (<tә1) ⇒ (enә-uuntә1) ⇒ |enuuntә1| ⇒ \enüntē\ = *энүүнтэй* 'вместе с ним'.

Примеры: *ТЭР_{Attr} ⇒ {te-uu(n)=} & 'Attr' ⇒ {te-uu(n)=} & {=∅} ⇒ (te-uun) ⇒ |tuuN| ⇒ \tū\ = *түүн*¹¹.

*ТЭР_{Gen} ⇒ {te-uu(n)=} & 'Gen' ⇒ {te-uu=} & {=n=} & {=u1Nx} ⇒ (te-uu=) & (<n=) & {=u1Nx} ⇒ (te-uun=) & (<u1) ⇒ (te-uunui) ⇒ |tuunui| ⇒ \tūnī\ ⇒ = *түүний* 'ero'.

*ТЭР_{Dat} ⇒ {te-uu(n)=} & 'Dat' ⇒ {te-uu(n)=} & {=n=} & {=dә} ⇒ (te-uu=) & (<n=) & (<dә) ⇒ (te-uundә) ⇒ |tuundә| ⇒ \tündә\ = *түүнд* 'emy'.

¹⁰ (атрибутивная форма лексемы *энэ*, употребляемая, напр., в сочетании *энүүн дотор* 'в нем').

¹¹ (атрибутивная форма лексемы *энэ*, употребляемая, напр., в сочетании *түүн дээгүүр* 'над ним').

* $TЭP_{Acc} \Rightarrow \{te-u(n)\} \& \text{'Acc'} \Rightarrow \{te-u(n)=\} \& \{=n=\} \& \{=uigi\} \Rightarrow \langle te-u(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \& \langle =uigi \rangle \Rightarrow \langle te-uunugi \rangle \Rightarrow |tuunugi| \Rightarrow \backslash t\ddot{u}n\ddot{i}g \backslash = \text{түүнийг 'еро'}$.

* $TЭP_{Abl} \Rightarrow \{te-u(n)=\} \& \text{'Abl'} \Rightarrow \{te-u(n)=\} \& \{=aas\} \Rightarrow \langle te-uun(=) \rangle \& \langle =aas \rangle \Rightarrow \langle te-uunaaas \rangle \Rightarrow |tuunaaas| \Rightarrow \backslash t\ddot{u}n\ddot{e}s \backslash = \text{түүнээс 'от него'}$.

* $TЭP_{Comit} \Rightarrow \{te-u(n)=\} \& \text{'Comit'} \Rightarrow \{te-u(=) \} \& \{=n(=) \} \& \{=tai\} \Rightarrow \langle te-u(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \& \langle =tai \rangle \Rightarrow \langle te-uuntai \rangle \Rightarrow |tuuntai| \Rightarrow \backslash t\ddot{u}nt\ddot{e} \backslash = \text{түүнтэй 'вместе с ним'}$.

* $TЭP_{Attr} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(n)=\} \& \text{'Attr'} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(=) \} \& \{=n(=) \} \& \{=\emptyset\} \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-u(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-uun \rangle \Rightarrow |teruun| \Rightarrow \backslash ter\ddot{u}n \backslash = \text{тэрүүн}^{12}$.

* $TЭP_{Gen} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(n)=\} \& \text{'Gen'} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(=) \} \& \{=n(=) \} \& \{=uix\} \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-u(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \& \langle =uix \rangle \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-uun(=) \rangle \& \langle =uix \rangle \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-uunui \rangle \Rightarrow |teruunui| \Rightarrow \backslash ter\ddot{u}n\ddot{i} \backslash = \text{тэрүүний 'еро'}$.

* $TЭP_{Dat} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(n)=\} \& \text{'Dat'} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(n)=\} \& \{=n(=) \} \& \{=da\} \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-u(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \& \langle =da \rangle \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-uund\ddot{a} \rangle \Rightarrow |teruund\ddot{a}| \Rightarrow \backslash ter\ddot{u}nd\ddot{a} \backslash = \text{тэрүүнд 'ему'}$.

* $TЭP_{Acc} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(n)=\} \& \text{'Acc'} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(=) \} \& \{=n(=) \} \& \{=uigi\} \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-u(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \& \langle =uigi \rangle \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-uun(=uigi) \rangle \Rightarrow |teruunugi| \Rightarrow \backslash ter\ddot{u}n\ddot{i}g \backslash = \text{тэрүүнийг 'еро'}$.

* $TЭP_{Abl} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(n)=\} \& \text{'Abl'} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(=) \} \& \{=n(=) \} \& \{=aas\} \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-u(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \& \langle =aas \rangle \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-uunaaas \rangle \Rightarrow |teruunaaas| \Rightarrow \backslash ter\ddot{u}n\ddot{e}s \backslash = \text{тэрүүнээс 'от него'}$.

* $TЭP_{Comit} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(n)=\} \& \text{'Comit'} \Rightarrow \{te-r\ddot{a}-u(=) \} \& \{=n(=) \} \& \{=tai\} \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-u(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \& \langle =tai \rangle \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-uun(=) \rangle \& \langle =tai \rangle \Rightarrow \langle te-r\ddot{a}-uun(=tai) \rangle \Rightarrow |teruuntai| \Rightarrow \backslash ter\ddot{u}nt\ddot{e} \backslash = \text{тэрүүнтэй 'вместе с ним'}$.

ЛГО-6. Перед граммемами косвенных падежей (факультативно) лексема *БИД 'мы_{инкл}' реализуется основой {bia-də(n)}, сокращенно *БИД (\Rightarrow) {bia-də(n)=}. Более обычна, однако, форма {bi-də(n)}.

Примеры:

* $БИД_{Attr} \Rightarrow \{bia-d\ddot{e}(n)=\} \& \text{'Attr'} \Rightarrow \{bia-d\ddot{e}(=) \} \& \{=n(=) \} \& \{=\emptyset\} \Rightarrow \langle bia-d\ddot{e}(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \Rightarrow |biad\ddot{e}n| \Rightarrow \backslash b\ddot{o}ad\ddot{e}n \backslash = \text{бядан}^{13}$.

* $БИД_{Gen} \Rightarrow \{bia-d\ddot{e}(n)=\} \& \text{'Gen'} \Rightarrow \{bia-d\ddot{e}(=) \} \& \{=n(=) \} \& \{=uix\} \Rightarrow \langle bia-d\ddot{e}(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \& \langle =uix \rangle \Rightarrow \langle bia-d\ddot{e}n(=) \rangle \& \langle =uix \rangle \Rightarrow \langle biad\ddot{e}nui \rangle \Rightarrow |biad\ddot{e}nui| \Rightarrow \backslash b\ddot{o}ad\ddot{e}n\ddot{i} \backslash = \text{бядны 'нам'}$.

* $БИД_{Dat} \Rightarrow \{bia-d\ddot{e}(n)=\} \& \text{'Dat'} \Rightarrow \{bia-d\ddot{e}(=) \} \& \{=n(=) \} \& \{=da\} \Rightarrow \langle bia-d\ddot{e}(=) \rangle \& \langle =n(=) \rangle \& \langle =da \rangle \Rightarrow \langle biad\ddot{e}nd\ddot{e} \rangle \Rightarrow |biad\ddot{e}nd\ddot{e}| \Rightarrow \backslash b\ddot{o}ad\ddot{e}nd\ddot{e} \backslash = \text{бяданд 'нам'}$.

¹² (атрибутивная форма лексемы *тэрэ*, употребляемая, напр., в сочетании *тэрүүн тээш* 'по направлению к нему').

¹³ (атрибутивная форма лексемы *бид*, употребляемая, напр., в сочетании *бядан шиг* 'вроде нас, похожий на нас, такой, как мы').

*БИД_{Acc} ⇒ {bia-də(n)} & 'Acc' ⇒ {bia-də=} & {=n=} & {=uɪgɪ} ⇒ ⟨bia-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=uɪgɪ⟩ ⇒ ⟨biadənuɪgɪ⟩ ⇒ |biadənuɪgɪ| ⇒ \bɔadənɪg\ = *бядныг* 'нас'.

*БИД_{Abl} ⇒ {bia-də(n)=} & 'Abl' ⇒ {bia-də=} & {=n=} & {=əəs} ⇒ ⟨bia-də⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=əəs⟩ ⇒ ⟨biadənəəs⟩ ⇒ |bia-dənəəs| ⇒ \bɔadənās\ = *бяднаас* 'от нас'.

*БИД_{Instr} ⇒ {bia-də(n)=} & 'Instr' ⇒ {bia-də=} & {=n=} & {=əər} ⇒ ⟨bia-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=əər⟩ ⇒ ⟨biadənəər⟩ ⇒ |biadənəər| ⇒ \bɔadənār\ = *бяднаар* 'нам'.

*БИД_{Comit} ⇒ {bia-də(n)=} & 'Comit' ⇒ {bia-də=} & {=n=} & {=təɪ} ⇒ ⟨bia-də⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=təɪ⟩ ⇒ ⟨biadəntəɪ⟩ ⇒ |biadəntəɪ| ⇒ \bɔadəntʰə\ = *бядантай* 'вместе с нами'.

ЛГО-7. Перед 'Acc' после корневых морфем {nam=} и {ciam}: вставляется прокладка {=əɪ=}.

Т.о., *БИ_{Acc} ⇒ {nam} & 'Acc' ⇒ {nam=} & {=əɪ=} & {=uɪgɪ} ⇒ ⟨nam=⟩ & ⟨=əɪ=⟩ & ⟨=gɪ⟩ ⇒ ⟨naməɪgɪ⟩ ⇒ |naməɪgɪ| ⇒ \namʰəg\ = *намайг* 'меня'.

*ЧИ_{Acc} ⇒ {ciam} & 'Acc' ⇒ {ciam=} & {=əɪ=} & {=uɪgɪ} ⇒ ⟨ciam=⟩ & ⟨=əɪ=⟩ & ⟨=gɪ⟩ ⇒ ⟨ciaməɪgɪ⟩ ⇒ |ciaməɪgɪ| ⇒ \camʰəg\ = *чамайг* 'тебя'.

ЛГО-8. В составе основ {bi-də(n)=} 'МЫ_{инкл.}', {bia-də(n)=} 'МЫ_{инкл.}', {ma(n)=} 'МЫ_{экскл.}', {ta(n)=} 'Вы', {enə(n)=}, {terə(n)=} прокладка {(n)} усекается только перед 'Nom', а во всех косвенных падежах сохраняется¹⁴.

Примеры:

*БИД_{Nom} ⇒ {bi-də(n)=} & 'Nom' ⇒ {bi-də=} & {=∅} ⇒ ⟨bidə⟩ ⇒ |bidə| ⇒ \bidə\ = *бид* 'МЫ_{инкл.}'.

*БИД_{Attr} ⇒ {bi-də(n)=} & 'Attr' ⇒ {bi-də=} & {=n=} & {=∅} ⇒ ⟨bi-də⟩ & ⟨n⟩ ⇒ ⟨bidən⟩ ⇒ |bidəN| ⇒ \bidəŋ\ = *бидэн*¹⁵.

*БИД_{Gen} ⇒ {bi-də(n)=} & 'Gen' ⇒ {bi-də=} & {=n=} & {=uɪNx} ⇒ ⟨bi-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & {=uɪNx} ⇒ ⟨bi-dən=⟩ & ⟨=uɪ⟩ ⇒ ⟨bidənuɪ⟩ ⇒ |bidənuɪ| ⇒ \bidənɪ\ = *бидний* 'наш_{инкл.}'.

*БИД_{Dat} ⇒ {bi-də(n)=} & 'Dat' ⇒ {bi-də(n)=} & {=n=} & {=də} ⇒ ⟨bi-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=də⟩ ⇒ ⟨bidəndə⟩ ⇒ |bidəndə| ⇒ \bidənd\ = *бидэнд* 'на_{инкл.}'.

*БИД_{Acc} ⇒ {bi-də(n)=} & 'Acc' ⇒ {bi-də(n)=} & {=n=} & {=uɪgɪ} ⇒ ⟨bi-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & {=uɪgɪ} ⇒ ⟨bi-dənuɪgɪ⟩ ⇒ |bi-dənuɪgɪ| ⇒ \bidənɪg\ = *биднийг* 'нас_{инкл.}'.

¹⁴ В номинативе эксклюзивная форма не употребляется, а инклюзивная поэтому имеет более общий смысл (т. е. употребляется в позиции нейтрализации противопоставления по инклюзивности/эксклюзивности). Однако для нашего изложения это несущественно, т. к. речь идет о морфологической структуре словоформ, а не об их семантике.

¹⁵ (атрибутивная форма лексемы *бид*, употребляемая, напр., в сочетании *бидэн дээр* 'на нас_{инкл.}'.)

* $БИД_{Abl} \Rightarrow \{bi-də(n)=\} \& 'Abl' \Rightarrow \{bi-də(n)=\} \& \{=əəs\} \Rightarrow \langle bi-dən=\rangle \& \langle =əəs \rangle \Rightarrow \langle bi-dənəəs \rangle \Rightarrow |bidənəəs| \Rightarrow \backslash bidənēs \backslash = \text{биднээс 'от нас}_{ИНКЛ.}$

* $БИД_{Instr} \Rightarrow \{bi-də(n)=\} \& 'Instr' \Rightarrow \{bi-də=\} \& \{=n=\} \& \{=əər\} \Rightarrow \langle bi-də=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =əər \rangle \Rightarrow \langle bidənəər \rangle \Rightarrow |bidənəər| \Rightarrow \backslash bidənēr \backslash = \text{иднээр}_{НАМИ}_{ИНКЛ.}$

* $БИД_{Comit} \Rightarrow \{bi-də(n)=\} \& 'Comit' \Rightarrow \{bi-də=\} \& \{=n=\} \& \{=təi\} \Rightarrow \langle bi-də \rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =təi \rangle \Rightarrow \langle bi-dən-təi \rangle \Rightarrow |bidəntəi| \Rightarrow \backslash bidəntē \backslash = \text{бидэнтэй 'вместе с нами}_{ИНКЛ.}$

* $МА_{Gen} \Rightarrow \{ma(n)=\} \& 'Gen' \Rightarrow \{ma=\} \& \{=n=\} \& \{=uīNx\} \Rightarrow \langle ma=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =uīNx \rangle \Rightarrow \langle man=\rangle \& \langle =uī \rangle \Rightarrow \langle manuī \rangle \Rightarrow |manuī| \Rightarrow \backslash manī \backslash = \text{маны 'наш}_{ЭСКЛ.}$

* $МА_{Dat} \Rightarrow \{ma(n)=\} \& 'Dat' \Rightarrow \{ma=\} \& \{=n=\} \& \{=də\} \Rightarrow \langle ma=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =də \rangle \Rightarrow \langle mandə \rangle \Rightarrow |mandə| \Rightarrow \backslash mand \backslash = \text{манд 'нам}_{ЭСКЛ.}$

* $МА_{Acc} \Rightarrow \{ma(n)=\} \& 'Acc' \Rightarrow \{ma=\} \& \{=n=\} \& \{=uīgī\} \Rightarrow \langle ma=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =uīgī \rangle \Rightarrow \langle manuīgī \rangle \Rightarrow |manuīgī| \Rightarrow \backslash manīg \backslash = \text{маныг}_{НАС}_{ЭСКЛ.}$

* $МА_{Abl} \Rightarrow \{ma(n)=\} \& 'Abl' \Rightarrow \{ma=\} \& \{=n=\} \& \{=əəs\} \Rightarrow \langle ma \rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =əəs \rangle \Rightarrow \langle manəəs \rangle \Rightarrow |manəəs| \Rightarrow \backslash manās \backslash = \text{манаас}_{ОТ НАС}_{ЭСКЛ.}$

* $МА_{Instr} \Rightarrow \{ma(n)=\} \& 'Instr' \Rightarrow \{ma=\} \& \{=n=\} \& \{=əər\} \Rightarrow \langle ma=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =əər \rangle \Rightarrow \langle manəər \rangle \Rightarrow |manəər| \Rightarrow \backslash manār \backslash = \text{манаар 'нам}_{ИНКЛ.}$

* $МА_{Comit} \Rightarrow \{ma(n)=\} \& 'Comit' \Rightarrow \{ma=\} \& \{=n=\} \& \{=təi\} \Rightarrow \langle ma \rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =təi \rangle \Rightarrow \langle mantəi \rangle \Rightarrow |mantəi| \Rightarrow \backslash mant^{aē} \backslash = \text{мантай 'вместе с нами}_{ЭСКЛ.}$

* $ТА_{Attr} \Rightarrow \{ta(n)=\} \& 'Attr' \Rightarrow \{ta=\} \& \{=n=\} \& \{=∅\} \Rightarrow \langle ta=\rangle \& \langle =n=\rangle \Rightarrow |taN| \Rightarrow \backslash taŋ \backslash = \text{тан}^{16}.$

* $ТА_{Gen} \Rightarrow \{ta(n)=\} \& 'Gen' \Rightarrow \{ta=\} \& \{=n=\} \& \{=uīNx\} \Rightarrow \langle ta=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =uīNx \rangle \Rightarrow \langle tan=\rangle \& \langle =uī \rangle \Rightarrow \langle tanuī \rangle \Rightarrow |tanuī| \Rightarrow \backslash tanī \backslash = \text{таны 'ваш'.$

* $ТА_{Dat} \Rightarrow \{ta(n)=\} \& 'Dat' \Rightarrow \{ta=\} \& \{=n=\} \& \{=də\} \Rightarrow \langle ta=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =də \rangle \Rightarrow \langle tandə \rangle \Rightarrow |tandə| \Rightarrow \backslash tand \backslash = \text{манд 'вам'.$

* $ТА_{Acc} \Rightarrow \{ta(n)=\} \& 'Acc' \Rightarrow \{ta=\} \& \{=n=\} \& \{=uīgī\} \Rightarrow \langle ta=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =uīgī \rangle \Rightarrow \langle tanuīgī \rangle \Rightarrow |tanuīgī| \Rightarrow \backslash tanīg \backslash = \text{маныг 'вас'.$

* $ТА_{Abl} \Rightarrow \{ta(n)=\} \& 'Abl' \Rightarrow \{ta=\} \& \{=n=\} \& \{=əəs\} \Rightarrow \langle ta \rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =əəs \rangle \Rightarrow \langle tanəəs \rangle \Rightarrow |tanəəs| \Rightarrow \backslash tanās \backslash = \text{манаас 'от вас'.$

* $ТА_{Instr} \Rightarrow \{ta(n)=\} \& 'Instr' \Rightarrow \{ta=\} \& \{=n=\} \& \{=əər\} \Rightarrow \langle ta=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =əər \rangle \Rightarrow \langle tanəər \rangle \Rightarrow |tanəər| \Rightarrow \backslash tanār \backslash = \text{манаар 'вам'.$

* $ТА_{Comit} \Rightarrow \{ta(n)=\} \& 'Comit' \Rightarrow \{ta=\} \& \{=n=\} \& \{=təi\} \Rightarrow \langle ta \rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =təi \rangle \Rightarrow \langle tantəi \rangle \Rightarrow |tantəi| \Rightarrow \backslash tant^{aē} \backslash = \text{мантай 'вместе с вами'.$

¹⁶ (атрибутивная форма лексемы *та*, употребляемая, напр., в сочетании *тан дор* 'под вами').

ЛГО-9. В составе основ {e-də(n)=} 'эти, они' и {te-də(n)=} 'те, они' прокладка {(n)} обязательно усекается перед 'Nom' и факультативно усекается перед 'Instr'. Впрочем, атематические формы с показателем инструменталиса {=əər} могут трактоваться как формы особого падежа — контемпоралиса ('символически 'Contemp').

*ЭД_{Nom} ⇒ {e-də(n)=} & 'Nom' ⇒ {e-də=} & {=∅} ⇒ ⟨e-də=⟩ & ⟨=∅⟩ ⇒ ⟨edə⟩ ⇒ |edə| ⇒ \ed\ = эд 'они'.

*ЭД_{Attr} ⇒ {e-də(n)=} & 'Attr' ⇒ {e-də=} & {=n=} & {=∅} ⇒ ⟨e-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=∅⟩ ⇒ ⟨edən⟩ ⇒ |edən| ⇒ \edəŋ\ = эдэн¹⁷.

*ЭД_{Gen} ⇒ {e-də(n)=} & 'Gen' ⇒ {e-də=} & {=n=} & {=u1Nx} ⇒ ⟨e-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & {=u1Nx} ⇒ ⟨e-dən=⟩ & ⟨=u1⟩ ⇒ ⟨edənu1⟩ ⇒ |edənu1| ⇒ \edənī\ = эдний 'их'.

*ЭД_{Dat} ⇒ {e-də(n)=} & 'Dat' ⇒ {e-də=} & {=n=} & {=də} ⇒ ⟨e-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=də⟩ ⇒ ⟨edəndə⟩ ⇒ |edəndə| ⇒ \edənd\ = эдэнд 'им'.

*ЭД_{Acc} ⇒ {e-də(n)=} & 'Acc' ⇒ {e-də=} & {=n=} & {=u1ɣi} ⇒ ⟨e-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=u1ɣi⟩ ⇒ ⟨edənu1ɣi⟩ ⇒ |edənu1ɣi| ⇒ \edənīg\ = эднийг 'их'.

*ЭД_{Abl} ⇒ {e-də(n)=} & 'Abl' ⇒ {e-də=} & {=n=} & {=əəs} ⇒ ⟨e-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=əəs⟩ ⇒ ⟨edənəəs⟩ ⇒ |edənəəs| ⇒ \edənēs\ = эднээс 'от них'.

*ЭД_{Instr} ⇒ {e-də(n)=} & 'Instr' ⇒ {e-də=} & {=n=} & {=əər} ⇒ ⟨e-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=əər⟩ ⇒ ⟨edənəər⟩ ⇒ |edənəər| ⇒ \edənēr\ = эднээр 'ими'.

*ЭД_{Comit} ⇒ {e-də(n)=} & 'Comit' ⇒ {e-də=} & {=n=} & {=təi} ⇒ ⟨e-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=təi⟩ ⇒ ⟨edəntəi⟩ ⇒ |edəntəi| ⇒ \edəntē\ = эдэнтэй 'вместе с ними'.

*ТЭД_{Nom} ⇒ {te-də(n)=} & 'Nom' ⇒ {te-də=} & {=∅} ⇒ ⟨te-də=⟩ & ⟨=∅⟩ ⇒ ⟨te-də⟩ ⇒ |tedə| ⇒ \ted\ = тэд 'они'.

*ТЭД_{Attr} ⇒ {te-də(n)=} & 'Attr' ⇒ {te-də=} & {=n=} & {=∅} ⇒ ⟨te-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=∅⟩ ⇒ ⟨tedən⟩ ⇒ |tedən| ⇒ \tedəŋ\ = тэдэн¹⁸.

*ТЭД_{Gen} ⇒ {te-də(n)=} & 'Gen' ⇒ {te-də=} & {=n=} & {=u1Nx} ⇒ ⟨te-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & {=u1Nx} ⇒ ⟨te-dən=⟩ & ⟨=u1⟩ ⇒ ⟨tedənu1⟩ ⇒ |tedənu1| ⇒ \tedənī\ ⇒ тэдний 'их'.

*ТЭД_{Dat} ⇒ {te-də(n)=} & 'Dat' ⇒ {te-də=} & {=n=} & {=də} ⇒ ⟨te-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=də⟩ ⇒ ⟨tedəndə⟩ ⇒ |tedəndə| ⇒ \tedənd\ = тэдэнд 'им'.

*ТЭД_{Acc} ⇒ {te-də(n)=} & 'Acc' ⇒ {te-də=} & {=n=} & {=u1ɣi} ⇒ ⟨te-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=u1ɣi⟩ ⇒ ⟨tedənu1ɣi⟩ ⇒ |tedənu1ɣi| ⇒ \tedənīg\ = тэднийг 'их'.

*ТЭД_{Abl} ⇒ {te-də(n)=} & 'Abl' ⇒ {te-də=} & {=n=} & {=əəs} ⇒ ⟨te-də=⟩ & ⟨=n=⟩ & ⟨=əəs⟩ ⇒ ⟨tedənəəs⟩ ⇒ |tedənəəs| ⇒ \tedənēs\ = тэднээс 'от них'.

¹⁷ (атрибутивная форма лексемы эд, употребляемая, напр., в сочетании эдэн тээш 'по направлению к ним').

¹⁸ (атрибутивная форма лексемы тэд, употребляемая, напр., в сочетании тэдэн дотор 'в них').

* $TЭД_{Instr} \Rightarrow \{te-də(n)=\} \& 'Instr' \Rightarrow \{te-də=\} \& \{=n=\} \& \{=əər\} \Rightarrow \langle te-də=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =əər\rangle \Rightarrow \langle tedənəər\rangle \Rightarrow |tedənəər| \Rightarrow \backslash tedənēr \backslash =$
тэдэнээр 'ими'.

* $TЭД_{Comit} \Rightarrow \{te-də(n)=\} \& 'Comit' \Rightarrow \{te-də=\} \& \{=n=\} \& \{=təi\} \Rightarrow \langle te-də\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =təi\rangle \Rightarrow \langle tedəntəi\rangle \Rightarrow |tedəntəi| \Rightarrow \backslash tedəntē \backslash =$
тэдэнтэй 'вместе с ними'.

ЛГО-10. В составе основ $\{e-uu(n)=\}$, $\{t:e-uu(n)=\}$, $\{e-nə-uu(n)=\}$ $\{te-rə-uu(n)=\}$ прокладка $\{n\}$ усекается перед 'Instr', а в прочих контекстах сохраняется.

Примеры:

* $ЭНЭ_{Instr} \Rightarrow \{e-uu(n)=\} \& 'Instr' \Rightarrow \{e-uu=\} \& \{=əər\} \Rightarrow \langle e-uu=\rangle \& \langle =əər\rangle \Rightarrow \langle e-uuəər\rangle \Rightarrow |uugəər| \Rightarrow \backslash ügēr \backslash =$ *үүгээр* 'им'.

* $ЭНЭ_{Instr} \Rightarrow \{e-nə-uu(n)=\} \& 'Instr' \Rightarrow \{e-nə-uu=\} \& \{=əər\} \Rightarrow \langle e-nə-uu=\rangle \& \langle =əər\rangle \Rightarrow \langle enə-uuəər\rangle \Rightarrow |enuugəər| \Rightarrow \backslash enügēr \backslash =$ *энуүгээр* 'им'.

* $TЭР_{Instr} \Rightarrow \{te-uu(n)=\} \& 'Instr' \Rightarrow \{te-uu=\} \& \{=əər\} \Rightarrow \langle te-uu=\rangle \& \langle =əər\rangle \Rightarrow \langle teuuəər\rangle \Rightarrow |tuugəər| \Rightarrow \backslash tügēr \backslash =$ *туүгээр* 'им'.

* $TЭР_{Instr} \Rightarrow \{te-rə-uu(n)=\} \& 'Instr' \Rightarrow \{te-rə-uu=\} \& \{=əər\} \Rightarrow \langle te-rə-uu=\rangle \& \langle =əər\rangle \Rightarrow \langle te-rə-uuəər\rangle \Rightarrow |terügəər| \Rightarrow \backslash terügēr \backslash =$ *тэрүүгээр* 'им'.

ЛГО-11. В составе всех прочих основ прокладка $\{n\}$ сохраняется лишь перед граммемами 'Attr', 'Gen', 'Dat', 'Abl', 'Contemp', а во всех других контекстах усекается.

Пример:

* $МОД(он)_{Nom} \Rightarrow \{mɔdə(n)=\} \& 'Nom' \Rightarrow \{mɔdə=\} \& \{=Ø\} \Rightarrow \langle mɔdə=\rangle \& \langle =Ø\rangle \Rightarrow \langle mɔdə\rangle \Rightarrow |mɔdə| \Rightarrow \backslash mɔd \backslash =$ *мод* 'дерево'.

$МОД(он)_{Attr} \Rightarrow \{mɔdə(n)=\} \& 'Attr' \Rightarrow \{mɔdə=\} \& \{=n=\} \& \{=Ø\} \Rightarrow \langle mɔdə=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =Ø\rangle \Rightarrow \langle mɔdən\rangle \Rightarrow |mɔdəN| \Rightarrow \backslash mɔdɒ \backslash =$ *модон* 'деревянный'.

$МОД(он)_{Gen} \Rightarrow \{mɔdə(n)=\} \& 'Gen' \Rightarrow \{mɔdə=\} \& \{=n=\} \& \{=uɪNɪx\} \Rightarrow \langle mɔdə=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =uɪNɪx\rangle \Rightarrow \langle mɔdən=\rangle \& \langle =uɪ\rangle \Rightarrow \langle mɔdənuɪ\rangle \Rightarrow |mɔdənuɪ| \Rightarrow \backslash mɔdɒnɪ \backslash =$ *модны* 'дерева'.

$МОД(он)_{Dat} \Rightarrow \{mɔdə(n)=\} \& 'Dat' \Rightarrow \{mɔdə=\} \& \{=n=\} \& \{=dɔ\} \Rightarrow \langle mɔdə=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =dɔ\rangle \Rightarrow \langle mɔdəndɔ\rangle \Rightarrow |mɔdəndɔ| \Rightarrow \backslash mɔdɒnd \backslash =$ *модонд* 'дереву, на дереве'.

$МОД(он)_{Acc} \Rightarrow \{mɔdə(n)=\} \& 'Acc' \Rightarrow \{mɔdə=\} \& \{=n=\} \& \{=uɪgɪ\} \Rightarrow \langle mɔdə=\rangle \& \langle =uɪgɪ\rangle \Rightarrow \langle mɔdəuɪgɪ\rangle \Rightarrow |mɔdəuɪgɪ| \Rightarrow \backslash mɔdɒlīg \backslash =$ *модыг* 'дерево'.

$МОД(он)_{Abl} \Rightarrow \{mɔdəp(n)=\} \& 'Abl' \Rightarrow \{mɔdəp=\} \& \{=n=\} \& \{=əəs\} \Rightarrow \langle mɔdəp=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =əəs\rangle \Rightarrow \langle mɔdəpənəəs\rangle \Rightarrow |mɔdəpənəəs| \Rightarrow \backslash mɔdɒpɒn \backslash =$ *модноос* 'от | из дерева'.

$МОД(он)_{Instr} \Rightarrow \{mɔdəp(n)=\} \& 'Instr' \Rightarrow \{mɔdəp=\} \& \{=əər\} \Rightarrow \langle mɔdəp=\rangle \& \langle =əər\rangle \Rightarrow \langle mɔdəpəər\rangle \Rightarrow |mɔdəpəər| \Rightarrow \backslash mɔdɔr \backslash =$ *модоор* 'деревом'.

$МОД(он)_{Contemp} \Rightarrow \{mɔdə(n)=\} \& 'Contemp' \Rightarrow \{mɔdə=\} \& \{=n=\} \& \{=əər\} \Rightarrow \langle mɔdə=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \langle =əər\rangle \Rightarrow \langle mɔdənəər\rangle \Rightarrow |mɔdənəər| \Rightarrow \backslash mɔdɒnɔr \backslash =$ *модноор* 'одновременно с деревом'.

$МОД(он)_{Comit} \Rightarrow \{m\ddot{o}d\ddot{a}(n)=\} \& \text{'Comit'} \Rightarrow \{m\ddot{o}d\ddot{a}=\} \& \{=t\ddot{a}i\} \Rightarrow \langle m\ddot{o}d\ddot{a} \rangle$
 $\& \langle =t\ddot{a}i \rangle \Rightarrow \langle m\ddot{o}d\ddot{a}t\ddot{a}i \rangle \Rightarrow |m\ddot{o}d\ddot{a}t\ddot{a}i| \Rightarrow \backslash m\ddot{o}d\ddot{a}t^{\ddot{a}}\backslash = \text{модтой}$ 'имеющий
 дерево, с деревом'.

В принципе можно трактовать т. н. «неустойчивое $=n\Rightarrow$ » не как часть основы, а как часть падежного окончания. В таком случае пришлось бы считать его сохранение и усечение показателем особого, «носового» типа склонения и рассматривать данное правило в разделе «лексограммемная трансформаторика флексий». Данная трактовка заставляет признать наличие в халха-монгольском языке такого свойства флективных языков, как «нестандартность» выражения грамматических значений, т. е. наличие «омосемичных» флексий, выступающих в разных типах склонения (носовом и неносовом).

ЛО-12. После основ $\{neg\ddot{a}\}$ «один» и $\{x\ddot{o}j\ddot{a}r\}$ «два» перед суффиксом $\{-\ddot{a}ed\}$ «дистрибутивность» вставляется прокладка $\{-\ddot{s}i\}$. Прокладка $\{-\ddot{s}i\}$ имеет два контекстных варианта: $\langle -\frac{\ddot{s}i}{g\ddot{a}} \rangle$ и $\langle -\frac{\ddot{s}i}{j\ddot{a}r} \rangle$. С морфологической точки зрения перед нами нерегулярные симульфикальные наращения, или «морфологически обусловленные чередования».

Примеры:

$НЭГ(эн)_{Distr} \Rightarrow \{neg\ddot{a}\} \& \text{'Distr'} \Rightarrow \{neg\ddot{a}\} \& \{-\ddot{s}i\} \& \{-\ddot{a}ed\} \Rightarrow$
 $\langle neg\ddot{a} \rangle \& \langle -\frac{\ddot{s}i}{g\ddot{a}} \rangle \& \langle -\ddot{a}ed \rangle \Rightarrow \langle ne\ddot{z}i \rangle \& \langle -\ddot{a}ed \rangle \Rightarrow \langle ne\ddot{z}i\ddot{a}ed \rangle \Rightarrow |ne\ddot{z}i\ddot{a}ed| \Rightarrow$
 $\backslash ne\ddot{z}\ddot{e}t\backslash = \text{нэжээд}$ 'по одной штуке, по одному'.

$ХОЁР(эр)_{Distr} \Rightarrow \{x\ddot{o}j\ddot{a}r\} \& \text{'Distr'} \Rightarrow \{x\ddot{o}j\ddot{a}r\} \& \{-\ddot{s}i\} \& \{-\ddot{a}ed\} \Rightarrow \langle x\ddot{o}j\ddot{a}r \rangle \&$
 $\langle -\frac{\ddot{s}i}{j\ddot{a}r} \rangle \& \langle -\ddot{a}ed \rangle \Rightarrow \langle x\ddot{o}\ddot{s}i \rangle \& \langle -\ddot{a}ed \rangle \Rightarrow \langle x\ddot{o}\ddot{s}i\ddot{a}ed \rangle \Rightarrow |x\ddot{o}\ddot{s}i\ddot{a}ed| \Rightarrow \backslash x\ddot{o}\ddot{s}\ddot{a}d\backslash =$
 хошоод 'по две штуки, по два'.

Дефектная парадигматика

Согласно правилам ЛГД-1 — ЛГД-3, некоторые основы (с местоименным значением) имеют дефектные парадигмы.

ЛГД-1. Основы $\{ma(n)=\}$, $\{e-n\ddot{a}-uu(n)=\}$, $\{e-uu(n)=\}$, $\{te-r\ddot{a}-uu(n)=\}$ $\{te-uu(n)=\}$ не сочетаются с 'Nom'.

Примеры были приведены выше.

ЛГД-2. Основы $\{e-n\ddot{a}(n)=\}$ и $\{te-r\ddot{a}(n)=\}$ не сочетаются с 'Instr', 'Comit' и 'Attr'.

Таким образом, они не являются дополнительно распределенными относительно основ $\{e-uu(n)=\}$ и $\{te-uu(n)=\}$ соответственно.

В классических определениях супплетивизма¹⁹ дополнительное распределение считается необходимым условием супплетивизма. Если согласиться с этим принципом, то придется квалифицировать описываемое отношение как-то иначе, например, как отношение **компенсации**²⁰. Примеры такой компенсации были приведены выше в качестве иллюстраций к ЛГО-5. Ниже приводятся регулярные (некомпенсационные) формы местоимений ЭНЭ и ТЭР. Примеры:

*ЭНЭ_{Gen} ⇒ {enə(n)=} & 'Gen' ⇒ {enə=} & {=n=} & {=u1Nx} ⇒ (enə=) & (<n=) & (<u1) ⇒ (enən=) & (<u1) ⇒ (enənu1) ⇒ |enənu1| ⇒ \enənī\ = энэний 'его'.

*ЭНЭ_{Dat} ⇒ {enə(n)=} & 'Dat' ⇒ {enə(n)=} & {=n=} & {=də} ⇒ (enə=) & (<n=) & (<də) ⇒ (enəndə) ⇒ |enəndə| ⇒ \enənd\ = энэнд 'ему'.

*ЭНЭ_{Acc} ⇒ {enə(n)} & 'Acc' ⇒ {enə=} & {=n=} & {=u1g1} ⇒ (enə=) & (<n=) & (<u1g1) ⇒ (enənu1g1) ⇒ |enənu1g1| ⇒ \enənīg\ = энэнийг 'его'.

*ЭНЭ_{Abl} ⇒ {enə(n)=} & 'Abl' ⇒ {enə=} & {=n=} & {=əəs} ⇒ (enən=) & (<əəs) ⇒ (enənəəs) ⇒ |enənəəs| ⇒ \enənēs\ = энэнээс 'от него'.

ЛГД-3. Основа {*terə(n)=} не сочетается с 'Dat' и 'Acc'.

Примеры:

*ТЭР_{Gen} ⇒ {terə(n)=} & 'Gen' ⇒ {terə=} & {=n=} & {=u1Nx} ⇒ (terə=) & (<n=) & (<u1) ⇒ (terən=) & (<u1) ⇒ (terənu1) ⇒ |terənu1| ⇒ \terənī\ = тэрний 'его'.

*ТЭР_{Abl} ⇒ {te-rə(n)=} & 'Abl' ⇒ {te-rə=} & {=n=} & {=əəs} ⇒ (te-rə=) & (<n=) & (<əəs) ⇒ (terənəəs) ⇒ |terənəəs| ⇒ \terənēs\ = тэрнээс 'от него'.

Г. Лексограммная трансформаторика формантов

Каноническое соответствие между граммами и выражающими их формантами задается схемой стандартного выражения граммем.

1. Сентенциальные форманты

(завершают предложение или коммуникативно выделяемый член предложения):

'SentQuest' ⇒ {=bəi!}

'SentInterrog' ⇒ {=uu}

¹⁹ См., напр., [Мельчук 1972, с. 411; Mel'čuk 1982, p. 112].

²⁰ Имеется в виду «компенсация дефектной парадигмы одной лексемы за счет форм другой, синонимичной ей лексемы [Апресян 1988, с. 42].

'SentEmph'	⇒ {=əə!}
'SentAffirm'	⇒ {=sɪuu}
'SentContr'	⇒ {=l}
'SentDeemph'	⇒ {=dəə}

2. Конъюгационные форманты

(завершают V-словоформу), в т.ч.:

2а. Предикативные форманты

(завершают главное сказуемое):

'PraedImper'	⇒ {=∅}
'PraedPrescr'	⇒ {=əərəɪ!}
'PraedPrec'	⇒ {=əəcɪ}
'PraedBen'	⇒ {=gtun}
'PraedConc'	⇒ {=g}
'PraedSalut'	⇒ {=tugəɪ!}
'PraedSper'	⇒ {=əəsəɪ!}
'PraedVol'	⇒ {=ɲəə}
'PraedPrev'	⇒ {=uuʒəɪ!}
'PraedPot'	⇒ {=mʒə}
'PraedPraes'	⇒ {=nə}
'PraedProf'	⇒ {=ləə}
'PraedPerf'	⇒ {=ʒɪ}
'PraedAor'	⇒ {=bə}

2б. Деепричастные форманты

(завершают второстепенное сказуемое):

'ConvSim+'	⇒ {=ʒɪ}
'ConvModif'	⇒ {=N}
'ConvAnte'	⇒ {=əəd}
'ConvCond'	⇒ {=bəl}
'ConvTerm'	⇒ {=təl}
'ConvConsec'	⇒ {=xləər}
'ConvImmed'	⇒ {=məgcə}
'ConvConcess'	⇒ {=bcɪ}
'ConvAbtemp'	⇒ {=səər}

2в. Причастные форманты

(завершают именные вербойды):

'PartImperf'	⇒ {=əə}
'PartPerf'	⇒ {=sən}

'PartInf'	⇒ {=xə}
'PartUs'	⇒ {=dæg}
'PartGer'	⇒ {=mæər}
'PartAg'	⇒ {=gci}

3. Деклинационные форманты

(завершают N-словоформу), в т. ч.:

3а. тематический (основообразующий) элемент {=п=}

(вставляется по правилам нестандартного соответствия, см. выше ЛГО-8 — ЛГО-11).

3б. адъективизирующие форманты:

'Comit'	⇒ {=tə}
'Gen'	⇒ {=uiNx}
'Attr'	⇒ {=∅}

3в. собственно-падежные форманты:

'Nom'	⇒ {∅}
'Attr'	⇒ {∅}
'Dat'	⇒ {=də}
'Acc'	⇒ {=uiɣi}
'Instr'	⇒ {=əər}
'Contemp'	⇒ {=əər}
'Abl'	⇒ {=əəs}
'Dir'	⇒ {=ruu}

3г. возвратный формант

'Refl' ⇒ {=əə}.

Неканоническое соответствие

Неканоническое соответствие задается правилами лексограммных чередований в составе флексий (ЛГФ-1 — ЛГФ-6).

Лексограммная трансформаторика флексий

Лексограммная трансформаторика флексий состоит в нестандартном выражении грамем и вставке прокладок.

ЛГФ-1 (факультативно). После основ {ma(n)=}, {ta(n)}:

'Gen' (\Rightarrow) {=əi!}

или 'Gen' (\Rightarrow) {=əi}

Примеры:

* $MA_{Gen} \Rightarrow \{ma(n)=\} \& \text{'Gen'} (\Rightarrow) \{ma=\} \& \{=n=\} \& \{=əi\} \Rightarrow \langle ma=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \{=əi\} \Rightarrow \langle man=\rangle \& \langle =əi\rangle \Rightarrow \langle manəi\rangle \Rightarrow |manəi| \Rightarrow \backslash man^a\bar{e}\backslash = манай \text{'наш'}_{экскл.}$

* $TA_{Gen} \Rightarrow \{ta(n)=\} \& \text{'Gen'} \Rightarrow \{ta=\} \& \{=n=\} \& \{=əi\} \Rightarrow \langle ta=\rangle \& \langle =n=\rangle \& \{=əi\} \Rightarrow \langle tan=\rangle \& \langle =əi\rangle \Rightarrow \langle tanəi\rangle \Rightarrow |tanəi| \Rightarrow \backslash tan^a\bar{e}\backslash = танай \text{'ваш'}.$

ЛГФ-4. Перед граммемой 'Dat' граммема 'Gen' выражается формантом {=əi!}. Такое одновременное совмещение двух падежных граммем в рамках одной словоформы имеет место при 'двойном склонении'.

Пример:

* $XAAH_{GenDat} \Rightarrow \{xaən=\} \& \text{'Gen'} \& \text{'Dat'} \Rightarrow \{xaən=\} \& \{=əi!\} \& \{=də\} \Rightarrow \langle xaən=\rangle \& \{=əi!\} \& \{=də\} \Rightarrow \langle xaən=\rangle \& \langle =əi!\} \& \langle =də\rangle \Rightarrow \langle xaənəi!də\rangle \Rightarrow |xaənəi!də| \Rightarrow \backslash xān^a\bar{e}d\backslash = хаанайд \text{'у хана | к хану'}.$

ЛГФ-5. Это правило приходится постулировать лишь в том случае, если не вводить в описание морфонемного (т. е. позиционного) чередования 2б, так как эти два правила дублируют друг друга. Однако в рамках принятой концепции оказывается невозможным обосновать выбор одной из этих трактовок в пользу другой.

После показателя генитива перед показателем рефлексивного притяжания вставляется морфема-прокладка {=x=}.

Как известно, любую прокладку теоретически можно трактовать как часть одной из соседних с ней морфем. Понятно, что такая трактовка возможна, в частности, и для прокладки {=x=}. Иначе говоря, её можно не считать морфемой вообще. Получается, что принципиально возможны следующие решения.

А. Прокладка {=x=} признаётся особой морфемой. Но это морфема соединительного характера²¹.

Б. Прокладка {=x=} не признаётся особой морфемой.

Б1. Прокладка {=x=} включается в состав показателя генитива. В этом случае последний будет выглядеть как {=u1Nx}. Такое решение в монголистике обычно не предлагается (видимо, по той причине, что в такой неусечённой форме показатель генитива появляется крайне редко, а именно перед показателем рефлексивного притяжания).

²¹ Фактически (хотя и имплицитно, без употребления термина «соединительная морфема») такое решение принято в работе [Street 1963: 25]. Эксплицитно такое же решение принято в статье [Крылов 1985: 116].

Однако в пользу данного решения есть дополнительный аргумент морфонологического характера. А именно: приняв его, мы сразу же получаем возможность трактовать все усечённые показатели генитива (не содержащие фонему $|x|$) как позиционно обусловленные, выбираемые автоматически. Если исходить из принципа, согласно которому следует трактовать как автоматическое всё, что только можно трактовать как автоматическое, тогда именно такой вариант описания следовало бы признать оптимальным.

Б2. Прокладка $\{=x=\}$ включается в состав показателя рефлексивного притяжания²². В этом случае последний будет выглядеть как $\{=x\text{э}\}$.

Пример:

* $ГАР_{\text{GenRef}} \Rightarrow \{gar\} \& \text{'Gen'} \& \text{'Ref'} \Rightarrow \{gar\} \& \{=uin\} \& \{=x=\} \& \{=э\} \Rightarrow \langle gar \rangle \& \langle uin \rangle \& \langle =x= \rangle \& \langle =э \rangle \Rightarrow \langle garuinx\text{э} \rangle \Rightarrow |garuinx\text{э}| \Rightarrow |gar\text{in}\bar{x}\bar{a}| = \text{гарынхаа}$ 'своей руки'.

ЛГФ-6. После основы $\{ge\}$ 'сказать; вознамериться' перед показателем превентива $\{=uuз\text{э}!\}$ 'PraedPrev' вставляется морфема-прокладка $\{=x=\}$.

$\{ge\} \& \text{'PraedPrev'} \Rightarrow \{ge\} \& \{=x=\} \& \{=uuз\text{э}!\} \Rightarrow \langle ge \rangle \& \langle x \rangle \& \langle uuз\text{э}! \rangle \Rightarrow |gexuuз\text{э}!| \Rightarrow |g\bar{e}x\bar{u}\bar{z}\text{э}!| = \text{гэхүүзэй!}$ 'не скажи; не вознамерься' (от $гэх$ 'сказать; вознамериться').

Этого правила я в грамматиках не обнаружил. Но от монгольской коллеги С. Адьяа я услышал именно такую словоформу. Впрочем, вопрос требует дальнейшего изучения.

Экскурс 1

Интересную проблему представляют словоформы на $\{=э\}$ типа *багшаа* 'своего учителя' в предложении *би багшаа үзсэн* 'я видел своего учителя'. В работе Крылов 1987: 116 формулировалось правило, по которому перед возвратно-притяжательным формантом $\{=э\}$ граммема 'Асс' может выражаться нулевым формантом $\{=\emptyset=\}$.

Однако данную закономерность можно было бы сформулировать и иначе: считать, что в позиции прямого дополнения формы на $\{=э\}$ — это формы номинатива с рефлексивным показателем.

Здесь нет необходимости постулировать исключения из морфонологических правил.

Действительно, форма на $\{=э\}$ без эксплицитных падежных показателей синтаксически однозначна: она сигнализирует о том, что данная словоформа занимает позицию прямого дополнения.

Однако значит ли это, что перед нами форма аккузатива? Думаю, что такой вывод был бы преждевременным.

²² Такое решение принимается, например, в [Рорре 1951: 70].

Во-первых, позицию прямого дополнения может занимать не только аккузатив, но также и номинатив (когда нет надобности сигнализировать об 'определенности' прямого дополнения).

Разумеется, встает вопрос, как же может форма номинатива однозначно сигнализировать, что перед нами прямое дополнение?

Ответ таков: сигнал о прямообъектной позиции в подобных случаях передается с л о ж н ы м средством, а именно сочетанием граммы номинатива с граммемой рефлексивной притяжательности.

Рефлексивная притяжательность (выражаемая формантом {=ээ}) сигнализирует о том, что перед нами не подлежащее, а номинатив (выражаемый нулевым показателем) сигнализирует о том, что перед нами либо подлежащее, либо прямое дополнение.

Элементарное умозаключение гласит: значит, перед нами прямое дополнение.

Несочетаемость граммы номинатива с граммемой рефлексивной притяжательности была бы естественна, если бы номинатив (как это характерно для многих индоевропейских языков) представлял собой «падеж подлежащего» («н о м и н а т и в - с у б ъ е к т и в», «субъектный падеж»). Понятно, что для рефлексивной притяжательности нехарактерна позиция подлежащего²³.

Однако в алтайских языках номинатив имеет другой типологический набор характеристик: он с равным успехом выступает в позиции подлежащего и прямого дополнения, и потому может быть охарактеризован как н о м и н а т и в - и н д е ф и н и т и в. А для такого номинатива нет ничего неестественного в том, чтобы сочетаться с рефлексивной притяжательностью.

Экскурс 2

Другое правило²⁴ гласило, что перед формантом {=uu} «модальный вопрос» морфема {=ээ}, входящая в состав экспонента {=l} & {=ээ} 'профект', усекается.

Пример: *ИРЭХ_{Prof}* ⇒ {irə-} & {=l} & {=ээ} ⇒ ⟨irə-⟩ & ⟨=l⟩ & ⟨=ээ⟩ ⇒ ⟨irləə⟩ ⇒ |irləə| ⇒ \irlē\ =

урлээ 'он пришел', но *ИРЭХ_{Prof Inter}* ⇒ {irə-} & {-l} & {=uu} ⇒ ⟨irə-⟩ & ⟨=l⟩ & ⟨=uu⟩ ⇒ ⟨irluu⟩ ⇒ |irluu| ⇒ \irlū\ = *урл үү?* 'пришел ли он?'

Это первая, но не единственная возможная трактовка.

Отмечалась и возможность второй трактовки этого усечения: считать его своеобразной элизией на морфемном уровне, т. е. рассматривать его в рамках морфемной трансформаторики.

Тогда оно звучало бы так: перед гласной морфемой морфема {=lээ} реализуется морфом ⟨=l⟩.

Принципиальная возможность альтернативных трактовок здесь связана с тем, что {=uu} — единственная морфема, начинающаяся

²³ (отвлекаясь от случаев фразеологизации типа *Своя ноша не тянет, Своя рубашка ближе к телу* и т. п.).

²⁴ Приведенное в работе [Крылов 1985: 116].

с гласной и идущая после показателя (<=l). При морфемной трактовке элизия будет записываться так:

Пример: $IPЭX_{Prof} \Rightarrow \{irə-\} \& \{=ləə\} \Rightarrow \langle irə-\rangle \& \langle =l \rangle \& \langle =əə \rangle \Rightarrow \langle irləə \rangle \Rightarrow |irləə| \Rightarrow \backslash r l \bar{e} \backslash = \text{ирлээ}$ 'он пришел', но $IPЭX_{ProfInter} \Rightarrow \{irə-\} \& \{=ləə\} \& \{=uu\} \Rightarrow \langle irə-\rangle \& \langle =l \rangle \& \langle =uu \rangle \Rightarrow \langle irluu \rangle \Rightarrow |irluu| \Rightarrow \backslash r l \bar{u} \backslash = \text{ирл уу}$ 'пришел ли он?'

Однако есть и третья возможность описания: перенести данную закономерность не на более поверхностный (алломорфемный), а наоборот, на более глубинный уровень — а именно в раздел грамматики, посвященный правилам сочетаемости граммем.

Тогда бы оно звучало следующим образом: граммема эмфазы (выражаемая формантом {=əə} и облигаторно оформляющая глагольную словоформу, включающую граммему про ф е к т а) не сочетается с граммемой модального вопроса (выражаемой формантом {=uu}) и поэтому должна быть опущена.

Пример: $IPЭX_{ProfEmph} \Rightarrow \{irə-\} \& \{=l\} \& \{=əə\} \Rightarrow \langle irə-\rangle \& \langle =l \rangle \& \langle =əə \rangle \Rightarrow \langle irləə \rangle \Rightarrow |irləə| \Rightarrow \backslash r l \bar{e} \backslash = \text{ирлээ}$ 'он пришел', но $IPЭX_{ProfInter} \Rightarrow \{irə-\} \& \{-l\} \& \{=uu\} \Rightarrow \langle irə-\rangle \& \langle =l \rangle \& \langle =uu \rangle \Rightarrow \langle irluu \rangle \Rightarrow |irluu| \Rightarrow \backslash r l \bar{u} \backslash = \text{ирл уу}$ 'пришел ли он?'

Заметим, что точно то же происходит с граммемой эмфазы перед граммемой модального вопроса и в том случае, когда эмфатическое оформление сказуемого диктуется наличием в сказуемом не граммемы про ф е к т а, а граммемы п е р ф е к т а:

Пример: $IPЭX_{RenarrEmph} \Rightarrow \{irə-\} \& \{-\bar{z}i\} \& \{=əə!\} \Rightarrow \langle irə-\rangle \& \langle =\bar{z}i \rangle \& \langle =əə! \rangle \Rightarrow \langle ir\bar{z}iəə! \rangle \Rightarrow |ir\bar{z}iəi| \Rightarrow \backslash ir\bar{z} \bar{e} \backslash = \text{иржээ}$ 'он пришел', но $IPЭX_{RenarrInter} \Rightarrow \{irə-\} \& \{-\bar{z}i\} \& \{=uu\} \Rightarrow \langle irə-\rangle \& \langle =\bar{z}i \rangle \& \langle =uu \rangle \Rightarrow \langle ir\bar{z}i uu \rangle \Rightarrow |ir\bar{z}i uu| \Rightarrow \backslash ir\bar{z} \bar{u} \backslash = \text{ирж уу}$ 'пришел ли он?'

2. Морфемные чередования

Морфофонемный уровень приблизительно соответствует «морфофонологическому представлению»²⁵, или «морфофонологической транскрипции»²⁶.

На этом уровне текст представлен как комплекс (или цепочка) морфов, а морф представлен как комплекс (или цепочка) морфоном.

Каноническое соответствие между морфемной записью и морфофонемной записью является тождественным преобразованием «основной формы»²⁷ данной морфемы в морфофонемную запись ее единственного морфа.

²⁵ [Булыгина 1977, с. 65].

²⁶ [Поливанова 1976, с. 3—10].

²⁷ [Якобсон 1948/1985, с. 199—200].

Неканоническое несоответствие задается правилами морфемной трансформаторики.

Оставив в стороне факультативные морфемные чередования, остановимся на облигаторных.

Облигаторные морфемные чередования (так же, как и облигаторные чередования других уровней) являются контекстно-связанными.

В отличие от лексограммемных чередований они являются автоматическими²⁸, т. е. апеллируют не к контексту тех или иных значимых единиц (лексем, граммем или их выразителей — морфем), а к контексту морфонемам (число которых весьма ограничено), т. е. к «морфонологическим позициям»²⁹.

Вместе с тем альтернантами морфемных чередований являются не фонемы (как это имеет место при морфофонемных чередованиях), а значимые единицы, перечисленные в словаре, — морфы.

Т. о., правила морфемной трансформаторики (морфемные чередования) — это правила выбора алломорфем одной морфемы в зависимости от морфонологического контекста.

Подчеркнем, что морфы (в предлагаемом понимании) состоят не из фонем, а из морфонемам, т. е. соответствуют т. н. «исходным морфам»³⁰.

Следует обратить внимание на то, что при указании на дифференциальные признаки морфонемам (типа «шумные» и «сонорные») морфонема ⟨r⟩ должна считаться не сонорной, а шумной³¹. Напротив, согласному ⟨ŋ⟩ следует приписывать признак «сонорность» как единому целому (хотя фонетически в интервокальной позиции он реализуется как кластер): см. ниже пример с морфемным чередованием 9 в словах типа ⟨saŋ⟩. Данная трактовка фонетически согласуется с фонетическим качеством (сонорностью) всех звуков, реализующих первый компонент этого фонетического кластера — ⟨ŋ⟩.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в приводимых правилах дифтонги и долгие гласные ведут себя одинаково, что дополнительно говорит в пользу их унифицированной трактовки.

²⁸ (в смысле [Блумфилд 1933/1968, с. 226]).

²⁹ [Чурганова 1973, с. 40].

³⁰ [Mel'čuk 1982, p. 94—96].

³¹ Эта трактовка ничуть не противоречит фонетическим свойствам соответствующих аллофонемам: ведь некоторые аллофонемы фонемы /r/ действительно шумные, и именно эти аллофонемы, по-видимому, следует считать основными (а сонорные аллофонемы — специфическими). Тем самым трактовка морфонемам ⟨r⟩ как шумной является фонетически мотивированной.

Морфемное чередование 1 (дистантная ассимиляция по назальности)

После основ, кончающихся на ⟨n⟩:

(а) {=u1Nx₁} ⇒ ⟨=u1⟩,

(б) {=u1Nx₂} ⇒ ⟨=a1!⟩.

Пример А (из атематического склонения).

НОЁН_{Gen} ⇒ {nəjən-} & {=u1Nx} ⇒ ⟨nəjən-⟩ & ⟨-u1⟩ ⇒ ⟨nəjən-u1⟩ ⇒ |nəjənu1| ⇒ |nəjənɪ̃| = ноёны 'принца'.

Пример Б (из тематического склонения).

ШИРЭЭ(Н)_{Gen} ⇒ {ʃirəə} & {=n=} & {=u1Nx} ⇒ ⟨ʃirəən-⟩ & ⟨-u1⟩ ⇒ ⟨ʃirəən-u1⟩ ⇒ |ʃirəənu1| ⇒ |ʃirənɪ̃| = ширээний 'стола'.

Морфемное чередование 2 (элизия)

Непосредственно после полифтонгов: {=u1Nx} ⇒ ⟨=п⟩.

Пример (возможен только в атематическом склонении).

ГАХАЙ_{Gen} ⇒ {gaxəi-} & {=u1Nx} ⇒ ⟨gaxəi-⟩ & ⟨=n⟩ ⇒ ⟨gaxəi-n⟩ ⇒ |gaxəi-N| ⇒ |gaxəiŋ| = гахайн 'свиной'.

У непосвященных читателей может возникнуть (слегка наивный) вопрос: а не является ли конечное ⟨п⟩ в словоформах типа *гахайн* показателем атрибутива (а вовсе не генитива)? (Ведь по смыслу разница стерта, а разницу по форме мы еще только должны описать.)

На этот вопрос приходится уверенно дать отрицательный ответ.

Ведь если бы это была форма атрибутива на ⟨п⟩, то она бы образовывалась только от существительных тематического склонения.

Между тем в действительности форма типа *гахайн* от них никак не может быть образована (по той простой причине, что у них показатель генитива присоединяется к тематизованной основе, а ведь она оканчивается отнюдь не дифтонгом или долгим гласным, а согласным ⟨п⟩!).

А форма типа *гахайн* образуется как раз только от атематических существительных³² (а именно от того их подкласса, который имеет основу на долгий гласный или дифтонг).

³² Принадлежность же лексем типа *гахай* (напр., *орой* 'вечер', *эсгий* 'фетр' и т. п.) к атематическому типу склонения очевидна.

Хотя атематичность этих существительных и не требует доказательств, но для пушей эксплицитности я такие доказательства приведу: она доказывается, например, формами датива типа *гахайд*, *оройд* или формами аблатива типа *гахайгаас*, *оройгоос*.

Морфемное чередование 3 (элизия)

Непосредственно после сочетания двух гласных (т. е. после дифтонга): морфема $\{=uig\}$ реализуется алломорфемой $\langle =g_1 \rangle$ (перед концом слова) или $\langle =g_1u_1 \rangle$ (перед согласной)³³.

Пример А (из атематического склонения). *ШОХОЙ*_{Acc} $\Rightarrow \{šixəi-\}$ & $\{=uig\} \Rightarrow \langle šixəi-\rangle$ & $\langle =g_1 \rangle \Rightarrow \langle šixəi=g_1 \rangle \Rightarrow |šixəig_1| \Rightarrow \backslash šixəig \backslash =$ *шохойг* 'мел'_{Acc}'

Пример Б (из тематического склонения). *ШИРЭЭ(Н)*_{Acc} $\Rightarrow \{širəə\}$ & $\{=uig\} \Rightarrow \langle širəə-\rangle$ & $\langle -g_1 \rangle \Rightarrow \langle širəə-g_1 \rangle \Rightarrow |širəəg_1| \Rightarrow \backslash širəg \backslash =$ *ширээг* 'стол'.

Морфемное чередование 4 (факультативная синкопа)

Непосредственно после $\langle \eta \rangle$: морфема $\{=uig\}$ реализуется морфем $\langle =g_1 \rangle$ (перед концом словоформы) или $\langle =g_1u_1 \rangle$ (перед согласной) Примеры:

БАЙШИН(Г)_{Acc} $\Rightarrow \{baišɨŋ-\}$ & $\{=uig\} \Rightarrow \langle baišɨŋ-\rangle$ & $\langle =g_1 \rangle \Rightarrow \langle baišɨŋ=g_1 \rangle \Rightarrow |baišɨŋg_1| \Rightarrow \backslash baišɨŋg \backslash =$ *байшинг* 'здание'_{Acc}'.

АН(Г)_{Acc} $\Rightarrow \{aŋ-\}$ & $\{=uig\} \Rightarrow \langle aŋ-\rangle$ & $\langle =g_1 \rangle \Rightarrow \langle aŋ=g_1 \rangle \Rightarrow |aŋg_1| \Rightarrow \backslash aŋg \backslash =$ *анг* 'дикого зверя'_{Acc}'.

Как видно из приведенных примеров, формы аккумулятива от существительных на $\langle -\eta \rangle$ обнаруживают странную особенность: на конце графического слова употребляется буквосочетание *нг*.

Между тем, как известно, сочетание двух согласных гипофонем на конце слова невозможно. Значит, графический кластер скрывает за собой что-то иное (по сравнению со своим буквенным составом), а именно некоторый фонологический слог.

Может быть, $[\eta g]$? Это сомнительно, ибо такое сочетание должно было бы записываться как *-нга* (и мы получили бы на письме **байшинга*, **анга*³⁴). Может быть, $[\eta g]$? Это тоже сомнительно, ибо такое сочетание должно было бы записываться как *-наг* (и мы получили бы на письме **байшинаг*, **анэг*).

Поэтому выбрана запись типа $|baišɨŋg_1|$, $|aŋg_1|$ ³⁵. Гласный в конце слова символизирует, по существу, слоговой характер звука

³³ Впрочем, в стихотворной речи алломорфема $\langle =g_1 \rangle$ употребляется в любых позициях, включая конец акцентного слова.

³⁴ Не имеется в виду словоформа императива от глагола *ангах* 'испытывать жажду', которая действительно имеет вид *АНГАХ*_{imper} $\Rightarrow \{aŋə\} \{=\emptyset\} \Rightarrow \langle aŋə \rangle \Rightarrow |aŋə| \Rightarrow \backslash aŋə \backslash =$ *анга*.

³⁵ Обратим внимание на то, что пароним *анги* 'класс' получит другую запись, а именно (для тех диалектов, в которых нет омофонии *анги* 'класс' и *анг* 'дикого зверя'_{Acc}): *АНГИ*_{Nom} $\Rightarrow \{aŋi-\} \Rightarrow \langle aŋi \rangle \Rightarrow |aŋi| \Rightarrow \backslash aŋgi \backslash =$ *анги* 'класс'_{Nom}'. Если существуют диалекты, в которых эти две словоформы омофоничны, то для них придет-

[g] на фонетическом уровне. Но в кириллической орфографии этот факт не обозначен.

Морфемное чередование 5 (эпентеза щелевого сонанта)

Непосредственно после дифтонгов:

{=uu} ⇒ ⟨=juu⟩.

Пример: *Чи¹ өнөөдөр² орой³ завтай⁴ юу⁵?* 'Ты¹ сегодня² вечером³ свободен⁴ ли⁵?' Транскрипция комитативного именного сказуемого³⁶ здесь выглядит так:

$ZAB_{ComitInter} \Rightarrow \{zab-\} \& \{=təi\} \& \{=uu\} \Rightarrow \langle zab-\rangle \& \langle =təi\rangle \& \langle =juu\rangle \Rightarrow \langle zabtəiju\rangle \Rightarrow |zabtəiju| \Rightarrow \backslash zawt^a\bar{e}j\bar{u}\backslash = \text{завтай юу 'свободен ли?}'$.

Соответствующее морфографемное чередование применительно к письменной форме языка приходится считать как бы «внешним» (а не внутренним) сандхи, так как постфиксальный формант *уу/юу* составляет отдельное графическое слово. Наряду с показателями директива и эмфазы это один из немногих формантов, пишущихся раздельно.

Однако в аспекте морфонологии устной речи перед нами сандхи внутреннее — хотя бы потому, что этот формант подвержен сингармонизму.

Морфемное чередование 6 (компрессия)

Перед согласной морфема аккузатива реализуется алломорфемой ⟨=uɪ⟩ (вместо ⟨=uɪgɪ⟩)³⁷.

Примеры:

$AAB_{Acc} \& BI_{Encl} \Rightarrow \{aəbə-\} \& \{=uɪgɪ\} \& \{+mɪ-\} \& \{-nu\} \Rightarrow \langle aəbə-\rangle \& \langle =uɪ\rangle \& \langle +mɪ-\rangle \& \langle -nu\rangle \Rightarrow \langle aəbəuɪ+mɪnu\rangle \Rightarrow |aəbəuɪmɪnu| \Rightarrow \backslash āw^a\bar{i}mɪn^o\backslash = \text{аавы минь 'отца моего}'$.

$GЭP_{Acc} \& БИД_{Encl} \Rightarrow \{ger-\} \& \{=uɪgɪ\} \& \{+maə-\} \& \{-nu\} \Rightarrow \langle ger-\rangle \& \langle =uɪ\rangle \& \langle +maə-\rangle \& \langle -nu\rangle \Rightarrow \langle geruɪ+maənu\rangle \Rightarrow |geruɪmaənu| \Rightarrow \backslash ger\bar{i}mān^o\backslash = \text{гэрий маань 'юрту нашу}'$.

$ГАP_{Acc} \& ЧИ_{Encl} \Rightarrow \{gar-\} \& \{=uɪgɪ\} \& \{+ci-\} \& \{-nu\} \Rightarrow \langle gar-\rangle \& \langle =uɪ\rangle \& \langle +ci-\rangle \& \langle -nu\rangle \Rightarrow \langle garuɪ+ciɪnu\rangle \Rightarrow |garuɪciɪnu| \Rightarrow \backslash gar\bar{i}ciɪn^o\backslash = \text{гары чинь 'руку твою}'$.

Такое чередование представлено лишь перед семью артиклями-энклитиками: {+mɪ-nu} 'мой', {+ci-nu} 'твой', {+maə-nu} 'наш', {+maənu} 'наш', {+maə-nu} 'наш', {+tānu} 'ваш', {+nu} 'его, ее, их'.

ся давать фонологическую транскрипцию обеих словоформ /aɪɪ/, а различие в орфографии объяснять действием этимолого-морфологического принципа.

³⁶ Здесь *завтай* 'свободен' = комитатив от *зав* 'досуг', т. е. 'с досугом'.

³⁷ Впрочем, в стихотворной речи это правило действует факультативно. Поэтому здесь возможно употребить алломорфему ⟨=uɪgɪ⟩ перед согласными.

Тем самым оно находится на грани между морфемными и лексограммемными чередованиями³⁸.

Однако оно может быть вполне корректно сформулировано также и в чисто фонологических терминах («перед согласной»), так как все семь энклитик, способных вызывать это чередование, начинаются с согласной, а других энклитик (равно как и постфиксов) после показателя аккузатива идти не может.

У непосвященных читателей может возникнуть вопрос: а откуда известно, что перед нами форма аккузатива? Ведь в силу следующего правила (Морфемное чередование 7) она будет омонимична форме генитива!

Ответ очень прост. Так как у существительных тематического типа склонения такой омонимии не будет, то, стало быть, их формы на ⟨u⟩ без тематического ⟨n⟩ будут являться формами аккузатива.

Морфемное чередование 6b (вокалическая эпентеза)

Морфема {=uig} 'Асс' после долгого вокалического ядра (т. е. дифтонга или долгого гласного) перед согласной реализуется алломорфемой ⟨=giu⟩ (вместо ⟨=g⟩).

Пример:

*НОХОЙ*_{Acc} & *ЧИ*_{Encl} ⇒ {nɤxɤ-} & {=uig} & {+ci-} & {-nu} ⇒ ⟨nɤxɤ-⟩ & ⟨=giu⟩ & ⟨+ci-⟩ & ⟨-nu⟩ ⇒ ⟨nɤxɤigiu+cinu⟩ ⇒ |nɤxɤigiu+cinu| ⇒ \nɤxɤ'eg'ic'in\ = *нохойгий чинь* 'собаку_{твою}'.

Морфемное чередование 7 (компрессия)

Морфема генитива перед согласными реализуется алломорфемой ⟨=ui⟩ (вместо ⟨=uiNx⟩), т. е., иными словами, в ее морфемном составе усекается конечное ⟨Nx⟩. Реально это имеет место перед четырьмя артиклями-энклитиками {+mi-nu}, {+ma-nu}, {+maə-nu}, {+nu}.

Примеры:

*ЭХНЭР*_{Gen} & *БИ*_{encl} ⇒ {exɤ} & {-nɤr} & {=uiNx} & {+mi-} & {-nu} ⇒ ⟨exɤ⟩ & ⟨-nɤr⟩ & ⟨=uiNx⟩ & ⟨+mi-⟩ & ⟨-nu⟩ ⇒ ⟨exɤnɤru+minu⟩ ⇒ |exɤnɤru+minu| ⇒ \exɤnɤr'im'in\ = *эхнэрий минь* 'жены_{моей}'.

*НУТАГ*_{Gen} & *БИД*_{encl} ⇒ {nutəg} & {=uiNx} & {_ФОРМУЛА} & {+maə-} & {-nu} ⇒ ⟨nutəg⟩ & ⟨-uiNx⟩ & ⟨+maə-⟩ & ⟨-nu⟩ ⇒ ⟨nutəgu+maənu⟩ ⇒ |nutəgu+maənu| ⇒ \nutəg'imān\ = *нутгий мань* 'родины_{нашей}'.

³⁸ Поэтому в работах [Крылов 1985, Крылов 1991] оно формулировалось как лексограммемное.

$GЭР_{Gen} \& ЭНЭ_{encl} \Rightarrow \{ger-\} \& \{=u1Nx\} + \{-nu\} \Rightarrow \langle ger-\rangle \& \langle -u1Nx \rangle + \langle -nu \rangle \Rightarrow \langle geru1+nu \rangle \Rightarrow |geru1+nu| \Rightarrow \backslash ger\bar{u}1 = гэрий нь 'его дома'$

Морфемное чередование 8 (компрессия)

После согласных: морфема $\{-gdə\}$ 'пассив' ('Pass') реализуется алломорфемами $\langle -tə \rangle$ и $\langle -də \rangle$. Более обобщенно можно сказать, что эта морфема теряет начальную морфемему $\langle g \rangle$ в позиции после согласных³⁹.

Примеры:

$\{ab\} \& 'Pass' \& 'Inf' \Rightarrow \{ab\} \& \{-gdə\} \& \{=xə\} \Rightarrow \langle ab-tə=xə \rangle \Rightarrow |abtəxə| \Rightarrow \backslash awtəxə = автах 'быть взятым, браться' (от авах 'взять, брать');$

$\{ɔl\} \& 'Pass' \& 'Inf' \Rightarrow \{ɔl\} \& \{-gdə\} \& \{=xə\} \Rightarrow \langle ɔl-də=xə \rangle \Rightarrow |ɔldəxə| \Rightarrow \backslash ɔldəxə = олдэх 'быть найденным' (от олох 'найти');$

$\{sɔns\} \& 'Pass' \& 'Inf' \Rightarrow \{sɔns\} \& \{-gdə\} \& \{=xə\} \Rightarrow \langle sɔns-də=xə \rangle \Rightarrow |sɔnsdəxə| \Rightarrow \backslash sɔnsdəxə = сонсдох 'быть слышимым' (от сонсох 'слышать');$

Морфемное чередование 9

(прогрессивная аккомодация по звучности,
т. е. по степени участия голоса)

(а) После гласных:

$\{-gdə\} 'Pass' \Rightarrow \langle -gdə \rangle$ ⁴⁰;

³⁹ В «сильной» морфемной позиции (после гласных) компрессия, естественно, не происходит. Ср.:

$\{bari\} \& 'Pass' \& 'Inf' \Rightarrow \{bari\} \& \{-gdə\} \& \{=xə\} \Rightarrow \langle bari-gdə=xə \rangle \Rightarrow |barigdəxə| \Rightarrow \backslash barigdəxə = баригдах 'быть схваченным' (от барих 'хватать');$

$\{alə\} \& 'Pass' \& 'Inf' \Rightarrow \{alə\} \& \{-gdə\} \& \{=xə\} \Rightarrow \langle alə-gdə=xə \rangle \Rightarrow |aləgdəxə| \Rightarrow \backslash aləgdəxə = алагдах 'быть убитым' (от алах 'убить');$

$\{orəə\} \& 'Pass' \& 'Inf' \Rightarrow \{orəə\} \& \{-gdə\} \& \{=xə\} \Rightarrow \langle orəə-gdə=xə \rangle \Rightarrow |orəəgdəxə| \Rightarrow \backslash orəəgdəxə = ороогдох 'быть обернутым, завернутым' (от ороох 'обернуть, завернуть');$

$\{yʒə\} \& 'Pass' \& 'Inf' \Rightarrow \{yʒə\} \& \{-gdə\} \& \{=xə\} \Rightarrow \langle yʒə-gdə=xə \rangle \Rightarrow |yʒəgdəxə| \Rightarrow \backslash yʒəgdəxə = үзэгдэх 'быть видимым' (от үзэх 'видеть');$

⁴⁰ Приводимое правило не является правилом чередования, так как оно отражает закономерный выбор основной (т. н. представляющей) алломорфемы данной морфемы. Однако оно представляет собой одно из правил морфонологического распределения алломорфем. Поэтому для наглядности уместно приводить его здесь вместе с описанием чередований. Если этого не сделать, то у недостаточного догадливого читателя может возникнуть вопрос: а существует ли вообще здесь такая (основная) алломорфема? Кроме того, эксплицитное приведение таких правил наглядно демонстрирует, какие морфонологические позиции являются морфонологически сильными. В данном случае морфонологически сильными являются позиции после основ с вокалическими финалями.

(б) После гласных и сонорных, кроме ⟨r⟩:

{=ʒɪ}₁ 'ConvImperf'⁴¹ ⇒ ⟨=ʒɪ⟩;

{=ʒɪ}₂ 'Renarr'⁴² ⇒ ⟨=ʒɪ⟩;

{=də} 'Dat' ⇒ ⟨=də⟩;

{-dəl} 'S₀' (= Nomen actionis)⁴³ ⇒ ⟨-dəl⟩.

(в) После сонорных (кроме ⟨r⟩):

{-gdə} 'Pass' ⇒ ⟨-də⟩.

(г) После шумных (включая ⟨r⟩):

{-gdə} 'Pass' ⇒ ⟨-tə⟩;

{=ʒɪ}₁ 'ConvImperf' ⇒ ⟨=cɪ⟩;

{=ʒɪ}₂ 'Renarr' ⇒ ⟨=cɪ⟩;

{=də} 'Dat' ⇒ ⟨=tə⟩;

{-dəl} 'S₀' (= Nomen actionis) ⇒ ⟨-təl⟩.

Следует обратить внимание на то, что условия осуществления данного чередования невозможно сформулировать в терминах буквенного состава исходных (да и неисходных тоже) словоформ. Дело в том, что в орфографическом письме некоторые противопоставления не отражены⁴⁴.

Примеры:

(а) После гласных:

{-gdə} 'Pass' ⇒ ⟨-gdə⟩;

{alə} & 'Pass' & 'Inf' ⇒ {alə} & {-gdə} & {=xə} ⇒ ⟨alə-gdə=xə⟩ ⇒ |aləgdəxə| ⇒ \aləgdəxə\ = *алагдах* 'погибнуть от руки убийцы' (от *алах* 'убить');

{uʒə} & 'Pass' & 'Inf' ⇒ {uʒə} & {-gdə} & {=xə} ⇒ ⟨uʒə-gdə=xə⟩ ⇒ |uʒəgdəxə| ⇒ \uʒəgdəxə\ = *үзэгдэх* 'быть видимым' (от *үзэх* 'видеть');

(б) После гласных и сонорных:

{=ʒɪ}₁ 'ConvImperf' ⇒ ⟨=ʒɪ⟩;

После гласных:

{sɔu} & 'ConvImperf' ⇒ {sɔu} & {=ʒɪ}₁ ⇒ ⟨sɔu=ʒɪ⟩ ⇒ |sɔuʒɪ| ⇒ \sɔʷɪ\ = *сууж* 'сидя, находясь' (от *суух* 'сидеть, находиться');

После сонорных:

{ɔl} & 'ConvImperf' ⇒ {ɔl} & {=ʒɪ}₁ ⇒ ⟨ɔl=ʒɪ⟩ ⇒ |ɔlʒɪ| ⇒ \ɔlʒɪ\ = *олж* 'находя, обнаруживая' (от *олох* 'находить, обнаруживать');

{=ʒɪ}₂ 'Renarr' ⇒ ⟨=ʒɪ⟩;

⁴¹ (показатель имперфективного деепричастия).

⁴² (омонимичный предыдущему показатель ренарратива).

⁴³ (т. е. показатель абстрактного отглагольного существительного со значением 'действия или состояния').

⁴⁴ Вопрос о том, соответствует ли это реальному произношению, остаётся открытым.

После гласных:

{jabə} & 'Renarr' & 'SentEmph' ⇒ {jabə} & {=ʒi}_2 & {=əə!} ⇒
 <jabə=ʒi=əə!> ⇒ |jabəʒiə!| ⇒ |jawλʒē̄| = явжээ 'как стало известно,
 пошел' (от явах 'пойти');

После сонорных:

{ɔl} & 'Renarr' & 'SentEmph' ⇒ {ɔl} & {=ʒi}_2 ⇒ <ɔl=ʒi> ⇒ |ɔlʒi| ⇒
 |ɔlʒi| = олж 'как известно, нашел' (от олох 'найти');

После гласных:

{=də} 'Dat' ⇒ <=də>;

После гласных:

{argə} & 'Dat' ⇒ {argə} & {=də} ⇒ <argə=də> ⇒ |argədə| ⇒ |aryədə| =
 аргад 'способу, методу' (от арга 'способ, метод');

{duu} & 'Dat' ⇒ {duu} & {=də} ⇒ <duu=də> ⇒ |duudə| ⇒ |d'də| =
 дүүд 'младшему брату, младшей сестре' (от дүү 'младший брат,
 младшая сестра');

{nɔxəi} & 'Dat' ⇒ {nɔxəi} & {=də} ⇒ <nɔxəi=də> ⇒ |nɔxəidə| ⇒
 |nɔx'ədə| = нохойд 'собаке' (от нохой 'собака');

{sɔr} & 'Caus' & 'Nomen loci' & 'Dat' ⇒ {sɔr} & {-lgə} & {uuri} &
 'Dat' ⇒ {sɔr} & {-lgə} & {uuri} & {=də} ⇒ <sɔr> & {-gə} & {uuli} & {=də} ⇒
 <sɔr-gə-uuli=də> ⇒ <sɔrgəuulidə> ⇒ |sɔrguulidə| ⇒ |sɔryŭlidə| =
 сургуульд '(в) школе' (от сургууль 'школа');

После сонорных:

{mal} & 'Dat' ⇒ {mal} & {=də} ⇒ <mal=də> ⇒ |maldə| ⇒ |maldə| =
 малд 'скоту' (от мал 'скот');

{zam} & 'Dat' ⇒ {zam} & {=də} ⇒ <zam=də> ⇒ |zamdə| ⇒ |zamdə| =
 замд 'дороге' (от зам 'дорога');

{xəən} & 'Dat' ⇒ {xəən} & {=də} ⇒ <xəən=də> ⇒ |xəəNdə| ⇒ |xāŋdə| =
 хаанд 'хану' (от хаан 'хан');

{saŋ} & 'Dat' ⇒ {saŋ} & {=də} ⇒ <saŋ=də> ⇒ |saNdə| ⇒ |sandə| =
 санд 'сокровищнице' (от сан 'сокровищница')⁴⁵;

{-dəl} 'Nomen abstr.' ⇒ <-dəl>.

После гласных:

{bai} & 'Nomen abstr.' ⇒ {bai} & {-dəl} ⇒ <bai-dəl> ⇒ |baidəl| ⇒
 |baidəl| = байдал 'ситуация' (от байх 'быть');

{jabə} & 'Nomen abstr.' ⇒ {jabə} & {-dəl} ⇒ <jabə-dəl> ⇒ |jabədəl| ⇒
 |jawldəl| = явдал 'ход, процесс, бег, поступок' (от явах 'идти, ухо-
 дить');

{sɔu} & 'Nomen abstr.' ⇒ {sɔu} & {-dəl} ⇒ <sɔu-dəl> ⇒ |sɔudəl| ⇒
 |sɔdəl| = суудал 'сиденье, сидячее место' (от суух 'сидеть');

{bɔu} & 'Nomen abstr.' ⇒ {bɔu} & {-dəl} ⇒ <bɔu-dəl> ⇒ |bɔudəl| ⇒
 |bɔdəl| = буудал 'лагерь, привал, стоянка, транспортная останов-

⁴⁵ Из этого примера ясно, что морфемне (ŋ) в морфемных правилах довольно естественно приписывать признак сонорности. Ведь она ведёт себя так же, как другие носовые.

ка, станция' (от *буух* 'опускаться, спускаться, спешиваться, выходить из вагона').

После сонорных (кроме ⟨r⟩) примеров на этот суффикс не обнаружено, так как он непродуктивен.

(в) После сонорных (кроме ⟨r⟩):

{-gdə} 'Pass' ⇒ ⟨-də⟩;

{ɔl} & 'Pass' & 'Inf' ⇒ {ɔl} & {-gdə} & {xə} ⇒ ⟨ɔl-də=xə⟩ ⇒ |ɔldəxə| ⇒ \ɔldəxə = *олдох* 'быть найденным' (от *олох* 'найти');

{deil} & 'Pass' & 'Inf' ⇒ {deil} & {-gdə} & {xə} ⇒ ⟨deil-də=xə⟩ ⇒ |deildəxə| ⇒ \deildəxə = *дийлдэх* 'быть побежденным' (от *дийлэх* 'победить');

(примеры см. также: Морфемное чередование 8).

(г) После шумных (включая ⟨r⟩):

{-gdə} 'Pass' ⇒ ⟨-tə⟩;

{ab} & 'Pass' & 'Inf' ⇒ {ab} & {-gdə} & {xə} ⇒ ⟨ab-tə=xə⟩ ⇒ |abtəxə| ⇒ \abtəxə = *автах* 'брататься' (от *авах* 'брат');

{əg} & 'Pass' & 'Inf' ⇒ {əg} & {-gdə} & {xə} ⇒ ⟨əg-tə=xə⟩ ⇒ |əgtəxə| ⇒ \əgtəxə = *эгтэх* 'быть даваемым, передаваться' (от *эгэх* 'дать');

{=ʒ₁} 'ConvImperf' ⇒ ⟨=č₁⟩;

{gar} & 'ConvImperf' ⇒ {gar} & {=č₁} ⇒ ⟨gar=č₁⟩ ⇒ |garč₁| ⇒ \garč₁ = *гарч* 'выходя' (от *гарах* 'выходить');

{=ʒ₁}₂ 'Renarr' ⇒ ⟨=č₁⟩;

{gar} & 'Renarr' & 'SentEmph' ⇒ {gar} & {=ʒ₁}₂ & {=əə!} ⇒ ⟨gar=č₁=əə!⟩ ⇒ |garč₁əə!| ⇒ \garč₁əə! = *гарчээ* 'как стало известно, вышел' (от *гарах* 'выйти');

{=də} ('Dat') ⇒ ⟨=tə⟩;

{xeb} & 'Dat' ⇒ {xeb} & {=də} ⇒ ⟨xeb=tə⟩ ⇒ |xebtə| ⇒ \xebtə = *хэвт* 'форме, порядку' (от *хэв* 'форма, порядок');

{gar} & 'Dat' ⇒ {gar} & {=də} ⇒ ⟨gar=tə⟩ ⇒ |gartə| ⇒ \gartə = *гарт* '(в) руке' (от *гар* 'рука');

{aiməg} & 'Dat' ⇒ {aiməg} & {=də} ⇒ ⟨aiməg=tə⟩ ⇒ |aiməgtə| ⇒ \aiməgtə = *аймагт* 'в районе, району' (от *аймаг* 'район');

{ecəs} & 'Dat' ⇒ {ecəs} & {=də} ⇒ ⟨ecəs=tə⟩ ⇒ |ecəstə| ⇒ \ecəstə = *эцэст* 'в конце, концу' (от *эцэс* 'конец');

{-dəl} 'Nomen abstr.' ⇒ ⟨-təl⟩⁴⁶;

⁴⁶ Реально зафиксированы только примеры основ на шумную согласную ⟨r⟩. Это означает, что обобщение «после шумных» звучит применительно к данному суффиксу слишком обобщенно и, может быть, неправомерно обобщенно (так как материала, доказывающего наличие данного чередования после других шумных, не обнаружено). Однако я предпочел считать данное чередование частным случаем более общего правила, исходя из соображений простоты описания и аналогичности формулировок для суффикса {-dəl} формулировкам для суффиксов {-də}, {-gdə}, {=ʒ₁}₁ и {=ʒ₁}₂. В пользу обобщенной формулировки говорит также и тот факт, что условие чередования, формулируемое с упоминанием одного дифферен-

{sɔr} & 'Nomen abstr.' ⇒ {sɔr} & {-dəl} ⇒ ⟨sɔr-təl⟩ ⇒ |sɔrtəl| ⇒ |sɔrtəl| = *суртал* 'учение, идея, доктрина, концепция' (от *сурax* 'изучать, учиться').

Тот факт, что данное чередование является морфемным, не трудно доказать. Доказательство см. ниже, Экскурс 3.

Морфемное чередование 10 (компрессия и диэреза)

Каузативный показатель {-lgə} воплощается тремя дополнительно распределенными алломорфемами {-lgə}, ⟨-gə⟩ и ⟨-ə⟩:

(а) после сочетаний двух гласных ⁴⁷ {-lgə} ⇒ ⟨-lgə⟩;

(б) после согласных ⁴⁸ {-lgə} ⇒ ⟨-gə⟩;

(в) после простых (т. е. кратких) гласных {-lgə} ⇒ ⟨-ə⟩⁴⁹.

Примеры:

(а) после сочетаний двух гласных: {-lgə} ⇒ ⟨-lgə⟩;

(после {a}):

диального признака («шумность»), звучит в принципе более естественно, нежели условие, упоминающее о некоторой конкретной (мор)фонеме. Видимо, это связано с тем, что реальным фактором, обусловившим чередование, был именно дифференциальный признак шумности/сонорности, а не все дифференциальные признаки (мор)фонемы ⟨r⟩. А более обобщенная формулировка позволяет отразить именно эту неравноценность дифференциальных признаков.

⁴⁷ Т. е. после дифтонгов и долгих гласных, как это следует из принимаемой здесь бифонемной трактовки таких.

⁴⁸ В некоторых описаниях фиксируется правило, согласно которому после шумных согласных ⟨s⟩ и ⟨d⟩ употребляется (вместо ⟨-gə⟩) или наряду с ⟨-gə⟩) каузативный показатель ⟨-xə⟩: см., напр., Рорре 1970: 110. Однако приводимые там примеры, по-видимому, не соответствуют современным нормам халха-монгольского языка, а взяты из разных диалектов. Поэтому в настоящем описании такие примеры не учитываются.

⁴⁹ Можно, впрочем, сформулировать это правило иначе: а именно транскрибировать суффиксальную алломорфему на морфемном уровне как ⟨-əə⟩, а не как ⟨-ə⟩. В этом случае сочетание трех гласных морфемом ⟨ə-əə⟩ будет в дальнейшем стянуто в бифонемное сочетание /əə/ по общему морфофонемному (и тем самым автоматическому) правилу стяжения трифтонгов в дифтонги, которое в любом случае по независимым причинам имеется в настоящем описании (см. ниже, морфофонемное чередование 5). Однако в данном случае выбрана морфофонемная транскрипция ⟨-ə⟩ как более элегантная. Более элегантной она будет потому, что:

(а) достигается некоторая степень унификации между обликами трех алломорфем данного суффикса: у них будет одинаковый вокализм (а именно краткое вокалическое ядро);

(б) достигается большая простота в описании реального действия правил: так записанной алломорфеме не придется применять никакого дополнительного правила для перехода от ее морфофонемной записи к фонемной.

Недостатком выбранной трактовки является проведение морфемной границы внутри долгого слога, т. е. как раз между двумя морами. Такое явление для халха-монгольского языка вообще-то, конечно, нехарактерно.

{bai} & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {bai} & {-lgə} & {=xə} \Rightarrow <bai-lgə=xə> \Rightarrow |bailgəxə| \Rightarrow |ba^əlγ^əlχ^ə| = байлгах 'размещать, ставить, класть' (от байх 'быть, находиться');

{xarəi} & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {xarəi} & {-lgə} & {=xə} \Rightarrow <xarəi-lgə=xə> \Rightarrow |xarəilgəxə| \Rightarrow |xar^aēlγ^əlχ^ə| = харайлгах 'заставлять прыгать' (от харайх 'прыгать');

(после {ωu}):

{ωu} & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {ωu} & {-lgə} & {=xə} \Rightarrow <ωu-lgə=xə> \Rightarrow |ωulgəxə| \Rightarrow |ōlγ^əlχ^ə| = уулгах 'поить' (от уух 'пить');

(после {ii}):

{xii} & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {xii} & {-lgə} & {=xə} \Rightarrow <ωu-lgə=xə> \Rightarrow |xiilgəxə| \Rightarrow |xīlγ^əxə| = хийлгэх 'заставить делать' (от хийх 'делать');

(после {əə}):

{xərə} & 'Caus' & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {xərə} & {-lgə} & {-lgə} & {=xə} \Rightarrow <xərə-ə-lgə=xə> \Rightarrow |xərəlgəxə| \Rightarrow |xərōlγ^əxə| = хороолгох 'заставлять сокращать' (от хороох 'сокращать', производенного, в свою очередь, от хорох 'сокращаться')⁵⁰;

(после {əə}):

{xəə} & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {xəə} & {-lgə} & {=xə} \Rightarrow <xəə-lgə=xə> \Rightarrow |xəəlgəxə| \Rightarrow |xēlγ^əx^ə| = хөөлгөх 'заставлять гнать' (от хөөх 'гнать');

(б) после согласных: {-lgə} \Rightarrow <-gə>;

(после {l}):

{bəl} & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {bəl} & {-lgə} & {=xə} \Rightarrow <bəl-gə=xə> \Rightarrow |bəlγəxə| \Rightarrow |bōlγ^əx^ə| = болгох 'делать (что чем), превращать (что во что)' (от болох 'стать, становится, делаться, сделаться')⁵¹;

(после {r}):

{gar} & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {gar} & {-lgə} & {=xə} \Rightarrow <gar-gə=xə> \Rightarrow |gargəxə| \Rightarrow |garγ^əlχ^ə| = гаргах 'высылать' (от гарах 'выходить');

(после {s}):

{əs} & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {əs} & {-lgə} & {=xə} \Rightarrow <əs-gə=xə> \Rightarrow |əsgəxə| \Rightarrow |əsg^əx^ə| = өсгөх 'выращивать' (от өсөх 'расти');

(в) после кратких гласных {-lgə} \Rightarrow <-ə>;

{untərə} & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {untərə} & 'Caus' & 'Inf' \Rightarrow {untərə} & {-lgə} & {=xə} \Rightarrow <untərə-ə=xə> \Rightarrow |untərəəxə| \Rightarrow |untlṛāx^ə| = унтраах 'гасить, тушить, выключать' (от унтрах 'гаснуть, потухать');

⁵⁰ Перед нами интересный случай повторения граммем в словоформе, нетипичный для флективных языков, но вполне допустимый в языках агглютинативных, хотя и не очень частый в речи.

⁵¹ В принципе можно усматривать здесь дегеминацию {ll} \Rightarrow {l}, однако подведение данного правила под понятие компрессии предпочтительнее, так как формулировка через термин «компрессия» является более обобщенной: ведь она охватывает также чередования {slg} \Rightarrow {sg} и {rlg} \Rightarrow {rg}.

{xatə} & 'Caus' & 'Inf' ⇒ {xatə} & 'Caus' & 'Inf' ⇒ {xatə} & {-lgə} & {=xə} ⇒ ⟨xatə-ə=xə⟩ ⇒ |xatəxə| ⇒ \xatāx\ = *xataax* 'сушить' (от *xamax* 'сохнуть');

{zɔgsə} & 'Caus' & 'Inf' ⇒ {zɔgsə} & {-lgə} & {=xə} ⇒ ⟨zɔgsə-ə=xə⟩ ⇒ |zɔgsəxə| ⇒ |zɔgsəx\ = *zogscoox* 'останавливать' (от *zogscox* 'останавливаться, становиться');

{ʃiŋə} & 'Caus' & 'Inf' ⇒ {ʃiŋə} & {-lgə} & {=xə} ⇒ ⟨ʃiŋə-ə=xə⟩ ⇒ |ʃiŋəxə| ⇒ |ʃiŋəx\ = *ʃiŋgəx* 'впитывать, растворять, погружать' (от *ʃiŋgəx* 'впитываться, растворяться, погружаться');

{sənə} & 'Caus' & 'Inf' ⇒ {sənə} & {-lgə} & {=xə} ⇒ ⟨sənə-ə=xə⟩ ⇒ |sənəxə| ⇒ |sənəx\ = *sənəəx* 'останавливать' (от *sənəəx* 'останавливаться, становиться');

С точки зрения морфонологической типологии данное чередование может быть представлено как сочетание компрессии и дизерезы. А именно, можно сказать, что в составе каузативного показателя {-lgə} происходят следующие преобразования:

(а) (компрессия). Между двумя согласными {l} ⇒ ∅;

(б) (дизереза). После кратких гласных выпадает сочетание {lg}.

Следует, однако, подчеркнуть, что сущности, обозначаемые символами {l} и {lg}, входящими в запись этих чередований, не являются какими-либо языковыми единицами. Это не морфемы (так как они меньше морфем), и это не морфемы (так как не входят в состав алломорфем, в которых имеет место данное чередование). Это нечто типа «обрубков» морфем, не имеющих уровня статуса. В терминах Ю. С. Маслова здесь можно говорить о «морфотмемах»⁵², т. е. о частях морфемы. Конкретнее, перед нами т. н. «альтернемь»⁵³.

⁵² Согласно Ю. С. Маслову, морфотмемы все же являются единицами особого уровня: а именно, «морфонологического» уровня в смысле Ю. С. Маслова. Однако этот уровень, согласно Ю. С. Маслову, относится не к «основным», а к «промежуточным» уровням. В концепции Ю. С. Маслова термин «промежуточный уровень» означает, что существуют единицы высшего уровня, в состав которых единицы данного уровня не входят вообще. Применительно к морфонологическому уровню утверждение Ю. С. Маслова о его промежуточности означает, что существуют морфемы, не членимые на морфотмемы, т. е. морфемы, в составе которых не происходит чередований (вопрос о том, значит ли это, в неоструктуралистских терминах, «никаких чередований вообще» или же «никаких морфемных чередований», весьма интересен, но его обсуждение завело бы нас слишком далеко).

⁵³ (в смысле Ю. С. Маслова). Для обозначения переменного отрезка в составе морфемы Ю. С. Маслов предлагает употреблять термин «альтернема» наряду с предлагаемым (в том же значении) термином «морфонема». Такое употребление термина «морфонема» (восходящее к Н. С. Трубецкому), не следует путать с неоструктуралистским пониманием термина «морфонема» (восходящем к Г. Улашину).

Морфемное чередование 11 (прогрессивная дистантная диссимилиация по вибрации)

Опосредованно после любого корня, содержащего морфемему ⟨r⟩, в некоторых суффиксах, основная алломорфема которых содержит морфемему ⟨r⟩, вместо этого ⟨r⟩ употребляется ⟨l⟩. Это происходит в следующих пяти суффиксах:

{-rə} ('становиться каким-л.', = мутативный способ действия, Mut) ⇒ ⟨-lə⟩;

{-uur} ('орудие, место') ⇒ ⟨-uul⟩;

{-uuri} ('место') ⇒ ⟨-uuli⟩;

{=ruu} ('Dir', т. е. направительный падеж) ⇒ {=luu} ⁵⁴.

Примеры:

{-rə} ('становиться каким-л.', = мутативный способ действия, 'Mut') ⇒ ⟨-lə⟩;

{xarə} & 'Mut' & 'Inf' ⇒ {xarə} & {-rə} & {xə} ⇒ ⟨xarə-lə=xə⟩ ⇒ |xarələxə| ⇒ |xarəlxlx| = *харлах* 'чернеть' (от *хар* 'черный');

{šiarə} & 'Mut' & 'Inf' ⇒ {šiarə} & {-rə} & {xə} ⇒ ⟨šiarə-lə=xə⟩ ⇒ |šiarələxə| ⇒ |šiarəlxlx| = *шарлах* 'желтеть' (от *шар* 'жёлтый');

{-uur} ('орудие') ⇒ ⟨-uul⟩;

{bari} & 'Nomen instrumenti' ⇒ {bari} & {-uur} ⇒ ⟨bari-uul⟩ ⇒ |bariuul| ⇒ |bariōl| = *баруул* 'рукоятка' (от *барих* 'хватать');

{-uuri} ('место') ⇒ ⟨-uuli⟩;

{sər} & 'Caus' & 'Nomen loci' ⇒ {sər} & {-lgə} & {uuri} ⇒ {sər} & {-lgə} & {uuri} ⇒ ⟨sər⟩ & ⟨-gə⟩ & ⟨uuli⟩ ⇒ ⟨sər-gə-uuli⟩ ⇒ |sərgəuuli| ⇒ |səryōli| = *сургууль* 'школа' (от *сургах* 'обучать');

{=ruu} ('Dir', т. е. направительный падеж) ⇒ {=luu};

{gar} & 'Dir' ⇒ {gar} & {=ruu} ⇒ ⟨gar⟩ & {=luu} ⇒ ⟨gar=luu⟩ ⇒ |gar=luu| ⇒ |garlō| = *гар луу* 'по направлению к руке' (от *гар* 'рука');

{nar} & 'Dir' ⇒ {nar} & {=ruu} ⇒ ⟨nar=luu⟩ ⇒ |narluu| ⇒ |narlō| = *нар луу* 'по направлению к солнцу' (от *нар* 'солнце');

{məri} & 'Dir' ⇒ {məri} & {=ruu} ⇒ ⟨məri⟩ & {=luu} ⇒ ⟨məri=luu⟩ ⇒ |məri=luu| ⇒ |mərilō| = *морь луу* 'по направлению к лошади' (от *морь* 'лошадь');

{ger} & 'Dir' ⇒ {ger} & {=ruu} ⇒ ⟨ger⟩ & {=luu} ⇒ ⟨ger=luu⟩ ⇒ |ger=luu| ⇒ |gerlū| = *гэр лүү* 'по направлению к юрте' (от *гэр* 'юрта');

⁵⁴ Так как показатель *руу/луу* пишется отдельно, то с точки зрения графики перед нами пример внешнего сандхи. Но с точки зрения фонетических критериев это чередование относится к классу внутренних сандхи хотя бы уже потому, что данный показатель подвержен сингармонизму.

{təmər} & 'Dir' ⇒ {təmər} & {=ruu} ⇒ ⟨təmər⟩ & ⟨=luu⟩ ⇒ ⟨təmər=luu⟩ ⇒ |təmər|luu ⇒ \təmər|lū = тәмәр луу 'по направлению к железу' (от тәмәр 'железо').

Морфемное чередование 12 (компрессия)

Морфема {Ø₄}, входящая в состав экспонента множественности {-Ø₄-d} 'Pl', реализуется в некоторых контекстах «отрицательными» алломорфемами, а именно:

- (а) после ⟨n⟩: {-Ø₄} ⇒ ⟨-Ø ⇐ n⟩,
- (б) после ⟨r⟩: {-Ø₄} ⇒ ⟨-Ø ⇐ r⟩,
- (в) после ⟨l⟩: {-Ø₄} ⇒ ⟨-Ø ⇐ l⟩,
- (г) после ⟨i⟩: {-Ø₄} ⇒ ⟨-Ø ⇐ i⟩.
- (д) после ⟨sə⟩: {-Ø₄} ⇒ ⟨-Ø ⇐ sə⟩.

Примеры:

(а) после ⟨n⟩: {-Ø₄} ⇒ ⟨-Ø ⇐ n⟩,
 {xəən} & 'Pl' ⇒ {xəən} & {-Ø₄} & {-d} ⇒ ⟨xəən⟩ & ⟨-Ø ⇐ n⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ ⟨xəəd⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ |xəəd| ⇒ \xəd\ = xəd 'хань' (от xaan 'хан');

(б) после ⟨r⟩: {-Ø₄} ⇒ ⟨-Ø ⇐ r⟩,
 {nəxər} & 'Pl' ⇒ {nəxər} & {-Ø₄} & {-d} ⇒ ⟨nəxər⟩ & ⟨-Ø ⇐ n⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ ⟨nəxəd⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ |nəxəd| ⇒ \nəxəd\ = nəxəd 'товарищи' от nəxər 'товарищ';

(в) после ⟨l⟩: {-Ø₄} ⇒ ⟨-Ø ⇐ l⟩,
 {tušiməl} & 'Pl' ⇒ {tušiməl} & {-Ø₄} & {-d} ⇒ ⟨tušiməl⟩ & ⟨-Ø ⇐ n⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ ⟨tušiməd⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ |tušiməd| ⇒ \tušiməd\ = tušiməd 'товарищи' (от tušiməl 'товарищ');

(г) после ⟨i⟩: {-Ø₄} ⇒ ⟨-Ø ⇐ i⟩,
 {nəxəl} & 'Pl' ⇒ {nəxəl} & {-Ø₄} & {-d} ⇒ ⟨nəxəl⟩ & ⟨-Ø ⇐ n⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ ⟨nəxəd⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ |nəxəd| ⇒ \nəxəd\ = nəxəd 'собаки' (от nəxəl 'собака');

(д) после ⟨sə⟩⁵⁵: {-Ø₄} ⇒ ⟨-Ø ⇐ sə⟩,
 {nɔwəsə(n)} & 'Pl' ⇒ {nɔwəsə} & {-Ø₄} & {-d} ⇒ ⟨nɔwəsə⟩ & ⟨-Ø ⇐ sə⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ ⟨nɔwəd⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ |nɔwəd| ⇒ \nɔwəd\ = nɔwəd 'утки' (от nɔwəs(ан) 'утка');

{xɔwɔsə(n)} & 'Pl' ⇒ {xɔwɔsə} & {-Ø₄} & {-d} ⇒ ⟨xɔwɔsə⟩ & ⟨-Ø ⇐ sə⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ ⟨xɔwɔsəd⟩ & ⟨-d⟩ ⇒ |xɔwɔsəd| ⇒ \xɔwɔsəd\ = xɔwɔsəd 'одежды' (от xɔwɔs(ан) 'одежда');

⁵⁵ Трудно сказать, является ли факт тематического склонения существенным для формулировки данного правила — слишком невелик материал для обобщений. Но в рамках изученного материала все примеры на это чередование принадлежат к тематическому склонению.

Морфемное чередование 13 (синкопа? редукция? элизия?)

Морфема $\{-\emptyset_s\}$, входящая в состав показателя множественности $\{-\emptyset_s\}$ & $\{s\}$, после дифтонгов, оканчивающихся на $\langle i \rangle$, реализует отрицательной алломорфемой $\langle \emptyset \leftarrow i \rangle$.

Примеры.

$\langle n\dot{x}\dot{x}\dot{a}i \rangle$ & 'Pl' $\Rightarrow \langle n\dot{x}\dot{x}\dot{a}i \rangle$ & $\{-\emptyset_s\}$ & $\{-s\} \Rightarrow \langle n\dot{x}\dot{x}\dot{a}i \rangle$ & $\langle -\emptyset \leftarrow n \rangle$ & $\langle -s \rangle \Rightarrow \langle n\dot{x}\dot{x}\dot{a} \rangle$ & $\langle -s \rangle \Rightarrow |n\dot{x}\dot{x}\dot{a}s| \Rightarrow |n\dot{x}\dot{x}\dot{a}s| = \text{нохос}$ 'собаки' (от *нохой* 'собака')⁵⁶.

Морфемное чередование 14 (синкопа? компрессия?)

Перед $\langle +g \rangle$: $\{=d\dot{a}g\}$ 'N_{us}' (т. е. узуальное причастие) $\Rightarrow \langle =d \rangle$.

Это единственное из морфемных чередований, не отражаемое в орфографическом письме.

Примеры:

$\langle j\dot{a}b\dot{a} \rangle$ & 'N_{us}' & 'Neg' $\Rightarrow \langle j\dot{a}b\dot{a} \rangle$ & $\{=d\dot{a}g\}$ & $\{+gui\} \Rightarrow \langle j\dot{a}b\dot{a} \rangle$ & $\langle =d \rangle$ & $\langle +gui \rangle \Rightarrow \langle j\dot{a}b\dot{a}dgui \rangle \Rightarrow |j\dot{a}b\dot{a}dgui| \Rightarrow |j\dot{a}b\dot{a}dgui| = \text{явадагуй}$ 'не ходит' (от *явах* 'идти, ходить').

Возможна также лексограммемная трактовка данного правила, т. к. оно действует на границе между двумя конкретными морфемами — формантом $\{=d\dot{a}g\}$ и клитикой $\{+gui\}$.

Морфемное чередование 15 (компрессия)

После согласных морфема $\{-\emptyset_{s-}\}$, входящая в состав показателя $\{-\emptyset_{s-}g\dot{s}i(n)\}$ 'самка' ('N_{lem}'), реализуется отрицательной алломорфемой $\langle \emptyset \leftarrow \langle C \rangle \rangle$.

Иными словами, перед этим показателем финальная согласная основы обязательно ускается.

⁵⁶ Замечание для читателя, незнакомого с халха-монгольским языком. В пункте 12 приводилась форма *нохос* с тем же значением. В такой вариативности образования плюралиса нет ничего удивительного. Ведь ниоткуда не следует, что при образовании плюралисных форм не может быть синонимии. В связи с этим, однако, возникает вопрос о том, как для произвольного существительного выбрать тот суффикс (или те суффиксы), с помощью которого от него можно образовать множественное число. Увы, простых правил здесь нет, и в общем случае выбор суффикса обусловлен лексически. К сожалению, однако, в существующих словарях халха-монгольского языка информация о способах образования множественного числа от слов, включенных в словарь, отсутствует. Казалось бы, в таком случае есть все основания надеяться получить такую информацию косвенно — а именно встретить в словаре соответствующие плюралисные образования на своих алфавитных местах (как должно было бы быть в случае признания их отдельными словами!), но этого словари, к сожалению, тоже не делают!

Примеры:

{ ω laən} & 'N_{fem}' ⇒ { ω laən} & {- \emptyset_6 -gɕi(n)} ⇒ { ω laən} & {- \emptyset_6 -} & {gɕi(n)} ⇒ < ω laən} & < $\emptyset \leftarrow$ »C» & <-gɕi(n)} ⇒ < ω laən} & < $\emptyset \leftarrow$ n} & <-gɕi(n)} ⇒ < ω laə} & <-gɕi(n)} ⇒ | ω laəgɕi(n)| ⇒ \ ω ləəgɕi(n)\ = улаагчи(н) 'красная (рыжая, бурая) самка (напр., кобылица)' от улаан 'красный';

{cagaən} & 'N_{fem}' ⇒ {cagaən} & {- \emptyset_6 -gɕi(n)} ⇒ {cagaən} & {- \emptyset_6 -} & {gɕi(n)} ⇒ <cagaən} & < $\emptyset \leftarrow$ »C» & <-gɕi(n)} ⇒ <cagaən} & < $\emptyset \leftarrow$ n} & <-gɕi(n)} ⇒ <cagaə} & <-gɕi(n)} ⇒ |cagaəgɕi(n)| ⇒ \cagaəgɕi(n)\ = цагаагчи(н) 'белая самка (напр., кобылица)' от цагаан 'белый'.

Морфемное чередование 16 (синкопа и элизия)

16а. Морфема {- \emptyset_7 -}, входящая в состав показателя собирательности {- \emptyset_7 -uulə(n)} 'собирательное числительное', после (r) реализуется алломорфемой < $\emptyset \leftarrow$ r> (синкопа).

Пример:

{xɔjər} & 'Num_{collect}' ⇒ {xɔjər} & {- \emptyset_7 -uulə(n)} ⇒ {xɔjər} & {- \emptyset_7 -} & {uulə(n)} ⇒ <xɔjər} & < $\emptyset \leftarrow$ r> & <-uulə(n)} ⇒ <xɔjə} & <-uulə(n)} ⇒ |xɔjuulə(n)| ⇒ \xɔjɔlə(n)\ = хоёулаа(н) 'вдвоём, оба, обе' (от хоёр 'два').

(16б) Морфема {- \emptyset_7 -}, входящая в состав показателя собирательности {- \emptyset_7 -uulə(n)} 'собирательное числительное', после (əə) реализуется алломорфемой < $\emptyset \leftarrow$ əə> и (16б) после (əə) реализуется алломорфемой < $\emptyset \leftarrow$ əə> (элизия).

Примеры.

{zɔrgəə} & 'Num_{collect}' ⇒ {zɔrgəə} & {- \emptyset_7 -uulə(n)} ⇒ {zɔrgəə} & {- \emptyset_7 -} & {uulə(n)} ⇒ <zɔrgəə} & < $\emptyset \leftarrow$ əə> & <-uulə(n)} ⇒ <zɔrg} & <-uulə(n)} ⇒ |zɔrguulə(n)| ⇒ \zɔrgɔlə(n)\ = зургуулаа(н) 'вшестером' (от зургаа(н) 'шесть');

{dɔləə} & 'Num_{collect}' ⇒ {dɔləə} & {- \emptyset_7 -uulə(n)} ⇒ {dɔləə} & {- \emptyset_7 -} & {uulə(n)} ⇒ <dɔləə} & < $\emptyset \leftarrow$ əə> & <-uulə(n)} ⇒ <dɔl} & <-uulə(n)} ⇒ |dɔluulə(n)| ⇒ \dɔlɔlə(n)\ = долуулаа(н) 'всемером' (от долоо(н) 'семь').

Строго говоря, правила 16а и 16б могут быть описаны как лексограммемные, т. к. затрагивают весьма небольшое количество корневых морфем со значением числительных. Правило морфемное-16, как и морфемное-14, может быть описано на лексограммемном уровне (скорее всего, как «частичный супплетивизм»).

Морфемное чередование 17 (палатализация)

Морфема-прокладка {-ʒi}, входящая в показатель распределительных числительных {-ʒi-əəd} 'Num_{distr}' и употребляемая после корней {neg} '1, один' и {xɔjər} '2, два', в этих окружениях реализуется заместительными алломорфемами. А именно:

(17a) после ⟨g⟩ она реализуется алломорфемой ⟨-ʒi ← g⟩.

Пример:

{neg} & 'Num_{dist}' ⇒ {neg} & {-ʒi-æəd} ⇒ {neg} & {-ʒi-} & {-æəd} ⇒ ⟨neg⟩ & ⟨-ʒi ← g⟩ & ⟨-æəd⟩ ⇒ ⟨neʒi⟩ & ⟨-æəd⟩ ⇒ |neʒiæəd| ⇒ \neʒiæəd\ = нэжээд 'по одному' (от нэг 'один, 1').

(17b) после ⟨jær⟩ она реализуется алломорфемой ⟨-ši ← jær⟩.

Пример:

{xɔjær} & 'Num_{dist}' ⇒ {xɔjær} & {-ʒi-æəd} ⇒ {xɔjær} & {-ʒi-} & {-æəd} ⇒ ⟨xɔjær⟩ & ⟨-ši ← jær⟩ & ⟨-æəd⟩ ⇒ ⟨xɔši⟩ & ⟨-æəd⟩ ⇒ |xɔšiæəd| ⇒ \xɔšiæəd\ = хошоод 'по двое' (от хоёр 'два, 2').

Строго говоря, правила 17a и 17b могут быть описаны как лексограммемные, т.к. каждое затрагивает всего одну корневую морфему со значением числительного. Правило морфемное-17, как и морфемное 14 и 16, могут быть описаны на лексограммемном уровне (скорее всего, как «частичный супплетивизм»).

Морфемное чередование 18

Морфема-прокладка {-ə-}, вставляемая после знаменательной словоформы перед притяжательным клитическим артиклем третьего лица {+nu} [букв.] его, её, их, в разных контекстах реализуется разными алломорфемами (на письме эта алломорфия никак не отражается). А именно:

(18a) после гласных реализуется специфической нулевой алломорфемой ∅ (элизия),

(18б) после ⟨n⟩ реализуется специфической комбинаторной алломорфемой ⟨-i-⟩;

(18в) (это уже не чередование, а выбор основной алломорфемы): после прочих согласных ⟨n⟩ реализуется своей основной алломорфемой ⟨-i-⟩.

Примеры:

(18a) {axə} & 'Poss.3' ⇒ {axə} & {=ə=} & {+nu} ⇒ ⟨axə⟩ & ∅ & ⟨+nu⟩ ⇒ ⟨axə⟩ & ⟨+nu⟩ ⇒ ⟨axənu⟩ ⇒ |axənu| ⇒ \axən\ = ax нь '[букв.] его/её старший брат' (от ax 'старший брат');

{axə} & 'Dat.' & 'Poss.3' ⇒ {axə} & {=də} & {=ə=} & {+nu} ⇒ ⟨axə⟩ & {=də} & ∅ & ⟨+nu⟩ ⇒ ⟨axə⟩ & {=də} & ⟨+nu⟩ ⇒ ⟨axədənu⟩ ⇒ |axədənu| ⇒ \axədən\ = axad нь '[букв.] его/её старшему брату' (от axad 'старшему брату');

(18б) {xatən} & 'Poss.3' ⇒ {xatən} & {=ə=} & {+nu} ⇒ ⟨xatən⟩ & {=i=} & ⟨+nu⟩ ⇒ ⟨xatənmu⟩ ⇒ |xatəninu| ⇒ \xatəniŋ\ = xatan нь '[букв.] его жена' (от xatan 'жена').

(18в) {ger} & 'Poss.3' \Rightarrow {ger} & {=ə=} & {+nu} \Rightarrow ⟨ger⟩ & (=ə) & ⟨+nu⟩ \Rightarrow ⟨gerənu⟩ \Rightarrow |gerənu| \Rightarrow \gerən\ = *гэр нь* '[букв.] его юрта' (от *гэр* 'юрта');

{gar} & 'Poss.3' \Rightarrow {gar} & {=ə=} & {+nu} \Rightarrow ⟨gar⟩ & (=ə) & ⟨+nu⟩ \Rightarrow ⟨garənu⟩ \Rightarrow |garənu| \Rightarrow \garən\ = *гар нь* '[букв.] его рука' (от *гар* 'рука');

{axə} & 'Abl.' & 'Poss.3' \Rightarrow {axə} & {=əəs} & {=ə=} & {+nu} \Rightarrow ⟨axə⟩ & (=əəs) & ⟨=ə⟩ & ⟨+nu⟩ \Rightarrow ⟨axəəsənu⟩ \Rightarrow |axəəsənu| \Rightarrow \axāsən\ = *ахаас нь* '[букв.] его/её старшему брату' (от *ахаас* 'старшему брату').

Экскурс 3

На первый взгляд кажется заманчивой возможность формулировки этого чередования как морфонемного (а не морфемного). Тогда пришлось бы дать единую морфонемную транскрипцию вариантам ⟨=də⟩ и ⟨=tə⟩, а также, соответственно, ⟨-dəl⟩ и ⟨-təl⟩, ⟨=çi⟩ и ⟨=ʒi⟩.

Для фонем |d| или |t| это можно сделать четырьмя способами.

(а) ввести особую морфему ⟨Δ⟩ с соответствующим правилом распределения вариантов. Этот способ неудачен, так как особую морфему разумно усматривать лишь там, где ее введение в описание дает экономию. Между тем в данном случае это не так: ведь перед нами предстанет экзотичная морфонема, употребляющаяся ровно в одной морфеме. В принципе такие морфемы в описании допустимы, но лишь тогда, когда они реализуются столь же экзотичными фонемами; но ведь в нашем случае такой фонемы нет! Налицо будет явное умножение сущностей. А это нежелательно.

(б) Транскрибировать эту морфему с помощью некоторой морфемы ξ ⁵⁷, содержащейся в уже имеющемся наборе морфонем. Здесь возможны два случая:

(б1) на материале уже описанного инвентаря морфем не представлено ни одной, где бы наша морфонема ξ была бы представлена зубной однофокусной смычной фонемой;

(б2) имеются морфемы, где наша морфонема ξ представлена зубной однофокусной смычной фонемой.

Вариант (б1) означает, что надо вводить некоторое новое правило, согласно которому некоторая морфонема не приобретает признак «зубной», или «однофокусный», или «смычный» в фонологическом контексте, связанном со степенью звучности (сонорности). Это решение сомнительно ввиду его фонетической неправдоподобности.

Вариант (б2) означает, что среди фонологических альтернантов морфемы ξ уже есть |d| или |t|. Но в этом случае наш выбор будет ограничен двумя вариантами: а именно (б1) морфонемой ⟨d⟩, (б2) морфонемой ⟨t⟩. Ведь в составе других морфонем эти фонемы не встречаются.

⁵⁷ (или, вообще говоря, цепочки морфонем Ξ , но для такой цепочки рассуждение можно провести по аналогии, поэлементно).

(62.1) Допустим, $\xi = \langle d \rangle$. Тогда наше морфонемное правило накладывает запрет на появление $|d|$ после согласных. Но в монгольском языке такого запрета нет. Это доказывается наличием таких консонантных фонемосочетаний (кластеров), как:

$|bd|$ (напр., в составе корня $\langle t\text{öbd}\text{-} \rangle = \text{төөд}$ 'Тибет', 'тибетский');

$|gd|$ (напр., в составе суффикса $\langle \text{-gd}\text{-} \rangle = \text{-гда}$ 'пассив'⁵⁸ и корней слов $\langle \text{agd}\text{-g}\text{är} \rangle = \text{агдгар}$ 'короткий, низкорослый'; $\langle \text{bugd}\text{-} \rangle = \text{бугд}$ 'все');

$\langle \text{tugd}\text{-g}\text{är} \rangle = \text{түгдэгэр}$ 'горбатый, изогнутый';

$|rd|$ (напр., в составе корня $\langle \text{d}\text{ürd}\text{-} \rangle = \text{дурдах}$ 'называть, упоминать');

$|sd|$ (напр., в составе слов $\langle \text{er}\text{äs-d}\text{-} \rangle = \text{эрсдэх}$ 'быть слишком решительным, прямым, строгим; подвергаться'⁵⁹; $\langle \text{dab}\text{äs-d}\text{-} \rangle = \text{давсдах}$ 'солить, засолить, пересолить')⁶⁰.

(62.2) Допустим, $\xi = \langle t \rangle$. Тогда наше морфонемное правило накладывает запрет на появление $|t|$ после гласных и сонорных. Но в монгольском языке такого запрета нет. Тот факт, что $|t|$ встречается и после гласных, в доказательствах, по-видимому, не нуждается. А возможность $|t|$ после сонорных доказывается наличием таких сонорно-шумных фонемосочетаний, как:

$|lt|$ (напр., в составе корней слов $\langle \text{alt}\text{-} \rangle = \text{алт}$ 'золото', $\langle \text{melt}\text{-} \rangle = \text{мэлт}$ 'вскользь, кое-как', $\langle \text{xelt}\text{-} \rangle = \text{хэлтэс}$ 'отдел, часть, секция');

$|mt|$ (напр., в составе корней слов $\langle \text{amt}\text{-} \rangle = \text{амт}$ 'вкус, привкус'; $\langle \text{gemt}\text{-} \rangle = \text{гэмт}$ 'виновный, преступный'; $\langle \text{xamt}\text{-} \rangle = \text{хамт}$ 'вместе, совместно, сообща, воедино');

$|nt|$ (напр., в составе корней слов $\langle \text{wnt}\text{-} \rangle = \text{унтах}$ 'спать, уснуть', $\langle \text{mant}\text{-g}\text{är} \rangle = \text{мантгар}$ 'толстый, широколицый', $\langle \text{tent}\text{-g}\text{är} \rangle = \text{тэнтгэр}$ 'грузный, толстый, угловатый').

Следовательно, разбираемое чередование является морфемным.

Доказательство для пары фонем $|č|$ и $|ž|$ можно построить аналогичным образом.

Для фонем $|ž|$ или $|č|$ это можно сделать четырьмя способами.

(а) ввести особую морфему $\langle \zeta \rangle$ с соответствующим правилом распределения вариантов. Этот способ неудачен, так как особую морфему разумно усматривать лишь там, где её введение в описание дает экономию. Между тем в данном случае это не так: ведь перед нами предстанет экзотичная морфонема, употребляющаяся ровно в одной морфеме. В принципе такие морфемы в описании допустимы, но лишь тогда, когда они реализуются столь же экзотичными фонемами; но ведь в нашем случае такой фонемы нет! Налицо будет явное умножение сущностей. А это нежелательно.

⁵⁸ Помимо регулярных образований можно сюда же отнести нерегулярные морфемосочетания типа $\langle \text{de-gd}\text{-} \rangle = \text{дэгдэх}$ 'подниматься, взлетать; подпрыгивать, подсакивать; внезапно произойти, случиться'.

⁵⁹ От $\langle \text{er}\text{äs} \rangle = \text{эрс}$ 'прямой, решительный'.

⁶⁰ От $\langle \text{dab}\text{äs} \rangle = \text{давс}$ 'соль'.

(б) Транскрибировать эту морфему с помощью некоторой морфемы ξ^{61} , содержащейся в уже имеющемся наборе морфонем. Здесь возможны два случая:

(б1) на материале уже описанного инвентаря морфем не представлено ни одной, где бы наша морфонема ξ была бы представлена зубной двухфокусной аффрикатной фонемой;

(б2) имеются морфемы, где наша морфонема ξ представлена зубной двухфокусной аффрикатной фонемой.

Вариант (б1) означает, что надо вводить некоторое новое правило, согласно которому некоторая морфонема не приобретает признак «зубной», или «двухфокусный», или «аффриката» в фонологическом контексте, связанном со степенью звучности (сонорности). Это решение сомнительно ввиду его фонетической неправдоподобности.

Вариант (б2) означает, что среди фонологических альтернантов морфемы ξ уже есть $|\xi|$ или $|\xi|$. Но в этом случае наш выбор будет ограничен двумя вариантами: а именно (б1) морфонемой $\langle \xi \rangle$; (б2) морфонемой $\langle \bar{\xi} \rangle$. Ведь в составе других морфонем эти фонемы не встречаются.

(б2.1) Допустим, $\xi = \langle \xi \rangle$. Тогда наше морфонемное правило накладывает запрет на появление $|\xi|$ после согласных. Но в монгольском языке такого запрета нет. Это доказывается наличием таких консонантных фонемосочетаний (кластеров), как:

$|\text{b}\xi|$ (напр., в составе корня $\langle \text{dab}\xi\text{i}\text{a}\text{e} \rangle = \text{давжаа}$ 'недоразвитый', $\langle \text{eb}\xi\text{in} \rangle = \text{эвжин}$ '...'; $\langle \text{ob}\xi\text{in} \rangle = \text{овжин}$ 'смышленный, понятливый, смекалистый, хитрый, ловкий, изощренный, хитроумный, изворотливый, каверзный, любопытный, нескромный, назойливый, дерзкий');

$|\text{g}\xi|$ (напр., в составе корней слов $\langle \text{tag}\xi\text{i}=\text{x}\text{a} \rangle = \text{тагжих}$ 'затыкать, закупоривать, заштоповывать', $\langle \text{tug}\xi\text{i} \rangle = \text{түгж}$ 'затыкать, закупоривать, заштоповывать'; $\langle \text{wg}\xi\text{i}=\text{n} \rangle = \text{угж(ан)}$ 'соска; рожок для кормления детей'; $\langle \text{wg}\xi\text{i}=\text{x}\text{a} \rangle = \text{угжих}$ 'вскармливать из соски или из бутылки'; $\langle \text{beg}\xi\text{i} \rangle = \text{бөгж(ин)}$ 'кольцо, скоба, обруч');

$|\text{r}\xi|$ (напр., в составе корней слов $\langle \text{ar}\xi\text{i}-\text{gr}\text{r} \rangle = \text{аржгар}$ 'шершавый, кудрявый, волнистый, неровный, грубый, шероховатый, оскаленный'; $\langle \text{bur}\xi\text{i}=\text{x}\text{a} \rangle = \text{буржих}$ 'свёртываться, затвердевать');

$|\text{s}\xi|$ (напр., в составе слов $\langle \text{ws}-\xi\text{i}=\text{x}\text{a} \rangle = \text{усжих}$ 'намокать в воде'; $\langle \text{ws}-\xi\text{i}-\text{uul}\text{a}=\text{x}\text{a} \rangle = \text{усжуулах}$ 'мочить в воде'; $\langle \text{der}\text{es}-\xi\text{i}-\text{uul}\text{a}=\text{x}\text{a} \rangle = \text{дэрэсжүүлэх}$ '...').

(б2.2) Допустим, $\xi = \langle \bar{\xi} \rangle$. Тогда наше морфонемное правило накладывает запрет на появление $|\bar{\xi}|$ после гласных и сонорных. Но в монгольском языке такого запрета нет. Тот факт, что $|\bar{\xi}|$ встречается и после гласных, в доказательствах, по-видимому, не нуждается. А возможность $|\bar{\xi}|$ после сонорных доказывается наличием таких сонорношумных фонемосочетаний, как:

⁶¹ (или, вообще говоря, цепочки морфонем Ξ , но для такой цепочки рассуждение можно провести по аналогии, поэлементно).

[lɕ] (напр., в составе корней слов ⟨alɕuur⟩ = алчуур 'платок, тряпка, салфетка', ⟨belɕi=xə⟩ = бэлчих 'пастись'; ⟨belɕi=əər⟩ = бэлчээр 'пастбище');

[mɕ] (напр., в составе корней слов ⟨namɕi⟩ = намч 'вкус, привкус'; ⟨emɕi⟩ = эмч 'виновный, преступный'; ⟨dɔmɕi⟩ = домч 'вместе, совместно, сообща, воедино');

[nɕ] (напр., в составе корней слов ⟨denɕiŋ⟩ = дэнчин(э) 'заклад, залог'; ⟨ənɕi⟩ = онч 'суть, сущность, смысл; инерция'; ⟨ənɕin⟩ = өнчин 'сирота, одиночка, придаток'; ⟨benɕiŋ⟩ = бэнчин(э) 'фонд, состояние, капитал, средства').

Следовательно, разбираемое чередование является морфемным.

3. Морфофонемные чередования

3.0. О соотношении фонемы и морфемны в современном халха-монгольском языке

3.0.1. Каноническое и неканоническое соотношение

«Каноническое» соотношение (которое можно назвать также «эталонным», «прототипическим», «прямым») во многом аналогично отношению «прямого значения» и «прямого обозначения» в лексике и отношению «первичной функции» и «стандартного выражения» в грамматике. Оно является, как правило, самым частым и наименее контекстно-зависимым. Аналогами «неканонического» отношения в лексике служат отношения «переносного значения» и «косвенной номинации», а в грамматике — отношения «вторичной функции» и «нестандартного выражения». Неканоническое отношение между фонемой и морфемой можно назвать также морфофонемным чередованием.

Расхождение между фонемой и морфемой может затрагивать как синтагматический, так и парадигматический аспект.

3.0.2. Парадигматический аспект асимметрии

При кодировании парадигматическое расхождение состоит в том, что одна и та же морфонема в разных фонологических контекстах может реализоваться разными фонемами (что иногда называют «дивергенцией» или «диверсификацией»).

Так, морфонема ⟨n⟩ может реализоваться не только канонически — фонемой [n], но и неканонически: (1) (архи)фонемой [M] в

позиции перед губными согласными |b| и |m| или (2) (архи)фонемой |N| в позиции перед концом слова и перед веллярными согласными |g| и |x|.

Морфонема ⟨ŋ⟩ может реализоваться не только канонически — фонемой |ŋ|, но и неканонически — (архи)фонемой |N| в позиции перед концом слова. Ср. ⟨bɔlɛŋ⟩ ⇒ ⟨bɔlɛN| 'угол'; наличие в морфонемной структуре морфонема ⟨ŋ⟩ доказывається тем, что в предвокальной позиции она «проясняется» (становится узнаваемой), произносясь как фонема |ŋ|), и, т.о., эта позиция является «сигнификативно сильной» для выявления данной морфонема, противопоставленной морфонема ⟨n⟩.

Морфонема ⟨n⟩ может реализоваться не только канонически — фонемой |n|, но и неканонически — (архи)фонемой |N| в позиции перед концом слова. Ср. ⟨xəŋ⟩ ⇒ ⟨xəN| 'хан'; наличие в морфонемной структуре морфонема ⟨n⟩ доказывається тем, что в предвокальной позиции она «проясняется» (становится узнаваемой), произносясь как фонема |n|), и, т.о., эта позиция является «сигнификативно сильной» для выявления данной морфонема, противопоставленной морфонема ⟨ŋ⟩. Трактовку этого чередования как компрессии, превращающей кластер ⟨ng⟩ в носовую фонему |n| (опубликованную в статьях автора настоящей работы 1985 и 1989 гг.⁶²) я в настоящее время считаю неудачной из-за её громоздкости. Монофонемная трактовка звука [ŋ] (как на фонемном, так и на морфонемном уровне) представляется более оправданной фонологически и морфонологически.

При этом следует только иметь в виду, что звук |ŋ| в конце слова произносится одинаково независимо от того, реализует ли фонема |ŋ| морфонема ⟨ŋ⟩ или морфонема ⟨n⟩: с фонологической точки зрения эти два случая тождественны.

При декодировании парадигматическое расхождение состоит в том, что одна и та же фонема в разных морфологических контекстах может прочитываться (декодироваться) как манифестация двух различных морфонем (что иногда называют «конвергенцией» или «нейтрализацией»). Регрессивная контактная ассимиляция по месту образования (лабиализация), упомянутая выше, приводит к омофонической манифестации морфонем ⟨n⟩ и ⟨m⟩ (и, как следствие этого, к омофонической манифестации морфов, составляющих минимальные пары для различения соответствующих морфонем). В позиции перед губными могут оказаться омофоничными члены таких пар, как *ором* 'след, черта' и *орон* 'страна, место, кров', *шалам* 'обруч' и *шалам* 'шляпа, сбура,

⁶² Эта трактовка возникла как экстраполяция морфографемных решений Дж. Стрита в сферу морфофонематики.

ярмо', что в морфонемной транскрипции выглядит как ⟨ɔrɛn⟩ и ⟨ɔrɛm⟩, ⟨ʂialɛm⟩ и ⟨ʂialɛŋ⟩, а в фонемной — как [ɔrɛM] и [ʂialɛM]. В позиции перед концом слова оказываются омофоничными члены таких пар, как гун = ⟨gun⟩ 'глубина' и гун(г) = ⟨guŋ⟩ 'герцог, граф (маньчжурский титул)'; цэн = ⟨cɛn⟩ 'тундренный лебедь' и цэн(г) = ⟨cɛŋ⟩ 'цэн (китайская мера веса около 3,73 грамма)'. Перед вокалическими окончаниями морфонемы ⟨ŋ⟩ доказываем тем, что в предвокальной позиции она «проясняется», и, т.о., эта позиция является «сильной» для выявления данной морфонемы, противопоставленной ⟨n⟩.

Асимметрии кодирования и декодирования тесно связаны друг с другом, так как у каждой морфонемы есть каноническая фонемная манифестация, и в то же время у каждой фонемы есть каноническое морфонемное соответствие.

3.0.3. Синтагматический аспект асимметрии

При кодировании синтагматическое расхождение состоит во вставке (= эпентезе) некоторых «паразитических» фонем, не имеющих прямого соответствия в морфонемной записи данного речевого отрезка. Принято считать, что эпентеза выполняет функцию достижения благозвучия (или «эвфонии»): вокалическая эпентеза способствует «разрежению кластеров (неудобопроизносимых сочетаний согласных)», а консонантная — ликвидации «зияний» (неудобопроизносимых вокалических сочетаний).

Пример вокалической эпентезы: после основ с консонантным исходом (таких, как ⟨gar⟩ 'выходить', ⟨ab⟩ 'брать', ⟨bɔs⟩ 'вставать', ⟨ɛg⟩ 'давать') перед неслоговыми формантами, состоящими из одной согласной (такими, как ⟨=gɪ⟩ 'оптатив', ⟨=n⟩ 'модификатив', деепричастие образа действия со значением слитности) или слоговыми формантами, начинающимися на консонантное сочетание (такими, как ⟨=gtun⟩ 'бенедиктив', ⟨=mʒɔ⟩ 'потенциалис', ⟨=gɕi⟩ 'имя деятеля'), обязательно вставляется «паразитическая» гласная [ə]. Ср. [garəg] 'пусть выйдет', [abəgtuN] 'соизвольте взять', [bɔsəN] 'вставая', [ɛgəmʒa] 'может быть, даст', [sɔragɕi] 'учащийся'.

Пример консонантной эпентезы: между двумя дифтонгами (т. е. вокалическими морфонемными сочетаниями: VV) обязательно вставляется паразитическая согласная [g]. Так, после основ с дифтонгическим исходом (таких, как ⟨nɔxɔi⟩ 'собака', ⟨delxuɪ⟩ 'земной шар', ⟨ɔlɛə⟩ 'подвода', [ʒiɔsuu] 'ровесник', ⟨xarɛNxuɪ⟩ 'темнота', ⟨guaə⟩ 'красивый; дыня', ⟨duu⟩ 'младший брат, младшая сестра', ⟨xiɪ⟩ 'воздух, газ', ⟨nai⟩ 'надежда', ⟨ʂiaə⟩ 'креп, флер'), перед формантами и суффиксами с дифтонгическим началом (такими, как

(=uɪNɪx) 'генитив', (=əəs) 'аблатив', (=əər) 'инструменталис') обязательна эпентеза |g|. При спряжении глаголов, имеющих основу с дифтонгическим исходом, происходит то же самое: перед конъюгационными формантами (=əəgəɪ) 'прескриптив', (=əəɫɪ) 'прекатив', (=əəsəɪ) 'сператив', (=uɪzəɪ) 'превентив' или 'премонитив', (=əə) 'имперфективное причастие', (=əəd) 'консекутивное деепричастие' вставляется |g|. Та же эпентеза происходит и в именном словообразовании при производстве отглагольных существительных с суффиксами (=əəɫɪ) 'имя деятеля', (=uɪɪ) 'имя деятеля', (=uɪr) 'орудие' и др. Ср.: |ɔləəgəər| 'подводной', |xiŋgəəs| 'из воздуха', |xəəgəərɪ| 'закрой', |nəəgəəd|, 'открыв', |dɔtəəguɪzəɪ| 'смотри не растрать' и т. п.

При декодировании синтагматическое расхождение состоит в усечении некоторых морфем, которые тем самым не получают прямого соответствия в фонемной транскрипции. Эвфоническая функция вокалического усечения (элизии) — устранение зияний, а консонантного усечения (компрессии) — упрощение неудобопроизносимых кластеров.

Пример элизии: после согласных перед дифтонгами |əɪ| и |uɪ| усекается гласная морфема |ə|. Ср., напр., форму аблатива от наречия ⟨xə-nə⟩ 'где?': под действием элизии она произносится омонимично форме аблатива от существительного: xəp 'хан, царь' — |xənpəəs| может прочитываться и как 'откуда?', и как 'от хана'.

Компрессию мы имеем в том случае, когда морфема ⟨n⟩ усекается перед сонорной.

Как эпентезы, так и усечения имеют целью довести довести морфонологическую структуру слова до некоторого «благозвучного» фонологического облика, т. е. придать ей своего рода ритmicность — равномерность, с которой за согласными следуют гласные, и наоборот. В ритмичной фонологической цепочке достаточно легко осуществляется слоговоеделение, т. к. она удовлетворяет законам, определяющим структуру «силлабически правильной» фонемной цепочки. В этом проявляется фонологическая «мотивированность» эпентез и усечений. Такая мотивированность как бы «уравновешивает» создаваемую ими вариантность звуковых обликов значимых единиц и потенциальную омофонию означающих.

3.1.0. Морфофонемная трансформаторика

На фонемном (или «глубинно-фонологическом») уровне текст представлен как комплекс (или цепочка) фонем. В соответствии с традициями Пражской школы, фонема понимается как комплекс

знаково существенных признаков кратчайшего звукового отрезка»⁶³. Каноническое соответствие между морфофонемной записью и Ф-записью осуществляется тождественным преобразованием каждой морфемы в ее «основной вариант» — соответствующую фонему. Неканоническое соответствие осуществляется по правилам морфофонемной трансформаторики. Суперсегментная морфофонемная трансформаторика задается правилами морфофонемной диспозиции, сегментная — правилами морфофонемной модификации.

3.1.0. Морфофонемная трансформаторика и омофония

Как и любое позиционное чередование, обусловленное позицией нейтрализации, чередования данного подкласса могут приводить (и иногда действительно приводят) к потенциальной омофонии целых морфем (т. е. к манифестации двух разных морфем омофоничными друг другу фонологическими цепочками) и целых словоформ (т. е. к манифестации двух разных словоформ двух разных лексем одной и той же фонологической цепочкой). Омофония словоформ означает частичную омофонию лексем (в том смысле, что у некоторых двух лексем некоторые словоформы омофоничны). Полная омофония целых лексем таким путём обычно не возникает, так как это бы означало, что у этих лексем одинаковый морфонемный состав. Самый факт наличия такой омофонии является зримым доказательством наличия в языке некоторого морфонематического чередования. Для обозначения отношения между морфонемами, совпадающими по звучанию в позиции нейтрализации, нет вполне подходящего и при этом общепринятого термина. В Московской фонологической школе (МФШ) это отношение называется нейтрализацией фонем. Так как «фонема» в смысле МФШ соответствует морфеме в неструктуралистском понимании (т. е. фактически обычно Ч-морфеме), то встаёт вопрос об адекватном переводе понятия «нейтрализация фонем» с метаязыка МФШ на метаязык неструктуралистской морфонологии (приблизительно соответствующей Ч-морфонологии). Здесь возможны, в частности, следующие способы:

(а) говорить о «нейтрализации морфем»; однако этот термин кажется естественным лишь применительно к морфемам, стоящим в слабой несоотносительной позиции (и соответствующей

⁶³ [Чурганова 1973, с. 21].

щим «гиперфонемам» в смысле МФШ); (б) говорить о «конвергенции морфоном» (хотя этот термин традиционно употребляется лишь применительно к диахронии и потому диахронически окрашен); (в) говорить об «омофонии» морфоном (хотя традиционно термин «омофония» применяется лишь к целым означающим, а не к составляющим их морфономам). Таким образом, адекватное обозначение здесь несколько затруднительно терминологически. Думается, что в процессуальном контексте можно говорить о «конвергенции», в статическом — об омофонии (как знаков, так и — в широком смысле — компонентов означающего), а термин «нейтрализация» в морфонологии употреблять лишь для обозначения снятия морфономной оппозиции (такое бывает в несоотносительных слабых позициях; кстати сказать, в языках с гармонией гласных таких позиций достаточно много). Омофония морфонологического характера всегда является частичной по определению, так как охватывает не пару целых лексем с их полными парадигмами, а лишь отдельные словоформы этих лексем.

3.1.1. Терминологический и металингвистический аспект морфофонемной трансформаторики

3.1.1.1. Терминологический аспект морфофонемной трансформаторики

В металингвистическом аспекте следует отметить следующее. Разработка проблем соотношения между морфономой и фонемой в халха-монгольском языке до сих пор никем не разрабатывалась с теоретических позиций Московской фонологической школы (МФШ). Между тем не лишена некоторого смысла сама задача перевести на язык МФШ те утверждения о монгольской морфонологии, которые делаются в данном разделе. Если обозначить морфоному (в её неструктуралистском понимании) как Ч-морфоному, а фонему (в её неструктуралистском понимании) как Ч-фонему, то можно сказать, что в терминологии ортодоксальной МФШ (Сидоров, ранний Аванесов, Реформатский, Кузнецов) Ч-морфонома должна называться «фонемой», а Ч-фонема, в зависимости от позиции, — «основным представителем» фонемы, её «вариацией» или её «вариантом». В терминологии позднего Аванесова (1956) Ч-морфонома называется «фонемным рядом» (или изредка «морфономой»), а Ч-фонема — просто «фонемой», но ча-

ще — более конкретно, в зависимости от позиции, «сильной фонемой» или «слабой фонемой». В терминологии П. С. Кузнецова (1959) Ч-фонема называется «звуком языка». В терминологии М. В. Панова (1967) Ч-фонема именуется «парадигмо-фонемой», а Ч-фонема — «синтагмо-фонемой».

3.1.1.2. Металингвистический аспект морфофонемной трансформаторики

С этой точки зрения настоящую работу можно считать первой попыткой ответить на вопрос, какие отношения между основными фонологическими (в смысле МФШ) единицами имеют место в халха-монгольском языке.

Однако русская орфография ориентирована преимущественно морфонематически, поэтому большинство позиционных чередований в ней снимаются. Психологически именно этот факт сыграл решающую роль в возникновении, формировании и утверждении идей МФШ в отечественной славистике.

Показателен с этой точки зрения тот факт, что в рамках МФШ чередование беглых гласных с нулём в русском языке никогда не считалось позиционным. Между тем с точки зрения своей позиционной обусловленности оно немногим уступает другим автоматическим чередованиям. Тот факт, что из него есть некоторые исключения, столь же непоказателен, как мнимые исключения из закона аканья (ср. рус. *гореть* — *гарь*), из закона оглушения (*свадеб* — *сватать*) не являются препятствием для квалификации соответствующих чередований как позиционных.

Совсем другое дело — психологическая трудность, связанная с тем, что альтернанты чередования беглых гласных с нулём графически отражены на письме. Этот факт в значительной степени продолжает оказывать влияние на сознание фонологов. В самом деле, представим себе мысленно ситуацию, при которой в некотором славянском языке была бы принята орфография, обязывающая записывать альтернанты чередования беглых гласных с нулём не фонетически, а морфонематически. По такой мыслимой орфографии мы бы получили записи типа **коньц* — **коньца*, **прыжък* — **прыжъка*, **кольцо* — **кольц*, и это могло бы заставить фонологов задуматься над тем, какое фонологическое описание феномена беглости принципиально допустимо в концептуальных рамках МФШ. Однако на практике этого не происходит. По-видимому, в приведённых примерах с беглостью довольно затруднительно сформулировать правила автоматической вставки

прояснённых беглых гласных: трудность для морфофонематического подхода составляют отнюдь не наличие небеглых гласных *о* и *е*, а наоборот, наличие неразрезаемых кластеров в составе некоторых основ: вопреки гипотезе о том, что позиция прояснения является слабой для оппозиции по беглости, в ней также возможны противопоставления (хотя обычно и выходящие за пределы исконной лексики) типа *колец*, но *Штольц*; *колбасок*, но *ласк*; *парк*, но *арок*; *лесок*, но *блеск*; *килек*, но *Фальк*. Однако этот аргумент обычно не приводится в качестве довода против рассмотрения беглости как автоматического феномена. Если бы такой аргумент прозвучал, то сторонникам морфофонематического подхода к беглым гласным пришлось бы в свою защиту апеллировать к представлению о наличии в русской морфонологии особой подсистемы морфонологически стандартных морфем, в противоположность монструозным морфемам (свежим заимствованиям, а также ономатопоэтическим и звукосимволическим словам).

В осознании того факта, что исходная запись может не совпадать ни с одной реальной, особо важную роль сыграли труды Л. Блумфилда, Р. О. Якобсона, М. Халле.

Но применительно к наиболее простым случаям живых (автоматических) чередований — к чередованиям, обусловленным позициями фонологической нейтрализации, — соответствующая проблематика параллельно разрабатывалась в работах классиков Московской фонологической школы. Исходный член позиционного чередования получил у них название основного представителя фонемы, а позиционно обусловленные члены чередования получили в МФШ наименование вариантов фонемы. Ясно, что представители МФШ никогда бы не написали, что в русском языке глухие шумные озвончаются перед гласными (*год* → *года*), что в ударной позиции *а* переходит в *о* (*водить* → *водит*), что при образовании диминутивных существительных в некоторые корни вставляется *д* или *л* (*сердце* → *сердечко*, *солнце* → *солнышко*) и т. п.

В ряде случаев они даже констатировали направление позиционного чередования, отражаемого на письме. Так, в составе русских приставок с сибиллянтной финалью, претерпевающей чередования по глухости-звонкости, представители МФШ с уверенностью фиксировали фонему ⟨з⟩, так как именно её основной представитель появляется в сильной позиции (перед гласной).

Современная халха-монгольская орфография не ориентирована на морфофонематический принцип. Этот факт влияет и на технику описания чередований. По большей части она ориентирована на фонематический (в смысле Щербы) принцип. Однако и из этой

общей формулировки есть свои интересные исключения, о которых речь пойдёт позже⁶⁴.

Нехарактерность морфематического принципа для монгольской орфографии приводит к тому, что вопрос о направлении чередований нередко решается монголистами путём механической экстраполяции решения о направленности процессов морфологической деривации.

Возьмём, например, морфемное правило 2 (см. ниже).

В монголистике данное правило иногда описывают как правило «вставки *г* после основы, кончающейся на заднеязычный *н*».

Такая трактовка основана на неявном (неэксплицитном, не сформулированном в явном виде) представлении о том, что исходным членом чередования следует считать тот альтернант, который представлен в исходной (словарной) форме слова (при словоизменении) или в исходном (производящем, первообразном) члене словообразовательной пары. Однако сам этот принцип, как показали современные исследования по морфонологии, ничем не обоснован.

Если принять такую трактовку, тогда придётся фиксировать у данного правила ряд исключений. Например, слова типа *хаан*, *ноён* также кончаются на *ʌŋ*, однако перед вокалическими суффиксами (суффиксами с неприкрытой инициальной) никакой вставки буквы (или звука) *г* не происходит. Приходится перечислять исключения из правила о вставке.

Между тем правильный выбор направления чередования с лёгкостью позволяет заметить, что никакой вставки *г* не происходит, а имеет место, напротив, потеря этого *г* в позиции перед концом слова и перед согласными.

3.1.1.3. Место сингармонизма в морфематической и фонематической системах монгольского языка

Нетрудно заметить, что среди морфофонематических чередований, вопреки расхожему мнению о сущности сингармонизма, нет никаких чередований, подводимых под это понятие. Дело в

⁶⁴ Все мои суждения насчёт принципов монгольской орфографии основаны на некоторой общей презумпции. А именно я исхожу из презумпции, что принятая кириллическая орфография отражает тот самый произносительный вариант языка, фонетика и фонология которого описана в работах Н. Поппе, Ш. Лувсанвандана и Дж. Стрита. Разумеется, это некоторое методологическое упрощение. Однако без этого (или другого подобного) упрощения любое обсуждение принципов орфографии становится затруднительным.

том, что сингармонизм — явление многоаспектное, он затрагивает сразу несколько уровней, и вопрос о его сущности следует рассматривать дифференцированно.

На морфемном уровне сингармонизм существует лишь в одном аспекте: как делимитативный сигнал, разграничивающий сочетания морфем внутри словоформы от сочетаний словоформ с клитиками и с другими словоформами. Никаких морфемных чередований сингармонизм не вызывает⁶⁵.

На морфофонемном уровне сингармонизм есть чрезвычайно фундаментальная закономерность, касающаяся морфофонематического состава морфем разных классов. А именно⁶⁶, в терминологии В. Г. Чургановой, морфофонематическая специфика языков с последовательным сингармонизмом заключается в том, что «сильная и слабая позиция распределены морфонологически, и те или иные фонемы, в зависимости от того, входят они, например, в корневую или в суффиксальную морфему, могут находиться или только в сильной, или только в слабой позиции. В этом случае морфофонемы в языке представлены или классами сильных фонем, или классами слабых фонем (например, в языках с сингармонизмом при скорректированности морфологических и фонологических границ). (...) Последний пример действителен в том случае, когда сингармонический комплекс охватывает все слоги, подчинённые ударному слогу до границы такта или паузы, а последние совпадают с концом слова (с морфологической границей)» [Чурганова 1973: 36]. Исходя из такой трактовки, следовало бы считать, что сингармонизм на морфофонематическом уровне — это именно указанная закономерность (дополнительное распределение типов вокализма относительно морфологических классов морфем: корней и аффиксов). Тем самым в морфофонематическом аспекте сингармонизм вовсе не является разновидностью чередования.

Другое дело — собственно фонологическое описание. Несомненно, сингармонизм имеет прямое отношение к чередованиям, но не к чередованиям фонем внутри одной морфофонемы, а к чередованиям вариантов внутри одной и той же фонемы. А такие чередования относятся к фонологическому компоненту описания.

⁶⁵ Это достаточно тривиальное утверждение приходится здесь сформулировать, так как морфемные чередования охватывают различия между алломорфемами одной морфемы; между тем, согласно расхожему мнению, варьирование графических обликов аффиксальных морфем в сингармонических языках трактуется обычно именно как алломорфическое варьирование морфемы.

⁶⁶ В отечественной лингвистической традиции этот факт отмечался уже В. А. Богородицким (1927), Н. С. Трубецким (1929), А. А. Реформатским (1966) и другими авторами.

3.2. Технический аспект морфофонемной трансформаторики

Диспозиция суффиксов, формантов и клитик осуществляется тривиально — путем их прогрессивной конкатенации. Диспозиция заместительных морфов (имеющих вид «А» \leftarrow «Б») осуществляется по правилам «симульфикации»:

modus ponens

⟨... «А⟩, ⟨«Б» \leftarrow «А⟩⟩

⟨«Б»⟩

Диспозиция повтора осуществляется по правилу редупликации:

$Re(CV)(C_i-V_j, \Rightarrow |C_i-V_j-(C_i-V_j)|$

(где C_i — инициаль первого слога данного корня, а V_j — ядро первого слога данного корня). Повтор $Re(CV)$ в сочетании с аффиксом $\langle -b \rangle$ выражает значение полноты признака. Ср. *xara* (xarə) 'черный' \Rightarrow |xab:xara| 'совсем черный, черный-черный', *ногоон* (nɔgɔɔn) 'зеленый' \Rightarrow |nɔb:nɔgɔɔn| 'совсем зеленый'.

Морфофонемная модификация внутри гармонического слова есть автоматическое преобразование морфофем в фонемы.

Морфофонематическое устранение зияний

Морфофонемное-1 (морфофонематическая эпентеза паразитического щелевого заднеязычного, «льезон»)

После дифтонга (VV) перед дифтонгом (VV) вставляется |g|.

Термин «дифтонг» здесь понимается в широком значении, а именно как сочетание двух мор, образующих единый слог. Тем самым под это понятие подходят не только традиционные дифтонги, но и любые долгие монофтонги, так как в принимаемой фонематической концепции все они получают бифонемную трактовку.

Как известно, с исторической точки зрения имела место не вставка консонантной эпентезы в середину вокалического зияния, а, наоборот, ослабление велярного в интервокальной позиции вплоть до полного исчезновения. Однако с синхронной точки зрения такое описание соответствующего чередования было бы весьма громоздким. Поэтому здесь принимается более простое описание, по которому исходной (морфофонемной) записью признаётся запись, не содержащая велярного перекрытия между дифтонгами.

Заметим, что между исторической фонетикой и синхронной морфологией в данном случае налицо лишь некоторое соответствие, но никоим образом не изоморфизм. Ведь исторически имело место стя-

жение кратких слогов (разделённых велярным перекрытием) в единый долгий слог. Между тем с точки зрения синхронной морфонологии никакого стяжения нет; и эта констатация синхронного положения вещей отнюдь не зависит от того, какую направленность мы усматриваем у синхронного чередования — редуцирующую (апокопа, падение, элизия) или паразитическую (вставка). Дело в том, что в синхронном аспекте в пределах одной морфемы вообще нет чередования кратких слогов с долгими. Поэтому постулировать велярные перекрытия между краткими гласными в морфонематической структуре каких-либо морфем бессмысленно: введение такой «глубинной структуры» не было бы мотивировано никакими синхронными фактами.

В принципе возможна и такая трактовка, при которой данное чередование описывалось бы в обратном направлении (более соответствующем исторической фонетике монгольских языков). В таком случае следовало бы всякий маркер с неприкрытой дифтонгической инициальной описывать на морфонематическом уровне как начинающийся со звонкой велярной морфемы <g>. Вместо правил эпентезы пришлось бы формулировать правила падения велярных консонантных перекрытий. Так, пришлось бы сформулировать:

(*а) правило компрессии, по которому после согласных <g> пропадает⁶⁷;

(*б) правило синкопы, по которому бы после кратких гласных <g> пропадает⁶⁸.

Сама по себе данная трактовка (с синкопой) столь же непротиворечива (столь же адекватно описывает факты), как и первая трактовка (с эпентезой). Однако синкопическая трактовка обладает тем недостатком, что она фонетически неестественна (неправдоподобна).

Правило (*а) неправдоподобно по той причине, что сочетание согласных фонем со вторым компонентом |g| (например, |mg|) вполне допустимо, ср. {tamgə} ⇒ ⟨tamgə⟩ ⇒ |tamgə| ⇒ \tamgə\ = тамга(н) 'тавро, печать, штемпель'. Более того, такое сочетание перед дифтонгом (VV) (напр., |mgəə|) тоже вполне допустимо, ср. то же слово в форме возвратного притяжения: {tamgə} & 'Refl' ⇒ {tamgə} & {=əə} ⇒ ⟨tamgə⟩ & ⟨=əə⟩ ⇒ |tamgəə| ⇒ \tamgəə\ = тамгаа 'свою печать' (от тамга 'тавро, печать, штемпель').

Столь же неправдоподобным окажется и правило (*б) — по той причине, что сочетание краткой гласной фонемы с согласной |g|

⁶⁷ Напр.: samSentEmph ⇒ {sam} & 'Instr' ⇒ {sam} & {=gəər} ⇒ ⟨sam⟩ & ⟨=gəər⟩ ⇒ /saməər/ ⇒ \samər\ = самаар 'гребнем' (от сам 'гребень').

⁶⁸ Напр.: явахPrescr ⇒ {jabə} & 'Prescr' ⇒ {jabə} & {=gəərə!} ⇒ ⟨jabə⟩ & ⟨=gəərə!⟩ ⇒ /jabəərə!/ ⇒ \jabəərə!\ = яварай 'иди' (от явах 'идти').

(например, |эг|) вполне допустимо, ср. {сесэг} ⇒ (сесэг) ⇒ |сесэг| ⇒ \сесэг\ = цэцэг 'цветок'. Более того, такое сочетание перед дифтонгом (VV) (напр., |эгээ|) тоже вполне допустимо, ср. то же слово в форме аблатива: {сесэг} & 'Abl' ⇒ {сесэг} & {=ээс} ⇒ (сесэг) & (=ээс) ⇒ |сесэгээс| ⇒ \сесэгэс\ = цэцэгэс 'от цветка' (от цэцэг 'цветок').

Ситуация выбора между двумя морфонологическими трактовками, одинаково непротиворечиво описывающими набор наблюдаемых фактов, но отличающимися по степени фонетического правдоподобия, имеет свой аналог в сфере компаративистики. С подобной дилеммой сталкиваются обычно компаративисты, когда им приходится делать выбор между двумя фонетическими интерпретациями одной и той же компаративистской процедуры⁶⁹.

Приведём перечень маркеров, начинающихся неприкрытым дифтонгом и подпадающих под действие данного правила.

Конъюгационные форманты

а. предикативные форманты

'PraedPrescr'	⇒ {=ээрэ!}
'PraedPrec'	⇒ {=ээс!}
'PraedSper'	⇒ {=ээсэ!}
'PraedPrev'	⇒ {=уузэ!}

б. деепричастные форманты

'ConvAnte'	⇒ {=ээд}
------------	----------

в. причастные форманты

'PartImperf'	⇒ {=ээ}
--------------	---------

Деклинационные форманты:

а. адъективизирующие форманты:

'Gen'	⇒ {=у!Nx}
-------	-----------

⁶⁹ Противопоставление результата применения компаративистской процедуры и результата фонетической интерпретации этого результата предложено в ряде работ В. А. Дыбо. См. в особенности [Дыбо 1994: 43—48]. Думается, теоретическими предшественниками этой концепции можно считать Ф. де Соссюра и Л. Ельмслева. Противопоставление формы и субстанции в работах Соссюра и особенно последовательное развитие этого взгляда в глоссематической теории Л. Ельмслева (где оно положено в основу всей лингвистической теории) фактически представляют собой обоснование именно такого взгляда на язык, о котором пишет В. А. Дыбо в указанной работе.

б. собственно-падежные форманты:

'Acc'	⇒ {=uɪgɪ}
'Instr'	⇒ {=æɾ}
'Contemp'	⇒ {=æɾ}
'Abl'	⇒ {=æəs}

в. возвратный формант

'Refl' ⇒ {=əə}.

Как видно из этого списка, таких маркеров довольно много. И употребительность каждого из них достаточно велика. Поэтому кажется естественным описывать данное чередование как морфонематическое.

По определению морфонематические (позиционные) чередования не должны иметь исключений. Поэтому перечень маркеров, начинающихся неприкрытым дифтонгом, можно было бы не приводить целиком. Тем не менее здесь следует сделать ряд оговорок.

Любопытно в этом смысле поведение сентенциальных формантов.

Сентенциальные форманты

'SentInterrog'	⇒ {=uu}
'SentEmph'	⇒ {=əə!}

Обычно они пишутся отдельно от знаменательных слов, после которых стоят. Поэтому проблема консонантной эпентезы в их начале обычно не привлекает внимания. Между тем употребление таких частиц иногда происходит после слов с дифтонгическим концом основы. Так, возможно восклицание, в котором употреблена эмфатическая частица {=əə!} 'SentEmph' после основы *хорхой*. На письме такая форма будет квазиомонимична форме возвратного притяжания. Однако различие между этими морфологическими омонимами всё же есть. А именно в устной речи эмфатическая частица сопровождается эмфатической же интонацией, а в письменной (как правило) — восклицательным знаком. Эта омография остаётся, как правило, не замеченной. Омфония этих форм в устной речи обычно тоже не отмечается авторами описательных грамматик.

*хорхой*_{SentEmph} ⇒ {хəрхəɪ} & 'SentEmph' ⇒ {хəрхəɪ} & {=əə!} ⇒ <хəрхəɪ> & <=əə!> ⇒ |хəрхəɪgəə!| ⇒ \хəрхəegə̄\ = *хорхойгоо!* 'змея!' (от *хорхой* 'змея').

Сентенциальный формант {=uu} формально относится к данному морфонологическому классу маркеров, подпадающих под действие данного чередования. Однако реально этого никогда не происходит по той простой причине, что правила морфемных чередований ограничивают дистрибуцию алломорфем этого маркера. После согласных и кратких гласных употребляется алломорфема ⟨=uu⟩, а после долгих гласных — алломорфема ⟨=juu⟩. Тем самым условия применения правила не имеют место. Поэтому оно в этом случае не применяется.

Строго говоря, перечислять в данном перечне нужно было не столько морфемы (в фигурных скобках), сколько алломорфемы (в угловых скобках). Тогда стало бы более наглядно видно, почему вопросительный формант не претерпевает данного чередования.

Примеры:

$галуу_{\text{Refl}} \Rightarrow \{галуу\} \& \text{'RefI'} \Rightarrow \{галуу\} \& \{=ээ\} \Rightarrow \langle галуу \rangle \& \langle =ээ \rangle \Rightarrow |галуугээ| \Rightarrow |гал᠔᠒ᠭᠠ| = галуугаа \text{'своего гуся' (от галуу 'гусь')}.$

$алиа_{\text{RefI}} \Rightarrow \{алиээ\} \& \text{'RefI'} \Rightarrow \{алиээ\} \& \{=ээ\} \Rightarrow \langle алиээ \rangle \& \langle =ээ \rangle \Rightarrow |алиээгээ| \Rightarrow |али᠗᠒ᠭᠠ| = алиагаа \text{'своего шута, своего балагура' от алиа 'шут, балагур'}.$

$моо_{\text{Instr}} \Rightarrow \{тээ\} \& \text{'Instr'} \Rightarrow \{тээ\} \& \{=ээр\} \Rightarrow \langle тээ \rangle \& \langle =ээр \rangle \Rightarrow |тээгээр| \Rightarrow |т᠔᠒ᠭᠠᠷ| = моогоор \text{'числом' (от моо 'число')}.$

$адуу_{\text{Instr}} \Rightarrow \{адуу\} \& \text{'Instr'} \Rightarrow \{адуу\} \& \{=ээр\} \Rightarrow \langle адуу \rangle \& \langle =ээр \rangle \Rightarrow |адуугээр| \Rightarrow |а᠔᠒᠔᠒ᠭᠠᠷ| = адуугаар \text{'табуном' (от адуу 'табун')}.$

$хорхой_{\text{Abl}} \Rightarrow \{хэрхэ\} \& \text{'Abl'} \Rightarrow \{хэрхэ\} \& \{=ээс\} \Rightarrow \langle хэрхэ\} \& \langle =ээс \rangle \Rightarrow |хэрхээгээс| \Rightarrow |хэрхээ᠒᠔ᠰ| = хорхойгоос \text{'червём, змейй' (от хорхой 'червь, змея')}.$

Морфофонемное-2 (морфофонематическая элизия)

После согласных перед дифтонгами ⟨ээ⟩ и ⟨уу⟩:

⟨э⟩ ⇒ ∅.

Частично это чередование отражается на письме, а частично — нет. Так, если финальная морфонема основы ⟨э⟩ была обозначена на письме, то она продолжает писаться в том случае, если после неё по правилам орфографии следует пробел. Это происходит, если, например, следующим словом является вопросительная частица уу (а она всегда пишется отдельно, несмотря на свою подверженность сингармонизму). Если бы монгольская орфография в данном пункте была последовательно ориентирована на морфофонематический принцип, то мы бы получили на письме формы типа *гараха уу, *явава уу, *болно оо, *яваха аа.

Примеры охватывают как словообразование, так и формообразование (деривационное и реляционное).

Примеры из сферы деривационного формообразования.

А. Формы перед показателем вопросительности.

А1. Инфинитивные формы перед показателем вопросительности.

$gax_{InfSentInterrog} \Rightarrow \{gar\} \& 'Inf \& 'SentInterrog' \Rightarrow \{gar\} \& \{=xə\} \& \{=uu\} \Rightarrow \langle gar \rangle \& \langle =xə \rangle \& \langle =uu \rangle \Rightarrow |garəxuu| \Rightarrow |garəx\bar{u}| = gax \text{ уу}$ 'выйдет ли?' (от *gax* 'придёт').

Примеры из сферы реляционного формообразования.

А. Спряжение.

А1. Формы перед показателем вопросительности.

$urəx_{PraesSentInterrog} \Rightarrow \{irə\} \& 'Praes' \& 'SentInterrog' \Rightarrow \{irə\} \& \{=nə\} \& \{=uu\} \Rightarrow \langle irə \rangle \& \langle =nə \rangle \& \langle =uu \rangle \Rightarrow |irənuu| \Rightarrow |irən\bar{u}| = urnə \text{ үү}$ 'придёт ли?' (от *urnə* 'придёт').

$yvax_{AorSentInterrog} \Rightarrow \{jabə\} \& 'Aor' \& 'SentInterrog' \Rightarrow \{jabə\} \& \{=bə\} \& \{=uu\} \Rightarrow \langle jabə \rangle \& \langle =bə \rangle \& \langle =uu \rangle \Rightarrow |jabəbuu| \Rightarrow |jabəb\bar{u}| = yvav \text{ уу}$ 'пошёл ли?' от (*yvav* 'пошёл').

Если бы монгольская орфография в данном пункте была последовательно ориентирована на морфофонематический принцип, то мы бы получили на письме формы типа **gaxaxa уу*, **yvava уу*.

А2. Формы перед показателем восклицательности.

$bolox_{PraesSentEmph} \Rightarrow \{bəl\} \& 'Praes' \& 'SentEmph' \Rightarrow \{bəl\} \& \{=nə\} \& \{=əə\} \Rightarrow \langle bəl \rangle \& \langle =nə \rangle \& \langle =əə \rangle \Rightarrow |bələnəə| \Rightarrow |bələn\bar{ə}| = bolnoo$ 'конечно, можно!' (от *bolno* 'можно').

$yvax_{InfSentEmph} \Rightarrow \{jabə\} \& 'Inf' \& 'SentEmph' \Rightarrow \{jabə\} \& \{-xə\} \& \{=əə\} \Rightarrow \langle jabə \rangle \& \langle -xə \rangle \& \langle =əə \rangle \Rightarrow |jabəxəə| \Rightarrow |jabəx\bar{ə}| = yvax \text{ aa}$ 'конечно, пойдёт' (от *yvax* 'пойти').

Если бы монгольская орфография в данном пункте была последовательно ориентирована на морфофонематический принцип, то мы бы получили на письме формы типа **bolno oo*, **yvaxa aa*.

Б. Склонение.

После открытых финалей, следующих за согласными *д, м, р, с*, данное чередование на письме не отражается никак.

Формы перед показателем возвратного притяжания $\{=əə\}$.

$\{erə\} \& 'Refl' \Rightarrow \{erə\} \& \{=əə\} \Rightarrow \langle erə \rangle \& \langle =əə \rangle \Rightarrow |erəə| \Rightarrow |er\bar{ə}| = ərəэ$ 'своего мужа' (от *ər* 'мужчина; муж').

Формы перед падежными показателями.

Формы перед показателем аблатива $\{=əəs\}$.

$\{adə\} \& 'Abl' \Rightarrow \{adə\} \& \{=əəs\} \Rightarrow \langle adə \rangle \& \langle =əəs \rangle \Rightarrow |adəəs| \Rightarrow |ad\bar{ə}| = адаас$ 'от демона' (от *ad* 'демон').

$\{badmə\} \& 'Abl' \Rightarrow \{badmə\} \& \{=əəs\} \Rightarrow \langle badmə \rangle \& \langle =əəs \rangle \Rightarrow |badməəs| \Rightarrow |badm\bar{ə}| = бадмаас$ 'от лотоса' (от *badma* 'лотос').

$ar_{Abl} \Rightarrow \{arə\} \& 'Abl' \Rightarrow \{arə\} \& \{=əəs\} \Rightarrow \langle arə \rangle \& \langle =əəs \rangle \Rightarrow |arəəs| \Rightarrow |ar\bar{ə}| = араас$ 'сзади; с Севера' (от *ar* 'спина, зад; задняя сторона; Север; поверхность, рельеф').

Формы перед показателем инструменталиса {=ær}.

$xad_{Instr} \Rightarrow \{xadə\} \& \text{'Instr'} \Rightarrow \{xadə\} \& \{=ær\} \Rightarrow \langle xadə \rangle \& \langle =ær \rangle \Rightarrow |xadəər| \Rightarrow \backslash xadār \backslash = xadaar$ 'скалой, утёсом' (от *xad* 'скала, утёс').

$am(an)_{Instr} \Rightarrow \{amə\} \& \text{'Instr'} \Rightarrow \{amə\} \& \{=ær\} \Rightarrow \langle amə \rangle \& \langle =ær \rangle \Rightarrow |aməər| \Rightarrow \backslash amār \backslash = amaar$ 'ртом' (от *am* 'рот, уста, морда, пасть; слова, высказывание; семья, домашнее хозяйство; отверстие, горлышко').

После открытых финалей, следующих за согласными *г* и *н*, это чередование отражается в орфографии.

Формы перед показателем возвратного притяжания {=əə}.

$ajga(n)_{NomRef} \Rightarrow \{ajgəgə\} \& \text{'Ref1'} \Rightarrow \{ajgəgə\} \& \{=əə\} \Rightarrow \langle ajgəgə \rangle \& \langle =əə \rangle \Rightarrow |ajgəgəə| \Rightarrow \backslash ajgəgā \backslash = ajгаа$ 'свою чашку' (от *ajga(n)* 'чашка').

Формы перед показателем аблатива {=əəs}.

$arga_{Abl} \Rightarrow \{ajgəgə\} \& \text{'Abl'} \Rightarrow \{ajgəgə\} \& \{=əəs\} \Rightarrow \langle ajgəgə \rangle \& \langle =əəs \rangle \Rightarrow |ajgəgəəs| \Rightarrow \backslash ajgəgās \backslash = argaас$ 'от средства' (от *arga* 'средство').

Формы перед показателем инструменталиса {=ær}.

$alaga(n)_{Instr} \Rightarrow \{aləgə\} \& \text{'Instr'} \Rightarrow \{aləgə\} \& \{=ær\} \Rightarrow \langle aləgə \rangle \& \langle =ær \rangle \Rightarrow |aləgəər| \Rightarrow \backslash aləgār \backslash = alagaар$ 'ладонью' (от *alaga(n)* 'ладонь').

После открытых финалей, следующих за согласной *(b)* (на письме *б*, *в*), это чередование в некоторых случаях отражается в орфографии (после *б*), а в некоторых других случаях не отражается (после *в*).

Формы перед показателем возвратного притяжания {=əə}.

$aav_{NomRef} \Rightarrow \{aəbə\} \& \text{'Ref1'} \Rightarrow \{aəbə\} \& \{=əə\} \Rightarrow \langle aəbə \rangle \& \langle =əə \rangle \Rightarrow |aəbəə| \Rightarrow \backslash ābā \backslash = aavaа$ 'своего отца' (от *aav* 'отец').

Формы перед показателем инструменталиса {=ær}.

$alba_{Instr} \Rightarrow \{albə\} \& \text{'Instr'} \Rightarrow \{albə\} \& \{=ær\} \Rightarrow \langle albə \rangle \& \langle =ær \rangle \Rightarrow |albəər| \Rightarrow \backslash albār \backslash = albaар$ 'повинностью, данью, службой' (от *alba* 'повинность, дань, служба').

Указанное чередование приводит к омофонии морфемы *(ə)* с нулём. Это является потенциальным источником омофонии целых словоформ и, соответственно, проявлением частичной омофонии соответствующих лексем. Эта омофония отражается на письме как омография (а если бы монгольская орфография в данном пункте ориентировалась на морфофонематический принцип, то это бы привело бы к появлению графических трифтонгов: мы бы получили формы типа **хаанааас*, **тосооо*, **хадааар*, **эрээр*). Такая омофония является зримым доказательством наличия морфемы *(ə)* в финали слов типа некоторых локативных наречий (впрочем, на письме дистинктивная функция данной редуцированной морфемы сохраняется). Например:

$xaan_{Abl} \Rightarrow \{xaən\} \& \text{'Abl'} \Rightarrow \{xaən\} \& \{=əəs\} \Rightarrow \langle xaən \rangle \& \langle =əəs \rangle \Rightarrow |xaənəəs| \Rightarrow \backslash xānās \backslash = xaanaас$ 'от хана' (от *xaan* 'хан').

$хаана_{Abl} \Rightarrow \{хаэ\} \& \{-нэ\} \& 'Abl' \Rightarrow \{хаэн\} \& \{-нэ\} \& \{=ээс\} \Rightarrow \langle хаэ \rangle \& \langle -нэ \rangle \& \langle =ээс \rangle \Rightarrow |хаэнээс| \Rightarrow \backslash хāнāс \backslash = хаанаас$ 'откуда' (от *хаана* 'где, куда').

Однако омофония конвергентного характера имеет место и тогда, когда в орфографии неомофонических пар словоформ дистриктивная функция редуцированной морфемы не отражена, что приводит к их омографии. Если бы монгольская орфография в данном пункте была последовательно ориентирована на фонематический (в смысле Щербы; он же фонетический в смысле МФШ) принцип⁷⁰, то омография такого типа не должна была бы существовать: мы бы получили графическое различие типа *бар* (существительное) vs. **бара!* (императив глагола), **мосо* (существительное) vs. *мос!* (императив глагола), **муса* (существительное) vs. *мус!* (императив глагола). Омография такого типа (не сопровождаемая омофонией⁷¹) представлена, например, в парах словоформ (принадлежащих к типу «номинатив существительного — императив глагола»):

$бар_{Nom} \Rightarrow \{барэ\} \& 'Nom' \Rightarrow \{барэ\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle барэ \rangle \Rightarrow |барэ| \Rightarrow \backslash барэ \backslash = бар$ 'тигр'.

$барах_{Imp} \Rightarrow \{бар-}\ \& 'Imp' \Rightarrow \{бар-}\ \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle бар- \rangle \Rightarrow |бар| \Rightarrow \backslash бар \backslash = бар!$ 'исчерпай' (от *барах* 'исчерпать').

$мос(он)_{Nom} \Rightarrow \{тсэ\} \& 'Nom' \Rightarrow \{тсэ\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle тсэ \rangle \Rightarrow |тсэ| \Rightarrow \backslash тсэ \backslash = тос$ 'жир, масло' (от *мос(он)* 'жир, масло').

$мосох_{Imp} \Rightarrow \{тс-}\ \& 'Imp' \Rightarrow \{тс-}\ \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle тс- \rangle \Rightarrow |тс| \Rightarrow \backslash тс \backslash = тос$ 'лови, хватай, обнимай, встречай, подстерегай, принимай в руки, подхватывай, подстерегай' (от *мосох* 'ловить, хватать, обнимать, встречать, подстерегать, принимать в руки, подхватывать, подстерегать').

$мус_{Nom} \Rightarrow \{тсэ\} \& 'Nom' \Rightarrow \{тсэ\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle тсэ \rangle \Rightarrow |тсэ| \Rightarrow \backslash тсэ \backslash = мус$ 'польза, помощь, услуга'.

$мусах_{Imp} \Rightarrow \{тс-}\ \& 'Imp' \Rightarrow \{тс-}\ \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle тс- \rangle \Rightarrow |тс| \Rightarrow \backslash тс \backslash = мус!$ 'попадай, падай, отражайся' (от *мусах* 'попадать, падать, отражаться').

Но в других омографических парах словоформ имеет место истинная омофония как следствие морфофонематической конвергенции. Если бы монгольская орфография была последовательно ориентирована на фонематический (в смысле Щербы; он же фонетический в смысле МФШ) принцип, то только эта омофония и должна была бы вести к омографии. Ср.:

⁷⁰ Здесь надо сделать важную оговорку: имеется в виду применение орфографии к тому же самому территориальному и социальному диалекту, что и фонематический анализ.

⁷¹ По крайней мере в полном произносительном стиле.

$бар_{NomRef} \Rightarrow \{bar\} \& \text{'NomRef'} \Rightarrow \{bar\} \& \{=\ae\} \Rightarrow \langle bar \rangle \& \langle =\ae \rangle \Rightarrow |bar\ae| \Rightarrow \backslash bar\bar{a} \backslash = \text{бараа}$ 'своего тигра' (от $бар$ 'тигр').

$барах_{PartImperf} \Rightarrow \{bar-\} \& \text{'PartImperf'} \Rightarrow \{bar-\} \& \{=\ae\} \Rightarrow \langle bar-\rangle \& \langle =\ae \rangle \Rightarrow |bar\ae| \Rightarrow \backslash bar\bar{a} \backslash = \text{бараа}$ 'начавший исчерпывать' (от $барах$ 'исчерпать').

$мос(он)_{NomRef} \Rightarrow \{t\os\} \& \text{'Nom'} \& \text{'Ref'} \Rightarrow \{t\os\} \& \{\emptyset\} \& \{=\ae\} \Rightarrow \langle t\os \rangle \& \langle =\ae \rangle \Rightarrow |t\os\ae| \Rightarrow \backslash t\os\bar{o} \backslash = \text{мосоо}$ 'свой жир, своё масло' (от $мос(он)$ 'жир, масло').

$мосох_{PartImperf} \Rightarrow \{t\os-\} \& \text{'PartImperf'} \Rightarrow \{t\os-\} \& \{=\ae\} \Rightarrow \langle t\os-\rangle \& \langle =\ae \rangle \Rightarrow |t\os\ae| \Rightarrow \backslash t\os\bar{o} \backslash = \text{мосоо}$ 'начавший ловить, хватать, обнимать, встречать, подстерегать, принимать в руки, подхватывать, подстерегать' (от $мосох$ 'ловить, хватать, обнимать, встречать, подстерегать, принимать в руки, подхватывать, подстерегать').

$мус_{NomRef} \Rightarrow \{t\os\} \& \text{'Nom'} \& \text{'Ref'} \Rightarrow \{t\os\} \& \{\emptyset\} \& \{=\ae\} \Rightarrow \langle t\os \rangle \& \langle =\ae \rangle \Rightarrow |t\os\ae| \Rightarrow \backslash t\os\bar{a} \backslash = \text{мусаа}$ 'свою пользу, свою помощь, свою услугу' (от $мус$ 'польза, помощь, услуга').

$мусах_{PartImperf} \Rightarrow \{t\os-\} \& \text{'PartImperf'} \Rightarrow \{t\os-\} \& \{=\ae\} \Rightarrow \langle t\os-\rangle \& \langle =\ae \rangle \Rightarrow |t\os\ae| \Rightarrow \backslash t\os\bar{a} \backslash = \text{мусаа}$ 'начавший попадать, падать, отражаться' (от $мусах$ 'попадать, падать, отражаться').

Морфофонемное-3 (морфофонематическая элизия)

После $\langle e \rangle : \langle \ae \rangle \Rightarrow |\emptyset|$.

В фонологических терминах данное правило может быть сформулировано как отсутствие в монгольском трифтонга $|e\ae|$.

Из формулировки правила очевидно, что данное чередование может происходить лишь с односложными корнями, имеющими открытую (вокалическую) финаль, вокалическим ядром которых является морфонема $\langle e \rangle$. Таких корней немного — всего два. Их можно перечислить списком: $\langle ge-\rangle$ 'сказать' и $\langle e-\rangle$ 'этот'. Первый из этих корней может сочетаться с разнообразными конъюгационными формантами (второй употребляется лишь в местоименных словоформах). На основании этих сочетаний и выведено данное правило.

Если бы монгольская орфография в данном пункте ориентировалась на морфофонематический принцип, то это бы привело к появлению графических трифтонгов: мы бы получили формы типа $*гэээд$, $*гэээрэй$, $*гэээч$, $*гэээсэй$.

Пример из реляционного формообразования.

Деепричастный формант $\{=\ae\}$ 'антегрессив' ('следование'):

$гэх_{ConvAnte} \Rightarrow \{ge\} \& \text{'ConvAnte'} \Rightarrow \{ge\} \& \{=\ae\} \Rightarrow \langle ge \rangle \& \langle =\ae \rangle \Rightarrow |ge\ae| \Rightarrow \backslash g\bar{e}d \backslash = \text{гээд}$ 'сказавши' (от $гэх$ 'сказать').

Модальный формант {=əəgəi!} 'прескриптив' ('предписание'):

$гэх_{PraedPrescr} \Rightarrow \{ge\} \& \text{'PraedPrescr'} \Rightarrow \{ge\} \& \{=əəgəi!\} \Rightarrow \langle ge \rangle \& \langle =əəgəi! \rangle \Rightarrow |geəgəi!| \Rightarrow |gēgəe!\} = гээрэй!$ 'приказываю сказать, скажи' (от *гэх* 'сказать').

Модальный формант {=əəci} 'прекатив' ('предписание'):

$гэх_{PraedPrec} \Rightarrow \{ge\} \& \text{'PraedPrec'} \Rightarrow \{ge\} \& \{=əəci\} \Rightarrow \langle ge \rangle \& \langle =əəci \rangle \Rightarrow |geəci| \Rightarrow |gēci\} = гээч!$ 'умоляю сказать, скажи' (от *гэх* 'сказать').

$гэх_{Sper} \Rightarrow \{ge\} \& \text{'PraeSper'} \Rightarrow \{ge\} \& \{=əəsəi!\} \Rightarrow \langle ge \rangle \& \langle =əəsəi! \rangle \Rightarrow |geəsəi!| \Rightarrow |gēsəe!\} = гээсэй!$ 'пусть скажет' (от *гэх* 'сказать').

Морфофонематическое устранение кластеров

Морфофонемное-4 (морфофонематическая вокалическая эпентеза паразитического редуцированного гласного)

4а. В некоторых условиях (пока что не вполне ясно, в каких) консонантные кластеры разрежаются путём вставки паразитической гласной фонемы |ə|.

Более точная формулировка:

4б. После основ с консонантным исходом перед неслоговыми формантами, состоящими из одной согласной, вставляется паразитическая гласная фонема |ə|.

К числу таких формантов относятся, например, форманты $\langle =g \rangle$ 'оптатив' и $\langle =N \rangle$ 'показатель деепричастия образа действия // модификативного таксиса // слитности'.

Ср.: |garəg| 'пусть выйдет', |bəsəN| 'вставая'.

Пример:

$гарах_{Concess} \Rightarrow \{gar-\} \& \text{'Concess'} \Rightarrow \{gar-\} \& \{=g\} \Rightarrow \langle gar-\rangle \& \langle =g \rangle \Rightarrow |garəg| \Rightarrow |garəg\} = гараг$ 'пусть выйдет' (от *гарах* 'выйти').

$босоx_{ConvModif} \Rightarrow \{bəs-\} \& \text{'Modif'} \Rightarrow \{bəs-\} \& \{=N\} \Rightarrow \langle bəs-\rangle \& \langle =N \rangle \Rightarrow |bəsəN| \Rightarrow |bəsəŋ\} = босон$ 'вставая' (от *босоx* 'встать').

Зримым доказательством содержательной реальности данного правила являются создаваемые данным чередованием омофонические пары. Если бы монгольская орфография в данном пункте ориентировалась на морфофонематический принцип, то это бы привело к графическому различению омофонов: мы бы получили формы типа *мосон* ('масляный, жировой'), но **мосн* ('встречая, лоя, принимая в объятия, подставляя руку, подхватывая, подстерегая'). Ср.:

$мос_{Attr} \Rightarrow \{təsə\} \& \text{'Attr'} \Rightarrow \{təsə\} \& \{=n\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle təsə \rangle \& \langle =n \rangle \Rightarrow |təsəN| \Rightarrow |təsəŋ\} = мосон$ 'масляный, жировой' (от *мос(он)* 'масло, жир').

$мосоx_{ConvModif} \Rightarrow \{təs-\} \& \text{'ConvModif'} \Rightarrow \{təs-\} \& \{=N\} \Rightarrow \langle təs-\rangle \& \langle =N \rangle \Rightarrow |təsəN| \Rightarrow |təsəŋ\} = мосон$ 'встречая, лоя, принимая в объятия,

подставляя руку, подхватывая, подстерегая' (от *тосох* 'встречать, ловить, принимать в объятия, подставлять руку, подхватывать, подстерегать').

4в. После основ с консонантным исходом перед слоговыми формантами, начинающимися на консонантное сочетание, вставляется паразитическая гласная фонема |ə|.

После основ с консонантным исходом (таких, как ⟨gar-⟩ 'выходить', ⟨ab-⟩ 'брать', ⟨bəs-⟩ 'вставать', ⟨əg-⟩ 'давать') перед слоговыми формантами, начинающимися на консонантное сочетание (такими, как ⟨=gtuN⟩ 'бenedиктив', ⟨=mзə⟩ 'потенциалис', ⟨=gɕi⟩ 'имя деятеля' (обязательно вставляется паразитическая гласная |ə|).

avaх^{Benedict} ⇒ {ab-} & 'Benedict' ⇒ {ab-} & {=gtuN} ⇒ ⟨ab-⟩ & ⟨=gtuN⟩ ⇒ |abəgtuN| ⇒ |abəgtuŋ| = *avaгтуŋ* 'соизвольте взять' (от *avaх* 'взять').

əgəх^{Potent} ⇒ {əg-} & 'Potent' ⇒ {əg-} & {=mзə} ⇒ ⟨əg-⟩ & ⟨=mзə⟩ ⇒ |əgəmзə| ⇒ |əgəmзə| = *əgəmз* 'может быть, даст' (от *əgəх* 'дать').

сурах^{PartSubj} ⇒ {sʷr-} & 'PartSubj' ⇒ {sʷr-} & {-gɕi} ⇒ ⟨sʷr-⟩ & ⟨-gɕi⟩ ⇒ |sʷrəgɕi| ⇒ |sʷrəgɕi| = *сурагч* 'учащийся' (от *сурах* 'учиться').

Морфофонемное-5 (морфофонематическая диэреза в консонантных кластерах)⁷²

5а. Перед сонорными (или перед плавными? или просто перед ⟨l⟩?): ⟨n⟩ ⇒ ∅.

Дж. Стрит приводит два примера этого чередования, но оба несколько сомнительны (по крайней мере с точки зрения чисто синхронного анализа).

Примеры можно найти только в словообразовании. Формообразовательных примеров на это чередование нет.

Пример⁷³:

{ɕrən} & 'Prepar' & 'Inf' ⇒ {ɕrən} & {-lə} & {=xə} ⇒ ⟨ɕrən⟩ & ⟨-lə⟩ & ⟨=xə⟩ ⇒ |ɕrələxə| ⇒ |ɕrləx| = *орлох* 'замещать, представлять' (от *орон* 'место, пространство')⁷⁴.

⁷² Это правило примерно соответствует правилу L по Стриту; см. [Street 1963: 27—28].

⁷³ Дж. Стрит в связи с этим разбирает пример пары глаголов, в одном из которых конечное ⟨n⟩ усекается перед словообразовательным суффиксом (*бараалах* 'торчать, вырисовываться, виднеться'), а в другом — сохраняется (*бараантах* 'темнеть; становиться тёмным; виднеться, будучи тёмным'). Однако безоговорочно такую трактовку нельзя принять, так как *бараалах* 'торчать, вырисовываться, виднеться' произведено от *бараа(н)* 'силуэт, контур' (с беглым *н* в основе), а *бараалах* 'темнеть, становиться тёмным, виднеться (о тёмном)' — от *бараан* 'тёмный, смуглый' с устойчивым *н*. Тем самым параллелизм этих словообразовательных пар оказывается сомнительным (по крайней мере если оставаться в рамках синхронного исследования).

56. Перед ⟨x⟩: ⟨n⟩ ⇒ ∅.

Примеры представлены в деривационном формообразовании (дими́нutiveвные прилагательные на {-хән}).

Примеры:

{sain} & 'Dimin' ⇒ {sain} & {-хән} ⇒ ⟨sain⟩ & ⟨-хән⟩ ⇒ |saixәнN| ⇒ |saexән| = *сайхан* 'красивый, [букв.] хорошенький' (от *сайн* 'хороший').

{naruin} & 'Dimin' ⇒ {naruin} & {-хән} ⇒ ⟨naruin⟩ & ⟨-хән⟩ ⇒ |naruixәнN| ⇒ |narixән| = *нарийхан* 'тоненький' (от *нарий* 'тонкий').

{targән} & 'Dimin' ⇒ {targән} & {-хән} ⇒ ⟨targән⟩ & ⟨-хән⟩ ⇒ |targәхәнN| ⇒ |targәхән| = *таргахан* 'толстенький, жирненький' от *тарган* 'толстый, жирный').

{ωlәән} & 'Dimin' ⇒ {ωlәән} & {-хән} ⇒ ⟨ωlәән⟩ & ⟨-хән⟩ ⇒ |ωlәәхәнN| ⇒ |ωlāхән| = *улаахан* 'красненький' (от *улаан* 'красный').

Нет полной уверенности в том, что это чередование носит чисто морфонемный характер. Дело тут не в том, что какие-либо факты противоречат тезису об автоматическом характере этого чередования, а в том, что оно может быть сформулировано как отрицательная морфема (морфологическое усечение), входящая в составной экспонент дими́нutiveва наряду с суффиксом {-хән} 'Dimin' (орф. -хан). Дело в том, что самих суффиксов с инициалью ⟨x⟩ не слишком много, а дериватов от основ с финалью ⟨n⟩ оказывается ещё меньше. Кроме того, неясен и вопрос о том, можно ли трактовать саму финаль ⟨n⟩ исключительно как морфону или это всё-таки нечто типа этимологической морфемы? Во всяком случае, тематическое ⟨n⟩ перед этим суффиксом действительно усекается (а может быть, точнее сказать, не появляется?). Ср.:

{naimә} & {-n-} & 'Dimin' ⇒ {naimә} & {-хән} ⇒ ⟨naimә⟩ & ⟨-хән⟩ ⇒ |naimәхәнN| ⇒ |naemәхән| = *наймхан* 'всего лишь восемь' (от *найм(ан)* 'восемь').

Впрочем, есть и некоторые фактические указания на то, что из этого правила есть исключения. Если их принять во внимание, то придётся само чередование считать безусловно морфемой (т. е. субтрактивной морфемой, входящей в состав составного экспонента дими́нutiveва), а не морфонемным правилом.

Так, Н. Поппе в своей грамматике (1970) приводит ряд дими́нutiveвных форм с сохранением ⟨n⟩ в основе прилагательного⁷⁵ (хо-

⁷⁴ Впрочем, данный пример, взятый из работы [Street 1963: 28], допускает и другую интерпретацию. А именно если базой деривации считать *op* 'заместитель, суррогат', то никакого усечения не будет: {or} & 'Prepar' & 'Inf' ⇒ {or} & {-lә} & {-хә} ⇒ ⟨or⟩ & ⟨-lә⟩ & ⟨-хә⟩ ⇒ |orәlәхә| ⇒ |orlәх| = *орлох* 'замещать, представлять' (от *op* 'заместитель, суррогат').

⁷⁵ [Porre 1970: 97]. Любопытно, что в более раннем варианте грамматики [Porre 1951: 37] дими́нutiveвных форм с сохранением носовой финали не зафиксировано, зато зафиксировано две дими́нutiveвные формы с её усечением: |ωlāхән| и |saixән|.

тя в словарях я не нашёл таких форм; может быть, Поппе просто зафиксировал некоторые диалектизмы?).

Ср.:

{ ω l \ddot{a} en} & 'Dimin' \Rightarrow { ω l \ddot{a} en} & {-x \ddot{a} n} \Rightarrow < ω l \ddot{a} en} & <{-x \ddot{a} n} \Rightarrow | ω l \ddot{a} enx \ddot{a} n| \Rightarrow | ω l \ddot{a} enx \ddot{a} n| = *улаанхан* 'красненький' (от *улаан* 'красный').

Во всяком случае, многие (хотя и не все) из этих форм — числительные тематического склонения. Ср.:

{ \dot{g} orb \ddot{a} } & {-n-} & 'Dimin' \Rightarrow { \dot{g} orb \ddot{a} } & {-n-} & {-x \ddot{a} n} \Rightarrow < \dot{g} orb \ddot{a} } & <{-n-} & <{-x \ddot{a} n} \Rightarrow | \dot{g} orb \ddot{a} n \ddot{a} n| \Rightarrow | \dot{g} orb \ddot{a} n \ddot{a} n| = *гурванхан* 'всего лишь три' (от *гурв(ан)* 'три').

{arb \ddot{a} } & {-n-} & 'Dimin' \Rightarrow {arb \ddot{a} } & {-n-} & {-x \ddot{a} n} \Rightarrow <arb \ddot{a} } & <{-n-} & <{-x \ddot{a} n} \Rightarrow |arb \ddot{a} n \ddot{a} n| \Rightarrow |arb \ddot{a} n \ddot{a} n| = *арванхан* 'всего лишь десять' (от *арв(ан)* 'десять').

Как отмечает Поппе, в языке эпического фольклора (в сказаниях) встречаются диминутивные формы от деепричастия (со значением модификатива, слитности действия⁷⁶). Так, напр., приводится форма:

{e \dot{z} al} & 'Modif' & 'Dimin' \Rightarrow {e \dot{z} al} & {=N} & {-x \ddot{a} n} \Rightarrow <e \dot{z} al} & {=N} & <{-x \ddot{a} n} \Rightarrow |e \dot{z} alN \ddot{a} n| \Rightarrow |e \dot{z} al \ddot{a} n \ddot{a} n| = *эзлэнхэн* 'повелевать_{ModifDimin}' от *эзлэх* 'повелевать' (в составе словосочетания *эзлэнхэн*¹ *төрсөн*² 'рождённый² повелевать_{ModifDimin}¹').

5в. Перед : <n> \Rightarrow \emptyset .

Примеры представлены в деривационном формообразовании (аттенуативные, или смягчительные, прилагательные на {-bt \ddot{a} r}).

Примеры:

{ ω l \ddot{a} en} & 'Atten' \Rightarrow { ω l \ddot{a} en} & {-bt \ddot{a} r} \Rightarrow < ω l \ddot{a} en} & <{-bt \ddot{a} r} \Rightarrow | ω l \ddot{a} ebt \ddot{a} r| \Rightarrow | ω l \ddot{a} ebt \ddot{a} r| = *улаавтар* 'красноватый' (от *улаан* 'красный').

{geg \ddot{a} en} & 'Atten' \Rightarrow {geg \ddot{a} en} & {-bt \ddot{a} r} \Rightarrow <geg \ddot{a} en} & <{-bt \ddot{a} r} \Rightarrow |geg \ddot{a} ebt \ddot{a} r| \Rightarrow |geg \ddot{a} ebt \ddot{a} r| = *гэгээвтэр* 'светловатый' (от *гэгээн* 'светлый').

{ga \dot{s} iuun} & 'Atten' \Rightarrow {ga \dot{s} iuun} & {-bt \ddot{a} r} \Rightarrow <ga \dot{s} iuun} & <{-bt \ddot{a} r} \Rightarrow |ga \dot{s} iuubt \ddot{a} r| \Rightarrow |ga \dot{s} iuubt \ddot{a} r| = *гашуувтар* 'горьковатый' (от *гашуун* 'горький').

{x ω u \ddot{c} in} & 'Atten' \Rightarrow {x ω u \ddot{c} in} & {-bt \ddot{a} r} \Rightarrow <x ω u \ddot{c} in} & <{-bt \ddot{a} r} \Rightarrow |x ω u \ddot{c} ibt \ddot{a} r| \Rightarrow |x ω u \ddot{c} ibt \ddot{a} r| = *хуучивтар* 'староватый' (от *хуучин* 'старый').

{xuit \ddot{a} n} & 'Atten' \Rightarrow {xuit \ddot{a} n} & {-bt \ddot{a} r} \Rightarrow <xuit \ddot{a} n} & <{-bt \ddot{a} r} \Rightarrow |xuit \ddot{a} ebt \ddot{a} r| \Rightarrow |xuet \ddot{a} ebt \ddot{a} r| = *хүйтэвтэр* 'староватый' (от *хүйтэн* 'старый').

В принципе здесь тоже можно видеть морфологическое усечение (субтрактивную морфему, входящую в экспонент показателя аттенуатива).

⁷⁶ Впрочем, в позиции аргумента при некоторых предикатах это значение ослаблено вплоть до полной десемантизации.

С одной стороны, достоинством морфемной трактовки является отражение в ней того факта, что реально описываемое чередование представлено в небольшом числе морфем. С другой стороны, достоинством морфонематической трактовки является то, что она описывает с помощью правила такое явление, которое естественно считать автоматическим.

Морфофонемное-6 (морфонематическая редукция носовых смычных финалей и носовых кластеров на конце слова)

Перед концом акцентного слова (т. е. перед #):

(6а). $\langle n \rangle \Rightarrow |N|$,

(6б). $\langle \eta \rangle \Rightarrow |N|$,

(6в). $\langle Nx \rangle \Rightarrow |N|$.

(6а) Это правило на письме выглядит не как графическое чередование, а как сохранение исходного $\langle n \rangle$ в основе. Если бы монгольская орфография была бы в этом пункте последовательно ориентирована на функционально-позиционный (архифонематический) принцип, то она должна была бы фиксировать в исходе слова особую слабую фонему, не совпадающую ни с $\langle n \rangle$, ни с $\langle \eta \rangle$.

Примеры:

$\text{баруун}_{\text{Nom}} \Rightarrow \{\text{baruun}\} \& \text{'Nom'} \Rightarrow \{\text{baruun}\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle \text{baruun} \rangle \Rightarrow |\text{baruunN}| \Rightarrow \backslash \text{bar}\bar{\omega}\eta \backslash = \text{баруун}$ 'правый; западный_{Nom}'.

$\text{бярман}_{\text{Nom}} \Rightarrow \{\text{biarmən}\} \& \text{'Nom'} \Rightarrow \{\text{biarmən}\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle \text{biarmən} \rangle \Rightarrow |\text{biarmənN}| \Rightarrow \backslash \text{b}\bar{\omega}\text{arm}\bar{\omega}\eta \backslash = \text{бярман}$ 'брахман_{Nom}' (от *бярман* 'брахман').

$\text{ноён}_{\text{Nom}} \Rightarrow \{\text{nojen}\} \& \text{'Nom'} \Rightarrow \{\text{nojen}\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle \text{nojen} \rangle \Rightarrow |\text{nojenN}| \Rightarrow \backslash \text{no}\bar{\omega}\eta \backslash = \text{ноён}$ 'принц_{Nom}' (от *ноён* 'принц').

$\text{хаан}_{\text{Nom}} \Rightarrow \{\text{xään}\} \& \text{'Nom'} \Rightarrow \{\text{xään}\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle \text{xään} \rangle \Rightarrow |\text{xäänN}| \Rightarrow \backslash \text{x}\bar{\alpha}\eta \backslash = \text{хаан}$ 'хан_{Nom}' (от *хаан* 'хан').

Таких словоформ десятки; они отличаются только основами, и чередование будет происходить каждый раз в другой морфеме.

Судя по семантике, слова этого класса тяготеют к некоторому культурно-историческому полю. Некоторые из них, видимо, по происхождению являются тибетизмами. Ср.:

$\text{бунхан}_{\text{Nom}} \Rightarrow \{\text{dɔgən}\} \& \text{'Nom'} \Rightarrow \{\text{dɔgən}\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle \text{dɔgən} \rangle \Rightarrow |\text{dɔgənN}| \Rightarrow \backslash \text{d}\bar{\omega}\text{g}\bar{\omega}\eta \backslash = \text{бунхан}$ 'часовня, гробница, саркофаг'.

$\text{гонхон}_{\text{Nom}} \Rightarrow \{\text{gɔNxən}\} \& \text{'Nom'} \Rightarrow \{\text{gɔNxən}\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle \text{gɔNxən} \rangle \Rightarrow |\text{gɔNxənN}| \Rightarrow \backslash \text{g}\bar{\omega}\eta \text{x}\bar{\omega}\eta \backslash = \text{дацан}$ 'дацан, ламаистский храм_{Nom}'.

$\text{дацан}_{\text{Nom}} \Rightarrow \{\text{dacən}\} \& \text{'Nom'} \Rightarrow \{\text{dacən}\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle \text{dacən} \rangle \Rightarrow |\text{dacənN}| \Rightarrow \backslash \text{d}\bar{\omega}\text{c}\bar{\omega}\eta \backslash = \text{дацан}$ 'дацан, ламаистский храм_{Nom}'.

$\text{дуган}_{\text{Nom}} \Rightarrow \{\text{dɔgən}\} \& \text{'Nom'} \Rightarrow \{\text{dɔgən}\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle \text{dɔgən} \rangle \Rightarrow |\text{dɔgənN}| \Rightarrow \backslash \text{d}\bar{\omega}\text{g}\bar{\omega}\eta \backslash = \text{дуган}$ 'храм, часовня_{Nom}'.

$нoмuн_{Nom} \Rightarrow \{n\acute{o}m\acute{i}n\} \& \text{'Nom'} \Rightarrow \{n\acute{o}m\acute{i}n\} \& \{\emptyset\} \Rightarrow \langle n\acute{o}m\acute{i}n \rangle \Rightarrow |n\acute{o}m\acute{i}n| \Rightarrow \backslash n\acute{o}m\acute{i}n \backslash = нoмuн \text{'крот; лазурит}_{Nom}$.

(66) $\{deŋ\} \& \text{'Nom'} \Rightarrow \{deŋ\} \Rightarrow \langle deŋ \rangle \Rightarrow |deN| \Rightarrow \backslash deŋ \backslash = дэн \text{'лампа}_{Nom}$ (от $дэн(г)$ 'лампа').

Таких словоформ сотни; они отличаются только основами, и чередование будет происходить каждый раз в другой морфеме.

Примеры представлены в словоизменительном формообразовании (номинатив).

Если бы монгольская орфография в данном пункте базировалась, подобно русской, на морфонематическом принципе (он же фонематический в смысле МФШ и морфематический в смысле шербианцев), тогда любые формы номинатива от основ с финалью $n(г)$ писались бы так же, как эта основа пишется перед вокалическими окончаниями, т. е. мы бы получили на письме такие формы номинатива от непроезводимых существительных, как **байшинг* 'здание', **санг* 'казна, хранилище', и такие суффиксальные образования, как **зовлонг* 'страдание, мучение', **хадланг* 'покос, сенокос', а в некоторых словах номинатив оказался бы вариативен: наряду с **жаргалан* 'счастье' (как и есть на письме) был бы зафиксирован номинатив **жаргаланг*, а наряду с **хатан* 'госпожа, княгиня' (как и есть на письме) был бы зафиксирован номинатив **хатанг*. Между тем гипофонема $|ŋ|$ на конце слов типа *бярман* 'брахман', *хаан* 'хан', *ноён* 'князь, господин' должна была бы остаться без изменений, равно как и употребление беглого n в тематических формах существительных тематического склонения.

Морфонематические чередования (6а) и (6б) (конвергенция $\langle n \rangle$ и $\langle ŋ \rangle$) потенциально ведёт к омофонии некоторых пар экспонентов. Приведём примеры таких омофонов.

Данное чередование ведёт к появлению двух классов омофонических пар.

Первый класс омофонических пар создаётся разрешимой конвергенцией двух морфем (или, шире, двух морфонематических отрезков). При разрешимой конвергенции оба члена омофонической пары имеют в своей финали некоторую сильную морфему. Так, в разбираемом случае первый член такой омофонической пары имеет в своей финали сильную морфему $\langle ŋ \rangle$, а второй член — сильную морфему $\langle n \rangle$. В монгольском таких случаев немного, и оба представляют собой результат заимствований.

форма с финальным $-n(г)$	значение формы с финальным $-n(г)$	форма с финальным $-n$	значение формы с финальным $-n$:
<i>гун(г)</i>	'герцог, граф (маньчжурский титул)'	<i>гун</i>	'глубина'

форма с финальным <i>-н(г)</i>	значение формы с финальным <i>-н(г)</i>	форма с финальным <i>-н</i>	значение формы с финальным <i>-н</i> :
<i>Хотон(г)</i>	'хотон (тюркское племя в Западной Монголии), туркестанец'	<i>хотон</i>	'пеликан; (устар.) маяк'
<i>цэн(г)</i>	'цэн, китайская мера веса (ок. 3,73 грамма)'	<i>цэн</i>	'тундренный лебедь'
<i>шандан(г)</i>	'прочная шерстяная ткань'	<i>шандан</i>	'маленький источник' (в форме Attr.)

Разрешимость конвергенции проявляется в том, что оба члена омофонической пары склоняются.

$гун(г)_{Abl} \Rightarrow \{gun\} \& 'Abl' \Rightarrow \{gun\} \& \{=\ae s\} \Rightarrow \langle gun \rangle \& \langle =\ae s \rangle \Rightarrow \langle gun\ae s \rangle \Rightarrow |gun\ae s| \Rightarrow \backslash gun\g\bar{e}s \backslash = гунгээс$ 'от герцога, от графа'.

$гун_{Abl} \Rightarrow \{gun\} \& 'Abl' \Rightarrow \{gun\} \& \{=\ae s\} \Rightarrow \langle gun \rangle \& \langle =\ae s \rangle \Rightarrow \langle gun\ae s \rangle \Rightarrow |gun\ae s| \Rightarrow \backslash gun\bar{e}s \backslash = гунээс$ 'из глубины'.

$гун(г)_{Instr} \Rightarrow \{gun\} \& 'Instr' \Rightarrow \{gun\} \& \{=\ae r\} \Rightarrow \langle gun \rangle \& \langle =\ae r \rangle \Rightarrow \langle gun\ae r \rangle \Rightarrow |gun\ae r| \Rightarrow \backslash gun\g\bar{e}r \backslash = гунгээр$ 'герцогом, графом'.

$гун_{Instr} \Rightarrow \{gun\} \& 'Instr' \Rightarrow \{gun\} \& \{=\ae r\} \Rightarrow \langle gun \rangle \& \langle =\ae r \rangle \Rightarrow \langle gun\ae r \rangle \Rightarrow |gun\ae r| \Rightarrow \backslash gun\bar{e}r \backslash = гунээр$ 'глубиной'.

$цэн(г)_{Abl} \Rightarrow \{cen\} \& 'Abl' \Rightarrow \{cen\} \& \{=\ae s\} \Rightarrow \langle cen \rangle \& \langle =\ae s \rangle \Rightarrow \langle cen\ae s \rangle \Rightarrow |cen\ae s| \Rightarrow \backslash cen\g\bar{e}s \backslash = цэнгээс$ 'от цэна'.

$цэн_{Abl} \Rightarrow \{cen\} \& 'Abl' \Rightarrow \{cen\} \& \{=\ae s\} \Rightarrow \langle cen \rangle \& \langle =\ae s \rangle \Rightarrow \langle cen\ae s \rangle \Rightarrow |cen\ae s| \Rightarrow \backslash cen\bar{e}s \backslash = цэнээс$ 'от тундренного лебедя'.

$цэн(г)_{Instr} \Rightarrow \{cen\} \& 'Instr' \Rightarrow \{cen\} \& \{=\ae r\} \Rightarrow \langle cen \rangle \& \langle =\ae r \rangle \Rightarrow \langle cen\ae r \rangle \Rightarrow |cen\ae r| \Rightarrow \backslash cen\g\bar{e}r \backslash = цэнгээр$ 'цэном'.

$цэн_{Instr} \Rightarrow \{cen\} \& 'Instr' \Rightarrow \{cen\} \& \{=\ae r\} \Rightarrow \langle cen \rangle \& \langle =\ae r \rangle \Rightarrow \langle cen\ae r \rangle \Rightarrow |cen\ae r| \Rightarrow \backslash cen\bar{e}r \backslash = цэнээр$ 'тундренным лебедем'.

Позиция перед (t) (а именно такова позиция перед комитативным показателем $\langle =t\ae l \rangle$) тоже является сигнификативно сильной для противопоставления указанных морфем. Поэтому они в ней реализуются разными звуками. Если бы монгольская орфография была бы последовательно ориентирована на фонематический (в смысле Щербы) принцип, то на письме мы бы имели **гунгтэй* 'с герцогом, имея герцога, с графом, имея графа'; **цэнгтэй* 'с цэном, имея цэн'.

$гун(г)_{Com} \Rightarrow \{gun\} \& 'Com' \Rightarrow \{gun\} \& \{=t\ae l\} \Rightarrow \langle gun \rangle \& \langle =t\ae l \rangle \Rightarrow \langle gun\g\bar{t}\ae l \rangle \Rightarrow |gun\g\bar{t}\ae l| \Rightarrow \backslash gun\g\bar{t}\bar{e} \backslash = гунгтэй$ 'с герцогом, имея герцога, с графом, имея графа'.

$гун_{Com} \Rightarrow \{gun\} \& 'Com' \Rightarrow \{gun\} \& \{=t\ae l\} \Rightarrow \langle gun \rangle \& \langle =t\ae l \rangle \Rightarrow \langle gunt\ae l \rangle \Rightarrow |gunt\ae l| \Rightarrow \backslash gunt\bar{e} \backslash = гунтэй$ 'с глубиной, имея глубину'.

$цэн(г)_{Com} \Rightarrow \{cen\} \& 'Com' \Rightarrow \{cen\} \& \{=t\ae l\} \Rightarrow \langle cen \rangle \& \langle =t\ae l \rangle \Rightarrow \langle cen\g\bar{t}\ae l \rangle \Rightarrow |cen\g\bar{t}\ae l| \Rightarrow \backslash cen\g\bar{t}\bar{e} \backslash = цэнгтэй$ 'с цэном, имея цэн'.

$\text{цэн}_{\text{Com}} \Rightarrow \{ \text{ceŋ} \} \& \text{'Com'} \Rightarrow \{ \text{ceŋ} \} \& \{ =\text{təi} \} \Rightarrow \langle \text{ceŋ} \rangle \& \langle =\text{təi} \rangle \Rightarrow \langle \text{centəi} \rangle \Rightarrow \langle \text{centəi} \rangle \Rightarrow \langle \text{centē} \rangle = \text{цэнтэй}$ 'с тундренным лебедем, имея тундренного лебедя'.

При полуразрешимой конвергенции двух морфем (или, шире, двух морфонематических отрезков) ситуация несколько иная: один из членов омофонической пары имеет в своей финали слабую морфему (= гиперфемему в смысле МФШ)⁷⁷. Именно к этому классу случаев, на мой взгляд, применим термин морфонема-тическая нейтрализация. Например, в разбираемом случае первый член такой омофонической пары имеет в своей финали слабую морфему ⟨N⟩, а второй член — сильную морфему ⟨n⟩. В монгольском таких случаев значительно больше, чем случаев разрешимой конвергенции.

К полуразрешимой конвергенции относятся: (а) все случаи, когда словоформа слитного деепричастия (с финалью ⟨N⟩) омофонична некоторой склоняемой словоформе с финалью ⟨ŋ⟩. Например:

форма с финальным	значение формы с финальным	форма с финальным	значение формы (Conv Modif')	V	словарное значение
⟨ŋ⟩ = -н(г)	нальным -н(г)	⟨N⟩ = -н	модификатив от:		
<i>бодон(г)</i>	'дикий кабан'	<i>бодон</i>	'думая'	<i>бодох</i>	'думать'
<i>борлон(г)</i>	'двухлетняя коза'	<i>борлон</i>	'серая, буряя'; 'распродаваясь, реализуясь'	<i>борлох</i>	'буреть, сереть; распродаваться, реализоваться'
<i>бөхөн(г)</i>	'антилопа-сайга, сайгак'	<i>бөхөн</i>	'погасая'	<i>бөхөх</i>	'гаснуть'
<i>будан(г)</i>	'дымка, мгла, лёгкий туман'	<i>будан</i>	'рисую, крася'	<i>будах</i>	'рисовать, красить'
<i>буран(г)</i>	'красная рысь'	<i>буран</i>	'пенясь; пустословя'	<i>бурах</i>	'пениться; пустословить'
<i>гоожин(г)</i>	'пошлина (разрешение) на рубку леса'	<i>гоожин</i>	'вытекающая, выливаясь; сыпаясь'	<i>гоожих</i>	'течь, литься; сыпаться'
<i>гуншин(г)</i>	'почётный титул'	<i>гунших</i>	'гнусая'	<i>гунших</i>	'гнусавить'
<i>дурдан(г)</i>	'креп; шёлк'	<i>дурдан</i>	'упоминая, называя'	<i>дурдах</i>	'упомянуть, называть'
<i>дэлэн(г)</i>	'вымя, молочные железы'	<i>дэлэн</i>	'махая'	<i>дэлэх</i>	'махать?'
<i>манан(г)</i>	'туман'	<i>манан</i>	'охраняя'	<i>манах</i>	'стеречь, охранять'

⁷⁷ О понятии гиперфемемы см. ниже в специальном приложении, посвящённом истории этого понятия.

форма с фи- нальным <η> = -н(г)	значение формы с фи- нальным -н(г)	форма с фи- нальным <N> = -н	значение формы (“Conv Modif”) модификатив от:	V	словарное значение
<i>саван(г)</i>	‘мыло’	<i>саван</i>	‘стегая, хлопая, ударяя’	<i>савах</i>	‘стегать, бить, хлопать, ударять’
<i>тийрэн(г)</i>	‘демон, злой дух’	<i>тийрэн</i>	‘лягая; отдавая в плечо’	<i>тийрэх</i>	‘лягать; (о ружье): отдавать в плечо’
<i>хивэн(г)</i>	‘моль’	<i>хивэн</i>	‘пережёвывая’	<i>хивэх</i>	‘пережёвывать’
<i>шандан(г)</i>	‘прочная шер- стяная ткань’	<i>шандан</i>	‘коптя’	<i>шандах</i>	‘коптить’

Некоторые субстантивные формы образованы от тех же корней, что и соответствующие глаголы, с помощью тех или иных (скорее всего, непродуктивных) суффиксов. Так, в ряде случаев в их структуре можно выделить непродуктивный суффикс {-η} с трудно определимым значением отглагольного существительного:

форма с фи- нальным (η) = -н(г)	значение формы с фи- нальным -н(г)	форма с фи- нальным <N> = -н	значение формы (“Conv Modif”) модификатив от:	V	словарное значение
<i>будан(г)</i>	‘дымка, мгла, лёгкий ту- ман’ ⁷⁸	<i>будан</i>	‘рисуя, крася’	<i>будах</i>	‘рисовать, красить’
<i>салбан(г)</i> ⁷⁹	‘оборка (у платья, рукава); болтающийся лист (дерева)’	<i>салбан</i>	‘пропалывая’	<i>салбах</i>	‘полоть’
<i>энхжин(г)</i> ⁸⁰	‘рай’	<i>энхжин</i>	‘воцарясь’	<i>энхжих</i>	‘воцаряться (о мире и спокойствии)’
<i>ээдэн(г)</i>	‘кисель, каша, клейстер’	<i>ээдэн</i>	‘прокисая, свёртываясь’	<i>ээдэх</i>	‘киснуть, кваситься, свёртываться’

А иногда в составе основы виднеется нечто типа непродуктивного суффикса {-лаη} тоже со значением отглагольного существительного (выше этот суффикс был перечислен в разделе о суффиксах отыменных глаголов). Омофония с глагольной словоформой модификатива возникает за счёт того, что:

⁷⁸ Семантическая связь под вопросом. Однако ср. ассоциацию — «контур, разводы, мазок».

⁷⁹ Семантическая связь под вопросом.

⁸⁰ Данная пара с очевидностью этимологически связана.

форма с фи- нальным ⟨η⟩ = -н(г)	значение формы с фи- нальным -н(г)	форма с фи- нальным ⟨N⟩ = -н	значение формы (‘Conv Modif’) модификатив от:	V	словарное значение
<i>гаслан(г)</i>	‘горе, скорбь, бедствие, несчастье’	<i>гаслан</i>	‘оплакивая, печалась, скорбя, горяя’	<i>гаслах</i>	‘оплакивать, печалиться, скорбеть, горевать’
<i>тариалан(г)</i>	‘земледелие; пашня; поле; нива’	<i>тариалан</i>	‘сея, засевая, сажая; делая укол, инъекцию’	<i>тари- лах</i>	‘сеять, засевать, сажать; делать укол, инъекцию’
<i>хурээлэн(г)</i>	‘двор, сад, заповедник’	<i>хурээлэн</i>	‘окружая, обводя, окаймляя’	<i>хурээлэх</i>	‘окружать, обводить, окаймлять’

Ряд словоформ номинатива существительных на ⟨η⟩ омофоничен несклоняемым словам (междометиям, частицам, наречиям), экспонент которых оканчивается финалью ⟨N⟩. Многие такие примеры односложны. Это также полуразрешимая конвергенция:

<i>тан(г)</i>	‘отвар из лекарственных трав’	<i>тан</i>	(звукоподражание) ‘дин-дон!; пиф-паф!; бум!’
<i>тун(г)</i>	‘доза’	<i>тун</i>	(звукоподражание) ‘дин-дон!; бум!’
<i>шалан(г)</i>	‘шляя; подгрудок’	<i>шалан</i> (~ <i>палан гэх</i>)	(элемент двандва- композиата) ‘мямлить’
<i>эн(г)</i>	‘ширина; длина; протяжённость’	<i>эн</i>	‘очень, исключительно, весьма, полностью’

К ним примыкает несколько случаев омофонии существительного и прилагательного:

<i>тувшин(г)</i>	‘уровень, состояние, (в навигации): уровень моря, уровень воды’	<i>тувшин</i> ⁸¹	‘прямой, ровный, гладкий, тихий, спокойный, уравновешенный’
<i>хоовон(г)</i>	‘жаровня, плитка’	<i>хоовон</i>	‘конический, кеглевидный’

⁸¹ Следует признать, что по причинам очевидной словообразовательной связи между этими двумя примерами вполне обоснованно усматривать здесь одну и ту же морфему, а потому фиксировать в финали прилагательного не слабую, а сильную морфему. В словарях Фитце и Лувсандэндэва такие формы подаются как омонимы.

(6в) {mal} & 'Gen' ⇒ {mal} & {=uiNx} ⇒ ⟨mal⟩ & ⟨=uiNx⟩ ⇒ ⟨maluiNx⟩ ⇒ |maluiN| ⇒ \malij\ = малын 'скота'. Таких словоформ сотни; но во всех таких примерах чередование будет затрагивать одну и ту же морфему — а именно экспонент генитива.

Поэтому в каком-то смысле данное чередование уникально (представлено в единственной морфеме).

По поводу примера на (6в) встаёт законный вопрос о том, имеет ли оно морфонологическую или морфологическую природу. В пользу признания данного чередования морфологическим говорит тот факт, что оно затрагивает лишь одну морфему (показатель генитива). Вместе с тем в пользу признания этого чередования морфонематическим говорит тот факт, что оно автоматически.

Парадоксальность ситуации в том, что исходный альтернант данной алломорфемы имеет во много раз меньшую употребительность, нежели производные альтернанты. Однако если мы хотим стремиться к тому, чтобы всякое чередование, способное быть представимым как автоматическое, реально описывать в качестве автоматического, то с такой парадоксальной ситуацией надо будет считаться.

С другой стороны, морфонеми ⟨x⟩ можно трактовать как особую морфему-прокладку, вставляемую в словоформу после флексии генитива перед вокалической инициальной последующего маркёра рефлексивной притяжательности. Такое (лексограммемное) решение позволило бы адекватно отразить тот факт, что фонема ⟨x⟩ вставляется только в возвратно-притяжательных формах и, таким образом, фактически служит одной из морфологических примет этих форм. О возможности такой трактовки см. выше, в разделе «Лексограммемная трансформаторика флексий».

Тот факт, что в настоящей работе предложен избыточный набор трактовок данного чередования, вовсе не означает, что такое дублирование информации произошло по недосмотру автора. Просто автор не видит убедительных аргументов в пользу предпочтения одной из этих трактовок.

Общелингвистический комментарий в данном случае будет следующий. В теоретической лингвистике до сих пор не разработано понятий, которые бы позволяли адекватно описать случаи совмещения фонологической и грамматической обусловленности чередований.

Морфофонематическая коартикуляция**Морфофонематическая ассимиляция****Морфофонемное-7 (факультативная морфофонематическая предвосхищающая ассимиляция по месту образования, лабиализация)**

Невзирая на границы ⟨-⟩, ⟨=⟩, ⟨+⟩, ⟨⟩, перед губными согласными морфонема ⟨n⟩ может факультативно лабиализоваться, т. е. перед ⟨b⟩ и ⟨m⟩: морфонема ⟨n⟩ ⇒ |M|. Данное правило может быть квалифицировано как «внешнее сандхи», изучаемое т.н. «синтаксической морфонологией». В орфографии данное чередование не отражается.

Примеры:

Энэ хэн бэ? = {e-} & {nə} & {xen} & {bəi} & {?} ⇒ ⟨e-⟩ & ⟨nə⟩ & ⟨xen⟩ & ⟨bəi⟩ & ⟨?⟩ ⇒ |enəxeMbəi?|.

Сайн байна уу? = {sain-} & {+bəi} & {=nə} & {=uu} & {?} ⇒ ⟨sain⟩ & ⟨+bəi⟩ & ⟨=nə⟩ & ⟨=uu⟩ & ⟨?⟩ ⇒ |saiMbainuu?|.

Морфофонемное-8 (морфофонематическая монофтонгизация дифтонгов как проявление морфофонематической контактной инерционной ассимиляции)

Такое чередование имеет место по крайней мере в некоторых диалектах монгольского языка, а именно в тех, которые стали предметом описания в работах Н. Н. Поппе и Дж. Стрита. В словах заднего ряда в составе дифтонга ⟨əi⟩ (т. е. после ⟨ə⟩) морфонема 1 реализуется фонемой |ə|. Т.о., дифтонг ⟨əi⟩ реализуется геминированным фонемосочетанием |ээ|.

В таких вариантах языка формы типа *гэртэй* и *гэртээ* оказываются омофоничными.

Пример:

ГЭР_{Comit} ⇒ {ger} & {=təi} ⇒ ⟨ger⟩ & ⟨=təi⟩ ⇒ ⟨gertəi⟩ ⇒ |gertəə| ⇒ \gertē\ = *гэртэй* 'имеющий юрту, семейный'.

Омофоничная форма в этом случае возникает так:

ГЭР_{DatRef} ⇒ {ger} & {=tə} & {=əə} ⇒ ⟨ger⟩ & ⟨=tə⟩ & ⟨=əə⟩ ⇒ ⟨gertəəə⟩ ⇒ |gertəə| ⇒ \gertē\ = *гэртээ* 'в своей юрте, у себя дома'.

Вопрос о том, в каких диалектах такая конвергенция произошла, а в каких не произошла, не может быть решён в рамках настоящей работы. Для этого нужно было бы широкомасштабное статистическое обследование нормативного произношения и фонетического узуса.

Морфофонематическое усиление (интенсификация)

Морфофонемное-9

(морфофонематическое эмфатическое удлинение)

Перед эмфатической интонационной морфемой (!) последнее ядро, предшествующее этой морфеме, удлиняется, т. е. приобретает признак эмфатной долготы.

Пример.

$уучлах_{PraedPrescr} \Rightarrow \{\omega uci\} \& \{-l\grave{a}\} \& 'PraedPrescr' \Rightarrow \{\omega uci\} \& \{-l\grave{a}\} \& \{=\grave{a}gr\grave{a}i!\} \Rightarrow \langle \omega uci\grave{l}\grave{a} \rangle \& \langle =\grave{a}gr\grave{a}i! \rangle \Rightarrow |\omega uci\grave{l}\grave{a}r\grave{E}!| \Rightarrow \backslash \omega ci\grave{l}\grave{a}r\grave{E}! \backslash = уучларай! 'извините, простите' (от уучлах 'извинить, простить').$

4. Фонемные чередования и их подклассы: элементы фонологической трансформаторики

Фонемные чередования происходят внутри одной фонемы, не затрагивая тождеств и различий значимых единиц языка (слов и морфем). Однако здесь приходится учитывать, что в лингвистике представлено несколько теоретических пониманий того, что такое фонема. В данном описании нет смысла подробно обсуждать различия между разными пониманиями фонемы в разных фонологических школах. Однако это вынуждает отвечать на вопрос о том, какие единицы называются фонемами в данном описании. На этот вопрос приходится ответить следующее. Вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ и С. И. Бернштейном признаётся целесообразность выделения фонем разных уровней абстракции. С. И. Бернштейн даже предлагал нумеровать эти уровни абстракции, говоря о «фонемах 1-й степени», «фонемах 2-й степени» и «фонемах 3-й степени». Цифровые индексы при терминах у Бернштейна — это не просто этикетки, а уровни абстрагирования от фонетической реальности, расположенные в определённом порядке. Такой подход к проблеме фонем можно было бы условно называть «экуменическим». Он представляется наиболее целесообразным. Правда, я предпочитаю употреблять вместо цифровых индексов буквенные. Т.о., можно говорить об иерархии уровней абстрагирования от фонетической субстанции, выстроенных примерно в такую последовательность:

1) Дж-фонемы («фонемы-звукотипы», по Д. Джоунзу, представленные во многих практических грамматиках и учебниках монгольского языка);

2) Щ-фонемы («щербианские» фонемы Ленинградской фонологической школы; а в монголистике представленные в работах [Поппе 1951] и [Лувсанвандан 1967]);

3) Д-фонемы («дескриптивистские» фонемы, в монголистике представленные в работах [Street 1963] и [Поппе 1970])⁸²;

4) П-фонемы («пражские» фонемы, представленные в [Крылов 1985]);

5) М-фонемы («московские» фонемы, не представленные в монголистике вовсе, но под именем морфофонем представленные в [Крылов 1985; 1989], а также в тексте настоящей работы);

6) Г-фонемы (генеративистские фонемы, не представленные в монголистике в чистом виде, но фактически близкие к морфографемам в [Street 1963]).

Вкратце различия в подходах можно сформулировать так.

Дж-фонемы — звукотипы — ближе всего к реальным звучаниям. Они объединяются на основании звуковой близости (и при этом так, чтобы не отождествлять функционально противопоставленные звуки; но задача максимальной экономии в инвентаре фонем не ставится).

Ленинградская фонология идёт несколько дальше в абстрагировании от звучания. В одну Щ-фонему объединяют несколько звукотипов (Дж-фонем), — так, чтобы достичь максимальной экономии в инвентаре единиц, достижимой при сведении в одну фонему максимального числа звукотипов с совпадающими дифференциальными признаками; но это делается лишь до той поры, пока интуиция носителя (фонологическое сознание) не протестует против этого. Критерием интуитивного отождествления фонем носителем служит набор психофонематических тестов, когда носителю предлагают: произнести слово по слогам, произнести отдельные звуки в изолированном положении, «записать буквами не по правилам, а как слышится».

Дескриптивистская фонология идёт ещё дальше по степени фонетической абстракции. В одну Д-фонему объединяют несколько Щ-фонем на основании принципа дополнительной дистрибуции — ради экономии инвентаря, не обращаясь к психофонематическим экспериментам. Кроме того, Д-фонемы бывают супрасегментные, так как включают, в частности, просодические единицы с кульминативной функцией и разграничительные сигналы с делимитативной функцией.

Пражская фонология идёт ещё дальше и считает возможным в разных позициях выделять разные наборы дифференциальных

⁸² В данном случае я для простоты отвлекаюсь от того факта, что в рамках дескриптивизма было выработано несколько разных концепций фонемы.

признаков, в том числе немаксимальные наборы (образующие ту или иную архифонему). При этом экономии инвентаря не получается, но не из-за слишком дробной классификации звучаний, а из-за учёта функциональных нагрузок фонем.

М-фонология идёт ещё дальше пражской по пути отрыва от реального звучания. Она объединяет в одну фонему все П-фонемы, занимающие одинаковую позицию в морфеме и чередующиеся друг с другом строго автоматически под действием законов фонологической нейтрализации в строго заданных простыми правилами позициях.

Г-фонология идёт ещё дальше по пути морфологизации фонем. Поэтому в одну Г-фонему объединяются все М-фонемы, занимающие одинаковую позицию в составе морфемы независимо от того, насколько строгим и автоматичным является правило распределения альтернантов, и независимо от того, можно ли исследователю построить инвентарь фонем с помощью некоторых достаточно общих процедур исследования и отождествления (как это имеет место с М-фонемами).

Термин «фонема» без уточняющих эпитетов употребляется в настоящей работе приблизительно в том же значении, что и соответствующий термин в Пражской школе (у Трубецкого и Якобсона), у ревизионистов Московской школы (Р. И. Аванесов и его последователи) и в работах В. Г. Чургановой. Эта единица более точно называется П-фонемой (т. е., мнемонически, «Пражской фонемой»). Основная её черта в отличие от других подходов: в позициях нейтрализации значения нейтрализуемых (контекстно-предсказуемых) признаков не фиксируются.

Строить описание в терминах Г-фонем я считаю нецелесообразным, так как при таком подходе смешиваются автоматические и неавтоматические явления в морфонологии. Использовать М-фонемы вполне удобно, но при этом называть их удобнее «морфофонемами» (как это предложил Г. Улашин ещё в 1931 г.).

Остаются, таким образом, П-фонемы (дифференциаторы, позиционные наборы функциональных нагрузок), Д-фонемы (дистрибутивистские наборы дополнительно распределённых аллофонов), Щ-фонемы (психофонематические единства) и Дж-фонемы (звукотипы). На мой взгляд, они выстраиваются именно в такую последовательность по степени близости к звуковой субстанции. Из этой закономерности есть некоторые интересные исключения, но в грубом приближении она именно такая.

Какой из этих уровней объявлять «собственно фонемным» или «собственно фонологическим» — вопрос довольно схоластический, так как никакой общепринятой фонологической теории не суще-

ствуует и никогда не существовало. Какой уровень объявить «поверхностно-фонологическим», а какой «глубинно-фонологическим» — вопрос столь же схоластический, так как даже внутри собственно фонологии (т. е. если не рассматривать морфофонемы и аллофонемы как собственно фонологические единицы) выделяются не два (поверхностный и глубинный), а целых четыре уровня транскрибирования.

Тривиальный, или канонический, переход от единиц высшего уровня к низшему (или наоборот) происходит тогда, когда имеет место переход от некоторой единицы к её основному (главному, первичному, каноническому) корреляту (представителю) на соседнем уровне. В противном случае имеет место то или иное чередование.

В соответствии с данным подходом можно выделить четыре класса фонемных чередований, соотносящихся друг с другом как подуровни некоторого более широко понимаемого фонологического модуля языковой системы. Альтернантами (членами чередования) внутри некоторой одной единицы каждого предыдущего (высшего) в данной иерархии уровня выступают единицы непосредственно следующего за ним (низшего) уровня.

Итак, классы собственно фонологических чередований выделяются нижеследующие.

1) П-фонемные чередования — это правила нетривиального соответствия между П-фонемами и Д-фонемами; говоря упрощённо, это правила выбора Д-фонем, являющихся альтернантами одной П-фонемы. В результате их применения мы переходим от фонологической транскрипции «пражского» толка (точнее, в русле фонологической концепции Н. С. Трубецкого⁸³, так как концепция Б. Трнки носит компромиссный характер) к фонологической транскрипции в стиле американского дескриптивизма. В последовательно «пражском» духе монгольскую фонологию, по видимому, никто не описывал.

2) Д-фонемные чередования — это правила нетривиального выбора между Д-фонемами и Щ-фонемами; говоря упрощённо, это правила выбора Щ-фонем, являющихся альтернантами одной Д-фонемы. В результате их применения мы переходим от фонологической транскрипции «дескриптивистского» толка к фонологической транскрипции «щербианского» толка. Фонологическая транскрипция дескриптивистского толка применительно к халха-монгольскому представлена в работах [Street 1963] и [Porre 1970].

⁸³ Наиболее последовательное развитие фонологическая транскрипция «пражского» толка нашла в фонологической концепции, изложенной в работах [Чурганова 1973] и [Дыбо 2002: 455—466].

3) Щ-фонемные чередования (модификации) — это правила нетривиального выбора между Щ-фонемами и Дж-фонемами; говоря упрощённо, это правила выбора Дж-фонем, являющихся альтернантами одной Щ-фонемы. В результате их применения мы переходим от фонологической транскрипции «щербианского» толка (= «петербургской» или «ленинградской» фонологической школы) к фонологической транскрипции в духе концепции Д. Джоунза. Фонологическая транскрипция халха-монгольского языка в духе щербианской фонологии представлена в работах [Поппе 1931] и [Рорре 1951]. Фактически к ней во многом близка также концепция Ш. Лувсанвандана.

4) Дж-фонемные чередования (модификации) — это правила нетривиального выбора между Щ-фонемами и Дж-фонемами; говоря упрощённо, это правила выбора оттенков (аллофонем), являющихся альтернантами одной Дж-фонемы. В результате их применения мы переходим от фонологической транскрипции «джоунзовского» толка к более тонкой — «аллофонемной» (= «собственно фонетической») транскрипции, которую обычно называют просто «фонетической» и которая под этим названием представлена во многих работах, посвящённых описанию монгольской фонетики.

Фонологическая транскрипция «джоунзовского» толка (с некоторой долей «щербианских» фонологических решений) представлена во многих работах, посвящённых монгольской фонологии.

Каноническое соответствие есть соответствие фонемы своему «основному» варианту. Неканоническое преобразование задается правилами Ф-трансформаторики, т. е. «собственно фонологическими» чередованиями. В отличие от морфофонемных чередований Ф-чередования, как правило, не приводят к нейтрализации фонологических противопоставлений и не порождают омофонии означающих. Ф-чередования обогащают фонему контекстно-предсказуемыми фонологическими признаками, превращая ее из реляционного каркаса (выступающего в Ф-записи) в более или менее осязаемый звукотип.

4.1. П-фонемные чередования

П-фонемные чередования — это правила нетривиального соответствия между П-фонемами и Д-фонемами. Это фактически правила выбора Д-фонем, являющихся альтернантами одной П-фонемы.

4.1.1. П-фонемная коартикуляция

4.1.1.1. П-фонемная аккомодация

4.1.1.1.А. П-фонемная предвосхищающая аккомодация

П-фонемное 1а

(П-фонемная палатализация, аккомодация по ряду)

Перед [i], [ɨ] зубные согласные П-фонемы приобретают признак «наличие второго фокуса», а также «палатализованность»:

|ʒi| ⇒ |ʒ̟i|,

|ci| ⇒ |c̟i|,

|si| ⇒ |s̟i|,

|ʒi| ⇒ |ʒ̟i|,

|ci| ⇒ |c̟i|,

|si| ⇒ |s̟i|.

Признак наличия второго фокуса не является у этих фонем дифференциальным в позиции перед фонемами [i] и [ɨ]. А согласно принятой здесь фонологической трактовке этих П-фонем, только в таких позициях они и встречаются. Так что данный признак не является у них дифференциальным ни в каких позициях. Более уместно сказать, что этот признак является почти во всех позициях интегральным⁸⁴.

А однофокусные дентальные фонемы [d], [t], [s], вообще говоря, не встречаются перед этими фонемами. Здесь, однако, необходимы следующие оговорки:

(1) в составе монструозных корней (чужеродной лексики, т. е. свежих неосвоенных заимствований) такие сочетания возможны. Ср.:

(а) несколько (очень немного) довольно старых заимствований типа

<i>боть</i>	bɔtɨ	'том'	< тибет.
<i>тошь</i>	tɔtɨ	'попугай'	
<i>бодь</i>	bɔdɨ	'совершенство, святость'	< уйг. < согд. < санскр.

и т. п.

(б) современные русизмы и европеизмы⁸⁵ типа

⁸⁴ Термин из работы [Реформатский 1941/1970: 245].

⁸⁵ Вопрос о том, насколько реальное произношение заимствований продвинулось по пути их фонологической адаптации, весьма сложен. Интересный материал

орфография	фонология	русский перевод
<i>дипломат</i>	diplɔːmatə	'дипломат'
<i>кибернетик</i>	kibərnətikə	'кибернетика'
<i>систем</i>	sistəm	'система'
<i>радио</i>	raədiːɔə	'радио'

Вообще-то в процессе адаптации такие слова входят в систему стандартной морфонологии и адаптируются. Так, заимствованное слово *радио*, входя в систему, произносится |arəɛʒibə|=[arāʒɪw]⁸⁶. А если так, то значит, указанная фонологическая закономерность является живой (по крайней мере для глайдовой позиции).

(2) Слова с однофокусной дентальной инициальной и с долгими [i] в первом слове можно транскрибировать через [eɪ]. С точки зрения сингармонизма такое сочетание должно себя вести точно так же, как [iɪ] в первом слове, но приняв такой способ транскрибирования, мы можем сформулировать общую закономерность, по которой шипящие (двухфокусные) дентальные являются единственным классом дентальных, возможных перед фонемой [i].

орфография	фонология	русский перевод
<i>дийз</i>	deɪzə	'блюдец'
<i>тийм</i>	teɪmə	'так'
<i>сийлэх</i>	seɪləxə	'резать, гравировать'
<i>дийлэх</i>	deɪləxə	'побеждать, одолевать'

и т. п.

П-фонемное 16 (компенсаторная элизия глайда после шипящих)

Фонема [ɪ] в глайдовой позиции (т. е. после согласного перед гласным) исчезает в позиции после шипящих (ʒ, ɕ, ʂ).

Но ни к какой омофонии это правило не приводит. Шипящие согласные настолько редко встречаются в позиции не перед [i] и [ɪ], что этот факт может быть отражён в фонологической трактовке исключений следующим абстрактным (далёким от фонетики), но практически удобным способом:

- жаргах* 'радоваться' получает запись |ʒɪargəxə|,
- жолоо* 'поводья' получает запись |ʒɪɔləə|,
- журам* 'порядок, правило, линия, строй, режим' получает запись |ʒɪɔrgəm|,
- чоно* 'волк' получает запись |ɕɪɔnə|,
- шоргоолжин* 'муравей' получает запись |ʂɔrgəəlʒɪn| и т. д.

на эту тему обследован А. А. Дарбеевой в её монографии [Дарбеева 1984]; [Дарбеева 1985]. См. также статью Ш. Лувсанвандана [Лувсанвандан 1974].

⁸⁶ См. описание таких явлений в [Санжеев 1959: 19].

Принимаемая бифонемная трактовка шипящих облегчает правила формулировки общих законов строения слога в монгольском. В непервых слогах шипящие действительно встречаются только перед |ɪ|. Закономерность, выведенная индуктивно из анализа непервых слогов, переносится на первый слог. Все факты, противоречащие этому, объявляются результатами воздействия некоторых помбинаторных чередований (т.к. в фонемной записи получают трактовку с глайдом). Глайд постулируется лишь затем, чтобы было легче сформулировать общие правила дистрибуции шипящих. Реально он не произносится.

Таким образом, в непервых кратких слогах после шипящих возможен только один гласный — |ɪ|.

Такая избыточность гласного частично отражается в действующей орфографии. А именно в непервых кратких слогах фонема |ɪ| после шипящих во многих случаях вообще не фиксируется на письме (орфографически это не слог, а только его начальный консонант). Вообще на орфографическом уровне закрытых слогов гораздо больше, чем в фонемной записи. Ср.:

Примеры на ж

	слог ʒɪ	буква ж	(рус. пер.)
графический ауслаут	eəʒɪ	ээж	'мать'
	ʃɪnʒɪ	шинж	'признак'
графический инлаут	aʒɪ	ажил	'работа'
	aʒɪlæɣ	ажлаар	'работой'
	aʒɪlləxə	ажиллах	'работать'

Примеры на ч

	слог čɪ	буква ч	(рус. пер.)
графический ауслаут	xaičɪ	хайч	'ножницы'
	ɔčɪ	оч	'прибудь'
графический инлаут	ɔčɪxə	очих	'прибыть'
	ɔčɪnə	очно	'прибудет'
	ɔčɪɣtuN	очигтун	'да прибудет'

Примеры на ш

	слог ʃɪ	буква ш	(рус. пер.)
графический ауслаут	margəʃɪ	маргааш	'завтра'
	biʃɪ	биш	'не'
графический инлаут	ʷNʃɪxə	унших	'читать'
	ʷNʃɪdəɣ	уншидаг	'обычно читает'
	ʷNʃɪʒɪ	уншиж	'читая'

4.1.1.2. П-фонемная ассимиляция

4.1.1.2.А. П-фонемная предвосхищающая ассимиляция

П-фонемное 2.

(П-фонемная предвосхищающая ассимиляция по ряду и антиципация паузы)

(а) Перед заднеязычными согласными ($[g]$, $[x]$), а также перед концом слова $||$ архифонема $[N]$ реализуется так же, как $[ŋ]$. А именно: приобретает признак недентальности. (На низших фонологических уровнях этот признак конкретизируется в результате ассимиляции и антиципации паузы: перед велярными он влечёт признак велярной смычки, а перед концом слова — признак отсутствия размычки).

Ср.:

$[\omega l \text{æ} N] \Rightarrow [\omega l \text{ã} \eta] = \text{улаан}$ 'красный'

$[x a \text{æ} N] \Rightarrow [x \text{ã} \eta] = \text{хаан}$ 'хан'

$[b a i \text{ɪ} N] \Rightarrow [b a e \text{ɪ} \eta] = \text{байшин(г)}$ 'здание'

П-фонемное 3.

(П-фонемная лабиализация как результат предвосхищающей контактной ассимиляции по ряду)

Архифонема (П-фонема) $[M]$ всегда реализуется Д-фонемой $[m]$, т. е. в любых употреблениях приобретает признак губной артикуляции.

Схематически:

$[M] \Rightarrow [m]$.

Следует напомнить, что в фонологическое содержание П-фонемы $[M]$ этот признак не входит, т.к. не выполняет дистинктивной функции.

Например:

$\text{Сайн байна уу?} = \{sain-\} \& \{+b\text{æ}\} \& \{=n\text{æ}\} \& \{=uu\} \& \{?\} \Rightarrow \langle sain \rangle \& \langle +b\text{æ} \rangle \& \langle =n\text{æ} \rangle \& \langle =uu \rangle \& \langle ? \rangle \Rightarrow |saiMbainuu?| \Rightarrow \text{saEMbaen\text{̄}ʔ}.$

На письме данное чередование не отражается. Поэтому в данном случае письменный облик стоит ближе к морфонемному облику высказывания.

4.1.1.2.Б. П-фонемная инерционная ассимиляция

П-фонемное-4.**(П-фонемная инерционная ассимиляция по подъему)**

Непосредственно после гласных П-фонем неверхнего подъема П-фонема |ɪ| приобретает признак среднего подъема, т. е. реализуется Д-фонемой |e|. Происходит как бы её лёгкий сдвиг вниз.

Примеры:

|daləɪ| ⇒ |daləe| = *далай* 'океан; всемирный'

|tɔlgəɪ| ⇒ |tɔlgəe| = *толгой* 'голова'

|aiməg| ⇒ |aeməg| = *аймаг* 'аймак, адм. ед.'

|ɔɪ| ⇒ |ɔe| = *ой* 'лес'.

П-фонемное-5.

(П-фонемное стяжение контактирующих кратких гласных в долгие гласные = П-фонемная полная инерционная контактная ассимиляция = образование долгих гласных Д-фонем = гармонизация внутрислогового сочетания мор)

Сочетание двух контактирующих гласных П-фонем (образующих слоговое ядро длиной в две моры) стягивается в единую долгую гласную Д-фонему по следующим правилам:

(5а) Стяжение (или: стяжение + ассимиляция) гласных в первом слоге.

(5а1) |aə| ⇒ |ā|,

Примеры:

|xaəN| ⇒ |xāŋ| = *хаан* 'хан'.

|aəbə| ⇒ |āwə| = *аав* 'отец'.

(5а2) |ɔə| ⇒ |ō|,

Примеры:

|bɔəl| ⇒ |bōl| = *боол* 'раб'.

|ɔəsər| ⇒ |ōsər| = *оосор* 'тесьма'.

(5а3) |eə| ⇒ |ē|,

Примеры:

|deərə| ⇒ |dērə| = *дээр* 'наверху, на'.

|eəʒɪ| ⇒ |ēʒɪ| = *ээж* 'мать'.

(5а4) |əə| ⇒ |ē|,

Примеры:

|bəə| ⇒ |bē| = *бөө* 'шаман'.

|əərəə| ⇒ |ērē| = *өөрөө* 'сам'.

(5а5) | ωu | \Rightarrow | $\bar{\omega}$ |.

Примеры:

| $m\omega u$ | \Rightarrow | $m\bar{\omega}$ | = *муу* 'плохой'.| $j\omega u$ | \Rightarrow | $j\bar{\omega}$ | = *юу* 'что?'.| $\omega ul\bar{e}$ | \Rightarrow | $\bar{\omega}l\bar{e}$ | = *уул* 'гора'.(5а6) | uu | \Rightarrow | \bar{u} |.

Примеры:

| suu | \Rightarrow | $s\bar{u}$ | = *сүү* 'молоко'.| $uunu$ | \Rightarrow | $\bar{u}n\bar{i}$ | = *үүний* 'его, её, их'.(5а7) | e | \Rightarrow | \bar{i} |.

Примеры:

| $teim\bar{e}$ | \Rightarrow | $t\bar{i}m\bar{e}$ | = *тийм* 'так'.| $eim\bar{e}$ | \Rightarrow | $\bar{i}m\bar{e}$ | = *ийм* 'эдак, эдакий'.(5а7) | ii | \Rightarrow | \bar{i} |.

Примеры:

| $šid\bar{e}x\bar{e}$ | \Rightarrow | $\bar{s}\bar{i}d\bar{e}x\bar{e}$ | = *шийдэх* 'решить'.

(5б) Стяжение гласных в непервом слогѳ.

Правило сингармонизма №1 звучит так:

(№1а) сингармонизм по консистенции (прогрессивная дистантная ассимиляция гласных по консистенции):

Дистантно после гласных П-фонем мягкой консистенции П-фонемы | \bar{e} | и | \bar{u} | (т. е. П-фонемы, не обладающие сочетанием качеств «узкий + неогубленный») и при этом неохарактеризованные по признаку «консистенция») также приобретают качество «мягкая консистенция»; в прочих позициях они получают качество «твёрдая консистенция».

(№1б) сингармонизм по участию губ (т.н. губная аттракция):

Дистантно после огубленных гласных П-фонем неверхнего подъѳма (т. е. после фонем | \bar{o} | и | \bar{o} |) П-фонема неверхнего подъѳма (т. е. | \bar{e} |) также приобретает качество огубленности, если данной П-фонеме (т. е. П-фонеме | \bar{e} |) не предшествует П-фонема | \bar{u} |); в противном случае (т. е., во-первых, дистантно после гласных П-фонем верхнего подъѳма; во-вторых, после неогубленных гласных П-фонем неверхнего подъѳма; и, в-третьих, дистантно после гласной П-фонемы | \bar{u} |), П-фонема неверхнего подъѳма (т. е. | \bar{e} |) приобретает качество неогубленности.

(5б1) | $\bar{e}\bar{e}$ | \Rightarrow | \bar{a} | (по правилу сингармонизма №1),

Примеры:

| $jab\bar{e}d$ | \Rightarrow | $jaw\bar{a}d$ | = *яваад* 'придя'.| $\omega x\bar{e}$ | \Rightarrow | $\bar{\omega}x\bar{a}$ | = *уухаа* 'для того, чтобы пить'.| $gaz\bar{e}r\bar{e}s$ | \Rightarrow | $gaz\bar{a}s$ | = *газраас* 'из страны'.

(562) |əə| ⇒ |ǝ| (по правилу сингармонизма № 1).

Примеры:

|orxləər| ⇒ |orxlǝr| = *орхлоор* 'лишь только вошёл...'

|morɪəər| ⇒ |morɪǝr| = *мориор* 'лошадью, на лошади'.

(563) |əə| ⇒ |ē| (по правилу сингармонизма № 1).

Примеры:

|idəəd| ⇒ |idēd| = *идээд* 'поевши'.

|irxləər| ⇒ |irxlēr| = *ирхлээр* 'лишь только пришёл...'

|xelxəər| ⇒ |xelxēr| = *хэлхээр* 'вместо того, чтобы говорить...'

|hezəə| ⇒ |hezē| = *когда?* 'когда?'

(564) |əə| ⇒ |ǝ̄| (по правилу сингармонизма № 1).

Примеры:

|өгээд| ⇒ |өгǝ̄д| = *өгөөд* 'дав'.

(564) |uu| ⇒ |ū̄| (по правилу сингармонизма № 1).

Примеры:

|zaluu| ⇒ |zalū̄| = *залуу* 'молодой'.

|modənuud| ⇒ |modənuū̄d| = *моднууд* 'деревья'.

(564) |uu| ⇒ |ū̄| (по правилу сингармонизма № 1).

Примеры:

|geruud| ⇒ |gerū̄d| = *гэрүүд* 'юрты, дома'.

|ödəruud| ⇒ |ödərū̄d| = *өдрүүд* 'дни'.

(564) |ui| ⇒ |ī̄| (стяжение + ассимиляция).

Примеры:

|delxui| ⇒ |delxī̄| = *дэлхий* 'мир, земной шар, планета'.

|xaənuu| ⇒ |xānī̄| = *хааны* 'хана'.

|xenuu| ⇒ |xenī̄| = *хэний* 'кого, чей'.

|darəui| ⇒ |darəī̄| = *даруй* 'тотчас'.

|uguu| ⇒ |ugī̄| = *үгүй* 'нет'.

Явление сингармонизма столь хорошо знакомо всем, кто соприкасался с монгольским языком, и столь многократно описывалось в грамматиках, что нет необходимости здесь повторять общеизвестные факты.

Актуальными аспектами проблемы монгольского сингармонизма являются следующие:

(а) насколько чётко скоррелированы фонологические и морфологические границы;

(б) есть ли бесспорные лексические (словарные) исключения из правила сингармонизма, не являющиеся свежими заимствованиями;

- (в) если есть, то какова этимология этих слов;
- (г) в каком направлении шло выравнивание вокализма внутри многосложных основ — инерционном или предвосхищающем;
- (д) каков монгольский сингармонизм в типологическом аспекте;
- (е) как строить формальное моделирование явлений сингармонизма;
- (ж) как сопоставлять разные теоретические трактовки сингармонизма друг с другом.

4.1.2. П-фонемная эвфонизация

4.1.2.1. П-фонемная элиминация

П-фонемное-6 (синкопа и апокопа)

(6а) В некоторых позициях (пока не вполне ясно, в каких именно; большей частью факультативно) $|\ə| \Rightarrow \emptyset$, $|ɪ| \Rightarrow \emptyset$.

(6а1) $|\ə| \Rightarrow \emptyset$. (факультативная синкопа; на письме не отражается или отражается лишь неявно).

Пример:

$|\omega l \dot{a} s u i N| \Rightarrow |\omega l s i \eta|$ = улсын 'страны, области, улуса'.

$|b a d \dot{a} r u u l x \dot{a}| \Rightarrow |b a d r \bar{\omega} l x \dot{a}|$ = бадруулах 'распространить'.

$|i r \dot{a} \dot{z} i| \Rightarrow |i r \dot{z} i|$ = ирж 'идя'.

(6а2) $|ɪ| \Rightarrow \emptyset$. (факультативная синкопа; на письме не отражается или отражается лишь неявно).

Пример:

$|i r \dot{a} \dot{z} i| \Rightarrow |i r \dot{a} \dot{z}|$ = ирж 'идя'.

$|a \dot{c} i| \Rightarrow |a \dot{c}|$ = ач 'племянник или внук'.

$|m a r g \dot{a} \dot{s} i| \Rightarrow |m a r g \dot{a} \dot{s}|$ = маргааш 'завтра'.

(б) В конце слова после согласной $|u| \Rightarrow \emptyset$.

Пример:

$|m i n u| \Rightarrow |m i n|$ = минь 'мой (энклитическая форма)'.

$|a d u u n u| \Rightarrow |a d \bar{\omega} n|$ = адуу нь 'его (её, их) табун'.

4.1.2.2. П-фонемное добавление

П-фонемное-7 (эпентеза)

В некоторых позициях (пока не вполне ясно, в каких именно) между согласными вставляется гласная Д-фонема $|\ə|$ или $|\e|$, $|\ɔ|$,

\ə\, распределенные по правилам сингармонизма). На письме эта вставка либо не отражается, либо отражается непоследовательно.

Примеры:

|gerɲu| ⇒ |gerən| = гэр нь 'его (её, их) юрта, его (её, их) дом'.

|ger+minu| ⇒ |gerə+min| = гэр минь 'его (её, их) юрта, его (её, их) дом'.

4.2. Д-фонемные чередования

Д-фонемные чередования — это правила нетривиального выбора между Д-фонемами и Щ-фонемами. Фактически это правила выбора Щ-фонем, являющихся альтернантами одной Д-фонемы. Таких правил немного; для простоты их описание дано здесь лишь в общих чертах.

4.2.1. Д-фонемная коартикуляция

4.2.1.1. Д-фонемная аккомодация

Д-фонемное-1

(«аккомодация по звучности», «фрикативизация»)

В середине и в конце слова, за исключением позиции после \ʌ\ (обязательно) и позиции после \b\, \m\ (факультативно). Д-фонема \b\ приобретает признак фрикативности, т. е. реализуется Щ-фонемой /w/ (или ʍ) (=β/ (МФА)).

Примеры:

В середине слова:

|abəxə| ⇒ |awəxə| = /a-əxə/ (МФА) = авах 'брать'.

|abtəxə| ⇒ |awtəxə| = /aβtəxə/ (МФА) = автах 'выниматься, охватываться, подвергаться'.

В конце слова:

|ab| ⇒ |aw| = /aβ/ (МФА) = ав! 'бери!'.

|xeb| ⇒ |xew| = /xεβ/ (МФА) = хэв 'форма, порядок'.

4.2.1.2. Д-фонемная ассимиляция

Д-фонемное-2 (факультативная ассимиляция)

Перед просодической Д-фонемой \ʌ\:

(а) дифтонг \əi\ реализуется Щ-фонемой /ε:/ независимо от ряда и огубленности,

(б) сочетание \ə\ реализуется Щ-фонемой /ɛ:/.

Примеры см. Рорре 1951 и Рорре 1970.

4.2.2. Д-фонемная редукция

Д-фонемное-3 (редукция)

В начально-глайдовой позиции (т. е. в позиции компонента трифтонга) Д-фонемы \ə\, \u\, \i\ приобретают признаки нечеткости и «сверхкраткости» (глайдовости). В Щ-фонемной транскрипции они иногда могут отражаться в виде «выносных» букв (вынесенных на полстроки выше основных символов).

Примеры см. Рорре 1951 и Рорре 1970.

Д-фонемное-4 (редукция)

Перед /u/ в словах заднего ряда Д-фонема \ə\ реализуется Щ-фонемой /e/.

Примеры см. Рорре 1951 и Рорре 1970.

4.2.3. Д-фонемная частичная метатеза (редукция + контактная ассимиляция + компенсаторное удлинение)

Д-фонемное-5 (частичная метатеза)

В непервых слогах слов заднего ряда:

(а) Редукция: Д-фонема \ə\ перед Щ-фонемой /i/ реализуется нечеткой сверхкраткой Щ-фонемой /ə/.

(б) Контактная ассимиляция и компенсаторное удлинение: Д-фонема \i\ непосредственно после Д-фонемы \ə\ реализуется Щ-фонемой /e:/. Т.о., в составе дифтонга компоненты как бы меняются ролями: на Д-фонемном уровне роль глайда играла Д-фонема \i\, а роль вершины — Д-фонема \ə\, тогда как на Щ-фонемном уровне, напротив, роль глайда выполняется Щ-фонемой /ə/, а роль вершины — Щ-фонемой /e/, см. выше «ПФ-3».

Примеры см. Рорре 1951 и Рорре 1970.

4.3. Щ-фонемные чередования

Щ-фонемные чередования («модификации») — это правила нетривиального выбора между Щ-фонемами и Дж-фонемами.

Фактически это правила выбора Дж-фонем, являющихся альтернантами одной Щ-фонемы.

Щ-фонемное-1 (фрикативизация как контактная аккомодация и ассимиляция по звучности)

В интервокальной позиции, а также после /r/ и /l/ (т. е. после плавных) Щ-фонема /g/ реализуется Дж-фонемами [ɣ] или [ʁ], т. е. фрикативизуется.

Примеры:

/agār/ ⇒ [avāɣ] = агаар 'воздух'.

/jagād/ ⇒ [avādʁ] = яагаад 'почему? как? каким образом?'

/argəl/ ⇒ [arɣəl] = аргал 'кизяк, сухой помёт, аргал'.

/darāgār/ ⇒ [darāvāɣ] = дараагаар 'после, затем, потом'.

Щ-фонемное-2 (оглушение)

(а) (оглушение как антиципация паузы)

В конце слова (т. е. перед /l/) ненапряженные шумные согласные Щ-фонемы (а также /r/) приобретают признак глухости, т. е. реализуются глухими Дж-фонемами:

1. /b/ ⇒ [ʁ] = [w]; = [β] (МФА); = [ф] (МФА).

Примеры:

/ab/ ⇒ [aʁ] = [aβ] (МФА) = [аф] (МФА) = ав! 'бери!'.

2. /g/ ⇒ [g] или [G].

Примеры:

/bagl/ ⇒ [bak] = [bak] (МФА) = баг 'баг [административная единица]'.

4. /ɣ/ ⇒ [ɣ].

5. /d/ ⇒ [d].

6. /z/ ⇒ [z].

7. /ʒ/ ⇒ [ʒ].

8. /r/ ⇒ [r].

9. Согласно Ш. Лувсанвандану, к данному типу модификации относится также реализация /l/ как [ʁ]; однако реально приведены лишь примеры на оглушение перед напряжёнными шумными.

(б) (оглушение как контактная ассимиляция)

В позиции перед напряженными согласными ненапряженные шумные согласные Щ-фонемы, а также плавные (/r/ и /l/) приобретают признак глухости, т. е. реализуются глухими Дж-фонемами.

/b/ ⇒ [b̥],

/w/ ⇒ [w̥],

/g/ ⇒ [g̥] или [G̥] (= [q] в смысле МФА),

/ɣ/ ⇒ [ɣ̥] или [ɣ̥] (= [χ] в смысле МФА),

/d/ ⇒ [d̥],

/ʒ/ ⇒ [ʒ̥],

/z/ ⇒ [z̥],

/r/ ⇒ [r̥],

/l/ ⇒ [l̥].

(в) (оглушение как обязательная дистантная ассимиляция)

В начале многосложного слова (после /l/), если второй слог начинается с напряженного согласного, а первый слог не кончается на носовую согласную (/N/, /m/), ненапряженные шумные согласные Щ-фонемы приобретают признак глухости, т. е. реализуются глухими Дж-фонемами.

Оглушение может быть символически передано как

/b/ ⇒ [b̥],

/w/ ⇒ [w̥],

/g/ ⇒ [g̥],

/ɣ/ ⇒ [ɣ̥],

/d/ ⇒ [d̥],

/ʒ/ ⇒ [ʒ̥],

/z/ ⇒ [z̥].

Щ-фонемное-3 (обязательное озвончение как контактная ассимиляция или аккомодация)

Если с одной стороны от данной Щ-фонемы (/b/, /g/) находится гласная Щ-фонема, а с другой стороны — сонорная или ненапряженная шумная или гласная, то данная согласная Щ-фонема (т. е. соотв. /b/ или /g/) приобретает признак звонкости. Озвончение может быть символически передано как /b/ ⇒ /b/ ⇒ [b] или [w], /g/ ⇒ [g] или [ɣ].

Щ-фонемное-4 (факультативное озвончение и оглушение)

В прочих позициях (т. е. в позициях, не предусмотренных правилами ЩФ-2 и ЩФ-3) ненапряженные шумные Щ-фонемы факультативно получают признаки звонкости и глухости. Следует подчеркнуть, что факультативность здесь (как и во многих других случаях) оборачивается диалектным или стилевым дополнительным распределением, которого мы, однако, здесь не рассматриваем.

Щ-фонемное-5 (аккомодация по ряду)

В словах мягкой консистенции, а также в непосредственном соседстве с /l/, /i/ Щ-фонема /l/ приобретает признак альвеолярности, т. е. реализуется Дж-фонемами [l'] и [l''].

Щ-фонемное-6a (аккомодация по ряду)

В словах мягкой консистенции, а также перед /l/, /i/ Щ-фонема /x/ приобретает признак велярности, т. е. реализуется Дж-фонемой [x'].

Щ-фонемное-6b (аккомодация по ряду)

В словах мягкой консистенции, а также перед /l/, /i/ Щ-фонема /g/ приобретает признак велярности, т. е. реализуется Дж-фонемой [g'].

Щ-фонемное-6c (аккомодация по ряду)

В словах твёрдой консистенции Щ-фонема /g/ приобретает признак увулярности, т. е. реализуется Дж-фонемой [G].

Щ-фонемное-6d (аккомодация по ряду).

В словах твёрдой консистенции Щ-фонема /x/ приобретает признак увулярности, т. е. реализуется Дж-фонемой [X].

Щ-фонемное-7 (факультативная аккомодация по месту образования, палатализация + синкопа или контракция)

После сонорных согласных Щ-фонем в позиции первого компонента трифтонга Щ-фонема /l/ реализуется в виде признака палатализованности, приписываемого соответствующей сонорной Дж-фонеме. Т.о., /l/ ⇒ [l''], /ml/ ⇒ [m''], /nl/ ⇒ [n''], /rl/ ⇒ [r'']. Воз-

можно, введение палатализованных сонорных Дж-фонем позволяет отразить неустойчивый, промежуточный характер палатализованных звуков с точки зрения системы фонологических оппозиций, не позволяющий однозначно ответить на вопрос: «Фонематичны ли мягкие согласные или это лишь аллофоны?» (об этой проблеме писал в своё время Г. Д. Санжеев).

Щ-фонемное-8 (редукция)

Щ-фонемы /ə/ и /ɪ/ во всех непервых кратких слогах приобретают признак «нечёткости». Фонетически нечёткость можно интерпретировать как сдвинутость всех редуцированных Дж-фонем к среднему ряду, среднему подъёму и ослабленности дополнительных артикуляционных признаков.

Щ-фонемное-9 (полная редукция)

Щ-фонема /ɪ/ в некоторых позициях исчезает. В частности, это с обязательностью происходит после Щ-фонемы /g/.

Примеры:

/bagɪ/ ⇒ /bag/ = /bak/ (МФА) = баг 'баг [адм. единица]'.

/bagiār/ ⇒ /bagār/ = /bagār/ (МФА) = багаар 'баг [адм. единица] (твор. п.)'.

4.4. Дж-фонемные чередования

На аллофонемном уровне (соответствующем «категориально-фонетическому» [Кодзасов 1978: 7] или уровню «системной фонетики» [Кодзасов & Кривнова 1978: 5]) текст представлен как комплекс (или цепочка) «аллофонем» [Маслов 1975: 53]. Каноническое отношение между Дж-фонемным и аллофонемным уровнями представления — их тождество, неканоническое соответствие задается правилами Дж-фонемной трансформаторики.

Фонетические чередования, задаваемые правилами Дж-фонемной трансформаторики, с функциональной точки зрения относятся к тем чередованиям, которые в литературе получили наименование контекстных «модификаций» [Маслов 1975: 45].

К числу Дж-фонемных чередований халха-монгольского языка принадлежат следующие:

Дж-фонемное 1а. Динамическая акцентуация.

Дж-фонемное 1б. Мелодическая акцентуация.

Дж-фонемное 2. Регрессивная дистантная ассимиляция гласных по ряду и подъёму.

Дж-фонемное 3. Вокализация сонорных согласных и фрикативных шумных напряженных согласных.

Дж-фонемное 4. Геминация шумных согласных и [л] в начале второго слога.

Дж-фонемное 5. Контекстное оглушение и озвончение редуцированных гласных.

Дж-фонемное 6. Аспирация напряженных согласных:

(6а) рекурсивная;

(6б) инкурсивная;

(6в) инкурсивно-рекурсивная.

Дж-фонемное 7. Приписывание фонационных признаков ненапряженным согласным.

(7а). «Абсолютное оглушение»,

(7б). «инкурсивное полуозвончение»,

(7в). «рекурсивное полуозвончение».

Дж-фонемное 8. Факультативная Дж-фонемная апокопа.

Факультативная Дж-фонемная апокопа иногда отражается на письме в виде постоянного отсутствия графического обозначения редуцированной гласной фонемы.

Пример:

{basə} ⇒ ⟨basə⟩ ⇒ |basə| ⇒ \basə\ ⇒ /basə/ ⇒ [basə] ⇒ [bas] = бас
'тоже'.

5. Выводы

Многоуровневый подход к классификации чередований позволяет разграничить несколько существенно различных типов правил, регламентирующих звуковую организацию высказывания. Так, лексограммемные чередования флексий обычно представляют собой т. н. «исторические чередования» на «начальной ступени семантизации» [Маслов 1979: 196], но если их рассматривать с т. зр. типологии морфологических единиц, то они должны быть признаны частным случаем употребления особых суффиксов и симульфиксов [Маслов 1975: 176] в структурной (технической) функции [Маслов 1978: 11].

В других терминах можно определить чередование морфемных прокладок с нулем как употребление «пустых апофоний» [Mel'čuk 1982: 101] или «пустых морфем» [Mel'čuk 1982: 94]. Морфемные чередования представляют собой «исторические чередования», относящиеся к т. п. «асемантическому типу» [Маслов 1979: 197] и являющиеся обычно автоматическими [Блумфилд 1933/

1968: 226]. Морфофонемные чередования, как правило, относятся к числу т. н. «живых фонемных чередований» [Маслов 1979: 256—272]. ЩФ- и ДжФ-чередования соответствуют тому, что в Ленинградской фонологической школе называют «чередованиями вариантов одной фонемы», «субфонемными чередованиями» или «модификациями фонем» [Маслов 1979: 195—196]. Сложнее обстоит дело с трактовкой ПФ-чередований: теоретически они ближе всего к правилам «реализации» фонем в звуках, которые, впрочем, охватывают также весь класс ДФ-, ЩФ- и ДжФ-чередований. В терминах [Поливанова 1976], ЛГ- и морфемные чередования следует квалифицировать как «формально неустранимые», а морфофонемные чередования как «формально устранимые». Отличительной чертой предлагаемой системы уровней (и соответствующей классификации чередований) является ее симметричность относительно процессов говорения и понимания, т. е. синтеза и анализа. Хотя формулировки правил, приведенные выше, ориентированы на синтез, однако в принципе они обратимы, т. е. без труда могут быть инвертированы так, чтобы естественным образом вписываться в модель, работающую в аналитическом режиме.

6. Эскурсы

Экскурс 4-А. Морфографемные чередования, не повторяющие морфофонемных

Морфографемное-1 (синкопа).

После сонорных перед ⟨lə⟩: ⟨ə⟩ ⇒ ∅.

Примеры представлены в деривационном формообразовании (мутативные глаголы на {-lə} и др.).

Пример:

{xarə} & 'Mut' & 'Inf' ⇒ {xarə} & {-lə} & {-xə} ⇒ ⟨xarə⟩ & ⟨-lə⟩ & ⟨-xə⟩ ⇒ |xarləxə| ⇒ \xarləxə\ = *харлах* 'чернеть' (от *хар* 'чёрный').

В результате действия данного правила нейтрализуется морфонологическое различие между основами с вокализованной финалью и основами с невокализованной финалью. Ср. невокализованные финали в дериватах типа {ger} & 'Mut' & 'Inf' ⇒ {ger} & {-lə} & {-xə} ⇒ ⟨ger⟩ & ⟨-lə⟩ & ⟨-xə⟩ ⇒ |gerləxə| ⇒ \gerləxə\ = *гэрлэх* 'жениться, [букв.] обзаводиться домашним очагом' (от *гэр* 'дом, юрта, семья'), где никакого ⟨ə⟩ нет уже в самой исходной основе.

Судя по примерам из Порре 1951, в словоизменительном формообразовании различие открытых и закрытых финалей основ сохраняется. Напр., при образовании форм «профекта» (на {-læə}) сохраняется различие между глаголами типа *ирэх* (iɾelē\), с одной

стороны, и типа *gарах* ($\backslash\text{garl}\bar{a}$) — с другой стороны. Исходя из таких примеров, следует усомниться в морфофонематическом характере данного чередования. Но в морфографемике оно действует. Поэтому пишется: *ирлээ*, а не **ирэлээ*; *харлах*, а не **харалах* и т. п.

Экскурс 4-Б.

Симплиграфическая транскрипция в монголистике

В приложении 5 к данной работе вводится понятие симплиграфии и, в частности, симплиграфической транскрипции (симплискрипции). Общелингвистические аспекты симплиграфии освещены в этом приложении.

Проиллюстрируем понятие симплиграфии несколькими примерами из монголистики.

Практический принцип проявляется как в графической передаче заимствований, так и в научной транскрипции.

Практический принцип в графике (графическая передача заимствований)

Например, использование буквы *Ж* для записи собственного имени американского монголиста Дж. Стрита (по-монгольски он именуется *Жон Стрит*) есть проявление практического принципа транскрипции, так как в монгольской буква *Ж* обозначает аффрикату; аналогично использование русского буквосочетания *Дж* для транскрибирования того же антропонима (*Джон Стрит*) также есть проявление практического принципа (так как написанием, наиболее близко передающим по-русски английскую аффрикату [dʒ], является русское буквосочетание *дж*).

Практический принцип в научной транскрипции

В научной транскрипции также может применяться практический принцип. Так, в грамматическом очерке Г. Д. Санжеева русская буква *г* используется при транскрибировании глухой консонантной финали в слове *аймаг* [аёмăк] [Санжеев 1960: 15]; там же буквосочетание *дж* используется для записи (старописьменно-) монгольской аффрикаты, входящей в слова *кеджіе* 'когда' (с. 14), *джес* 'медь' (с. 24), *джарудал* 'расход' (с. 25); в статье Г. Д. Санжеева и Б. Х. Тодаевой для записи современных халха-монгольских слов используются такие приёмы, как буквосочетания *дз* и *дж* для записи аффрикат в основах типа *хадз-* 'кусать', *джаргă-* 'наслаждаться' [Санжеев–Тодаева 1993: 108]; в фонетической таблице, иллюстрирующей фонемный состав монгольского языка в статье Н. С. Яхонтовой, упоминаются аффрикаты *дж*, *дз* [Яхонтова 1997: 109].

Интернациональный и изофонематический принцип в научной транскрипции

Например, в статье Г. Д. Санжеева и Б. Х. Тодаевой для обозначения долготы гласных используется горизонтальная надстрочная чёрточка: *сү* 'сидеть', *бөл* 'раб' (с. 112), *ба* 'и', *нур* 'озеро', *өд* 'вверх', *сүл* 'хвост', *дёр* 'наверху' (с. 113) и т. п.; там же для записи начального [j] используется латинская буква *j*: ср. *jaw* — 'идти' (с. 122); там же для записи гласного звука [i] используется латинская буква *i*: ср. *гiшүн* 'член' (с. 122), а для записи гласного звука [e] используется латинская буква *e*: ср. *еңх* 'мир' (с. 123) или *ем* 'лекарство' (с. 122, 123), *еёс* 'конец' (с. 110).

Симплиграфический принцип в научной транскрипции

Например, в статье Г. Д. Санжеева и Б. Х. Тодаевой для записи современных халха-монгольских (а также и соответствующих им древнемонгольских) гласных звуков используются буквы *ө* и *у* [Санжеев–Тодаева 1993: 111]. Применительно к тем случаям, где правила орфографии не противоречат симплиграфической транскрипции, последняя даёт результаты, внешне нередко совпадающие с принятой орфографической записью. Однако это совпадение имеет место не всегда. Так, при рассмотрении случаев фонематической адаптации заимствований в современном монгольском языке Г. Д. Санжеев напрямую сопоставляет орфографическую запись заимствованных слов с их звучанием; последнее же фиксируется на письме как раз с помощью симплиграфической транскрипции; та транскрипция, которая в настоящей работе квалифицируется как симплиграфическая, в терминологии Г. Д. Санжеева, представляет собой «условные написания заимствований согласно орфографическим правилам, распространяющимся на собственно монгольские слова» [Санжеев 1960: 19, 20], ср.:

Орфография	Симплиграфия	Русский перевод
<i>радио</i>	* <i>араажив</i>	'радио'
<i>сестра</i>	* <i>систраа</i>	'медсестра'
<i>кино</i>	* <i>хиноо</i>	'кино'
<i>цемент</i>	* <i>цээмэнт</i>	'цемент < рус. цемент
<i>шовинизм</i>	* <i>шовинийзом</i>	'шовинизм'
<i>норм</i>	<i>ноором</i>	'норма'
<i>ректор</i>	<i>рээктэр</i>	'ректор'
<i>роман</i>	<i>ромаан</i>	'роман'
<i>коммун</i>	<i>хомууна</i>	'коммуна'
<i>комиссар</i>	<i>хомисаар</i>	'комиссар'
<i>хими</i>	<i>хийми</i>	'химия'

Однако в том же очерке сопоставляются орфоэпические производительные варианты исконно монгольских слов или старинных, давно освоенных заимствований, для транскрибирования которых используется также симплиграфическая запись, не совпадающая с орфографической. Г. Д. Санжеев отмечает, что «в современном монгольском языке часто встречается отпадение конечных кратких гласных, носящее факультативный характер и зависящее от темпа речи. Благодаря этому в языке существуют парные формы одних и тех же слов. (...) Во всех подобных случаях орфография отдаёт предпочтение более сокращённым формам» [Санжеев 1960: 23—24], ср.:

Орфография	Симплиграфия	Русский перевод
<i>сав</i>	* <i>сава</i>	'посуда'
<i>сар</i>	* <i>сара</i>	'луна'
<i>дал</i>	* <i>дала</i>	'лопатка' (анатом.)
<i>хар</i>	* <i>хара</i>	'чёрный'
<i>эх</i>	* <i>эхэ</i>	'мать'
<i>бас</i>	* <i>баса</i>	'ещё'
<i>хуш</i>	* <i>хуши</i>	'кедр'
<i>том</i>	* <i>томо</i>	'крупный'
<i>бат</i>	* <i>бата</i>	'крепкий'
<i>мод</i>	* <i>модо</i>	'дерево'
<i>хуц</i>	* <i>хуца</i>	'баран'
<i>олз</i>	* <i>олзо</i>	'находка, добыча'
<i>хус</i>	* <i>хуса, хусу</i>	'берёза'

Примечателен тот факт, что симплиграфическая транскрипция позволяет выявить и эксплицитно зафиксировать различие между членами минимальных пар, отличающихся по звучанию и по значению, но совпадающих в орфографической записи. Ср. приводимые Г. Д. Санжеевым примеры пар слов *эм₁* vs. *эм₂*, *ард₁* vs. *ард₂*, «ныне представляющих орфографические омонимы, что не соответствует их фонетической природе» [Санжеев 1960: 25]. Между тем в симплиграфической записи члены таких пар различаются, ср.:

Орфография	Симплиграфия	Русский перевод
<i>эм</i>	<i>эм</i>	'лекарство'
<i>эм</i>	* <i>эмэ</i>	'женщина'
<i>ард</i>	* <i>арад</i>	'крестьянин'
<i>ард</i>	* <i>ар(а)да</i>	'позади'
<i>хав</i>	<i>хав</i>	1) ~ <i>загас</i> 'морж, нерпа'; 2) усилительная частица ⁸⁷

⁸⁷ Интенсификатор (выразитель усиления) в виде повтора первого слога интенсифицируемого прилагательного плюс финаль -в.

<i>хав</i>	* <i>хава</i>	'ловкость, проворство, сила, возможность'
<i>дав</i>	<i>дав</i>	'внезапно, мгновенно'
<i>дав</i>	* <i>дава</i>	Imreg. от <i>давах</i> ('переступи, перейди')
<i>бур</i>	<i>бур</i>	1) 'каждый, всякий, еже-; по мере того как...; чем... тем...'; 2) 'ещё, даже; совсем, вполне, совершенно'
<i>бур</i>	* <i>бурэ</i>	Imreg. от <i>бурэх</i> ('покрой, натяни, обшей')
<i>шар</i>	<i>шар</i>	1) 'вол'; 2) 'чайные выварки';
<i>шар (шар)</i>	<i>шар</i>	3) 'хрусть!', 'скрип!' (междометие)
<i>шар</i>	* <i>шара</i>	1) 'жёлтый'; 2) 'духовный'
<i>хол (хол)</i>	<i>хол (хол)</i>	'буль(к)!' (междометие)
<i>хол</i>	* <i>холо</i>	'далеко'
<i>хул (хул)</i>	<i>хул (хул)</i>	(междометие)
<i>хул</i>	* <i>хула</i>	'саврасый'
<i>шир (шир)</i>	<i>шир</i>	'хрусть!', '[шелест]' (междометие)
<i>шир</i>	* <i>ширэ</i>	'кожа, шкура'
<i>шал (шал)</i>	<i>шал</i>	'шлёп!' (междометие); ~ <i>гэх</i> 'мямлить'
<i>шал</i>	* <i>шала</i>	'пол'

Следует особо обратить внимание на тот факт, что симплиграфическая транскрипция может быть ориентирована не только на собственно фонемный (скажем, Дж-фонемный или Щ-фонемный) уровень, но и на П-фонемный и на морфофонемный уровень.

Если Щ-фонемная и Дж-фонемная симплиграфия стремятся записать слово так, как оно произносится, то П-фонемная симплиграфия будет использовать в слабых позициях архифонемы — например, записанные в виде заглавных букв, символизирующих эти архифонемы. Например, симплиграфическая П-фонемная запись слов типа *гун*, *хотон*, *цэн*, *шандан* должна была бы выглядеть примерно как *гун*, *хотАН*, *цэН*, *шандАН* (т. е. употребление заглавных букв символизировало бы наличие слабых фонологических позиций).

Вопрос о том, как должна выглядеть адекватная симплиграфическая П-фонемная транскрипция слов, в которых представлены количественные чередования сокращающего характера, довольно сложен. Собственно говоря, эта сложность обусловлена тем, что соответствующая специальная символика в лингвистике вообще не разработана (и потому, естественно, и вопрос о её симплиграфических вариантах остаётся нерешённым).

С другой стороны, возможна также симплиграфическая морфофонемная транскрипция. Фактически в статьях [Жрылов 1985; 1986; 1987; 1988] использовалась преимущественно транскрипция

симплиграфического характера на современной халха-монгольской (так сказать, дамдинсуреновской) графической основе — в том числе симплиграфическая морфофонемная запись.

Фактически симплиграфическая морфофонемная запись часто используется при описании морфологии конкретных языков, имеющих письменность, а именно когда при обозначении той или иной морфемы используется запись её основного вида на основе принятой в данном языке графики.

Напр., вышеупомянутые омонимические пары будут транскрибироваться по-разному. Так, основы с финальной морфофонемой ⟨η⟩ будут получать симплиграфическую морфофонемную запись как *гунг*, *хотАнг*, *цэнг*, *шандАнг*, (независимо от падежа, в котором стоит словоформа), а в конце основ с финальной морфофонемой ⟨п⟩ должна будет писаться графема *н*, и т.о. морфофонемная симплиграфия будет давать результат типа *гун*, *хотАн*, *цэн*, *шандАн*.

Соответственно, в симплиграфической записи

Граммема	Симплиграфическая морфофонемная запись	Интернациональная изофонематическая морфофонемная запись	Орфография (осн. вид)	Орфография (варианты)
квестив	<i>вАИ?</i>	{+bæi?}	<i>вэ?</i>	<i>бэ?</i>
интеррогатив	<i>=УУ?</i>	{=uu}	<i>уу?/юу?</i>	
эмфаза	<i>=АА!</i>	{=æa!}	<i>аа!, -(г)аа!</i>	<i>(г)ээ!, (г)оо!, (г)өө!</i>
цертив	<i>=шУУ!</i>	{=šuu}	<i>шуу</i>	<i>шүү</i>
перспиквус	<i>=дАА</i>	{=dæ}	<i>даа</i>	<i>дээ, доо, дөө</i>
пробабилитатив	<i>биз</i>		<i>биз</i>	
симулятив	<i>шиг /шив</i>		<i>шиг /шив</i>	
контрастив	<i>л</i>	{=l}	<i>л</i>	
консоциатив	<i>ч</i>	{=ci}	<i>ч</i>	
волюнтатив	<i>-(А)Я</i>	{=jæ}	<i>-(ь)я</i>	<i>-(ь)я -(ь)е -(ь)ё -ө</i>
императив	<i>-∅</i>	{∅}	<i>-∅</i>	
прекатив	<i>-АА!</i>	{∅=æa!}	<i>-(г)аа!</i>	<i>-(г)ээ! -(г)оо! -(г)өө!</i>
фестинатив	<i>-ААч!</i>	{∅=æ=ci!}	<i>-(г)аач!</i>	<i>-(г)ээч! -(г)ооч! -(г)өөч!</i>
рогатив	<i>-ААm!</i>	{∅=æ=tə!}	<i>-(г)аам!</i>	<i>-(г)ээт! -(г)оом! -(г)өөт!</i>
рекомендатив	<i>-ААр!</i>	{=æгa!}	<i>-(г)аарай!</i>	<i>-(г)ээрэй! -(г)оорой! -(г)өөрэй!</i>
инвокатив	<i>-гтУн</i>	{=gtu=n}	<i>-гтун</i>	<i>-гтүн</i>
гоноратив	<i>-гтУй</i>	{=gtu=i}	<i>-гтуй</i>	<i>-гтүй</i>
оптатив	<i>-г</i>	{=gi}	<i>-г</i>	
салютатив	<i>-тУгАй!</i>	{=tugəi!}	<i>-тугай!</i>	<i>-түгэй</i>

сператив	-АасАй!	{=əəsəi!}	-(г)аасай!	-(г)ээсэй! -(г)оосой! -(г)өөсэй!
превентив // премонитив	-УУзАй!	{=uuzəi!}	-(г)уузай!	-(г)үүзэй!
потенциалис	-мэ	{=mɛə}	-мэ	
презент	-на	{=nə}	-на	-нэ -но -нө
профект	-лаа	{=ləə}	-лаа	-лээ -лоо -лөө
(неэмфатический) синтетический перфект	-ж	{=ʒi}	-ж	
(эмфатический) синтетический перфект	-жАИ	{=ʒiəi}	-жээ	
аорист	-вА	{=bə}	-в	
PG: конгрессив	-ж, -ч	{=ʒi}, {=ɕi}	-ж, -ч	
PG: антегрессив	-Аад	{=əəd}	-(г)аад	-(г)ээд -(г)оод -(г)өөд
модификатив	-Н	{=N}	-н	
кондиционал	-бАл	{=bəl}	-бал/-вал	-бэл -бол -бөл -вэл -вол -вөл
концессив	-вч	{=bcɪ}	-вч	
терминал	-тАл	{=təl}	-тал	-тэл -тол -төл
симультан	-мАгц	{=mægɕə}	-магц	-мэгц -могц -мөгц
персевератив	-сАар	{=səər}	-саар	-сээр -соор -сиур
супин	-хаА	{=xəə}	-хаа	-хээ -хоо -хөө
консекутив	-хлАар	{=xləər}	-хлаар	-хлээр -хлоор -хлиур
транскурсив	-НгУУт -НгАА	{=ŋuutə} // {=ŋəə}	-нгуут -нгаа	-нгуут -нгаа -нгээ -нгоо -нгөө
тентатив	-мААж	{=məəʒi}	-мааж	-мээж -моож -мөөж
имперфектив	-АА	{=əə}	-(г)аа	-(г)ээ -(г)оо -(г)өө
перфектив	-сан	{=sən}	-сан	-сэн -сон -сиин
инфинитив	-х	{=xə}	-х	
узуалис	-даг	{=dæg}	-даг	-дэг -дог -дөг
абилитатив	-маАр	{=məər}	-маар	-мээр -моор -миур
актив	-гч	{=gɕi}	-гч	
(показатель тематической суб-парадигмы)	-н-	{=n=}	-н-	
атрибутив	∅	T{=∅}	∅	
генитив	-ын(x) -ы(x)	T{=uɪN}	-ын(x) -ы(x)	-ы, -ий, -ийн(x)
комитатив	-май	{=təi}	-май	-мэй, -мой
аккузатив	-ыг	{=uɪgɪ}	-ыг	-ы -ийг -ий
датив	-да, -тА	T{=də}	-д, -т	
инструменталис	-Аар	{=əər}	-(г)аар	-(г)ээр -(г)оор -(г)өөр
Транслатив	-Уур	{=uʊr}	-(г)уур	-(г)үүр

контемпоралис	-ААр	T{=æŋ}	-(ɣ)аар	-(ɣ)ээр -(ɣ)оор -(ɣ)өөр
аблатив	-ААс	T{=æəs}	-(ɣ)аас	-(ɣ)ээс -(ɣ)оос -(ɣ)өөс
директив	-рУУ -лУУ	{=ruu}	руу	луу, рүү, лүү
латив	-гш	{=gʂi}	-гш	-ш
мензуратив	-цАА	T{=cəə}	-цаа	-цээ -цоо -цөө
симулятив	шиг	{+ʂig}	шиг	
рефлексивный посессив	-АА	{=əə}	-(ɣ)аа	-(ɣ)ээ -(ɣ)оо -(ɣ)өө
посессив I л. Sg.	мину	{+minu}	минь	
посессив I л. Pl.	маАну //ману	{+ma(ə)nu}	маань, мань	
посессив II л. Sg.	чину	{+ɕinu}	чинь	
посессив II л. Pl.	таАну //тану	{+ta(ə)nu}	таань, тань	
посессив III л.	ну	{+nu}	нь	

Нетрудно убедиться, что симплиграфическая запись большей частью весьма напоминает нечто типа «идеализированной» орфографии. В частности, симплиграфическая морфофонемная транскрипция весьма сходна с утопическими проектами усовершенствования орфографии, основанными на морфофонематическом принципе (который в МФШ называют фонематическим, а в ЛФШ — морфематическим, морфологическим или этимолого-морфологическим). Симплиграфическая Щ-фонемная и Дж-фонемная запись весьма напоминает утопические проекты усовершенствования орфографии, базирующиеся на Щ-фонематическом принципе (который в ЛФШ называется фонематическим, а в МФШ — фонетическим). Симплиграфическая П-фонемная транскрипция фактически не соответствует никаким проектам усовершенствования орфографии, так как введение особых символов для записи архифонем не соответствует принципу экономии.

Использование симплиграфической морфофонемной записи в [Крылов 1985] и [Крылов 1988] имело целью экспериментально продемонстрировать определённые достоинства этого способа с точки зрения наглядности транскрипции.

НЕЕДИНСТВЕННОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

5.0. Эпистемологический аспект проблемы множественности

Пытаясь охарактеризовать халха-монгольский язык с точки зрения параметров, релевантных для морфонологической типологии¹, невольно убеждаешься в справедливости вывода, согласно которому «самая значительная из трудностей, с которой непременно сталкивается лингвист, занимающийся типологией вообще и поиском лингвистических универсалий в частности, состоит в том, что зачастую невозможно определить, являются ли некоторые феномены в различных языках соотносимыми друг с другом»². Признание того, что «грамматики, описывающие языки в целях типологического сопоставления, должны пользоваться единообразными моделями описания»³, не снимает с повестки дня проблему выбора между альтернативными (взаимонсключающими) трактовками одних и тех же языковых фактов. (Проблема множественности моделей одного явления активно обсуждалась в структурной лингвистике⁴.) В данном случае речь пойдет о неединственности решений конкретных морфонологических проблем при использовании единого концептуально-терминологического аппарата. Трудность здесь в том, что «некоторое явление в том или ином конкретном языке может быть описано по-разному.

¹ О задачах этой дисциплины см., напр., [Касевич 1986; Dressler 1985].

² [Соколовская 1980: 84].

³ [Булыгина 1977: 86].

⁴ [Chao 1949/1956; Мельчук 1971; Булыгина 1977: 74–109 с библиографией].

Причем все описания оказываются — в рамках принятой системы понятий — одинаково адекватными и (более или менее) одинаково экономными. В такой ситуации строго доказать (в точном смысле слова) неприемлемость одной трактовки или полное превосходство другой, не меня исходную *frame of reference*, абсолютно невозможно»⁵.

Разберем несколько примеров.

5.1. Противопоставление по долготе/ краткости в эпистемологическом аспекте

Есть ли в халха-монгольском языке смысловозначительное противопоставление долгих и кратких гласных морфем? Ответ зависит от того, принимать ли для долгих гласных звуков монофонемную или бифонемную трактовку: в первом случае есть простая оппозиция по долготе / краткости, во втором — нет.

5.2. Морфонологический vs. фонологический сингармонизм: эпистемологический аспект

Есть ли в халха-монгольском языке морфонологический сингармонизм? Ответ зависит от того, считать ли сингармонизм в халха-монгольском языке фонологическим или морфонологическим явлением. В пользу «фонологической» трактовки как будто свидетельствует то, что в подавляющем большинстве случаев восстановление инвариантного облика суффиксов и формантов, имеющих сингармонические варианты, осуществимо без обращения к инвентарю значимых единиц халха-монгольского языка. В пользу «морфонологической» или даже «морфологической» трактовки свидетельствуют:

а) факт наличия «клитик» — служебных морфем, не подвергаемых действию сингармонизма, но составляющих единое акцентное слово с предшествующей словоформой (таких, как посесивные показатели «*мань*», «*тань*» и т. п.);

б) факт наличия неадаптированных заимствований, не подвергаемых сингармонизму.

⁵ [Мельчук 1971: 211].

Однако с обеими трудностями можно справиться, оставаясь в рамках «фонологической» трактовки: достаточно провести границу сферы действия сингармонизма («гармонического слова») между словоформой и клитикой, а саму клитику считать отдельным гармоническим словом; что касается «иностраных» слов, то их можно считать принадлежащими не к «стандартной» фонологической подсистеме языка, а к «монструозной», охватывающей идеофоны, экспрессивные образования, неадаптированные заимствования и прочие «чужеродные» элементы. Пока все эти вопросы не решены, остается открытым и вопрос о морфонологическом статусе сингармонизма.

5.3. Альтернатива vs. апофония: эпистемологический аспект

Есть ли в халха-монгольском языке «значащие» чередования («апофонии»)? Ответ на этот вопрос зависит от выбора того или иного способа описания соотношения между словоформами. Возьмем, например, образование мн. ч. существительных с помощью показателя «д»:

ноён	'князь'	ноёд	'князья'
хаан	'ханы'	хаад	'ханы'
нөхөд	'товарищ'	нөхөд	'товарищи'
хувцас	'одежда'	хувцад (устар.) ⁶	'одежды'
түшмэл	'чиновник'	түшмэд	'чиновники'
нугас	'утка'	нугад (устар.) ⁷	'утки'

Описать такие соотношения можно следующими способами.

А. Отрезки «-н», «-р», «-с» признаются суффиксами «общего числа»⁸, отрезок «-д» — суффиксом 'мн. ч.'. Этот способ резко противоречит общим закономерностям формообразования халха-монгольского языка: у подавляющего большинства существительных 'общее число' не выражается каким-либо аффиксальным показателем вообще⁹, а значит, нулевая манифестация общ. ч. семантически мотивирована. Кроме того, в пользу отнесения от-

⁶ (= совр. «хувцасууд»).

⁷ (= совр. «нугасууд»).

⁸ В ХМЯ мн. ч. противопоставляется не «единственному», а «общему числу». Отличие общего числа от единственного числа в языках европейского стандарта — в отчетливо привативном характере числовой оппозиции в ХМЯ.

⁹ Т. о., немаркированность «общ. ч.» в плане содержания сопровождается немаркированностью в плане выражения.

резков «-н», «-р», «-с» к основе говорит их сохранение в таких деривационных образованиях, как «хаант» 'ханский', «нөхөрлөх» 'дружить', «хувсацжих» 'приобретать одежду', «хувсацлах» 'одеваться, одевать', «хувцасчин» 'портной' и т. п. Так как способ А — единственный способ описать образования мн.ч., не прибегая к понятию чередования, то отказ от этого способа влечет за собой признание чередований в составе основы.

Б. Показателем мн.ч. в указанных формах признается «симульфикс»¹⁰, или «апофония»¹¹, соотв. «н» ⇒ «д», «р» ⇒ «д», «с» ⇒ «д» окажутся дополнительно распределенными алломорфами одной морфемы (включающей кроме симульфиксов также суффикс «-д», представленный, например, в формах мн.ч. «бусад» 'другие' от «бус», «сурагчид» 'ученики' от «сурагч») или апофониями одной апофониэмы (возможно, включающей кроме вышеуказанных апофоний-мен, также апофонию-вставку «Ø ⇒ д»). Приняв способ Б, мы должны будем утвердительно ответить на вопрос 3. Против способа Б свидетельствует «эвристический принцип» морфологического описания, согласно которому описание в терминах аффиксации предпочтительнее, чем описание в терминах модификации (в частности, апофонии)¹².

В. В морфонологической структуре соответствующих форм усматривается сочетание сегментного средства (суффикса «-д») с суперсегментным средством (усечением последнего согласного основы). Внутри способа В можно выделить три разновидности, связанные, впрочем, с различиями в концептуально-терминологическом аппарате описания.

В1. В соответствии с «эвристическим способом С», согласно которому «если морфологическое значение может быть приписано разным морфологическим процессам, постарайся выбрать один из них в качестве носителя этого значения и трактуй остальные как вызываемые им и сопровождающие его»¹³, носителем значения мн.ч. признается сегментная морфема — суффикс «-д», а усечение последнего согласного основы признается «пустой модификацией»¹⁴, конкретнее — «пустым чередованием»¹⁵, происходящим в контексте суффикса «-д»¹⁶. При этом у суффикса «-д» будут пять

¹⁰ (в смысле [Маслов 1975: 176]).

¹¹ (в смысле [Mel'čuk 1982: 98]).

¹² См. [Mel'čuk 1982: 79].

¹³ [Mel'čuk 1982: 80].

¹⁴ [Mel'čuk 1982: 51—54].

¹⁵ [Mel'čuk 1982: 58].

¹⁶ Конкретнее — т. н. «морфонологическим пустым чередованием» [Mel'čuk 1982: 59]. (NB: такое употребление термина «морфонологический» широко распространено, но представляется нежелательным.)

алломорфов, отличающихся своими синтактиками: один из них (поствокальный) не вызывает усечения, другой вызывает усечение «н» $\Rightarrow \emptyset$, третий вызывает усечение «р» $\Rightarrow \emptyset$; четвертый вызывает усечение «с» $\Rightarrow \emptyset$, пятый вызывает усечение «л» $\Rightarrow \emptyset$. У соответствующих корней будет по два алломорфа — усеченный и полный.

В2. Носителем значения мн. ч. признается сегментная морфема — суффикс «-д», а усечение корневой финали трактуется как пустая апофония. Четыре вышеперечисленных правила усечения (и, возможно, также «нулевая апофония», постулируемая для поствокальных контекстов) будут считаться алло-апофониями одной апофонизмы¹⁷, распределёнными относительно корневой финали.

В3. В соответствии с принципом, согласно которому «воздействие на соседние сегменты составляет столь же существенную и неотъемлемую характеристику экспонента воздействующей морфемы, как и фонемный состав ее собственного сегмента»¹⁸, выразителем значения мн. ч. признается сочетание сегментного средства (аффикса) с суперсегментным средством (усечением). В этом случае про морфему мн. ч. в целом (равно как и про ее алловарианты) нельзя, строго говоря, утверждать, что она — «сегментная». Морфема оказывается сочетанием двух субморфем — сегментной и суперсегментной.

В4. Выразителем мн. ч. признается идиоматичное сочетание двух морфем — сегментной и суперсегментной. Сегментная морфема — суффикс «-д», суперсегментная — симульфикс (усечение). Принципиальная возможность описывать подобные случаи с помощью понятия морфологической идиомы связана с тем, что значение морфемы «нередко ущербно или формально, порой выступает в «снятом виде»»¹⁹, а «сложный форматив»²⁰ может иметь «опрошенную» структуру, т. е. «стертую» внутреннюю форму — состоять из нескольких десемантизованных морфем²¹.

Г. Выразителем мн. ч. признается суффикс «-д», а усечение считается «автоматическим» чередованием, происходящим на конце слова. В пользу этого решения говорит то, что в халха-монгольском языке действительно запрещены стечения согласных на конце слова, и, т. о., компрессия финального согласного была бы здесь фонетически мотивированным явлением. Такое решение,

¹⁷ [Mel'čuk 1982: 102].

¹⁸ [Маслов 1975: 172].

¹⁹ [Маслов 1978: 17].

²⁰ [Маслов 1978: 15].

²¹ (NB: я употребляю термины «стертый», «снятый», «опрошенный», «десемантизованный» в чисто синхронном смысле, без каких-либо претензий на историческую реальность соответствующих диахронических процессов.)

однако, сталкивается с трудностями: если бы усечение корневой финали было бы автоматическим преобразованием, то оно бы не происходило в предвокальной позиции (ведь в предвокальной позиции сочетания согласных «рд», «нд», «лд» допустимы!), между тем в формах мн. ч. усечение происходит и в том случае, если за показателем мн. ч. следует формант, начинающийся с гласной. Ср. «ноёдын» ('князей'), «хаадаар» ('ханами'), «нөхөдөө» ('своих товарищей') и т. п. Если переформулировать правило, сказав, что компрессия происходит на конце лексемы (а не на конце словоформы), то оно уже перестает быть «автоматическим» (если не вводить в морфонемный инвентарь специального «пограничного сигнала», характеризующего границу между лексемой и постфиксом).

5.4. Эпентеза vs. синкопа: эпистемологический аспект

Есть ли в халха-монгольском языке морфонологическая вокалическая эпентеза? Или вокалическая синкопа? Или «и то, и другое»? Ответ на эти вопросы зависит от того, какую запись принимать за исходную — вокализованную или невокализованную, что само по себе представляет нетривиальную проблему.

Наиболее подробное описание монгольских звуковых чередований, предпринятое Дж. Стритом²², ориентировано на орфографический облик словоформ и потому, строго говоря, относится к «морфографемике», а не к морфонологии, однако значительная часть приводимых правил отражает реальные закономерности произнесения и, соответственно, может быть переинтерпретирована применительно к морфонологии. В понимании Дж. Стрита исходная запись корневых и служебных морфем строится исходя из принципа минимальной вокализованности; соответственно, в морфонологических преобразованиях значительное место занимают правила вокалической эпентезы: {bɔdnɔg} ⇒ //bɔdoncog// 'батат'; {adil.vtr} //adilavtar// 'отчасти похожий'. В силу «противоречия между парадигматической и синтагматической экономией»²³ компактная форма исходной записи оборачивается усложнением инвентаря исходных элементарных единиц («морфографем» по Стриту). Так, в консонантный инвентарь приходится вводить пары консонантных единиц, отличающихся, по сути де-

²² [Street 1963: 1—45].

²³ [Булыгина 1977: 94].

да, именно вокализованностью-невокализованностью: ср. вокализованные согласные //g, l, n, r, s, v// и невокализованные //g, l, n, r, s, v//. Диакритические значки в такой записи употребляются лишь затем, чтобы отличить «согласный» от сочетания «согласный + гласный». Несмотря на очевидную «неестественность» такого описания (по крайней мере применительно к устной форме языка, а не к орфографии), оно является в принципе допустимым, непротиворечивым.

Другой способ описания — использовать в качестве исходной записи вокализованный вариант везде, где это соответствует произношению основного варианта данной морфемы²⁴. При такой системе записи вокалическая эпентеза сводится к минимуму, но увеличивается удельный вес элизии и стяжения. Так, краткий гласный неверхнего подъема²⁵, усекается перед дифтонгами и долгими гласными. Ср., напр., стяжение типа ⟨хаАнА⟩ 'где' + ⟨=ААс⟩ 'от' ⇒ ||хаАнААс|| 'откуда'. Данное стяжение носит морфологический характер²⁶, о чем свидетельствует создаваемая им омофония словоформ: ср. ⟨хаАн⟩ 'хан' + ⟨=ААс⟩ 'от' ⇒ ||хаАнААс|| 'от хана', где такого стяжения нет. Примером элизии могут служить случаи типа ⟨харА⟩ 'смотреть' + ⟨=УУл⟩ 'кауз.' ⇒ ⟨харА-УУл⟩ ⇒ ||харУУл|| 'показывать'. Однако использование вокализованной исходной записи не позволяет полностью избавиться от вокалической эпентезы. Она так или иначе должна происходить в формах типа ⟨сур⟩ 'учиться' + ⟨-гЧИ⟩ 'акт.прич.' ⇒ ||сурАгЧИ|| 'учащийся'; ⟨ол⟩ 'находить' + ⟨=н⟩ 'деепр. образа действия' ⇒ ⟨ол=н⟩ ⇒ ||олАн|| 'находя' (орфогр. «олон»). Ср. омонимичную форму ||олАн|| 'много' или деепричастие ⟨эрААлА⟩ 'пестреть' + ⟨=н⟩ 'деепр. образа действия' ⇒ ||эрААлАн|| 'пестря' (орф. «эрээлэн»), где наличие гласного ||А|| едва ли объяснимо с помощью вокалической эпентезы.

Таким образом, морфонологическая интерпретация этих случаев (элизия или соположение? эпентеза или соположение?) зависит от выбора исходной записи, а этот выбор до некоторой степени условен.

Иногда на морфонологическую трактовку фактов влияет и выбор фонологической транскрипции. Так, согласные ||m||, ||u||, ||ч||, ||з||, ||ж||, ||n||, ||x||, ||ш|| не могут встречаться в конце словоформы и в предконсонантной позиции. После них обязательно следует гласный, качество которого определяется окружением. Но если присутствие этого гласного обязательно, то оно, стало быть, не

²⁴ Фиксируемому, напр., в [Рорре 1951].

²⁵ Транскрибируемый в [Крылов 1985] как ⟨А⟩.

²⁶ (в смысле [Крылов 1985]).

имеет смысловозначительной функции и потому может трактоваться как фонологический «нуль» (отсутствие фонемы). При такой трактовке исходная морфонологическая запись, разумеется, будет также невокализованной. Таким образом, возможно три варианта фонологического описания данной позиции:

(А) гласная фонема;

(Б) отсутствие гласной фонемы (т. е. «нуль») и

(В) нейтрализация гласной фонемы и ее отсутствия²⁷.

Описание (А) допускает различные морфонологические трактовки соответствующих словоформ:

(А1) гласная морфонема;

(А2) отсутствие гласной морфонемы;

(А3) «нейтральная» архиединица.

Описание (Б) имплицитно подразумевает отсутствие гласной морфонемы.

Описание (В) имплицитно подразумевает признание морфонологической нейтральности.

Итак, есть ли в халха-монгольском языке морфонологическая вокалическая эпентеза и эпитеза в позиции после соответствующих шумных морфем? При трактовках (А1), (Б) и (В) ее не будет, при трактовках (А2) и (А3) она есть. С другой стороны, есть ли в халха-монгольском языке фонологическая эпентеза и эпитеза в указанных позициях? При трактовке (А) ее не будет, при трактовках (Б) и (В) она имеет место.

5.5. Эпентеза vs. выпадение: эпистемологический аспект

Есть ли в халха-монгольском языке консонантная морфонологическая эпентеза фонемы $\|z\|$ между двумя долгими гласными (или дифтонгами)? Если транскрибировать аффиксы, в составе которых есть данное чередование $\|z\|$ с нулем, как начинающееся с сочетания двух гласных морфемом, то ответ на этот вопрос будет положительным²⁸. Ср. $\langle \text{нохАИ} \rangle$ 'собака' + $\langle =\text{ААР} \rangle$ 'инстр.' $\Rightarrow \| \text{нохАИ}z\text{ААР} \|$ 'собакой' (орф. «*нохойгоор*»). Если же транскрибировать такие аффиксы как начинающиеся с морфемой $\langle z \rangle$, предшествующей сочетанию двух гласных, то ответ оказывается отрицательным. Напротив, придется признать, что в халха-монголь-

²⁷ Насколько мне известно, классическая теория фонологических оппозиций не выработала понятия типа «архифонема» для описания нейтрализаций такого рода.

²⁸ [Крылов 1985: 120].

ском языке есть выпадение ⟨z⟩ в позиции после согласных и кратких гласных перед сочетанием двух гласных (что, впрочем, фонетически менее естественно). Заметим, что в этом случае придется специально объяснять, почему не выпадает ⟨z⟩ в формах типа ||биЧИгААр|| (орф. «бичгээр» 'письмом'). Можно, напр., объяснять это тем, что указанное чередование происходит лишь в начале аффикса (перед границей ⟨=⟩ или ⟨—⟩), но это ещё более понижает степень фонетической естественности правила. Если же транскрибировать корни, после которых происходит данное чередование, как кончающиеся на ⟨z⟩, то эпентезы опять же не будет, а будет ⟨z⟩ в конце словоформы. При этом, однако, остается необъясненным сохранение ⟨z⟩ при формах аккузатива «далайг» 'море', «дэлхийг» 'мир', «галууг» 'гуся', «булууг» 'шишку на лбу' и его отсутствие в соответствующих формах номинатива. Введение особых единиц для описания подобных случаев усложнит описание, но сохранит его непротиворечивость.

5.6. Выбор исходной записи как предпосылка морфонологических решений

Нередко морфонологическая интерпретация зависит от того, какая из алломорфем некоторой морфемы выбрана в качестве исходной²⁹. Так, выбор исходной алломорфемы ⟨=dA⟩ 'датив' имплицитно признает морфемное оглушение в постконсонантной позиции (после согласных ⟨b⟩, ⟨z⟩, ⟨d⟩, ⟨p⟩ и ⟨c⟩): {=dA} ←tA: напр., {гэр} 'дом, юрта' + {=dA} 'дат.п.' ⇒ {гэр=tA}, орф. 'гэрт'. Однако если считать алломорфему ⟨=tA⟩ исходной, то приходится, напротив, трактовать данное чередование как озвончение в поствокальной и постназальной позиции: {=tA} ⇒ ⟨=dA⟩: напр., {ном} 'книга' + {=tA} 'дат. п.' ⇒ {ном=dA}, орф. «номд».

Выбрав в качестве исходной алломорфемы генитива ⟨=UIn⟩, мы должны признавать в возвратно-притяжательных формах на {=AA} либо

(а) вставление пустой (соединительной) морфемной прокладки {=x=}, сигнализирующей о сочетании граммы генитива с граммами возвратности и притяжательности³⁰, либо

²⁹ «Исходная алломорфема» — это приблизительно то же, что «исходная морфа» по [Mei'čuk 1982: 94].

³⁰ [Крылов 1985: 116].

(б) морфемное наращение $\{=УИи\} \Rightarrow \langle =УИиx \rangle$ в предвокальном контексте (заметим, фонетически неестественное!).

Выбор же в качестве исходной алломорфемы генитива $\langle =УИиx \rangle$, напротив, заставляет нас либо (в) признавать морфемную компрессию в предконсонантной и в конечной позиции $\{=УИиx\} \Rightarrow \langle УИи \rangle$, либо (г) признавать морфемную компрессию $\langle x \rangle \Rightarrow \|\emptyset\|$ в тех же позициях (и то и другое фонетически естественно). Решения (д*) (признание двух омосемичных возвратно-притяжательных постфиксов $\{=ээ\}$ и $\{=xАА\}$, распределенных относительно грамматического предтекста) и (е*) (признание двух алломорфем одного постфикса $\langle =ээ \rangle$ и $\langle =xээ \rangle$) приходится отвергнуть в силу их несоответствия требованию «конклюзивности»³¹, т. е. выводимости частнолингвистических суждений из общелингвистических по правилам логического следования: (д*) неприемлемо, так как алломорфемы одной морфемы могут быть распределены только относительно звукового контекста, а (е*) неприемлемо, так как различие между отрезками $\langle ээ \rangle$ и $\langle xээ \rangle$ не является элементарным — оно коррелирует с падежным различием 'не-генитив'/генитив', и, значит, их различитель, отрезок $\langle x \rangle$, является показателем генитива.

Вариант (б) не вполне удачен в силу фонетической неестественности. Однако выбор между вариантами (а), (в) и (г) — нетривиальная проблема. В пользу варианта (г), т. е. против (а) и (в), свидетельствует то, что правило $\langle x \rangle \Rightarrow \emptyset$ является воистину автоматическим, т. е. не знает исключений, ни морфонологических условий применения. Однако против него, т. е. в пользу (а) и (в), свидетельствует то, что оно применяется к одной-единственной морфеме (т. е. к морфеме генитива). Вместе с тем в пользу варианта (а), т. е. против вариантов (в) и (г), свидетельствует то, что оно применяется к одной-единственной грамматической форме (т. е. к «ген.возвр.притяж.»). Но против варианта (а), в пользу (в) и (г) свидетельствует нежелательность наличия «соединительных» («пустых») прокладок в описании, т. к., вообще говоря, это явление морфонологически противоестественно.

По-видимому, трудность интерпретации данного чередования связана с тем, что мы привыкли слишком механически полагаться на принцип, согласно которому «чередование не может быть значащим и обусловленным одновременно, если сами условия не значащи»³². Между тем внимательный анализ морфонологических явлений показывает, что как фонетическая обусловленность,

³¹ [Вардуть 1977: 109].

³² [Булыгина 1977: 230].

так и «значимость» чередования — не дискретные, а градуальные параметры³³. Как правило, по мере убывания значения первого параметра возрастает значение второго, однако реально эта зависимость — непрямая, здесь возможны периферийные, смешанные и даже парадоксальные случаи, так что иногда мы сталкиваемся с «более или менее отчетливой семантизацией живых морфемных чередований»³⁴. С одной стороны, усечение $\langle \text{ж} \rangle$ в предконсонантной и предконечной позиции автоматически, значит, это чередование — «живое»; с другой стороны, альтернант $\langle \text{ж} \rangle$ выступает ровно в одной грамматической форме и, таким образом, является ее показателем.

5.7. Наличие альтернативных описаний как стимул для усовершенствования теоретического аппарата морфонологии

В ситуации альтернативных описаний нередко приходится «менять исходную систему понятий (добавлять новые критерии или требования и т. п.)»³⁵.

Напр., для контрроверзы типа 6 (какая из алломорфем является исходной?) в ситуации логической равноправности решений можно предложить дополнительный критерий частоты встречаемости: «один из альтернантов обладает гораздо большей употребительностью, чем другой, и является поэтому основным альтернантом»³⁶ или простоты/сложности описания дистрибуции: считать исходным тот альтернант, «условия встречаемости которого имеют более сложное описание»³⁷.

В других случаях приходится признать, что исходный концептуальный аппарат описания был «недостаточно различительным»³⁸, а само описание — «неконформативным»³⁹, т. е. не учитывающим промежуточных, смешанных и противоречивых фак-

³³ Это убедительно продемонстрировано в [Маслов 1979], где речь идет о «степени фонетической обусловленности данного чередования в синхронном срезе языка» [Маслов 1979: 198] и о «степени семантизации альтернантов, степени их морфологизации в разных моделях словообразования и формообразования» [Маслов 1979: 198].

³⁴ [Маслов 1979: 199].

³⁵ [Мельчук 1971: 219].

³⁶ [Блумфилд 1933/1968: 171].

³⁷ [Meľcuk 1982: 60].

³⁸ [Вардудль 1977: 114].

³⁹ [Вардудль 1977: 109].

тов языка. Значит, эту недостаточно различительную теорию «необходимо заменить другой, обладающей большей различительной способностью»⁴⁰.

Так, для решения проблемы 2 желательно было бы ввести представление о «сверхрегулярной морфонологии» или, наоборот, «непоследовательной фонологии», которая будет охватывать сингармонические явления.

Для решения проблемы 3 желательна разработка учения о «начальной степени семантизации исторических чередований»⁴¹.

Для решения проблемы 4 необходимо выработать представление об автоматических вокалических призвуках как об особых фонологических единицах, промежуточных между фонемой и отсутствием фонемы.

Для решения проблемы 6 приходится, в частности, вводить представления о «ненаправленных» чередованиях (типа ⟨*ɔ* ~ ⟨*ə*⟩ в приведенных монгольских примерах).

Для описания возвратно-притяжательных форм, видимо, надо ввести понятие о чередованиях, которые с равным успехом могут быть квалифицированы и как чисто морфонологические (автоматические) (ибо обусловлены звуковым контекстом), и как чисто морфологические (ибо происходят в конкретной грамматической форме). Типологически сходный случай имеет место в глагольной системе русского языка и других славянских языков: с одной стороны, у большинства глаголов «выделяется по две парциальные основы»⁴² — «презентная» и «непрезентная», ассоциируемые с соответствующими субпарадигмами (а значит, соответствующие звуковые преобразования имеют морфологическую функцию); с другой стороны, у большинства глаголов презентная и непрезентная основы автоматически выводимы из «основной формы полной основы»⁴³ с опорой на звуковой контекст. Этот кажущийся парадокс объясняется тем, что окончания прошедшего времени и инфинитива — «консонантные», а окончания настоящего времени и повелительного наклонения — «вокалические»⁴⁴. Напрашивается вывод, что в подобных случаях можно говорить о совмещении фонетической и грамматической обусловленности.

⁴⁰ [Вардудль 1977: 114].

⁴¹ [Маслов 1979: 198].

⁴² [Маслов 1975: 189].

⁴³ [Якобсон 1948/1985: 199].

⁴⁴ [Якобсон 1948/1985: 202].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная новизна работы

Можно говорить о новизне предлагаемого подхода как в общелингвистическом, так и в частнолингвистическом аспекте.

А. Общелингвистический аспект новизны

В настоящей работе впервые в общем языкознании строится теория морфемики и морфонологии агглютинативного языка, которая может быть органической частью общей теории грамматики, основанной на неструктуралистских принципах полноты, многоаспектности связности и эксплицитности.

В явном виде и с надлежащей полнотой рассмотрены основные контрверзы морфонологического описания агглютинативных языков и намечены пути решения этих контрверз в ситуации неединственности описания.

Предложена морфологическая теория, в которой элементы «алломорфемного» подхода совмещаются с элементами «морфонемного» подхода на основе принципа дополнительности.

А именно, считается, что алломорфемный подход должен применяться к позиционным чередованиям, не являющимся «формально устранимыми» (по терминологии А. К. Поливановой), а морфонемный — к позиционным чередованиям, являющимся «формально устранимыми».

Предложена целостная морфонологическая концепция, в которой процессы кодирования и декодирования словоформ трактуются как одинаково важные для адекватного моделирования морфонологии.

В метаязык общей теории грамматики вводятся такие понятия, как «гармоническое слово», «атрибутив» (= «атрибутивный падеж»), «суффикс-плюрализатор», «дистинктивная функция морфонемы», «чужеродная морфонема», «чужеродный корень».

Эксплицитно введены (в их морфонологической синхронной интерпретации) термины «инициаль корня», «финаль корня», «инициаль суффикса», «финаль суффикса» и др. (см. подробнее главу 1, раздел 1.3, пункт А).

В значительной мере основываясь на том методе морфологического описания, который Т. В. Булыгина называет «динамико-семиотическим»¹, неструктурализм в некоторых отношениях отличается от динамико-семиотического подхода.

А именно, во-первых, динамический принцип в неструктуралистской интерпретации означает не просто одностороннюю ориентацию на процесс построения словоформ, но двустороннюю ориентацию, одновременное внимание к процессам построения и понимания словоформ (отсюда — целесообразность разграничения алломорфемных и морфонемных правил).

Во-вторых, в неструктуралистской концепции ставятся и решаются некоторые дискуссионные проблемы общей морфологии, не получившие должного освещения в рамках динамико-семиотического подхода.

Например, рассматривается соотношение супплетивизма и гетероклизии, семиотический статус симульфиксов, структурно-технические функции морфем, соотношение значения морфемы со значением слова и с его «внутренней формой», различие между алломорфемными и морфонемными правилами внутри общего класса позиционных правил.

В-третьих, в неструктуралистской грамматике делается попытка экстраполировать динамико-семиотический подход на агглютинативные языки, выявить фундаментальные трудности, встающие перед исследователем при наложении европоцентристского концептуального аппарата на материал агглютинативного языка, и наметить принципиальные пути разрешения некоторых из этих трудностей.

Б. Частнолингвистический аспект новизны

Впервые в монголистике морфонология (по крайней мере в ее неструктуралистском понимании) мыслится как необходимый раздел грамматического описания.

Монгольская морфология и морфонология описывается как многоуровневая система.

Правила монгольского склонения, спряжения и словообразования формулируются эксплицитно, так, что становится возможной

¹ [Булыгина 1977: 72—73].

их реализация в виде некоторого логического автомата, т. е. искусственно сконструированного естественно-языкового процессора, способного анализировать и синтезировать монгольские словоформы.

Разграничено пять классов звуковых чередований, происходящих со словами при словоизменении и при словообразовании.

Дана исчерпывающая структурно-функциональная многомерная классификация монгольских морфем, за рамками которой не остается никаких существенных подклассов морфем.

Предложен инвентарь граммем, согласующийся с принципами общей теории грамматики. Так, вместо «единственного числа» говорится о граммеме «общего числа» (в последнем случае неструктуралистский подход скорее полемичен по отношению к европоцентристской традиции²). Вместо «инструменталиса со значением одновременности» говорится о «контемпоралисе». Вместо «формы на -wa» или «претеритного перфекта» — об «аористе». Вместо «винительного неформленного» говорится о «номинативе». Вместо «формы полной основы» — об «атрибутиве» и т. п. (см. подробнее главу 1, раздел 1.3, подраздел Б).

И это не просто смена этикеток, ибо речь идет о мотивированном употреблении общелингвистической терминологии применительно к конкретному языку, о принципиально необходимом наложении концептуальных аппаратов общелингвистической и частнолингвистической традиций друг на друга, о попытке сблизить метаязыки общего языкознания и монголистики.

Более того, предлагается говорить о существовании в монгольском таких категорий, как таксис у деепричастных форм глагола, синтетический вид у причастных форм глагола, акционсарт у глаголов, репрезентация и посессивность у существительных.

Предлагается «импортировать» из общего языкознания (понимаемого в русле европейской лингвистической традиции, в первую очередь — отечественной) в монголистику некоторые базовые понятия современной общей лингвистики.

Это, напр., «морфонемная транскрипция», «сильная» и «слабая» фонологическая позиция, «морфологические идиомы», «конверсия», чередование «живое», «историческое», «позиционное», «формально устранимое», «архифонема», «клитика», «формант», «акцентное слово», «гармоническое слово», «исходная форма морфемы», «тематическое» и «атематическое» склонение, «омофония», «омосемия», «гаплосемия», «синтетосемия», «нулевой знак» и др. (см. подробнее главу 1, раздел 1.3, подраздел Б).

² Ср.: «Некоторые исследователи, не пытаясь выявить грамматическую специфику монгольских языков, слепо следуют европейской традиции» [Тенишев & Шадгаров 1988: 8].

Делается попытка применить идеи и методы Московской фонологической школы (конкретнее, в ее «аванесовском» или «новомосковском» варианте, с использованием терминов «морфонема», «сильная морфонема», «слабая морфонема» и т. п.) к описанию монгольских языков и выяснить практические последствия такого применения.

Основные результаты работы

А. Общелингвистический аспект

Основным общелингвистическим результатом работы можно считать построение общей теории морфематики и морфонологии на основе неоструктуралистского подхода, — теории, опирающейся на принципы полноты, многоаспектности, связности и эксплицитности, — и конкретизацию принципов этой теории применительно к морфемике и морфонологии агглютинативного языка.

Решен ряд дискуссионных вопросов, касающихся границ применимости основных понятий морфологии, морфонологии и фонологии флективных языков к языкам агглютинативным.

Б. Частнолингвистический аспект

В настоящем исследовании разработано шесть типов нотации монгольских словоформ, необходимых для многоуровневого моделирования монгольской морфологии, морфонологии и фонологии: лексограммная запись, морфемная запись, морфемная транскрипция, фонемная транскрипция, гипофонемная транскрипция и аллофонемная транскрипция. Для каждого из этих уровней поставлена и решена задача инвентаризации элементарных единиц этого уровня: лексем и граммем на лексограммном уровне, морфем на морфемном, алломорфем и морфем на морфемном, фонем на фонемном, гипофонем на гипофонемном и аллофонем на аллофонемном уровне. Эксплицированы логические основания для выделения соответствующих единиц, выявлены следствия из принятия неоструктуралистских предпосылок к материалу агглютинативного языка. Сформулированы правила соответствий между любыми двумя соседними уровнями.

В. Типологический аспект

Показано, что (вопреки распространенному мнению о простоте агглютинативной морфологии и морфонологии) в одном из канонических агглютинативных языков, выбранном для исследова-

ния, можно при желании обнаружить и весьма богато представленную фузию (как на морфонемном, так и на морфемном уровнях), и морфологическую нерегулярность (супплетивизм, гетероклизию, нестандартность, значащие чередования). Ни в коей мере не ставя под сомнение традиционный тезис об агглютинативном характере монгольских языков, следует, однако, доказывать этот тезис с помощью не столько «качественных», сколько «количественных» соображений: описав несколько языков на базе одной и той же морфологической теории, измерить значения «индексов» морфологической типологии в смысле Дж. Гринберга. Применительно к монгольскому такая попытка была сделана Н. С. Яхонтовой, однако результаты этих исследований нуждаются в дальнейших уточнениях с учетом всех сложностей частнолингвистического описания, отмеченных в настоящем исследовании.

Достоверность теории

Достоверность предлагаемой системы правил верифицируема построением действующих моделей монгольской морфологии, морфонологии и фонологии, построенных на основе изложенной теоретической концепции.

Теоретическая значимость исследования

В работе уточнен ряд кардинальных понятий общей морфологии, морфонологии и фонологии, — таких, как морфология, склонение, слово, морфема, лексема, граммема, морф, алломорфема, морфонема, фонема, чередование, флективность, флективный язык, агглютинация, агглютинативный язык, функция морфемы, фузия, формант, клитика, тематический элемент, основа, падеж, эпентеза, уровни языка, омофония, супплетивизм, апофония, сандхи, нулевая морфема. Продемонстрирована целесообразность создания неструктуралистских описаний монгольских языков.

Научно-практическая ценность работы

Результаты исследования могут быть использованы в работе при создании новых описательных грамматик монгольских языков, в работе над лекциями по курсам «Введение в языкознание», «Основы структурной лингвистики», «Общая фонетика», «Общая морфология», «Общая морфонология», «Лингвистическая типоло-

гия», «Автоматическая обработка текста», «Введение в семиотику», «Теоретическая грамматика монгольского языка», «Сравнительная грамматика монгольских языков», при уточнении концептуального аппарата общей фонетики и грамматики, при работе над словарями лингвистической терминологии.

Практическое значение

Результаты работы могут быть использованы при научной экспертизе по вопросу о сравнительных достоинствах и недостатках конкурирующих систем современной монгольской графики и орфографии, целесообразность реформ которых активно обсуждается сегодня в МНР.

С другой стороны, начавшаяся в последние годы разработка систем автоматического анализа и синтеза монгольских текстов могла бы только выиграть от опоры на научно обоснованную модель морфологического анализа и синтеза монгольских словоформ, основанную на имеющемся опыте неструктуралистского описания морфологической, морфонологической и фонологической системы монгольского языка.

Различение пяти классов звуковых чередований может оказаться полезным и в практике преподавания монгольского языка, так как базируется на выделении разных степеней регулярности чередований.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

О предмете «монгольское языкознание». Краткий историко-лингвистический комментарий к понятиям «монгольский язык», «халха-монгольский язык» и «монгольские языки» (опыт терминологического уточнения)

0.0. Монгольские языки

Современный халха-монгольский язык МНР принадлежит к группе монгольских языков. Монгольские языки являются не просто родственными, но близкородственными. Халха-монгольский разделяет с ними большинство типологически значимых черт.

Поэтому многие утверждения, делаемые в данной работе применительно к халха-монгольскому, в действительности касаются также других монгольских языков. Излагаемая ниже, в пп. 1—5, классификация монгольских языков дает возможность гипотетически очертить сферу экстраполяции многих суждений о халха-монгольском на близкородственные ему языки.

0.1. Происхождение монгольских языков

Монгольские языки составляют предположительно одну из подветвей западно-алтайской (материковой) ветви алтайской языковой семьи. Ближайшие родственники монгольских языков, также входящие в западно-алтайскую ветвь (распавшуюся около III тысячелетия до н. э.), — это тюркские и тунгусо-маньчжурские языки. Более дальние родственники, составляющие восточно-алтайскую ветвь, — это корейский и японский языки.

Поэтому многие утверждения, делаемые в данной работе применительно к монгольским языкам, в действительности касаются также других алтайских языков или других западно-алтайских языков.

0.2. Место монгольских языков среди алтайских. Внешнее родство монгольских языков

Алтайская языковая семья (распавшаяся примерно в VI—V тысячелетиях до н. э.) составляет одну из семи ветвей ностратической макросемьи (включающей наряду с ними также индоевропейские, афразийские, картвельские, уральские, дравидийские и эскимосско-алеутские языки).

Отдельные черты алтайских языков являются общеностратическими (такие, как наличие склонения).

Многие типологически значимые характеристики монгольских языков сближают их со всеми алтайскими (отсутствие начальных кластеров, агглютинация, резко привативный характер числовой оппозиции, наличие номинатива-индефинитива наряду с аккумулятивом, наличие категории притяжательности, доминирующий порядок слов SOV, наличие послелогов, отсутствие рода, постановка определения перед определяемым, употребительность вербоидов для выражения второстепенной предикации, наличие безаффиксной атрибутивной репрезентации у существительных); многие другие черты сближают их со всеми западно-алтайскими (сингармонизм).

Некоторые из перечисленных изоглосс одновременно сближают алтайские языки с уральскими или западно-алтайские с уральскими, что в свое время явилось аргументом в пользу т.н. «урало-алтайской» гипотезы и позволило говорить о т.н. «туранском» языковом типе, характеризуемом этими типологически значимыми признаками.

Поэтому многие утверждения, делаемые в данной работе применительно к алтайским языкам, в действительности касаются также других ностратических языков — в первую очередь, условно говоря, «восточно-ностратических» или «туранских». Интерпретация «туранских» изоглосс как имеющих генетическое или ареальное (субстратное) происхождение, — дело компаративистов. Здесь уместно лишь напомнить о самом факте наличия этих изоглосс, чтобы очертить возможную сферу применимости некоторых обобщенных суждений о типологической специфике халха-монгольского.

0.3. Внешние контакты монгольских языков

В ходе истории монгольские языки контактировали с соседними (как непосредственно, так и опосредованно). Поэтому в монгольской лексике имеется несколько хронологических пластов заимствованной лексики. Это и древнейшие тюркизмы — заимствования из общетюркского в общемонгольский (примерно в VIII—XI вв.), и уйгуризмы (примерно в XII—XIII вв.) — в том числе опосредованные заимствования из согдийского, санскрита и греческого, — и средневековые китаизмы, арабизмы и иранизмы (из персидского), представляющие большой интерес для этимологов.

Однако для нашей проблематики особо существенно отметить заимствования более позднего периода: связанные с буддийской культурой тибетизмы (XVI—XX вв.), маньчжуризмы и китаизмы Нового времени (XVIII—XIX вв.), а также русизмы Новейшего времени (XX в.). Если маньчжуризмы не бросаются в глаза какими-либо внешними приметам (видимо, из-за близости фонологических систем контактирующих языков), то у тибетизмов, китаизмов и русизмов такие приметы есть, что представляет интерес для синхронного описания морфонологической и фонологической системы халха-монгольского языка, в которой имеются специальные маркеры большей или меньшей «чужеродности» корневых морфем. Здесь опять же следует подчеркнуть, что вся проблематика, связанная с языковыми контактами и заимствованиями, затрагивается здесь только в синхронном аспекте¹ — с точки зрения синхронной фонологии и морфонологии в любой современной фонологической и морфонологической системе может быть выделено некоторое регулярное «ядро» (морфонологически стандартные слова — либо исконные, либо освоенные заимствования) и некоторая нерегулярная «периферия» (чужеродные слова — либо неосвоенные заимствования, либо слова «монструозные», типа междометий).

0.4. Классификация монгольских языков

Среди монгольских языков и диалектов выделяются мертвые (известные нам по письменным памятникам или порой даже реконструируемые по косвенным данным) и современные. Мертвые

¹ Впрочем, изучение фонологических изоглосс, сближающих тунгусо-маньчжурские языки с монгольскими, может оказаться исключительно интересным для выяснения общего направления эволюции вокалических систем в восточносибирском и циркумбайкальском ареале, что могло бы принести пользу для интегрального рассмотрения сингармонизма одновременно в синхронно-описательном, типологическом, ареальном и диахроническом аспектах.

языки и диалекты классифицируются на основании филологических характеристик письменных памятников. Их точную генеалогическую и диалектную принадлежность еще предстоит выяснить. В развитии монгольских языков и диалектов выделяется несколько периодов.

Понятно, что процесс распада общемонгольского и формирования самостоятельных монгольских языков происходил постепенно, но условные датировки привлекательны своей четкостью. То же самое касается условных датировок, используемых при периодизации развития современных монгольских литературных языков. Принятие тех или иных условных хронологических границ диктуется, в частности, необходимостью дискретного разбиения предмета монголистики в целях библиографической классификации статей по монгольской филологии. Так как эта литература в настоящее время насчитывает уже несколько тысяч названий, то разбиение библиографического справочника на тематические подразделы практически целесообразно. Желательно вместе с тем, чтобы эта классификация была научно обоснованной. То же касается словников энциклопедий типа БСЭ, «Языки мира», ЛЭС и т. п., где волей-неволей приходится вносить классификативную дискретность в монгольскую языковую континуум, составляющий объект монголистики. Ниже предложен опыт такой классификации².

Далее классификация могла бы идти в соответствии с разделами 1—5.

1. Протомонгольский язык

Протомонгольский язык — это предполагаемое состояние (обще-)монгольского языка, реконструируемое сравнительно-историческим методом (путем сравнения монгольских языков и анализа заимствований из протомонгольского языка в соседние), начиная от выделения протомонгольского диалекта из праалтайской языковой общности (около III тысячелетия до н. э.) до формирования монголов как самостоятельного этноса в середине I тысячелетия н. э.

2. Древнемонгольский язык

Древнемонгольский язык — это предполагаемое состояние (обще-)монгольского языка в VII—XII веках н. э., (а) реконструи-

² Обратим внимание, что вышеизложенные пункты 0.1, 0.2, 0.3 и 0.4 также могут быть осмыслены как пункты библиографической классификации.

руемое сравнительно-историческим методом (путем сравнения монгольских языков); (б) фиксируемое по отдельным глоссам в составе китайских летописей (\approx с 618 по 1206 г.); (в) отразившееся в записях монгольского эпоса и восстанавливаемое на их основании.

3. Среднемонгольский язык

3.0. Среднемонгольский язык — это состояние (обще-)монгольского языка в средние века (XIII—XVII вв.), дошедшее до нас в виде средневековых письменных памятников (\approx с 1206 по 1691 г.). Условная дата начала среднемонгольского периода — 1206 год, когда Чингис-хан (тогда еще Тэмучжин), провозгласил создание Монгольской империи. Условная дата конца этого периода — 1691 год, когда Внешняя Монголия потеряла независимость и стала частью Маньчжурско-китайской империи. Среди памятников среднемонгольского языка (отражающих, несомненно, как его разные исторические этапы, так и его разные региональные разновидности) выделяются следующие группы.

3.1. Аборигенные памятники среднемонгольского языка.

3.1а. «Старомонгольские» памятники (= старомонгольская письменность) — совокупность старописьменных монгольских памятников, написанных старомонгольским письмом «галик» (уйгурского происхождения). Язык этих памятников называют «старомонгольским».

3.1б. Памятники «квадратного письма» (= квадратная письменность), или «письма Пагба-ламы» (по имени монаха — создателя квадратного письма), хронологически охватывающие период от момента создания письма до момента падения династии Юаней (1269—1368). Соответственно говорят о «языке памятников квадратного письма» или о «языке квадратной письменности».

3.2. Средневековые транскрипции среднемонгольского языка.

В основном это сино-монгольские и арабографические памятники. Грузинским и армянским письмом записано совсем немного, а латинским — буквально несколько слов.

3.2а. «Сино-монгольские» памятники, т. е. записи среднемонгольского языка китайской графикой. Самым известным из них является «Сокровенное сказание» (= монг. *Manghol-un niuca tobca'n* = кит. *Yuan-ch'ao pi-shi*) — памятник 1240 г., сохранившийся в китайской фонетической транскрипции. Соответст-

венно говорят о языке «Сокровенного сказания». Другие важные источники — это сино-монгольские глоссарии, в первую очередь памятник Хуа-и И-ю.

3.2б. Арабографические глоссарии и словари. Это — монгольско-арабские и персидско-монгольские словари, в которых монгольские слова записаны арабской графикой. Важнейший памятник этой группы — «Мукаддимат-ал-адаб». Соответственно говорят о языке «Мукаддимата». По-видимому, в этом памятнике отражен один из среднеазиатских говоров монгольского языка — давших начало среднеазиатско-монгольским языкам.

3.2в. Грузинографические глоссарии.

3.2г. Армянографические глоссарии.

3.2д. Латинографические глоссы европейских путешественников.

4. Новомонгольские языки и диалекты

4.0. Общие вопросы. Новомонгольский период — это период распада общемонгольского языка на несколько самостоятельных языков и диалектных групп. Поэтому здесь имеет смысл говорить уже не о «новомонгольском языке», а о «новомонгольских языках» или о «языках новомонгольского периода», включающих, во-первых, новые письменные монгольские языки, а во-вторых, бесписьменные монгольские языки и диалекты. Кроме того, исходя из времени фиксации языкового материала, условно сюда можно было бы относить также язык монгольских фольклорных текстов, записанных в Новое время, однако ввиду его сугубой архаичности он занимает особое место среди монгольских языков (см. ниже, 5).

Начало новомонгольского периода относится к XVII веку, однако для разных «самостоятельных» литературных языков можно условно приравнять их возникновение к важнейшим историческим датам в жизни их народов.

4.1. Северномонгольские языки и диалекты. Эту подгруппу иногда еще именуют не вполне удачным термином «основные монгольские языки» — по-видимому, сознательно или бессознательно придавая первостепенную важность социолингвистическим параметрам (именно в этой подгруппе сосредоточены почти все³ известные науке литературные монгольские языки Нового времени) или параметру большей изученности данной подгруппы.

³ Кроме языка памятника «Zirni Manuscript».

Употребление термина «основные» (в противоположность т. н. «изолированным» или «маргинальным», т. е. южномонгольским и среднеазиатско-монгольским языкам) нередко эксплицитно мотивируется ссылкой на факторы далеко зашедшего «смешения языков» — монгольских с соседними. Однако так как степень языковой интерференции в соответствующих регионах также не изучена в должной мере, то термины «основные» и «маргинальные» должны считаться сугубо условными. Кроме того, они вносят ненужный оценочный момент в классификацию монгольских языков. С точки зрения монгольской диалектологии второстепенным является скорее как раз различие письменных и бесписьменных языков: ведь и у «основных» монгольских языков есть бесписьменные разновидности в виде диалектов. В связи с этим чисто территориально окрашенные термины кажутся предпочтительными.

4.1.1. Внешнемонгольские языки и диалекты.

4.1.1.1. Классический старописьменный монгольский язык. Это — «собственно монгольский» (т. е. сформировавшийся в первую очередь во «Внешней Монголии») извод старомонгольского литературного языка, хронологически охватывающий период примерно с 1691 г. (потеря независимости Внешней Монголии) до 1911 г. (падение династии Цин в Китае и объявление независимости Внешней Монголии).

4.1.1.2. Письменномонгольский язык новейшего периода. Это — новейшее состояние старописьменного языка, испытывающего мощное влияние своей новейшей диалектной базы⁴ — халхаских говоров во Внешней Монголии (и МНР) и чахарских говоров во Внутренней Монголии.

4.1.1.2а. Дореформенный литературный язык Внутренней Монголии (примерно с 1911 по 1945 г.). В этот период формируется новый литературный язык на базе халхаского диалекта. Конец этого периода ознаменовался переходом на новую графику кириллического происхождения.

4.1.1.2б. Современный литературный язык Внутренней Монголии (примерно с 1911 г. по настоящее время). Этот язык испытывает сильное влияние своего диалектного субстрата (см. ниже, 4.1.2), в особенности чахарского диалекта (см. ниже, 4.1.2а), поэтому нередко трактуется как диалектно раздробленный.

⁴ Здесь и далее, говоря об интерферентных явлениях, мы обращаем внимание только на литературно-диалектное взаимодействие, а не на адстратное влияние соседних языков, так как последнее обстоятельство не создает принципиальных трудностей для классификации языков и диалектов.

4.1.1.3. Современный литературный язык МНР (примерно с 1945 г. по настоящее время). Основная диалектная база — халхаский диалект, поэтому язык также называется **халха-монгольским**. Для обозначения этого языка употребляются также другие термины — «современный монгольский язык» и «монгольский язык». Однако эти термины фактически шире по содержанию. А именно, под «современным монгольским языком» подразумевается вся совокупность языковых состояний, перечисленных в п. 4.1.1, а под «монгольским языком»⁵ — вся совокупность языковых состояний, перечисленных в пп. 1, 2, 3 и 4.1.1.

4.1.1.4. Современные внешнемонгольские диалекты.

4.1.1.4а. Халхаский диалект.

4.1.1.4б. Даригангский диалект.

4.1.2. Внутреннемонгольские диалекты. Все они испытывают интенсивное влияние литературного суперстрата 4.1.1.2б и потому нередко трактуются как его региональные разновидности.

4.1.2а. Чахарский.

4.1.2б. Уратский.

4.1.2в. Харачин-гумутский.

4.1.2г. Хорчинский.

4.1.2д. Шилингольский.

4.1.2е. Ордосский.

4.1.2ж. Баргуский. В отличие от других внутреннемонгольских диалектов, локализован фактически не во Внутренней Монголии, а в Маньчжурии. За неимением лучшего термина приходится относить его к «внутреннемонгольской» диалектной группе.

4.1.3. Ойратские, или западномонгольские языки. Их также называют «западными» или «ойратско-монгольскими».

4.1.3.1. Старописьменный ойратский язык (1648—1924). Исторически этот язык представляет собой ойратский извод старомонгольского языка, распространенный среди ойратов Синьцзяна и калмыков. Графическая основа — т.н. «Ясное письмо» («Тодо бичиг»), созданное в 1648 г. Зая-пандитой как графическое

⁵ Последний термин, употребляемый в адъективной репрезентации («монгольский», «монгольские» и т.п.), не вполне удобен в тех случаях, когда скрывает за собой неоднозначность в аспекте числа: что такое, напр., «монгольская лексикология» — это лексикология «монгольского языка» или лексикология «монгольских языков»? Между тем в названиях статей и книг встречается и то и другое понимание. Разумеется, библиограф не вправе требовать от филолога терминологической однозначности: чтобы эту неоднозначность преодолеть, следовало бы вторгаться в весьма деликатную область «языковой политики», а это выходит за пределы компетенции обоих. Однако библиограф вправе принимать участие в разработке нормативных рекомендаций по стандартизации филологической терминологии. И здесь, по-видимому, может пригодиться настоящая классификация.

отпочкование старомонгольского письма. Соответствующие памятники называются **памятниками «Ясного письма»**. Называется также «старокалмыцким» языком, так как стал источником современного калмыцкого литературного языка. По имени создателя письма письменность называют также «заяпандитской».

4.1.3.2. Современный ойратский литературный язык (с 1877 г. по наст. вр.). У ойратов Синьцзяна, ставшего китайской провинцией с 1877 г., литературный язык на основе «Ясного письма» функционирует по сей день.

4.1.3.3. Современный калмыцкий литературный язык (с 1924 г. по настоящее время).

4.1.3.3а. Периода орфографических реформ 1920-х гг. Графика на основе кириллицы.

4.1.3.3б. Периода орфографических реформ 1930-х гг. Графика на основе латиницы.

4.1.3.3в. Периода после орфографических реформ. Графика на основе кириллицы.

4.1.3.4. Ойратские диалекты.

4.1.3.4а. волжские (ойрато-калмыцкий диалект).

Говоры:

4.1.3.4а1. дербетский.

4.1.3.4а2. торгутский.

4.1.3.4б. алтае-саянские (кобдо-ойратский диалект).

Говоры:

4.1.3.4б1. дербетский.

4.1.3.4б2. баитский.

4.1.3.4б3. торгутский.

4.1.3.4б4. урянхайский.

4.1.3.4б5. захачинский.

4.1.3.4б6. дамби-элетский.

4.1.3.4б7. мингатский.

4.1.3.4в. кукунорские (торгуто-олётский диалект).

4.1.4. Бурятские языки и диалекты.

4.1.4.1. Бурятский извод старомонгольского языка. Охватывает период примерно с 1691 по 1857 г. Это — язык делопроизводства, летописей, хроник и родословных.

4.1.4.2. Старописьменный бурятский язык. Это период постепенного формирования самостоятельного литературного языка бурят (примерно с 1857 по 1931 г.).

4.1.4.3. Бурятский литературный язык периода реформ 1930-х гг. (1931—1938). Графика на латинской основе.

4.1.4.4. Современный бурятский литературный язык (с 1938 г. по наши дни). Графика на основе кириллицы.

4.1.4.5. Бурятские диалекты.

4.2. Южномонгольские языки и диалекты. Если в северномонгольской подгруппе принято основывать различие между языком и диалектом на признаке «письменный»—«бесписьменный», то применительно к южномонгольской подгруппе это не делается, так как южномонгольские языки существуют только в бесписьменной форме. Распространены в китайских провинциях за пределами Внутренней Монголии, а также в Маньчжурии, чем и объясняется их бесписьменный характер.

4.2.1. Монгорский язык. Китайские провинции Ганьсу и Цинхай.

4.2.2. Дунсянский язык. Китайская провинция Ганьсу.

4.2.3. Баоаньский язык. Китайская провинция Цинхай.

4.2.4. Ши́ра-югурский язык. Китайская провинция Ганьсу.

4.2.5. Дагурский язык. Северная Маньчжурия, а также район Чугучак китайской провинции Синьцзян.

4.2.6. Южномонгольские диалекты.

4.3. Среднеазиатско-монгольские (= «могольские») языки и диалекты.

4.3.1. Старомогольский язык, или язык Зирнийской рукописи. Это — единственный зафиксированный письменный среднеазиатско-монгольский язык. Памятник, известный как «Рукопись Зирни», относится к XVII веку. Графика арабская.

4.3.2. Могольский язык. Распространен в Афганистане (в провинциях Герат, Бадахшан и Маймана). Имеется письменность на арабской основе. Вопрос о том, развивается ли сейчас эта письменность (равно как и вопрос о существовании могольского языка в качестве живого), остается неясным из-за труднодоступности материалов.

5. Язык монгольского фольклора (эпоса)

Под языком монгольского фольклора (эпоса) имеется в виду язык сказаний о Гесере, язык эпоса «Джангар» и некоторых других фольклорных произведений, весьма различных по хронологической привязке и диалектной принадлежности, но необычайно ценных для реконструкции древнемонгольского состояния в связи с обилием архаичных слов и форм. Видимо, оптимальным решением было бы не относить его ни к древнемонгольскому (т. к. в отличие от древнемонгольского он зафиксирован на письме), ни к среднемонгольскому (т. к. в отличие от среднемонгольского он зафиксирован уже после окончательного падения Монгольской империи), ни к новомонгольским (т. к. он не является ни живым

разговорным, ни функционирующим литературным языком какого-либо из новомонгольских народов), а рассматривать как отдельную форму существования древнемонгольского языка в коллективной психике носителей новомонгольских языков⁶.

Однако древнемонгольский язык — это, по определению, реконструируемое состояние, а язык фольклора — зафиксированное состояние. Исходя из этого, имеет смысл при классификации монгольских языков и предмета монголистики вынести язык фольклора в отдельный раздел.

Отнесение эпического языка в разряд новомонгольских могло бы быть оправдано определенным сходством между методами получения материала по новомонгольским языкам (филологическими и диалектологическими) и методами получения материала по языку эпоса (фольклористическими). Однако ни к одной из подгрупп новомонгольских языков этот язык не может быть отнесен вполне однозначно, т.к. представляет собой фактически особую специфическую форму существования, так сказать, общемонгольского эпического «койне» в Новое время. Вместе с тем, по-видимому, можно говорить о существовании разных ареально-этнических «изводах», или национальных версиях языка монгольского эпоса — халхаской, западномонгольской, синьцзян-ойратской, калмыцкой, бурятской версиях. Каждая из них представляет собой результат взаимодействия общемонгольского эпического языка с тем или иным разговорным субстратом.

5а. Халхаская версия.

5б. Синьцзян-ойратская версия.

5в. Калмыцкая версия.

5г. Бурятская версия.

Литература

- Баскаков 1981 — Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: 1981.
- Дарбеева 1967 — Дарбеева А. А. Монгольские языки // Советское языкознание за 50 лет, М.: 1967, с. 276—286.
- Иллич-Свитыч 1971 — Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b — *K). М.: 1971.

⁶ Тем самым язык фольклора занимает нейтральное положение как на шкале «живой vs. мертвый», так и на шкале «разговорный vs. литературный».

- Санжеев 1981 — Санжеев Г. Д. Монгольские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М.: 1981.
- Санжеев, Тодаева 1987 — Санжеев Г. Д., Тодаева Б. Х. Монгольские языки // Языки Азии и Африки. Алтайские языки, М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 98—178.
- Советское монголоведение (1917—1987). М.: 1987.
- Тенишев, Шагдаров 1988 — Тенишев Э. Р., Шагдаров Л. Д. О развитии советского монголоведения (языкознание) // Шагдаров Л. Д. (отв. ред.). Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск: Наука, 1988, с. 3—33.
- Шевернина 1987 — Шевернина З. В. (отв. ред.). Библиография по советскому монголоведению. М.: 1987.
- Яхонтова 1997 — Яхонтова Н. С. Монгольские языки // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Кореянский язык. М.: Индрик, 1997. С. 10—18.
- Binnick 1987 — Binnick Robert L. On the Classification of the Mongolian Languages // *CAsJ*, 1987, v. 31, № 3—4, p. 178—195.
- Poppe 1964 — Poppe N. (Hrsg.). *Handbuch der Orientalistik. V. Altaistik. Abschnitt 2. Mongolistik.* Leiden-Köln: 1964.
- Poppe 1955 — Poppe N. *Introduction to Mongolian Comparative Studies.* Helsinki: 1955.
- Монгол хэлнүүдийн харьцуулсан хэл зүй [Сравнительная грамматика монгольских языков]. Улаанбаатар: 1985. — Мэнгую зуююань цыдянь [Сравнительный словарь монгольских языков]. Синин: Цинхай жэньминь чубаньшэ, 1990. 844 р.
- Сумьяабаатар 1972 — Сумьяабаатар Б. Монгол хэл утга зохиол, аман зохиолын ном үзүй. I. Монгол хэл [Библиография по монгольскому языку, литературе и фольклору. I. Монгольский язык]. Улаанбаатар: 1972.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Важнейшие работы по монгольскому языкознанию

1. Справочники

1. *Шевверина З.В.* (отв. ред.). Библиография по советскому монголоведению. М.: 1987.
2. *Дарбеева А.А.* Монгольские языки // В кн.: Советское языкознание за 50 лет. М.: 1967. С. 276—286.
3. Монголоведческие исследования (к 5-му конгрессу монголоведов в Улан-Баторе). Указатель литературы. Улан-Батор: 1987. С. 63—91.
4. О зарубежных монголоведческих исследованиях по языку. Улан-Удэ: 1968.
5. *Поппе Н.Н.* Итоги исследования монгольского языка и монгольской литературы в СССР за двадцать лет. М.: 1987.
6. Советское монголоведение (1917—1987). М.: 1987.
7. Труды монгольских филологов (1960—1975). Реферативный сборник.
8. Минь цзу юй вэнь яньцзу вэнь цзи [*Изучение языка и литературы народов Китая*]. Синин: 1982 [на кит. яз.].
9. *Сумьябаатар Б.* Монгол хэл утга зохиол, аман зохиолын ном зүй. I. Монгол хэл [*Библиография по монгольскому языку, литературе и фольклору. I. Монгольский язык*]. Улаанбаатар: 1972.
10. *Barkmann U.* Bibliographie mongolistischer Arbeiten in der DDR 1945—1988. В.: 1988.
11. Nicholas Poppe. A bibliography of publications from 1924 to 1977. Compiled to honor the author on his eightieth birthday 8 August 1977. Seattle: 1977.

2. Сборники

12. Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения акад. Б.Я.Владимирцова. Тезисы докладов. М.: 1985.
13. Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста: 1980.

14. Вопросы филологии. Улан-Удэ: 1970.
15. Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста: 1985.
16. Исследования по восточной филологии. К 75-летию проф. Г.Д.Санжеева. М.: 1974.
17. Исследования по монгольской филологии. М.: 1978.
18. Mongolica: Памяти акад. Б.Я.Владимирцова (1884—1931). М.: 1986.
19. Монголоведение и тюркология. М.: 1964.
20. Монголоведные исследования. Элиста: 1983.
21. Монгольский лингвистический сборник. М.: 1985.
22. Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста: 1982.
23. Пятый международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1987. Доклады советской делегации. II. Филология. М.: 1987.
24. Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М.: 1960.
25. Филология и история тюрко-монгольских народов. Памяти акад. Б.Я.Владимирцова. М.: 1958.
26. Четвертый международный конгресс монголоведов. Т. 2. Улан-Батор: 1984.
27. *Лувсанвандан Ш. Монгол хэл шинжлэлийн асуудлууд [Вопросы изучения монгольского языка].* Улаанбаатар: 1980.
28. *Лувсандэндэв А. Хэл бичгийн ухааны зарим асуудал. Боть 1—2 [Некоторые вопросы изучения языка и письма. Том 1—2].* Улаанбаатар: 1980—1982.
29. *Лувсандэндэв А. Хэл зохиолын судлал [Вопросы языка и литературы].* Улаанбаатар: 1978.
- 30—31. Монгол хэл бичгийн зарим асуудлууд [*Некоторые вопросы монгольского языка и письма*]. Улаанбаатар: 1956; 1959.
32. Монгол хэл зохиолын зарим асуудлууд [*Некоторые вопросы монгольского языка и литературы*]. Улаанбаатар: 1970.
33. Монгол хэл уран зохиолын зарим асуудлууд [*Некоторые вопросы монгольского языка и художественной литературы*]. Улаанбаатар: 1966.
- 34—41. Монголын судлал. 1—8 [*Монголоведение. 1—8*]. Улаанбаатар: 1965—1971.
- 42—44. Монголын судлалын зарим асуудал [*Некоторые вопросы монголоведения*]. Улаанбаатар 1961; 1961; 1964:
- 45—46. Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал. Боть 1—2 [*I Международный конгресс монголоведов. Том 1—2*]. Улаанбаатар: 1961.
47. Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть [*III Международный конгресс монголоведов. II том*]. Улаанбаатар: 1977.
- 48—49. Хэл зохиол [*Язык и литература*]. Улаанбаатар: 1961; 1967.
- 50—54. Хэл зохиол судлал [*Вопросы языка и литературы*]. Улаанбаатар: 1972; 1975; 1980; 1980; 1982.
- 55—58. Хэл зохиолын судлал [*Вопросы языка и литературы*]. Улаанбаатар: 1970; 1975; 1976; 1979.

59. Эрдэм шинжилгээний өгүүллүүдийн эмхтгэл [*Сборник научных статей*]. Улаанбаатар: 1963 [= Хэл зохиол. Боть 2. Дэвтэр 4—9].
60. Эрдэм шинжилгээний өгүүллүүд [*Научные статьи*]. Улаанбаатар: 1964 [= Хэл зохиол. Боть 2. Дэвтэр 10—19].
61. Collectanea Mongolica. Festschrift für Professor Dr. Rintchen zum 60. Geburtstag. Wiesbaden: 1966 [= Asiatische Forschungen, 17].
62. *Ligeti L.* (ed.) Mongolian Studies. Budapest: 1970 [= Bibliotheca orientalia hungarica, 14].
63. *Kaschewsky R.* et al. (Hrsg.) Serta tibeto-mongolica. Festschrift für Walther Heissig zum 60. Geburtstag am 5.12.73. Wiesbaden: 1973.
- 64—65. *Studia Mongolica*. Ulan-Bator: 1977; 1985.
- См. также № 4, 7.

3. Учебники

66. *Касьяненко З.К.* Современный монгольский язык. Л.: 1968.
67. *Манжигеев И.М., Номинханов Ц.Д., Санжеев Г.Д.* Учебник монгольского языка (для первого курса). М.: 1932.
68. *Поппе Н.Н.* Практический учебник монгольского разговорного языка (халхаское наречие). Л.: 1931.
69. *Поппе Н.Н.* Учебник монгольского языка. Л.: 1932.
70. *Рамстед Г.* Начальные основания монгольской грамматики. [Б. м. и г.]
71. *Ринчинэ А.Р.* Учебник монгольского языка. Под ред. проф. Г.Д.Санжеева. М.: 1952.
72. *Санжеев Г.Д.* Учебник монгольского языка для 2 и 3 курсов. М.: 1947.
73. Учебник монгольского языка. Сост.: Х.Х.Хайбулин, П.П.Старицына, Н.Н.Поппе, Г.Д.Санжеев. М.: 1940.
74. *Лувсанжав Ч.* Монгол хэл сурах бичиг. Гадаадынханд зориулав. [*Учебник монгольского языка. Для иностранцев*]. Улаанбаатар: 1976.
75. *Austin W.M., Hangin G., Onon U.* A Mongol Reader. Wash.: 1956.
76. *Austin W., Hangin G., Onon U.* A Mongol Reader. Bloomington, Indiana: 1963 [= Uralic and Altaic Series, 29].
77. *Bosson J.* Modern Mongolian. A Primer and Reader. The Hague: 1964.
78. *Hamayon R., Suxbaatar C., Beffa M.-L.* Manuel de langue mongole. P.: 1975.
79. *Hangin J.C.* Basic Course in Mongolian. Bloomington, Indiana: 1968 [= Uralic and Altaic Series, 73].
80. *Hangin J.C.* Intermediate Mongolian. Bloomington, Indiana: 1973.
- 80a. *Poppe N.* Mongolian Language Handbook. Wash.: 1970.
81. *Vacek J., Luvsandordž Dž., Luvsandžav Č.* Učebnice mongolštiny. Novorovný styl [*Учебник монгольского языка. Разговорный стиль*]. Praha: 1979.
82. *Vietze H.-P.* Lehrbuch der Mongolischen Sprache [*Учебник монгольского языка*]. Lpz.: 1969.

4. Разговорники

83. Бардаев Э.Ч., Кирюхаев В.Л. Русско-монгольский разговорник. Элиста: 1986.
84. Денисович А.Б. Русско-монгольский разговорник. М.: 1975.
85. Русско-монгольский разговорник. Для советских специалистов, работающих в МНР. Улан-Батор: 1983.
86. Санчаа Г.Б., Салзынмаа Е.Б. Тувинско-монгольско-русский разговорник. [Б м., б.г.].
87. Алмаас Д. Япон монгол ярианы дэвтэр [Японско-монгольский разговорник]. Улаанбаатар: 1976.
88. Бадамсүрэн Б. Монгол-орос ярианы дэвтэр [Монгольско-русский разговорник]. Улаанбаатар: 1966.
89. Гүрсэд Ө. Монгол-хятад ярианы дэвтэр [Монгольско-китайский разговорник]. Улаанбаатар: 1957.
90. Даваасүрэн Д. Монгол-орос ярианы дэвтэр [Монгольско-русский разговорник]. Улаанбаатар: 1953.
91. Лувсан Г. Герман-монгол ярианы дэвтэр [Немецко-монгольский разговорник]. Улаанбаатар: 1975.
92. Лхагва Л. Орос-монгол ярианы дэвтэр [Русско-монгольский разговорник]. Улаанбаатар: 1979.
93. Suren B. English-Mongolian phrase-book [Англо-монгольский разговорник]. Ulaanbaatar: 1968.
94. Vietze H.-P. Deutsch-mongolisches Gesprächsbuch [Немецко-монгольский разговорник]. Lpz.: 1963.

5. Перевод

95. Дашдаваа Д. Орчуулгын зарим асуудал: Орос хэл судлагчдад тусламж [Некоторые вопросы перевода. В помощь изучающим русский язык]. Улаанбаатар: 1977.
 96. Дашдаваа Д. Орчуулгын тухай тэмдэгэл [Заметки о переводе]. Улаанбаатар: 1974.
 - 97—98. Орчуулах эрдэм [Наука перевода]. Улаанбаатар: 1982.
 99. Цэдэндамба Ц. Орчуулгын үндэс [Основы перевода]. Улаанбаатар: 1979.
- См. также № 66—94.

6. Сопоставительное языкознание

100. Галсан С. Фонетика в русском и монгольском языках. Улаанбаатар: 1968.
101. Галсан С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. Фонетика и морфология. Ч. 1. Улаанбаатар (Улан-Батор): 1975.

102. *Галсан С.* Двухязычная глагольная полисемия. Улан-Батор: 1978.
 103. *Илишкин И.К.* Очерки сопоставительной грамматики русского и калмыцкого языков. Фонетика и морфология. Элиста: 1973.
 104. *Мамедов А.Н.* Сравнительно-сопоставительное исследование глаголов современного азербайджанского и монгольского языков. Баку: 1976.
 105. *Сажинов Ж.С.* Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков. Морфология. Улан-Удэ: 1984.
 106. *Цэдэндамба Ц.* Очерки по сопоставительной грамматике русского и монгольского языков. Улан-Батор: 1974.
 107. *Цэдэндамба Ц.* Сопоставительный синтаксис русского и монгольского языков. Улан-Батор: 1978.
 108. *Базылхан Б.* Монгол-казах хэлний харьцуулсан түүхэн хэлзүй. Казах хэл дээр [*Краткая сопоставительно-историческая грамматика казахского и монгольского языков. На казахском языке*]. Өлгий: 1973.
- См. также № 64—99.

7. Общие работы по монгольским языкам

109. *Бертагаев Т.А.* К исследованию лексики монгольских языков. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. Улан-Удэ: 1961.
110. *Бертагаев Т.А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. М.: 1969.
111. *Бертагаев Т.А.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М.: 1964.
112. *Бертагаев Т.А.* Сочетание слов и современная терминология. М.: 1971.
113. *Бертагаев Т.А.* Лексика современных монгольских литературных языков. М.: 1974.
114. *Дарбеева А.А.* Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. М.: 1980.
- 115—116. *Пюрбеев Г.Ц.* Глагольная фразеология монгольских языков. М.: 1972.
117. *Пюрбеев Г.Ц.* Типы сложных предложений в монгольских языках. М.: 1979.
118. *Санжеев Г.Д.* Синтаксис монгольских языков. М.: 1934.
119. *Тодаева Б.Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М.: 1960.
120. Языки народов СССР, т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л.: 1968.
121. *Дамдинсүрэн Ц.* Монгол хэл бичгийн тухай [*О монгольском языке и письме*]. Улаанбаатар: 1957.
122. *Лувсанвандан Ш.* Монгол хэлний зүй [*Монгольское языкознание*]. Цуглалт, Хаалга: 1951.

123. *Надмид Ж.* Монгол хэл, түүний бичигийн түүхэн хөгжлийн товч тойм [*Краткий обзор исторического развития монгольского языка и письма*]. Улаан-баатар: 1967.
 124. *Пагба Т.* Хэлний шинжлэлийн удиртгал [*Введение в языкознание*]. Улаанбаатар: 1959.
 125. *Handbuch der Orientalistik. V. Altaistik. Abschnitt 2. Mongolistik.* Leiden-Köln: 1964.
 126. *Hattori Sh.* Spoken Mongol and Script Mongol // «Moko Gakuho», No. 2, Tokyo: 1941.
 127. *Hattori Sh.* Mongolia and its Language // «Yukawa Kobunsha», Tokyo: 1943.
 128. *Kara G.* Les mots mongols dans une liste de marchandises chez Gmelin (1738) // «Acta Orientalia Hungarica», t. XIII, fasc. 1—2, Budapest: 1961.
 129. *Whimant A.N.T.* A Mongolian Grammar, Outlining the Khalkha-Mongolian with Notes on the Buriat, Kalmyck and Ordoss Mongolian. L.: 1926.
- См. также № 3—7, 12—65.

8. Монгольская письменность

130. *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. Семь веков монгольской письменности. М.: 1972 [= *Kara Gy. A mongol írodalom kistükre.* Budapest, 1965].
 131. Материалы по дешифровке киданьского письма, т. 1—2. М.: 1970.
 132. *Санжеев Г.Д.* Первоначальные монгольские тексты. М.: 1947.
 133. *Санжеев Г.Д.* Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ: 1977.
 134. *Стариков В.С., Наделяев В.М.* Предварительные сообщения о дешифровке киданьского письма. М.: 1964.
 135. Моко дзион [*Монгольская письменность и ее звучание по-китайски. Т. 2*]. Суита: 1956.
 136. *Шандарсүрэн Ц.* Монгол үсэг зүй. I. Эрт үеэс 1921 он хүртэл [*Монгольская письменность. I. С древнейших времен до 1921 г.*]. Улаанбаатар: 1981.
- См. также № 121, 123, 125.

9. Сравнительно-историческое языкознание

9.1. Внешние генетические связи монгольских языков

137. *Цинциус В.И.* (отв. ред.) Алтайские этимологии. Л.: 1984.
138. *Баскаков Н.А.* Алтайская семья языков и ее изучение. М.: 1981.
139. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семи-то-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, драви-

- дийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b—*k). М.: 1971.
140. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (l—z). Указатели. М.: 1976.
141. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (p—q). По карточкам автора. М.: 1984.
142. *Цинциус В.И.* (отв. ред.) Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: 1979.
143. Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов 29-й сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Ташкент, сентябрь 1986. 2. Лингвистика. М.: 1986.
144. *Кормушин И.В.* Системы времен глагола в алтайских языках. М.: 1984.
145. *Котвич В.Л.* Исследование по алтайским языкам. М.: 1962.
146. Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: 1972.
147. Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л.: 1978.
148. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: 1984.
149. Проблема общности алтайских языков. Л.: 1971.
150. *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. Примечания Н.А.Баскакова и Г.Д.Санжеева. М.: 1957.
151. *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: 1955.
152. *Цинциус В.И.* (отв. ред.) Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1—2. Л.: 1975—1977.
153. *Старостин С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: 1988.
154. *Щербак А.М.* Об алтайской гипотезе в языкознании // ВЯ, 1959, No. 6, 1959.
155. *Одзава Сигэо.* Кодай нихонго то тю:сэй монгору-го. Соно дзякан-но танго-но хикаку кэнкю [Сравнительное исследование некоторых слов в старояпонском и среднемонгольском с помощью словарного указателя к «Сокровенному сказанию»]. Токио: 1968.
156. *Сумьябаатар Б.* Монгол солонгос туургатны угсаа гарал хэлний холбооны асуудлад [К вопросу об этнолингвистических взаимоотношениях предков монголов и корейцев] Улаанбаатар: 1975.
157. *Janhunen J.* (ed.) Altaica. Helsinki: 1977.
158. Altaica collecta. Wiesbaden: 1976.
159. Altaistic studies. Stockholm: 1985.
160. *Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies. L.: 1962.
161. *Doerfer G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden: 1985.
162. Eurasia Nostratica. Bd. 1—2. Wiesbaden: 1977.
163. *Klaproth J.* Asia Polyglotta. Paris: 1823.

- 164—165. *Ligeti L.* A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van. 2. köt. Budapest: 1977 [= Budapest Oriental Reprints. Series A2].
166. *Miller R.A.* Japanese and the other Altaic languages. Chi. — L.: 1971.
167. *Poppe N.* Plural suffixes in the Altaic languages // «UJ», 1952, v. 24, № 3—4, p. 65—83.
168. *Poppe N.* Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden: 1960.
169. *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden: 1965 [= Ural-Altaische Bibliothek, 14].
170. *Poppe N.* Über einige Verbalstammbildungsuffixe in der altaischen Sprachen // «Orientalia Suecana» (Stokholm), v. XXI, 1972.
171. *Poppe N.* Altaic Linguistics — An Overview // «Sciences of Language», v. 6, Tokio: 1975. P. 130—186.
- 172—173. *Ramstedt G.J.* Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft. Bd. 1. Lautlehre. Helsinki: 1952 [рус. пер. см. № 150].
174. *Ramstedt G.J.* Studies in Korean Etymology. Helsinki: 1949.
175. *Räsänen M.* Uralaltaische Forschungen // «UJ», Bd. XXV, H. 1—2, 1953.
176. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: 1969.
177. *Ligeti L.* (ed.) Researches in Altaic languages. Papers read at the 14th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference held in Szeged, August 22—28, 1971. Budapest: 1975 [= Bibliotheca Orientalia Hungarica, 20].
178. *Róna-Tas A.* Language and History. Contributions to Comparative Altaistics. Szeged: 1986.
179. *Hasai G., Zieme P.* (Hrsg.) Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Berlin: 1974.
180. *Heissig W.*, a. o. (Hrsg.) Tractata altaica. Denis Sinor sexagenario optima de rebus altaicis merito dedicata. Wiesbaden: 1976.
- См. также № 11, 22.

9.2. Языковые контакты

181. Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ: 1978.
182. *Владимирцов Б.Я.* Турецкие элементы в монгольском языке // «Записки Восточного Отделения Императорского Российского Археологического Общества», 1911.
183. *Дарбеева А.А.* Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта. На материале монгольских языков. М.: 1978.
184. *Дарбеева А.А.* Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М.: 1984.
185. *Зограф И.Т.* Монгольско-китайская интерференция. Язык монгольской канцелярии в Китае. М.: 1984.
186. *Илишкин И.К.* Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмычко-русского двуязычия. Элиста: 1972.

187. *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: 1980.
188. Русский язык в калмыцкой языковой среде. Элиста: 1976.
189. *Суюнчев Х.И.* Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск: 1977.
190. *Сыдыков С.* Монгольско-тюркские языковые параллели. Фрунзе: 1983.
191. *Татаринцев Б.И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл: 1976.
192. *Харташкина Р.Х.* Взаимодействие русского и бурятского языков (На материале говоров русских старожилов и бурят Иркутской области). АКД. Иркутск: 1969.
193. *Ло Чан-пэй, Цай Мэй-бяо.* Басыба цзы юй юаньдай ханьюй (Цзыляо хуньбай) [*Монгольская письменность и китайский язык эпохи Юань*] Пекин: 1959 [на кит. яз.].
194. *Мижиддорж Го.* Монгол, манж бичгийн хэлний харьцаа [*Связи монгольского и маньчжурского литературного языка*]. Улаанбаатар: 1976.
195. *Ринчен Б.* Монгол Ард Улсын хамниган аялгуу [*Хамниганский тунгусский диалект в МНР*]. Улаанбаатар: 1968.
196. *Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies. London: 1962.
197. *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen. Bd. 1. Mongolische Elemente in Neupersischen. Wiesbaden: 1963.
198. *Kaluziński S.* Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa: 1961.
199. *Poppe N.* On some Mongolian loan-words in Evenki // «Central Asiatic Journal», vol. 16, 1972, № 2.
200. *Róna-Tas A.* Tibeto-Mongolica. Budapest — London a. o.: 1966.
См. также № 11, 142—143, 146, 149, 151—180, 383, 542—545, 573—577.

9.3. Сравнительная грамматика монгольских языков

201. *Будаев Ц.Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: 1978.
202. *Владимирцов Б.Я.* Mongolica. Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии // «Записки Коллегии Востоковедов», т. 1, Л.: 1925.
203. *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л.: 1929 [2-е изд., фототипическое, М., 1990].
204. *Рамстедт Г.И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб.: 1908. [= № 219].
205. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: 1953.
206. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 2. Глагол. М.: 1963.

207. Санжеев Г.Д. Следы грамматического рода в монгольских языках // ВЯ, 1956, № 5, 1956.
 208. Санжеев Г.Д. Монгольские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М.: 1981.
 209. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: 1979.
 210. Чагдуров С.Ш. Происхождение Гэсэриады: Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. Новосибирск: 1980.
 211. Монгол хэлнүүдийн харьцуулсан хэл зүй [Сравнительная грамматика монгольских языков]. Улаанбаатар: 1985.
 212. Намусылай Хасмээрдунь. Давозрой куй мэнгуй бицзяо [Сравнение дагурского и монгольского языков]. Хухэ-хото: 1983 [на кит. яз.].
 213. Buck F.H. Comparative Study of Postpositions in Mongolian Dialects and Written Language. Cambridge (Mass.): 1955.
 214. Pelliot P. Les mots à *h* initiale, aujourd'hui amuie dans le Mongol des XIII-e et XIV-e siècles. Paris: 1925.
 215. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: 1955.
 216. Poppe N. The Mongolian Affricates *č* and *ž* // «CAJ», 1956, № 2—3, 1956.
 217. Poppe N. On the Velar Stops in Intervocalic Position in Mongolian // «UAJ», № 31, Wiesbaden: 1959.
 218. Poppe N. The Primary Long Vowels in Mongolian // «JSFOu», v. 63, 1962.
 219. Ramstedt G.J. Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch vergleichen // «JSFOu», v. XXI, 1902, № 2 [= рус. пер. см. № 204].
 220. Róna-Tas A. On Some Finals in the Mongour Language // «Acta Orientalia Hungarica», t. XIV, 1962, fasc. 3.
 221. Schwarz H.G. (ed.) Studies on Mongolia, Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies. Bellington (Wash.). 1979: 1979.
- См. также № 11—65, 109—113, 119—120, 122—123, 125—129, 165.

10. Среднемонгольский язык

10.1. Грамматики

222. Godziński S. Język sredniemongolski. Słowotwórstwo. Odmiana wyrazów. Składnia. Warszawa: 1985.
223. Street J.C. On the 14th Century Punctuation of Mongolian in the Yuan-ch'ao pi-shi. Bloomington (Indiana): 1986.
224. Street J.C. The Language of the Secret History of Mongols. New Haven (Connecticut): 1957.
225. Weiers M. Untersuchungen zu historischen Grammatik des präklassischen Schriftmongolisch. Wiesbaden: 1969.

10.2. Словари

226. *Мелиоранский П.М.* Араб филолог о монгольском языке. СПб.: 1903.
227. *Поне Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб, ч. 1—3. М.—Л.: 1938—1939 [ч. 1—2. М.—Л., 1938; ч. 3. М., 1939].
228. *Haenish E.* Wörterbuch zu Mangol-un Nuica Tobca'an (Yuan-ch'ao pi-shi). Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1939: 1939 [Aufl., Wiesbaden, 1962].
229. *Haenish E.* Sinomongolische Glossare. 1. Das Hua-I ih-yü. Berlin: 1957 [= Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften, 1956, No. 5].
230. *Krueger J.R.* Mongolian Epigraphical Dictionary in Reverse Listing. Bloomington (Indiana) — The Hague: 1967.
231. *Vietze H.-P., Mater E., Zeuner H.* Rückläufiges Wörterbuch zu Mangol-un Nuica Tobca'an (Geheime Geschichte der Mongolen). Leipzig: 1969.

10.3. Тексты

232. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Монγol-un niyüca tobci-yau. М.—Л.: 1941.
233. *Дамдинсүрэн Ц.* Монголын нууц товчоо [Сокровенное сказание монголов. 2-е изд.]. Улаанбаатар: 1957.
234. *Franke H.* Mittelmongolische Kalenderfragmente aus Turfan. München: 1964.
235. *Haenish E.* Untersuchungen über das Yüan-ch'ao pi-shi, die Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: 1931.
236. *Haenish E.* Manghol-un nuica tobca'an (Yüan-ch'ao pi-shi). Die Geheime Geschichte der Mongolen. Aus der chinesischen Transkription (Ausgabe Ye Têh-hui) im mongolischen Wortlaut wiederhergestellt. Leipzig: 1937.
237. *Haenish E.* Die Geheime Geschichte der Mongolen aus einer mongolischen Niederschrift des Jahres 1240 von der Insel Kodé im Keluren-Fluß. Leipzig: 1940 [Aufl., Leipzig, 1948].
237. *Haenish E.* Sino-mongolische Dokumente vom Ende des 14. Jahrhunderts. Berlin: 1952.
238. *Kuo-yyi Pao.* Studies on the Secret History of the Mongols. Bloomington (Indiana): 1965 [= «Uralic and Altaic Series», 58].
239. *Lewicki M.* La langue Mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. Edition critique préc. des observations philologiques et accompagnée de la reproduction photographique du texte. I. Wroclaw: 1949.
240. *Lewicki M.* La langue Mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. II. Wroclaw: 1959.
241. *Ligeti L.* Un vocabulaire Mongol d'Istanboul // «Acta Orientalia Hungarica», t. XIV, 1962, fasc. 1.

242. *Ligeti L.* Preklasszikus emlékek. 1. XIII—XIV század [Доклассические памятники. 1. XIII—XIV вв.]. Budapest: 1963 [= MN, 1].
243. *Ligeti L.*, A Mongolok Titkos Története [Сокровенное сказание монголов] Budapest: 1964 [= MN, 3].
244. *Ligeti L.* Preklasszikus emlékek. 2. XIII—XVI század és a XVII századeleje [Доклассические памятники. 2. XIII—XVI вв. и начало XVII в.]. Budapest: 1965 [= MN, 4].
245. *Ligeti L.* Preklasszikus emlékek. 3. Jüan-és Ming-kori emlékek klasszikus átírásban [Доклассические памятники. Памятники эпох Юань и Мин в классической транскрипции]. Budapest: 1967 [= MN, 5].
246. *Ligeti L.* Monuments préclassiques. 1. XIII-e et XIV-e siècles. [Доклассические памятники. 1. XIII—XIV вв.] Budapest: 1970 [= Monumenta..., 1].
247. *Ligeti L.* Monuments préclassiques. 1. XIII-e et XIV-e siècles [Доклассические памятники. 1. XIII—XIV вв.]. Budapest: 1970. [= Indices..., 1].
248. *Ligeti L.* Histoire secrète des Mongols [Сокровенное сказание монголов] Budapest: 1971 [= Monumenta..., 1].
249. *Ligeti L.* Monuments préclassiques. 1. XIII-e et XIV-e siècles [Доклассические памятники. 1. XIII—XIV вв.] Budapest: 1972 [= Monumenta..., 2].
250. *Ligeti L.* Monuments préclassiques. 1. XIII-e et XIV-e siècles [Доклассические памятники. 1. XIII—XIV вв.] Budapest: 1972 [= Indices..., 2].
251. *Ligeti L.* Lo-bzan Tan-jin. Histoire secrète des Mongols. Texte en écriture ouïgoure incorporé. Dans la chronique Altan Tobči de Blozbanbs tanjin [Лувсан Данзан. Сокровенное сказание монголов. Вставной текст на уйгурском письме. В хронике «Алтан Тобчи» Лувсан Данзана]. Budapest: 1974 [= Monumenta..., 6].
252. *Mostaert A.* Le matériel mongol du Houa i i iu de Houng-oy (1389) [Монгольский материал в Хуа-и И-ю из Хуон-ой <1389>]. Bruxelles: 1977.
253. *Pelliot P.* Histoire secrète des Mongols. Paris: 1949.
254. *Poppe N.N.* Das Mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // «Изв. АН СССР», 1927, т. 12—14, с. 1009—1040; т. 15—17, с. 1251—1274; т. 1, с. 55—80.
255. *Poppe N.* Mongolica. Franborough, England: 1972.
256. *Rachewiltz Igor de.* Index to the Secret History of the Mongols. Bloomington: Indiana, 1972 [= Uralic and Altaic Series, 121].
257. *Sárközi A.* Preklasszikus emlékek 4 [Доклассические памятники, т. 4]. Budapest: 1969 [= MN, 15].
- См. также № 125, 130, 132, 136, 226—231.

11. Старописьменный монгольский язык

11.1. Грамматики

258. Бобровников А. Грамматика монгольского языка. СПб.: 1835.
259. Доржиев Д.-И. Язык старомонгольской письменности Бурятии. АКД. М.: 1955.
260. Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб.: 1902.
261. Орловская М.Н. Язык «Алтан Тобчи». М.: 1984.
262. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.—Л.: 1937.
263. Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. М.: 1964.
264. Далхажаев Х. Хуучин монгол бичиг өөрөө сурах ном [*Самоучитель старомонгольской письменности*]. Улаанбаатар: 1977.
265. Ринчен Б. Монгол бичгийн хэлний зүй тэргүүн дэвтэр (Грамматика письменно-монгольского языка. 1. Введение) [*Грамматика письменно-монгольского языка. 1. Введение*]. Улаанбаатар: 1964.
266. Ринчен Б. Монгол бичгийн хэлний зүй. 2. Авиан зүй (Грамматика письменно-монгольского языка. 2. Фонетика) [*Грамматика письменно-монгольского языка. 2. Фонетика*]. Улаанбаатар: 1966.
- 267—268. Ринчен Б. Монгол бичгийн хэлний зүй. 4. Өгүүлбэр зүй (Грамматика письменно-монгольского языка. 4. Синтаксис) [*Грамматика письменно-монгольского языка. 4. Синтаксис*]. Улаанбаатар: 1967.
269. Чойжилсүрэн Д. Монголын хуучин үсгийн сурах бичиг [*Учебник старомонгольской письменности*]. Улаанбаатар: 1958.
270. Чойжилсүрэн Д. Монголын хуучин бичгийн цагаан толгой, зөв бичих дүрэм [*Алфавит и правила правописания старомонгольской письменности*]. Улаанбаатар: 1978.
271. Шарав С. Хуучин монгол бичгийн цагаан толгой [*Учебник старомонгольской письменности*]. Улаанбаатар: 1983.
272. Doerfer G. Beiträge zur Syntax der Geheimen Geschichte der Mongolen // «CAJ», 1955.
273. Grønbeck K., Krueger J.R. An Introduction to Classical Literary Mongolian. Wiesbaden. 1955:
274. Grønbeck K. An Introduction to Classical Literary Mongolian. Introduction, Grammar, Reader, Glossary. Wiesbaden: 1976.
275. Hambis L. Grammaire de la langue Mongol écrite. P.: 1946.
276. Poppe N. Grammar of written Mongolian [*Грамматика письменно-монгольского языка*]. Wiesbaden: 1964.
277. Ruini C. Elementi della grammatica mongolica. Firenze: 1878.
278. Монгольское сочинение XIII в. Kelen-ü čimeg (= № 293). См. также № 67, 69—70, 73, 118, 123, 125, 126, 130, 132—133, 203, 204, 213, 219, 251, 255.

11.2. Словари

279. Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. Т. 1—3. СПб.: 1893—1896.

280. Ковалевский О. Монгольско-французско-русский словарь. Т. 1—3. Казань: 1844, 1846, 1849.
281. Позднеев А.М. Монгольско-китайско-маньчжурский словарь в русско-французском переводе. Вып. 1. Владивосток: 1901.
282. Мокго дайджитэн. 1—3... [Монгольско-японский и японско-монгольский словарь], 1933; 2-е изд., 1971:
283. Абэмацу Гэньити, Осibuти Хадзимэ, Карасан Сэйа... Мо-Ва дзитэн [Монгольско-японский словарь]. Осака: 1937.
284. Мэн вэй фэньлэй цыдянь [Систематический монгольско-китайский словарь. 1—2]. Пекин: 1926.
285. Таван зүйлийн үсгээр хавсарсан манж үгний толь бичиг. 1—3 [Пятиязычный маньчжурско-тибетско-монгольский-уйгурско-китайский словарь, составленный при императоре Цяньмуне 1736—1796. Систематизирован по разделам]. Пекин: 1957.
- 285а. Mongyol üsüg-ün dürim-ün toli biçig [Орфографический словарь письменного монгольского языка]. Улаанбаатар: 1938.
286. Lubsandindub nayiraruln jasaba. Qucin jirquqatu tayilburi toli [Тридцать шесть толковых словарей]. Древний толковый словарь монгольского языка]. Улаанбаатар: 1959—1966.
287. Sumatiratna. Bod-hor-kyi-brda-yig-min-chigl-don-gsum-dsai-bar-byed-ramun-sel-skrön-me [Монгольско-тибетский словарь]. Улаанбаатар: 1959.
288. Ye-šes-rdo-rje bod-skad-kyi-brdahy-gsar-rnin-dkahy-ba sog-skad-dunahy li-sum-cuhy-rim-pas gtan-la pheb-pahyi-broda'hy-yig-mkas-pa rgua-mcho-blo-gsal-mgul-rygan ces bya-ba bhjugs-so [Тибетско-монгольский словарь]. Улаанбаатар: 1959.
289. Boberg F. Mongolian-English Dictionary in 3 volumes. V. 1—3. Stockholm-Copenhagen: 1954—1955 [English-Mongolian: v. 3].
290. Lessing F. et al. Mongolian-English Dictionary. Berkeley-Los Angeles: 1960 [Indiana] 1973].
291. Vira R. Mongol-Sanskrit Dictionary with a Sanskrit-Mongol Index. New Delhi: 1958.

11.3. Тексты

292. Балданжапов П.Б. Jirüken-ü toltayin tayilburi. Монгольское грамматическое сочинение XVIII в. Улан-Удэ: 1962.
293. Балданжапов П.Б. Kelen-ü çimeg. Монгольское грамматическое сочинение XIX в. Улан-Удэ: 1962.
294. Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник рассказов из Rañcatantra. Пг.: 1921.
295. Владимирцов Б.Я. Çäntideva. Bodhicaryävātāra. Пер. Чой-чжи-одзера, монг. 1. Текст. Л.: 1929.
296. Востриков А.И., Поне Н.Н. Летописи баргузинских бурят: тексты и исследования. Л.: 1935 [= Материалы для истории бурят-монголов. Т. 1].

297. *Поппе Н.Н.* Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур-Тобоева и Вандана Юмсунова. М.—Л.: 1935—1940 [Л., 1935; М.—Л., 1940 (= Материалы для истории бурят-монголов. Т. 2, 4)].
298. *Поппе Н.Н.* Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Церенова 1868 г. М.—Л.: 1936 [= Материалы для истории бурят-монголов, т. 3].
299. *Пучковский Л.С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института Востоковедения. 1. История, право. М.—Л.: 1957.
300. *Санжеев Г.Д.* Монгольская повесть о Хане Харангуй. М.—Л.: 1937.
301. *Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: 1972.
302. *Шара Туджи, Шастина Н.П.* (отв. ред.) Монгольская летопись XVII века. М.—Л.: 1957.
303. *Надмид Ж., Дамдинжаев Л.* Уйгуржин монгол бичгийн унших бичиг: Тэргүүн дэвтэр [*Хрестоматия литературных текстов для изучающих старомонгольскую (уйгурскую) письменность*]. Улаанбаатар: 1979.
304. *Пагба Т.* «Зүрхний толгын тайлбар»-ыг судалсан тухай тэмдэглэл [*Заметки о «Толковании сердечного покрова»*]. Улаанбаатар: 1957.
305. *Чойжилсүрэн Д.,* Монгол хуучин бичгийн унших бичиг. [*Хрестоматия по старомонгольской письменности*] Улаанбаатар: 1968.
306. *Mongol kelen-ü šinželel-ün durashal bičig.* Хухэ-Хото, 1959 [*Памятники для изучения монгольского языка*]. Хухэ-Хото: 1959.
307. *Altan Tobči.* A Brief History of the Mongols... With a Critical Introduction by the Reverend Antoine Mostaert C.I.C.M. Cambridge, Mass.: 1952.
308. *Bawden C.R.* The Mongol Chronicle Altan Tobči. Text, translations and critical notes by C. Bawden. Wiesbaden: 1955.
309. *Самлинг Šengčün-ün amtar orusiba* [*Биография Чамлин Шенчина*]. Улаанбаатар: 1959.
310. *Dorji.* Töbed mongyol dokyian-u bicig, tegüburi neres-ün tuqai [*Связи тибетской и монгольской письменности*]. Улаанбаатар: 1959.
311. Ein Buddhistisches Druckfragment vom Jahre 1312. Berlin: 1954.
312. *Erdeni-yin Tobči: Mongolian Chronicle by Saγang Sečen.* With a Critical Introduction by the Reverend Antoine Mostaert, C.I.C.M. Parts 1—4. Cambridge, Mass.: 1956.
313. *Heissig W.* Die Pekiner lamaistischen Blockdrücke in mongolischen Sprache. Wiesbaden: 1954 (= Göttingen Asiatische Forschungen. Bd. 2).
314. *Heissig W.* Die mongolischen Handschriftenreste aus Olon Süme, Innere Mongolei (16.—17. Jahrhundert) [*16.—17. Jahrhundert*]. Wiesbaden: 1976.
315. *Heissig W., assisted by Ch. Bawden.* Catalogue of Mongol Books, Manuscripts and Xylographs, etc. in Danish Collections, Founded by Caare Grønbech. Vol. 3. Copenhagen: 1971.

316. *Kara G.* Az ott oltalom Könyve: Pañcaraksā / Átdolgozott fordítása Ayusi [«Книга потустороннего облегчения скорби»; *Панчаракша. Переработанный перевод Аюши*]. Budapest: 1965 [= MN, 8].
317. *Kara G.* Az aranyfény-szutra. Suvarnaprabhāsottamasütrendrarāja. Yon-tan bzanpo szövege. Kézirat 1—2 («Сутра золотого сияния». Тексты Йон-тан бзанпо) [«Сутра золотого сияния». *Тексты Йон-тан бзанпо*] Budapest: 1965.
318. *László Lőrincz.* Milaraspa életrajza. Mi-la-ras-pa'i rnam-thar. Čoγ-tu Guisi fordítása [«Биография Милараспы»: *перевод текста «Милараспаи рнамтхар» Чортугуси*]. Budapest: 1967 [= MN, 12].
319. *Ligeti L.* Catalogue du Kanjur mongol imprimé. Vol. 1. Catalogue. Budapest: 1944 [= Bibliotheca Orientalia Hungarica, 3].
320. *Ligeti L.* Le Subhāṣitaratnanidhi mongol. Un document du moyen mongol. Pt. 1. Le manuscrit tibéto-mongol en reproduction photographique, avec un introduction. Budapest: 1948 (= Bibliotheca Orientalia Hungarica, 6).
321. *Ligeti L.* Sāntideva. A Megvilágosodás útja = Bodhicaryāvatāra. Fordítása Čhos-kyi 'od-zer [Шантидева. «Путь просветления», или «Бодхичарьяватара». *Пер. Чой-чжи-одзера*]. Budapest: 1966 [= MN, 7].
322. *Ligeti L.* Čhos-kyi 'od-zer. Buddha tizenkét cselekedete. Ses-rab sèn-ge fordítása [Чой-чжи-одзер. «Двенадцать деяний Будды». *Пер. Шес-раб сэн-гэ*]. Budapest: 1966 [= MN, 9].
323. *Ligeti L.* Les douze actes du Bouddha: Arban qoyar jokiyangiui üiles de Čhos-kyi 'od-zer; trad. de Šes-rab sèn-ge. Budapest: 1974 [= Monumenta..., 5].
324. *Ligeti L.* Les douze actes du Bouddha: Arban qoyar jokiyangiui üiles de Čhos-kyi 'od-zer; trad. de Šes-rab sèn-ge. Budapest: 1974 [= Indices..., 5].
325. Gučin qoyar modun kümün-üliger in their Mongol version of 1746 (1686). Translated and annotated by S. Lohia [The Mongol tales of the 32 wooden men]. Wiesbaden: 1968.
326. *Poppe N.* The twelve deeds of Buddha. A Mongolian version of the Lalitavistara. Mongolian text, notes, and English translation. Seattle—Washington: 1967.
327. *Poppe N.* The Diamond Sutra: Three Mongolian Versions of the Vajracchedikā Prajñāpāmitā: Texts, Translations, Notes, and Glossaries. Wiesbaden: 1971.
328. *Rintschen B.* Zwei unbekannte mongolische Alphabete aus dem XVII. Jahrhundert. Budapest: 1953.
329. *Róna-Tas A.* A Megszabadító. Thar-pa čen-po. Ayusi átdolgozott fordítása («Освободитель» или «Тхар-па чхен-по». *Переработанный перевод Аюши*) [«Освободитель» или «Тхар-па чхен-по». *Переработанный перевод Аюши*]. Budapest: 1967 [= MN, 11].
330. *Weller F.* Zum Kāśyapa parivarta. Helf 1. Mongolischer Text. Berlin: 1962; Heft 2. Verdeutschung des sanskrit-tibetischen Textes. Berlin, 1965.

См. также № 130, 132—133, 136, 251, 264, 265, 269, 271, 273—274, 285—288.

12. Памятники квадратной письменности

331. *Бобровников А.А.* Памятники монгольского квадратного письма. Объясненные А.А.Бобровниковым с дополнениями В.В.Григорьева. СПб.: 1870.
332. *Поппе Н.Н.* История монгольской письменности. Т. 1. Квадратная письменность. М.—Л.: 1941.
333. *Дамдинсүрэн А.* Монгол дөрвөлжин бичиг [*Монгольская квадратная письменность*]. Улаанбаатар: 1986.
334. Накано Миеко Сабаку-ни умарэта мондзи [*Письменность, затерянная в песках. Старомонгольская письменность Пагба*]. Токио: 1971 [на япон. яз.].
335. *Heissig W.* Die mongolische Steinschrift und Manuskriptfragmente aus Olonsüme in der inneren Mongolei. Göttingen: 1966.
336. *Lewicki M.* Les inscriptions mongoles inédites en écriture carrée. Wilno: 1937.
337. *Ligeti L.* Trois notes sur l'écriture 'phags-pa. — Acta Orientalia Hungarica, v. XIII, 1961.
338. *Ligeti L.* 'Phags-pa írásos emlékek. Kancelláriai iratok kínai átírásban [*Памятники письма «Пагба». Канцелярские записи в китайской транскрипции*]. Budapest: 1964 [= MN, 2].
339. *Ligeti L.* Monuments en écriture 'phags-pa. Pièces de chancellerie en transcription chinoise. Budapest: 1968 [= Indices..., 1].
340. *Ligeti L.* Monuments en écriture 'phags-pa. Pièces de chancellerie en transcription chinoise. Budapest: 1972 [= Monumenta..., 3].
341. *Ligeti L.* Monuments en écriture 'phags-pa. Pièces de chancellerie en transcription chinoise. Budapest: 1973 [= Indices..., 3].
342. *Poppe N.* The Mongolian monuments in 'phags-pa script. 2-nd ed., translated and edited by J.R. Krueger. Wiesbaden: 1957.
- См. также № 62, 63, 123, 125, 130, 132—133, 136.

13. Памятники «ясного письма»

343. *Бадмаев А.В.* Зая-Пандита. Элиста: 1968.
344. *Бадмаев А.В.* Практический самоучитель старокалмыцкой письменности. Элиста: 1971.
345. *Голстунский К.Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб.: 1880.
346. *Номинханов Ц.-Д.* Очерк истории калмыцкой письменности. М.: 1976.
347. Триста двадцать лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста: 1970.
348. Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста: 1987.

349. Яхонтова Н.С. Старописьменный калмыцкий (ойратский) язык. М.: Наука, 1989.
350. Их цааз [Великое уложение. Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст]. М.: 1981.
351. Павла Д. Тодо бичиг: Хальмг хуучн бичмар көлн [«Ясное письмо». Старописьменный калмыцкий язык].
352. Тод үсгийн дурсгалууд [Памятники «ясного письма». Ред. А.Лувсандэндэв. Бойтин ред. Х.Лувсанвандан]. Улаанбаатар: 1976.
353. Biography of Caya Pandita in Oirat characters. Ulan-Bator: 1967.
354. Ligeti L. Sa-skya pandita. Bölc mondások kincsestára = Subhāṣitaratnanidhi. Sonom gara fordítása (Зая-Пандита. «Сокровищница мудрых изречений» или «Субхаситаратнанидхи»). Пер. Сонном гара). [Зая-Пандита. «Сокровищница мудрых изречений» или «Субхаситаратнанидхи». Пер. Соном гара]. Budapest: 1965 [= MN, 6].
355. Ligeti L. Trésor des sentences. Subhāṣitaratnanidhi de Sa-skya pandita. Trad. de Sonom gara. Budapest: 1973 [= Monumenta..., 4].
356. Ligeti L. Trésor des sentences. Subhāṣitaratnanidhi de Sa-skya pandita. Trad. de Sonom gara. Budapest: 1973 [= Indices..., 4].
357. Lörincz L. Molon szerzetes pokoljárása: Maudgalyāyanamatihridaya-sūtra: Ismeretlen fordító munkája [«Сошествие монаха Молона в ад» или «Маудгальяянаматихридайясутра». Труд неизвестного переводчика. Буддийский памятник XVII в.]. Budapest: 1966 [= MN, 10].
358. Oirat version of Damamūkonāmasūtra. = Corpus..., 16, fasc. 2. Ulanbator: 1970.

14. Язык фольклорных текстов

359. «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: материалы Всесоюзной научной конференции. Элиста, 19 мая 1978 г. М.: 1980.
360. Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: 1984. — Список литературы: с. 270—290. Указатель: с. 291—307.
361. Неклюдов С.Ю. Тумурцерен Ж. Монгольские сказания о Гесере: Новые записи. М.: 1982.
362. Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: 1976.
363. Dumas D. Aspekte und Wandlungen der Verehrung des Herdfeuers bei den Mongolen: Eine Analyse der mongolischen «Feuergebete». Bonn: 1987.
364. Kara Gy. Chants d'un barde mongol. Budapest: 1970.
365. Mongolische volksreligiöse und folkloristische Texte. Aus europäischen Bibliotheken. Wiesbaden: 1966.

15. Северно-монгольские языки и диалекты

15.1. Грамматики

366. Исследование бурятских говоров. Вып. 1—2. Улан-Удэ: 1965—1968.
367. Исследование бурятских и русских говоров. Улан-Удэ: 1977.
368. Исследование по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск: 1986.
369. *Кичиков А.Ш.* Дербетский говор. Элиста: 1963.
370. *Поппе Н.Н.* Отчет о поездке на Орхон летом 1926 года. Л.: 1929.
371. *Поппе Н.Н.* Аларский говор. Ч. 1. Фонетика и морфология. Л.: 1930; Ч. 2. Тексты. Л., 1931 [= Материалы монгольской комиссии, т. 11, 13].
372. *Поппе Н.Н.* Заметки о говоре агинских бурят. — В кн.: Труды Монгольской Комиссии. Вып. 8. Л.: 1932.
373. *Поппе Н.Н.* Бурят-монгольское языкознание. Л.: 1933.
374. *Поппе Н.Н.* Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака. Л.: 1934.
375. *Поппе Н.Н.* Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. М.—Л.: 1936.
376. *Руднев А.Д.* Хори-бурятский говор. Опыт исследования, тексты, перевод и примечания. Вып. 1—3. СПб.: 1913—1914.
377. *Санжеев Г.Д.* Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. — В кн.: Материалы Монгольской Комиссии. Вып. 8, Л.: 1930.
378. *Санжеев Г.Д.* Дархатский говор и фольклор. Л.: 1931.
379. *Тодаева Б.Х.* Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М.: 1985.
380. *Убушаев Н.Н.* Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: 1939.
381. *Вандуй Э.* Дөрвөд аман аялгуу [*Дербетский говор*]. Улаанбаатар: 1969.
383. Монгол ард улсын угсаатны судлал хэлний шинжлэлийн атлас (= Этнолингвистический атлас МНР). Т. 1—2 [*Этнолингвистический атлас МНР*]. Улаанбаатар: 1979.
384. *Мөмөө С., Мөнх-Ангалан Ю.* Орчин үеийн монгол хэл, аялгуу [*Современные монгольские языки и диалекты*]. Улаанбаатар: 1984.
385. Халхын аялгуу [*Халхаский диалект*]. Улаанбаатар: 1970.
386. *Цолоо Ж.* Захины аман аялгуу [*Захчинский говор*]. Улаанбаатар: 1965.
387. *Činggeltei.* Mongyolo kelen-ü bayarín-u aman ayalyun-u abiya züiba üges-ün züi [*Фонетика и морфология бааринского говора монгольского языка*]. Kökö-xoto: 1959.
388. *Bese L.* Remarks on a Western Khalkha Dialect // «Acta Orientalia Hungarica», t. XIII, 1961, fasc. 3, 1961.
389. *Chingeltei.* Notes on the Barin Phonology // «Acta Orientalia Hungarica», t. XIII, 1961, fasc. 3, 1961.
390. *Hattori Sh.* A Classification of Buryat Dialects. — «Moko Gakuho» (Tokyo): 1940, No. 1.

391. *Hattori Sh.* The Phonetic System of the Chakhar Dialect of Mongol. — «Gen-go Kenkyu» (Tokyo): 1951, v. 19—20.
392. *Kara G.* Sur le dialecte ujmučin // «Acta Orientalia Hungarica», v. XIV, 1962.
393. *Mostaert A.* Le dialecte des Mongols Urdus (Süd) // «Anthropos», v. XXI, 1926, p. 851—869; v. XXII, 1927, p. 160—186.
394. *Poppe N.* Skizze der Phonetik des Bargu-Burjatischen // «Asia Major», vol. VII, 1932, S. 307—378.
395. *Róna-Tas A.* A study of the Dariganga Phonology // «Acta Orientalia Hungarica», t. X, 1966.
396. *Zwicky H.A.* Handbuch der westmongolischen Sprache. Gesammelt und verdeutscht durch H.A. Zwicky. Doinaueschingen (Hüfingen?): 1853.

15.2. Словари

397. *Mostaert A.* Dictionnaire Ordos. Т. 1—3. Peking: 1941, 1942, 1943.
398. *Róna-Tas A.* A Dariganga Vocabulary // «Acta Orientalia Hungarica», t. XIII, 1961, fasc. 1—2.
- См. также № 362—363, 383.

15.3. Тексты

399. *Владимирцов Б.Я.* Монголо-ойратский героический эпос. Пг.: 1923.
400. *Жамцарано Ц.Ж.* Произведения народной словесности бурят. Эпические произведения эхрит-булгатов. Т. 1. Пг., 1918; Т. 2. Л., 1930—1932.
401. *Жамцарано Ц.Ж., Руднев А.Д.* Образцы монгольской народной литературы. 1. Халхаское наречие. СПб.: 1908.
402. *Поппе Н.Н.* Произведения народной словесности халха-монголов. Л.: 1932 [= № 408].
403. *Поппе Н.Н.* Халха-монгольский героический эпос. М.—Л.: 1937.
404. *Санжеев Г.Д.* Песнопения аларских бурят. — В кн.: Записки Коллегии Востоковедов. Т. 3. Вып. 2. М.—Л.: 1928.
405. *Тодаева Б.Х.* Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. М.: 1981.
406. *Mostaert A.* Textes oraux ordos. Recueillis et publ. avec introduction, notes morphologiques, comment. et glossaire par Antoine Mostaert. Peip'ing: 1937.
407. *Mostaert A.* Folklore ordos. Traduction des «Textes oraux ordos». Peip'ing: 1947.
408. *Poppe N.* Mongolische Volksdichtung: Sprüche, Lieder, Märchen und Heldensagen. Khalkha-mongolische Texte mit deutscher Übersetzung, einer Einleitung und Anmerkungen. Wiesbaden: 1955 [= № 402].
409. *Ramstedt G.J.* Nordmongolische Volksdichtung. Bd. 2. VII. Gesammelt von G.J. Ramstedt. Bearbeitet, übersetzt und herausgegeben von H. Halén. Helsinki: 1974.
- См. также № 369—371, 374, 375, 376, 378, 361—362, 365.

16. Современный халха-монгольский литературный язык МНР

16.1. Общие вопросы

410. *Поппе Н.Н.* Строй халха-монгольского языка. Л.: 1936.
411. *Санжеев Г.Д.* Современный монгольский язык. М.: 1960.
412. *Тодаева Б.Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.: 1951.
413. *Жамбалсүрэн Г.* Монгол хэншинжлэлийн онолын зарим асуудал [*Некоторые теоретические вопросы монгольского языкознания*]. Улаанбаатар: 1987.
414. *Мишиг Л.* Орчин үеийн монгол бичгийн хэлний дадлагын хэл зүй [*Практическая грамматика современного монгольского литературного языка*]. Улаанбаатар: 1977.
415. Орчин цагийн монгол хэл зүй (Грамматика современного монгольского языка) [*Грамматика современного монгольского языка*]. Улаанбаатар: 1966.
416. *Lvusanvandan Š.* Orčin цаг-ун монгол келе. Begejin: 1959.
417. *Beffa M.-L., Hamayon R.* Eléments de grammaire mongole. Paris: 1975.
418. *Poppe N.* Khalkha-Mongolische Grammatik: mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar. Wiesbaden: 1951 [= Veröffentlichungen der Orientalische Kommission, 1].
419. *Street J.C.* Khalkha Structure. Hague: 1963 [= Uralic and Altaic Series, 24].
420. *Vitale, le Baron, et Serczy, le Comte.* Grammaire et vocabulaire de la langue mongole dialecte de Khalkhas. Péking: 1897.
- См. также № 2—7, 9—10, 12—65, 66—82, 84—94, 95—99, 100—102, 104, 106—108, 109—113, 115—118, 121—127, 129, 203—207, 383—385, 401—403, 408.

16.2. Стилистика

421. *Отгонсүрэн Д.* Уран зохиолын хэлний тухай (Уран зохиолын хэл найруулгын тухай өгууллүүд) (О языке художественной литературы. Статьи о языке и стиле) [*Уран зохиолын хэл найруулгын тухай өгууллүүд*]. Улаанбаатар: 1974.
422. *Отгонсүрэн Д.* Монгол хэлний найруулга зүй (Стилистика монгольского языка) [*Стилистика монгольского языка*]. Улаанбаатар: 1975.
423. *Отгонсүрэн Д.* Орчин цагийн монгол хэлний үйл үгийн хэв, байдлын дагав-рын найруулгын үүрэг (Стилистические функции залоговых и видовых суффиквов) [*Стилистические функции залоговых и видовых суффиквов*]. Улаанбаатар: 1982.
424. *Отгонсүрэн Д.* Ярианы наруулгаб соёл (Разговорный стиль и культура речи) [*Разговорный стиль и культура речи*]. Улаанбаатар: 1979.
425. *Сүхбаатар Ц.* Найруулгын тухай [*О стиле*]. Улаанбаатар: 1977.

16.3. Фонетика

426. Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение. Опыт экспериментально-фонетического исследования. Л.: 1975.
427. Базаррагчаа М. Монгол хэлний авиа... [Система звуковых чередований монгольского языка]. Улаанбаатар: 1987.
428. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. Монгол хэлний авианбүтэц (Система современного монгольского языка. Звуковая система монгольского языка) [Система современного монгольского языка. Звуковая система монгольского языка]. Улаанбаатар: 1967.
429. Мөөмөө С. Монгол хэлний авиан зүй [Фонетика монгольского языка]. Улаанбаатар: 1979.
430. Цолоо Ж. Орчин цагийн монгол хэлний авиа зүй [Фонетика современного монгольского языка]. Улаанбаатар: 1976.
- См. также № 66—74, 77—82, 100—101, 115, 122, 203, 204, 219, 410—412, 414—419.

16.4. Морфология

431. Наделяев В.М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск: 1988.
432. Яхонтова Н.С. Монгольский язык. — В кн.: Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л.: 1982, с. 150—166.
433. Болд Л. Орчин цагийн монгол хэлний дагавар [Суффиксы современного монгольского языка]. Улаанбаатар: 1986.
434. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц... (Система современного монгольского языка. Слова и частицы в монгольском языке) [Система современного монгольского языка. Слова и частицы в монгольском языке]. Улаанбаатар: 1968.
435. Өлзийхутаг Ц. Монгол үгийн бүтэц, түүнийг заах арга [Структура монгольского слова и методика ее изучения]. Улаанбаатар: 1972.
436. Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт [Лексическая структура современного монгольского языка. I]. Улаанбаатар: 1987.
- См. также № 66—74, 77—82, 101, 106, 108, 110, 115, 122, 129, 205—207, 410—420, 423, 427.

16.5. Части речи

437. Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л.: 1984.
438. Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М.: 1961.
439. Пагба Т. Вспомогательные или служебные глаголы в современном монгольском литературном языке. Улаанбаатар: 1961.
440. Барайшир Ш. Орчин цагийн монгол хэлний дайвар үг [Наречие в современном монгольском языке]. Улаанбаатар: 1974.

441. Бямбасан П. Орчин цагийн монгол хэлний үгийн бүтэц, нэр үгсийн аймаг [*Структура слова в современном монгольском языке. Именные части речи*]. Улаан-баатар: 1975.
442. Дашцэдэн Т. Орчин цагийн монгол хэлний нэрийн тоо [*Число существительного в современном монгольском языке*]. Улаанбаатар: 1980.
443. Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт. Монгол хэлний үйл үгийн тогтолцоо [*Лексический строй современного монгольского языка. Глагольная система монгольского языка*]. Улаанбаатар: 1987.
444. Ramstedt G.J. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingfors: 1903.

16.6. Синтаксис

445. Мишиг Л. Монгол хэлний тусагдахуун ба байц [*Дополнение и обстоятельство в современном монгольском языке*]. Улаанбаатар: 1957.
446. Рагчаа Б. Орчин цагийн монгол хэлний бодит нэрийн холбоо үг [*Субстантивные словосочетания в современном монгольском языке*]. Улаанбаатар: 1975.
447. Binnick R.I. Modern Mongolian. A Transformational Syntax. Toronto—Buffalo—London: 1979.
- См. также № 66—74, 77—82, 106—107, 111, 117—118, 268.

16.7. Лексикология

448. Жагварал Р. Монгол хэлний хүндэтгэлийн үг. Улаанбаатар: 1976.
448. Казакевич В.А. Современная монгольская топонимика. Л.: 1934.
449. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология. М.: 1984.
450. Жагварал Р. Монгол хэлний хүндэтгэлийн үг [*Вежливые слова монгольского языка*]. Улаанбаатар: 1976.
451. Лувсанбалдан Х. Монголчуудын үг хэллэгийн түүх гарлаас [*Из истории возникновения некоторых монгольских слов и выражений*]. Улаанбаатар: 1975.
452. Лувсанбалдан Х., Шагдарсүрэн Ц. Монголчуудын үсэг бичиг, үг хэллэгийн түүх гарлаас [*История монгольской письменности и этимология отдельных слов и выражений*]. Улаанбаатар: 1986.
453. Орчин цагийн монгол хэлний үгсийн сангийн судлалын үндэс [*Основы лексикологии современного монгольского языка*]. Улаанбаатар: 1985.
454. Төмөрцэрын Ж. Монгол хэлний үгийн сангийн судлал [*Лексикология монгольского языка*]. Улаанбаатар: 1974.
455. Haltod M. Mongolische Ortsnamen: aus mongolischen Manuskript-Karten zusammengestellt. Mit einer Einleitung von W. Heissig. T.I. Wiesbaden: 1966.
456. Pelliot P. Le vrai nom de «Serortan». T-P. Leiden: 1932.
- См. также № 95—99, 102, 104, 109, 112—113, 116.

16.8. Одноязычные словари

457. Болд Л. Орчин цагийн монгол хэлний тонгоруу толь [Обратный словарь современного монгольского языка]. Улаанбаатар: 1976.
458. Далхажав Х., Цэрэнчимэд Ц. Зөв бичих зүйн толь бичиг [Орфографический словарь]. Улаанбаатар: 1974.
459. Дамдинсүрэн Ц., Осор Б. Монгол үсгийн дүрмийн толь (Орфографический словарь монгольского языка). Улаанбаатар: 1983.
460. Дариймаа А. Монгол хүний нэрийн товч толь [Словарь монгольских личных имен]. Улаанбаатар: 1986.
461. Лувсанвандан С., Сумьяабаатар Б. Монгол хэлний ойролцоо үгийн товч толь [Краткий словарь синонимов монгольского языка]. Улаанбаатар 1966:
462. Цогбадрах Ж. Монгол хэлний эжил нэрийн толь [Словарь омонимов монгольского языка]. Улаанбаатар: 1981.
463. Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь [Толковый словарь монгольского языка]. Улаанбаатар: 1966.
464. Vietze H.-P. Rückläufiges Wörterbuch der Mongolischen Sprache. Leipzig: 1976.

16.9. Двухязычные словари

465. Бурдуков А.В. Русско-монгольский словарь разговорного языка. С предисловием и грамматическим очерком Н.Н. Поппе. Л.: 1935.
466. Бурдуков А.В. Русско-монгольский словарь (5000 слов) [5000 слов]. М.: 1937.
467. Бурдуков А.В. Монголо-русский словарь (7000 слов) [7000 слов]. М.: 1940.
468. Дорждавга Т., Лувсан Г., Шульц Х. Монгол-орос-герман хэлний зурагт толь [Картинный словарь монгольского, русского и немецкого языков]. Улаанбаатар: 1984.
469. Дьяченко И.А., Дашдондог Д., Дашдорж З. Активный русско-монгольский словарь. Улаанбаатар: 1969.
470. Лувсанжав Ч. Русско-монгольский фразеологический словарь. Улаанбаатар: 1970.
471. Монгольско-русский словарь. Под ред. А. Лувсандэндэва. М.: 1957.
472. Ринчинэ А.Р., Ринчинэ А.Р. Краткий монгольско-русский словарь. Под ред. проф. Г.Д. Санжеева. М.: 1947.
473. Русско-монгольский словарь. Под ред. Ц. Дамдинсүрэна. Т. 1—2. Улаанбаатар: 1967, 1969.
474. Санжеев Г.Д. Монгольско-русский словарь [латинизированный]. М.: 1932.
475. Черемисов К.М., Румянцев Г.Н. Монгольско-русский словарь. Л.: 1937.
476. 4000 наиболее употребительных слов русского языка. Русско-монгольский учебный словарь. Н.М. Шанский, Т. Содномдаржаа и др. 3-е изд.. М.: 1986.

477. *Базылхаан Б.* Казах-монгол толь. Улаанбаатар: 1977.
478. *Базылхаан Б.* Монгол-казах толь. Улаанбаатар-глий: 1984.
479. *Вандуй Э.* Орос-монгол нэр томъёоны толь. Боть 1 [*Русско-монгольский терминологический словарь. Т. 1*]. Улаанбаатар: 1964.
480. *Вандуй Э., Дашдорж Ж.* Орос-монгол нэр томъёоны толь. Боть 2 [*Русско-монгольский терминологический словарь. Т. 2*]. Улаанбаатар: 1970.
482. *Гүрсэд Ө.* Монгол-хятад товч толь [*Краткий монгольско-китайский словарь*]. Улаанбаатар: 1952.
483. *Дагва Б.* Эсперанто-монгол толь [*Эсперанто-монгольский словарь*] Улаанбаатар: 1964.
484. *Дамдинсүрэн Ц., Лувсандэндэв А.* Орос-монгол толь [*Русско-монгольский словарь. 2-р хэвлэл 2-е изд.*]. Улаанбаатар: 1982.
485. *Дашдаваа Д., Бадамням Д., Чултэм Р.* Орос-монгол товч толь [*Краткий русско-монгольский словарь*]. Улаанбаатар: 1976.
486. *Жамбал Т.* Орос-монгол толь [*сурагчдад зориулав. Русско-монгольский словарь для учащихся*]. Улаанбаатар: 1964.
487. *Лувсанжав Г., Шархуу Г.* Манж монгол толь [*Маньчжурско-монгольский словарь*]. Улаанбаатар: 1968.
488. Монгол-хятад тайлбар толь. Боть 1—2 [*Монгольско-китайский толковый словарь. Т. 1—2*]. Пекин: б.г..
489. *Нямсүрэн С.* Англи монгол товч толь [*Англо-монгольский словарь*]. Улаанбаатар: 1968.
490. Төвд монгол дохионы бичиг [*Тибетско-монгольский словарь*]. Улаанбаатар: 1959.
491. *Хабшай С., Минис Э.* Монгол-казах толь [*Монгольско-казахский словарь*]. Улаанбаатар: 1954.
492. *Цэдэндамба Ц.* Монгол-орос-англи толь [*Монгольско-русско-английский словарь*]. Улаанбаатар: 1986.
493. *Bleichsteiner R., Heissig W., Unkrig W.A.* Wörterbuch der heutigen mongolischen Sprache mit kurzem Abriss der Grammatik und ausgewählten Sprachproben. Wien-Peking: 1941.
494. *Haltod M. et al.* Mongol-English practical dictionary. With English word reference list. S. l.: 1949—1953.
495. *Hangin J.G.* A Concise English-Mongolian dictionary. Bloomington: 1970.
496. Magyar-mongol szójegyzék. Szerk. Kara György. Budapest: 1980.
498. *Taube E.* Chrestomatie der mongolischen Literatur des 20. Jahrhunderts. Leipzig: 1972.
499. *Tömörtogoo T.* Modern Mongolian-English-Japanese dictionary. Tokyo: 1980.
500. *Vietze H.-P.* Wörterbuch Deutsch-Mongolisch. Leipzig: 1981.
501. *Vietze H.-P.* Wörterbuch Mongolisch-Deutsch. Leipzig: 1987.
502. *Zebek Š.* Mongolisch-deutsches Wörterbuch. Leipzig: 1961.
- См. также № 68, 74, 77, 79, 82.

17. Современный монгольский литературный язык Внутренней Монголии

503. Дао Бу. Мэнгу юй цзяньчжи [Грамматика монгольского языка]. Бейцинъ: 1983 [на кит. яз.].
504. Хэнь-мэн цзяньлюе цыдянь. Фу мэнвэнь соинь. Бяньчжэ, Нэй Мэнгу мэнгу юйвэнь яньцзюхуй [Китайско-монгольский словарь]. Хухэ-Хото: 1955.
505. Хятад-монгол товч толь [Китайско-монгольский словарь]. Б. м.: 1955.
506. Mongᠣᠯ-nangitaad üsüg-ün toli bičig [Монгольско-китайский словарь]. Peking: S. 1., 1951.
507. Mongᠣᠯ üsüg-ün zöb bičig-ün tusalamzi [Орфографический словарь монгольского языка]. Kūke-Xota: 1959.
509. Mongᠣᠯ üsüg-ün dürim-ün toli bičig [Орфографический словарь монгольского языка]. Kūke-Xota: 1960.
510. Orčün čaγ-un mongᠣᠯ kele [Современный монгольский язык]. Peking: 1982.
511. Chinggaltai. A grammar of the Mongol language. Based on the original compilation «Grammar of the Mongol language» by Lapsangwangtan. N.Y.: 1963.

18.0. Современный бурятский литературный язык

18.1. Общие вопросы

512. Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ: 1958.
513. Грамматика бурятского языка. 1. Фонетика и морфология. М.: 1962.
514. Грамматическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ: 1987.
515. К изучению бурятского языка. Улан-Удэ: 1969.
516. Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л.: 1941.
517. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л.: 1941.
518. Барадин Б.Б. Шэнэ бэшэшэй хэлэнэй грамматика. Фонэтикэ. Графетикэ. Морфетикэ. Фразетикэ. Дээдэ-Удэ: 1933.
519. Kastren M.A. Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. SPb.: 1857.
520. Poppe N. Buriat Grammar. Bloomington: 1960 [= Uralic and Altaic Series, 2].
- См. также № 2—4, 6, 14, 105, 109—120, 125, 129, 201, 209, 259, 296—299, 301.

18.2. Стилистика

521. Стилистика и лексикология бурятского языка. Улан-Удэ: 1972.
522. Шагдаров Л.Д. Становление единых норм бурятского литературного языка. Улан-Удэ: 1967.

523. *Шагдаров Л.Д.* Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ: 1974.
524. Язык художественной литературы Бурятии. Улан-Удэ: 1982.

18.3. Фонетика

525. *Будаев Б.Ж.* Акцентуация бурятского языка. М.: 1981.
526. *Бураев И.Д.* Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: 1987.
527. *Бураев И.Д.* Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ: 1959.
528. *Бураев И.Д., Бажеева Т.П., Павлова Е.С.* Атлас звуков бурятского языка. Улан-Удэ: 1975.
529. *Бюраева Э.И.* Ритмомелодика простых нераспространенных предложений бурятского языка. Улан-Удэ: 1978.
530. *Рассадин В.И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: 1982.
531. Фонетика сибирских языков. Новосибирск: 1985.
532. Фонетика языков Сибири. Новосибирск: 1986.
533. Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск: 1986.
534. Фонетические исследования языков и диалектов Бурятии. Улан-Удэ: 1987.
См. также № 115, 120, 125, 366—378, 390, 394, 512—513, 516—520.

18.4. Грамматика

535. *Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б.* Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М.: 1962.
536. Грамматика бурят-монгольского языка. Ч. 2. Синтаксис. Улан-Удэ: 1954.
537. *Дондуков У.-Ж.* Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: 1964.
538. *Санжеев Г.Д.* Синтаксис бурят-монгольского языка. Улан-Удэ: 1940.
539. *Скрибник Е.К.* Сложные предложения в современном бурятском языке. Новосибирск: 1989.
540. *Цыдыпов Ц.-Ж.* Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ: 1972.
541. *Цыдыпов Ц.Ц.* Буряад хэлэнэй синтаксис [*Синтаксис бурятского языка*]. Улан-Удэ: 1985.
См. также № 111, 117, 118, 120, 512, 514—520.

18.5. Лексикология

542. Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ: 1981.
543. Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ: 1985.

544. *Мельхеев М.Н.* Топонимика Бурятии. Улан-Удэ: 1969.
545. *Митрошкина А.Г.* Бурятская антропонимия. Новосибирск: 1987.
546. *Шулунова Л.В.* Прозвища в антропонимии бурят. Улан-Удэ: 1985.
См. также № 112, 113, 116, 201, 515, 521—524.

18.6. Словари

547. *Цыдендамбаев Ц.Б.* (ред.) Русско-бурят-монгольский словарь. М.: 1954.
548. *Черемисов К.М.* Бурятско-русский словарь. М.: 1973.
549. *Цыдендамбаев Ц.Б., Имехенов М.Н.* Ород-буряад-хэлэнэй тобшо словарь. 135 тухай гэ [*Краткий русско-бурятский словарь. Около 13 500 слов*]. М.: 1962.
См. также № 519.

19.0. Современный калмыцкий литературный язык

19.1. Общие вопросы

550. Актуальные проблемы калмыцкой филологии. Элиста: 1979.
551. *Алексеева П.Э., Жемчуева Е.Н.* Библиография по калмыцкому языкознанию (1900—1980 гг.). Элиста: 1984.
552. Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М.: 1966.
553. Вопросы изучения и преподавания калмыцкого языка. Элиста: 1986.
554. Вопросы калмыцкой филологии. Элиста: 1984.
555. *Номинханов Ц.-Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: 1975.
556. *Сусеева Д.А.* Закономерности калмыцкого языка в советскую эпоху. Элиста: 1978.

19.2. Фонетика

557. *Биткеев П.Ц.* Согласные фонемы калмыцкого языка. Улан-Удэ: 1965.
558. *Биткеев П.Ц.* Проблемы фонетики калмыцкого языка. Элиста: 1975.
559. *Павлов Д.А.* Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста: 1963.
560. *Павлов Д.А.* Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. Элиста: 1968.
561. *Павлов Д.А.* Фонетика современного калмыцкого языка. Элиста: 1983.

19.3. Грамматика

562. *Бобровников Ал.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: 1849.
563. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: 1983.

564. *Котвич В.Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Пг., 1915; Прага, 1929:
 565. *Санжеев Г.Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.—Л.: 1940.
 566. *Benzing J.* Kalmückische Grammatik zum Nachschlagen. Wiesbaden: 1985.
 См. также № 103, 110, 125.

19.4. Морфология, части речи

567. *Бадмаев Б.Б.* Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста: 1966.
 568. Глагол и отглагольные формы современного калмыцкого языка. Элиста: 1979.
 569. *Каляев А.Л.* Имя прилагательное. Современный калмыцкий язык. Элиста: 1979.
 570. *Монраев М.У.* Наречие в современном калмыцком языке. Элиста: 1980.
 571. *Сусеева Д.А.* Словообразовательный словарь калмыцкого языка. Элиста: 1985.

19.5. Синтаксис

572. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста: 1977.
 573. *Очиров У.У.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: 1964.
 574. *Пюрбеев Г.Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста: 1977.
 575. *Пюрбеев Г.Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста: 1979.
 См. также № 111, 117, 118, 120, 562—566.

19.6. Лексикология

573. *Бардаев Э.Ч.* Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: 1982.
 574. Вопросы развития лексики калмыцкого языка. Элиста: 1982.
 575. Исследования по лексике калмыцкого языка. Элиста: 1981.
 576. *Монраев М.У.* Калмыцкие личные имена: справочник. Элиста: 1984.
 577. Ономастика Калмыкии. Элиста: 1983.
 См. также № 112—113, 116, 552.

19.7. Словари

578. *Басангов Б.Б.* Русско-калмыцкий словарь. М.: 1940.
 579. *Голстунский К.Ф.* Русско-калмыцкий словарь. СПб.: 1860.

580. *Илишкин И.К., Муниев Б.Д.* Краткий русско-калмыцкий словарь. Около 14 000 слов. М.: 1969.
581. Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б.Д. Муниева. М.: 1977.
582. *Позднеев А.М.* Калмыцко-русский словарь. СПб.: 1911.
583. Русско-калмыцкий словарь. Под ред. И.К. Илишкина. М.: 1964.
584. *Павла Д.* Чикэр бичиһнэ толь. 2-гч һарц. Элст: 1973.
585. *Харькова С.С. Убушиева Б.Э.* Калмыцко-монгольско-русский словарь. Элиста: 1986.
586. *Krueger J.R.* The Kalmyk-Mongolian vocabulary in Strahlenberg's geography of 1730. Stockholm: 1975.
587. *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: 1935.
- См. также № 551, 571, 576.

20. Южномонгольские языки и диалекты

588. *Ивановский А.О.* Manjurica. Образцы солонского и дахурского языков. СПб.: 1894.
589. *Поппе Н.Н.* Дагурское наречие. Л.: 1930 [= Материалы монгольской комиссии, 6].
590. *Потанин Г.Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г.Н. Потанина 1884—1886 гг. Т. 2. СПб.: 1898.
591. *Руднев А.Г.* Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб.: 1911.
592. *Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.* Язык желтых уйгуров. М.: 1966.
593. *Тодаева Б.Х.* Дунсянский язык. М.: 1961.
594. *Тодаева Б.Х.* Баоаньский язык. М.: 1964.
595. *Тодаева Б.Х.* Монгорский язык. М.: 1973.
596. *Тодаева Б.Х.* Дагурский язык. М.: 1986.
597. *Бу Хэ, Лю Чжаосюн.* Баоань юй цзяньчжи [Грамматика баоаньского языка]. Бейцинь [на кит. яз.].
598. *Лю Чжаосюн.* Дунсян юй цзяньчжи [Грамматика дунсянского языка]. Бейцинь [на кит. яз.].
599. *Чжао Насы.* Тунбу юйчу юй цзяньчжи [Грамматика шира-уйгурского языка]. Бейцинь [на кит. яз.].
600. *Чжун Сучунь.* Давозэр юй цзяньчжи [Грамматика дагурского языка]. Бейцинь [на кит. яз.].
601. *Ivanovskiy A.O.* Mandjurica: 1. Specimens of the Solon and the Dagur languages. The Russian edition of St. Petersburg 1894 reprint... Budapest: 1982.
602. *Martin S.* Dagur Mongolian Grammar, Texts and Lexicon. Bloomington: 1961.
603. *Poppe N.* Über die Sprache der Daguren // «Acta Major» (Leipzig), v. 10, 1934, p. 1—32, 183—220.
604. *Róna-Tas A.* Remarks on the Phonology of the Mongour Language // «Acta Orientalia Hungarica», XII, 1960, fasc. 3, b., 1960.

605. *Smedt A. de, Mostaert A.* Le dialecte Mongour parlé par les mongols du Kansou Occidental // «Anthropos», XXIV, 1929; XXV, 1930.
606. *Smedt A. de, Mostaert A.* Dictionnaire Mongour-Français. Beiping: 1933.
607. *Smedt A. de, Mostaert A.* Le dialecte Mongour parlé par les mongols du Kansou Occidental. P. 2. Grammaire. Peking: 1945.
- См. также № 119, 212, 220, 383—384.

21. Монгольский язык

608. *Ligeti L.* О монгольских и тюркских языках Афганистана // «Acta Orientalia Hungarica», t. 4, 1954, fasc. 1—3.
609. *Iwamura S.* The Zirni Manuscript. Kyoto (Japan): 1961.
610. *Ligeti L.* Lexique moghol de R. Leech // «Acta Orientalia Hungarica», t. 4, 1954.
611. *Ramstedt G.J.* Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afganistan // «Journal de la Societé Finno-Ougrienne», v. XXIII, 1905.
612. *Heissig W.* (Hrsg.) Schriftliche Quellen in Mogoli. T. 1. Opladen: 1974.
613. *Weiers M.* Die Sprache der Moghol der Provinz Herat im Afghanistan. (Sprachmaterial, Grammatik, Wörterliste). Opladen: 1972.
614. *Weiers M.* Schriftliche Quellen in Mogoli. T. 2. Bearbeitung der Texte. Opladen: 1975.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

К понятию гиперфонемы (О фонологической и морфонологической трактовке единиц в слабых позициях: анализ идей Московской фонологической школы)

1. Позиционный принцип в фонологии

Позиционный принцип в фонологии требует, чтобы фонемный инвентарь определялся бы не для языка в целом, а для определенных типов фонологических позиций. При этом имеются в виду определенные типы позиций, выделяемые с точки зрения их различительных способностей (фонологически сильные и фонологически слабые позиции ¹).

Так, например, в русском языке позиция согласной перед паузой или перед шумной согласной является фонологически слабой для противопоставления по глухости-звонкости, ибо в такой позиции значение признака «глухость-звонкость» диктуется контекстом и, т. о., не является дистинктивным. Поэтому этот признак не входит в фонологическое содержание согласной фонемы, реализуемой в данной позиции. Безударная позиция гласного в русском языке является фонологически слабой для противопоставления гласных по подъёму. Соответственно, здесь окажется irrelevantным противопоставление по подъёму между гласными среднего и нижнего подъёма.

¹ Здесь и далее под сильной и слабой позицией имеются в виду лишь позиции сигнификативно сильные и сигнификативно слабые в смысле А. А. Реформатского.

В фонологически слабой позиции реализуется различительная фонологическая единица особого рода.

Согласно многим концепциям, в слабой позиции представлена одна из фонем, входящих в инвентарь фонем, выделенных на основании анализа противопоставлений фонем, реализуемых в сильных позициях. Эта точка зрения существует в двух разновидностях: (а) и (б).

(а) Считается, что идентификация единиц слабых и сильных позиций возможна на основании присущих им фонетических признаков (независимо от того, являются ли эти признаки релевантными в слабой позиции или навязанными позицией). Такова, в частности, концепция школы Л. В. Щербы и его последователей — теоретиков Ленинградской фонологической школы (ЛФШ). Аналогичная трактовка нейтрализации свойственна представителям американской дескриптивной фонологии (Ч. Хоккет) и некоторым неортодоксальным представителям Пражской школы (Б. Трнка). В частной лингвистике (при описании конкретных языков) такая трактовка представлена в абсолютном большинстве работ.

(б) Считается, что идентификация единиц сильных и слабых позиций возможна лишь на основании критерия морфемного тождества. Таков, как известно, подход Московской фонологической школы (МФШ) во всех её разновидностях.

Представители других школ считают, что в слабой позиции представлена единица особого рода, которую по принципиальным соображениям недопустимо отождествить ни с какой из единиц, представленных в сильных позициях. Такая единица впервые выделена Н. С. Трубецким под названием «архифонема»².

2. Понятие гиперфонемы в Московской фонологической школе

В рамках МФШ выделение особой фонологической единицы, представленной только в слабой позиции, было тоже возможно. Однако это делалось не в столь радикальной форме, как у Трубецкого. А именно признание существования такой единицы сочеталось с признанием возможности отождествления единиц слабых позиций с единицами сильных позиций на основе критерия морфемного тождества. В 1930-е и 1940-е годы для обозначения таких единиц МФШ вслед за В. Н. Сидоровым употребляла термин

² [Trubetzkoy 1938/1960: 87].

«гиперфонема»³. Термин «гиперфонема» не является однозначным. Это убедительно продемонстрировано в статьях Л. Л. Буланина, Л. Л. Касаткина и С. М. Кузьминой⁴. Однако вопрос о том, сколько же у этого термина значений и какие именно, пока нельзя считать однозначно решённым. С. М. Кузьмина выделяет у термина «гиперфонема» два значения; Л. Л. Касаткин фактически выделяет четыре значения (давая каждому из них особую дефиницию). Моя попытка выделить значения (т. е. классы однородных употреблений) термина «гиперфонема» даёт следующие результаты (отчасти сходные с выводами Л. Л. Касаткина, отчасти уточняющие их).

Инвариантом всех нижеописанных значений термина «гиперфонема» является то, что он охватывает любые речевые звуки, охватываемые понятием «гиперфонема₀». Иначе говоря, это звук, употребляемый в позиции нейтрализации некоторого фонологически значимого противопоставления и входящий в звуковую оболочку такой морфемы, все речевые вхождения которой в соответствующей точке морфемы реализуются также исключительно звуками, стоящими в позициях нейтрализации данного противопоставления. В орфографической практике это явление хорошо известно под названием «бесповерочных» или «беспроверочных» написаний слов типа *баран*, *собака*, *вот*, *здесь* и т. д. Однако из данного пояснения никак не следует, можно ли употреблять термин «гиперфонема» за пределами данного круга примеров (иначе говоря, за пределами «гиперфонемной ситуации»); иными словами, есть ли у гиперфонем речевые реализации вне «гиперфонемной ситуации». Ответ на этот вопрос в наши дни кажется самоочевидным: конечно, нет! Однако самоочевидность этого ответа — кажущаяся. Мы отвечаем на него именно так, потому что вот уже более четверти века как стало принятым понимать гиперфонему именно таким образом. Между тем до начала 1970-х гг. на вопрос о реализациях гиперфонемы вне «гиперфонемной ситуации» разные лингвисты отвечали по-разному. Ниже я попытаюсь показать, в чём состояло это различие.

(0) Гиперфонема₀ (её можно назвать «гиперфонемой Сидорова» или «гиперфонемой по Сидорову») — это то, что понимал под этим термином его создатель В. Н. Сидоров в 1930-е и 1940-е годы. У историков отечественной теоретической фонологии в настоящее время нет никаких письменных свидетельств того, предпринимал

³ См. [Кузнецов 1941/1970: 159/186; Реформатский 1970: 63].

⁴ См. [Буланин 1979: 28—29; Касаткин 1995б: 324—330; Кузьмина 1995: 337—344].

ли создатель термина какие-либо попытки дать этому термину дефиницию. Насколько мне известно, такой письменной дефиниции сам В. Н. Сидоров не дал; более того, в его прижизненных публикациях и в посмертно опубликованных рукописях термин «гиперфонема» не встречается. Этот факт неоднократно отмечался в литературе. Об этом свидетельствуют, например, следующие цитаты из работ классиков МФШ: «термин гиперфонема, введённый, если я не ошибаюсь, В.Н.Сидоровым, но не получивший до сих пор отражения в печати» [Кузнецов 1941/1970: 186]. Поэтому объём термина «гиперфонема» остаётся неясным. Правда, имеется одна запись устной беседы Сидорова, в которой термин «гиперфонема» встречается (один раз) и даже иллюстрируется языковыми фактами, которые он охватывает. А именно в июне 1967 года В. Н. Сидоров выступил перед молодыми сотрудниками Института русского языка с беседой «О Московской фонологической школе». Беседа была записана на магнитофон, после чего её текст был зафиксирован на бумаге и опубликован в виде статьи [Сидоров 1971]. В тексте статьи Сидорова один раз упоминается термин «гиперфонема», но никакой дефиниции данного понятия не приводится; однако употребление термина проиллюстрировано примерами тех ситуаций, в которых термин «гиперфонема» употребляется. Из этих примеров более или менее ясно только, где можно усматривать отнесённость звука к гиперфонеме (это классические случаи «непроверяемости»), однако никоим образом не ясно, где усматривать такую отнесённость н е л ь з я. Иначе говоря, из иллюстраций видны некоторые достаточные признаки понятия гиперфонемы, но не ясно, каковы именно его необходимые признаки.

(1) Гиперфонема₁ (её можно назвать «гиперфонемой Кузнецова» или «гиперфонемой по Кузнецову») — это множество (совокупность, группа) «московских» фонем (= «фонем» в смысле МФШ), способных⁵ вступать друг с другом в отношение нейтрализации (понимаемое также в смысле МФШ)⁶.

Оговорка «в смысле МФШ», употреблённая мной при дефиниции понятия «гиперфонема», также нужна не только для раскрытия содержания термина, но и для задания его объёма. Можно было бы попытаться получить тот же объём, исходя из уже введённого определения «гиперфонемы» и дав «гиперфонеме» следующее определение:

⁵ Вместо слова «способных» можно употребить более громоздкую, но и более точную формулировку: «любые две из которых способны».

⁶ Тот факт, что в данной дефиниции я дважды употребляю оговорку «в смысле МФШ», вовсе не означает, что понятие «гиперфонема» не имеет смысла за рамками МФШ. Такая оговорка удобна как относительно лаконичный и относительно понятный способ обозначения двух довольно нетривиальных понятий.

«гиперфонема₁» есть многоэлементная (т. е. содержащая более одного элемента) «гиперфонема₄». А в этой дефиниции (как и в дефиниции «гиперфонемы₄») уже нет ничего морфонологического (и тем самым специфически «московского»). Но данная дефиниция не в состоянии охватить объём термина «гиперфонема₁», так как конкретные звуки, употребляемые в сильных позициях, являются экземплярами многоэлементных, а именно одноэлементных «гиперфонем₄» и тем самым не подходят под данное определение. Это значит, что само по себе понятие «гиперфонема₁» является столь же морфонологичным, как и понятие «гиперфонема₃».

Данное понимание гиперфонемы, по-видимому, восходит к устным высказываниям В. Н. Сидорова начала 1930-х годов. В печати оно было зафиксировано в статьях П. С. Кузнецова 1941 г. и 1959 г.⁷ Затем данное понимание было зафиксировано в книге [Панов 1967: 404—405] со ссылкой на устную традицию, восходящую к В. Н. Сидорову. Данное понимание фиксируется в статье Л. Л. Касаткина (под № 1): «совокупность нейтрализующихся в каких-либо условиях фонем» (см. [Касаткин 1995б: 326]) и в статье С. М. Кузьминой (также под номером 1): «совокупность (множество, группа) фонем, нейтрализующихся в слабой позиции» (см. [Кузьмина 1995: 337]).

В соответствии с таким пониманием любое вхождение любого звука, репрезентирующего одну из фонем, входящих в некоторую гиперфонему, будет репрезентировать также эту гиперфонему. Поэтому любое появление таких звуков в слабых позициях разрешимой нейтрализации, а также в сильных позициях будет по определению также репрезентировать данную гиперфонему. На возможный вопрос о том, почему же термин «гиперфонема» употребляется лишь применительно к звукам, стоящим в позициях «непроверяемости» и, соответственно, обозначаемым на письме «непроверяемыми написаниями», ответил уже П. С. Кузнецов. В статье [Кузнецов 1941/1970: 186] он отмечает, что звуки, стоящие в сильных позициях, а также звуки, стоящие в слабых проверяемых позициях, можно относить к вполне определённым гиперфонемам, но этого не делается потому, что фонолог в исследовании не ограничивается этим. Иначе говоря, такое отнесение было бы неинформативным (так как подобные суждения будут мало-содержательны из-за своей абстрактности). Информативнее будет отнести соответствующие звуки к вполне определённым фонемам на основе критерия морфемного тождества. Нетрудно заключить отсюда, что определение термина «гиперфонема», предложенное П. С. Кузнецовым, вполне допускает истинные утверждения типа:

⁷ См. [Кузнецов 1941/1970: 186, 190, 203; 1959/1970: 479].

(1) «в основе словоформ *дом, домов* встречается гиперфонема *o/a*»;

(2) «в основе словоформ *сад, садов* встречается гиперфонема *o/a*».

Но эти утверждения оказываются малоинформативными просто потому, что их истинность автоматически вытекает из истинности утверждений типа

(3) «в основе словоформ *дом, домов* встречается фонема *o*»;

или

(4) «в основе словоформ *сад, садов* встречается фонема *a*».

Между тем если принять понимание термина «гиперфонема₅», соответствующее понятию «гиперфонема₃», то утверждения типа (1) или (2) будут просто ложными. При этом их ложность будет прямо вытекать из истинности утверждений (3) и (4).

Разумеется, в работах П. С. Кузнецова 1941 и 1959 гг., равно как и в работе М. В. Панова 1967 г., содержится ряд высказываний, совместимых с другими (нижеописанными) определениями понятия «гиперфонема». Например, П. С. Кузнецов писал в 1941 г.: «Есть, однако, довольно большое число случаев, где такой перевод в сильную позицию невозможен и где можно поэтому говорить лишь о принадлежности к определённой гиперфонеме, но не фонеме. Так, например, в русском [slbākɫ] (*собака*) звук [ɫ] заведомо принадлежит гиперфонеме [o]—[a], но какая здесь представлена фонема, [o] или [a], решить невозможно» [Кузнецов 1941/1970: 186]. В статье 1959 г. П. С. Кузнецов, указывая на «звуки типа л в первом предударном слоге таких русских слов, как *собака, коро́ва* (фонетически *слба́ка, клр́ова*), находящиеся в таком фонетическом положении, где не может быть установлено различие фонем *a* и *o*» (Кузнецов 1959/1970: 479), писал, что «звуки речи представляют собой вариант одновременно фонем *o* и *a* или гиперфонемы *a—o*» [Кузнецов 1959/1970: 479]. Безусловно, приведённые высказывания согласуются не только с определением понятия «гиперфонема₁», но и с другими нижеприведёнными определениями, однако доказать, что в данном контексте под гиперфонемой понимается нечто иное, нежели следует из приведённого определения, едва ли возможно. Между тем в статьях П. С. Кузнецова встречаются и такие формулировки, которые исключают возможность понимания им термина «гиперфонема» в ином значении, чем «гиперфонема₁». Так, в работе 1941 г. П. С. Кузнецов, отмечая очевидность соотношения конкретных звуков в речевом потоке с вполне определёнными гиперфонемами, упоминает среди таких случаев, во-первых, сильные позиции, а, во-вторых, такие слабые позиции, для которых возможна постановка в сильную позицию; как пример на это последнее явление приводятся

такие словоформы, как рус. [dɫ'ma] (*домá*), а также франц. [ple*zi:r], [plezā], [ple:r]. Данное понимание несовместимо как минимум с пониманием гиперфонемы в смысле «гиперфонема₅». Цитата из книги М. В. Панова 1967 г. довольно хорошо согласуется с определением понятия «гиперфонема₁», в частности, потому, что в ней нет ссылки на критерий морфематического тождества и на понятие чередования. Согласно М. В. Панову, «между собой фонемы... могут объединяться в группы. Фонемы объединяются именно тем, что они нейтрализуются; нейтрализованные фонемы образуют гиперфонему. В русском языке, например, фонемы ⟨a—o⟩ составляют гиперфонему, ⟨m—m'—d—d'⟩ образуют другую гиперфонему, ⟨с—ш⟩ — ещё особую и т. д.» [Панов 1967: 404—405]. В связи с этим представляется вполне убедительным изложение данной концепции в статье Л. Л. Касаткина 1995 г., где она напрямую связывается с пониманием гиперфонемы у П. С. Кузнецова (см. [Касаткин 1995б: 324—325]).

(2) Гиперфонема₂ (её можно назвать «гиперфонемой Реформатского» или «гиперфонемой по Реформатскому») — это, в соответствии с определением Л. Л. Касаткина, «единица, выступающая в позиции, где различается меньшее число единиц, чем число фонем данного класса, эта позиция может быть для данной единицы как сигнификативно сильной, так и сигнификативно слабой» [Касаткин 1995б: 326]; в другой формулировке, это «характеризующая систему фонем функциональная единица, выступающая в позиции нейтрализации» [Касаткин 1990: 316]. Первое эксплицитное определение этого понятия появилось в статьях Л. Л. Касаткина 1990 и 1995 гг. (хотя и без указания на источники, которыми оно может быть проиллюстрировано). Однако я бы воздержался от того, чтобы называть её «гиперфонемой Касаткина» или «гиперфонемой по Касаткину», так как, во-первых, из примеров употребления термина «гиперфонема», встречающихся в опубликованных работах А. А. Реформатского, почти однозначно вытекает именно такое понимание термина, а значит, фактически оно восходит к А. А. Реформатскому, а, во-вторых, Л. Л. Касаткин в данной статье отнюдь не настаивает на том, чтобы употреблять термин гиперфонема в соответствии с данным определением, т. е. не даёт рекомендации употреблять термин «гиперфонема» в соответствии со своим определением данного значения термина «гиперфонема», а претендует лишь на то, чтобы аккуратно зафиксировать одно из пониманий данного термина, бытующее в научной литературе.

В книге [Реформатский 1970: 64] приводятся некоторые автоцитаты А. А. Реформатского, не только не противоречащие приве-

дённой дефиниции Л. Л. Касаткина, но и, более того, хорошо согласующиеся только с ней. Эти высказывания А. А. Реформатского, содержащие термин «гиперфонема», которые хорошо согласуются с определением понятия «гиперфонема₂», однако никоим образом не согласуются с вышеприведённым определением понятия «гиперфонема₁», а также с нижеприведёнными определениями понятий «гиперфонема₃», «гиперфонема₄», «гиперфонема₅», «гиперфонема₆». Так, в 1958 г. А. А. Реформатский писал: «В русском языке различается на уровне ударных гласных пять единиц: *и, э, а, о, у*, — но на другом уровне (безударные гласные) после твёрдых согласных пары гласных *и/э* и *а/о* являются неразличимыми, и остаётся различие трёх гиперфонем: *и/э, а/о* и *у*; гиперфонемы охватывают нейтрализацию *и* и *э, а* и *о*, но *у* остаётся таким же, но на этом уровне — это не фонема, а гиперфонема *у*» [Реформатский 1958: 105—106] (цит. по [Реформатский 1970: 64])⁸. Из приведённого рассуждения с очевидностью следует, что, например, в слове *рука* представлена гиперфонема *у*. Однако если принять определение гиперфонемы, приведённое ранее под № 1 («гиперфонема₁»), то такое суждение оказалось бы ложным.

Разумеется, у А. А. Реформатского можно встретить высказывания типа «гиперфонема служит “над-единицей” разных фонем, например, в таких случаях, как *бо/аран, со/абака* и т. д.» [Реформатский 1967/1996: 285], однако данное высказывание совместимо с любыми из перечисляемых мной значений термина «гиперфонема», поэтому у нас нет никаких доказательств того, что в тексте учебника 1967 г. Реформатский понимал термин «гиперфонема» каким-то иным образом, нежели в своих публикациях 1958 и 1970 гг.

Гиперфонема₂ (или: гиперфонема по Реформатскому) появляется не только в текстах Реформатского 1958, 1967 и 1970 гг., но и в некоторых других работах представителей МФШ⁹.

(3) Гиперфонема₃ — это (по объёму термина) то же, что «архифонема» Трубецкого. Фактически почти такое же понимание

⁸ См. также [Реформатский 1958/1987: 89], где эквивалентная цитата дана в переводе с французского, выполненном В. А. Виноградовым. Цитата звучит (в русском переводе) следующим образом: «В русском языке на одном уровне (ударные гласные) различается пять единиц: *и, э, а, у, о*, но на другом уровне (безударные гласные) после твёрдых согласных *и/э* и *а/о* образуют недифференцированные единицы, и остаётся оппозиция между тремя гиперфонемами — *и/э, а/о, у*; эти гиперфонемы отражают нейтрализацию фонем *и—э* и *а—о*, *у* же остаётся идентичной самой себе, однако на этом уровне это уже не фонема, а гиперфонема *у*» [Реформатский 1958/1987: 89].

⁹ См., напр., [Широков 1985: 73—74].

зафиксировано в статье Л. Л. Касаткина 1990 г.¹⁰, а затем в статье Л. Л. Касаткина 1995 г. (под № 2) (хотя Л. Л. Касаткин и не указывает на источники, которыми оно может быть проиллюстрировано): «Единица, выступающая в сигнификативно слабой позиции и соответствующая нескольким фонемам сигнификативно сильных позиций» (Касаткин 1995б: 326). Следует обратить внимание на то, что термин «соответствующая» в тексте данного определения никоим образом не следует понимать как «чередующаяся с» // «соотносительная по чередованию» // «проверяемая» // «альтернирующая с» // «морфонологически тождественная». В противном случае Л. Л. Касаткин употребил бы термин «приводимая», как об этом свидетельствует его же дефиниция под № 3. Что же в таком случае имеется в виду под словом «соответствующая»? По контексту как будто бы получается, что это означает что-то типа «иногда приводимая», «в некоторых морфах приводимая». Иными словами, трактовка единицы в слабой позиции опирается на предварительное отождествление звуков речи, стоящих в «приводимых» слабых позициях, со звуками речи, стоящими в «неприводимых» слабых позициях, друг с другом. Такая трактовка имплицитно опирается на концепцию позднего Р. И. Аванесова, где, как известно, вводилась единица, представленная как в приводимых слабых позициях, так и в неприводимых слабых позициях: это так называемая «слабая фонема» по Р. И. Аванесову. Заметим, что сам Л. Л. Касаткин в своей статье отнюдь не настаивает на употреблении термина «гиперфонема» в этом значении, но, более того, фактически предлагает для обозначения инварианта такой единицы пользоваться термином «архифонема»; экстенционально налицо совпадение объёма этого термина с тем объёмом, который охватывался им у Трубецкого (и в котором он достаточно прочно вошёл в метаязык европейской лингвистики), однако интенционально есть и некоторое различие¹¹.

¹⁰ Точнее будет сказать, что под определение Л. Л. Касаткина 1990 г. подпадают оба понятия, обозначенные в настоящей работе под № 2 и 3: «характеризующая систему фонем функциональная единица, выступающая в позиции нейтрализации» [Касаткин 1990: 316]. В статье Л. Л. Касаткина 1995 г. указанные два понимания разграничены: гиперфонема по Реформатскому подана под № 4, а гиперфонема как эквивалент архифонемы — под № 2.

¹¹ Более того, отличие архифонемы Касаткина от архифонемы Трубецкого становится экстенциональным, как только мы попытаемся работать с этими двумя понятиями в экзотической (для русистов) предметной области, а именно при описании языков с жёсткой привязкой морфем определённых классов к определённым типам фонологических позиций. Так, в языках с последовательным фонологическим сингармонизмом выделение архифонем по Трубецкому не составляет труда и оказывается возможным без апелляции к соотносительности слабых пози-

(4) Гиперфонема₄ — это «кодовая единица для некоторой группы фонем (...) которая может ограничиваться одной фонемой»; при этом «гиперфонемы различимы в любой позиции» и «образуют первичный результат второго лингвистического членения» [Виноградов 1971а: 101]¹².

Похоже на то, что такое понимание отнюдь не было совсем чуждо П. С. Кузнецову, о чём свидетельствуют некоторые формулировки из его работ. Так, в статье 1941 г. П. С. Кузнецов писал: «Принадлежность каждого конкретного звука в речевом потоке определённой гиперфонеме очевидна» [Кузнецов 1941/1970: 186]. Из этого тезиса как будто следует, что любой звук речи, независимо от того, в сильной или в слабой позиции он стоит, относится к той или иной гиперфонеме. Однако называть данное понятие «гиперфонемой по Кузнецову₂» или «гиперфонемой Кузнецова₂» было бы неосторожно, так как у нас нет оснований полагать, что П. С. Кузнецов допускал такое понимание сознательно и намеренно. Более правдоподобно предположение о том, что приведённые формулировки встречаются у П. С. Кузнецова скорее спонтанно (в отличие от формулировок В. А. Виноградова, выражающих некоторую сознательно выдвинутую концепцию).

Наконец, следует отметить, что в громадном большинстве современных работ, где употребляется термин «гиперфонема» (и — что немаловажно! — во всех лингвистических энциклопедиях, справочниках и вузовских учебниках, где он встречается), термин «гиперфонема» употребляется в понимании, не соответствующем

ций с сильными, между тем выделение архифонем по Касаткину окажется возможным лишь там, где налицо «соответствие» позиций (понимаемое, вслед за Касаткиным, как «потенциальная приводимость»). В результате окажется, в частности, что в позициях нейтрализации (понимаемых по Трубецкому) будут фиксироваться архифонемы по Трубецкому, но не будут фиксироваться архифонем по Касаткину, так как вокализм корней в таких языках состоит из сильных фонем, а вокализм аффиксов — из слабых фонем, и никакой «приводимости», даже «потенциальной приводимости», не наблюдается.

¹² По-видимому, понятие «гиперфонема₄» экстенционально совпадает с такими понятиями (т. е. эквивалентно им по объёму), как:

(а) «фонема» в «ревизионистско-московской» концепции позднего Аванесова [Аванесов 1956; Аванесов 1974], давшей начало целому ответвлению теоретической фонологии, где такое понимание фонемы укоренилось (ср., напр., такие наиболее известные работы этого направления, как [Дмитренко 1970, с. 7—29; Чурганова 1973, с. 21—32; Дмитренко 1980, с. 69—89]);

(б) «синтагмофонема» в «Паново-московской»-67 фонологии [Панов 1967: 56—204];

(в) «фонема-(п)» в «Паново-московской»-79 фонологии [Панов 1979: 177—193];

(г) «фонема-дифференциатор» в «Паново-московской»-81 фонологии [Панов 1981: 92—94].

ни одному из приведённых трёх пониманий. Это понимание ниже именуется «гиперфонема₅».

Гиперфонема₅ — это, по определению В. И. Постоваловой, «единица в слабой позиции, не чередующейся с сильной» [Постовалова 1972: 183].

Данное понимание фиксируется в статье Л. Л. Касаткина (под № 2): «единица, выступающая в сигнификативно слабой позиции, но в данном морфе не приводимая к сильной позиции, хотя в других морфах она соответствует нескольким фонемам» (см. [Касаткин 1995б: 326]). В другой работе Л. Л. Касаткин отмечает, что «гиперфонема стала пониматься как особый случай неполной реализации в отдельных морфемах всего ряда позиционно чередующихся звуков, воплощающих фонему: как функциональная единица, представленная отдельным звуком или рядом позиционно чередующихся звуков, относящейся к общей части нейтрализованных фонем, не приводимой в данных морфемах однозначно к одной из этих фонем» (см. [Касаткин 1997: 249]). Примечательной чертой дефиниции Л. Л. Касаткина является апелляция к понятию морфемы (или морфа) и к понятию неприводимости.

В статье С. М. Кузьминой аналогичное понимание также зафиксировано (под № 2 и 3): «во-вторых, совокупность фонем, нейтрализующихся в такой слабой позиции, которая не соотносится с сильной; в-третьих, такая фонема, которая представлена только звуками слабых позиций» (см. [Кузьмина 1995: 337]). С. М. Кузьмина справедливо отмечает, что приведённые ею два определения эквивалентны; в данном случае имеется в виду экстенсиональная эквивалентность (эквивалентность по объёму).

Смысловая (интенциональная) разница двух определений, приведённых С. М. Кузьминой, состоит в следующем.

Первое из них (назовём эту единицу «гиперфонема_{5а}») предполагает, что:

(а) термин «фонема» понимается исключительно в ортодоксально-московском смысле (Сидоров, ранний Аванесов, ранний Кузнецов, Реформатский), не предполагающем какого-либо проявления ревизионизма;

(б) как это прямо вытекает из пункта (а), гиперфонема не считается ни разновидностью, ни вариантом фонемы;

(в) как это прямо вытекает из пункта (б), звук, выступающий в неразрешимой слабой позиции, не относится к какой-либо определённой фонеме (и тем самым не относится ни к какой фонеме, так как «неопределённых» фонем не существует).

Второе из них (назовём эту единицу «гиперфонема_{5б}») предполагает, что:

(а) термин «фонема» понимается в соответствии не с ортодоксально-московской концепцией (поскольку с точки зрения ортодоксально-московской фонологии фонема по определению должна иметь в качестве одного из своих представителей основной представитель, т. е. представитель, выступающий в сигнификативно сильной позиции), а в соответствии с одной из «ревизионистско-московских» концепций¹³, предполагающих, что бывают фонемы без сильного представителя¹⁴;

(б) гиперфонема считается разновидностью фонемы (т. е. это фонема, не имеющая сильного представителя);

(в) в любых слабых позициях ответ на вопрос о фонемной идентификации звука имеет однозначный ответ.

(5) Гиперфонема₆ — это «функциональная единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, общих для нескольких фонем, при отсутствии представителя этой единицы в сигнификативно сильной позиции» [Панов 1979: 120]. Философ А. Ф. Лосев оценил это определение гиперфонемы как «блестящее по своей безупречности» [Лосев 1989: 67]; поэтому оно заслуживает подробного разбора.

Следует обратить внимание, что в этой работе М. В. Панова приводятся не только примеры гиперфонем в смысле определе-

¹³ Излишне подчёркивать, что в термины «ортодоксальный» и «ревизионистский» я не вкладываю ровно никакого оценочного смысла, занимая, по возможности, беспристрастную позицию, единственно возможную для науковедца (в частности, для историка науки). «Ортодоксальные» сторонники МФШ стремились сохранить всю исходную концептуально-терминологическую систему МФШ нетронутой, а «ревизионисты» стремились к её обновлению, сохраняя лишь её основные положения.

¹⁴ Самая известные из таких ревизионистских концепций — это [Панов 1979] и [Панов 1981]. Так, в книге [Панов 1979: 121] гиперфонема трактуется как фонема, не полностью выявленная языком; такие фонемы, по словам М. В. Панова, «даны как гиперфонемь».

Следует подчеркнуть, что ревизионистско-московскую концепцию позднего Аванесова [Аванесов 1956] вообще нелегко даже сопоставить с другими подобными концепциями, потому что понятию (ортодоксально-московской) фонемы у него соответствуют два понятия: «фонемный ряд» и «фонема». Первое соответствие не нуждается в комментариях из-за своей тривиальности; второе, менее тривиальное, следует пояснить: фонема ортодоксов МФШ (Сидоров, ранний Аванесов, ранний Кузнецов, Реформатский) соответствует фонеме позднего Р. И. Аванесова в тех случаях, когда некоторая фонема (понимаемая как компонент морфемы) вообще не подвергается позиционным чередованиям. Так, инициаль [р] слова *рог* [рок] является единственным представителем данной фонемы как компонента данной морфемы, поэтому Р. И. Аванесов трактовал эту единицу именно как «фонему», а не как «фонемный ряд» (см. [Аванесов 1956/1974: 29/32]); и это вполне последовательно, так как фонемный ряд определяется через понятие чередования и, стало быть, по определению многоэлементен.

ния понятия «гиперфонема₆», но и некоторые примеры употребления термина «гиперфонема», не охватываемые этим определением М. В. Панова (т. е. определением понятия «гиперфонема₆»), зато охватываемые определением понятия «гиперфонема₅». Так, например, начальный губной фрикативный звук в слове *вдруг* трактуется М. В. Пановым как гиперфонема ⟨ф/в⟩. Однако никакого ряда позиционно чередующихся звуков здесь нет (по крайней мере если не подвергать сомнению принятую М. В. Пановым трактовку слова *вдруг* как синхронно нечленимого на морфемы). Значит, о гиперфонеме здесь можно говорить лишь в смысле «гиперфонема₅», но не в смысле «гиперфонема₆».

Здесь возможны два возражения.

Возражение 1. В концепции М. В. Панова термин «ряд позиционно чередующихся звуков», в отличие, напр., от концепции Р. И. Аванесова, понимается как необязательно многочленный. Это доказывается комментариями М. В. Панова в связи с вокалической гиперфонемой в безударных слогах существительного *бегемотик*: про звук [и] в начальном слоге этого слова М. В. Панов говорит: «...здесь ряд чередующихся звуков состоит из одного члена — из безударного [и]» [Панов 1979: 121].

Ответ на возражение 1. Однако из комментариев М. В. Панова к понятию чередования (равно как и из традиционного общепринятого представления о том, что такое чередование) как будто бы следует, что чередоваться могут только несколько разных единиц друг с другом. И, таким образом, предлагаемые в книге дефиниции понятий фонемы и гиперфонемы применимы только к единицам, содержащим более одного члена, к многочленным рядам.

Возражение 2. Возможно, употребляя термин «ряд чередующихся звуков», автор имел в виду звуки речи, а не языковые единицы. Тогда действительно любая фонема и любая гиперфонема представлены рядом чередующихся звуков.

Ответ на возражение 2. Но в таком случае этих звуков будет бесконечно много. Между тем приводимый разбор вокализма первого слога в слове *бегемотик* доказывает, что имеются в виду не звуки речи (которых бесконечно много), а некоторые звуковые единицы языка (количество которых принято считать ограниченным, да и в данном примере речь идёт именно о том, что в начальном слоге слова представлена некоторая звуковая единица языка).

Вдобавок к сказанному возможно было бы ввести ещё одно понимание термина «гиперфонема» («гиперфонема₇»). Под «гиперфонемой₇» понимается не какая-либо реальная языковая единица, а некоторый транскрипционный символ, употребляемый лингви-

стом для записи тех слабых позиций, в которых данный лингвист не может и не хочет зафиксировать вхождение той или иной фонологической единицы из числа единиц, выделенных на основании анализа сильных позиций. Такое понимание в явном виде никем не формулировалось, однако оно может быть реконструировано на основе формулировок типа «фонема на ступени её неполной языковой выявленности»¹⁵. За такими формулировками может стоять, вообще говоря, несколько разных осмыслений:

(а) В слабых непроверяемых позициях стоят некоторые вполне определённые фонемы, но простому обывателю, земному человеку (будь то простой носитель языка или дипломированный лингвист) не дано знать, какие именно фонемы там стоят. При таком понимании «гиперфонема_{7а}» есть как бы маска, за которой прячется фонема-инкогнито¹⁶. Заметим, что такое, гносеологическое, понимание гиперфонемы оказывается логически несовместимым с формулировками, апеллирующими к «отсутствию представителя этой единицы в сигнификативно сильной позиции» [Панов 1979: 120]. Допустим, действительно гиперфонема соотносится с фонемой как «наблюдаемое» явление соотносится со своей «скрытой» сущностью. Зададимся тогда следующим вопросом: а, собственно говоря, на каком основании мы решили, что у анализируемой функциональной единицы отсутствует «представитель этой единицы в сигнификативно сильной позиции»? Столь же обоснованно можно предположить, что представитель этой единицы присутствует, но не дан в прямом наблюдении, прячется под маской своего мнимого (внешнего, наблюдаемого) отсутствия!¹⁷

¹⁵ [Панов 1979: 121].

¹⁶ Такая трактовка иногда трактовалась как предполагающая принятие позиции философского агностицизма. Философ волен говорить что угодно о чём угодно, в том числе и о единицах, недоступных научному изучению. Однако остаётся не вполне ясным, зачем нужен разговор о таких единицах в рамках лингвистического описания.

¹⁷ Гротескная постановка вопроса не должна смущать исследователя. В исторической лингвистике принято оперировать понятиями, обозначающими реконструированные (а иногда, строго говоря, реконструируемые) сущности: «праформа», «праязык» и т.п. Современная синхронная лингвистика кишит конструируемыми сущностями (конструктами) типа «глубинная структура», «сема», «семантические примитивы», «системная фонема», «фрейм», «когнитивная операция», «ментальная репрезентация», «прототип», «базовые принципы», «языковая детерминанта», «след», «стратегии», «гештальт», «элементарные смыслы», «СемП'ь» и т.п. Однако методологически аккуратным может быть лишь использование в качестве терминов для обозначения конструктов лишь таких терминов, которые сами по себе не вызывают ассоциаций со сферой реальных языковых единиц, а задуманы изначально как обозначения конструктов: ср. «словарная статья», «вокабула»,

Кстати говоря: концепция «потенциального присутствия» представителя гиперфонемы в сигнификативно сильных позициях имеет не только чисто философский, но наряду с этим и вполне лингвистический (семиотический) смысл. А именно можно предположить, что «в действительности» представитель анализируемой единицы (предположительно т. н. гиперфонемы) в сигнификативно сильной позиции присутствует, но лишь потенциально. В таком случае выявить его «замаскированную» сущность (осуществить её синхронную «реконструкцию») можно разными способами:

путём анализа языковой игры (так, для гиперфонемы *o/a* сильной позицией будет считаться ударная позиция нередацированного *o* в знаменитом примере *Фима Собак* из устной декламации текста романа Ильфа и Петрова);

путём анализа потенциальных и окказиональных образований (так, для гиперфонемы *d/m* в слове *вом* будет реконструирована сигнификативно сильная позиция, проявляющая глухость в слове *воточки* как потенциальном диминутиве от этого слова; и т. п.);

путём искусственной актуализации полуживых словообразовательных связей (так, для гиперфонемы *ж/ш* в частице *уж* возможна реконструкция сигнификативно сильной звонкости по аналогии с частицей *уже*);

путём воскрешения мёртвых этимологических связей (реконструкция сигнификативно сильной звонкости в *ведь* по аналогии с *ведать*);

путём привлечения фактов рэтимологизации (реконструкция сигнификативно сильного *a* в просторечной словоформе *довлеет* 'оказывает давление, давит' на основании ударного *a* в словоформе *давит*; или реконструкция сигнификативно сильной позиции для гиперфонемы *o/a* в первом слоге корня слова *болото* на основании народной этимологии, связывающей с этим корнем фамилию *Болотов*; и т. п.);

путём рассуждения по аналогии в рамках общего анализа системы живых позиционных чередований данного языка (так ре-

«словарный вход», «словарный заголовок», «граф», «дерево», «узел», «ветвь», «поддерево», «куст», «таблица», «клетка», «столбец», «строка», «цепочка», «астериск», «прочерк», «скобочная запись», «стрелка» и т. п. (кстати, термин «СемI» был также изначально задуман как обозначение конструкта и приобрёл онтологическое значение лишь в ходе активного арготического использования). В противном случае лингвисту грозит опасность утонуть в мире фиктивных сущностей (похоже, хрестоматийные исторические казусы типа «четырёхэлементного анализа» Н. Я. Марра лингвистическую публику ничему не научили и воспринимаются нередко в лучшем случае лишь как исторический анекдот трагикомического характера, а не как методологически поучительный эпизод).

конструируется сильная позиция для интерфикса *o* в словах типа *паровоз*)¹⁸;

путём рассуждения по аналогии в рамках представления о единообразии морфонологического облика морфем, принадлежащих к некоторому единому морфонологическому классу (напр., так реконструируется сильная позиция для безударной гласной в корнях с т.н. полногласием).

На последнем примере остановимся подробнее. Так, В. Г. Чурганова, анализируя русские корни с т. н. полногласием (т. е. многосложные корни с плавным согласным в центре), отмечает: «в этих корнях с плавным в центре гласный, стоящий под ударением, всегда *o* или *e*. В безударном положении после твёрдого согласного выступает ряд *л, ъ, а* после мягкого — ряд *i^e, ь*» [Чурганова 1973: 46].

Если перед нами морфонологические позиции, остающиеся всегда безударными (т. е. неприводимые к сильной позиции: ср. первый слог корня *колеб-*), то в морфонологической записи такой позиции на основании непосредственного применения определения понятия слабой морфонемы к каждой отдельной слабой позиции в каждой отдельной анализируемой корневой морфеме следовало бы фиксировать «слабую морфонему» (это понятие, введённое В. Г. Чургановой, почти эквивалентно понятию гиперфонемы в его морфонологической интерпретации, т. е. понятию «гиперфонема₅», см. выше). На этом основании В. Г. Чурганова заключает, что «первый ряд предполагает слабую морфонему *л*, второй — *i^e*» (*ibidem*); такое заключение предполагало бы включение в базис индукции лишь примеры употребления морфем, где соответствующая позиция постоянно остаётся безударной и, т. о., слабой; на долю дедукции оставалось бы лишь применить общее понятие слабой морфонемы к разбору каждого конкретного случая.

¹⁸ М. В. Панов приводит любопытный пример такой синхронной реконструкции реально незафиксированного сильного представителя (а именно, *o*) гиперфонемы *o/a* в русском интерфиксе, соединяющем компоненты сложного слова: «Только в редчайших случаях можно определить парадигмо-фонему в слабой позиции, не приравнивая её к тому, что находится в сильной позиции. Можно привести очень немного таких примеров. Так называемая соединительная гласная (интерфикс) никогда не бывает под ударением: *паровоз, головорез, овцевод* и т. д. После всех твёрдых согласных, кроме [ш, ж, ц], она реализуется звуком [а] в первом предударном слоге: [пъравос], [гълъвар'эс], после [ц] — звуком [ь^э] [афцъ^эвот]. Какие фонемы реализуются таким образом? Только (о) (...). Ср. еще: *рыжеватый, беловатый*. Учитывая этот единственный случай, можно сказать: определить, какая парадигмо-фонема находится в данном месте речевой цепи, — значит найти такие её реализации в нескольких позициях (в частном случае — в одной), которые свойственны в совокупности только одной парадигмо-фонеме» [Панов 1967: 219—220].

Однако реально ход мысли В. Г. Чургановой — иной, более сложный. Базисом индукции служит весь класс однозначных корней, выделенный на основании морфонологического сходства входящих в него корней друг с другом (причём принимается в расчёт лишь сходство сегментного состава, а не акцентуации); на основании анализа морфонемного состава ударного вокализма в этих корнях и обнаружения строгого ограничения на ударный вокализм делается индуктивное умозаключение: «Но при постановке ударения эти ряды связываются с сильным вариантом *o* и *e*» (*ibidem*).

Далее этот вывод, индуктивно полученный на основании анализа морфонемного состава вокализма в ударных морфонологических позициях (а они могут находиться как в первом, так и во втором слоге двусложного корня), экстраполируется на морфонемный состав вокализма в безударных морфонологических позициях (по понятной причине они также могут находиться как в первом, так и во втором слоге двусложного корня).

Далее полученный таким образом вывод дедуктивно применяется к морфонемному составу вокализма в безударных морфонологических позициях: «Естественно, что в тех случаях, когда нельзя поставить тот или иной гласный корня под ударение, исходя из общей структуры, данные ряды можно рассматривать как представителей морфонем *o* и *e*» (*ibidem*).

Как видно из этой цитаты, В. Г. Чурганова считает возможным фиксировать в безударной позиции во всех полногласных корнях этого типа морфонемы *(o)* и *(e)*, независимо от того, могут ли соответствующие слоги попадать в ударную позицию. При этом распределение между *(o)* и *(e)* (имеется в виду распределение в позиции первого слога корневой морфемы, так как во втором слоге всегда фиксируется морфонема *(o)*) признаётся почти целиком обусловленным соответственно «твёрдостью или мягкостью плавного (этому правилу не подчиняются лишь корни с нулевым начальным консонантом)¹⁹, а также заднеязычным в исконно рус-

¹⁹ Под «нулевым начальным консонантом» В. Г. Чурганова понимает в данном случае нулевой анлаут, т. е. некоторую морфонологическую позицию, которую можно назвать нулевой инициальной (нулевой начальной морфонологической позицией) открытого слога или нулевой инициальной корневой морфемы; видимо, этим объясняется отсутствие «нулевого консонанта» в инвентаре русских морфонем [Чурганова 1973: 35] и упоминание «нулевого консонанта» (наряду с «незаполненной консонантной позицией») как компонента «структуры корневой морфемы» (*ibidem*: 41). В других контекстах в процитированной книге инициальная морфемы называется также «началом корневой морфемы» (*ibidem*: 18), «первой консонантной позицией» (*ibidem*: 42, 43, 44) или просто «первым консонантом» (*ibidem*: 41); про «первый консонант» говорится, в частности, что он «может быть

ских словах — единичный пример, где первый гласный всегда о)» (ibidem).

На этом основании, в частности, морфонемы ⟨о⟩ и ⟨е⟩ фиксируются в таких корнях (для ясности они организованы в таблицу)²⁰:

Тип плавного			Непроверяемая позиция в первом слоге	Обе позиции непроверяемы	Обе позиции проверяемы	Непроверяемая позиция во втором слоге
М	Б	l'	1. * ²¹ , <i>пелён-, ?желез-</i>	2. (о) <i>желед-, телеп(ен)-</i>	3. <i>желёз-</i>	4. <i>шелест-</i>
М	Д	г'	5. * ²² <i>жерёб-, стерёг-, серёд-, черёд-, мерёж-, берёз-, тверёз-, мерёж-, верей-, перёк-, (о)жерел-, черём-, ?свиуреп- [sv'i'ɛr'ep- → sv'er'ep-], (о)черёт-, череш-, мерещ-</i>	6. <i>терёб-, мерей-, мерек-, жерел-, верен-(иц-), ерен(ен-), шерес-, верещ-</i>	7. <i>черёв-, мерёг-, перёд-, серебр-, берёст-</i>	8. <i>берег-, верезг-, веред-, через-, вереск-, терем-, мерин-[m'er'en], черен-, череп-, ерес-, нерест-, жерех-</i>
Т	Б	l	9. <i>солов-, колод-, молоз-, толок-, полоск-, солон-, (о)шелом-, болон-, полон-, холон-, болот-, долот-, колот-, полот-</i>	10. <i>волож-, (жи-)молост-</i>	11. <i>голов-, полов-, голод-, молод-, солод-, холод-, полоз-, волок-, молоко-, холон-, волос-, голос-, колос-, полос-, золот-, молот-</i>	12. <i>жолоб-, колоб-, олов-, щёлук-, солон-, холост-, полух-</i>

нулевым» (ibidem: 41) (здесь под консонантом имеется в виду консонантная морфонологическая позиция). В то же время в других контекстах под «консонантом» имеется в виду не сама морфонологическая позиция, а её заполнитель — т.е. та или иная согласная морфонема, ср., например: «В праславянском языке... приставки образовывали структуры (открыто-слоговые), односложные или двусложные. Начальный консонант мог отсутствовать (оь-гьnuti, оь-бьrati)... Корневые субморфы, как правило, образовывали закрытые структуры, в большинстве своём односложные, значительно реже двусложные, типа CVC(VC). [В корне слоговым элементом могло быть сочетание гласного с плавным]. Начальный консонант мог иногда отсутствовать (отьсь, овьса)» (ibidem: 14).

²⁰ В левом столбце таблицы сокращённо обозначены типы плавных, стоящих в медиальной позиции. Условные обозначения типов плавного согласного в медиальной позиции: «М» — обозначает «мягкий», «Т» — «твёрдый», «Д» — «дрожащий», «Б» — «боковой». Вопросительным знаком помечены отклонения от правила, сформулированного В. Г. Чургановой в указанной работе.

²¹ К этому же подклассу относятся, в порядке исключения, корни с заднеязычной инициалью: *колеб-, колёс-*, где в первом слоге фиксируется морфонема о.

²² К этому же подклассу относится, в порядке исключения, один корень с нулевой инициалью: *орех-*, где в первом слоге фиксируется морфонема о.

Т	Д	г	13.	14.	15.	16.
			вороб-, коров-, дорог-, порог-, смород-, порож-, мороз-, порок-, сорок-, корол-, паром [рагот- → рогот], скором-, хором-, барон- [влрон-], хорон-, торон-, порос-, корост-, горох-, хорош-, морош- (к-), порош-	14. скород-, (о)корок-, морос-, короч-	15. короб-, здоров-, дорог-, бород-, город-, борозд-, сторож-, пороз-, морок-, торок-, борон- [ворон-], ворон-, сторон-, порос-, корот-, ворот-	16. боров-, норов-, ворог-, сорок-, хворост-, ворох-, порох-, шорох-, шерох-

Примечательно, что, говоря о слабых позициях согласных морфоне́м, В.Г.Чурганова утверждает, что в русском языке нет таких согласных морфоне́м, которые бы состояли только из слабых фонем: «Так как все позиции, в которых можно было бы предполагать отсутствие сильного варианта согласной морфоне́мы (фонемы сильной позиции) относятся к строго определяемым морфонологическим позициям (первый элемент звукосочетания, конец морфологического слова), то согласные морфоне́мы в этих позициях следует рассматривать как сильные морфоне́мы, синтаксис которых определяется данными морфонологическими позициями» [Чурганова 1973: 37]. В переводе на терминологический метаязык МФШ это заявление должно было бы звучать примерно так: в русском языке нет согласных гиперфонем, так как любой согласный звук возводим к сильной позиции. Данное утверждение не является прямым следствием каких-либо концептуальных различий между понятием «гиперфонема₅» и понятием слабой морфоне́мы у В. Г. Чургановой. Разница в другом: в том, что сами принципы отождествления протяжённых морфонологических единиц в МФШ и у В. Г. Чургановой принципиально различны: грубо говоря, в МФШ такие единицы (звуковые оболочки морфем) выделяются на основе принципа двусторонней, формально-семантической членимости, между тем у В. Г. Чургановой такие единицы (субморфы) вычленяются на основе регулярной организованности морфоне́м в морфемоподобные цепочки (как правило, совпадающие с этимологическими морфемами). Поэтому в слове *вдруг* будут фиксироваться префиксальный субморф *в-*, и корневой субморф *друг*; но, таким образом, слабых согласных морфоне́м (аналогов согласных гиперфонем) здесь не остаётся. В инициали корневых субморфов типа *здоров* (по умолчанию, орфографическая запись прямо отражает морфоне́мную) фиксируется сильная звонкая морфоне́ма; видимо, общим имплицитным основанием для подобных решений являет-

ся не что иное, как принцип простоты²³ (в смысле генеративной фонологии).

Конечно, в рамках МФШ (по крайней мере, в рамках ортодоксально-московского подхода) такие аргументы не были бы допустимыми. Однако если допустить гносеологическое определение гиперфонемы через апелляцию к психике лингвиста (а именно это имеется в виду, когда говорят, что в гиперфонемной ситуации мы не знаем, к какой фонеме сильной позиции возвести данный звук в слабой позиции), то кардинальным вопросом становится личная идентификация того лингвиста, который употребляет это слово «мы»²⁴. Если понятие «мы» приложимо к любому субъекту познания, то, стало быть, субъектом познания может оказаться и такой зловредный волонтарист, который уже познал абсолютную истину и потому, в частности, утверждает, что он-то уж знает, какая «на самом деле» фонема сильной позиции прячется за этим звуком в якобы непроверяемой позиции. Но в таком случае решение вопроса будет зависеть от степени смелости этого волонтариста: один теоретик окажется не очень смелым и реконструирует сильную гласную (мор)фонему лишь в соединительном интерфиксе, а другой окажется на порядок (или на два порядка) более смелым и заявит, что ему известен «истинный» вокализм всех полногласных корней, да ещё (одним махом) декларирует отсутствие непроверяемых позиций для русских согласных.

Из этого следует, что понятие «гиперфонема₇» оказывается чисто субъективным, зависящим от того, что профессиональный лингвист готов считать непроверяемостью²⁵.

²³ Принцип простоты как основание для выбора морфонологических решений неоднократно обсуждался в последние сорок лет (особенно в работах М. Халле, А. А. Зализняка, И. А. Мельчука, Т. В. Булыгиной и др.); здесь не место для подробного обсуждения этой проблемы.

²⁴ Если не вводить в анализ гносеологических дефиниций специальный шифтер для субъекта познания, то при переводе ленинского определения материи из прямой речи в косвенную (и из первого лица в третье лицо) формулировка типа *Ленин писал: «материя есть объективная реальность, существующая независимо от нас и данная нам в ощущениях»* должна транспонироваться в формулировку типа *Ленин писал, что материя есть объективная реальность, существующая независимо от Ленина (и его соратников по борьбе) и данная Ленину (и его соратникам по борьбе) в ощущениях»*.

²⁵ Обратим внимание, что школьные учителя и методисты преподавания родного языка обычно подходят к вопросу о проверяемости довольно осторожно, предпочитая возбуждать этимологизирующую способность учащегося лишь в очень скромных масштабах. Это и понятно: а вдруг ученик, не дай Бог, напишет *зоря, коровай*, или что-нибудь ещё на основе этимологической интуиции, а я отвечай? Безопасней сказать: «здесь позиция непроверяема, надо запомнить или посмотреть в словаре».

Таким образом, во многих случаях лингвист часто рассуждает о некотором мысленном представителе гиперфонемы, стоящем потенциально в сигнификативно сильной позиции и проявляющим себя не прямо, а лишь косвенно. Пределы такой мысленной экстраполяции свойств наблюдаемых проявлений на сферу ненаблюдаемых сущностей трудно себе представить заранее и трудно учесть в практическом описании.

Но тем самым экстенционал термина «гиперфонема_{7a}» в предметной области «реальных языковых единиц» оказывается пустым.

(б) В слабой непроверяемой позиции стоит некоторая определённая фонема, однако автор текста, в котором употребляется термин «гиперфонема_{7б}», не может (или не хочет) выяснять, какая именно фонема там стоит. Референтом термина «гиперфонема_{7б}» является не какая-либо языковая единица, а некоторая ментальная сущность, принадлежащая психике самого фонолога.

К сожалению, введение данного понятия предполагает апелляцию к субъективной точке зрения лингвиста. При таком понимании гиперфонема представляет собой вообще не какую-либо объективно существующую языковую единицу, а транскрипционный символ, выражающий агностическое чувство фонолога или фонологов ('ignoramus'). Такие символы — обычное дело в лингвистической нотации: ср. знаки конъектур, вопросительные знаки, многоточия в скобках, помета «нрзб.» у текстологов, астериск в значении незасвидетельствованности формы (в синхронистических работах), астериск в значении гипотетичности реконструируемой формы (в диахронических исследованиях) и т. п. символы²⁶.

Однако предметом нашего внимания будут не сущности гносеологического плана (возникающие в индивидуальном или коллективном сознании лингвиста), а языковые единицы. Тем самым термин «гиперфонема_{7б}» не рядоположен первым четырём тер-

²⁶ Ср. следующее (несколько уклончивое) рассуждение из книги В. А. Виноградова 1971 г., как будто бы допускающее перенос гиперфонемы из мира реальных языковых единиц в мир ментальных образов, возникающих в сознании фонологов: «Не всегда оказывается возможным выяснить точный фонемный состав слова. В таких случаях основное внимание сосредоточивается на усвоении звукового состава, а фонологическая транскрипция здесь определяется орфографической традицией. Например, в слове *вдруг* конечный гласный звучит как *к*, и мы не имеем возможности проверить «фонемность» этого звука ввиду отсутствия других форм с той же морфемой. С равным успехом здесь можно было бы говорить и о фонеме *к*, и о фонеме *г*. В фонологии в этом и подобных случаях иногда вводится так называемая гиперфонема, т. е. единица, большая, чем фонема, и отражающая групповую отличимость единиц в том смысле, что конец этого слова не выражен иными согласными, кроме *к/г*, а какая именно фонема из этих двух представлена, не известно» [Виноградов 1971б: 24].

минам, а его экстенционал в предметной области «реальных языковых единиц» пуст.

(в) В слабой непроверяемой позиции стоит вполне реальная фонологическая сущность особого рода — а именно «фонема на ступени её неполной языковой выявленности». В этом случае можно считать, что фактически за термином «гиперфонема_{7в}» стоит ровно тот же объём, что за термином «гиперфонема₅», однако его содержание другое, гносеологическое. В данном случае термин «гиперфонема_{7в}» совпадает по объёму с термином «гиперфонема₅» и поэтому не представляет специфического интереса. Экстенционал термина «гиперфонема_{7в}» в предметной области «реальных языковых единиц» равен экстенционалу термина «гиперфонема₅».

Следует подчеркнуть, что при изучении истории попыток дать точную дефиницию понятию гиперфонемы науковед нередко сталкивается с ситуацией, когда обследуемый им фонолог сам с трудом отличает (или вообще не отличает) сферу реальных языковых единиц от сферы конструктов, возникающих при описании языка этим фонологом. Такое неразграничение характерно для большинства лингвистических работ²⁷, однако при рассмотрении изучаемого вопроса (о том, что такое гиперфонема) такое неразграничение встречается гораздо чаще обычного.

Сказать, что гиперфонема — это такой транскрипционный символ, который... и т. п., конечно, можно. Но это не решение вопроса об адекватной дефиниции, а уход от такого решения вопроса. Дело в том, что определения лингвистических понятий, применяемых практически в сфере реальных языковых единиц, через понятия метаязыкового (модельного, познавательного) характера обычно ведут к циркулярным (тавтологическим) рассуждениям и носят, таким образом, бесперспективный или даже тупиковый характер.

3. Радикальный вариант позиционного подхода в фонологии

Введение в описание (под любым названием) специальной фонологической единицы, встречающейся лишь в слабых позициях, представляет собой умеренное проявление позиционного принципа в фонологии. Существует, однако, и более радикальный вариант позиционного подхода.

²⁷ К числу исключений относятся, например, работы: [Зализняк 1967; Климов 1967; Постовалова 1972; Булыгина 1977; Толстая 1982].

В более радикальном варианте позиционный принцип в фонологии не допускает фонемного отождествления единиц сильных и слабых позиций. В слабых позициях реализуется и «слабая фонема», а в сильной позиции — «сильная фонема» (по Р. И. Аванесову)²⁸.

В соответствии с позиционным принципом для сильной и для слабой позиции устанавливаются разные системы единиц, не отождествляемые друг с другом, но при этом считается, что и единицы сильных позиций, и единицы слабых позиций подводятся под некоторое общее понятие. Таким общим понятием является «фонема» у позднего Р. И. Аванесова (и далее у С. Н. Дмитренко и В. Г. Чургановой) и «синтагмо-фонема» у М. В. Панова [Панов 1967: 56—205]²⁹. Эти понятия эквивалентны как друг другу, так и понятию «гиперфонема».

4. Позиционный принцип в морфонологии

Позиционный принцип в морфонологии требует, чтобы инвентарь морфем определялся не в отвлечении от морфонологических позиций, а напротив, относительно определенных морфонологических позиций, если в этих позициях представлены разные наборы чередующихся фонем.

5. Гиперфонема как морфонема особого типа

Для обозначения морфонологической единицы, находящейся в слабой изолированной позиции, в МФШ начиная с середины 1950-х годов всё чаще использовался термин «гиперфонема» (постепенно сузивший свой объём)³⁰. Излагая историю понимания

²⁸ [Аванесов 1955/1974: 46—57; Аванесов 1956/1974: 28—31/30—33].

²⁹ В книге [Панов 1967: 56—205] позиционный принцип последовательно реализуется в синтагмо-фонологии. Так, синтагмо-фонологическая транскрипция префикса в словах *впился* и *вдеть* содержит символ /ф²/ [Панов 1967: 105]. В связи с этим на вопрос о возможности синтагмо-фонемного письма (общеупотребительной графики и орфографии) [Панов 1967: 205] напрашивается отрицательный ответ, поскольку реальные системы письма следуют не позиционному, а практическому подходу. Приводимый М. В. Пановым гипотетический пример (равно как и реальный пример сербского письма) скорее иллюстрирует письмо на основе шербианской фонологии (ЛФШ): «как слышится, так и пишется».

³⁰ В «неомосковском» подходе Р. И. Аванесова фонемный ряд по определению не может быть одноэлементным. Поэтому морфонологическая единица, не содержащая сильного элемента, вообще не получает в этой концепции никакой единой интерпретации и распадается на два понятия: (а) если эта единица одноэлементна, то она трактуется как «слабая фонема, не входящая ни в один определённый фонемный ряд», а если многоэлементна, то она трактуется как «неполный фонем-

термина «гиперфонема», Л. Л. Касаткин справедливо отмечает: «Первоначально под гиперфонемой понималась характеризующая фонем функциональная единица, выступающая в позиции нейтрализации, а также группа нейтрализующихся фонем. Позднее гиперфонема стала пониматься как функциональная единица, характеризующая фонемный состав отдельных морфов и представляющая собой общую часть нейтрализуемых фонем, не приводимую в этих морфах к сигнификативно сильной позиции» [Касаткин 1990: 316] (в цитате разрядка моя. — С.К.).

При этом, однако, бросается в глаза расхождение между теоретическими дефинициями понятия гиперфонемы в работах 1941—1970 гг. и ограниченным кругом примеров, иллюстрирующих данное понятие: оно почти всегда иллюстрировалось примерами типа безударных гласных в *баран, собака*. Фиксация и кодификация такого суженного употребления термина «гиперфонема» начинается лишь с первой половины 1970-х годов. В статье В. А. Виноградова 1971 г. для такой звуковой единицы был предложен (и строго определён) термин «неразрешимая гиперфонема» (см. [Виноградов 1971а, с. 101—102]), противопоставляемый «разрешимой гиперфонеме». А в работе В. И. Постоваловой 1972 г. даётся определение гиперфонемы как «единицы в слабой позиции, не чередующейся с сильной» [Постовалова 1972: 183].

После 1972 г. это определение с незначительными вариациями повторяется во многих работах разных авторов:

в 1975 г. данное понимание фиксируется неощербианцем Ю. С. Масловым;

в 1977 г. — ортодоксальным москвичом А. А. Реформатским и неощербианцем В. Б. Касевичем;

в 1979 г. — одновременно ревизионистом-москвичом Р. И. Аванесовым и щербианцами Л. Р. Зиндером и Л. Л. Буланиным;

В 1975, 1977 и 1979 гг. данное понимание гиперфонемы было зафиксировано представителями ЛФШ³¹, а примерно с 1977 г. начинает фиксироваться представителями МФШ.

ный ряд» [Аванесов 1956/1974: 32—33/34—35]. Поэтому вполне естественно, что в работах Р. И. Аванесова до середины 1970-х гг. термин «гиперфонема» встречается лишь как цитата из чужой речи [Аванесов 1974: 7]. Однако утверждение Р. И. Аванесова о том, что понятию гиперфонемы соответствует в его книге [Аванесов 1956] понятие «фонемного ряда, не возглавляемого сильной фонемой» [Аванесов 1974: 7], является неточным, так как гиперфонема, внутри которой не представлено какого-либо чередования, в 1956 г. трактовалась Р. И. Аванесовым отнюдь не как «фонемный ряд, не возглавляемый сильной фонемой», а как «слабая фонема, не входящая ни в один определённый фонемный ряд» [Аванесов 1956/1974: 33/35], именно потому, что фонемный ряд по определению многоэлементен.

³¹ См. [Маслов 1975: 70—71; Касевич 1977: 44; Буланин 1979: 28—29]. Эти авторы возводят термин «гиперфонема» к А. А. Реформатскому, хотя и не дают соот-

Первая печатная фиксация морфонологического понимания термина «гиперфонема» представителями МФШ относится, насколько мне известно, лишь к 1977 г.: «В случаях, когда для варианта ф[онемы] нет сильной позиции, возникает гиперфонема, или групповая ф[онема], если возможна различимость лишь для некоторой совокупности ф[онем] и невозможно различить конкретные ф[онемы] в этой совокупности, напр., в слове *собака* в первом слого выделяется гиперфонема *о/а*, а точный фонемный состав фонетически «непроверяем»» [Реформатский 1977: стлб. 1575, с. 529].

В 1979 близкое определение появляется в совместной публикации Р. И. Аванесова и Л. Р. Зиндера³².

Сама В. И. Постовалова ссылается в статье 1972 г. на тексты, в которых термин «гиперфонема» хотя и действительно встречается, но не задаётся посредством дефиниции. В указанных ею работах либо вообще нет дефиниции термина «гиперфонема», либо такая дефиниция есть, но она не апеллировала к понятию «чередования» (и задавала «гиперфонему» в одном из вышеперечисленных четырёх пониманий).

Между тем «гиперфонема₅» (т. е. «гиперфонема» в том смысле, который в этот термин вкладывает В. И. Постовалова) есть понятие морфонологическое (в том смысле, что оно очевидным образом апеллирует к критерию морфемного тождества) в отличие от предшествующих ему попыток дать определение понятию гиперфонемы.

ветствующих цитат. Следует, однако, обратить внимание на то, что в работах Реформатского до начала 1970-х гг. термин «гиперфонема» употреблялся в другом значении (см. выше); а судя по дефинициям, имеется в виду гиперфонема₅ (письменное определение которой появилось к 1975 г. лишь в работе В. И. Постоваловой 1972 г., а дефиниция гиперфонемы₅ А. А. Реформатским увидела свет лишь в 1977 г.).

³² Ср.: «В тех случаях, когда звук в слабой позиции не чередуется в той же морфеме со звуком в сильной позиции, констатируется гиперфонема, напр., в [*слбака*] и [*слрай*] — гиперфонема ⟨*о/а*⟩, в [*здлрѳ*], [*стол*] — гиперфонема ⟨*с/з*⟩» (Аванесов—Зиндер 1979: 377); далее там же говорится: «Фонемный ряд в одних случаях возглавляется сильной фонемой, в других — в той же морфеме слабая фонема не чередуется с сильной; напр., в словах [*влда*] и [*млѳр*] представлена одна и та же слабая гласная фонема, воплощённая в звуке [*л*]; однако в первом случае [*л*] чередуется с сильной фонемой ⟨*о*⟩ (ср. [*вѳду*]), и поэтому констатируется фонемный ряд [о | л], а во втором — чередование с сильной фонемой отсутствует: для этого случая может быть сохранён термин «гиперфонема» [Аванесов—Зиндер 1979: 378]. Из этого можно заключить, что в концепции Р. И. Аванесова термин «гиперфонема» появился не раньше второй половины 1970-х годов, причём не как эквивалент понятия «слабая фонема» (= «архифонема» = «гиперфонема₃», соответствующая второму (приведённому под № 2) определению термина «гиперфонема» в статье [Касаткин 1995: 326]), но и не как точный эквивалент понятия «фонемный ряд, не возглавляемый сильной фонемой», поскольку гиперфонема ⟨*с/з*⟩ в словах [*здлрѳ*], [*стол*] отнюдь не входит в какой-либо фонемный ряд. Из приведённой цитаты ясно, что во второй половине 1970-х годов Аванесов санкционировал употребление термина «гиперфонема» именно в значении «гиперфонема₅».

Следует отметить, что понятие гиперфонемы, выработанное в рамках МФШ, в отличие от ряда других понятий (таких, напр., как «фонема», «вариант фонемы», «вариация фонемы» и некоторые другие), может быть использовано и за её рамками, безотносительно к тому, какие из других элементов концепции МФШ принимать, а какие — нет. Однако при этом определение этого понятия не будет опираться на фонологические понятия, специфичные именно для МФШ. Примеры такого выхода за пределы МФШ — дефиниции, встречающиеся в работах Постоваловой, Маслова, Касевича, Аванесова и Зиндера.

Объективной трудностью для любых попыток определить понятие гиперфонемы с опорой на понятие фонемы (в смысле ортодоксальной МФШ), нейтрализации (в смысле ортодоксальной МФШ), варианта (в смысле ортодоксальной МФШ) или сигнификативно сильной/слабой позиции (в смысле МФШ) является тот факт, что все эти понятия имплицитно или эксплицитно опираются на исходные допущения о том, что: (а) слова и морфемы (точнее, их звуковые оболочки) состоят из (московских) фонем; (б) членимость слов и морфем на фонемы является безостаточной; (в) любая фонема представлена рядом позиционно чередующихся звуков; (г) любая фонема имеет в числе своих представителей один основной представитель; (д) любая слабая (по-пражски) позиция (позиция нейтрализации фонологических противопоставлений, фиксируемая абсолютно независимо от возможности омофонии) есть одновременно позиция слабая по-московски (т. е. является позицией нейтрализации по-московски, являющейся потенциальным источником омофонии).

В ревизионистских версиях концепции МФШ многие или некоторые из этих положений подверглись пересмотру. Соответственно, и дефиниция понятия гиперфонемы оказывается более последовательной при использовании именно «ревизионистско-московской» (а не «ортодоксально-московской») или даже вообще «немосковской» терминологии.

Появление таких понятий, разработанных в МФШ, как «неразрешимая гиперфонема» у В. А. Виноградова, или просто «гиперфонема» у В. И. Постоваловой и в более поздних публикациях, было проявлением «позиционного» принципа в морфонологии. Подробное рассмотрение следствий принятия этого теоретического принципа не может быть предпринято здесь подробно и должно быть предметом отдельного исследования³³.

³³ Автор благодарит своих коллег, некоторые идеи которых, высказанные в устной беседе, повлияли на содержание настоящей работы. Предварительные варианты настоящей работы были прочитаны и отрецензированы †Т. В. Булыгиной,

Литература

- Аванесов 1956а — Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. — 240 с.
- Аванесов 1974а — Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. — 287 с.
- Аванесов 1956б/1970/1974б — Аванесов Р. И. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы (1955) // Аванесов 1956а, с. 13—40; то же // Реформатский 1970, с. 422—450; то же // Аванесов 1974а, с. 17—42.
- Аванесов 1956в/1974в — Аванесов Р. И. Три типа научной лингвистической транскрипции (в связи с вопросами теории фонем) // Аванесов 1956а, с. 213—237; то же // Реформатский 1970, с. 451—469; то же // Аванесов 1974а, с. 43—70.
- Аванесов 1979 — Аванесов Р. И. (отв. ред.) Звуковой строй языка. Л.: Наука: ЛО, 1979.
- Аванесов—Зиндер 1979 — Аванесов Р. И., Зиндер Л. Р. Фонология // Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979, с. 376—378.
- Белашапкова 1981 — Современный русский язык. Учебник. Авторы: Белашапкова В. А. и др. Под ред. В. А. Белашапковой. М.: Высшая школа, 1981.
- Буланин 1979 — Буланин Л. Л. О сильных и слабых позициях фонем в русском языке // Аванесов 1979, с. 27—32.
- Виноградов 1971а — Виноградов В. А. ОЗПЕРАНД (АСП'ИРАНТ). К проблеме гиперфонемы // Филин 1971, с. 97—105.
- Виноградов 1971б — Виноградов В. А. Консонантизм и вокализм русского языка. Практическая фонология. М.: Издательство Московского университета, 1971. — 83 с.
- Дмитренко 1970 — Дмитренко С. Н. Сведения по фонологии // Шведова 1970, с. 7—29.
- Дмитренко 1980 — Дмитренко С. Н. Фонология // Шведова 1980, с. 69—89.
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. — 370 с.
- Караулов 1997 — Караулов Ю. Н. (отв. ред.) Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1997. — 703 с.
- Касаткин 1990 — Касаткин Л. Л. Московская фонологическая школа // Ярцева 1990, с. 316—317.
- Касаткин 1995а — Касаткин Л. Л. (отв. ред.) Проблемы фонетики. Москва: ИРЯ, 1995. — 350 с.
- Касаткин 1995б — Касаткин Л. Л. О некоторых понятиях и терминах Московской фонологической школы // Касаткин 1995а, с. 321—336.
- Касаткин 1997 — Касаткин Л. Л. Московская фонологическая школа // Караулов 1997, с. 248—250.

В. А. Виноградовым, В. А. Дыбо, Л. Л. Касаткиным, С. М. Кузьминой, А. К. Поливановой, Ф. И. Рожанским, †В. Г. Чургановой.

- Климов 1967 — Климов Г. А. Фонема и морфема. М.: Наука, 1967.
- Кузьмина 1995 — Кузьмина С. М. Понятие гиперфонемы в Московской фонологической школе // Касаткин 1995а, с. 337—344.
- Лосев 1989 — Лосев А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Ярцева 1989, с. 5—92.
- Маслов 1975/1987 — Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. — 327 с.; изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1987. — 272 с.
- Панов 1967 — Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. — 438 с.
- Панов 1979 — Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. — 256 с.
- Панов 1981 — Панов М. В. Раздел II. Фонетика // Белошпакова 1981, с. 33—132.
- Постовалова 1972 — Постовалова В. И. Фонология // Серебренников 1972, с. 120—199.
- Реформатский 1970 — Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. — 528 с.
- Реформатский 1977 — Реформатский А. А. Фонема // БСЭ, изд. 3, т. 27, М.: Советская энциклопедия, 1977, стлб. 1574—1576, с. 529—530.
- Серебренников 1972 — Серебренников Б. А. (отв. ред.) Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. — 565 с.
- Сидоров 1971 — Сидоров В. Н. О Московской фонологической школе // Высотский С. С., Панов М. В., Реформатский А. А., Сидоров В. Н. (ред.) Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1971. — с. 7—19.
- Толстая 1982 — Толстая С. М., Морфонология. Морфемика // Обзор работ по совр. рус. лит. языку за 1974 — 1977 гг. М., 1982, с. 89—149.
- Филин 1971 — Филин Ф. П. (отв. ред.) Фонетика. Фонология. Грамматика. М.: Наука, 1971. — 391 с.
- Филин 1979 — Филин Ф. П. (отв. ред.) Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. — 391 с.
- Чурганова 1973 — Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973. — 239 с.
- Шведова 1970 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.) Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. — 767 с.
- Шведова 1980 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.) Русская грамматика. Том 1. М.: Наука, 1980. — 783 с.
- Широков 1985 — Широков О. С. Введение в языкознание. М.: Наука, 1985. — 263 с.
- Ярцева 1989 — Ярцева В. Н. (отв. ред.) Теория и методология языкознания. Методы исследования языка. М.: Наука, 1989. — 256 с.
- Ярцева 1990 — Ярцева В. Н. (отв. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
- Trubetzkoy 1938/1960 — Trubetzkoy N. S. Grundzuge der Phonologie // TCLP, vol. 7, 1938. — Рус. пер.: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Пер. с нем. М., 1960. — 372 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Позиционный принцип в фонологии и морфонологии (в трактовке разных фонологических школ)

1. Как известно, большое значение для теории орфографии имеют так называемые принципы орфографии. По аналогии с принципами орфографии можно говорить и об определённых принципах фонологической транскрипции, или, более широко говоря, об определённых принципах теоретической фонологии.

В ряде работ, выполненных в русле Пражской, Лондонской, Московской и Мытищинской фонологических школ, отчетливо просматривается принцип, который можно было бы назвать *п о з и ц и о н н ы м*. Позиционный принцип требует, чтобы инвентарь языковых единиц того или иного уровня определялся бы не в отвлечении от позиций, в которых стоят эти единицы, а напротив, лишь относительно этих позиций. При этом имеются в виду определённые типы позиций, выделяемые с точки зрения их различительных способностей. Для простоты отвлечемся от делимитативных и кульминативных функций единиц, остановившись лишь на дистинктивных функциях.

2. Позиционный принцип в фонологии требует, чтобы фонемный инвентарь определялся бы не для языка в целом, а для определенных типов фонологических позиций.

Так, например, в русском языке позиция согласной перед паузой или перед шумной согласной является фонологически слабой для противопоставления по глухости-звонкости, ибо в такой позиции значение признака «глухость-звонкость» диктуется контекстом и, т. о., не является дистинктивным. Поэтому он не входит в фоноло-

гическое содержание согласной фонемы, реализуемой в данной позиции. Безударная позиция гласного в русском языке является фонологически слабой для противопоставления гласных по подъему. Соответственно, здесь окажется irrelevantным противопоставление по подъему между гласными среднего и нижнего подъема.

В фонологически слабой позиции реализуется различительная фонологическая единица особого рода. Как известно, ряд фонологических школ считают, что в слабой позиции представлена всего лишь одна из фонем, входящих в инвентарь фонем, выделенных на основании анализа противопоставлений фонем, реализуемых в сильных позициях. Эта точка зрения существует в двух разновидностях: (а) и (б).

(а). Считается, что идентификация единиц слабых и сильных позиций возможна на основании присущих им фонетических признаков (независимо от того, являются ли эти признаки релевантными в слабой позиции или навязанными позицией). Такова, в частности, концепция школы Л. В. Щербы и его последователей — теоретиков Ленинградской фонологической школы (ЛФШ). Аналогичная трактовка нейтрализации свойственна представителям американской дескриптивной фонологии (Ч. Хоккет) и некоторым неортодоксальным представителям Пражской школы (Б. Трнка). Важно подчеркнуть, что в частной лингвистике (при описании конкретных языков) такая трактовка представлена в абсолютном большинстве работ.

(б). Считается, что идентификация единиц сильных и слабых позиций возможна лишь на основании критерия морфемного тождества. Таков, как известно, подход Московской фонологической школы (МФШ) во всех её разновидностях.

Представители других школ считают, что в слабой позиции представлена единица особого рода, которую по принципиальным соображениям недопустимо отождествить ни с какой из единиц, представленных в сильных позициях. Такая единица впервые выделена Н. С. Трубецким под названием «архифонема»¹.

В Мытищинской фонологической школе (МытФШ) фонема понимается, по сути дела, в «пражском» духе — как «комплекс знаково существенных признаков кратчайшего звукового отрезка (способный, в принципе, модифицироваться в различных звуковых окружениях), служащий для различения любых звуковых отрезков, с которыми связывается в языке смысловое содержание»

¹ [Trubetzkoy 1938/1960].

[Чурганова 1973, с. 21]. Позиционный принцип в фонологии здесь формулируется так: «системы фонем, находящиеся в различном фонологическом окружении, принципиально не могут быть отождествлены (...). Можно, конечно, отождествить фонемы сильной и слабой позиций на основании их фонетической близости, но такое отождествление не будет фонологическим.(...) Отождествление фонем разных позиций при различном наборе возможных фонем в каждой из них средствами фонологии, которая принципиально не использовала бы информацию о морфологическом членении данного звукового потока и о тождестве-нетождестве морфем, невозможно» [Чурганова 1973, с. 25—26].

Т. о., позиционная фонология сначала устанавливает каталог сильных и слабых фонологических позиций, а уже затем — инвентари фонем, противопоставленных друг другу в каждой из выделенных типовых позиций.

5. Так, для современного халха-монгольского языка следование позиционному принципу означает, по-видимому, следующее.

Гласные звуки непервой моры, отличающиеся друг от друга по признакам консистенции и огубленности и дополнительно распределенные относительно консистенции и огубленности гласного первой моры, — т. е. гласные /a/ - /o/ - /e/ - /o/ — объединяются в одну фонему /A/.

Гласные звуки непервой моры, отличающиеся друг от друга по признаку консистенции и дополнительно распределенные относительно консистенции гласного первой моры, — т. е. гласные /ω/ и /u/ — объединяются в одну фонему /U/.

Носовой согласный звук /m/ в «слабой» позиции (перед губными согласными) не отождествляется с «сильной» фонемой /m/, выступающей в «сильных» позициях, так как фонема /m/ противопоставляется фонеме /n/ по месту образования (/m/ характеризуется лабиальностью, а /n/ — нет, тогда как звук /m/ в «слабой» позиции получает признак лабиальности автоматически — из фонологического контекста. Т. о., перед нами — «слабая» фонема /M/, в фонологическое содержание которой признак лабиальности не входит, так как он диктуется контекстом.

6. Позиционный принцип в морфонологии требует, чтобы инвентарь морфем определялся не в отвлечении от морфонологических позиций, а напротив, относительно определенных морфонологических позиций, если в этих позициях представлены разные наборы чередующихся фонем.

Под морфонологической позицией понимается позиция контактирования с определенными морфемами либо с определенными видами межморфемных границ. (Ср. такие понятия, как

«начало корня», «конец корня», «середина корня», «стык приставки и корня», «стык словоформы и энклитики» и т. п.)

В Пражской школе для обозначения морфонологических позиций использовались такие понятия, как «анлаут морфемы» [Trubetzkoy 1934/1987: 77—111], «аусллаут предлога» [там же, с. 81], «аусллаут корня» [там же, с. 86], «середина корня» [там же, с. 60], «исход морфемы» [там же, с. 60, 77—79, 83, 84, 86, 88], «исход основы» [там же, с. 114, 116, 117], впоследствии воспринятые и МытФШ. В Ленинградской фонологической школе (ЛФШ) под влиянием востоковедческих традиций используются такие термины, как «инициаль морфемы» [Касевич 1986, с. 82], «финаль морфемы» [там же, с. 65, 82].

В 1973 г. в рамках МытФШ для данного понятия вводится термин «слабая морфонема»: В. Г. Чурганова определяет сильные морфонемы как «морфонемы, представленные (каждая) фонемным рядом с сильной фонемой», а слабые морфонемы — как «морфонемы, представленные рядом, в котором сильная фонема отсутствует» [Чурганова 1973, с. 36]. Как видно из этой дефиниции, перенос дихотомии «сильный vs. слабый» с автономных фонем (как это было у Аванесова) на морфонемы (у Чургановой) является терминологически оправданным и содержательно мотивированным.

Итак, «позиционный» принцип в морфонологии проявился по крайней мере в МФШ («неразрешимая гиперфонема» у В. А. Виноградова, или просто «гиперфонема» у В. И. Поставаловой и в более поздних публикациях) и МытФШ («слабая морфонема» В. Г. Чургановой). В связи с этим можно говорить о попытках разработки позиционной морфонологии.

8. Следует, однако, обратить внимание на одно обстоятельство, не отмечавшееся ранее. А именно: в некоторой мере «позиционный» принцип представлен не только в МФШ и МытФШ, но и за их пределами. Так, в ЛФШ введены понятия «соотносительная слабая позиция» и «изолированная слабая позиция» (Маслов 1975/1987: 70/59). Примером изолированной позиции служат те же примеры, где русская орфографическая теория усматривает т. н. «непроверяемые написания»².

Изолированной позицией будет слабая позиция, «не соотносимая в рамках экспонента той же морфемы с соответствующей сильной позицией», а соотносительной — «соотносимая по чередованию с сильной позицией в экспоненте той же морфемы» (из [Маслов 1975/1987: 71—72/59]).

² Ср., напр., понятие «бесповерочных написаний» [Иванова 1976, с. 212—222].

Как известно, перед шумным и на конце слова имеет место нейтрализация по звонкости-глухости. Соответствующая слабая позиция может быть изолированной: 1) перед звонким кроме /v/ и /v'/ (*сбруя, здоров, ни зги...*); 2) перед глухим (*спор, стал, скала...*); 3) на конце слова³ (*нас, вас, идешь, летишь, идут, летят...*).

Ясно, что речь идет именно о морфонологических позициях, а не о фонологических: ведь с точки зрения щербианской, т. е. автономной, фонологии между изолированной и соотносительной позицией никакой фонологической разницы нет. А это значит, что и в рамках ЛФШ разработана своя особая версия позиционной морфонологии (как кажется, между прочим, совершенно не замеченная в специальной литературе по этому вопросу).

Данный пример показателен еще и вот почему. Думается, что примерно со второй половины 1970-х годов традиционные, ставшие общим местом, обвинения щербианцев в физикализме или в «нефонологизме» едва ли справедливы и должны считаться не более чем полемической фигурой преувеличения⁴. Дело в том, что не только практически все фонологические, но и все морфонологические факты, описываемые на метаязыке МФШ или пражцев, могут быть описаны и на метаязыке ЛФШ. Возможные возражения объясняются неполным учётом данных об эволюции идей ЛФШ. Обсуждая концепцию ЛФШ, ее часто сводят к работам Л. В. Щербы, М. И. Матусевич и Л. Р. Зиндера (причем из работ 70-х или 80-х годов упоминаются лишь работы ортодоксальных щербианцев — Л. Р. Зиндера, Л. В. Бондарко, Л. Л. Буланина, Л. А. Вербицкой). Между тем в действительности в 1970-е годы ЛФШ продолжала развиваться и обогащаться концептуально. В первую очередь я имею в виду концепции Ю. С. Маслова (1975/1987, 1979) и В. Б. Касевича (1983, 1986). Эти работы были выполнены в русле ЛФШ, но при этом концептуальный аппарат ЛФШ был при этом существенно расширен. Так, соответствующие концепции, несомненно, включают не только фонологическую, но и морфонологическую составляющую. В ЛФШ нет

³ Кроме случаев внешних сандхи, относящихся к озвончению (т. е. к пункту 1): при произнесении без паузы имеет место частичная клитизация; и перед звонким шумным мы имеем озвончение типа *нас давно ждут* [nazdavnodoždut] или *идешь домой* [id'oždmoj]. Здесь слабая позиция соотносительна с другой слабой и потому будет трактоваться как изолированная, а не как соотносительная.

⁴ Напомним, что с книгой Маслов 1975 А. А. Реформатский мог ознакомиться в лучшем случае лишь в последние 4 года своей жизни — в 1975—1978 гг., между тем как развернутая критика ЛФШ содержится в значительно более ранних Работам А. А. Реформатского (преимущественно до 1970 г.). Это значит, что критика ЛФШ со стороны А. А. Реформатского, во многом обоснованная до середины 1970-х годов, не может механически переноситься на более позднюю ситуацию. Квалифицированная критика ЛФШ в наше время не может не учитывать концепций неощербианцев — Ю. С. Маслова и В. Б. Касевича. В ином случае её следовало бы трактовать как научный анахронизм.

понятия морфемы (в смысле МытФШ), однако есть морфонология без морфем, в том числе и просодическая. Следует обратить внимание, что самый термин «морфонема» в ЛФШ (а именно у Маслова: ср. Маслов 1967, с. 75) встречается, однако он понимается не вслед за Г. Улашиным (как в МытФШ), а скорее вслед за Н. С. Трубецким, т. е. фактически как инвариант «незначимого чередования».

Несомненно, в поздних вариантах концепции ЛФШ уже гораздо больше просматриваются «функционалистские» идеи, чем в «ортодоксальных» работах ЛФШ. В особенности это касается концепции Ю. С. Маслова, которая во многих пунктах дипломатично идёт навстречу как пражцам, так и москвичам. А упреки в «физикализме» применительно к этим авторам были бы ещё менее справедливы, нежели применительно к «ортодоксальным» шербианцам⁵.

Любопытно, что в 1960-е годы в работах послевоенного поколения представителей МФШ (в т. н. «паново-московской» школе), в противоположность взглядам А. А. Реформатского и его сверстников, употребление термина «морфонема» (гибридное между пониманием Улашина и Трубецкого) считается вполне допустимым⁶. Впервые данная трактовка термина «морфонема» встречается в статье Панов 1959: 21—32, где, вопреки Трубецкому, говорится, что морфонема может быть одночленной.

Разница между «морфонемой» в ЛФШ и «морфонемой» в МФШ состоит в следующем. Во-первых, это вопрос о том, как трактовать живые чередования. В русле МФШ они не считаются чередованиями фонем, поэтому в концепции МФШ и «морфонема» будет инвариантом лишь традиционного (исторического) чередования. В ЛФШ «морфонема» может включать в себя альтернанты любых незначимых чередований — как живых, так и исторических. Между тем в МФШ членами «морфонемы» являются альтернанты именно и только исторических чередований, но не живых. Во-вторых, «морфонема» в смысле МФШ может быть одночленной, между тем как «морфонема» в смысле ЛФШ обязательно многочленна (как и у Трубецкого).

9. В концепции М. В. Панова⁷ аналогом морфонологии является, как известно, «парадигмо-фонология» с основной единицей — «парадигмо-фонемой». Признается, что «парадигмо-фонемы должны квалифицироваться на основании их позиционного поведения» [Панов 1967: 217]. Однако реальное «позиционное поведение»

⁵ Совсем другое дело — ярлык «психологизма», который по отношению к ЛФШ вполне справедлив; следует, однако, отметить, что наличие у этого ярлыка каких-либо «пейоративных» коннотаций в наше время тоже воспринимается как очевидный анахронизм. Не случайно В. Б. Касевич определяет свою фонологическую теорию как «логику и психологию фонологических единиц» (Касевич 1983: 4).

⁶ Ср.: Земская 1973, с. 99—102; Лопатин 1977, с. 287—309.

⁷ Известной под шуточным названием «паново-московской» фонологии по аналогии с «ново-московской» фонологией МФШ.

ние» парадигмо-фонем описывается далее в терминах «рядов чередований» [там же, с. 232]. Например, в ударном вокализме слов *да!*, *всегда*, *бязь* усматривается «одночленный ряд чередований» [там же, с. 232]. М. В. Панов пишет: «парадигмо-фонология пренебрегает теми различиями, которые созданы разными позициями» (с. 233). Однако термин «позиция» имеет чисто фонологическое (по М. В. Панову — «синтагмо-фонологическое»), а не морфонологическое («парадигмо-фонологическое») содержание. Иногда это содержание формулируется в нарочито фонетических терминах, ср.: «В парадигмо-фонологии позиции определяются указанием на конкретный звук» [Панов 1967: 287].

10. В МытФШ, как было сказано выше, позиционный принцип проявился в различении «сильных» и «слабых» морфонем. При этом морфонема понимается как «единица, отражающая единство класса фонем, представленных в разных фонологических и общеморфологических позициях, рассматриваемого в качестве элемента реальной морфемы» [Чурганова 1973, с. 36]. Однако последовательное проведение позиционного принципа в морфонологии не должно допускать такого отождествления морфонем, при котором, например, инициаль корня *зов* и финаль корня *воз* транскрибируются одинаково, с помощью морфемы ⟨z⟩. Ведь для такого отождествления пришлось бы абстрагироваться от рассмотрения класса чередующихся фонем «в качестве элемента реальной морфемы», т. е. отвлекаться от морфонологических позиций.

11. Лежащая в основе настоящего подхода неоструктуралистская морфонология (НСМФ) не только следует позиционному принципу, но и идёт несколько дальше. А именно: морфемы подразделяются на константные и вариативные. Константные делятся на «константно-слабые» (= «гиперфонемы» МФШ) и «константно-сильные». Примером константно-сильных является ударный гласный в русских словах *урок*, *ой*, *бац*, начальный и интервокальный согласный в большинстве русских корней (например, константно-сильная по признаку звонкости-глухости морфонема ⟨b⟩ представлена в корнях слов *баня* и *табак*) и т. п.

Вариативные морфемы подразделяются на вариативно-сильные и вариативно-слабые. Вариативно-сильные морфемы соответствуют многочисленным фонемным рядам с сильным членом (таковы, например, шумные морфемы в ауслауте основ склоняемых русских существительных). Вариативно-слабые соответствуют многочисленным рядам без сильного члена⁸.

⁸ Примером может послужить монгольское /AI/ в непервых слогах. Любая его позиция будет слабой. Но фонемы здесь будут разные в «мужских» и «женских» словах. Дело в том, что в «женских» словах /AI/ неотлично от /AA/.

12. Справедливость требует признать, что принципы позиционной морфонологии были ещё в 1948 г. сформулированы одним из самых проникательных теоретиков Московской лингвистической школы Айзиком Израилевичем Зарецким. Он сформулировал принципы отождествления и различения «фонем» (в смысле МФШ, т. е., по сути дела, морфоном в понимании НСМФ) следующим образом (цитируется по кн. [Панов 1967: 232—233]). «Фонемы [a||b||y] и [a' || b' || y'] тождественны, если каждая альтернанта одной совпадает с какой-нибудь различной альтернантой другой (следовательно, и число их совпадает); иначе: если между их альтернантами существует однозначное соответствие. Две фонемы различны, если хоть одна альтернанта одной не совпадает ни с какой альтернантой другой. Фонему определяем, следовательно, не по одному из её звучаний, а по совокупности звучаний, так как эта совокупность и есть фонема. Поэтому у слов *дом* и *стол* — одна и та же гласная фонема [o||a||ъ], но у слова *урок* — уже другая фонема [o], а у слова *корова* первый гласный — опять другая фонема [a||ъ]» [Зарецкий 1948: 25–26].

13. Обратим внимание на некоторое различие трактовок морфонологических позиций между МытФШ и НСМФ. В МытФШ считается, что позиция оглушения на конце слова в русском языке есть разновидность морфологической позиции, и, таким образом, соответствующее чередование считается неавтоматическим. Основной аргумент в пользу такой трактовки — наличие оглушения перед энклитикой *ли*. Т. В. Булыгина [Булыгина 1977] уже отметила, что позиция перед паузой должна считаться фонологически слабой, если исходить из принимаемой в МытФШ концепции позиционной фонологии, а значит, финальная глухость имеет фонологическую природу. Это возражение справедливо, но остаётся неясным, как тогда трактовать оглушение перед *ли*? С точки зрения НСМФ, оглушение будет фонологическим перед паузой, но нефонологическим перед энклитикой *ли*. Это значит, что морфологическая позиция перед энклитикой *ли* является позицией морфологического чередования (незначащей апофонии, при которой конечная звонкая морфофонема замещается конечной глухой морфофонемой). С точки зрения МытФШ, наличие такой позиции есть достаточный аргумент в пользу того, чтобы объявить любое оглушение морфологически обусловленным. В трактовке НСМФ, однако, предполагается, что перед нами два разных типа оглушения — фонологическое и морфологическое.

С диахронической точки зрения они действительно происходят из одного и того же источника. Однако с точки зрения синхронной перед нами результат расщепления одной языковой единицы («диэремы»

в смысле М. В. Панова) на две разных, внешне выглядящих, однако, сходным образом, подобно тому, как сходны омонимы дивергентного происхождения. Но с синхронной точки зрения омонимы дивергентного происхождения оказываются столь же далеки друг от друга, как и омонимы конвергентного происхождения. Аналогом омонимии конвергентного происхождения в морфонологии является пара омонимичных чередований — обычное живое аканье и имперфективационный аблаут ⟨o⟩⇒⟨a⟩. Очевидно, что между ними нет ничего общего не только синхронно (они обусловлены разными позициями), но и диахронно (хотя обычное живое аканье могло иногда исторически возникать по аналогии, как в просторечных формах *пóльта*, *плóтит*). Однако с чисто синхронной точки зрения и оглушение перед *ли* оказывается уже не тем оглушением, которое происходит перед паузой. Сложность проблемы связана с тем, что этимологически оглушение перед клиткой восходит к обычному живому оглушению, перенесённому в эту морфологическую позицию по аналогии (ср. диалектное *могли*, *вряд ли* со звонким шумным перед *ли*, где оглушение не происходит). В диахроническом плане здесь налицо результат расщепления пограничных сигналов.

Как известно, порой и живое оглушение то переносится по аналогии в другую морфологическую позицию, то, наоборот, исчезает по аналогии (см. [Маслов 1979: 200—201]). Возникновение оглушения в результате морфонологической аналогии иллюстрируется некогда просторечными формами типа *юбок*, *юбочка* (ныне вошедшими в норму) на месте устаревших форм *юлок*, *юлочка*. Исчезновение оглушения (также по аналогии) иллюстрируется просторечными формами типа *из гардерона*, *стрептоцитом* на месте литературных форм *стептоцидом*, *из гардероба*. Разумеется, это лексические раритеты (их немного). Однако и диагностических клитик в русском языке тоже мало, чтобы на их основании формулировать глобальные правила, касающиеся всей фонологической системы. Финальная согласная в частице *ведь* с синхронной точки зрения находится в изолированной слабой позиции по глухости-звонкости (ассоциация с корнем глагола *ведать* давно поблекла). Пример с оглушением финали в частице *уж* [Чурганова 1973: 31] более доказателен, так как налицо синхронная ассоциация с *уже*, однако и здесь перед нами лишь словарный факт. Таких фактов (иногда называемых анекдотическими из-за их немногочисленности) едва ли достаточно для обоснования выводов о фонологической системе (так, напр., очевидно, что вариантность инициали в *калоша* — *галоша* не даёт ещё повода говорить о революции в фонологической системе и появлении в ней инициального оглушения или озвончения).

С точки зрения НСМФ можно было бы трактовать оглушение перед *ли* как результат не просто лексикализации, а ещё и морфологизации оглушения, однако не в том смысле, что

оглушение целиком переходит в сферу морфологии, а в том смысле, что оно склеивается с грамматической морфемой (а именно вопросительной клитикой) и вместе с ней формирует составной показатель вопросительности.

Помимо поведения клитик, рассмотренного В. Г. Чургановой, можно к этому добавить и другие примеры морфологизованного оглушения. Так, морфологическую природу имеет факультативное оглушение согласных на конце морфемы в аббревиатурных композитах типа *завлаб* (при произнесении [*зафлап*]), *завмаг* (при произнесении [*зафмак*]) или *главлит* (при произнесении [*глафлит*])⁹.

Более того, следует согласиться и с достаточно радикальным выводом В. Г. Чургановой о том, что оглушение согласных на конце слова всегда соотносено «непосредственно с концом слова, т. е. с морфологической границей» [Чурганова 1973: 32]. Однако в НСМФ, в отличие от МытФШ, признаётся двойственная (т. е. одновременно и фонологическая и морфологическая) природа глухости перед паузой (именно в силу того, что эта позиция является фонологически слабой). Иначе говоря, из того, что всякое оглушение перед паузой морфологично, ещё не следует, что оно нефонологично.

С точки зрения НСМФ, вообще говоря, возможна даже частичная семантизация живых чередований (как это справедливо отмечалось представителями ЛФШ). Так, нельзя не согласиться с утверждением Л. Р. Зиндера о том, что «в словах /rot/ *род*, /roda/ *рода*, /rod'e/ *роде*, (*о роде*) [...] /t/ наряду с нулевым окончанием является признаком именительного и винительного падежей, /d/ — признаком предложного падежа» [Зиндер 1960/1979: 58/61], а в словах *маме*, *голове*, *стене*, *руке*, *тёте* «чередования /m||m'/, /v||v'/, /n||n'/, /k||k'/, /t||t'/ и т. п. служат наряду с окончаниями средством противопоставления именительного и дательного падежей существительных соответствующего типа склонения» [Зиндер 1979: 238].

Более того, можно утверждать, что некоторая отличная от нуля (хотя и микроскопическая) степень семантической свойственна даже т. н. асемантическим чередованиям. Ю. С. Маслов отметил, что

⁹ Словарь [Аванесов 1983/1989] умалчивает о том, какова норма в этих случаях: из приведённых слов в него включено лишь *завмаг* (без каких-либо указаний о глухости-звонкости); впрочем, отмечено оглушение в слове *завлабораторией*. По-видимому, отсутствие указаний об оглушении следует в таких случаях понимать по умолчанию как констатацию нормальности звонкого произношения. Так, по рассказам Н. А. Еськовой, А. А. Реформатский произносил слово «*главлит*» со звонким «в».

«при опознавании и различении словоформ определённую роль в составе общего облика слова играют, как известно, и варианты фонемы. Таким образом, закрытое [ФОРМУЛА] в *эти, этим, этими* фактически уже несёт частицу информации о том, что перед нами формы мн. числа, поскольку во всех формах единственного имеем непалатализованное /t/ и соответственно открытое [e]. Но так как различия вариантов нормально не осознаются говорящими, мы вправе игнорировать эти микроскопические доли смысла» [Маслов 1979: 197].

14. Альтернативой позиционному принципу является практический подход, или, возможно, совокупность разных подходов, которые все можно назвать практическими. Общей чертой этих подходов является не только нацеленность на решение прикладных задач (в частности, на достижение максимального удобства для «пользователя»), но также и вытекающее из этой нацеленности стремление к максимальной «парадигматической экономии» при построении инвентаря графических символов, символизирующих фонологические (в широком смысле) единицы. Следование практическому принципу лежит в основе многих фонологических решений. Показательны следующие проявления практического принципа:

(а) МФШ, ЛФШ и дескриптивная фонология при установлении инвентаря фонем считают достаточным ввести в него столько символов, сколько вытекает из анализа противопоставлений в сильных позициях. Именно этим объясняется их единодушие в критике понятия архифонемы как избыточного, ненужного и т. п.¹⁰;

(б) Морфонологические работы второй половины XX в., односторонне ориентированные на синтез текста и отвлекающиеся от его анализа, также единодушны в стремлении к оптимизации (в частности, к минимизации) инвентаря транскрипционных символов¹¹.

(в) В работах по морфографемике, описывающих заранее заданную историческими обстоятельствами письменную форму

¹⁰ Архифонемы в смысле Трубецкого (или её аналогов) нет и в генеративной фонологии, однако этот вопрос слишком сложен для обсуждения его здесь. Обратим внимание лишь на то, что полемика внутри генеративистов о допустимости и/или желательности использования «архисегментов» (= «неполностью идентифицированных матриц»), а также о допустимости и/или желательности «абстрактных» единиц, «абстрактной» фонологии не имеет прямого отношения к затронутой проблеме. Дело в том, что «архифонема» Трубецкого (равно как и близкие к ней понятия) используется, в частности, для описания тождества речевых отрезков в плоскости выражения при возможном различии в плоскости содержания, между тем как «архисегменты» генеративистов предназначены, наоборот, для описания различий речевых отрезков в плане выражения при тождестве или сходстве в плане содержания.

¹¹ См., напр., [Булыгина 1977, Поливанова 1976] и указанную там литературу.

языка (напр., [Зализняк 1967]), единицы типа архифоном и гиперфоном не нужны, так как их введение лишь усложняло бы описание¹². Заметим, что в письменной речи есть нейтрализация, и архиграфема¹³, однако для моделей синтеза письменного текста эта проблематика несущественна.

Фонологические школы, следующие практическому принципу, по сути, сознательно или бессознательно исходят из слегка замаскированной установки на разработку некоей идеальной системы письма (графики и орфографии). При этом у ЛФШ в центре внимания оказывается разработка «идеальной научной» графики, а у МФШ (а также у морфонологических теорий генеративного толка) — создание «идеальной научной» орфографии. Поэтому фонематическая (по Аванесову, морфофонематическая) транскрипция МФШ во многом сближается с русской орфографией¹⁴, а фонематическая транскрипция ЛФШ более близка орфографии младописьменных языков (до тех пор, пока эти языки являются младописьменными)¹⁵.

¹² См.: [Зализняк 1967: 248—249].

¹³ Как отмечалось в статье Зализняк 1979: 139, нейтрализация оппозиции графем по заглавности/строчности имеет место (а) в начале предложения; (б) при выделении заголовков или других психологически выделенных частей текста с помощью так называемой капитализации. Заглавные графемы в таких ситуациях выступают как архиграфемы. При этом капитализация выделенных частей представляет собой разновидность суперсегментной единицы (просодического графического признака).

¹⁴ Про наиболее радикальные проявления морфематизма в фонологии (каковыми являются генеративистские и окологенеративистские «глубинные» подходы) можно сказать, что они стремятся (вольно или невольно) к созданию «идеальной научной» псевдодревнерусской орфографии, отражающей некоторую систему записи экспонентов знаковых единиц, предположительно отложившуюся в коллективной психике носителей современного русского языка в результате исторических изменений последних двух тысячелетий.

¹⁵ Точнее будет сказать, что всякая уступка принципу «как слышится, так и пишется» есть движение в сторону от принципов МФШ к принципам ЛФШ. Так, в белорусской орфографии принято на письме отражать редукцию гласных (ср., напр., *вада*); то же самое в сербской орфографии. Несомненно, такая запись сближается с фонематической транскрипцией ЛФШ. То же самое касается старославянского письма эпохи славянских первоучителей и древнерусского письма эпохи первых письменных памятников. Во всех случаях перед нами языки младописьменные (для той эпохи).

В. Б. Касевич не без основания считает стихийную орфографию малограмотных носителей языка убедительным аргументом в защиту щербианской фонологии. «Следует признать, что типичные орфографические ошибки русских малограмотных типа *лоп*, *муш*, *сат* (равно как и *вада*, *малако*) нельзя объяснить иначе, кроме как с позиций фонологического анализа, признающего глухие фонемы в исходе указанных слов (а в безударном положении — фонему /a/, что и фиксируется в написании малограмотных)» [Касевич 1983, с. 50].

Между тем позиционный подход сознательно и принципиально отвергают целеустановку на разработку системы практического письма.

15. Принятие позиционного принципа (как в фонологии, так и в морфонологии) влечёт за собой некоторое отступление от принципа парадигматической экономии, поскольку тем самым увеличивается инвентарь транскрипционных единиц.

Однако с точки зрения НСМФ ни фонология, ни морфонология не сводятся к теоретическому обоснованию решений прикладных задач типа создания оптимальной орфографии, оптимальных наборных шрифтов или оптимального расклада клавиатуры пишущих устройств.

Как фонология, так и морфонология имеют глубокий семиотический смысл: это теоретические дисциплины, изучающие устройство плана выражения, многообразные функции фигур выражения (не только фонем, но и субфонем, т. е. дифференциальных признаков) в их соотносённости со знаками (т. е. в первую очередь дистинктивную и конститутивную функцию, но также делимитативную и кульминативную).

Оптимизация инвентаря алфавитных единиц, несомненно, является также важной задачей этих дисциплин, однако далеко не единственной и даже, по-видимому, не доминирующей. Основной целью фонологии и морфонологии (а также графемики и морфографемики) было и остаётся объяснение тех таинственных законов, по которым, согласно формулировке Л. Ельмслева, «из горстки фигур строится легион знаков».

16. Заслуживает внимания один из наиболее радикальных вариантов позиционного подхода — т. н. просодический анализ, представленный в Лондонской фонологической школе Дж. Ферса и его последователей¹⁶. Характерной особенностью этой школы является фактический отказ от понятия фонемы вообще в пользу понятия фонематических единиц (разной протяжённости) и просодий. Полный отказ от понятия фонемы едва ли целесообразен. Однако для непредвзятого исследования фонологии разноструктурных языков многие приёмы описания, разработанные лондонцами, оказались плодотворными.

Примечательна переключка между идеями Дж. Ферса о просодиях и некоторыми принципами синтагмо-фонологии М. В. Панова. Обе концепции представляют собой проявления позиционного подхода, при котором, так сказать, позиции первичны, а фонемы вторичны. М. В. Панов не только привил к стволу МФШ значи-

¹⁶ Краткое изложение см. в книге [Lyons 1968/1978, с. 141—144].

тельную «пражскую» (точнее, «пражско-гарвардскую») составляющую¹⁷, признав дифференциальный признак («субфонему») основной единицей синтагмо-фонологии¹⁸, но и пошёл в некоторых отношениях несколько дальше. А именно в концепции М. В. Панова субфонемы являются различительными признаками не столько отдельных минимальных сегментов (фонем), сколько речевых отрезков разной длины (т. е. более или менее протяжённых звукосочетаний). Так, в сочетании [с'т] (*стих*) и субфонема глухости, и субфонема мягкости оказываются двухсегментными (принадлежащими сразу двум сегментам), тогда как субфонемы дентальности, фрикативности, смычности оказываются здесь односегментными¹⁹. При этом «все многосегментные единицы в синтагмо-фонетике следует рассматривать как суперсегментные, как принципиально подобные единице «ударность-безударность» [...] Все односегментные единицы в таком случае надо рассматривать как частный случай, как ограничение в одном сегменте суперсегментных единиц» [Панов 1967, с. 167]. В этом рассуждении налицо определённое сходство с «просодическим анализом» Лондонской школы.

17. Применительно к традиционному кругу эталонных европейских языков, на материале которых вырабатывались основные понятия традиционных (европоцентристских) направлений в фонологии и морфонологии, принятие позиционного принципа может показаться лишь причудой теоретика. Однако выход за пределы этого круга языков в более широкую сферу сразу же показывает эффективность позиционного подхода для разработки проблем морфонологической и фонологической типологии. Алтайские, дравидийские, афразийские, нило-сахарские, сино-тибетские, аустроазиатские и многие другие языки проявляют своеобразную нетривиальную избирательность при построении экспонентов морфонологических единиц разных классов с помощью особых инвентарей фонологических средств.

И здесь принятие позиционного принципа способствует большей систематизации и большей наглядности изложения, т. е. в конечном счёте он оказывается не столько плодом теоретической фантазии фонологов, сколько вполне практическим инструментом описания²⁰.

¹⁷ См. подробнее [Панов 1967, с. 397—401; Панов 1979, с. 174—194].

¹⁸ См. [Панов 1967, с. 113].

¹⁹ См. [Панов 1967, с. 114—115].

²⁰ Автор благодарит †Т. В. Булыгину, В. А. Виноградова, В. А. Дыбо, Л. Л. Касаткина, А. К. Поливанову и †В. Г. Чурганову, некоторые идеи которых, высказанные в устной беседе, повлияли на содержание настоящей работы.

Литература

- Аванесов 1955/1974 — Аванесов Р. И. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы // Аванесов 1974, с. 17—42.
- Аванесов 1956/1974 — Аванесов Р. И. Три типа научной лингвистической транскрипции (в связи с вопросами теории фонем) // Аванесов 1974, с. 43—70.
- Аванесов 1974 — Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974, 287 с.
- Аванесов 1979 — Аванесов Р. И. (отв. ред.). Звуковой строй языка. Л.: Наука: ЛО, 1979.
- Аванесов 1983/1989 — Аванесов Р. И. (отв. ред.) Орфоэпический словарь русского языка. Авторы: С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. 5-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1989. — 688 с.
- Буланин 1979 — Буланин Л. Л. О сильных и слабых позициях фонем в русском языке // Аванесов 1979, с. 27—32.
- Булыгина 1977 — Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. — 287 с.
- Василенко 1959 — Василенко И. А. (отв. ред.) Грамматика современного русского языка. (= Московский городской педагогический институт им. В. П. Потёмкина. Учёные записки, том LXXIII, вып. 6, 423 с.
- Виноградов 1971а — Виноградов В. А. ОЗПЕРАНД (АС'ПИРАНТ). К проблеме гиперфонемы // Филин 1971, с. 97—105.
- Виноградов 1971б — Виноградов В. А. Консонантизм и вокализм русского языка. Практическая фонология. М.: Издательство Московского университета, 1971. — 83 с.
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. — 370 с.
- Зализняк 1983 — Зализняк А. А. О понятии графемы // Валсапса. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1983, с. 134—152.
- Зарецкий 1948 — Зарецкий А. И. Фонема // Ученые записки Сталинабадского государственного педагогического института, т. III, с. 3—33.
- Земская 1973 — Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
- Зиндер 1960/1979 — Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1960. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1979. — 312 с.
- Иванова 1976 — Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М.: Просвещение, 1976. — 288 с.
- Касаткин 1995а — Касаткин Л. Л. (отв. ред.) Проблемы фонетики. Москва: ИРЯ, 1995. — 350 с.
- Касаткин 1995б — Касаткин Л. Л. О некоторых понятиях и терминах Московской фонологической школы // Касаткин 1995а, с. 321—336.
- Касевич 1977 — Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — 183 с.
- Касевич 1983 — Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. — 295 с.

- Касевич 1986 — Касевич В. Б. Морфонология. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1986.
- Кузьмина 1995 — Кузьмина С. М. Понятие гиперфонемы в Московской фонологической школе // Касаткин 1995а, с. 337—344.
- Лопатин 1977 — Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М.: Наука, 1977. — 315 с.
- Маслов 1968 — Маслов Ю. С. Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка // Вопросы языкознания, 1968, № 4, с. 69—79.
- Маслов 1975/1987 — Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. — 327 с. — Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1987. — 272 с.
- Маслов 1979 — Маслов Ю. С. О типологии чередований // Аванесов 1979, с. 195—201.
- Маслов 1987 — Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд. М., 1987. — 272 с.
- Панов 1959 — Панов М. В. О грамматической форме // Василенко 1959, с. 5—39.
- Панов 1967 — Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. — 438 с.
- Панов 1979 — Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. — 256 с.
- Поливанова 1976 — Поливанова А. К. Морфонология русского субстантивного основообразования. АКД. М., 1976. — 26 с.
- Постовалова 1972 — Постовалова В. И. Фонология // Серебренников 1972, с. 120—199.
- Реформатский 1970 — Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. — 528 с.
- Серебренников 1972 — Серебренников Б. А. (отв. ред.). Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. — 565 с.
- Трубецкой 1987 — Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. — 560 с.
- Филин 1971 — Филин Ф. П. (отв. ред.). Фонетика. Фонология. Грамматика. М.: Наука, 1971. — 391 с.
- Чурганова 1973 — Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973. — 239 с.
- Lyons 1968/1978 — Lyons J. Introduction into theoretical linguistics. Cambridge: 1968. — Рус. пер.: Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Пер. с англ., М.: Прогресс, 1978. — 543 с.
- Trubetzkoy 1934/1987 — Trubetzkoy N. S. Das morphonologische System der Russischen Sprache. — TCLP, 1934, v. 5, No. 2. S. 1—95; рус. пер.: Трубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка // Трубецкой 1987, с. 67—142.
- Trubetzkoy 1938/1960 — Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie // TCLP, vol. 7, 1938. — Рус. пер.: Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Пер. с нем. М., 1960. — 372 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Практическая транскрипция или симплиграфия?

Известно, что разработка теоретических основ фонематической транскрипции и теоретических основ орфографии тесно взаимосвязаны. Эта связь отмечалась, в частности, в работах, идеи которых лежат в основе принципов Московской фонологической школы¹.

В теории письма (грамматологии) есть несколько понятий для некоторых существенных разновидностей письма.

Письмо бывает общим² («орфографическим»³) и специальным. К «специальному письму»⁴ относят транскрипцию и транслитерацию.

Транскрипция ориентирована на запись звучания (в отличие от транслитерации)⁵ и обычно не является общепринятым социальным установлением (в отличие от орфографии)⁶.

¹ Так, Н. Ф. Яковлев отмечает: «Эти-то звуки-фонемы во все времена и у всех народов, применявших звуковую систему письма, и клялись в основу буквенного обозначения. Изобретатели их алфавитов интуитивно определяли количество фонем данного языка и каждую фонему обозначали особым знаком — буквой. В этом и заключалось до-научное решение проблемы практического алфавита» [Яковлев 1928/1970, с. 129]. А в статье Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова выдвигается тезис о том, что «единственным принципом рациональной орфографии, который может быть последовательно проведён, является принцип фонологический» [Аванесов & Сидоров 1930/1970, с. 149—156].

² Для характеристики орфографического письма используется также термин «общепринятое практическое письмо» [Иванова 1976, с. 132].

³ О понятии «орфографического письма» см., например, в [Аванесов 1974, с. 43, 47, 57, 65—66; Ахманова 1969, с. 324].

⁴ О «специальном письме» см. [Маслов 1975: 310; Маслов 1987: 262].

⁵ Л. Р. Зиндер противопоставляет транскрипцию «обычному письму» или «графике» [Зиндер 1960/1979, с. 291] или, употребляя термины «обычное письмо» и

Научная и практическая транскрипция отличаются прагматической нацеленностью: научная есть эпистемологический (познавательный) инструмент, а практическая решает социальные задачи⁷.

Практическая транскрипция⁸ пытается передать звучание свежих заимствований и цитат из речи на иностранных языках с помощью графических приёмов, принятых в общепринятом (орфографическом) письме языка данного социума.

В число признаков научной транскрипции принято включать её ориентацию на соответствие одной буквы одной фонеме (имеется в виду фонема в синтагматическом аспекте, т. е. в отличие от слога, от компонента слога, от фонемосочетания и от дифференциального признака фонемы). Этот принцип (назовём его принципом изофонематичности) соблюдается (как тенденция) независимо от того, на какие звуковые единицы ориентирована транскрипция в парадигматическом аспекте⁹ (т. е. на аллофонемы, «ленинградские» фонемы, «пражские» фонемы, «московские» фонемы или «МИТ-» фонемы). Обобщенно можно говорить о действии принципа семиотической симметрии в любой научной транскрипции: любая научная транскрипция претендует на **изофоничность**. Научная транскрипция, будучи разновидностью научного метаязыка, стремится к одно-однозначности соответствия между используемым набором символов и некоторым набором звуковых единиц изучаемого языка.

Обсудим одну важную разновидность письма, которую в настоящей статье предлагается именовать **симплиграфией** (в переводе с латинского и греческого — «простопись»)¹⁰.

«графика» как эквивалентные. Дальнейшее изложение Л. Р. Зиндера не позволяет с уверенностью заключить, является ли в его концепции «транслитерация» [Зиндер 1960/1979, с. 291] разновидностью «обычного письма» («графики») или представляет собой некоторый третий тип письма наряду с «обычным письмом» и «транскрипцией».

⁶ О «транскрипции» см.: [Суперанская 1979; Бондарко 1990; 1997].

⁷ О различии «научной» и «практической» транскрипции см.: [Маслов 1975: 311; 1987: 262].

⁸ О «практической транскрипции» см. [Сухотин 1935; Реформатский 1947: 138; Суперанская 1978; Гиляревский & Старостин 1985; Кронгауз 1990; Кронгауз 1997].

⁹ Сопоставление типов фонологических транскрипций см., например, в [Постовалова 1972; Маслов 1975; Касевич 1977; Маслов 1987; Кодзасов & Кривнова 2001: 322—348].

¹⁰ Этимологически в этом значении был бы более благозвучен термин «гаплография» (из двух греческих половинок), но, к сожалению, термин «гаплография» уже используется в другом значении; «гаплография» определяется как «ошибочный пропуск на письме одного из двух рядом стоящих одинаковых слогов вследствие описки: напр., *параллелепед* вместо *параллелепипед*» [Ахманова 1969,

Типы транскрипции могут отличаться означаемыми при сходных или тождественных означающих. Однако может быть и наоборот: разные типы транскрипции могут отличаться набором означающих при сходных или тождественных означаемых. Этот тип различий затрагивался обычно лишь в связи с практической транскрипцией.

Но различия между означающими транскрипционных знаков могут быть обусловлены не только различием между научной и практической нацеленностью, но и ориентацией на различные частные цели внутри собственно научного транскрибирования.

Так, наряду с принципами интернациональности (понятности западноевропейским и американским фонологам), нашедшими своё последовательное осуществление, например, в транскрипциях на основе алфавита МФА и им подобных, и принципом изофонематичности (требованием, чтобы фонемный состав языковых единиц в рамках принимаемой данным лингвистом фонематической концепции и выбранной данным лингвистом для данного класса примеров фонематической трактовки был изоморфен графемному составу их транскрипций) можно выделить ещё один принцип, который можно назвать симплиграфическим. Симплиграфический принцип транскрибирования применим лишь к языкам, имеющим письменность, и состоит в том, что для транскрибирования выбирается система графических знаков, максимально сходных с той графикой, которая является для данного языка социально престижной, т. е. общепринятой (и по этой причине является, в частности, графической основой как орфографии данного языка, так и практической транскрипции).

Вопрос о внутренней форме, о мотивировке выбора экспонентов при построении инвентаря фонографем должен быть строго отделён от вопроса о том, какие фонологические единицы в этой транскрипции отражаются, т. е. от вопроса о десигнатах транскрипционных фонографем.

Симплиграфия vs. орфография

Орфография имеет социальный статус общепринятости, а симплиграфия — не имеет. Ср. утопические (в смысле существующие лишь в проектах будущих орфографических реформ, а не в реально царящих в социуме нормах) написания в книге Виноградов 1965.

с. 95]. Поэтому для выражения необходимого нам смысла приходится использовать некоторый новый, незанятый, термин «симплиграфия».

Симплиграфия vs. практическая транскрипция

Практическая транскрипция записывает звучание иностранных слов и названий (встречающихся в составе текста на родном языке). А симплиграфия записывает звучание слов родного языка. Иногда симплиграфическая транскрипция описывает один из диалектов родного языка. Так, в словаре Гецова 1970 слова записываются в т.н. «условной орфографической записи с передачей по возможности фонематического состава слова» [Гецова 1970, с. 48]. Например, окающее произнесение слова [robóta] фиксируется как *робота. В примерах можно увидеть записи типа *ретька, *кожы, *стипеньдию.

Симплиграфия позволяет записать разговорную речь на родном языке. Так, в примерах из [Китайгородская & Розанова 1999] можно увидеть такие записи, как *гыт* ('говорит'), *щас* ('сейчас'), *токо* ('только') и т. п.

Симплиграфия vs. научная транскрипция

Научная транскрипция следует принципу изофонии, а симплиграфия этому принципу не следует.

Так,

во всех научных транскрипциях русской речи (в том числе в транскрипциях на кириллической основе)	в симплиграфической записи
(а1) йот перед гласной записывается как особый символ («ѣ» или «й»)	(а2) йот перед гласной записывается вместе с этой гласной с помощью йотированных гласных букв. Здесь симплиграфия, как и орфографическое письмо, основывается на слоговом принципе графики
(б1) мягкость согласных перед гласными записывается апострофом	(б2) мягкость согласных перед гласными записывается с помощью выбора йотированных гласных букв, а также буквы <i>и</i> . Здесь симплиграфия опять, как и орфографическое письмо, основывается на слоговом принципе графики
(в1) мягкость согласных в конце слова записывается апострофом	(в2) мягкость согласных в конце слога записывается с помощью буквы <i>ь</i>

Означаемым симплиграфического знака является не всегда фонема: иногда это сочетание фонем, иногда слог, иногда дифференциальный признак.

Симплиграфия и научная транскрипция разных типов

Научная транскрипция бывает аллофонической, фонематической по-ленинградски¹¹, фонематической по-пражски, фонематической по-московски¹² (= морфофонематической¹³); есть и более глубокие разновидности морфофонематической записи (генеративистские¹⁴ и примыкающие к ним транскрипции, промежуточные между генеративистскими и московско-фонематическими¹⁵).

Симплиграфия бывает не только «ленинградской». Это лишь её преобладающая разновидность.

Из четырёх приводимых А. А. Зализняком (Зализняк 1983а) примеров графически правильных записей словоформы *мороз* (1. *мороз*, 2. **мароз*, 3. **морос* и 4. **марос*) не все равноценны с точки зрения симплиграфического принципа.

Первая и вторая записи соответствуют кириллическому варианту московско-фонологической транскрипции (а точнее, дизъюнктивному набору возможных транскрипций) и, соответственно, дизъюнктивному набору возможных московско-фонематических симплиграфических записей.

Третий вариант возможен лишь в симплиграфической записи окаящего диалекта.

Четвёртый вариант соответствует кириллическому варианту ленинградско-фонематической записи и, соответственно, симплиграфии по-ленинградски (т. е. самому распространённому типу симплиграфии).

Симплиграфия «по-московски» широко представлена на страницах книги Виноградов 1965: **плавец*, **плавчиха*, **предложить*, **положить*, **предположить*, **бесплатный*, **изстари* и т. п.

Симплиграфия «по-питерски» представлена в этом же обзоре (Виноградов 1965) как примеры орфографически неправильных написаний, следующих фонетическому принципу (в терминах Третьяковского — «письмо по звонам»): *пидьдисят*, *разьдилили*, *вавремя*, *наччёрными*, *фсёища* и т. п.

¹¹ См., напр., [Щерба & Матусевич 1952; Матусевич 1976; Буланин 1970; Маслов 1975; Маслов 1987].

¹² См., напр., [Аванесов 1956/1974; Панов 1967; Реформатский 1967; Панов 1979; Касаткин и др. 1995].

¹³ См., напр., [Аванесов 1956/1974].

¹⁴ См., напр., [Поливанова 1975; Поливанова 1976; Булыгина 1977].

¹⁵ См., напр., [Зализняк 1967; Чурганова 1973; Лешка 1979].

Симплиграфия при записи экспрессивной фонетики

Последовательная аллофонематическая симплиграфия в принципе невозможна, так как инвентарь графем любого естественного (неспециального) алфавита не рассчитан на транскрибирование аллофонематических различий. Однако изредка отступления от стандартной фонематической записи в пользу фонетического принципа случаются. Это бывает в тех случаях, когда требуется передать на письме особенности:

(а) диалектной речи (напр., *убив* в значении 'убил' при имитации южнорусского или украинского акцента);

(б) иностранного акцента (напр., слово *оучень* при изображении английского акцента или *харашё* при имитации «кавказской речи» и т. п.);

(в) манерной речи (напр., при нарушении орфоэпии):

(в1) в сторону гиперкоррекции, с коннотацией «аристократической манеры»: *рэлъс, пионэр*, и т. д.; ср. также *принсипы* в речи Павла Петровича Кирсанова в «Отцах и детях»;

(в2) в противоположную сторону, с коннотацией «демократической манеры» (ср. *прынцыпы* в речи Базарова в «Отцах и детях»)

(в3) в сторону «жеманной» выразительности, с коннотацией «слащавой чувствительности»; ср. *мне снится чудный сон* в одной из пародий А.Архангельского.

Симплиграфия иногда оказывается богаче, чем стандартизованная транскрипция — особенно при записи экспрессивной фонетики. Так, в письменном тексте на фоне орфографически правильного контекста то и дело встречаются симплиграфические приёмы: ср. удвоение букв, сопровождаемое дефисным разделом, для передачи долготы гласных в *Ура-а-а Государю Императору!* на месте орфографически правильного *ура*. Так, можно передать вопросительное хмыканье в диалоге как «- ?» и восклицательное хмыканье как «- !».

Симплиграфические приёмы передачи эмфатического удлинения гласных используются и в работах специалистов по разговорной речи. Например, в работе Земская & Капанадзе 1978 для этой цели используются такие способы, как удвоение букв (*доро-о-га*, с. 95 и др.) или повторное обозначение другого звука омофонической буквой (*вё-о-слами*, с. 135 и др.), сопровождаемое дефисным разделением.

В статье Баринава и др. 1978 сделана попытка систематизации графических приёмов передачи разговорной речи.

Симплиграфия искусственная и стихийная

Симплиграфия не всегда искусственна. Есть и стихийная симплиграфия. Когда ребёнок учится писать, то обычно на первых порах у него преобладает стихийная щербианская симплиграфия (*вада, друк* и т. п.). В более старшем возрасте на фоне усвоенных правил орфографии может стихийно возникнуть стихийная симплиграфия «по-московски» (*розтянуть, заец* и т. п.).

В отличие от «естественной», или «стихийной», симплиграфии, можно для сознательной симплиграфии (как «научной», так и «практической»), ввести особый термин «симплискрипция»¹⁶.

Щербианская симплиграфия vs. принцип экономного описания

В принципе щербианская симплиграфия должна была бы отражать лишь фонологически релевантные различия (так же, как симплиграфия «по-пражски»). Однако в ситуации выбора между фонетической мотивированностью симплиграфемы и её фонетической немотивированностью более естественно выбирать фонетически мотивированный символ (что было бы в духе ЛФШ). Тогда симплиграфическая транскрипция по-ленинградски должна была бы давать написания *ночь, кирпичь, кузьмичь, вещьць, дощцьць*, но *мыш, камыш, шумиш, идёш, уш, аш, рош, жыр, жыл*. Если же исходить из принципа экономии (и не фиксировать избыточных признаков) (что более согласуется с духом Пражской школы), то следовало бы не писать мягкий знак после *ч* и *щ*.

Симплиграфия морфонемотического типа

В ряде работ используется морфонеменная запись на базе кириллицы: именно так в задаче № 28 из сборника «Лингвистические задачи» (автор — А. К. Поливанова) описано склонение слов *буря, яма, шея*. Но введение дополнительных символов (в данном случае апострофа) не симплиграфично. В симплиграфии следовало бы использовать для обозначения мягкости в основе существительного *буря* не апостроф (*бур'*), а мягкий знак (*бурь*).

¹⁶ Термин Б. Тошовича (предложенный в устной беседе).

Симплиграфия морфофонематического типа и морфографемная запись

При моделировании письменной формы языка в качестве исходной записи используется морфографемная запись. Она тоже может строиться на основе симплиграфического принципа.

Число отступлений от симплиграфического принципа в «условной записи», используемой в Зализняк 1967, весьма незначительно. Это касается записи йота, мягкости согласных и беглости гласных. В симплиграфической морфографемике йот «j» передавался бы как «й», мягкость — как «ь», а беглость — как «(о)». Скобки имеют «почти естественный» характер: они часто употребляются в русских текстах для записи чего-то факультативного.

Симплиграфическая морфофонематическая запись шипящих финалей могла бы содержать цепочки *жь, чь, шь, щь* (*ножь-, кирпичь-, камышь-, лець-, роць-*), исходя из принципа упрощения правил выбора флексии род.мн. (-ей после мягких финалей). При переходе к симплиграфической фонематической транскрипции ленинградского типа происходило бы преобразование мягкого знака по простым автоматическим правилам (*ножь*⇒*нож*, *рожь*⇒*рож*, *ножья*⇒*ножа*, *рожья*⇒*рожа*, *лучь*⇒*луч*, *ночь*⇒*ноч*, *лучья*⇒*лучя*, *ночьы*⇒*ночи*, *тучья*⇒*тучя*, *мышь*⇒*мыш*, *мышы*⇒*мышы*, *камышь*⇒*камышь*, *ношья*⇒*ноша*, *лецьць*⇒*лецьць*, *роцьць*⇒*роцьць*, *лецьцьья*⇒*лецьцья*).

Симплиграфия и практическая лексикография

В английской лексикографии последних лет можно наблюдать следующее интересное явление. Симплиграфия шербанского типа стала использоваться в качестве транскрипции английских слов в ряде орфоэпических и толковых словарей. Напр., вместо традиционного [i:] пишется [ee], вместо традиционного [a:] пишется [ar] и т. п. Похоже, что этот способ транскрибирования завоевывает всё большую популярность в учебной лексикографии.

Степень симплиграфичности в научной транскрипции

Научная транскрипция может быть в определённой степени симплиграфична. Более того, можно утверждать, что некоторая ненулевая степень симплиграфичности свойственна почти всем

разновидностям научной транскрипции (за исключением так называемых «аналитических» типов транскрипции, основанных на полностью искусственном инвентаре значков).

Дело в том, что в качестве основы для транскрибирования обычно выбирается та или иная реальная система письма. Обычно в качестве графической основы транскрипции выбирается та система письма, которая является наиболее социально престижной для данного культурного региона. Поэтому лингвисты западнохристианского мира обычно используют для транскрибирования материала бесписьменных языков латиницу; советские лингвисты длительное время (с середины 1930-х до конца столетия) использовали для транскрибирования материала языков бесписьменных народов СССР кириллицу (конкретнее, русский алфавит); основатель сравнительной тюркологии арабский филолог Махмуд Кашгарский использовал для записи тюркских языков арабицу; а китайские лингвисты с давних пор используют для транскрибирования материалов бесписьменных языков Китая китайское иероглифическое письмо.

Степень симплиграфичности научных транскрипций бывает разной. Эта степень тем выше, чем понятнее транскрипционная запись для неискушенного читателя, т. е. для читателя, не являющегося профессиональным лингвистом.

Если сравнить в этом аспекте транскрипцию русского литературного или диалектного материала с помощью кириллицы и транскрипцию этого же материала с помощью латиницы, то становится очевидным, что первый способ записи (кириллическая транскрипция) более симплиграфичен, нежели второй (латинская транскрипция), так как носителю описываемого языка привычнее и понятнее именно он.

Более того, можно пойти дальше и сравнивать не две системы, взятые глобально, но отдельные приёмы записи.

Сравним, например, запись признака мягкости (палатализованности) русских согласных с помощью «выносного» (приподнятого наверх) изображения буквы «ь» («мягкий знак»), принятую в работе Щерба & Матусевич 1952 (например, *мат^ь, м^ьата, м^ьат^ь*) и запись того же дифференциального признака с помощью «апострофа» (*мат', м'ата, м'ат'*). Нетрудно заметить, что запись с использованием значка «мягкий знак» является более симплиграфичной, чем запись с использованием апострофа.

Между тем степень симплиграфичности транскрипции имеет весьма существенное значение для выбора способа транскрибирования в произведениях научно-популярного жанра (например, в школьных учебниках, орфоэпических пособиях и т. п.), а также

при издании диалектных записей и вообще записей непринуждённой устной речи.

Если признать, что транскрипция в изданиях такого типа должна стремиться к симплиграфичности, то следует признать, что с этой точки зрения использование верхнего индекса в виде «мягкого знака» гораздо лучше согласуется с этим принципом, чем принятая большинством русистов (обеих столиц) традиция использования апострофа.

То же самое следует сказать и о способе подачи щелевого звонкого среднеязычного мягкого сонорного согласного. Запись его с помощью символа [j] (принятая в настоящее время большинством лингвистов обеих столиц) является менее симплиграфичной, нежели его запись с помощью символа [й], принятого в работе Щерба & Матусевич 1952 (напр., *даётся, яма* при такой системе транскрибируется как [да'йощца], [йама]; знак «минуты» ['] перед слогом в ней означает ударение).

Любопытно, что система транскрипции Щербы и Матусевич не является последовательно симплиграфичной, и именно потому, что ударение в ней передаётся знаком «минуты» ['] перед ударным слогом. Последовательная опора на симплиграфический принцип в рамках научной транскрипции русского материала на кириллической основе повлекла бы за собой обозначение ударения с помощью надстрочного знака акута, что соответствует традиции русского письма (восходящим ещё к письменной системе допетровского времени — XIV—XVII вв.). У русских лингвистов послепетровского времени (и, как факультативный способ дифференциации омографов, также в обычном письме) надстрочный акут был самым привычным способом обозначения ударения. Поэтому тот способ записи ударения, который использован в академической грамматике русского языка 1952 г. (Щерба & Матусевич 1952), является шагом в сторону от принципа симплиграфии. Причиной такого шага, возможно, является влияние на авторов (т. е. на Л. В. Щербу и М. И. Матусевич) западноевропейской фонетической традиции.

В той же мере влиянием западноевропейской фонетической традиции на русскую (хронологически — советскую) традицию можно объяснить и укоренившуюся привычку использования символа [j] для звука «йот» и символа ['] для обозначения мягкости согласных, принятую в большинстве отечественных работ по фонетике русского языка.

При выборе способа транскрибирования лингвисты в своей практике нередко употребляют такие оценочные характеристики, как «удобный vs. неудобный» (способ записи) и «научный vs. не-

научный» (способ записи). Однако сами критерии, лежащие в основе этих характеристик — критерий «удобства» и критерий «научности» — как правило, не эксплицируются.

Поэтому в лингвистической среде (в частности, среди вузовских преподавателей лингвистических дисциплин, например, русской фонетики или русской морфологии) бытуют в значительной мере «стихийные», «бессознательные» оценки приёмов транскрибирования, не опирающиеся ни на какой семиотический анализ транскрипционных и орфографических символов, используемых в той или иной традиции транскрибирования. Нередко можно услышать упрёки, раздающиеся по адресу лингвистов, использующих ту или иную систему транскрибирования: либо упрёки в «ненаучности» («латинская транскрипция — научна, а кириллическая — ненаучна»; «символ [j] использовать научно, а символ [й] — ненаучно»; «символ ['] использовать научно, а символ [ъ] или [ʙ] — ненаучно»; «йотированные гласные использовать ненаучно» и т. п.), либо упрёки в «непонятности» («кириллическая транскрипция — понятна, а латинская — непонятна»).

Один из типичных упрёков — это упрёк в «неудобстве». Однако и сам критерий удобства может пониматься в двух противоположных смыслах: либо как удобство теоретическое («удобно записывать одну фонему всегда одним и тем же символом, а разные фонемы — всегда разными символами»; «удобно записывать сочетание фонем сочетанием двух разных символов, а не единым символом»; «удобно записывать отдельную фонему единым символом, а не сочетанием двух отдельных символов»), либо как удобство практическое («удобно записывать так, чтобы запись легко прочитывалась бы вслух естественным образом теми читателями, которые привыкли к такой-то графике и не должны были бы перечиваться»).

Постановка вопроса об удобстве, понятности и научности без экспликации этих, прагматически ориентированных, критериев едва ли окажется эффективной.

Любая транскрипция в известной степени является условной. Так, использование именно латиницы для записи бесписьменных языков и диалектов (а также для транскрибирования праформ реконструируемых языков) мотивировано отнюдь не тем, что латиница лучше приспособлена для записи звуковых систем этих языков, а тем, что в определённой сфере лингвистики сложилась устоявшаяся традиция использования для соответствующей цели именно латиницу.

Для того чтобы обосновать предпочтение латиницы в качестве основы транскрибирования, достаточно ссылки на следование за-

падноевропейской традиции (которая для русских учёных никогда не была целиком чужда): «...хочу, чтобы приводимые мною словоформы легко бы прочитывались вслух западными читателями». Тот довод, что она является «более научной», не только излишен, но и попросту бессмыслен.

Однако верно и обратное: для того чтобы обосновать выбор кириллицы как основы для транскрибирования, достаточно ссылки на её укоренённость в отечественной лингвистической традиции (а также в лингвистических традициях других стран, использующих кириллицу). Упрёки в «ненаучности» кириллицы как основы транскрипции столь же бессмысленны.

По сути дела, вопрос в обоих случаях сводится к тому, на какой контингент читателей ориентировано описание, а также какова установка автора: самому адаптироваться к читателю (идти ему навстречу) или, наоборот, занимать активную позицию и заставлять потенциальных читателей овладевать непривычной и чуждой им графической системой.

Литература

- Аванесов & Сидоров 1930/1970 — Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Реформатский 1970, с. 149—156.
- Аванесов 1956/1974 — Аванесов Р. И. Три типа научной лингвистической транскрипции (в связи с вопросами теории фонем) // Аванесов 1974, с. 43—70.
- Аванесов 1974 — Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. — 287 с.
- Ахманова 1969 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Советская энциклопедия, 1969. — 607 с.
- Барина и др. 1978 — Барина Г.А., Земская Е.А., Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В., Ширяев Е.Н., Введение // Земская & Капанадзе 1978, с. 3—26.
- Бондарко 1990 — Бондарко Л. В. Транскрипция // Ярцева 1990, с. 517—518.
- Бондарко 1997 — Бондарко Л. В. Транскрипция // Караулов 1997, с. 567—568.
- Буланин 1970 — Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1970. — 206 с.
- Булыгина 1977 — Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. — 287 с.
- Виноградов 1952 — Виноградов В. В. (отв. ред.) Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология. М.: Издательство АН СССР, 1952. — 720 с.

- Виноградов 1965 — Виноградов В. В. (отв. ред.) Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М.: Наука, 1965. — 500 с.
- Гецова 1970 — Гецова О. Г. Архангельский областной словарь. Проспект. М.: Издательство МГУ, 1970. — 214 с.
- Гиляревский & Старостин 1985 — Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте. Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1985. — 303 с.
- Задачи 1983 — Лингвистические задачи. М.: Просвещение, 1983. — 223 с.
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. — 370 с.
- Зализняк 1983а — Зализняк А. А. О понятии графемы // Цивьян 1983, с. 134–152.
- Земская & Капанадзе 1978 — Земская Е. А., Капанадзе Л. А. (ред.). Русская разговорная речь. Тексты. М.: Наука, 1978. — 307 с.
- Зиндер 1960/1979 — Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1960. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1979. — 312 с.
- Иванова 1976 — Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М.: Просвещение, 1976. — 288 с.
- Касевич 1977 — Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — 183 с.
- Караулов 1997 — Караулов Ю. Н. (отв. ред.) Русский язык. Энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 1997.
- Касаткин и др. 1995 — Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Справочник по современному русскому языку. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1995. — 382 с.
- Касевич 1983 — Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. — 295 с.
- Китайгородская & Розанова 1999 — Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. М.: Наука, 1999. — 396 с.
- Кодзасов & Кривнова 2001 — Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. — 591 с.
- Кронгауз 1990 — Кронгауз М. А. Транскрипция практическая // Ярцева 1990, с. 518.
- Кронгауз 1997 — Кронгауз М. А. Транскрипция практическая // Караулов 1997, с. 568–569.
- Лешка 1979а — Лешка О. Фонемика // Horálek 1979, с. 3–99.
- Лешка 1979б — Лешка О. Морфофонемика // Horálek 1979, с. 100–130.
- Маслов 1975 — Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. — 327 с.
- Маслов 1987 — Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд. М., 1987. — 272 с.
- Матусевич 1979 — Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1979. — 288 с.
- Панов 1967 — Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. — 438 с.

- Панов 1979 — Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. — 256 с.
- Поливанова 1975 — Поливанова А. К. Исчисление правильных морфологических структур русского языка, в кн.: Семиотика и информатика, в. 6, М., 1975.
- Поливанова 1976 — Поливанова А. К. Морфонология русского субстантивного основообразования. АҚД. М., 1976. — 26 с.
- Поливанова 1983а — Поливанова А. К. [Задача №] 28 // Задачи 1983, с. 17.
- Поливанова 1983б — Поливанова А. К. [Решение задачи №] 28 // Задачи 1983, с. 91–92.
- Постовалова 1972 — Постовалова В. И. Фонология // Серебренников 1972, с. 120—199.
- Реформатский 1947 — Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1947. — 176 с.
- Реформатский 1967 — Реформатский А. А. Введение в языковедение. Издание 4-е. М.: Просвещение, 1967. — 542 с.
- Реформатский 1970 — Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. — 528 с.
- Серебренников 1972 — Серебренников Б. А. (отв. ред.). Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. — 565 с.
- Суперанская 1978 — Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1978. — 283 с.
- Суперанская 1979 — Суперанская А. В. Транскрипция // Филин 1979, с. 353.
- Сухотин 1935 — Сухотин А. М. Передача иностранных географических названий // Вопросы географии и картографии. М., 1935.
- Филин 1979 — Филин Ф. П. (отв. ред.). Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. — 432 с.
- Цивьян 1983 — Цивьян Т. В. (отв. ред.) *Balkanica*. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1983. — 299 с.
- Чурганова 1973 — Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973. — 239 с.
- Щерба & Матусевич 1952 — Щерба Л. В., Матусевич М. И. Фонетика // Виноградов 1952, с. 49–100.
- Яковлев 1928/1970 — Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита // Реформатский 1970, с. 123–148.
- Ярцева 1990 — Ярцева В. Н. (отв. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 р.
- Horálek 1979 — Horálek K. (ред.) Русская грамматика. Часть 1. Прага: Academia Praha, 1979. — 664 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Некоторые понятия общей лингвистики, существенные для изложения

Лексема¹

Лексема (от греч. *lexis* — слово, выражение) — слово, рассматриваемое как единица словарного состава языка в совокупности всех его конкретных грамматических форм и выражающих их флексий, а также всех возможных значений (смысловых вариантов); абстрактная двусторонняя единица словаря. Представляя собой совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях, лексема характеризуется как формальным, так и смысловым единством.

Термин «лексема», предложенный в 1918 А. М. Пешковским и вошедший в «Грамматический словарь» Н. Н. Дурново (1924), в дальнейшем получил содержательное наполнение в трудах В. В. Виноградова (1938, 1944, 1947), А. И. Смирницкого (1954, 1955) и А. А. Зализняка (1967), разрабатывавших, в частности, критерии парадигматического разграничения и отождествления реально встречающихся в речи «эмпирических» слов, т. е. отнесения их к разным или к одной лексеме. При сохранении единства понятия «слово» термин «лексема» дает возможность разграничить его парадигматические свойства (и тогда употребляется термин «лексема») и его синтагматические свойства (в этом случае употребляется термин «словоформа»). Термин «лексема» в этом смысле употребляется большинством отечественных авторов (Т. В. Булыгиной, И. Г. Милославским, А. К. Поливановой и др.).

¹ Здесь использована статья: Т. В. Булыгина, С. А. Крылов. Лексема (ЛЭС) в существенно расширенном виде.

Лексема как абстрактная единица языка реализуется в тексте своими конкретными вхождениями (экземплярами); текстовый экземпляр лексемы называется «лексом» (Ю. С. Маслов); количество лексов (т. е. словоупотреблений) одной лексемы в данном тексте (или корпусе текстов, или в речевом фрагменте) называется её частотностью, измеряется в лексической статистике и описывается в частотных словарях.

Отвлечение от грамматических форм проявляется у лексемы в том, что словоформы, различающиеся только грамматическим значением, например, «стола — столу» и т. п., не считаются отдельными лексемами (ср. трактовку слова у А. А. Потебни, который заявлял, что любое различие в грамматических значениях даёт новое слово), но образуют парадигму, т. е. систему грамматических «аллолексем» (Ю. С. Маслов) (т. е. словоформ одной лексемы). С парадигматической точки зрения лексема во флективных языках представляет собой результат абстракции отождествления словоформ, реально встречающихся в речи. «Исходная» (словарная) грамматическая форма лексемы, помещаемой в словаре в качестве заголовка словарной статьи, в действительности есть лишь одна из форм, условно представляющая лексему (С. Е. Яхонтов). Противопоставление лексемы словоформе, выработанное на материале флективных языков, не может механически переноситься на агглютинативные и изолирующие языки, так как ведёт к искусственным решениям (постулирование многочисленных нулевых аффиксов, грамматической омонимии и пр.).

Отвлечение от отдельных лексических значений проявляется в том, что при **полисемии** лексико-семантические варианты, различающиеся только по смыслу и лишь частично, не считаются отдельными лексемами (ср. трактовку А. А. Потебни, который считал, что «малейшее изменение в значении слова делает его уже другим словом»), а образуют единую систему «слово-значений» («лексико-семантических вариантов», по Смирницкому, или «семантических аллолексем», по Маслову) данной лексемы.

Формальное единство лексемы обеспечивается единством словоизменительной основы ее словоформ, принадлежностью к определённой части речи (единством так называемого категориального значения), принадлежностью к определённому словоизменительному типу, а смысловое единство — семантической связью между отдельными лексико-семантическими вариантами одной лексемы. Единство словоизменительной основы в рамках одной лексемы может нарушаться лишь в исключительных случаях — при словоизменительном супплетивизме и гетероклизии (см. **Склонение**), а также у так называемых морфологических и фо-

нетических «дублетов» типа *калоша — галоша*, *компас — компас*, *прочсть — прочитать*, которые традиционно считаются вариантами одной лексемы.

Принадлежность к одной части речи дифференцирует образования по категориальной **конверсии** как различные лексемы: ср. рус. *вокруг*₁ (предлог) — *вокруг*₂ (наречие), англ. *early*₁ (наречие) — *early*₂ (прилагательное); однако в некоторых концепциях допускается принадлежность словоформ одной лексемы к разным частям речи.

В большинстве случаев слова, представляющие одну лексему, не различаются также значениями других классифицирующих синтаксических признаков (напр., рода, одушевленности, переходности и прочих).

Однако члены соответствующих минимальных различительных пар, напр., *сирота*₁ (муж.р.) — *сирота*₂ (жен.р.), *он*₁ (одуш.) — *он*₂ (неодуш.), *клевать*₁ (перех.) — *клевать*₂ (неперех.), принято объединять в одну лексему «скрещенного» (двойственного, гибридного) типа; особенно часто таким образом (как внутрилексемные) принято трактовать различия между косвенными (несловарными, неисходными) формами парадигмы.

Требование лексико-семантической близости «лексико-семантических вариантов» одной лексемы обычно запрещает объединять в одну лексему лексические **омонимы**.

В некоторых лексикологических работах (Н. И. Толстой, В. Г. Гак, Б. Ю. Городецкий) лексема определяется не как двусторонняя единица, а как единица плана выражения (в отличие от своих значений), однако при этом, как правило, авторы таких дефиниций не склонны формулировать вывод о том, что лексические омонимы входят в одну и ту же лексему; скорее всего, как правило, они имеют в виду, что единство лексемы предполагает единство звуковой оболочки как предварительное условие отождествления лексемы (оставляя обычно за рамками рассмотрения проблему супплетивизма).

В концепции Ю. С. Маслова лексема (как минимальная синтагма, или потенциальный минимум высказывания) отличается от глоссе́мы (как минимальной подвижной единицы). В отличие от глоссем (которые бывают самостоятельными и служебными), лексемы бывают не только простые, но и составные, или **аналитические**; последние состоят из нескольких подвижных элементов (глоссем): ср. англ. *to pride oneself* «гордиться», рус. *железная дорога*, *как пить дать* (а их экземпляры считаются составными лексемами). Но и простая лексема нередко может реализоваться аналитическими (составными) аллолексемами: ср.

аналитические аллолексемы существительных (предложно-падежные формы типа *на столе*, артиклевые формы типа *the table*), глаголов (сочетания со вспомогательными глаголами), прилагательных и наречий (аналитические формы степеней сравнения).

Термин «лексема» в значении, близком к тому, в котором он используется большинством отечественных лингвистов, употребляется английскими учеными Дж. Лайонзом (с 1963 г.) и П. Мэтьюзом (с 1965).

В американской лингвистике термин «лексема» используется начиная с Б. Л. Уорфа (с 1938 г.), причем в нескольких не всегда четко определенных значениях. Например, У. Вайнрайх (1966) понимает под лексемой любую идиоматическую (словарную) единицу, которая может состоять как из одного, так и из нескольких слов (ср., например, *седьмая вода на киселе*).

Во французской лингвистике распространено еще одно понимание термина «лексема», предложенное А. Мартине (1963): лексема противопоставляется морфеме как знаменательный элемент служебному. Синтагматические границы такой «лексемы» уже обычного (как правило, она соотносится с **корнем**, а не с основой слова), а парадигматические границы — шире (так как одна лексема представлена целым словообразовательным гнездом).

В некоторых французских лингвистических работах термин «лексема» используется для обозначения абстрактной единицы словаря, в отличие от слова (*mot*), т. е. актуализованной единицы.

В работах Московской семантической школы по толково-комбинаторной лексикографии (И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна и их последователей), а также по построению формальных моделей русского синтаксиса, термин «лексема» (в отличие от традиционного употребления этого слова)

(а) начиная примерно с середины 1960-х годов понимается в широком смысле:

во-первых, «обобщенная лексема» включает не только «реальные лексемь», но и «фиктивные лексемь», понимаемые как исследовательские конструкции, позволяющие более системно описать синонимические отношения между предложениями: ср., напр., фиктивную лексему *ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО, входящую в глубинно-синтаксическую структуру конструкций со значением приближенности (напр., *часов через десять*) и фиктивные лексемь *КОМПРОМИССИРОВАТЬ (выступающую как синтетический эквивалент аналитической конструкции *идти на компромисс*) и *ВАХТИТЬ (выступающую как синтетический эквивалент аналитической конструкции *стоять на вахте*);

во-вторых, используется понятие охарактеризованной лексемы, в сущности эквивалентное понятию грамматической формы слова (или словоформы).

(б) начиная примерно с середины 1970-х годов понимается как слово в одном из его лексических значений (т. е. как лексико-семантический вариант), в отличие от «вокабулы», понимаемой как множество лексических единиц, описываемых одной словарной статьёй толкового словаря.

В концепции языковых ярусов И. Ф. Вардуля лексема (как однозначная единица), так же как и в работах Мельчука, противопоставляется вокабуле (которая, вообще говоря, многозначна); при этом лексические омонимы считаются не только разными лексемами, но и разными вокабулами. Среди лексем И. Ф. Вардуль различает «моносигнификативные» и «полисигнификативные» (примером последних являются свободно образуемые несловарные композиты, а также инкорпоративные комплексы); «сигнификативно неполные» // «неопределённые» (т. е. входящие в состав идиом: например, *точить* и *лясы* в составе идиомы *точить лясы*), а также «сигнификативно пустые» (например, англ. *It* в конструкции *it rains*).

Литература

- Пешковский А.М. Понятие отдельного слова, в его кн.: Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика, Л., 1925.
- Виноградов В.В. О формах слова, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1944, т. 3, вып. 1.
- Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове. В сб.: Вопросы грамматического строя, М., 1955.
- Яхонтов С.Е. О морфологической классификации языков. В сб.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965.
- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Жолковский А.К., Мельчук И.А. К построению действующей модели языка «Смысл ↔ Текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 11, с. 5—35.
- Копыленко М.М. Сочетаемость лексем в русском языке. М.: Просвещение, 1973. 120 с.
- Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинёв: Штиинца, 1973. 372 с., *passim*.
- Маслов Ю. С. Введение в языкознание. Изд. 1, М.: Высшая школа, 1975, с. 110—111, 186; Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1987, с. 13, 27, 28, 89—90, 117, 146, 149, 154, 154—155, 167.
- Чинчлей Г.С. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры. Кишинев, 1975.

- Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977, с. 122—130.
- Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики. Синтаксис и супра-синтаксис. М.: Наука, 1977, с. 199—207.
- Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Пер. с англ., М., 1978.
- Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978.
- Крылов С.А. Некоторые уточнения к определениям понятий словоформы и лексемы. В сб.: Семиотика и информатика, вып. 19, М., 1982.
- Слово в грамматике и в словаре. М., 1984.
- Жолковский А.К., Мельчук И.А. Введение // Жолковский А.К., Мельчук И.А. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14. Wien: 1984, с. 69—103.
- Булыгина Т.В., Крылов С.А. Лексема // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990, с. 257.
- Поливанова А.К. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Вопросы кибернетики. Вып. 166. Язык логики и логика языка. Сборник статей к 60-летию проф. Владимира Андреевича Успенского. М., 1990, с. 41—69.
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том 1. Введение. Часть 1. Слово. М.: Языки русской культуры, 1995, с. 96—358.
- Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря // Апресян Ю. Д. (рук.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000, с. XXVII—XXVIII.
- Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001, с. 19, 65.

Словоформа

Словоформа — слово, рассматриваемое как представитель определенной лексемы и определенной грамматической формы, напр., *лесом* (= ЛЕС_{твор.п.ед.ч.}), *идет* (= ИДТИ_{изъяв.накл., наст.вр., 3л.ед.ч.}) и т. п. В частном случае лексема может состоять из одной словоформы: напр., лексема ВЧЕРА имеет единственную грамматическую форму и, таким образом, состоит из единственной словоформы *вчера*.

Если рассматривать словоформу как двустороннюю единицу, то в качестве ее внутренней стороны выступает «полностью охарактеризованная лексема», т. е. лексема с указанием всех грамматических значений, присущих данной словоформе (напр., СА-ПОГ_{им.п.мн.ч.}, ВИДЕТЬ_{изъяв.накл., наст.вр., 1 л.ед.ч.}). В качестве внешней стороны словоформы может выступать: на морфемном уровне —

цепочка морфем (напр., САПОГ- + ИМ.МН., ВИД- + ИЗЪЯВ. НАСТ. + 1.ЕД.), на морфонемном уровне — цепочка морфемом (напр., ⟨sapog+y⟩, ⟨v'id+i+u⟩), на фонемном уровне — цепочка фонем (напр., /sapog'i/, /v'iʒu/), на орфографическом уровне — цепочка букв (напр., сапоги, вижу). Две внешне различные словоформы, у которых совпадает внутренняя сторона, называются вариантами друг друга: напр., *водой* и *водою* (= ВОДА_{твор.п.ед.ч.}). Возможна также омонимия словоформ, напр. *попугай* (сущ.) и *попугай* (глагол), *рыбы* (род.п. ед.ч.) и *рыбы* (им.п. мн.ч.).

Совокупность всех словоформ данной лексемы образует ее **парадигму**.

В синтагматическом аспекте словоформа характеризуется относительной автономностью (отдельностью), проявляющейся на разных уровнях по-разному. Наиболее универсальное проявление отдельности — синтаксическая цельность (подвижность + непроницаемость). Подвижность отличает словоформу от **морфемы**, а непроницаемость — от **словосочетания**; в соответствии с этим критерием русские местоимения типа *никто*, *ничто* или немецкие глаголы с т.н. «отделяемыми приставками» (*eintreten* 'входить', *auffressen* 'поедать') должны трактоваться как сочетание двух словоформ (а не как единая словоформа), так как между их компонентами возможна вставка (*ни к кому, ни к чему*, а в немецких примерах — не только вставка, то также и перестановка (*Er tritt ins Zimmer ein* 'он входит в комнату'). Во флективных языках (см. **Флективность**) словоформа обычно обладает не только синтаксической, но и морфологической цельностью («цельнооформленностью» в смысле А. И. Смирницкого): так, *иван-чай* — это единая словоформа (так как грамматическое оформление при помощи служебных морфем получает вся единица в целом: *иван—чая, иван—чаю...*), а *город—герой* — сочетание словоформ, характеризующееся «раздельнооформленностью» (так как каждый компонент получает свое оформление: *города-героя, городу-герою...*). Критерий цельнооформленности помогает установить границы словоформы в том случае, когда вставка или перестановка на синтаксическом уровне затруднительна (ср. идиомы типа *морская свинка, львиный зев*). Однако он позволяет «позитивно определить» границы только для знаменательных словоформ, а служебные словоформы (**клитики**) выделяются «негативно», как бы «в остатке» по принципу «остаточной выделяемости». В соответствии с этим принципом рус. возвратная частица *-ся* выделяется в качестве отдельной служебной словоформы, так как ее присутствие не влияет на образование глагольных форм — *-ся* присоединяется к глаголу после окончания. Таким же образом

себя ведет частица *ли*, а также т.н. «глагольные послелогои» английского языка (*stand up* 'вставать'). С другой стороны, синтаксической подвижностью эти единицы не обладают, составляя вместе со знаменательным компонентом непроницаемую синтаксическую единицу. Во многих письменных языках орфография включает правила слитного и раздельного написания; в этом случае выделяется «графическая» (или «орфографическая») словоформа, определяемая как промежуток между двумя пробелами на письме. Обыкновенно орфография ориентируется на границы словоформ, обладающих синтаксической цельностью, однако иногда перевешивает соображение в пользу критерия морфологической цельности (цельнооформленности): в этом случае одна синтаксическая словоформа состоит из двух морфологических словоформ, которые пишутся раздельно, т.е. выступают как отдельные графические словоформы; таково написание рус. энклитики *ли* и англ. послелогов. В ряде письменных языков (напр., в китайском) графическое слово отсутствует, т.е. внутри предложения не делается пробелов.

В ряде случаев границы словоформ отражаются и на более низких уровнях — морфологическом, фонологическом и фонетическом, но типы этого отражения весьма неединообразны (единство ударения, гармония гласных, оглушение, редукция и др.). Например, в рус. языке в сочетании *смог ли он* — одно главное ударение, значит, по ударению это одна словоформа. Однако гласный в *он* не редуцируется; по этому признаку *он* — отдельная словоформа. Наконец, в *смог* конечный гласный оглушается, следовательно, граница словоформы проходит после него. Таким же образом в китайском языке выделение словоформ по ударению и по редукции тона дает неодинаковые результаты, так как тон безударного слога далеко не всегда редуцируется. В некоторых языках (современный французский, многие инкорпорирующие яз.) фонетическая словоформа либо не выделяется, либо совпадает с синтагмой или с предложением. Несмотря на противоречивость фонетических критериев, они нередко оказывают влияние на установление границ орфографической словоформы: например, немецкие «отделяемые приставки», будучи в препозиции к личным формам глагола, составляют с этими формами единую акцентную группу и потому пишутся слитно. Фонетическая цельность немецких сложных слов типа *Atomwaffe* 'атомное оружие' спаивает их в цельную орфографическую словоформу, несмотря на синтаксическую проницаемость таких единиц (ср. возможность вставки в сочинительных конструкциях типа *Atom- und Wasserstoffwaffe* 'атомное и водородное оружие').

Литература

- Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «отдельности» слова). — В кн.: Вопросы теории и истории языка. М.: 1952, с. 182—203.
- Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»). — В кн.: Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. 4, 1954, с. 3—49.
- Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове. — В кн.: «Вопросы грамматического строя». М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 11—53.
- Яхонтов С. Е. О значении термина «слово». — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, с. 165—173.
- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
- Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977.
- Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979, с. 5—38.

Морфема ²

Морфема (от греч. μορφή — форма) — одна из основных единиц языка, часто определяемая как минимальный знак, т. е. такая единица, в которой за определенной фонетической формой (означающим) закреплено определенное содержание (означаемое) и которая не членится на более простые единицы того же рода. В определённых случаях допустимо говорить о нулевой морфеме (с фонетически не выраженным означающим), например нулевая флексия им.п. ед.ч. слова *дом* («дом-Ø»). Морфема — предельный результат так называемого первого лингвистического членения (по А. Мартине), т. е. сегментации речевого текста на двусторонние единицы — **знаки**; этим морфема отличается от такой отчасти иерархически соотнесенной с ней единицы второго лингвистического членения (сегментации на односторонние, формальные единицы), как **слог**. Это различие существенно для языков синтетического типа (см. **Синтетизм**), в которых морфемное и слоговое членение не совпадают, ср. *берез-а* — две морфемы (корневая и флексийная) и [б'и-р'о-зъ] — 3 слога; в связи с этим иногда говорят, применительно к морфологической и фонетической структуре слова, соответственно о его глубине (количество морфем) и длине (количество слогов). Иная картина в языках изолирующе-силлабического типа, где морфема обычно совпадает со слогом, чем и обусловлено использование, например в китаистике,

² Здесь использована статья: В. А. Виноградов, С. А. Крылов, А. К. Поливанова. Морфема (ЛЭС).

термина «морфосиллабема» (или «силлабоморфема»), означающего минимальную фономорфологическую единицу.

Понятие и термин «морфема», предложенные в 1881 г. И.А. Бодуэном де Куртенэ как обобщение понятий **корень** и **аффикс**, получают распространение в работах представителей **пражской лингвистической школы**, Л. Блумфилда и в **дескриптивной лингвистике**, а также в советском языкознании, развиваясь, переосмысляясь и получая новые интерпретации в ходе постепенного учета асимметричного дуализма формы и функции в языковом знаке (ср. противопоставление морфем и семы у В. Скалички, морфа и морфемы в позднем дескриптивизме, морфемы и монемы в работах Мартине и О. Лешки). Понятие морфемы, выйдя за пределы структурной лингвистики, стало одним из основных в общем языкознании, в описательных и исторических грамматиках.

Будучи наряду со словом основной единицей **морфологии**, морфема осмысляется, подобно **фонеме**, как абстрактный инвариант, реализующийся в виде конкретных вариантов — **морфов** (**алломорфов**); варьирование морфемы связано с позицией — как грамматически (и тогда морфема предстает в виде грамматического или морфологического варианта), так и фонетически (тогда морфема предстает в виде фонетического варианта). Например, в русском *писать* — *пишу* корневая морфема находится в грамматической позиции (форма инфинитива — форма наст.вр.), вызывающей **чередование** морфов, а в английской морфеме мн.ч. существительных варианты [s]-[z]-[iz] обусловлены фонетической позицией — качеством исхода основы, ср. *bats* 'летучие мыши' — *birds* 'птицы' — *boxes* 'коробки'.

Понятие морфемы, как и большинство содержательных лингвистических понятий, отличается двойственностью, происходящей из необходимости употреблять общее название и для неформального объекта, представляющего собой известный тип языковых сущностей (онтологический аспект), и для различных конструкторов — его формальных аналогов (эпистемологический аспект). Поэтому единому по замыслу понятию морфемы соответствует значительное разнообразие более формальных его осмыслений, отражающих не столько различие теоретических предпосылок, сколько различие в исследовательских целях. Вместе с тем многократные попытки уточнения и формализации понятия морфем не получили всеобщего признания. В идеале формальное определение морфемы должно было бы обеспечивать единство объема этого понятия в каждом конкретном языке, одновременно не вступая в противоречие с интуитивным представлением о сущности морфемы как компонента слова и со стихийно сложив-

шейся практикой морфологического анализа. Трудности, возникающие на этом пути, связаны, с одной стороны, с неопределённостью принципов парадигматического отождествления разных конкретных морфем (т. е. принципов сведения алломорфов в морфему; напр., считать ли *-ов* в *отцов* и *-ей* в *матерей* или *-s* в англ. *rep-s* и *-en* в *ox-en* 'быки' представителями одной морфемы); с другой стороны, с неопределённостью пределов допустимого расширения понятия морфемы путём наделения морфемным статусом «остаточных» единиц типа *-ярус* в *стеклярус*, *-адья* в *попадья* и т. п. Поэтому распространены различные употребления термина «морфема», отражающие те или иные сдвиги в содержании этого понятия (иногда и терминологическую небрежность). В частности, в многоуровневых динамических моделях языка морфема нередко теряет статус цельной двусторонней единицы вследствие расщепления её на отдельные элементы — семантические и формальные, которыми и оперируют при характеристике уровней языка. Так, под морфемой может пониматься, с одной стороны, только её означающее (ср. такие формулировки: «морфема состоит из фонем», «морфема состоит из морфонема» и т. п.) или относительно автономная часть означающего, т. е. дистрибутивно самостоятельный компонент, который скорее должен был бы трактоваться как с у б м о р ф, или м о р ф е м о и д. Таковы, напр., компоненты морфологических идиом типа рус. *за-быть*, нем. *Hochzeit* 'свадьба' (букв.: высокое время).

Под морфемой может пониматься, с другой стороны, только её означаемое (напр., когда говорится, что в русском языке морфема 'им.п. мн.ч.' выражается морфем *-и* в слове *яблок-и*, но морфем *-а* в слове *город-а*; такое употребление касается главным образом грамматических, «флективных», морфем) или относительно автономная часть означаемого, т. е., по существу, **сема**. Так нередко трактуют элементы содержания супплетивных форм: напр., говорят, что английская словоформа (или «морфа» или «мегаморфа») *am* выражает сочетание морфем *be* + *praes.ind.* + *1 sg.* Иногда так же трактуются **граммемы** разных грамматических категорий, выражаемые во флективных языках в составе одной грамматической формы с помощью единой флексии (кумулятивно); напр., Дж. Лайонз считает, что в латинском языке сочетание морфем «*masc.* + *sing.* + *nom.*» выражается морфем *-us*. Некоторые ученые статус морфемы приписывают единицам морфологически элементарным — таким, как **основа** или **флексия** (грамматическая часть словоформы), хотя основы обычно содержат более одной морфемы в традиционном понимании (ср. основу в слове *на-ход-чив-ый*, состоящую из трёх морфем). Иногда подобная

трактовка морфемы связана с выходом за пределы **словоформы**; напр., З. С. Харрис выделяет «прерывную» (дистантную) морфему *-us...-us* в латинском словосочетании *fili-us bon-us* 'хороший сын'. На функционирование морфем в слове обычно не делается ограничений; единственное общее требование — чтобы морфема по протяжённости не превышала слова. Однако Ж. Вандриес, Ч. Ф. Хоккет, З. С. Харрис считают возможным выделять так называемые надсловные, сверхсловные морфемы — **порядок слов, интонацию, согласование, управление** и т. п. Некоторые ученые, понимая морфему как «часть слова» («связанную форму»), отрицают универсальность морфем: «а м о р ф н ы е» языки (др.-кит., вьетнам., йоруба, тайские, пиджин-инглиш) считаются «н е м о р ф е м н ы м и»; существует мнение о «бессловном» характере этих языков (Т. Милевский), отражающее представление о слове как о цепочке морфем. По-видимому, корректнее говорить о слабой структурной противопоставленности слова и морфемы в ряде языков. Применительно к флективным языкам узкая трактовка морфемы как «части слова» приводит к тому, что значимые единицы, (ср. рус. *к, при, на, и, увы, бац, вчера, очень, там, метро, рагу* и т. п.) не получают порой статуса морфемы. Некоторые французские лингвисты вслед за Вандриесом употребляют термин «морфема» лишь по отношению к служебным единицам (аффиксам и служебным словам), называя знаменательные морфемы (корни) «семантемами» (Ш. Балли) или «лексемами» (Мартине); в качестве общего термина для служебных и знаменательных единиц используется термин «м о н е м а» (Мартине).

Следование принципу двусторонности морфемы проявляется в распространённом запрете на выделение «пустых» («асемантически») морфем. Если такого рода морфологические элементы появляются в ходе анализа, то либо говорят об исключениях из правила «безостаточной выделимости» морфем (т. е. сплошного членения слова на морфемы) и называют остатки членения «нерегулярными формальными наращениями», «интерфиксами», «структемами», «асемантемами», «соединителями», «формативами» и т. п., либо включают избыточный отрезок в состав одной из соседних морфем, либо (иногда с натяжкой) приписывают ему «полустёршееся» значение (напр., уменьшительность в слове *нож-ик*), либо усматривают повторение (плеоназм, итерацию) избыточно выраженных значений (напр., значение множественности в слове *чуд-ес-а* и т. п.). Общепринятым является также требование непрременной «материальности» означающего (не только по отношению к корневым морфемам, но и к некоторым типам словообразовательных морфем), запрещающее, напр., по-

стулировать «нулевую» деривационную морфему со значением 'мясо X-а' в слове *лещ* (в значении 'мясо леща'), синонимичную морфеме *-ин-* в слове *осетрина*.

Некоторые ученые еще более сужают понятие «морфемы», требуя непереносимости сегментности (линейного характера) означающего морфемы (морфа), которое, т. о., должно представлять собой цепочку фонем (или морфонем). В этом случае из числа экспонентов морфемы исключаются значащие супraseгментные средства — чередования, редупликации, тон, ударение; за пределами рассмотрения остаются при этом и такие явления, как конверсия и т. п.

Литература

- Маслов Ю. С. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема», «Уч. зап. ЛГУ», 1961, № 301, сер. филол. наук, в. 60, с. 140—52;
- Маслов Ю. С. К семантической типологии морфем. В сб.: Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния, М., 1978.
- Мартин А. Основы общей лингвистики. Пер. с франц. В кн.: НЛ, в. 3, М., 1963.
- Климов Г. А. Фонема и морфема. М., 1967.
- Блумфилд Л. Язык. Пер. с англ., М., 1968.
- Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка. В сб.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
- Чинчлей Г. С. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры. Киш., 1975.
- Лэм С. Очерк стратификационной грамматики. Пер. с англ., Минск, 1977.
- Тезисы рабочего совещания по морфеме. М., 1980.
- Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- Harris Z. Structural linguistics. Chicago, 1961.
- Bierwisch M. Über den theoretischen Status des Morphems. В кн.: Studia grammatica. Bd 1, В., 1962.
- Matthews P.H. Recent developments in morphology. В кн.: New horizons in linguistics. Harmondsworth, 1977.

Морф³

Морф, морфа (от греч. μορφή — форма) — минимальная значимая единица текста, текстовый представитель морфемы. Термин «морф» предложен Ч. Ф. Хоккетом в 1947 в качестве параллели к термину «(алло)фон»: предполагалось, что отношение

³ Здесь использована статья: Т. В. Булыгина, С. А. Крылов. Морф (ЛЭС).

(алло)фона к **фонеме** тождественно отношению морфа к морфеме. Различные морфы, репрезентирующие одну морфему, были названы соответственно её алломорфами (ранее в амер. лингвистике использовался в этом значении термин «морфемный альтернат», в сов. языкознании, напр. Г. О. Винокуром, — термин «вариант морфемь»). В применении к языкам с четким структурным противопоставлением слова и морфемы морф обычно рассматривается как непосредственная составляющая **словоформы**. Так, напр., в словоформе *столиком* выделяются (на графическом уровне) корневой морф *стол*, суффиксальный (со значением уменьшительности) *-ик* и флексийный (выражающий значение тв.п. ед.ч.) *-ом*. В частном случае словоформа может состоять из одного морфа, напр. *опять*, *сквозь*, *ведь*, *и*, *теперь*. Иногда морфеме не соответствует материально выраженный фонетический (или графический) сегмент. В таком случае говорят о нулевом морфе, выделяемом по соотношению с другими функционально противопоставленными и материально присутствующими морфами. Так, словоформа *рук* состоит из корневого морфа *рук-* и нулевого морфа, выражающего значение род.п. мн.ч.: «*рук-Ø*» (ср. *рук-ам*, *рук-ами*). Те европейские и советские исследователи, кто принял сосюровскую концепцию **знака**, обычно определяют морф как двустороннюю единицу **речи**, в отличие от морфемы как двусторонней единицы **языка**. В амер. лингвистике 40-х годов морф понимался как односторонняя единица, т. е. элемент внешней («формальной») стороны высказывания. Это понимание нашло отражение в формулировке Ч. Ф. Хоккета, согласно которой морф состоит из фонем (а морфема из **морфонем**).

Различие между указанными двумя пониманиями морфа не оказывает влияния на членение текста на морфы; однако оно существенно для отождествления морфов. Так, при «формальном» понимании суффикс в отглагольном производном *читка*, уменьшительный суффикс в *лалка* и предлог *к* имеют своим означающим один морф; если же исходить из двусторонности знака, соответствующие морфы различны, так как соотносятся с разными **означающими**. В то же время морф характеризуется постоянством внешней стороны при обоих подходах: сегменты, состоящие из различных фонем, считаются разными морфами, хотя и могут представлять одну морфему. Так, напр., в структуру словоформ *разработать* и *разрабатывать* входит одна и та же корневая морфема, представленная двумя нетождественными морфами: *работ-* и *рабат-*.

Решение вопроса о тождестве морфов, представляющих одну морфему, или признании их различными «алломорфами» тесно связано с принятой исследователем фонологической концепцией.

Так, орфографически различные морфы, представляющие префиксальную морфему в словах *разработать*, *расталкивать*, *розыгрыш*, *россыпи*, *разорвать*, признаются различными «алломорфами» при анализе с позиций **Ленинградской фонологической школы**, но одним и тем же морфом — с позиций **Московской фонологической школы**.

Признание двух внешне различных морфов алломорфами одной морфемы связано также с тем, какое содержание вкладывается в понятие морфемы. Так, различным образом трактуются случаи супплетивизма, напр. морф *i-* во франц. *ira* 'пойдет' и морф *all-* в *allons* 'пойдем'. Американские лингвисты обычно исходят в этих случаях только из тождества функции и говорят об *i-* и *all-* как об алломорфах, тогда как в советском и европейском языкознании более распространена другая точка зрения: при отсутствии формального сходства между морфами говорят о разных, хотя и синонимичных морфемах, и, следовательно, данные морфы не считаются алломорфами друг друга.

Представление о морфе как об экспоненте морфемы не предполагает требования непрременной сегментности (т. е. линейного характера) означающего морфа и возможности морфологической сегментации (автономно-) фонологической транскрипции на «значащие» цепочки («морфы»), полностью состоящие из целого числа фонем. Подобные (весьма распространенные) концепции ведут к смешению различных и разъединению сходных явлений (напр., к одинаковой трактовке **фузии**, кумуляции и супплетивизма и к искусственному противопоставлению полной и частичной фузии). Поэтому в «активных» грамматиках — т. е. в моделях языкового синтеза (имитирующих кодирование смысла говорящим) и в «динамических» моделях — принято транскрибировать означающие посредством морфем (а не фонем) и при этом супрасегментные средства рассматривать наряду с сегментными (напр., мягкость конечного согласного в *зелень* рассматривать как морф, тождественный по функции морфу *-от-* в *краснота*). Снятие требований автономно-фонологической транскрибируемости и сегментности фактически означает отказ приверженцев «динамических» моделей от традиционного понимания морфа, ориентированного на «пассивные грамматики» (имитирующие восприятие текста слушающим). Как компромисс между интересами «активной» и «пассивной» грамматик можно рассматривать различные «усредненные» решения, напр.: когда среди морфов одной морфемы постулируется один «исходный» («главный», «представляющий») морф, из которого по правилам **чередования** могут быть получены остальные морфы данной морфемы.

Литература

- Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Пер. с англ., М., 1959.
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Развитие современного русского языка. М., 1975.
- Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
- Толстая С.М. Морфонология. Морфемика. В кн.: Обзор работ по совр. русскому литературному языку за 1974—1977 гг. М., 1982.
- Readings in linguistics, ed. by M. Joos. Wash., 1957.
- Hockett Ch.F. Linguistic elements and their relations. «Language», 1961, v. 37, No 1.
- Hockett Ch.F. A course in modern linguistics. Toronto [1969].
- Harris Z.S. Structural linguistics. [Chicago, 1961].
- Mel'čuk I.A. Das Wort: zwischen Inhalt und Ausdruck. München, 1976.

Морфология⁴

Морфология (от греч. μορφή — форма и logos — слово, учение) — 1) система механизмов языка, обеспечивающая построение и понимание его **словоформ**; 2) раздел **грамматики**, изучающий закономерности функционирования и развития этой системы.

Объем понятия «морфология» трактуется в различных концепциях по-разному. Согласно одной из наиболее распространенных точек зрения, морфология изучает структуру значимых **единиц языка**, по протяженности не превышающих синтагматического слова (или словоформы). Максимальная единица морфологии — словоформа — является вместе с тем минимальной единицей **синтаксиса**.

Главное основание для выделения морфологии в качестве особого раздела грамматики — членимость словоформы на меньшие знаковые единицы, называемые **морфемами**, **морфами** или **монемами**: **означаемое** словоформы членился на меньшие означаемые, а ее **означающее** — на меньшие означающие. Морфология, таким образом, обеспечивает «поморфемное» соотношение компонентов внутренней (содержательной) стороны словоформы с компонентами ее внешней (звуковой) стороны, причем нацеленность морфологии на передачу значений именно служебными элементами (а не корнями) отличает морфологию от **лексикологии** (в центре внимания которой, напротив, значения корней и целых слов — ср. **Лексическое значение слова**).

⁴ Здесь использована статья: Т.В.Булыгина, С.А.Крылов. Морфология (ЛЭС).

Традиционное членение грамматики на морфологию (грамматику слова) и синтаксис (грамматику словосочетания, предложения), в целесообразности которого сомневались Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, З. С. Харрис, Ч. Ф. Хоккетт, не обладает абсолютной и универсальной значимостью. Важнее всего оно для языков с четкой структурной противопоставленностью слова и морфемы (с **синтетизмом**) и по мере нарастания **аналитизма** теряет свою ценность. Поэтому в описаниях языков с бедной морфологией (современные тайские, вьетнамский, йоруба, пиджин-инглиш) значимость морфологии практически сводится к нулю (если не считать сложения, трактуемого либо как словосложение, либо как морфемосложение) или почти к нулю. Кроме того, для ряда агглютинативных языков (японский, дравидийские, марийский) трудно отличить **аффиксы** от **служебных слов**: одни и те же единицы квалифицируются то как «неотделимые частицы», то как «подвижные» («мобильные») аффиксы. Линейная расстановка таких служебных морфем более адекватно описывается методами синтаксиса, чем традиционными методами морфологии.

Существует также расширительное понимание морфологии как «науки о формах» (в соответствии с внутренней формой и этимологией самого термина «морфология»). Понятие формы при этом охватывает любые (а не только внутрисловные) средства выражения, рассматриваемые в их формальном (внешнем) аспекте (Г. Пауль, Г. Суит, А. Нурен, В. Матезиус, отчасти О. Есперсен), распространяясь даже на служебные слова, **порядок слов**, **интонацию** (Ж. Вандриес, Хоккетт, Харрис). Ряд авторов считают возможным в этом случае говорить о «нефлективной» («аналитической», «внешней», «синтаксической») морфологии (В. М. Жирмунский, С. Д. Кацнельсон, М. И. Стеблин-Каменский). При таком понимании морфологии к ней относятся, в частности, так называемые аналитические формы, комплексы типа немецких глаголов с отделяемыми приставками или русских сочетаний *ни для кого*, *ни с чем*, *друг за другом*. Таким образом, в этом случае сфера морфологии расширяется за счет сужения области синтаксиса.

Различают общую морфологию и частные морфологии отдельных языков. В задачи общей морфологии обычно включается инвентаризация морфологических способов, применяемых в языках мира, и морфологических значений, ими выражаемых, а также типов формально-смысловых отношений между знаками. Явления асимметрии морфологического **знака**, а также функциональное расслоение знаков на корневые и служебные делают целесообразным самостоятельное изучение относительно авто-

номных односторонних компонентов формы («формативов», «субморфов») или значения («сем»).

Значения, выражаемые служебными элементами, делятся, во-первых, на семантические («номинативные») и синтаксические («реляционные») и, во-вторых, на словообразовательные (= «классификационные», «деривационные», «дериватемь») и словоизменительные («грамматические», «флективные», «граммемь»). Второе различие делит морфологию («морфологию в широком смысле») на две основные области — **словообразование** («лексическую морфологию») и **словоизменение** («парадигматику», «грамматическую морфологию»).

Иногда, однако, под собственно морфологией понимается только словоизменение (образование форм слова), т. е. способность **лексемы** выступать в различных грамматических формах, составляющих её **парадигму**. Как правило, у любой лексемы выделяется постоянная часть — набор флексий данной лексемы.

Изучение грамматических значений, их оппозиций, выявление первичных и вторичных функций граммем (Е. Курилович), закономерностей употребления граммем, нейтрализации, десемантизации, транспозиции, поиск инвариантных дифференциальных признаков и компонентный анализ граммем (см. **Компонентного анализа метод**) не могут быть адекватно осуществлены в рамках собственно морфологии и составляют предмет самостоятельной дисциплины — грамматической семантики. Нередко, однако, этот раздел грамматики включается в морфологию (В. В. Виноградов, В. А. Плотникова, В. Г. Гак), некоторые исследователи выделяют эту проблематику в особый раздел морфологии, называя его **функциональной морфологией** (А. В. Бондарко и др.).

Раздел морфологии, изучающий формальные закономерности построения лексем и словоформ из морфем, а также внутреннюю структуру морфем, рассматриваемых в плане выражения, иногда называют **морфемикой**.

Это в известном смысле центральный и наиболее бесспорный раздел морфологии. При «узкоформальном» подходе объем морфологии сводится к морфемике (у А. Мартине даже более узко — фактически к морфонологии). Раздел морфологии, изучающий структуру формативов, формальные закономерности их сочетаемости («тактики») и контекстно-обусловленное варьирование фонемной структуры их контекстных представителей («морфофонемику»), называют **морфонологией**.

Различные языки неодинаковы по технике сочетания и звукового варьирования формативов. Фузионные языки, имеющие богатые морфонологические механизмы (чередования, сандхи), как

правило, обладают и развитой морфологией (см. **Флективность**). Языки с агглютинацией обычно характеризуются более простой морфонологией и соответственно более бедной морфологией.

Историческая морфология (в частности, сравнительно-историческая) изучает изменения форм и значения отдельных морфем, историческое развитие структуры слова, перераспределение звукового материала и компонентов значения между морфемами (**опрошение, переразложение**), выравнивание по аналогии, возникновение новых и исчезновение (отмирание) старых грамматических категорий, изменение количества грамем и отношений между ними.

В исследовании морфологии применяются различные методы, например, методы **дистрибутивного анализа** и лингвистической **дешифровки** (Харрис), а также экспериментальные методы, широко использующие такие приёмы, как добавление, опущение, замещение («субституция», «коммутация») (Л. Блумфилд, Ч. Фриз, А. М. Пешковский, Лу Чживэй, Дж. Х. Гринберг и др.), анализ по непосредственным составляющим, трансформационный метод. Важное место в теоретической морфологии занимают поиски морфологических **универсалий** и фреквенталий (явлений, свойственных не всем, но многим языкам), а также тенденций функционирования и развития морфологической структуры слова, свойственных всем или многим языкам (Гринберг, Б. А. Успенский, Б. А. Серебrenников, С. Е. Яхонтов, И. Ш. Козинский). Разработка многоуровневых моделей языка (см. **Модель в языкознании**), устанавливающих правила поэтапного перехода от фонетической (или графической) субстанции к семантической и обратно через ряд промежуточных уровней представления, дает возможность сформулировать задачу частной (описательной) морфологии как эксплицитное установление соответствий между глубинно-морфологическим представлением словоформ (напр., «СТОЛ_{род.мн}») и их фонологической (или графической) репрезентацией (напр., «столов»). Метод постулирования условной (глубинной) морфологической транскрипции словоформ и формулировки правил перехода от этой исходной репрезентации (условного представления) к фонетической записи, восходящий к грамматике Панини, был развит в классических работах Блумфилда и Р. О. Якобсона, а затем усовершенствован в советских и зарубежных исследованиях по трансформационной грамматике.

Морфология как раздел описательной грамматики возникает одновременно с рождением **античной языковедческой традиции** — складываются противопоставления исходной формы слова (в античной языковедческой традиции — «субстанции») и его па-

радигмы («акциденций»), аналогии и аномалии; создается и надолго закрепляется традиционная номенклатура **частей речи** и **грамматических категорий**. В эпоху Возрождения начинает выработываться система понятий, относящихся к структуре слова («корень», «аффикс», «суффикс» в древнееврейской грамматике И. Рейхлина, 1506). Термин «морфологии», создание которого связывают с именем И. В. Гёте, употреблялся первоначально применительно к разделу биологии, изучающему «формы» живых организмов. В XIX в. он получает распространение и в лингвистике, находившейся тогда под сильным влиянием эволюционной биологии (ранее в этом значении употреблялся термин «этимология»). Возникновение **сравнительно-исторического языкознания** и научной **этимологии**, тщательная обработка огромного языкового материала у **младограмматиков** подготовили почву для теоретического осмысления основных понятий морфологии в **структурной лингвистике XX в.**

В отечественном языкознании большое внимание уделяется поискам объективных («формальных») критериев разграничения и классификации единиц морфологии: большую роль в этом сыграли работы Ф. Ф. Фортунатова и его учеников — Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушакова, М. Н. Петерсона, Г. О. Винокура, Пешковского, а также дискуссия между сторонниками «формальной грамматики» (последователями Фортунатова) и ее критиками (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов) о соотношении «формальных классов» слов и частей речи. Фортунатовские традиции изучения морфологии (учение о **грамматической форме**, о соотношении словоизменения и словообразования) во многом были продолжены и развиты в 40—50-х годах XX в. представителями «новомосковской школы» — В. Н. Сидоровым, П. С. Кузнецовым, А. А. Реформатским.

Существенный вклад внесли советские исследователи в решение проблемы синтагматической и парадигматической идентификации единиц морфологии — слова (А. И. Смирницкий, Кузнецов, Ю. С. Маслов, Яхонтов) и морфемы (Г. А. Климов, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова). Принципы морфологического анализа на материале «дефектно членимых» слов русского языка разрабатывались в работах Винокура и Смирницкого, позднее — М. В. Панова, применительно к материалу английского языка соответствующие вопросы рассматривались в **дескриптивной лингвистике**. В работах А. А. Зализняка «Русское именное словоизменение» (1967) и «Грамматический словарь русского языка» (1977), основанных на применении точных методов в описании русской морфологии, созданы системы правил, позволяющих построить полную парадигму любого слова русского языка.

Литература

- Дурново Н.Н. Грамматический словарь. М.—П., 1924.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, 3-е изд., М., 1986.
- Смирницкий А.И. Морфология англ. языка. М., 1959.
- Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь рус. языка. 2-е изд., М., 1980.
- Блумфилд Л. Язык. Пер. с англ., М., 1968.
- Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В. Морфология. В кн.: Общее языкознание. Т. 2. Внутр. структура языка. М., 1972.
- Соссюр Ф. де. Морфология. В кн.: Методологич. проблемы истории языкознания. М., 1974.
- Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
- Поливанова А.К. Исчисление правильных морфологических структур русского языка. В кн.: Семиотика и информатика. Вып. 6, М., 1975.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
- Касевич В.В. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978.
- Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Пер. с англ. М., 1978.
- Реформатский А.А. Морфология. В его кн.: Очерки по морфологии, фонологии и морфонологии. М., 1978.
- Бидер И.Г., Большаков И.А., Еськова Н.А. Формальная модель рус. морфологии. Вып. 1—2. М., 1978.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1972.
- Рус. грамматика. Т. 1—2. М., 1980.
- Nida E. Morphology. 2nd ed., Ann Arbor [1965].
- Matthews P.H. Inflectional morphology. Camb., 1972.
- Matthews P.H. Morphology. Camb., 1974.
- Morphologie und generative Grammatik. Fr./M., 1975.
- Universals of human language. Vol. 3. Word structure, ed. by J. Greenberg. Stanford, 1978.
- Bybee J.L. Morphology. A study of the relation between meaning and form. Amst.—Phil., 1985.
- Bibliography of Morphology. 1960—1985, Amst.—Phil., 1988.

Флективность⁵

Флективность — тенденция к словоизменительной аффиксации, свойственная многим синтетическим языкам и противополо-

⁵ Здесь использована статья: Т.В.Булыгина, С.А.Крылов. Флективность (ЛЭС).

гаемая (в рамках **синтетизма**) **агглютинации**. С точки зрения квантитативной типологии флективность (или степень флективности) — это отношение в отрезке текста числа **флексий** к числу словоупотреблений.

К флективным языкам относятся большинство афразийских, большинство индоевроп. языков (среди последних исключение составляют, напр., англ., франц., отчасти болг.). Флективность выявляется в следующих характерных чертах:

1) **кумуляция** — постоянное совмещение в одном словоизменительном аффиксе нескольких граммем, принадлежащих разным грамматическим категориям. Так, в русских падежных окончаниях существительных совмещены граммы падежа и числа, а в окончаниях прилагательных — падежа, числа и рода. Такая закрепленность аффикса за комплексом разнородных граммем называется также **синтетосемией** (Ю.С.Маслов), т. е. «сложнозначностью». С т. зр. квантитативной типологии показателем кумуляции может служить отношение числа граммем, выражаемых в достаточно большом отрезке текста на данном языке, к числу словоизменительных аффиксов, представленных в этом же отрезке; весьма велик такой показатель в санскрите, древнегреческом, латинском, старославянском, литовском языках.

2) **Омосемия** словоизменительных аффиксов, т. е. наличие ряда параллельных (равнозначных) аффиксов для передачи одного и того же грамматического значения или комплекса значений. Так, в русском языке значение 'тв. п. ед. ч.' у существительных выражается омосемичными флексиями *-ом (стол-ом)*, *-ой (стен-ой)*, *-ю (кровать-ю)*, находящимися в отношении дополнительной дистрибуции. Соответственно в рамках одной части речи выделяется несколько словоизменительных разрядов, каждый из которых характеризуется особым набором флексий (разрядов **склонения** и **спряжения**). Показателем омосемичности может служить отношение числа флексий к числу выражаемых ими грамматических форм — как в грамматической системе языка, так и в достаточно представительном отрезке текста на данном языке.

3) **Фузия**, т. е. взаимное наложение экспонентов контактирующих морфем (гл. обр. это пограничные модификации на границе основы и флексии — **сандхи**).

Показателем фузионности может служить отношение числа морфонологических чередований на стыках морфем к числу самих стыков (морфемных границ). С фузией связано явление **симультанности** — использование неавтоматических чередований (например, **аблаута**, **умлаута**) в качестве дополнительно-

го, основного или даже единственного показателя грамматических значений, ср. нем. *Dorf* 'деревня' — ('мн.ч.') *Dörfer* 'деревни', *Bruder* 'брат' — *Brüder* 'братья' и т. п.

4) Возможность использования нулевых аффиксов, или нулевых флексий, не только в семантически исходных, «назывных» формах, но также и в формах семантически вторичных, «косвенных» (напр., в род. п. мн. ч. типа *рук*, *сапог*).

5) Частая несамостоятельность основы, т. е. невозможность ее употребления в качестве отдельной словоформы. Эта особенность связана с тем, что в некоторых морфологических разрядах нулевые аффиксы отсутствуют: сравни глагольные основы *виде-*, *тепе-*, *зва-* и т. п., материально не совпадающие ни с одной из реальных словоформ соответствующих лексем.

Граница между флективностью и агглютинацией не абсолютна: нередко в одном языке сочетаются флективные черты с агглютинативными; в ходе исторического развития агглютинативный строй может смениться флективным (такая эволюция, согласно сравнительно-историческим данным, имела место при переходе от раннеиндоевропейского к позднеиндоевропейскому), а флективность, в свою очередь, может постепенно уступить место аналитизму, как это документально засвидетельствовано в истории английского, французского и некоторых других современных индоевропейских языков.

Литература

- Кузнецов П.С. Морфологическая классификация языков. М., 1954.
Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965.
Типология грамматических категорий. М., 1975.
Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Перевод с англ. М., 1978.
Matthews P.H. Inflectional morphology. Camb., 1972.

Флексия⁶

Флексия (от лат. *flexio* — сгибание) — многозначный термин, связанный с описанием формально-грамматического строения и функционирования слов в языках, обладающих типологическим свойством флективности (для обозначения этого свойства часто

⁶ Здесь использована статья: Т.В.Булыгина, С.А.Крылов. Флексия (ЛЭС).

используется и сам термин «флексия»). Созданный Ф. фон Шлегелем (1808), термин «флексия» вначале применялся им к явлениям грамматического чередования (напр., **аблаута**), а позже был вытеснен в этом употреблении термином «**внутренняя флексия**», захватившим также чередования огласовок корня в семитских языках. Понятие внутренней флексии возникло как антипод понятия внешней флексии — автономного формального компонента морфемной структуры слова (или **словоформы**). Согласно этому наиболее распространенному пониманию, флексия — это словоизменятельный **аффикс**, формант, форматив, т. е. часть словоформы, выражающая 1) грамматическое значение (грамматические категории) и/или 2) реляционное значение, т. е. синтаксическое отношение данного слова к другим словам в предложении или к предложению в целом. В этом значении употребляется также термин «**окончание**».

Как показатель грамматического значения флексия противоположна **основе**; считается, что в индоевропейских языках, имеющих морфологическое формообразование, всякая словоформа изменяемого слова делится на основу и флексию. При этом флексия может быть морфематически неэлементарной (напр., в польск. *czyta-łem/czyta-łam* 'я читал/я читала' флексии *-łem/-łam* разлагаются на три формата: показатель прош. вр. *-t-*, показатели соответственно мужского и женского рода *-e/-a-*, личное окончание глагола *-m*) или материально «пустой», т. е. невыраженной, — это бывает в случае материального совпадения словоформы с основой, вследствие чего говорят о нулевой флексии, напр., *стол-∅* (нулевая флексия)/*стол-a* (флексия *-a*). Набор флексий, представленных в словоизменятельной **парадигме** лексемы, служит основанием для отнесения данной лексемы к определенному словоизменятельному подклассу, т. е. «типу **склонения**» или «типу **спряжения**».

Как реляционный формант флексия (или окончание) противоплагается деривационному форманту — **суффиксу**, не способному выражать синтаксических отношений и обычно предшествующему флексии в структуре словоформы (напр., *молод-еньк-их*, где *-их* — флексии, *-еньк-* — суффикс); так, показатели согласовательных категорий глагола и прилагательного, падежное окончание существительного считается флексией, а показатели инфинитива, сравнительной степени — суффиксами. При этом неясным остается статус некоторых формантов, способных присоединяться к флексии (ср. *одева-ем-ся*, *ид-и-ка*).

Флексия, как правило, имеет тенденцию образовывать фузионный стык (см. **Фузия**) с предшествующей частью слова; ей при-

суша синтетосемия (Ю. С. Маслов), т. е. совмещение (ку-му-ля-ци-я) в одной морфеме нескольких **граммем**, напр., флексия *-ую* в *молодую* выражает одновременно грамматические значения падежа, рода и числа. Исторически флексия может восходить к служебным словам, местоимениям (ср. **Агглютинации теория**); так, в польск. *chodzilismy* 'мы ходили' флексия *-li-smy* отражает происшедшее в прошлом слияние славянской причастной формы на *-l(i)* и вспомогательного глагола 'быть' *-jes-my* (1 л. мн. ч. наст. вр.).

Термин «флексия» имеет и более широкое значение, употребляясь как синоним термина «**словоизменение**». При этом в пределах флексия иногда различают формообразование (изменение слов по таким синтаксически независимым категориям, как число у существительного, вид и время у глагола) и собственно флексию (изменение по синтаксическим категориям — роду, числу, падежу у прилагательного, лицу, числу, роду у глагола и т. д.). Если в языке словоизменение сопряжено с образованием особых основ, то последнее охватывается термином «**формообразование**», а термин «флексия» означает собственно присоединение к таким основам окончаний.

Литература

- Морфологическая структура слова в индоевроп. языках. М., 1970.
Базелл Ч. Е. Лингвистическая типология. Пер. с англ. в кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975.
Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. Пер. с нем. М., 1980.
Schlegel F. Über die Sprache und Weisheit der Indier, Heidelberg, 1808.
Jespersen O. Language, its nature, development and origin. L.-N.Y., 1922.
Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

Склонение ⁷

Склонение — 1) именное **словоизменение**. В этом смысле склонение противопоставляется **спряжению**, т. е. глагольному словоизменению.

Правила склонения составляют необходимый компонент морфологического раздела грамматики **флективных (фузионных)**

⁷ Здесь использована статья: Т. В. Булыгина, С. А. Крылов. Склонение (ЛЭС).

и **агглютинативных языков**. Формы склонения образуют словоизменительную парадигму имени, выступая как словоформы одной лексемы; напр., парадигма существительного *стол* включает словоформы *стол — стола — столу — стол — столом — столе, столы — столов — столам — столы — столами — столах*.

2) В более узком смысле — изменение так называемых склоняемых слов по **падежу**. Во многих языках к склоняемым словам относятся существительные, прилагательные, числительные, местоимения, артикли; в ряде языков по падежам склоняются также именные формы глагола — причастие (в русском и некоторых других языках), масдар (в грузинском, арабском языках), инфинитив (например, в тюркских языках). При таком понимании о склонении можно говорить лишь применительно к совокупности форм, противопоставленных исключительно по падежу, а не ко всей парадигме имени. Например, парадигма склонения слова *стол* в единственном числе состоит из форм *стол — стола — столу — стол — столом — столе*, а парадигма этого же слова во множественном числе — из форм *столы — столов — столы — столы — столами — столах*.

Таким образом, у русских существительных правила склонения относятся не к целостной лексеме, а к составляющим ее номинатамам (совокупности словоформ, имеющих одно и то же номинативное значение), например, к номинатамам *стол* и *столы*, различающимся по числу. Соответственно принято считать, что существительное склоняется по падежам, но изменяется по числам. Согласуемые слова — прилагательные, числительные, артикли, причастия — склоняются по падежам, но изменяются также по согласовательным категориям — по числу, роду, одушевленности и др.

На практике два эти понимания склонения обычно четко не разграничиваются. С одной стороны, принято говорить об отсутствии склонения в языках, в которых нет падежного словоизменения; например, говорят об утрате форм склонения существительных и прилагательных в современном французском языке, хотя французские существительные изменяются по числу, а прилагательные — по числу и роду. С другой стороны, к парадигме склонения одного слова обычно относят все его словоизменительные (а не только падежные) формы.

Применительно к флективным языкам широкое понимание термина «склонение» имеет некоторые объективные основания: склонение в этих языках сопровождается кумуляцией, или синтетосемией («сложнозначностью» флексий); так, падеж существительного выражается совместно с числом (напри-

мер, в русском языке флексия *-ом* выражает значение единственного числа творительного падежа), а падеж согласуемых слов — совместно с числом, родом и неодушевленностью (так, флексия *-ый* выражает значения: мужской род, неодушевленность, единственное число, винительный падеж).

Характерной особенностью склонения во флективных языках является **омонимия** флексий; так, рус. *-а* может означать: родительный падеж единственного числа (*стол-а*); именительный падеж единственного числа (*стен-а*); именительный падеж множественного числа (*дом-а*). В ряде случаев это приводит к морфологической неоднозначности всей словоформы; так, окончание *-ой* (*большой*) может скрывать за собой значения: муж. род, ед. ч., им. п.; жен. род, ед. ч., род. п.; жен. род, ед. ч. дат. п.; жен. род, ед. ч., тв. п.; жен. род, ед. ч., предл. п.; муж. род, неодушевленность, ед. ч., вин. п. С другой стороны, флективное склонение характеризуется нестандартностью выражения грамматических значений: так, в русском языке значение тв.п. ед.ч. может быть выражено флексиями *-ом* (*слон-ом*), *-ым* (*часов-ым*), *-ью* (*лошад-ью*).

В агглютинативных языках парадигма склонения более регулярна и единообразна. Агглютинативное склонение характеризуется гапloseмией («простозначностью») морфологических показателей: так, падеж и число выражаются отдельными аффиксами. Напр., в турецком *dal-larda* 'на ветках' постфикс *-lar* выражает значение мн.ч., а постфикс *-da* — значение местного падежа.

В ряде языков с помощью склонения выражается также **определённости — неопределённости категория**; так, в тюркских языках в позиции дополнения противопоставлены аккузативная форма, выражающая определённость, и абсолютная форма, выражающая неопределённость: ср. татарское *китаны алдым* 'взял (эту) книгу' и *китан алдым* 'взял (какую-то) книгу'. В мордовских языках парадигма определённого склонения противопоставлена парадигме неопределённого склонения: ср. эрзян. *кудо* '(какой-то) дом' ~ *кудось* '(этот) дом', *кудос* 'в (какой-то) дом' ~ *кудонтень* 'в (этот) дом' и т. п. Два ряда парадигм — для краткой («неопределённой») и полной («определённой») форм прилагательного — характеризуют адъективное склонение в литовском языке.

В некоторых языках (уральских, афразийских, меланезийских) с помощью именного словоизменения выражается лицо и число обладателя; в таких случаях иногда говорят о притяжательном, или посессивном, склонении.

3) Тип склонения, или словоизменительный тип, к которому относится данное имя. Склонение в этом смысле характеризует

грамматический класс имен, объединенных общими правилами образования словоформ.

Во флективных языках система склонения характеризуется разнообразием даже в пределах одной части речи. К одному типу склонения относятся имена, парадигмы которых эквивалентны, т. е. имеют одинаковое внутреннее строение, одинаковый набор флексий, сходные наборы основ, одинаковую акцентуацию.

В исключительных случаях парадигма склонения является дефектной: так, в русском языке у слова *себя* нет формы именительного падежа, а у слова *некто* нет косвенных падежей; у слов *девчата*, *новобранцы* нет форм единственного числа, а у слов *огонь*, *пламень*, *попымя* нет форм множественного числа; у слов *щец*, *дровец* есть только родительный падеж множественного числа, а у слов *казна*, *мзда*, *мгла* именно такая форма отсутствует.

При гетероклизии, так называемом смешанном склонении, часть флексий некоторой парадигмы принадлежит к одному типу склонения, а часть — к другому. Напр., слова *дом*, *глаз*, *лес* и т. п., относящиеся к «мужскому» склонению, имеют флексию им.п. мн.ч. *-а*, характерную для «среднего» склонения, а слова *яблоко*, *личико*, *плечо* и т. п., относящиеся к «среднему» склонению, имеют флексию им.п. мн.ч. *-ы(-и)*, характерную для «мужского» склонения. Подобное смешение разных склонений весьма характерно для языков с богатой морфологической системой. Особенно сложно склонение местоимений и числительных — они склоняются нерегулярно даже в агглютинативных языках.

Как правило, формы склонения одного имени образуются от одной основы, однако в исключительных случаях (а именно при супплетивизме в широком смысле слова) единство основы оказывается нарушенным.

Здесь различаются два основных случая — так называемое чисто супплетивное склонение, при котором словоформы образуются от разных корней (*человек* — *люди*, *ребенок* — *дети*), и частично супплетивное склонение, при котором формы образуются от однокоренных основ, отличающихся наличием или отсутствием некоторого «основообразующего» суффикса или нерегулярным чередованием (ср. *Христ-ос* — *Христ-а*, *время* — *времен-и*, *дочь* — *дочер-и*, *полдень* — *полудня* и т. п.). Иногда при гетероклитическом склонении формы единственного числа и формы множественного числа образуются соответственно от двух так называемых парциальных основ: *стул* — *стулья*, *друг* — *друзья*, *ухо* — *уши*, *колени* — *колени*, *черт* — *черти*, *сосед* — *соседи*; таким образом, можно говорить о том, что номинатемы разных чисел самостоятельно изменяются по падежам. Финальные элемен-

ты парциальных основ функционируют как агглютинативный аффикс, избыточно выражающие либо единственное число (ср. *татар-ин* — *татар-ы*, *крестьян-ин* — *крестьян-е*, *цвет-ок* — *цвет-ы*, *куриц-а* — *кур-ы*), либо множественное число (ср. *чуд-о* — *чуд-ес-а*, *дерев-о* — *дерев-ь-я*, *сын* — *сыновь-я*), либо то и другое (ср. *хозя-ин* — *хозя-ев-а*, *волч-онок* — *волч-ат-а*, *чертен-ок* — *чертен-ят-а*).

В зависимости от морфонологических характеристик конечно-го элемента основы выделяется несколько морфонологических типов склонения, различающихся набором флексий и закономерностями их морфонологической дистрибуции. Так, в русском языке говорят о «твердой» и «мягкой» разновидностях склонения. Классификация типов склонения в соответствии с финалями основ широко распространена в индоевропеистике: различаются склонение основ на смычный, основ на носовой и на плавный (*i*-склонение, *u*-склонение, *o*-склонение, *ī*-склонение, *ū*-склонение, *ā*-склонение и т. п.).

В ходе исторического развития индоевропейских языков система склонения претерпела значительное упрощение, изменившись в сторону большей или меньшей унификации. В некоторых языках склонение полностью утрачено, причем нарушение системы быстрее идет в существительных и прилагательных, нежели в местоимениях. Например, в современном французском языке существительные не склоняются (т. е. не изменяются по падежам), а местоимения сохранили две падежные формы — прямую и косвенную, ср. франц. *je* и *me*.

Исчезновение склонения отражает развитие в языке **анализма**, т. е. выражения падежных значений с помощью служебных слов (предлогов, артиклей). Некоторые ученые обозначают это явление не вполне точным термином «предложное склонение».

Литература

- Обнорский С.П. Именное склонение в совр. рус. языке. Вып. 1. Л., 1927.
 Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевроп. языков. Пер. с франц. М.—Л., 1938.
 Кузнецов П.С. Ист. грамматика рус. языка. Морфология. [М.], 1953.
 Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
 Зализняк А.А. Грамматический словарь рус. языка. М., 1977.
 Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
 Дурново Н.Н. Склонение в совр. великорус. языке. Пер. с франц. ВЯ, 1971, № 4.
 Виноградов В.В. Рус. язык (Грамматич. учение о слове). 2-е изд. М., 1972, с. 46—271.

- Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.
- Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Лешка О., Стракова В. Формы именного словоизменения. В кн.: Рус. грамматика. Т. 1. Прага, 1979, с. 447—521.
- Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. Пер. с нем. М., 1980, с.167—244.
- Якобсон Р. Морфологические наблюдения над слав. склонением, В его кн.: Избр. работы. М., 1985.
- Karcevski S. Sur la structure du substantif russe. В кн.: Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario... oblata. Prague, 1932.
- Isačenko A. V. Die russische Sprache der Gegenwart. Т. 1 — Formenlehre. Halle, 1962.
- Stankiewicz E. Declension and gradation of Russian substantives in contemporary standard Russian. The Hague, 1968.

Категория⁸

Категория (от греч. *катηγορία*) языковая — в широком смысле — любая группа языковых элементов, выделяемая на основании к.-л. общего свойства; в строгом смысле — некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных **языковых единиц** на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака (напр., «категория падежа», «категория одушевленности/неодушевленности», «категория вида», «категория глухости/звонкости»). Нередко, однако, термином «категория» называется одно из значений упомянутого признака (параметра), например, «категория винительного падежа», «категория неодушевленности», «категория совершенного вида», «категория глухости», «категория состояния».

В зависимости от состава категоризируемого множества, характера категоризирующего признака и отношения данного признака к классам разбиения выделяются различные категории.

Категоризируемое множество может состоять из односторонних единиц — **фонем**, и в этом случае выделяют «фонологические категории», например, «категорию глухости/звонкости», «категорию смычных согласных» и т. п. Классификация здесь производится по некоторому фонетическому дифференциальному признаку.

Категоризируемое множество может состоять из двусторонних единиц — обычно слов, словосочетаний или предложений, и в этом случае речь идет о грамматических, синтаксических, лекси-

⁸ Здесь использована статья: Т.В.Булыгина, С.А.Крылов. Категория (ЛЭС).

ко-семантических, словообразовательных и других категориях. Здесь классификация производится по некоторому синтаксическому или семантическому признаку.

Категоризирующий признак может быть собственно семантическим, синтаксическим или общекатегориальным (прилагательное «категориальный» или «общекатегориальный» часто понимается как «относящийся к частям речи»).

С точки зрения отношения к классам разбиения категориальные признаки делятся на модифицирующие (дифференциальные, флексивные) и классифицирующие (интегральные, селективные). Признак является модифицирующим для некоторого элемента, если ему соответствует элемент другого класса разбиения, отличающийся от первого элемента только значением данного признака (такое соответствие называется **оппозицией**). Если такого соответствия нет, то признак является классифицирующим для данного элемента. Элементы, различающиеся только значениями модифицирующего признака, являются разновидностями более общей единицы, которая изменяется по данному признаку (принимает разные значения признаков). Напротив, определенное значение классифицирующего признака является фиксированным, постоянным для данной единицы.

Если для большинства элементов категоризируемого множества признак является модифицирующим, то и категория в целом называется модифицирующей, напр. словоизменительные («флективные») категории (число и падеж существительного; род, число, падеж прилагательного; род, число, лицо, время, наклонение глагола). Если категориальный признак является для значительного числа элементов классифицирующим, то и категория в целом называется классифицирующей, например так называемые лексико-грамматические разряды (части речи, род и одушевленность существительного, именные классы, переходность/непереходность глагола и т. п.). Отнесение категории к тому или иному типу зависит от первоначальной классификации языковых единиц, а также от того, что считается «правилом» для данного класса, а что «исключением»; например, можно либо считать, что для некоторых классов глаголов в рус. яз. категория вида является модифицирующей (словоизменительной), а для других классов глаголов — классифицирующей (словообразовательной), либо принимать одно из двух возможных решений по отношению к классу глагольных лексем в целом (в русистике представлены все три решения).

Понятие «категория» восходит к Аристотелю (см. **Античная языковедческая традиция**), выделявшему, в частности, 10 категорий: сущность, количество, качество, отношение, место, время,

положение, состояние, действие и претерпевание (выделение этих категорий во многом повлияло на дальнейшую инвентаризацию частей речи, членов предложения, сказуемых и предикатов).

Под **понятийной категорией** обычно понимается замкнутая система значений некоторого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения («скрытому» или «явному», см. **Скрытые категории**); в конкретном языке, напр. говорят о понятийной К. «активности/неактивности», «отчуждаемости/неотчуждаемости», «цели», «места», «причины» и т. д.

В лексикологии выделяют «лексико-семантические категории», имея в виду классы типа: «названия живых существ», «названия профессий», «названия государств» и т. п.

Если категоризирующая **сема** получает формальное словообразовательное выражение, то категория называется словообразовательной, например 'имена деятеля' (*учи-тель, воз-чик, бег-ун*), 'уменьшительные имена' (*дом-ик, дым-ок, блин-чик*).

Изучая парадигматические отношения в синтаксисе, многие исследователи используют понятия «категории предложения» или «коммуникативно-грамматические категории», подразумевая дифференциальные семантические признаки предложения (типа «целеустановка высказывания», 'утверждение/отрицание', 'синтаксическая модальность') или, реже, отдельные значения этих признаков («категория отрицания» и др.). Некоторые исследователи (напр., Н. Ю. Шведова) говорят при этом о «фразеоизменяемых категориях». В синтаксической семантике употребляется термин «семантико-синтаксические категории» применительно к реляционным значениям (семантическим ролям) типа 'агентивность', 'орудийность' и пр. Рассматривая формальную организацию предложения, ряд синтаксистов выделяют «структурно-синтаксические категории», т. е. разнообразные типы синтаксических отношений: подчинение, сочинение, предикация, атрибут, актанта и пр. Синтаксические категории «частеречного» характера используются в некоторых типах формальных грамматик, в порождающей грамматике, где категория понимается как класс синтагм, играющих одну и ту же синтаксическую роль в составе более сложных синтагм.

Один из важнейших и наиболее изученных типов языковых категорий — **грамматические категории**, к характерным чертам которых относятся модифицирующий тип категоризирующего признака, его причастность к синтаксису, «обязательность» выбора одного из его значений для (слово)форм из категоризируемой совокупности и наличия регулярного способа его выражения.

Наличие всей совокупности этих свойств обычно является основанием для безоговорочного признания грамматического характера категории, хотя каждое из них в отдельности не является ни необходимым, ни достаточным признаком грамматической категории. Грамматическая категория выступает как замкнутая система взаимоисключающих грамматических значений, задающая разбиение обширной совокупности словоформ на непересекающиеся классы. Например, грамматические значения 'единственное число' и 'множественное число' в совокупности образуют грамматическую категорию числа. По характеру грамматических значений выделяются номинативные («семантические», «референциальные») категории, непосредственно участвующие в отражении внеязыковой действительности, и синтаксические («реляционные») категории, отражающие лишь способность словоформ вступать в те или иные синтаксические отношения в предложении. По характеру категориального признака грамматические категории подразделяются на классифицирующие («лексико-грамматические», «словообразовательные»), характеризующие целую лексему и постоянные для неё, и словоизменяемые («собственно грамматические»), по которым лексема может изменяться.

Литература

- Есперсен О. Философия грамматики. Пер. с англ. М., 1958.
Смирницкий А.И. Морфология англ. языка. М., 1959.
Зализняк А.А. Рус. именное словоизменение. М., 1967.
Блумфилд Л. Язык. пер. с англ. М., 1968.
Хомский Н. Категории и отношения в синтаксической теории // Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Пер. с англ. М., 1972.
Виноградов В.В. Рус. язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.
Гладкий А.В. Категориальные грамматики // Гладкий А.В. Формальные грамматики и языки. М., 1973.
Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с франц. М., 1974.
Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Пер. с англ. М., 1978.
Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Булыгина Т.В. Аспекты семантических исследований. М., 1980.
Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса, 2-е изд. М., 1981.
Гак В.Г. Теоретическая грамматика франц. языка. Т. 1. Морфология; т. 2. Синтаксис. 2-е изд. М., 1986.

Падеж⁹

Падеж — грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, а также всякая отдельная **граммема** этой категории (конкретный падеж).

Падеж существительного обычно отражает его способность выступать в качестве подчиненного члена отношения **управления**. Синтаксическая зависимость от управляющего слова, как правило, указывает на функционирование существительного в роли **актанта**, заполняющего валентность того или иного предиката. Основная семантическая функция субстантивного падежа состоит в выражении смыслового отношения предмета, обозначаемого данным существительным, к предметам или явлениям, выражаемым управляющим словом. Иногда (напр., в «падежной грамматике» Ч. Филмора) термином «падеж» обозначают соответствующие смысловые отношения — так называемые семантические роли аргументов. Это особое, семантическое, понимание термина «падеж», рассматривающее падеж безотносительно к способу выражения, противопоставляется традиционному, «формальному» пониманию, ориентирующемуся при выделении падежей на определённые внешние различия, соответствующие смысловым (или синтаксическим) различиям хотя бы в части рассматриваемых случаев. Традиционное понимание требует, кроме того, чтобы внешние различия между падежами выражались морфологическими средствами, в пределах самих **словоформ**. При таком «узкоформальном» понимании, по определению А. А. Зализняка, в качестве падежных форм допускаются только цельные словоформы и два падежа признаются различными лишь в том случае, если хотя бы у части склоняемых слов им соответствуют внешне различные словоформы. Таким образом, падеж в традиционном понимании представляет собой словоизменительную категорию; наличие в языке категории падежа свидетельствует о синтетизме. Однако ряд лингвистов (напр., С. Е. Яхонтов) считают возможным говорить о так называемых аналитических падежах; в этом случае падежными формами могут считаться сочетания существительных с **предлогами**, **послелогами** или даже существительные в определенной синтаксической позиции (в языках с твердым порядком слов).

Иногда термин «аналитический падеж» употребляется для обозначения случаев, когда падеж выражается не в пределах са-

⁹ Здесь использована статья: Т. В. Булыгина, С. А. Крылов. Падеж (ЛЭС).

мого существительного, но в пределах словоформы согласуемого с ним слова: ср. немецкое *dem* *Lehrer* 'учителю' (определённому), *ein-em* *Lehrer* 'учителю' (неопределённому), *mein-er* *Mutter* 'моей матери' (род. п.), рус. *тепл-ого* *пальто* и т. п.

«Флективный» падеж, т. е. падеж в наиболее строгом, узкоформальном понимании, выражается в языках мира, как правило, сегментными аффиксами — суффиксами или окончаниями. Известны, однако, примеры выражения П. значащими чередованиями, или апофониями (в современном ирландском языке), меной тонов (например, в языке кипсигис, Кения).

В агглютинативных языках падеж выражается автономно, с помощью специальных аффиксов, а во флективных языках — кумулятивно (слитно с граммемами числа), при помощи флексий.

Конкретный падеж представляет собой специфическое для данного языка соответствие между набором синтаксических (или семантических) функций существительного и набором морфологических показателей. Однако если два падежа двух разных языков достаточно сходны по набору основных функций, то они обычно получают одно и то же название.

Внутренняя форма термина «падеж» (калька с греч. *ptosis* и лат. *casus* — падение), так же как и терминов «склонение», «флексия» («сгибание»), отражает представление о словоизменении как о иерархической системе форм; одна из форм — назывной падеж — мыслится как главный, «исходный», «прямой» падеж, а остальные — как отклонения от него. Назывной падеж, выполняющий функцию называния предмета вне контекста (остенсивного определения), выступает как показатель синтаксической независимости слова в составе заглавий, вывесок и т. п. В языках номинативного строя назывную функцию выполняет номинатив (именительный падеж), в языках эргативного строя — абсолютив; в отличие от назывного, прямого, падежа, остальные падежи парадигмы квалифицируются как косвенные. В другой терминологии, однако, прямыми падежами считаются стандартные способы кодирования агенса и пациенса (т. е. именительный и винительный падежи), остальные падежи в этом случае считаются косвенными.

Богатая и разветвленная номенклатура падежей, применяемая в современных грамматических описаниях, базируется на основных семантических и синтаксических функциях этих падежей. Каждой функции соответствует некоторый падеж, выступающий в качестве стандартного способа выражения (т. е. «основного», «типового», «прямого» показателя) данной функции. Так, в эргативных языках единственный актант непереходного

глагола передается так же, как пациенс переходного глагола, — абсолютивом (= абсолютивным номинативом), а агенс переходного глагола — эргативом. В языках номинативного строя единственный актант непереходного глагола стандартно выражается так же, как агенс переходного глагола, — субъективом (= субъектным номинативом, падежом подлежащего); пациенс переходного глагола — аккузативом (падежом прямого дополнения).

Падеж, выражающий приименное субстантивное определение в составе именной группы, называется генитивом. Существуют стандартные способы падежного выражения различных пространственных значений, ролей бенефицианта, сопровождаителя, инструмента и др.

Роль бенефицианта, или реципиента, получателя, т. е. лица, получающего что-либо в результате действия, осуществляемого агенсом, выполняется дативом (дательным падежом): ср. *Отдай своё имущество бедняку*: обычно тот же падеж выражает роль адресата, получателя информации. Роль экспериенцера — лица, воспринимающего что-либо или испытывающего какое-либо чувство, выражает аффектив, или аффективный падеж (например, в некоторых андийских языках; ср. годоберинское *дира биъида, гъаъа, алъа* 'я знаю, увидел, услышал'). В ряде языков экспериенцер стандартно передается дативом (например, в грузинском языке) или номинативом (ср. *Я вас любил*).

Роль орудия, инструмента, используемого агенсом для воздействия на другой предмет, выражается инструменталисом, или творительным падежом: ср. *Что написано пером, того не вырубишь топором*: инструменталис нередко выражает также роли агенса в пассивных конструкциях (ср. *человек, обуреваемый страстями*) и имущества в «наделительных» конструкциях (с глаголами *снабжать, награждать, кормить* и т. п.; ср. *Накормить детей кашей*). Роль сопровождаителя, т. е. лица, выполняющего какое-либо действие совместно с агенсом, выражается комитативом, или социативом (напр., в финском, баскском и др.; ср. финск. *Naapu-rimme tuli vaimo-inensa jalaps-inensa* 'Наш сосед пришел с женой и детьми/или: с женой и ребенком'); в ряде языков функцию комитатива берет на себя инструменталис (ср. ведийск. *devo devebhira gamat* 'Пусть бог придет с богами').

Пространственные значения, выражаемые падежами, организованы в систему по двум основным параметрам — двигательному и ориентирующему. Среди ориентирующих выделяются значения внутреннего /внешнего расположения, верха/низа, вертикальности /наклонности, передней/задней стороны, близости/дальности

и др. Среди двигательных значений выделяются направленность (в том числе приближение и удаление)/ненаправленность, контактность/неконтактность и ограниченность/неограниченность движения. Так, например, в некоторых диалектах литовского языка употребляются четыре разновидности местного падежа: инессив (нахождение в каком-либо месте: *miške* 'в лесу'), иллатив (вхождение куда-либо: *miškan* 'в лес'), адессив (пребывание возле чего-либо: *miškiep* 'у леса') и аллатив (направление куда-либо: *miškop* 'к лесу'). Значение удаления от внешней стороны/изнутри чего-либо выражается в ряде языков при помощи аблатива и элатива. Транслатив выражает значение изменения расположения, перемещения, а также изменения качества или состояния («Он стал царем» в противоположность эссиву «Он был царем»).

Стандартный способ выражения парциального значения, т. е. значения части по отношению к целому, — партитив, или частичный падеж. В русском языке партитив является морфологически несамостоятельным падежом (по терминологии Зализняка), омонимичным либо родительному (*купи чернил*), либо дательному падежу (*купи сыру, чаю...*).

Роль обращения, т. е. обозначения предполагаемого адресата речевого акта, выражается вокативом, или звательным падежом. Прагматическая нагрузка вокатива способствует его семантической и синтаксической изолированности от остальных членов падежной системы. В русской разговорной речи вокативную функцию выполняют вокативные формы типа *мам!*, *пан!*, *Вань!* и т. п.

В концепции Р. О. Якобсона стандартные способы кодирования агенса, пациенса и приименного атрибута (для рус. яз. соответственно им., вин. и род. падежи) квалифицируются как «полные» падежи, сигнализирующие о центральной, магистральной позиции существительного в семантико-синтаксической перспективе высказывания. Им противопоставляются «периферийные» падежи (дат., тв., предложный), сигнализирующие о периферийности положения имени относительно основного содержания высказывания. Различение полных и периферийных падежей соответствует различению синтаксических («грамматических», «абстрактных») и семантических («смысловых», «конкретных») падежей в концепции Е. Куриловича, усматривающего первичную функцию синтаксических падежей в выражении дополнения (управляемого члена), а первичную функцию семантических падежей — в выражении обстоятельства («наречного» члена). Граница между синтаксическими и семантическими функциями падежа не является ни резкой, ни абсолютной; говоря о тех и других, обычно

имеют в виду преобладание тех или иных свойств, а также тенденцию данного падежа оформлять «сильноуправляемые» или «слабоуправляемые» члены предложения (А. М. Пешковский, Ю. Д. Апресян).

Трактовка актантных функций падежа как синтаксических (а обстоятельственных — как семантических) относится лишь к актантным падежам, находящимся в синтаксическом контрасте. Если же актантные падежи занимают тождество, позицию (напр., вин. и род. падежи в позиции прямого дополнения), они могут становиться членами семантической оппозиции: ср. смысловое различие между «предметным» (количественно определенным) и «вещественным» (неопределенным) представлением объекта в парах типа *принес конфеты* — *принес конфет*.

Падеж согласуемых слов (например, прилагательных, числительных, причастий) представляет собой согласовательную грамматическую категорию — согласовательный падеж в противоположность реktionному (связанному с управлением) падежу существительных: изменение по падежу для согласуемых слов, обычно выполняющих роль атрибута по отношению к некоторому существительному, — результат согласования с главенствующим существительным, стоящим в том или ином реktionном падеже.

Абсолютной границы между реktionным и согласовательным падежом нет, так как падеж существительного может быть согласовательным (например, в позиции приложения: ср. *у Иванушки-дурачка*), а падеж прилагательного — реktionным (напр., в позиции сказуемого: ср. *Если хочешь быть красивым, поступи в гусары*).

В древнегрузинском языке существительное в функции именной атрибута оформляется генитивом (реktionным падежом), но в то же время принимает и падеж главенствующего существительного (согласовательный пад.); ср.: *saxel-man tam-isa-man* 'имя отца', где *isa* — показатель генитива, а *man* — эргатива; *saxel-ita tam-isa-jta* 'именем отца', где *-ital-jta* — показатель инструменталиса и т. п. Некоторую аналогию представляют русские притяжательные прилагательные типа *отц-ов* (*отц-ов-а*, *отц-ов-у...*), *мам-ин* (*мам-ин-ого*, *мам-ин-ому...*), где притяжат. суффиксы *-ов-*, *-ин-* аналогичны показателям реktionного генитива, а флексии *-Ø*, *-а*, *-у*, *-ого*, *-ому* — показателям согласовательного падежа (ср. также русское просторечное *ихний*, *ихнего...*).

Количество согласовательных падежей может не совпадать с количеством реktionных. Так, в ряде дагестанских языков прилагательные и числительные имеют всего два согласовательных падежа — прямой и косвенный. Атрибут ставится в прямой па-

деже, если определяемое стоит в абсолютиве; в противном случае (т. е. если определяемое стоит в одном из многочисленных косвенных падежей) атрибут ставится в косвенном падеже. Обратная ситуация имеет место в том случае, когда существительное имеет «вырожденную» парадигму склонения с омонимичными формами падежа, а падеж атрибута приобретает дифференцирующую функцию: ср. *черн-ый кофе*, *черн-ого кофе*... и т. п.

Литература

- Успенский В. А. К определению падежа по А. Н. Колмогорову // Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода. 1957, № 5.
- Есперсен О. Философия грамматики. Пер. с англ. М., 1958.
- Булыгина Т. В. Некоторые вопросы классификации частных падежных значений // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961.
- Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений // Язык и человек. М., 1970.
- Кибрик А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Изв. АН СССР, сер. ЛиЯ, 1980, т. 39, № 4.
- «День Артура Озола»: категория падежа в структуре и системе языка. Рига, 1971.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Гладкий А. В. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. I // Там же.
- Бенвенист Э. К анализу падежных функций: латинский генитив // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с франц. М., 1974.
- Апресян Ю. Д. Лексич. семантика. М., 1974.
- Лайонз Дж. Введение в теоретич. лингвистику. Пер. с англ. М., 1978.
- Яхонтов С. Е. Классы глаголов и падежное оформление актантов // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Филлмор Ч. Дело о падеже. Пер. с англ. // НЗЛ. Вып. 10. М., 1981.
- Вежбицка А. Дело о поверхностном падеже. Пер. с англ. // НЗЛ. Вып. 15. М., 1985.
- Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избр. работы. Пер. с англ. М., 1985.
- Groot A. W. de. Classification of cases and uses of cases // For Roman Jakobson. The Hague, 1956.
- Moravcsik E. On the case marking of objects // Universals of human language, vol. 4 — Syntax, Stanford, 1978.
- Kasustheorie, Klassifikation, semantische Interpretation. Hamburg, 1977.

Beiträge zum Stand der Kasustheorie. Tübingen, 1981.

Serbat G. Cas et fonctions, étude des principales doctrines casuelles du Moyen âge et nos jours. P., 1981.

Brecht R. D., Levine J. S. (eds.) Case in Slavic. Columbus (Ohio), 1986.

Функциональная лингвистика ¹⁰

Функциональная лингвистика, функционализм — совокупность школ и направлений структурной лингвистики, характеризующихся преимущественным вниманием к функционированию языка как средства общения.

Предшественниками функциональной лингвистики считаются И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, О. Есперсен. Основным принцип функциональной лингвистики — понимание языка как целенаправленной системы средств выражения (т.н. «телеологический принцип») — был выдвинут Р. О. Якобсоном, Н. С. Трубецким и С. И. Карцевским в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929), а затем развит в работах других представителей Пражской школы, а также австрийского психолога К. Бюлера, разработавшего концепцию трех функций языка — экспрессивной, апеллятивной и репрезентативной (см. его книгу «Теория языка», 1934). В послевоенный период традиции Пражской школы были развиты в нескольких ответвлениях ф.л.

В трудах Р. О. Якобсона исследованы шесть функций речевой коммуникации, ориентированные на различные компоненты речевого акта — говорящего, адресата, контакт, ситуацию, код и сообщение. Развитая Якобсоном теория «динамической синхронии» позволила вскрыть глубокий параллелизм между исторической эволюцией языка, процессом овладения языком (развитием детской речи), процессом разрушения языка при афазии и типологической дифференциацией языков. Исключительно важное значение имеет предпринятый Якобсоном перенос оппозитивной значимости с фонемы на дифференциальный признак, а также с грамматического значения на его дифференциальные признаки («корреляции»). Радикальный переворот в фонологии был вызван предложенной Якобсоном (вместе с Г. Фантом и М. Халле) системой из двенадцати бинарных акустических признаков, составивших основу универсальной фонологии.

В работах А. Мартине развиты положения о «двойном членении» языка (т. е. членении, с одной стороны, на значимые двусто-

¹⁰ Здесь использована статья: Т.В.Булыгина, С.А.Крылов. Функциональная лингвистика (ЛЭС).

ронные единицы — «монемы», — и, с другой стороны, на односторонние единицы плана выражения — фонемы), о фонологии как «функциональной фонетике», о различении трех синтаксических типов монем («автономных», «зависимых» и «функциональных»). Языковые изменения (как в фонологии, так и в грамматике) Мартине объясняет действием принципа экономии, понимаемого как разрешение конфликта между потребностями общения и естественной инерцией человека.

В своей «ноологии» («функциональной теории означаемого») Л. Прието попытался перенести основные понятия пражской фонологии (оппозиции, нейтрализации и др.) на план содержания языка.

Своеобразное соединение традиций Пражской школы с формальным аппаратом математической лингвистики характеризует «функциональную порождающую грамматику», разрабатываемую в Чехословакии П. Сгаллом и его коллегами (Э. Гаичовой, Э. Бенешовой и др.).

В широком смысле ф.л. выходит за рамки Пражской школы, охватывая также «функциональный структурализм» Дж. Фёрса и М. А. К. Халлидея (т. е. Лондонскую школу), «функционализм» А. Фрея и других представителей Женевской школы, «функциональный подход» И. И. Ревзина и т. п.

Существует также еще более широкое понимание функционального подхода к языку в целом (или к отдельным единицам языка), при котором он понимается как подход со стороны «означаемого», «содержания», или «назначения» данной языковой единицы, с ее «внутренней» стороны. В этом смысле «функциональный» подход противопоставляется «формальному». Так, говорят о «функциональной ономотологии» (В. Матезиус), о «функциональном синтаксисе» (В. Матезиус, Г. А. Золотова, Н. А. Слюсарева), о «функциональной перспективе предложения» (Я. Фирбас), о «функциональной морфологии» (А. В. Бондарко), «функциональной грамматике» (В. Шмидт, Г. Хельбиг, С. Дик, В. Г. Гак, А. В. Бондарко), о «функциональном моделировании речевой деятельности» (Г. М. Ильин, Б. М. Лейкина, М. И. Откупщикова, Г. С. Цейтин) и т. п.

В ряде случаев функциональный подход понимается как ориентация на ту роль, которую данная единица играет в составе некоторого более крупного целого (т. е. в составе единицы высшего ранга), т. е. на ее синтаксическую позицию. Таков, например, функциональный подход к типологии лексических значений у Н. Д. Арутюновой.

О функциональном подходе к языку в целом нередко говорят в связи с изучением «функционального» (стилистического) рассло-

ния языковых средств, предназначенных для выполнения различных социальных функций. В этом смысле говорится о «функциональной диалектологии», «функциональной стилистике», «функциональной дифференциации и стратификации языка», об изучении «функциональных разновидностей языка», «функциональных языков», «функциональных диалектов», «функциональных стилей».

Литература

- Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
- Мартине А. Основы общей лингвистики. — В кн.: «Новое в лингвистике». Вып. 3. М., 1963.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. М., 1975.
- Звегинцев В. А. Функция и цель в лингвистической теории. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
- Веденина Л. Г. Функциональное направление в современном зарубежном языкознании. — ВЯ, 1978, № 6.
- Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. Киев—Одесса, 1976.
- Ревзина О. Г. Функциональный подход к языку и категория определенности-неопределенности. — В кн.: Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
- Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
- Якобсон Р. Избранные труды. М., 1985.
- Bühler K. Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Martinet A. A Functional View of Language. Oxf., 1962.
- Martinet A. La linguistique synchronique, études et recherches. P., 1965.
- La Linguistique. Guide alphabétique. Sous la direction d'André Martinet. P., 1969.
- Scall P., Hebeský L., Goralčiková A., Hajičová E. A Functional Approach to Syntax. N.Y., 1969.
- Scall P., Hajičová E. A. Functional Generative Description (Background and Framework). — «Revue Roumaine de Linguistique», 1971, vol. 16, p. 9–37.
- Jakobson R. Selected Writings. Vol. I—V, P. — The Hague, 1971–1979.
- Jakobson R. The framework of language. Ann Arbor, 1980.

- Holenstein E. Roman Jakobsons phänomenologischer Strukturalismus. Frankf.-am-M., 1975.
- Halliday M. Explorations in the functions of language. L., 1973.
- Halliday M. Halliday: system and function in language. Selected papers ed. by G.Kress. London, 1976.
- Gak V. G. Essai de grammaire fonctionnelle du français. Moscou, 1974;
- Papers from the parasession on functionalism. April 17, 1975, ed. by R. E. Grosman, J. J. San, T. J. Vance. Chicago, 1975.
- Mathesius V. A functional analysis of present day English on a general linguistic basis. The Hague. P., 1975.
- Hajičová E., Koubek V., Sgall P. On the Form of the Functional Generative Description. — In: Explizite Beschreibung der Sprache und automatische Textbearbeitung III. Praha, 1977.
- Roman Jakobson: Echoes of his scholarship. Lisse, 1977.
- Dik S. Functional grammar. Amsterdam—N.Y.—Oxf., 1978.
- Grammaire fonctionnelle du français, éd. par A. Martinet. P., 1979.

Понятийные категории ¹¹

Понятийные категории — смысловые компоненты общего характера (свойственные не отдельным словам, а обширным классам слов), так или иначе выражаемые в естественном языке разнообразными средствами. В отличие от скрытых категорий и грамматических категорий, понятийные категории рассматриваются безотносительно к способу выражения прямому или косвенному, явному или неявному). В качестве средств выражения понятийных категорий выступают граммы грамматических категорий, словообразовательные и лексические подклассы знаменательных слов, служебные слова, синтаксические конструкции и супрасегментные средства аранжировки.

В концепции А. В. Бондарко понятийные категории и понятийные поля относятся к уровню «мыслительного содержания» (подразделяемому на универсальный фундаментальный базис и систему понятийных категорий конкретного языка), противопоставляясь «языковым семантическим функциям» и «функционально-семантическим полям», относящимся к уровню «языкового содержания» (обусловленному системой конкретного языка). «Функционально-семантические поля» понимаются как двусторонние единства, формируемые грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими в нем лексическими, лексико-грамматическими и

¹¹ Здесь использована статья: Т.В.Булыгина, С.А.Крылов. Понятийные категории (ЛЭС).

словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне.

В разработке учения о понятийных категориях важную роль сыграли труды О. Есперсена, а в нашей стране — И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона и др. Иногда понятийные категории называются также «философскими» или «логическими» (в рациональных грамматиках XVII—XIX вв.), «психологическими» (в работах XIX — начала XX в., например, у Г. Пауля), «онтологическими», «внеязыковыми», «когнитивными», «концептуальными», «семантическими», «мыслительными», «речемыслительными» (С. Д. Кацнельсон), «логико-грамматическими» (В. Г. Адмони) и т. п. Близкое содержание охватывается также такими терминами, как «простые идеи» (Г. Лейбниц, Дж. Локк), «идеи» (Ф. Брюно), «общие реляционные понятия» (Э. Сепир), «фигуры содержания» (Л. Ельмслев), «семемы» (А. Нурен), «ноэмы» (Э. Кошмидер), «маркеры» (Дж. Катц, Дж. Фодор, М. Бирвиш), «семантические компоненты» (У. Вейнрейх), «неопределенные знаки» (Х. Сёренсен), «семантические множители» (Ю. С. Мартемьянов и др.), «смысловые отношения» (Н. Н. Леонтьева и др.), «элементарные смыслы», «элементарные значения», «лексические функции» (А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян и др.), «семантические единицы» и «понятия» (У. Чейф), «семантические примитивы» (А. Богуславский, А. Вежбицкая), «логико-синтаксические отношения» (Н. Д. Арутюнова), «семь», «классемы» (А. Греймас, Б. Потье).

Классификация понятийных категорий может проводиться на разных основаниях. С известной долей условности можно выделить два подхода к классификации понятийных категорий, различающихся по аспекту рассмотрения, но тесно связанных друг с другом и взаимодополняющих друг друга, — «системный» и «структурный».

При «системном» подходе (близком «системно-категориальному аспекту» по А. В. Бондарко) понятийные категории рассматриваются в парадигматическом аспекте, т. е. с точки зрения их роли в формировании определенных семантических полей и оппозиций.

Так, например, можно подразделять понятийные категории на «классифицирующие» (играющие в составе оппозиции интегральную роль) и «модифицирующие» (играющие в составе оппозиции дифференциальную роль). С другой стороны, «системная» классификация понятийных категорий (и соответствующих понятийных полей) может вскрывать их соотношение с коррелятивными им грамматическими категориями и/или разрядами. Такая классификация понятийных категорий параллельна классификации функционально-семантических полей в концепции А. В. Бондарко.

Так, грамматическим категориям глагола соответствуют понятийные категории, характеризующиеся признаком «акциональности» или «предикативности»; грамматическим категориям существительного — понятийные категории, характеризующиеся признаком «предметности»; грамматическим категориям прилагательного — понятийные категории, характеризующиеся признаком «атрибутивности»; разрядам наречий соответствуют понятийные категории «обстоятельственного» типа.

«Акциональные» понятийные категории подразделяются на «аспектуально-темпоральные», «модально-бытийные» и «акционально-актантные».

Среди аспектуально-темпоральных понятийных категорий выделяются аспектуальность (включающая фазы «начала», «продолжения» и «конца»), способы действия, а также противопоставления, как «вневременность»/«эпизодичность», «статичность»/«динамичность», «длительность»/«недлительность», «постепенность»/«мгновенность», «перспективность»/«неперспективность» и т. п.), темпоральность ('прошлое', 'настоящее' и 'будущее'), таксис ('предшествование', 'одновременность', 'следование').

Модально-бытийные понятийные категории включают объективную модальность ('реальность'/«ирреальность», 'возможность'/«необходимость» и т. п.), субъективную модальность ('императивность', 'желательность' и т. п.), 'повествование'/«вопрос», 'утверждение'/«отрицание», 'бытийность' ('экзистенциальность') и т. п.

Акционально-актантные понятийные категории (образующие поле «залоговости») базируются на соотношении диатез (таких, как активность/стативность, «транзитивность»/«интранзитивность», «рефлексивность», 'взаимность' и т. п.

Предметные понятийные категории включают такие классифицирующие признаки, как 'пол', (семантическая) 'одушевленность'/«неодушевленность», 'личность'/«неличность», а также ряд модифицирующих признаков. К их числу, например, относится тип референции, или «денотативный статус» (включающий противопоставления 'определённости'/«неопределённости», 'индивидуальности'/«генеричности», 'универсальности', 'экзистенциальности', 'референтности'/«нереферентности», 'конкретности'/«неконкретности» и т. п.), семантические роли ('агенса', 'пациенса', 'субъекта', 'объекта', 'адресата', 'орудия', 'продукта' и т. п.). Понятийные категории «персональности» (соотнесение участников действия с участниками речевого акта) иногда относят одновременно к «акциональным» и «предметным» понятийным категориям.

К «атрибутивным» понятийным категориям относятся «квалитативность» (т. е. значение «качества»), «квантитативность»

(т. е. значение 'количества'), «компаративность» (или 'градуальность', 'посессивность'. Внутри сферы «качества иногда разделяют значение «оценки» (например, в составе таких понятийных категорий, как 'уменьшительность' и 'увеличительность').

Понятийная категория квантитативности пересекается не только со сферой «атрибутивности», но и со сферой «предметности» (образуя такие понятийные категории, как 'единичность'/ 'множественность', 'считаемость'/ 'вещественность', 'абстрактность'/ 'конкретность'/ 'собираемость', 'дистрибутивность'/ 'совокупность' и т. п.), а также со сферой 'предикативности' (образуя понятийные категории 'кратности', или 'повторяемости').

Как видно из приведенных примеров, большинство понятийных категорий характеризуется «полевой» структурой, с «ядром» и «периферией» в составе соответствующего функционально-семантического поля. В качестве грамматикализованного «ядра» понятийной категории выступает соответствующая ей грамматическая категория.

Так, аспектуальности и таксису соответствует вид, темпоральности — время, модальности — наклонение, диатезе — залог, полу — род, семантической роли — падеж, персональности — лицо, градуальности — степени сравнения, 'количеству' — число и т. п. Вместе с тем понятийные категории различных сфер обнаруживают многообразные пересечения и взаимосвязи как в синтагматике, так и в парадигматике.

При «структурном» подходе к классификации понятийных категорий (близком «логическому аспекту мыслительного содержания», по А. В. Бондарко) понятийные категории рассматриваются в синтагматическом аспекте, т. е. с точки зрения их роли в формировании семантической структуры высказывания и текста. Мыслительное содержание, охватываемое понятийными категориями, многослойно; оно включает как минимум два слоя информации — внешне-ситуационный (называемый также «объективным», «номинативным», «денотативным», «референтным», «диктальным», «репрезентативным», «фактическим», «когнитивным» и т. п.) и прагматический (называемый также «субъективным», «модальным», «иллокутивным», «психологическим», «актуализационным», «коммуникативным» и т. п.). Внешнеситуационное содержание охватывает отражаемый факт (событие) с его предметными отношениями и устроено как пропозиция (суждение), имеющая предикатно-аргументную структуру. Прагматическое содержание отражает соотношенность отражаемого факта с данным речевым актом и его компонентами — участниками коммуникации, временем и местом протекания речевого акта; оно включает

в себя экспрессивный («эмоциональный», «аффективный», апеллятивный («конативный»), социальный («стилистический»), действительный («индексальный»), информативный («логический»), фатический, метаязыковой и эстетический («поэтический») слои информации (ниже приведены примеры соответствующих понятийных категорий).

В общем случае отражаемая ситуация семантически неэлементарна: сложная ситуация (макроситуация) строится из нескольких более простых (микроситуаций). Простая ситуация организована как сочетание предиката (или «оператора», «функтора», «валентного слова») с некоторым числом аргументов ('участников ситуации', 'партиципантов', 'семантических актантов'), заполняющих валентности ('места') этого предиката. По числу валентностей различаются авалентные, одновалентные («одноместные») и двухвалентные («двуместные», «реляционные») предикаты. В зависимости от того, какими аргументами заполняются валентности предиката, различаются предикаты первого порядка, все валентности которых заполнены «термами» (т. е. предметными именами), и предикаты второго порядка («суперпредикаты»), в качестве аргументов которых могут выступать целые ситуации.

Авалентные предикаты (типа *жарко*, *дождь*) характеризуются понятийной категорией 'амбиентности' ('нерасчлененности').

Одноместные («абсолютные») предикаты подразделяются на таксономические (носители понятийной категории предметности, напр., *берёза*) и характеризующие (носители понятийной категории 'качества' или 'признака', напр., *холодный*); иногда наряду с этими типами выделяется тип функциональных предикатов (носителей понятийной категории 'предназначенности'), подразделяемых на профессиональные (носители понятийной категории 'абитуальной агентивности', напр., *слесарь*) и артефактивные (носители понятийной категории 'абитуальной орудийности', напр., *стол*, *спичка*, *рюмка*, *топор*).

Среди реляционных (двухместных) предикатов первого порядка особо важную роль играют копулятивные, посессивные, локативные, парциальные и пропинквальные. Копулятивные предикаты подразделяются на показатели тождества (т. е. связочные глаголы с идентифицирующим значением) и показатели подобия (предикаты со значением 'аппроксимативности'). Посессивные предикаты подразделяются на предикаты принадлежности и предикаты включения. Понятийная категория локативности базируется на предикате 'контактировать', понятийная категория парциальности — на предикате 'быть частью (чего-л.)' (ср. слова

со значением неотторжимости: *рука, верх*, а также т.н. 'параметрические' слова — *форма, цвет, размер, вес, характер, на- строение, нрав* и т. п.); понятийная категория пропинквиальности характеризует т. н. термины родства и функционально близкие к ним существительные.

С другой стороны, предикаты первого порядка подразделяются на разные классы с т. зр. их временной соотнесенности, в соответствии с членением поля аспектуальности (см. выше).

Так, 'положения вещей' подразделяются на вневременные 'качества' и 'свойства' (в т. ч. 'привычки', 'умения' и 'род занятий' людей) и эпизодичные 'явления'. Явления подразделяются на динамические (в т. ч. 'действия' людей) и статические: 'состояния', 'ситуации' (в т. ч. 'поведение' людей), 'положения' (в т. ч. 'позиции' людей), и 'местонахождение' (в т. ч. 'пребывание' людей). Динамические явления подразделяются на 'процессы' (в т. ч. 'деятельность' людей) и 'события' (в т. ч. 'поступки' людей). Процессы подразделяются на 'гомогенные процессы' и 'тенденции' (в т. ч. 'попытки' людей). События подразделяются на 'результаты' (в т. ч. 'свершения' людей) и 'происшествия' (в т. ч. 'достижения' людей).

Одноместные предикаты второго порядка подразделяются на 'фазисные' (*начинаться, продолжаться, кончаться*), 'модальные' (*действительно, неверно, возможно, должно*) и 'оценочные'; среди последних выделяются 'эмоционально-оценочные' (ср. слова типа *хорошо, плохо* и т. п.), 'интенсифицирующие' (ср. понятийную категорию 'высокой степени', выражаемую словами типа *очень, заядлый, закадычный* и т. п.) и 'выделительные' (ср. слова типа *настоящий, типичный, обычный* и т. п.). При более тщательных толкованиях одноместных предикатов второго порядка можно элиминировать этот класс, сведя соответствующие значения к комплексам более элементарных понятийных категорий — в основном реляционных предикатов второго порядка.

Реляционные предикаты второго порядка подразделяются на межсобытийные (отражающие некоторое отношение между двумя фактами положения вещей) и интенциональные (выражающие психическое отношение некоторого лица к некоторому положению вещей). Среди межсобытийных отношений выделяются таксисные (предшествование, одновременность и следование) и логические (каузация, сопутствие, конъюнкция, импликация, благоприятствование, тождество и производные от них). Среди интенциональных предикатов выделяются сенсорные (лежащие в основе ситуаций ощущения и восприятия, характеризуемых признаком 'аффективности'), ментальные (в том числе эмоциональ-

ные, т. е. *хотеть* и производные от него, и интеллектуальные — *думать, полагать, знать* и производные от них) и коммуникативные (отражающие разнообразие типов человеческого общения). Внутри понятийной категории коммуникативности (а также её важнейшей разновидности — 'перформативности') выделяются такие понятийные категории, как 'путативность' (свойственная глаголам типа *утверждать, оценивать, считать, полагать* и т. п.), 'побудительность' (свойственная таким предикатам, как *приказывать, советовать, побуждать, отговаривать, запрещать* и т. п.), 'интерогативность' (свойственная предикатам типа *спрашивать, осведомляться, узнавать* и т. п.), 'комиссивность' (свойственная предикатам типа *обязываться, обещать, давать слово, клясться* и т. п.), 'этикетность' (свойственная предикатам типа *поздравлять, извиняться, брать свои слова обратно, выражать сочувствие* и т. п.), 'реактивность' (свойственная предикатам типа *отвечать, возражать, соглашаться* и т. п.).

Литература

- Сергиевский М.В. Современные грамматические теории в Западной Европе и античная грамматика. — «Уч. зап. МГПИИЯ», т. 2. Вопросы грамматики, М., 1940, с. 5–14.
- Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960, с. 315—337.
- Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М., 1964;
- Вейнрейх У. О семантической структуре языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970;
- Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
- Сильницкий Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973.
- Сусов И.П. Семантическая структура предложения. Тула, 1974.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 1, 1980.
- Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975.
- Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова Н.Д. К функциональной типологии лексических значений // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.

- Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Категории бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Белякова Н.Н. и др. Учебник русского языка для нефилологических вузов СССР. Практическая грамматика. М., 1978.
- Журинская М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
- Лобанова Н.А., Слесарева И.П. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс (третий год обучения). М., 1980.
- Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Лейкина Б.М. Когнитивная лингвистика (к постановке проблемы. Речевые постулаты) // Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982.
- Вежибicka А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика, М., 1983.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
- Brunot F. La pensée et la langue. P., 1922.
- Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax. Heidelberg, 1965.
- Vendler Z. Linguistics in philosophy. Ithaca (N.Y.), 1967.
- Daneš F., Hlavsa Z., Kořenský J. Práce o sémantické struktuře věty. Praha, 1973.
- Lyons J. Semantics. Vol. 2, Camb., 1977.
- Wierzbicka A. Lingua mentalis. The semantics of natural language. Sydney, 1980.

Морфонема¹²

Морфонема (морфофонема) — элементарная единица **морфологии**, предельный элемент означающего **морфемы**. Х. Улашин, предложивший понятие «морфонемь» (1927), определял ее как фонему в семасиолого-морфологической функции; термин в этом значении (Дж. Л. Трейджер, З. С. Харрис, М. Халле, В. Г. Чурганова) приблизительно соответствует терминам «фонема» А. А. Реформатского (и, шире, вообще большинства теоретиков **Московской фонологической школы**), «фонемный ряд» позднего Р. И. Аванесова, «парадигмо-фонема» М. В. Панова. Почти одновременно с Улашиным термин «морфонема» был вве-

¹² Здесь использована статья: Т. В. Булыгина, С. А. Крылов. Морфонема (ЛЭС).

ден Н. С. Трубецким, определившим его иначе: как «сложный образ двух или нескольких фонем, способных замещать друг друга в пределах одной и той же морфемы в зависимости от условий морфологической структуры (напр., в рус. яз. морфонема *к/ч* в комплексе *рук/ч*: *рука, ручной*) или как «сложное представление о всех членах (двух или больше) чередования». Эти определения были впоследствии отвергнуты фонологами **Пражской лингвистической школы** по причине их «психологизма» (Й. Вахек и др.). Подверглась сомнению и лингвистическая реальность самого понятия «морфонема» в том смысле, который придавал ему Трубецкой (Реформатский и др.).

В динамических моделях морфологического синтеза (А. А. Зализняк, В. Н. Топоров, Д. С. Ворт, Халле, Т. М. Лайтнер и др.) морфонема предстает как элемент морфонологического уровня репрезентации словоформ, противопоставляемого графическому или фонетическому, а иногда также фонологическому **уровням** как более «глубинный» («условный», «абстрактный») более «поверхностному» («действительному», «конкретному»). На морфемном уровне морфема, в которой обнаруживается автоматическое чередование, имеет единое представление, а переход к фонетической транскрипции (или орфографическому представлению) осуществляется по общим правилам, апеллирующим лишь к сведениям о соседних морфонемах. Таким образом, само чередование как бы устраняется. Морфонема в этом смысле называют также «морфоном» (в стратификационной грамматике С. Лэма) или «системной фонемой» (в генеративной **фонологии**).

Так называемый исходный вариант морфемы может не совпадать ни с одним из ее действительных контекстных представителей. Напр., рус. морфема *сон-/сн-* получает единую морфонеменную запись *сън* (или *с*н*) с морфонемой *ъ* (или ***) в середине, так как ни один из членов чередования *о/∅* нельзя представить как исходный. Нередко конструируемая т.о. морфонеменная запись близка к фонологической записи соответствующей праформы (**архетипа**), получаемой в результате внутренней реконструкции. Морфонема как символ морфонологической транскрипции (восходящей к идеям Панини, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. Блумфилда, Р. О. Якобсона) может соответствовать на фонологическом уровне не только **фонеме**, но и **дифференциальному признаку** (напр., мягкости согласного в сущ. «голь» < прил. «голый») или даже «пустой цепочке» (т. е. исчезать при переходе к фонологической **транскрипции**, ср. так называемые беглые гласные и согласные). Это отличает ее от термина «морфонема» в понимании Улашина и от соответствующих понятий Московской фонологиче-

ской школы. В аспекте **парадигматики** одна морфонема (а иногда и несколько морфонем) может соотноситься с одной-единственной фонемой, что отличает ее от морфонемы в понимании Трубецкого.

Литература

- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 149—291.
 Чурганова В.Г. Очерки рус. морфонологии. М., 1973.
 Булыгина Т.В. К определению «морфонологических чередований». В сб.: Всесоюзная науч. конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов секционных заседаний. М., 1974.
 Булыгина Т.В. Проблемы теории и практики морфонологического описания. Изв. АН СССР, сер. ЛиЯ, 1975, № 4.
 Ворт Д.С. О роли абстрактных единиц в рус. морфонологии. В сб.: Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
 Касевич В.Б. Морфонология. Л., 1986.
 Troubetzkoy N.S. Sur la «Morphologie». TCLP, 1929, [t.] 1.
 Ulaszyn H. Laut, Phonema, Morphonema. 1931, [t.] 4.
 Vachek J. A propos de la terminologie linguistique et du système de «Philologica Pragensia». 1961, [t.] 4, № 2.
 Dressler W.U. Morphology. Ann Arbor, 1985.

Фузия¹³

Фузия (от лат. *fusio* — сплавление) — морфонологически обусловленное формальное взаимопроникновение контактирующих **морфем**, при котором проведение морфологических границ (прежде всего между **основой** и **аффиксом**) становится затруднительным.

Особенность фузии как техники объединения значимых элементов внутри слова состоит в том, что регулярная модификация означающих делает невозможной линейную сегментацию фонемной последовательности на значащие отрезки (морфемы). Напр., рус. *мужик + ск(ий) ⇒ мужицкий*, где членение на «морфы» дает либо *мужиц-к-ий*, либо *мужи-цк-ий*.

Термин «фузия» предложен Э. Сепиром в 1921 г. для обозначения особого типа аффиксации, сопровождаемого звуковыми чередованиями на стыках морфем (т. н. **сандхи**), и противопоставлялся соположению, т. е. аффиксации, не сопровождаемой такими чередованиями (близкое понимание фузии характеризует концепцию Дж. Х. Гринберга).

¹³ Здесь использована статья: Т.В.Булыгина, С.А.Крылов. Фузия (ЛЭС).

Следует отличать фузию от кумуляции — систематической нераздельности **граммем** нескольких грамматических категорий в означаемом каждой флективной морфеме (напр., русская флексия *-ов* в словоформе *стол-ов* выражает граммемы 'мн. ч.' и 'род. п.'). В то же время фузия, как и кумуляция, есть явление регулярное, что отличает ее от супплетивизма — уникального совмещения **сем** в означаемом нечленимого знака. Ряд авторов, однако, не проводят различия между фузией, кумуляцией и супплетивизмом, подводя все эти явления под общее понятие так называемой слитной реализации.

Напротив, отличие полной фузии (когда от аффикса не остается никаких «сегментных» следов) от частичной фузии (когда такие следы остаются) не является принципиальным. В обоих случаях фузия состоит в осуществлении регулярных морфонологических преобразований (аккомодация, ассимиляция, диссимиляция, элизия, эпентеза, а также фонологическая компрессия, т. е. сокращение неудобопроизносимых консонантных сочетаний).

Ряд исследователей (вслед за А. А. Реформатским) употребляет термин «фузия» для обозначения целого комплекса типологических признаков: помимо фузии в собственном смысле он включает такие признаки, как кумуляция, нестандартность аффиксов, использование нулевых аффиксов в «косвенных» формах парадигмы, невозможность изолированного употребления основы в качестве самостоятельной словоформы. Т. о., фузия, в понимании Реформатского, — то же, что **флективность**; противоположная тенденция именуется агглютинацией. Если же определяющим признаком агглютинативных языков считать отсутствие кумуляции, оказывается, что они могут быть «фузионными» [ср., напр., тув. *аът* 'лошадь' + *-лар* (аффикс 'мн.ч.') > *аът-тар* 'лошади'].

Фузия исторически возникает на базе фонологии (т. е. восходит к комбинаторным изменениям звуков), а в ходе языковой эволюции становится базой для изменений в сфере морфологии (например, таких, как **переразложение**).

Наряду с «внутрисловной» фузией иногда выделяют «межсловную» (слияние двух слов в одно), например, в нем. *in + dem* > *im*, франц. *a + le* > *ai* и т. п. Некоторые фонетисты (напр., К. Л. Пайк) расширительно употребляют термин «фузия» для обозначения фонетического слияния, «наложения» двух (или более) контактирующих фонем — например, при так называемом фонетическом элипсисе, или синкопе (ср. русское *Иванович* > *Иваныч*). Намечаются попытки перенести понятие фузии в синтаксис: так, А. Е. Кибрик понимает под синтаксической фузиозностью тенденцию многих европейских языков совместить в одной коди-

рующей технике выражение внешнеситуационной (предикатно-актантной) информации о прагматической информации (сведений о речевом акте и о коммуникативных намерениях говорящего).

Литература

- Сепир Э. Язык. Пер. с англ. М.—Л., 1934.
 Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. В кн.: НЛ, вып. 3, М., 1963.
 Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.—Л., 1965.
 Реформатский А.А. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967.
 Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
 Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
 Pike K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior, 2 ed., The Hague — P., 1967.

Модель

Модель (франц. *modèle*, от лат. *modulus* — мера) в языкознании — 1) искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях.

Лингвистическое моделирование необходимо предполагает использование абстракции и идеализации. Отобразив «релевантные», существенные (с точки зрения исследования) свойства оригинала и отвлекаясь от несущественных, модель выступает как некоторый абстрактный идеализированный объект. Всякая модель строится на основе гипотезы о возможном устройстве оригинала и представляет собой функциональный аналог оригинала, что позволяет переносить знания с модели на оригинал. Критерием адекватности модели служит практический эксперимент. В идеале всякая модель должна быть формальной (т. е. в ней должны быть в явном виде и однозначно заданы исходные объекты, связывающие их отношения и правила обращения с ними) и обладать объяснительной силой (т. е. не только объяснять факты или данные экспериментов, необъяснимые с точки зрения уже существующей теории, но и предсказывать неизвестное раньше, хотя и принципиально возможное поведение оригинала, которое позднее должно подтверждаться данными наблюдения или новых экспериментов).

Понятие лингвистической модели возникло в структурной лингвистике (К. Л. Бюлер, З. С. Харрис, Ч. Хоккет), но входит в научный обиход в 60—70-е годы XX века с возникновением **математической лингвистики** и проникновением в языкознание идей и методов кибернетики.

Различаются три типа моделей, отличающихся друг от друга по характеру рассматриваемого в них объекта (Ю. Д. Апресян): модели речевой деятельности человека, имитирующие конкретные языковые процессы и явления; модели лингвистического исследования, имитирующие те исследовательские процедуры, которые ведут лингвиста к обнаружению того или иного языкового явления; метамодел, имитирующие теоретическую и экспериментальную оценку готовых моделей речевой деятельности или лингвистического исследования.

В зависимости от того, какая сторона владения языком является предметом моделирования, модели речевой деятельности подразделяются на модели грамматической правильности, имитирующие умение отличать правильное от неправильного в языке, и функциональные, имитирующие умение соотносить содержание речи (план содержания) с ее формой (планом выражения).

В зависимости от типа информации на «входе» и на «выходе» модели грамматической правильности подразделяются на распознающие и порождающие. Распознающая модель (например, «категориальная грамматика» К. Айдукевича) получает на «входе» некоторый отрезок текста на естеств. языке или его абстрактное представление на искусственном языке и дает на «выходе» ответ, является ли данный отрезок грамматически правильным или аномальным. Порождающая модель (напр., «порождающая грамматика» Н. Хомского) является обратной по отношению к распознающей. Критическое преодоление первой версии «порождающей грамматики» Хомского привело к созданию модели порождающей семантики (Дж. Лакофф), имеющей много общего с моделями говорения, или синтеза.

В зависимости от того, какой аспект речевой деятельности моделируется — слушание или говорение, — функциональные модели подразделяются соответственно на аналитические и синтетические. Полная аналитическая модель, некоторого языка получает на «входе» некоторый отрезок текста (обычно не меньше высказывания) и дает на «выходе» его смысловую запись (семантическое представление) на специальном семантическом метаязыке (т. е. его толкование). Полная синтетическая модель некоторого языка, являясь обратной по отношению к полной ана-

литической модели, на «входе» получает семантическую запись (изображение некоторого фрагмента смысла), а на «выходе» дает множество синонимичных текстов на данном языке, выражающих этот смысл. Модели анализа и синтеза составляют необходимую часть моделей перевода (в частности, моделей автоматического перевода) и различных систем «искусственного интеллекта» (в частности, вопросно-ответных). В многоуровневых функциональных моделях (напр., в «стратификационной грамматике» С. Лэма, в моделях типа «Смысл \Leftrightarrow Текст» А. К. Жолковского и И. А. Мельчука, в «функциональной порождающей грамматике» П. Сгалла) переход от плана выражения к плану содержания (анализ) и обратно (синтез) происходит поэтапно — через ряд промежуточных репрезентаций (уровней представления текста). Обычно выделяются фонетический (самый поверхностный), морфологический, синтаксический и семантический (самый глубокий) уровни. Модель анализа задает лингвистические знания, используемые в алгоритмах анализа. Алгоритмы анализа позволяют перейти от некоторого более поверхностного уровня к более глубокому. Лингвистические знания, задаваемые синтезирующими моделями, используются в алгоритмах синтеза, позволяющих перейти от некоторого более глубокого уровня к более поверхностному. Модель, сопряженная с алгоритмом, дает новый формальный объект, называемый лингвистическим процессором. Лингвистические процессоры стали энергично развиваться в связи с созданием систем искусственного интеллекта.

Модели речевой деятельности — важнейший тип собственно лингвистических моделей. По отношению к ним модели лингвистического исследования и метамодели выполняют вспомогательную роль.

Модели исследования предназначены для объективного обоснования выбора понятий, которыми лингвисты пользуются при изложении модели речевой деятельности (напр., грамматики того или иного языка). В идеале они сводят до минимума роль субъективного фактора в исследовании и являются в некотором смысле мерилем адекватности моделей речевой деятельности. В зависимости от объема исходной информации модели исследования подразделяются на дешифровочные и экспериментальные. При дешифровке в качестве исходной информации используется ограниченный корпус текстов, а все сведения о языке модель должна извлечь исключительно из языковых данных. В экспериментальных же моделях считается заданным не просто корпус текстов, но и все множество правильных текстов данного языка. При проведении эксперимента лингвист прибегает к по-

мощи информанта (носителя языка). Информантом может быть и сам лингвист, если он в совершенстве владеет изучаемым языком.

Метамоделли представляют систему критериев и теоретических доказательств (метаязык), с помощью которых из несколько альтернативных моделей, моделирующих одно и то же явление, можно выбрать лучшую. Первые шаги в разработке аксиоматических систем формальных определений лингвистических понятий были сделаны Л. Блумфилдом («Ряд постулатов для науки о языке», 1926) и Л. Ельмслевом («Пролегомены к теории языка», 1940), хотя термин «модель» еще не употреблялся. Метамоделли, разрабатываемые математической лингвистикой, представляют собой математические теории, объектами которых являются не отдельные лингвистические понятия, а целостные модели языка.

Содержание термина «модель» в современной лингвистике в значительной мере охватывалось ранее (в особенности Ельмслевом) термином «теория». Считается, что наименование «модель» заслуживает лишь такая теория, которая достаточно эксплицитно изложена и в достаточной степени формализована (в идеале всякая модель должна допускать реализацию на ЭВМ).

Конструирование моделей — не только одно из средств отображения языковых явлений и процессов, но и объективный практический критерий проверки истинности наших знаний о языке. Применяясь в органическом единстве с другими методами изучения языка, моделирование выступает как средство углубления познания скрытых механизмов речевой деятельности, его движения от относительно примитивных моделей к более содержательным моделям, полнее раскрывающим сущность языка.

Образец, служащий стандартом (эталоном) для массового воспроизведения, то же, что «тип», «схема», «парадигма», «структура» и т. п. (ср., напр., «модель спряжения или склонения», «словообразовательная модель», «модель предложения» и т. п.).

Литература

- Ревзин И.И. Модели языка. М., 1962.
Ревзин И.И. Метод моделирования и типология слав. языков. М., 1967.
Ревзин И.И. Совр. структурная лингвистика. М., 1977.
Чжао Юань-жень. Модели в лингвистике и модели вообще. В сб.: Математическая логика и ее применение. Пер. с англ., М., 1965.
Апресян Ю.Д. Идеи и методы совр. структурной лингвистики. М., 1966.
Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. 1–5. Л., 1973–1982.

- Падучева Е.В. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке. Изв. АН СССР, сер. ЛиЯ, 1975, т. 34, № 6.
- Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Представление знаний и моделирование процесса понимания. Новосиб., 1980.
- Цейтин Г.С. О соотношении естеств. языка и формальной модели. В кн.: Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естеств. Языке. М., 1982.
- Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Телави-83». М., 1983.
- Гладкий А.В. Синтаксические структуры естеств. языка в автоматизированных системах общения. М., 1985.
- Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- Les modèles en linguistique, ed. par M. Gross, P., 1968.
- Gross M. Mathematical models in linguistics. Englewood Cliffs, 1972.
- Weiss D. Sowjetische Sprachmodelle. В кн.: Handbuch des Russisten. Wiesbaden. 1984. S. 581—621.

Оппозиции ¹⁴

Оппозиции (от лат. *oppositio* — противопоставление) языковые — лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания, и наоборот. В этом смысле говорят о фонологической оппозиции между русскими фонемами /k/ и /r/ (слова *кот* и *рот* различаются не только по звучанию, но и по значению) или о семантической оппозиции 'ед. ч.' — 'мн. ч.' (т. к., напр., между формами *стола* и *столов* имеется как содержательное, так и формальное различие). Подобное истолкование позволяет использовать понятие оппозиции, чтобы разграничить отношения между различными языковыми единицами (разными инвариантами) — так называемые **о п п о з и т и в н ы е** отношения, и отношения между фонетически либо семантически различными вариантами одной и той же языковой единицы — **н е о п п о з и т и в н ы е** отношения. Так, напр., глухие заднеязычные согласные [k] и [x], первый из которых является смычным, а второй фрикативным, — разные фонемы русского языка (ср. *корь* и *хорь*), тогда как соответствующие звонкие согласные [g] и [ɣ], между которыми существует то же самое фонетическое различие, являются вариантами одной **фонемы**, так как замена одного другим не

¹⁴ Здесь частично использована статья: Т.В.Булыгина, С.А.Крылов. Оппозиция (ЛЭС).

связана со смысловым различием бо[у]а^тый наряду с более обычным бо[g]а^тый. Некоторые ученые, в том числе создатель теории фонологических оппозиций — Н. С. Трубецкой, употребляли термин «оппозиции» не только по отношению к функциональным (значимым) различиям, но и к нефункциональным (незначимым), характеризуя первые как «дистинктивные», а вторые — как «недистинктивные» оппозиции. В отечественной литературе наряду с термином «оппозиция» используется термин «противопоставление».

Оппозиция как специфический вид парадигматических отношений (корреляций) иногда противопоставляется контрасту как особому виду синтагматических отношений (реляций). Совокупность оппозиций, в которые вступает данная единица, играет решающую роль для идентификации (парадигматического определения) этой единицы, что ясно осознавалось уже И. А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром. Идентификация единицы состоит в установлении тех признаков фонетической или семантической субстанции, которыми отличаются эти единицы одна от другой. Таким образом, оппозиция предполагает разложимость противопоставленных единиц на часть общие («основание для сравнения»), часть различные элементы, так называемые **дифференциальные признаки**.

Центральную роль понятие оппозиции играет в фонологической концепции **Пражской лингвистической школы**, которая была развита Трубецким и Р. О. Якобсоном в 30-е годы XX в. и в которой понятие фонемы является производным от понятия фонологической оппозиции.

Первый опыт систематизации типов оппозиций принадлежит Трубецкому (1936), который классифицировал их по трем признакам: 1) по отношению данной оппозиции ко всей системе оппозиций (в том числе по «размерности» и «встречаемости»), 2) по отношению между членами оппозиции, 3) по объему смысловозначительной силы оппозиции.

С точки зрения «размерности» оппозиция может быть **одномерной**, если совокупность признаков, общих для обоих ее членов, не присуща больше никакому другому члену системы (напр., [t] : [d] в русском языке, поскольку эти фонемы являются единственными твердыми дентальными взрывными в русской фонологической системе), или **многомерной**, если «основание для сравнения» двух членов оппозиции распространяется и на другие члены той же системы (напр., рус. [b] : [d], поскольку сочетание признаков «звонкость + взрывность», присущее одновременно обоим членам, повторяется еще и в [g]).

С точки зрения «встречаемости» оппозиция может быть изолированной (члены находятся в отношении, которое не встречается больше ни в какой другой оппозиции, например, русская [t] : [c]) или пропорциональной (отношение между членами тождественно отношению между членами другой оппозиции, напр., [t] : [d] = [p] : [b] = [k] : [g]).

С точки зрения отношения между членами оппозиция может быть: 1) привативной, когда один член отличается от другого наличием либо отсутствием различительной черты, которая называется коррелятивным признаком или маркой корреляции, члены же оппозиции называются соответственно признаковым и беспризнаковым или маркированным и немаркированным: [p] : [b], [t] : [d] и т. д.; 2) градуальной, или ступенчатой, когда члены отличаются друг от друга разной степенью одного и того же признака, напр. [a] : [o] : [u], характеризующиеся разной степенью открытости; 3) эквивалентной, когда члены логически равноправны (наиболее распространенный тип оппозиции), напр. [p] : [t], [f] : [k].

С точки зрения объёма различительной силы оппозиция может быть постоянной, если действие различительного признака не ограничено и две единицы различаются во всех возможных положениях, например, оппозиция по назализации [p] — [m], [t] — [n] в русском литературном языке, или нейтрализуемой, если в некоторых позициях данный признак лишается фонологической значимости, например, оппозиция звонкости в русском языке, так как на конце слова этот признак утрачивается. Позиция, в которой оппозиция не реализуется, называется позицией **нейтрализации**; в этой позиции выступает **архифонема** — совокупность смыслоразличительных признаков, общих для обоих членов оппозиции. В качестве представителя архифонемы может выступать либо один из членов оппозиции, либо некоторый промежуточный звук. Член, выступающий в качестве представителя архифонемы, считается беспризнаковым (немаркированным). В связи с этим он определяется как «архифонема + 0», а его маркированный коррелят — как «архифонема + некоторый признак»; таким образом, оппозиция в целом признается привативной.

Оппозиция, являющаяся одномерной, пропорциональной и привативной, получила название **корреляции**.

В работах Якобсона и его коллег по Гарвардской школе) была сделана попытка свести все типы фонологических оппозиций к бинарным привативным оппозициям. Каждый член такой оппозиции имеет однозначно предсказуемый противочлен (напр., «звонкость» не существует без «глухости»). Такой тип отношений

может связывать лишь элементарные единицы, принадлежащие к двучленной категории, так что оппозитивная значимость переносится с фонемы на неразложимый далее компонент — дифференциальный признак. «Дихотомическая» **фонология** вызвала оживленную дискуссию в 50—60-х годах.

В Московской фонологической школе (А. А. Реформатский) оппозиции подразделяются на коррелятивные (по одному признаку) и некоррелятивные (по нескольким признакам, напр., [a] : [p] или [x] : [j]). Среди коррелятивных оппозиций выделяются замкнутые (исчерпываемые двумя членами) и незамкнутые (неисчерпываемые двумя членами). Незамкнутые оппозиции подразделяются на ступенчатые (градуальные) и неступенчатые (цепочки и пучки). Цепочечные оппозиции не предполагают ни нарастания, ни убывания степени признака, напр., [p] : [t] : [k] или [f] : [s] : [ʃ] : [x]); наконец, пучковые оппозиции устроены не как последовательный ряд, а как многоугольник (в том числе треугольник), напр., рус. [t] : [s] : [c] или [d] : [n] : [l]).

Развивая теорию оппозиций в русле Ленинградской фонологической школы, Ю. С. Маслов подразделяет оппозиции, кроме того, на следующие подклассы.

(а) По количеству членов — на бинарные (двоичные), напр. /b/ : /b'/, /b/ : /p/, /b/ : /m/, /b/ : /v/, тернарные (троичные), напр., /b/ : /d/ : /g/; и т. д.

(б) По объему членов — на оппозиции отдельных фонем друг другу (которые можно назвать элементарными или негрупповыми) и групповые — оппозиции, противопоставляющие целый класс фонем как единое целое другому классу фонем. Некоторые групповые оппозиции сводимы к серии пропорциональных (напр., оппозиция всех звонких всем глухим). Другие сводимы к пропорциональным лишь частично: так, в рус. яз. представлена групповая оппозиция «взрывной шумный : носовой сонант», охватывающая не только «парные» по данному признаку согласные (/b/ : /m/, /d/ : /n/), но и «непарные» (тем самым в число дифференциальных признаков рус. /g/ включается, напр., признак «неносовая», который, согласно А. А. Реформатскому, относится к интегральным признакам данной согласной фонемы). Иногда же групповая оппозиция вообще не сводима к серии пропорциональных. Так, в любом языке есть групповая оппозиция «гласный : согласный», противопоставляющая всю группу гласных всей группе согласных.

(в) По содержанию — на чистые (простые) и смешанные (сложные). В чистых оппозициях (= «коррелятивным» оппозициям в МФШ) противопоставляемые члены различаются по

какому-то одному признаку (напр., /b/ : /b'/), а в смешанных — по нескольким (напр., /b/ : /p'/).

Якобсон, основываясь на пражской концепции фонологических оппозиций, на теории асимметрического дуализма С. И. Карцевского и на наблюдениях русских грамматистов относительно неравноправности членов **грамматической категории** (А. Х. Востоков, К. С. Аксаков, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский), предпринял в 1930—1950-е годы попытку перенести понятие оппозиции, а также маркированности/немаркированности в область грамматики. Особенную популярность понятие грамматической оппозиции приобрело в аспектологии, где речь идет о видовых (аспектуальных) оппозициях.

В 60—70-е годы понятие оппозиции распространяется также на сферу лексикологии (Д. Н. Шмелёв и др.). Понятие лексической оппозиции используется главным образом для характеристики отношений между членами одной лексико-семантической парадигмы (микросистемы), особенно между **антонимами** (среди антонимических оппозиций выделяются контрарные (полярные), контрадикторные), между **конверсивами** (конверсные оппозиции) или между взаимоисключающими (взаимно дополнительными) когипонимами одного гиперонима. В последнем случае понятие оппозиции сближается с понятием «семантической категории» (см. **Категория**).

Вместе с тем вопрос о типе аналогии между фонологическими и семантическими (сигнификативными) оппозициями решается лингвистами по-разному. Значительные разногласия возникают в связи с понятием **нейтрализации семантических оппозиций**, под которой понимается то омонимия, то вынужденное употребление одной из форм (под давлением лексического либо грамматического контекста) независимо от выражаемого значения, то случаи недифференцированного употребления двух форм, семантически противопоставленных в других позициях.

Литература

- Трубецкой Н. С. Основы фонологии. Пер. с нем. М., 1960.
 Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
 Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Изд. 2-е. М., 1995.
 Булыгина Т. В. Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
 Булыгина Т. В. О границах между сложной единицей и сочетанием единиц. В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

- Постовалова В. И. Фонология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. М., 1973.
- Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Изд. 2-е. М., 1983.
- Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. Изд. 2-е. М., 1991.
- Общее языкознание. Минск, 1983.
- Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов Ю. С. Введение в языкознание. Изд. 2-е. М., 1987.
- Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
- Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М., 1986.
- Журавлев В. К. Диахроническая морфология. М., 1991.
- Реформатский А. А. Дихотомическая модель дифференциальных признаков и фонематическая модель языка // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М., 1989.
- Реформатский А. А. Введение в языковедение. Изд. 5-е. М., 1996.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Размышления об общелингвистических идеях Ю. С. Маслова

Часть 1

Общие проблемы лингвистики, фонетика и лексикология

0.0. Как известно, научное наследие Ю. С. Маслова (1914—1990) достаточно обширно и многогранно: оно включает не только основополагающие работы по славянским языкам (особенно по болгарскому и русскому) и по общей аспектологии, но и ряд блестящих работ по германским языкам, семиотике, истории языкознания.

0.1. Однако предметом настоящего очерка будут лишь основные особенности общелингвистической концепции Ю. С. Маслова, отразившиеся:

(1) в его учебной программе вузовского курса «Введение в языкознание», вышедшей два раза — (1а) в более раннем варианте (1974, далее П-74) и (1б) — в более позднем варианте (1988, далее П-88);

(2) в учебной литературе по этому курсу — а именно (2а) — в книге Ю. С. Маслова «Введение в языкознание», вышедшей (прижизненно) в двух версиях — первым изданием как учебное пособие (М.: Высшая школа, 1975, далее У-75) и вторым изданием — как учебник (М.: Высшая школа, 1987, далее У-87);

(3) в ряде научных статей на общелингвистические темы, вышедших в 1960-е — 1980-е годы, по смыслу примыкающих к тем или иным разделам курса «Введения в языкознание», но написанных именно в жанре выступлений в научной дискуссии, а не в учебном жанре.

0.2. У-75 и У-87 часто воспринимаются лишь в соответствии со своим прямым предназначением — как учебное пособие (У-75)

или учебник (У-87). Это, разумеется, по-своему вполне обоснованный подход, поскольку, действительно, оба эти издания представляют собой наилучшее на сегодня введение в основные понятия «общего языкознания», и вообще одно из самых лучших «введений в языкознание»¹.

0.3. Масловскому «Введению...» свойственно идеально сбалансированное, гармоничное сочетание многих, вообще говоря, трудно совместимых достоинств:

(а) с одной стороны, исключительная точность терминологии, логическая корректность определений, с другой стороны, поразительная ясность изложения, понятность рассуждений, простота стиля (порой стоящего на грани научно-популярного), эксплицитность формулировок;

(б) с одной стороны, полнота охвата общелингвистической проблематики (в рамках выбранного объёма), с другой стороны, достаточная лаконичность текста и умение выделить действительно главные темы, отделив их от второстепенных;

(в) с одной стороны, здоровый консерватизм, т. е. следование классическим традициям во всех фундаментальных вопросах и предельная осторожность при использовании нововведений (все они сделаны не путём «перестройки», а путём «достройки»), с другой стороны, мастерское владение всем конструктивно выработанным концептуальным аппаратом, разработанным в теоретической лингвистике первой половины XX в. (прежде всего, эпохи структурализма), плюс готовность по необходимости изящно дорабатывать традиционный аппарат собственноручно выточенными деталями, — причём всегда ровно там, где необходимость таких достроек мотивирована и доказана, плюс умение мотивировать и доказывать желательность любой предпринятой концептуально-терминологической достройки.

0.4. Однако предметом нашего внимания будет не методическая или педагогическая сторона масловского «Введения...»,

¹ Единственная существенная смысловая лакуна — отсутствие частнолингвистического раздела в У-75 и чрезвычайная скупость такого раздела в У-87 (где он занимает всего три страницы). Образцовое изложение темы «Языки мира» пока встречается исключительно редко. Образцово была выполнена эта задача лишь в книге А. Я. Шайкевича «Введение в лингвистику», где языкам мира посвящена примерно 1/4 книги (≈ 70 с.).

Из более мелких смысловых лагун достойно сожаления полное отсутствие (если не считать мелких экскурсов) обзора основных этапов истории лингвистики, сводного обзора её методов и практических приложений. Однако все эти композиционные решения, по-видимому, были приняты автором вполне сознательно, в расчёте на то, что в учебных программах филологических вузов страны все эти темы составляли предмет отдельных лингвистических дисциплин.

а собственно научный, теоретический аспект указанных книг, на который пока что не было обращено достаточного внимания в специальной литературе. Именно поэтому научные статьи Маслова на общелингвистические темы 1960—1970-х гг. учитываются наряду с его «Введением...».

Иначе говоря, книги и статьи Маслова предлагается рассмотреть как выражение определённой общелингвистической теории. Эта теория в чём-то сходна с теориями других авторов, а в чём-то отличается от них; попытаемся остановиться на тех чертах, которыми масловская концепция языка отличается от других аналогичных концепций. При таком сравнении, очевидно, имеет смысл учитывать прежде всего лишь те лингвистические концепции, которые хронологически предшествуют соответствующим публикациям Маслова, т. е. были разработаны до Маслова и независимо от него.

Разумеется, большинство этих отличий носят сугубо относительный характер, т. е. являются не только «дифференциальными признаками», составляющими отличие теории Маслова от теорий некоторых одних авторов, но и — одновременно с тем — «групповыми отличиями»², сближающими концепцию Маслова с концепциями некоторых других авторов. Иными словами, речь идёт о некоторых новаторских идеях Маслова, в той или иной степени расходящихся с (более или менее) общепринятыми положениями.

Поэтому таких индивидуальных особенностей, которые отличали бы концепцию Маслова сразу от всех других возможных лингвистических концепций, конечно, насчитывается не так уж много. Можно только сказать, что они носят преимущественно терминологический характер.

В дальнейшем изложении термины, впервые появившиеся в работах Маслова, выделены подчёркиванием; пунктирное подчёркивание означает, что термин заимствован Масловым из иноязыч-

² Понятие группового отличия используется в том же смысле, в котором Ю. С. Маслов употреблял понятия «групповой оппозиции» (в отличие от «индивидуальной оппозиции») в фонологии (см. [Маслов 1975: 67; 1987: 58]). Между прочим, аналогичным образом можно было бы в теории грамматических значений (в частности, в аспектологии) говорить о «групповой противопоставленности», например, о «групповой противопоставленности» всех глаголов совершенного вида (как единого класса, включая *perfectiva tanta*) глаголам несовершенного вида (как единому классу, включая *imperfectiva tanta*); аналогичная трактовка возможна для категории грамматического рода у существительных. Не исключено, что, вводя понятие групповой оппозиции в метаязык фонологии, Ю. С. Маслов мог мыслить само это понятие несколько шире и подразумевать возможность его применения, в частности, и в метаязыке грамматики.

ных лингвистических работ; двойное подчёркивание — что термин появился лишь в статьях Маслова, но не вошёл ни в У-75, ни в У-87; точечное подчёркивание означает, что термин впервые употреблён у Маслова именно с таким содержанием и объёмом, как в работах Маслова (а до их появления имел несколько иное значение); простой астериск означает, что термин не вошёл в У-87; двойной астериск означает, что термин не вошёл в У-75.

I. Общие представления о языковедении и языке

I.1.1. Языковое (вербальное) общение рассмотрено не просто само по себе, но на фоне *неязыкового (**невербального) общения (У-87); показана специфика языкового общения среди других форм общения, его генетическое и функциональное соотношение с этими формами (У-75: 23—24; У-87: 8—9).

I.1.2. В У-87: 9—10 дана классификация функций языка. Двумя центральными функциями языка признаются коммуникативная и мыслеформирующая. Разновидностями (сторонами) коммуникативной функции признаются: констатирующая (примерно соответствующая репрезентативной по Бюлеру), вопросительная (в смысле Ф. Кайнца), апеллятивная (по Бюлеру), экспрессивная (по Бюлеру), контактоустанавливающая (= фатической по Б. Малиновскому), метаязыковая (по Якобсону), эстетическая (= поэтической по Якобсону). К когнитивной и коммуникативной функциям добавлена ещё функция языка как *индикатора принадлежности к определённой группе людей.

I.1.3. В У-75: 5—10 и У-87: 10—14 аккуратно сформулировано разграничение понятий языка и речи (в русле традиций Л. В. Щербы) и описано их взаимоотношение. Речь есть форма существования языка: язык функционирует и «непосредственно дан» в речи. Как лингвист, так и природный носитель языка познаёт язык, «добывая» его из речи. Только лингвист делает это осознанно, а ребёнок — стихийно.

Речь подразделяется:

(а) на внутреннюю (вербальное мышление) vs. устную (говорение, слушание) vs. письменную (писание, чтение);

(б) на речевую деятельность vs. её результат — тексты;

(в) на речевую деятельность вообще vs. её отдельное проявление — речевой акт vs. речевой опыт индивида;

(г) на порождение текста (говорение, писание) vs. его восприятие (слушание, чтение) и понимание.

Язык подразделяется на инвентарь (т. е. систему единиц и вариантов единиц) vs. грамматику (в широком смысле слова) (т. е.

систему правил функционирования = правил порождения понимания текстов). У языковых элементов различается две ипостаси: абстрактная (языковая) единица (принадлежащая языковой системе) vs. конкретный (речевой) экземпляр единицы (принадлежащий речевому потоку)³. Для терминологического обозначения абстрактных элементов рекомендуется использовать термины со специальным суффиксом «-эма»; а для обозначения их экземпляров в тексте — их корреляты без этого суффикса.

Вместе с тем внутри абстрактных (языковых) единиц также различается две ступени абстракции: а именно — на первой ступени абстракции различаются «варианты», а на второй — «инварианты». Для обозначения вариантов рекомендуется использовать термины со специальным префиксом «алло-», а для обозначения инвариантов — их корреляты без этого суффикса.

На этих двух тезисах следует остановиться подробнее. Дело в том, что терминологические предложения Ю. С. Маслова, к сожалению, остались в нашей лингвистике незамеченными и не оценёнными по достоинству.

Дело в том, что у абсолютного большинства авторов, пишущих на тему о языковых единицах, не только отсутствует чёткое разграничение между терминами, но, увы, либо отсутствует и само разграничение языковых и речевых единиц⁴, либо оно проводит-

³ Это различие восходит, по-видимому, к работам Ч. С. Пирса середины XIX в., где знак-тип (type) отграничивается от знака-экземпляра (token); ср. также разграничение предложения и высказывания в книге [Волошинов 1930], позднее развитое в ряде статей М. М. Бахтина (см. [Бахтин 1975]).

⁴ Единственным исключением можно считать различие конкретных vs. абстрактных сегментов, а также конкретных vs. абстрактных словоформ в книге [Зализняк 1967: 19—22], появившейся незадолго до статьи [Маслов 1968а] (где было введено аналогичное разграничение для всех основных единиц языка). Примечательно, что в работе А. А. Зализняка (терминологически исключительно точной) разграничение абстрактных и конкретных единиц «лексемь» считается исключительно абстрактной единицей [Зализняк 1967: 21]; между тем как в концепции Маслова у «лексем» также имеются свои речевые экземпляры — их вхождения в текст («лексь»). Однако если понятие «абстрактной словоформы» (по Зализняку) примерно соответствует масловским понятиям «синтетической грамматической аллолексемь» и «грамматической аллоглоссемь», то понятию «конкретной словоформы» (по Зализняку) приблизительно соответствуют масловские понятия «глоссь» и «синтетической (простой) лексы //синтетического (простого) лекса». Причиной некоторой терминологической несимметрии, по-видимому, является то, что разграничение абстрактной лексемь и её вхождения в конкретный текст необходимо в первую очередь либо для изучения речевой употребительности лексем, либо для изучения явлений повторной номинации в тексте. Ни та, ни другая область в книге А. А. Зализняка не затрагивались, так как не входили в её предмет. Поэтому наиболее строгим соответствием зализняковской «конкретной словоформы» был бы «речевой экземпляр язы-

ся непоследовательно. Одна из самых типичных ошибок, встречающихся в этой области, — смешение двух принципиально разных разграничений: «языковая единица vs. речевой экземпляр» и «вариант vs. инвариант». Естественным следствием мыслительной (концептуальной) путаницы в подобных случаях является путаница словесная (терминологическая).

Одним из следствий указанной нечёткости является тот факт, что термины с префиксом «алло-» либо фигурируют в качестве избыточных синонимичных дублетов по отношению к их беспрефиксно-бессуффиксным коррелятам (т. е. члены пар типа «морф — алломорф», «фон — аллофон» оказываются синонимичными дублетами), либо разграничиваются по признаку контекстно обусловленному и именно потому не слишком существенному — а именно по признаку наличия при термине косвенного дополнения в родительном падеже: «аллофон фонемы такой-то», «алломорф морфемы такой-то» (фактически можно в таких случаях употреблять вместо терминов «алломорф» и «аллофон» просто термин «вариант»).

Между тем терминологическое уточнение, предложенное Ю. С. Масловым (по-видимому, под влиянием Э. Палгрэма⁵), является одновременно и чётким концептуально, и изящным терминологически. Поэтому неприятие этого предложения абсолютным большинством пишущих на эти темы теоретиков можно объяснить лишь общим консерватизмом любого научного сообщества, призванного оценивать и адаптировать терминологические новшества.

* * *

Экскурс 1.

О живучести терминологических инноваций

Впрочем, такая коллективная инертность, «топящая» удобные рацпредложения, оказалась неблагоприятной не к одному лишь Ю. С. Маслову. Она вообще действует как общий закон жизни научных сообществ. Исключение на первый взгляд составляют многочисленные случаи хорового подхватывания нового термина толпой адептов харизматического лидера научной школы. Однако в действитель-

кового варианта» — теоретический объект, не получивший в системе Маслова специального терминологического обозначения, но заслуживающий (в русле масловских принципов терминообразования!) наименования «грамматическая аллоглосса» или «синтетическая (простая) грамматическая аллолекса // синтетический (простой) грамматический аллолекс». Ниже приведена таблица, в которой этот гипотетический объект включён.

⁵ [Pulgram 1961: 72—74].

ности мы здесь сталкиваемся с некоторой иллюзией. Новый термин и впрямь подхватывается многими, однако сами эти «многие» составляют относительно замкнутую группу, вообще склонную к эзотерическому употреблению терминов; в таком случае есть опасность, что через одно-два поколения сама школа мирно угаснет, а вместе с ней угаснет и её профессиональный жаргон. В таком случае придётся признать, что анализируемый термин хотя и прижился в рамках некоторой научной школы (учеников создателя термина), но не вышел за её пределы и угас вместе с данной школой.

Можно полагать, что об истинной живучести терминологических инноваций можно будет судить лишь тогда и лишь в той степени, когда и в какой степени эти терминологические инновации распространятся за пределами породившей их лингвистической школы. Например, в XX в. в метаязык достаточно разных научных школ вошли понятия морфемы, фонемы, синхронии, диахронии, синтагматики, парадигматики, оппозиции, нейтрализации, дифференциального признака, актанта, валентности, дистрибуции, трансформации, языкового союза и некоторые другие, период экспансии которых приходится на начало и середину XX в.

Что касается индивидуальных инноваций конца XX в. (скажем, последнего сорокалетия), то вопрос о том, что прижилось в общем употреблении, а что осталось «приметами времени» и профессиональными «жаргонизмами» отдельных научных кружков, пока что в основном остаётся открытым. Думается, здесь будут сколько-нибудь основательными лишь чрезвычайно осторожные гипотезы, базирующиеся на тонких и тщательных измерениях употребительности терминов вне рамок тех школ, в которых эти термины были порождены.

* * *

Вернёмся к изложению концепции Маслова. Из того что разграничение «инвариант vs. вариант» проводится независимо от разграничения «языковая единица vs. её речевой экземпляр в тексте» (а это было Масловым продемонстрировано со всей убедительностью), следует, что в целом перед нами не только не дву-членное, но даже более того — в пределе и не трехчленное (как у Маслова), а четырёхчленное противопоставление: ведь свои речевые экземпляры есть не только у инвариантов, но и у вариантов⁶. И для всех четырёх возможностей можно построить соответствующие им термины «аллоэмического» типа⁷. Таким образом, вы-

⁶ Правда, в книгах У-75 и У-87 различие между экземпляром варианта и экземпляром инварианта фактически не описывается, поскольку считается малосущественным.

⁷ Сознывая, что добавление четвёртого члена («алло-Х» без суффикса «-эма») не вполне соответствует концепции и реальной терминологии Ю. С. Маслова, я все-

деляются следующие стройно организованные терминологические «квадраты».

На фонемном уровне:

		инвариант	вариант
в языке (в системе)	абстрактная единица	фонема ⁸	аллофонема ⁹
в речи (в тексте)	экземпляр (вхождение)	фон ¹⁰	?аллофон ¹¹

На графемном уровне:

		инвариант	вариант
в языке (в системе)	абстрактная единица	графема ¹²	аллографема ¹³
в речи (в тексте)	экземпляр (вхождение)	граф ¹⁴	?аллограф

На морфемном уровне:

		инвариант	вариант
в языке (в системе)	абстрактная единица	морфема ¹⁵	<u>алломорфема</u> ¹⁶
в речи (в тексте)	экземпляр (вхождение)	морф ¹⁷	?алломорф ¹⁸

таки считаю возможным добавить их для полноты картины, поскольку такое уточнение терминов, несколько отличаясь от «буквы» масловской концепции, по моему, вполне соответствует её «духу». По крайней мере, терминологическим предложениям статьи [Маслов 1967] такая достройка, на мой взгляд, несколько не противоречит.

⁸ У-75: 29, 59; У-87: 28, 44—46, 52—53.

⁹ У-75: 53, 58—59; У-87: 48, 52—53.

¹⁰ У-75: 29, 59; У-87: 44—46, 52—53.

¹¹ У-75: 53, 59; У-87: 48, 52.

¹² У-75: 29, 301; У-87: 238.

¹³ У-75: 302; У-87: 239.

¹⁴ У-75: 29, 301; У-87: 238.

¹⁵ У-75: 28—29, 164—166; У-87: 27—28, 131—133.

¹⁶ У-75: 166; У-87: 133.

¹⁷ У-75: 28—29, 166; У-87: 27—28, 133.

¹⁸ У-75: 166; У-87: 133.

На глоссемном уровне ¹⁹:

		инвариант	вариант
в языке (в системе)	абстрактная единица	глоссема ²⁰	аллоглоссема ²¹
в речи (в тексте)	экземпляр (вхождение)	глосс(а) ²²	?аллоглосс(а)

На лексемном уровне:

		инвариант	вариант
в языке (в системе)	абстрактная единица	лексема ²³	аллолексема ²⁴
в речи (в тексте)	экземпляр (вхождение)	лекс(а) ²⁵	?аллолекс(а) ²⁶

На первый взгляд такое обилие аллоэмиических терминов может кому-то показаться излишеством. Однако все эти понятия безусловно нужны и желательны. И вот почему.

Во-первых, лингвист, исследующий язык, всегда непосредственно имеет дело именно с речевыми экземплярами языковых единиц, а языковые единицы получает путём абстрагирования (это с очевидностью показано классическим структурализмом, особенно реальной практикой дескриптивизма).

Во-вторых, квантитативная лингвистика изучает именно речевые экземпляры языковых единиц. Так, частотность лексем — это отношение числа лексов данной лексемы к общей длине текста в лексах (//?аллолексах); лексическое разнообразие (богатство) текста — это отношение общего числа разных лексем к общей

¹⁹ О различии между лексемой и глоссемой, также введённом в лингвистику Ю. С. Масловым (в статье [Маслов 1968а]), будет сказано чуть ниже. Оно повторяется затем в У-75, но в У-87 опущено. Это очевидным образом отражало отнюдь не изменение концепции Ю. С. Маслова, а всего лишь результат адаптации книги к уровню доступности студентам-первокурсникам (см. об этом: У-87: 3).

²⁰ У-75: 10, 28—29, 110.

²¹ У-75: 111.

²² У-75: 110. Глосса именуется также другими терминами: «речевое слово» (У-75: 10, 110), «экземпляр слова в тексте» (У-75: 10, 28), «словоупотребление» (У-75: 10), «слово в тексте» (У-75: 28), «экземпляр слова в речи» (У-75: 110). Все эти понятия, вообще говоря, соотносимы также с «аллоглоссой» (в том понимании этого, которое предложено выше).

²³ У-75: 10, 110; У-87: 13, 27, 89.

²⁴ У-75: 111; У-87: 89—90.

²⁵ У-75: 110; У-87: 89.

²⁶ У-87: 90.

длине текста в лексах. Частотность словоформы — это отношение числа ?аллолексов данной аллолексемы к общей длине текста (в лексах //аллолексах).

В-третьих, изучение проблем референции и структуры текста, активно происходившее всю вторую половину XX в., выдвинуло на первый план именно изучение речевых экземпляров и отношений между ними. Таковы, например, отношения кореферентности (повторной номинации) и анафоры. Всё это — отношения не между «лексемами», а между «лексами» (или «?аллолексами»).

В-четвёртых, изучение речевых актов (активно происходящее с середины 1960-х гг.) поставило в центр внимания такую единицу, как высказывание (в отличие от предложения). Но само терминологическое разграничение предложения и высказывания также является не чем иным, как экстраполяцией пирсовского различия («тип» vs. «экземпляр») или, в соскоровской терминологии, различия «langue» vs. «parole», на область более крупных единиц речевого общения, чем фонема, морфема и слово, изучавшиеся в классическом структурализме²⁷.

I.1.4. Специфика вербального мышления показана на фоне мышления невербального.

I.1.5. В противовес младограмматическому представлению о языке индивида как о единственной реальности подчёркнута коллективная сущность языка, его социальный характер.

I.1.6. Стилистические различия в языке описаны не как разновидность лексических различий слов, но как различия между самими функциональными разновидностями языка в целом, охватывающие целый ряд уровней, включая фонетику и грамматику.

²⁷ Примечательная разница в том, что соответствующую пару понятий пока что никто (в том числе и Маслов) не предлагал описывать с помощью аллоэтимической терминологии. Если бы это было сделано, то мы получили бы терминологическую пару «фраза vs. фразема», где «фраза» = «экземпляр предложения в речи» = «высказывание» (как событие), а «фразема» = «предложение в языке». Трудность здесь в том, что оба члена пары уже нагружены посторонними терминологическими ассоциациями, мешающими провести такое предложение в жизнь. Несколько легче, но тоже трудно было бы ввести аналогичное различие для терминологического разграничения словосочетаний в речи и в языке: тогда мы получили бы пару вроде «синтагма vs. синтагмема».

Ю. С. Маслов не стал делать такого рискованного теоретического шага по понятным причинам: как он сам справедливо замечает, свободное предложение и свободное словосочетание в рамках его концепции вообще являются не языковыми знаками, а речевыми комбинациями языковых знаков; языку принадлежат лишь «структурные модели», по которым они строятся. Этот факт уже сам по себе тормозит проведение дальнейших аналогий и, таким образом, устанавливает естественную преграду также на пути терминотворчества в этой сфере.

1.2. Тщательно разработана Ю. С. Масловым знаковая теория языка (то, что иногда называют лингвосемиотикой). Обычно, обсуждая вопрос о направлениях и достижениях отечественной семиотики, работы Маслова почти не упоминают. Между тем работы Маслова содержат не только исключительно аккуратно (безошибочно), точно (недвусмысленно), лаконично и ясно изложенное введение в основные понятия семиотики, к тому же написанное достаточно просто и понятно для студентов, но и воплощённую в них самостоятельную и целостную семиотическую концепцию. Остановимся на её основных положениях (о противопоставлении инвариантов, вариантов и экземпляров уже было сказано выше).

1.2.1. В ряде работ Ю. С. Маслов разработал концепцию языка как знаковой системы особого рода; иначе говоря, в них изложено представление о знаке вообще и о языковом знаке в частности²⁸. Знак вообще характеризуется: (1) наличием экспонента (означающего); (2) наличием содержания (означаемого); (3) противопоставленностью другим знакам; (4) условность, иногда сопровождаемая частичной мотивированностью; (5) обобщённость и схематичность отражения действительности²⁹.

1.2.2. Структура языка как знаковой системы.

1.2.2.А. Учение о языковом знаке.

К языковым знакам Ю. С. Маслов относит морфемы, устойчивые сочетания морфем (напр., основы), слова (кроме окказиональных), устойчивые сочетания слов (вплоть до пословиц, сентенций, цитат), а также «структурные модели», по которым строятся окказиональные слова, инкорпоративные комплексы, «свободные» (т. е. обыкновенные, нефразеологизованные) словосочетания и «свободные» предложения.

К речевым комбинациям языковых знаков — окказиональные слова, инкорпоративные комплексы, «свободные» словосочетания и «свободные» предложения.

К односторонним языковым единицам, или «фигурам» (по Л. Ельмслеву), отнесены фонемы, их дифференциальные признаки, слоги (силлабемы), а также нелинейные (супрасегментные) единицы (например, ударение).

В ранней версии своей лингвосемиотической концепции³⁰ Ю. С. Маслов исходил из расширенного понимания знака³¹. Со-

²⁸ У-75: 24—34; У-87: 24—32.

²⁹ У-75: 24—27; У-87: 24—26.

³⁰ См. [Маслов 1967а].

³¹ Эта ранняя версия масловской концепции знака была отчасти созвучна семиотической концепции А. А. Реформатского, где было предложено трактовать фонемы как знаки.

гласно этому пониманию, в сложных знаковых системах (не только в языке), в отличие от простейших систем типа дорожной сигнализации (где в знаке неразрывно слита информативная, перцептивная и дистинктивная функция), перцептивная и дистинктивная функция обособлены от функции информативной. Поэтому в таких системах выделяемо по меньшей мере два знаковых яруса: ярус знаков-информаторов (или «собственно знаков», т. е. знаков, обладающих всеми свойствами знака) и ярус знаков-дистинкторов (= «фигур», по Ельмслеу), не выполняющих информативной функции (по отношению к знакам-информаторам дистинкторы выполняют лишь конститутивную функцию)³². Примерами дистинкторов являются точки и тире в азбуке Морзе.

В некоторых знаковых системах выделяется ещё группа знаков-делimitаторов, или разграничительных сигналов. Они выполняют делимитативную функцию. Примерами делимитаторов являются паузы (или пробелы) в азбуке Морзе.

Дистинкторы бывают относительно самостоятельными (способными в частном случае хотя бы потенциально составлять экспоненты каких-либо знаков-информаторов: например, точки и тире в азбуке Морзе) и абсолютно несамостоятельными (неспособными выступать в такой роли: например, во флажковой сигнализации — форма полотнища; цвет; порядок расположения, количество и форма разноцветных полей).

В естественном языке представлены и делимитаторы (напр., фиксированное ударение), и дистинкторы (дифференциальные

³² Таким образом, дистинкторы трактуются Ю. С. Масловым фактически как неполноценные (не «настоящие», не «подлинные») знаки в отличие от «собственно знаков» [Маслов 1968а: 74]. Именно поэтому он уже в статье 1967 г. сочувственно цитирует характеристику фигур как «незнаков» Л. Ельмслеу; между тем трактовка А. А. Реформатским фигур («диакритию») как настоящих знаков («знаков I рода»), а морфем и слов («символов») — как не вполне «настоящих» знаков («знаков II рода»), которые трактуются как знаки лишь на том основании, что «составлены из знаков I рода (фонем, букв)», уже в статье 1967 г. вызвала у Ю. С. Маслова решительные возражения. В частности, отмечается: «...существуют знаковые системы, обходящиеся вообще без знаков-дистинкторов (см. пример с железнодорожным семафором). Но знаковых систем, в которых бы отсутствовали бы знаки-информаторы, принципиально не бывает (...), только наличие знаков-информаторов является необходимым и достаточным условием существования знаковой систем» [Маслов 1967а: 294]. Однако тут же делается оговорка, признающая и важное рациональное зерно в концепции А. А. Реформатского: «Вместе с тем любая сколько-нибудь развитая знаковая система предполагает наличие и знаков-дистинкторов, из более или менее ограниченного репертуара которых складывается гораздо большее число (в естественном языке — практически неограниченное число) экспонентов знаков-информаторов» (там же: 294); сама эта мысль перекликается с идеями классического европейского структурализма (особенно с идеями Л. Ельмслева, Р. Якобсона, А. Мартине).

признаки, фонемы, просодические и другие супraseгментные особенности). Относительно самостоятельными дистинкторами являются фонемы³³. Дифференциальные признаки относятся к числу несамостоятельных дистинкторов, однако не безоговорочно, так как некоторые дистинкторы допускают трактовку их как самостоятельных экспонентов (носителей грамматической информации): так, принадлежность гласного к заднему или переднему ряду в немецких *Bruder : Brüder, Mutter : Mütter; Tochter : Töchter, Ofen : Öfen* — как экспонент соответственно единственного и множественного числа, наряду с трактовкой этих пар как различающихся фонемами. Преимущественно самостоятельными дистинкторами (обычно функционирующими как информаторы) являются мелодика, паузы, фразовое и логическое ударение, словесное ударение с грамматической функцией (как в англ. /'ɪmpɔ:t/ vs. /ɪm'pɔ:t/). Несамостоятельным дистинктором является, например, русское словесное ударение (в омографических парах — как разнокоренных, типа *мука́ — му́ка*, так и однокоренных, вроде *руки — руки́, узнаю — узнаю́*).

Аранжировка слов является информатором, а аранжировка фонем в составе морфем — дистинктором (несамостоятельным).

В более поздних работах (в частности, в У-75 и У-87) Маслов фактически отошёл от расширенной трактовки понятия знака в пользу более узкой трактовки, при которой знаками считаются только «знаки-информаторы». Тем не менее основная суть его семиотической концепции в основном осталась той же, только «знаки-дистинкторы» в более поздней версии именуется не «знаками», а «фигурами» (вслед за Л. Ельмслевом). Все рассуждения о «знаках-дистинкторах» в статье 1967 г. вполне допускают переформулировку в терминах «фигур-дистинкторов»³⁴.

1.2.2.Б. Теория языковых уровней (ярусов), единиц и отношений.

В ряде работ³⁵ Ю. С. Маслов разработал оригинальную теорию языковых уровней, единиц и отношений. Вкратце её можно очертить следующим образом.

³³ Таким образом, основная функция фонемы определяется как д и с т и н к т и в н а я. Поэтому предложенный А. А. Реформатским (в том же значении) термин «сигнификативная функция фонемь» не без основания оценивается как неудачный.

³⁴ К паре терминов «дистинктор» и «делимитатор» напрашивается ещё один рядоположный к ним термин «кульминатор» (предлагавшийся, например, в работах С. К. Шаумяна и Е. Л. Гинзбурга). Кульминатор — это фигура с вершинообразующей (выделительной) функцией. В таком случае общесемиотическая функциональная классификация фигур подразделяет их на дистинкторы, делимитаторы и кульминаторы.

³⁵ См. в особенности [Маслов 1967г; 1968а]; У-75: 27—30; У-87: 26—30.

1.2.2.Б1. Во-первых, подробно анализируется само главное отношение, лежащее в основе любой знаковой ситуации, — отношение «замещения» (*aliquid stat pro aliquo*), наличествующее между реальностью (А) и её знаковым «заместителем» или «представителем» (В) ³⁶.

Первый член отношения традиционно называется «означающим» («*signans*») (а в «унилатералистских» концепциях знака — метонимически, просто «знаком» = «*signum*»), «формой», а также «выражением» (или «планом выражения»); Маслов к этим синонимичным терминам добавляет созданный им термин «экспонент», весьма удобный (своей недвусмысленностью).

Второй член знакового отношения традиционно называется «означаемым» («*signatum*») или «содержанием» (//«планом содержания») (термин «содержание», вслед за Ельмслевом, выбирает и Маслов).

Само знаковое отношение, прочитываемое со стороны «от экспонента — к содержанию», называется «обозначает» («означает», «выражает», «передает»). То же отношение, прочитываемое в обратном направлении — со стороны «от содержания — к экспоненту», называется, соответственно, обратными терминами: «выражается» и пр.

Содержание слова достаточно многогранно: оно включает лексическое значение (изучаемое в лексикологии, см. ниже), грамматическое значение (изучаемое в грамматике, см. ниже) ³⁷, а также (у некоторых слов) мотивировку. Учение о мотивировке представляет собой оригинальную сторону семиотической концепции Маслова, которая не находит себе аналога в большинстве семиотических концепций ³⁸.

Лексическое значение охватывает: (1) связь слова с действительностью («предметную отнесённость» ³⁹), (2) связь слова с человеческим мышлением, с логикой («понятийную отнесённость» ⁴⁰), а также его связь с выражением настроения, эмоций говорящего (экспрессивная функция) и (3) его соотношение с другими словами данного языка («значимость») ⁴¹.

³⁶ У-75: 24; У-87: 24.

³⁷ У-75: 111—112; У-87: 90.

³⁸ Исключение составляет работа [Гак 1977], где построена теория языковых знаков («номинаций»), включающая среди основных сторон знака его «внутреннюю форму» и содержащая подробное обсуждение проблемы «мотивированности» знака.

³⁹ У-75: 112; У-87: 91.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

Грамматическое значение оказывается столь же многогранным, как и лексическое, и его «границы» во многом параллельны «границам» лексического значения. В самом деле, оно охватывает: (1) связь с действительностью (наблюдаемой и преломляемой сознанием) и с отражающим эту действительность мышлением (граммемы «объективных» грамматических категорий: числа, одушевлённости, пола); (2) положение участников общения относительно описываемой ситуации (граммемы «дейктических» грамматических категорий: времени и лица) и угол зрения, под которым рассматривается действительность (граммемы вида, залога, определённости-неопределённости) (оба подтипа в пункте «2» относятся к «субъективно-объективным» грамматическим категориям); (3) сигнализирующие факты связи между словами (граммемы грамматического рода, не связанного с полом) (граммемы «формальных» грамматических категорий)⁴².

1.2.2.Б2. Во-вторых, строится теория отношений между единицами разной ступени абстрактности. Напомним (см. выше), что Маслов выделял три ступени абстракции: (1А) высшая (языковая единица-«инвариант», «ЯИ»), (1В) меньшая (языковая единица-«вариант», «ЯВ») и (2) нулевая (речевая реализация-экземпляр, «РЭ»). Фактически Маслов использует обращение к похожей схеме ступеней абстракции не только при описании фона и двусторонних единиц, но также и при описании единиц плана содержания.

А именно: при рассмотрении предметной отнесённости Маслов фактически рассматривает её и на ступени «ЯИ» (предметная отнесённость «в системе языка»⁴³, или «класс денотатов»⁴⁴), на ступени «ЯВ» («денотат»⁴⁵ в системе, «любой конкретный случай»⁴⁶, частная предметная отнесённость в системе⁴⁷) и на ступени «РЭ» (предметная отнесённость «в речи, в тексте»)⁴⁸.

Интересно, что, кроме того, Масловым фактически отмечены и некоторые нетривиальные связи между речевой и языковой предметной отнесённостью (в связи с переходами нарицательных слов в заместительные и наоборот; переходом нарицательных слов в собственные имена, и наоборот).

⁴² У-75: 161; У-87: 128.

⁴³ У-75: 114; У-87: 92. В современной лингвистике чаще всего употребляют термин «экстенционал». Каждый отдельный элемент экстенционала называется «денотатом».

⁴⁴ У-75: 113; У-87: 92.

⁴⁵ У-75: 112, 114; У-87: 91.

⁴⁶ У-75: 113; У-87: 92.

⁴⁷ У-75: 113—114; У-87: 92.

⁴⁸ У-75: 114; У-87: 93. В современной лингвистике чаще всего употребляют термин «референт».

Концептуальное значение тоже фактически рассматривается и на ступени «ЯИ» (как «десигнат»⁴⁹), на ступени «ЯВ» (как «семантический вариант»⁵⁰ или «одно из нескольких потенциальных значений»⁵¹) и на нулевой ступени «РЭ» (как «актуальное значение»⁵², в частности, как «употребление слов в речи», «мимолётное использование»⁵³). Так, феномен тропов наблюдается именно на ступени «РЭ» (в речи); при закреплении (фиксации) переноса в языке возникает феномен переносного значения (ступень «ЯВ»); на ступени «ЯИ» возникает феномен «смысловая связь между значениями многозначного слова»⁵⁴, «мотивированность переносного значения прямым»⁵⁵.

Грамматическое значение тоже рассмотрено и на ступени «ЯИ» («граммама»⁵⁶ с её «семантическим спектром»⁵⁷), и на уровне «ЯВ» («потенциально присущие им в языке значения»⁵⁸), и на уровне «РЭ» («употребление», «актуализируемое значение»⁵⁹).

I.2.2.БЗ. В-третьих, Масловым была построена система т. н. «ярусов», единицы которых находятся друг к другу в отношении «членения».

В плане выражения выделяются следующие ярусы: эксплицитно выделены «дифференциальный признак» («меризм») и «фонема», но имплицитно фактически дальше следуют: «слог (/ / силлабема) — такт (/ / акцентное слово) — синтагма — высказывание.

В плане содержания эксплицитно выделяется ярус сем⁶⁰ (/ / семем⁶¹ // семантических признаков⁶² // семантических множителей⁶³), но при этом лексические⁶⁴ и грамматические⁶⁵ значения трактуются как сочетания (пучки) семантических признаков, т. е. фактически как сложные семантические единицы. Масловская

⁴⁹ У-87: 91.

⁵⁰ У-75: 124; У-87: 102.

⁵¹ У-75: 130; У-87: 106.

⁵² Там же.

⁵³ У-75: 126—127; У-87: 104.

⁵⁴ У-75: 125—126; У-87: 92.

⁵⁵ У-75: 137; У-87: 112.

⁵⁶ У-75: 159; У-87: 127.

⁵⁷ У-75: 161; У-87: 128.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ У-87: 97.

⁶¹ [Маслов 1968а: 71].

⁶² У-75: 119; У-87: 97.

⁶³ У-75: 119.

⁶⁴ У-75: 118—119; У-87: 97.

⁶⁵ У-75: 160; У-87: 127.

трактовка ярусов, состоящих из односторонних единиц (фигур), более или менее традиционна. Гораздо больший интерес представляет его трактовка знаковых (двусторонних) единиц.

Соглашаясь с традиционным мнением о необходимости выделять ярусы морфемы, слова и предложения, Маслов предложил для большей ясности наряду с недифференцированным понятием «слова вообще» воспользоваться парой взаимосвязанных понятий, уточняющих традиционное понятие слова. А именно, слово как потенциальный минимум предложения (как минимальную свободную форму — таково определение слова по Л. Блумфилду, следующему за Г. Суитом) Маслов предложил именовать лексемой, а слово как минимальный подвижный компонент предложения (= максимальную неразрывную единицу, таково определение слова по Б. Трнке) он назвал «глоссемой».

Различие между этими двумя ярусами можно проще всего объяснить следующим образом. Глоссемы бывают знаменательными и служебными, но не бывают «разрывными» (дистактными, составными). Лексемы бывают «разрывными» (аналитическими, составными), но не бывают «служебными»⁶⁶.

Расхождение между лексемой и глоссемой происходит в случае употребления аналитических форм, аналитических конструкций и — шире — аналитических образований, а также составных лексических единиц. А именно, во всех подобных случаях лекса состоит из нескольких глосс. Соответственно, перед нами либо

⁶⁶ Впрочем, здесь необходимы некоторые оговорки. А именно:

(1) Вспомогательные глаголы, способные формировать отдельное высказывание, оказываются при таком понимании тоже лексемами (хотя и с грамматическим типом значения). В значительной степени их самостоятельность сказывается и на их акцентном статусе как отдельных самостоятельных слов. По мере клитизации единицы степень её синтаксической самостоятельности тоже падает. Между тем у связочных и вспомогательных глаголов она в достаточной степени велика.

(2) Кроме того, в ранней версии масловской концепции ярусов (1968а) такие служебные слова русского языка, как союзы, вопросительная частица *ли* и т. п., трактовались тоже как отдельные лексемы (но на основании всего лишь принципа безостаточной выделяемости). В версии У-75: 219, 230 трактовка этих единиц стала несколько менее прямолинейной (по крайней мере, они нигде не трактуются как особые лексемы). Похоже, что в рамках концепции У-75 вполне допустима и даже напрашивается трактовка союзов и частиц как служебных глоссем, не составляющих отдельной лексемы. В таком случае, по-видимому, не остаётся никакого логически стройного решения, кроме как считать такты (акцентные слова), образуемые с участием союзов и частиц, аналитическими формами (аллолексемами) тех знаменательных лексем, которые составляют акцентное ядро соответствующих тактов (акцентных слов). Такая трактовка во многом нетрадиционна, но её нетрадиционность не больше, чем нетрадиционность всех основных положений масловской теории аналитических образований в языке.

«аналитические формы лексем» (//«аналитические аллолексем») (т. е. состоящие из двух и более глоссем), либо «аналитические лексем» (т. е. лексем, состоящие из двух глоссем).

Не всё в разграничении лексем и глоссем разработано с достаточной полнотой; в частности, не вполне ясно, как трактовать полуслужебные и вспомогательные глаголы. Ведь их статус — промежуточный: с одной стороны, они образуют аналитические формы (вспомогательные глаголы) или аналитические образования лексического характера (полуслужебные глаголы), с другой стороны, обладают не только акцентной самостоятельностью (это для Маслова ещё не решающий критерий), но, что более важно, интонационной самостоятельностью (т. е. могут составлять целую рему высказывания: *Помощь врачи оказали: Письмо я буду писать*) и по этой причине могут фигурировать в качестве ответов на вопрос (*Оказали врачи помощь? — Оказали!; Будешь писать письмо? — Буду!*). Но в таком случае неизбежно признать, что по одному критерию (наличие формообразовательной или лексеμοобразовательной функции) глагольные формы *буду*, *оказали* суть служебные глоссем, не составляющие отдельной лексем; а второму критерию — «составлять потенциальный минимум высказывания» — вполне удовлетворяют и, значит, могут считаться отдельными лексемами.

Справедливости ради надо отметить, что на противоречивый характер вспомогательных глаголов обратил внимание уже сам Маслов: «на вопрос *Будешь обедать?* возможен ответ — *Буду!* Таким образом, *буду* — отдельное слово также для Суита и Блумфилда. Тем самым *буду обедать*, являясь формой одного слова, всё-таки оказывается одновременно и сочетанием двух слов»⁶⁷. Тем самым Маслов фактически признал, что введённое им в 1968 г. разграничение лексем и глоссем внесло ясность лишь в проблему определения грамматического статуса служебных слов клитического характера, а также компонентов относительно монолитных фразеологизмов. Между тем проблема определения грамматического статуса таких единиц, которые являются акцентно и интонационно самостоятельными, но семантически (и в некоторой степени синтаксически) служебными — например, вспомогательных глаголов и, шире, вообще десемантизованных (//строєвых) знаменательных слов, способных функционировать в качестве минимальной реплики, — осталась фактически открытой. Это, однако, нисколько не даёт оснований ставить под сомнение теоретическую ценность разграничения между лексемами и

⁶⁷ У-75: 109 сн.

гlossenями, предложенного Масловым, но лишь показывает необходимость и желательность дальнейшей разработки концептуального аппарата теоретической грамматики в этой сфере⁶⁸.

Разграничение лексем и глоссем влечёт за собой аналогичное разграничение в области грамматических категорий. Согласно Ю. С. Маслову, «в пределах грамматического измерения есть своя иерархия и, в частности, «ярус синтетически выраженных грамматических категорий» (соответствующий глоссемам) лежит ниже «яруса любых грамматических категорий слова» (соответствующего лексемам)»⁶⁹. В частности, с этой точки зрения неизбежен вывод, что «в русском языке категория падежа состояла бы в рамках нижнего грамматического яруса из шести грамем, а в рамках верхнего включала бы ещё и множество аналитических падежных грамем, которые можно было бы, если угодно, называть “инэссивом” (в столе), “аблативом” (из стола), “аллативом” (к столу) и т. д. В английском языке категория времени в рамках нижнего яруса состояла бы из двух грамем — Present и Past Indefinite, а в рамках верхнего яруса — из значительно большего числа грамем, и т. д.»⁷⁰. Исходя из этого, предлоги трактуются им как аналитические показатели падежей⁷¹.

Ярусы предложения, лексем, глоссем, морфем, фонем и дифференциального признака фонем Маслов характеризует как основные⁷². Основные ярусы определяются «как ярусы минимальных, то есть с той или иной точки зрения неделимых единиц языка»⁷³.

1.2.3. Ю. С. Маслов показывает, что языковые знаки вполне обладают теми признаками, которыми обладают знаки вообще⁷⁴. Вместе с тем он отдельно перечисляет свойства, определяющие специфику языка по сравнению с другими знаковыми системами: (1) универсальность (безграничность содержания, широта комбинирования, способность употребляться в новых значениях); (2) сложность (разграничение полных и частичных знаков, простых и сложных знаков, однозначных и «пустых» знаков, а также знаков и фигур); (3) асимметрия (нелогичность, нера-

⁶⁸ Некоторые предварительные попытки в этом направлении предпринимались В. Г. Гаком (см. в особенности его книгу [Гак 2000]), но проблема в целом остаётся нерешённой.

⁶⁹ Маслов 1968а: 71.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ У-75: 109, 199—200, 206, 219, 223; У-87: 89, 154—155, 158—159, 167, 171—172.

⁷² Маслов 1968а: 70.

⁷³ Там же: 71.

⁷⁴ Маслов 1967в; У-75: 30—32; У-87: 30—31.

циональность) (омонимия, синтаксическая неоднозначность, наличие абсолютных синонимов, расточительность//избыточность, эмоциональная насыщенность знака)⁷⁵.

II. Фонетика

II.1. У Ю. С. Маслова нет работ по т. н. «чистой» (т. е. произносительно-слуховой) фонетике, однако ему принадлежит несколько глубоких статей на темы теоретической морфонологии (которую разумно считать частью широко трактуемой фонетики). Кроме того, в его учебнике (равно как и в «Грамматике болгарского языка») есть фонетический раздел, где отразилась специфика его подхода к фонологии.

II.2. **Предмет фонетики и фонологии.** Особого внимания здесь заслуживает сама композиция раздела «Фонетика и фонология». Здесь Маслов исходит из того, что «более правильно рассматривать фонетику как единую науку, а фонологию — как её неотделимую часть и организующее ядро»⁷⁶. На первый взгляд этот тезис (провозглашённый в своё время ещё Л. В. Щербой) кажется тривиальным и воспринимается как очередное «общее место» (действительно, этот тезис Щербы — один из немногих его тезисов, безоговорочно принятых даже его оппонентами-москвичами, т. е. представителями МФШ). Следует, однако, заметить, что это глубокое теоретическое положение нередко забывается⁷⁷.

⁷⁵ У-75: 32—34; У-87: 31—32.

⁷⁶ У-75: 35; У-87: 33.

⁷⁷ В ряде направлений теоретической фонологии (Н. С. Трубецкой, С. К. Шаумян) тезис Щербы не то чтобы забывается, а именно вполне сознательно с ходу декларативно отвергается. Но похоже, такая эксплицитность деклараций последнего десятилетия стала старомодной, уступив место «стихийному» молчаливому утверждению своих теоретических установок явочным путём, столь типичному для большинства лингвистических текстов последнего двадцатилетия.

Тезис Трубецкого (впоследствии принятый Шаумяном и рядом других авторов) в своё время сыграл свою некоторую позитивную роль. Трубецкой (работавший в первой половине XX в.) явно стремился таким радикальным заявлением всего лишь утвердить в общественном сознании необходимость самого выделения фонологии как лингвистической дисциплины и правомерность, обоснованность самого функционального подхода к звукам. Однако по крайней мере начиная с середины XX в. эта идея настолько очевидным образом победила в массовом менталитете лингвистов, что уже всю вторую половину XX в. нет никакой необходимости ради утверждения права фонологии на существование прибегать к таким полемическим крайностям, которые были простительны Н. С. Трубецкому. Этот факт как раз и был пронизательно угадан Л. В. Щербой. Тот факт, что тезис Щербы был принят не только «ленинградскими», но и «московскими» фонологами, свидетельствует о том, что чувство «здравого смысла» у них было развито в достаточной сте-

То и дело в устной (да и письменной) речи лингвистов сейчас можно услышать выражения типа «это уже не фонетика, а фонология», «NN — никакой не фонетист, он фонолог» и т. п. Между тем если принимать тезис Щербы (на мой взгляд, эвристически гораздо более плодотворный, чем противоположный ему тезис Трубецкого), то такие выражения следует признать просто теоретически некорректными.

II.3. Звуки речи

При изложении основных понятий теоретической фонетики Маслов блестяще продемонстрировал взаимосвязь разных аспектов фонетики. Так, излагая тему «изменений звуков в потоке речи»⁷⁸, он не ограничился иллюстрациями позиционных изменений примерами внутрифонемных модификаций, но тут же демонстрирует, к каким живым чередованиям фонем эти позиционные изменения ведут (таким образом, при изложении явлений фонетики привлекаются факты морфонологии). Более того, многие виды позиционных изменений проиллюстрированы примерами из сферы диахронии: а именно, действием этих изменений в процессе адаптации заимствований, а также различными отражениями позиционных изменений в диалектах и в просторечии (таким образом, изложение не ограничивается синхронным аспектом). Таким образом, в фонетической концепции Маслова довольно серьёзное место уделено «динамическому» («процессуальному») аспекту фонетики.

II.4. Теория фонем

Изложение основных понятий фонологии у Ю. С. Маслова идёт в русле школы Л. В. Щербы. Следует отметить, что фонологический раздел У-75 и У-87 вообще, на мой взгляд, представляет собой наиболее внятное, лаконичное и теоретически грамотное изложение основных понятий теоретической фонологии в рамках концепции Ленинградской фонологической школы⁷⁹ (надеюсь,

пени, чтобы не поддаться на озорную «терминологическую провокацию» Н. С. Трубецкого и не принять её за «чистую монету» (как это фактически сделал С. К. Шаумян, положивший тезис Трубецкого в основу своей концепции и таким образом воспринявший его как некую непререкаемую догму).

⁷⁸ У-75: 45—49; У-87: 41—44.

⁷⁹ Разумеется, в большинстве случаев Маслов при изложении фонетики (и, в частности, фонологии) прямо следует за своим непосредственным учителем — проф. Л. Р. Зиндером (в первую очередь за его книгой «Общая фонетика»), являясь его единомышленником во всех существенных вопросах. Но изложение у Маслова (а) в пять-шесть раз короче (67 с. в У-75 и 52 с. в У-87, тогда как у Зиндера — целая монография в 312 с.; подробное изложение фонетики Зиндером скорее соответствует не разделу вводного начального курса для студентов-первокурсников, а для слушателей специального курса «Фонетика»); (б) несколько более ориенти-

другие представители ЛФШ меня простят за такую откровенную оценку). В фонологию включено учение о вариантах фонемы⁸⁰. Варианты фонемы бывают «обязательные» и «факкультативные»; среди «обязательных» различаются «основной» (один) и «специфические //позиционные (в широком смысле)»; среди последних различаются «комбинаторные» (обусловленные влиянием других звуков) и «позиционные (в узком смысле)». Фактически под «комбинаторными» имеются в виду варианты, обусловленные сегментным (линейным) контекстом, а под «позиционными в узком смысле» — обусловленные нелинейным (несегментным) (в частности, суперсегментным) контекстом.

Включено в фонологию и учение о типах дистрибуции⁸¹ (фонем и их вариантов), среди которых выделяются: неперекрещивающаяся (//дополнительная), свободное варьирование, стилистическая дистрибуция.

II.5. Другим важным разделом фонологии является теория оппозиций. В классификации оппозиций, предложенной Ю. С. Масловым, бросаются в глаза следующие понятия, отсутствующие в других фонологических теориях.

Оппозиции могут быть «бинарные» («двоичные») и «другие» (например, «тернарные», т. е. «троичные»).

Важным нововведением Маслова является понятие «групповой» оппозиции (когда один класс фонем противопоставлен другому)⁸². Наряду с групповыми оппозициями, сводимыми к серии пропорциональных, выделяются групповые, не сводимые к серии пропорциональных (например: «гласные vs. согласные»; «носовые vs. неносовые»)⁸³. Напр., русские /g/, /k/, /g'/, /k'/ являются шумны-

ровано на уровень студентов-первокурсников; (в) пронизано многочисленными пассажами, показывающими связь проблем фонологии с проблемами изучения других уровней языка и вообще общесемiotическими положениями (чего у Л. Р. Зиндера почти нет); (г) содержит множество исключительно удачных терминологических предложений и уточнений формулировок (по сравнению с терминологией и формулировками Л. Р. Зиндера).

⁸⁰ См. У-75: 56—59; У-87: 50—52.

⁸¹ Возможно, под влиянием известного учебника Г. Глисона.

⁸² Здесь представлено «широкое» понимание термина «оппозиция», разделяемое не всеми специалистами. Так, для Т. В. Булыгиной различия «согласные : гласные», «именительный : винительный» и др. вообще не являются «оппозицией» (понимавшейся ею в узком смысле слова), поскольку члены этих пар занимают разные позиции в структуре того целого, в которое они входят; а потому, с точки зрения Т. В. Булыгиной, должны были бы скорее трактоваться как пары, связанные отношением «контраста» [Булыгина 1968].

⁸³ Интересно, что групповые оппозиции, не сводимые к серии пропорциональных, существуют и в грамматике: так, в русском языке наиболее яркий случай —

ми взрывными и, таким образом, входят в групповую оппозицию шумных взрывных согласных носовым согласным, хотя у этих фонем отсутствуют носовые корреляты.

Ещё одно важное терминологическое различие: оппозиции бывают «чистые//простые» (по одному дифференциальному признаку) и «смешанные//сложные» (по нескольким признакам)⁸⁴. Примером сложной оппозиции является /b/ : /s/ в русском языке.

II.6. Морфонология

Вклад Маслова в теоретическую морфонологию представляет весьма значительным.

Сперва отметим, что многие понятия морфонологии явочным порядком введены при обсуждении фонетических позиционных

различия по роду у неодушевлённых существительных или (пример из аспектологии) различие по виду у «непарных» глаголов («perfectiva tanta» и «imperfectiva tanta»). Отсюда целесообразность введения понятия «групповой оппозиции» (в отличие от «индивидуальной») в грамматике. Разумеется, это возможно лишь при таком широком понимании оппозиции, которое было свойственно Ю. С. Маслову. Широкое понимание грамматической оппозиции (в указанном смысле) представлено в работе одного из учеников Ю. С. Маслова, а именно А. В. Бондарко. В его концепции (см. [Бондарко 1976: 76—99]) среди грамматических категорий наряду с «последовательно коррелятивными» категориями (такими, как наклонение, время, лицо, род глагола; падеж; число и род прилагательных) вводятся понятия «непоследовательно коррелятивных категорий» (вид, залог глагола; число существительных; степени сравнения) и «некоррелятивных категорий» (род существительных). Во всех трёх случаях мы имеем дело с «опозицией граммем» [Бондарко 1976: 81]. Однако в случае «некоррелятивной категории», по формулировке А. В. Бондарко, «налицо оппозиция рядов форм (членов морфологической категории), которая вместе с тем подразделяет данную часть речи на подклассы. Каждая грамма охватывает определённый подкласс лексики, противопоставление граммем оказывается вместе с тем противопоставлением подклассов данной части речи. Тем самым исключается противопоставление граммем внутри одного слова, одного лексического значения (...). Разумеется, в рассматриваемой категории налицо грамматическая оппозиция и, следовательно, представлена соотносительность грамматических форм (...). Однако эта соотносительность не является коррелятивной в пределах одного слова, одного лексического значения» (см. [Бондарко 1976: 82]). В приведённом рассуждении А. В. Бондарко термин «соотносительность» (≠ «коррелятивности»!) соответствует широкому пониманию оппозиции (в том смысле, который вкладывал в термин «опозиция» Ю. С. Маслов); между тем понятие «коррелятивности» (≠ «соотносительности»!) в смысле А. В. Бондарко довольно похоже на традиционное понятие «парности» (например, в аспектологии, но также и в фонологии) и во многом сближается с понятием «пропорциональной оппозиции» в фонологии (используемым Масловым вслед за Н. С. Трубецким).

⁸⁴ Не следует путать эту последнюю пару лингвистических понятий с понятиями «одномерной» и «многомерной» оппозиции в смысле Трубецкого. Например, оппозиция русских фонем [b] — [d] является «многомерной» (по Трубецкому), так как эти две согласные не исчерпывают множество твёрдых звонких смычных (ведь есть ещё [g]); однако по Маслову эта оппозиция будет «чистой» («простой»), — ведь она основывается на единственном дифференциальном признаке — «место образования».

изменений и фонологических изменений, связанных с достижением произносительного удобства. Во-первых (см. II.3), он явочным порядком (на примерах) показал применимость к морфонологическим фактам всего инвентаря фонетических понятий, описывающих типы фонетических изменений звуков в потоке речи. Во-вторых (см. II.7), он, опять же явочным порядком (на примерах), показал применимость к морфонологическим фактам всего инвентаря фонетических понятий, описывающих изменения, связанные с границей слов.

Но кроме того, Масловым разработана и своя последовательная система основных собственно морфонологических понятий. Она фактически содержит (1) морфонологию в её «фонологическом» аспекте (А. учение о нейтрализации; Б. фонологическая классификация чередований, учитывающая фонологический статус альтернантов и их предсказуемость); (2) морфонологию в её морфологическом аспекте (А. «формальная» классификация морфем, учитывающая их звуковой состав, см. ниже; Б. «морфологическая» классификация чередований, учитывающая степень их семантизации).

Теория нейтрализации. Логико-методологическая грамотность Маслова при изложении этой проблемы проявилась в том, что освещение более или менее общепризнанных положений фонологии чётко отделено от сведений о различиях между фонологическими школами (последнее вынесено в особый раздел⁸⁵); причём изложение сути теоретических различий дано строго объективно, без критических оценок (в отличие от многих изложений этой проблемы в научной и учебной литературе). Тем самым студенту (и вообще читателю книги) предоставляется возможность самому оценить достоинства и недостатки подходов, выбрав тот, который ему по вкусу. Заметим, что в отличие от некоторых учебников, упоминающих в связи с нейтрализацией лишь взгляды на неё теоретиков МФШ и ЛФШ, Маслов даёт достаточно объективное изложение также взглядов на нейтрализацию самого автора понятия «нейтрализация» — Н. С. Трубецкого. Примечательной особенностью концепции Маслова является то, что вопреки ходячему мнению о несовместимости понятия с самой концепцией ЛФШ⁸⁶ щербианская концепция нейтрализации была разрабо-

⁸⁵ См.: У-75: 70—73; У-87: 59—62.

⁸⁶ Такое впечатление может на первый взгляд создаваться у невнимательного читателя книги Л. Р. Зиндера «Общая фонетика» (изд. 2-е, М., 1979). В ней понятие нейтрализации вводится сначала (в § 53—55) в неразрывной связи с «пражским» и «московским» подходом к интерпретации самого явления нейтрализации и одновременно подвергается вполне естественной критике с позиций «ленин-

тана именно в работах Л. Р. Зиндера (мельком, причём в полемической тональности) и особенно Ю. С. Маслова (в явном и позитивном виде).

В связи с понятием нейтрализации Ю. С. Маслов предложил свою оригинальную классификацию типов слабых позиций, своеобразии которой пока что не отмечалось в научной литературе. Согласно Маслову, «слабые позиции могут быть изолированными, т. е. не соотносимыми в экспонентах тех же морфем с сильными позициями, или же, напротив, соотносительными, т. е. соотносимыми по чередованию с сильными позициями»⁸⁷. Так, для противопоставления по глухости-звонкости в современном русском языке, как известно, слабыми позициями являются позиции перед шумным (кроме /v/) и на конце слова. В начале корней слов *сбруя*, *здоров*, *ни зги*, *спор*, *скала*, в конце словоформы *нас* представлена «изолированная» слабая позиция. А примерами «соотносительных» слабых позиций могут служить финали приставок в словах *сбрить*, *взбрело*, *сплавить*, *вспахать*, в конце словоформ *гас* и *газ*, что доказывается наличием соответствующих сильных позиций в финали приставок (в словах типа *срыть*, *взрастить*) и в конце корней (в словоформах типа *гаснуть*, *газы*).

Очевидно, что такая классификация позиций имеет в виду не что иное, как фактически именно «морфонологические позиции»⁸⁸.

Тем самым приведённый пассаж доказывает, что:

во-первых, уже по крайней мере с 1975 г. в русле Ленинградской фонологической школы была разработана теория нейтрализации с учётом «морфонологического» измерения в фонологии (и, значит, упреки по адресу щербянцева за игнорирование или неучёт морфонологических функций фонем с тех пор должны считаться анахронизмом);

во-вторых, подходящая терминология для собственно морфонологической классификации позиций фонем (т. е. морфонолого-

градцев» [Зиндер 1979: 60—61]. На первый взгляд читатель должен из этой, вполне аргументированной, критики имплицитно сделать вывод, что само понятие нейтрализации должно быть отвергнуто. Но не тут-то было: в § 238 Л. Р. Зиндер наконец даёт точный и ясный ответ на возможный вопрос о том, допустимо ли само понятие нейтрализации (т. е. допустимо ли употребление этого термина) в рамках ЛФШ? Этот ответ неожиданно оказывается положительным: оказывается, «в живых чередованиях нейтрализация является, по существу, лишь ограничением в употреблении определённых фонем» [Зиндер 1979: 236]. Именно такой взгляд на нейтрализацию развивается Ю. С. Масловым в У-75: 70—73; У-87: 59—62.

⁸⁷ У-87: 59—60. См. также У-75: 70—71.

⁸⁸ В том смысле, в котором этот термин употребляется в работе В. Г. Чургановой [Чурганова 1973].

ских позиций) была разработана впервые тоже не где-нибудь, а именно в Ленинградской фонологической школе (конкретнее — в работах Маслова).

Таким образом, масловская морфонологическая «достройка» концептуального аппарата ЛФШ создала эффективное средство защиты от некоторых возможных претензий к этому аппарату. До 1975 г. одним из уязвимых мест концепции ЛФШ (с точки зрения её «московских» критиков) было именно отсутствие морфологической характеристики фонем. Между тем именно с появлением работы Маслова почва для подобных упреков по адресу шербианцев сократилась до минимума⁸⁹.

Типология чередований. В сфере морфонологии Ю. С. Масловым было разработано учение о трёх типах звуковых чередований⁹⁰. Фонологическая типология чередований учитывает (а) фонологический статус альтернантов; (б) степень фонетической обусловленности в синхронном срезе языка. С фонологической точки зрения выделяется три класса чередований:

внутрифонемные // субфонемные (т. н. «модификации»), живые фонемные чередования (т. е. живые чередования фонем в шербианском смысле) и исторические (// традиционные) чередования фонем⁹¹.

Но на эту фонологическую классификацию чередований Маслов добавляет независимую от неё морфонологическую типо-

⁸⁹ Любопытно, что теоретическую реформу концепции ЛФШ, предпринятую Масловым, не заметили не только московские оппоненты ЛФШ, но и сами ортодоксальные шербианцы — ближайшие коллеги Маслова по кафедре. Никто из них не отреагировал на предложенную реформу (ни одобрительно, ни скептически). Можно предположить, что причиной этого явилась та тщательная осторожность в теоретических инновациях и предельная личная скромность в их декларировании, которая была всегда свойственна Юрию Сергеевичу.

⁹⁰ Идеино эта классификация восходит к мыслям И. А. Бодуэна де Куртэна и Л. В. Щербы, а особенно близка она к той классификации, которая была предложена Л. Р. Зиндером (см., напр., [Зиндер 1979: с. 234—239]). Таким образом, можно говорить о последовательной смене этапов эволюции Петербургской (// Ленинградской) морфонологической школы. Заметим попутно, что ходячее наивное представление о том, будто бы в ЛФШ игнорируются проблемы морфонологии (или что шербианское направление «отрывает» фонологию от морфологии), основано на элементарном незнании истории ЛФШ. В работах Зиндера и особенно Маслова основные понятия шербианской морфонологии разработаны достаточно тщательно и изложены достаточно чётко. А после появления монографии В. Б. Касевича «Морфонология» (Л., 1986) стало очевидно, что морфонология ленинградского толка не только вполне сформировалась концептуально, но и преодолела некоторый былой европоцентризм, а также вступила в содержательный диалог со всеми основными морфонологическими школами не только у нас, но и за рубежом.

⁹¹ [Маслов 1965; 1979]; У-75: 68—78; У-87: 62—66.

логию. Эта классификация принимает в расчёт семантическую нагрузку альтернантов и морфологический статус единиц, создаваемых чередованием. С точки зрения степени семантизованности выделяются следующие классы чередований:

(1) Асемантические. При этом к асемантическим относятся как абсолютно незначимые чередования (субфонемные, живые фонемные и исторические фонемные), так и чередования, альтернанты которых несут «микроскопические доли смысла» (например, закрытость аллофонемы [р] и мягкость фонемы [t'] в русских местоименных словоформах *эти, этих, этим* несёт частицу информации о множественном числе).

(2) В той или иной мере семантизованные. В том числе:

(2а) С начальной степенью семантизации; напр. (для исторических чередований), /k/ ∞ /č/ в глагольной парадигме слов типа *печь, влечь, толочь*; здесь порой возможны даже минимальные пары типа *влеком : влечём, истолок : истолочь* и т. п. Живые фонемные чередования могут тоже иметь начальную степень семантизации: так, вслед за Л. Р. Зиндером Ю. С. Маслов справедливо отмечает, что глухость конечного согласного в формах типа *род* — признак именительного или винительного падежа, а мягкость консонантной финали основы в формах типа *роде* — признак предложного падежа.

(2б) С более высокой степенью семантизации; напр., /o/ ∞ /a/ в составе видовых пар типа *набросил — набрасывает, устроил — устраивает* и т. д. Здесь чередование может рассматриваться как «экстрасегментная» особенность аффиксальной морфемы (в данном случае — *-ыва-*).

(3) С максимальной степенью семантизации, когда чередование становится либо (3а) главным, либо (3б) единственным показателем грамматического значения. В этом случае чередование функционально приравнивается к «мене морфем», и тем самым альтернанты получают новый статус — статус особого рода морфем — симульфиксов⁹². Примеры:

таковы случаи типа нем. *Vater — Väter, Mutter — Mütter*, рус. *глухой — глушь, глухой — глушить, старый — старь, старый — старить* и т. п.

Убедительным объективным доказательством факта семантизации (хотя и находящейся на начальной ступени) являются приводимые Ю. С. Масловым факты аналогичного распространения живых фонемных чередований. Именно этим объясняется ударный вокализм корней в формах типа просторечных *плотит,*

⁹² Понятие симульфикса было предложено в [Маслов 1971].

уплочен, *польта*; диалектных *содит*; литературные *гнёзда, звёзды*; или изучавшиеся ещё Щербой формы диал. *трёс*, литературное *сёк, приобрёл* (вместо *сек, приобрел*); консонантизм корневых финалей в просторечных формах типа *из гардерона, стрептоцитом*, а также литературных форм типа *юбок, юбочка* (из более старых форм с согласным *-л-* на конце). Более старое написание *юпка* отражает и более старое произношение таких форм.

II.7. Теория слога. В У-75: 78—85; У-87: 66—71 изящно построено изложение теории слога. Интересно, что слоги делятся не только на открытые и закрытые, а также на прикрытые и неприкрытые (как в других пособиях), но также на краткие и долгие. Это различие (которое не вытекает прямо из подразделения гласных по долготе, так как краткое вокалическое ядро плюс двухслогласная финаль образуют тоже долгий слог) оказывается существенным как для акцентологии, так и для стихотворной метрики, если речь идёт о таких языках, как древнегреческий, латынь или арабский.

Достоин внимания и то, что в теорию слога Ю. С. Маслов включил в качестве особого подраздела учение о типах звуковых изменений, вызываемых особенностями слоговой структуры⁹³. Маслов относил сюда вставку «паразитических» («неорганических») звуков (эпентезу, протезу и эпитезу), а также стяжение гласных, элизия гласных и сокращение групп согласных. С точки зрения функциональной все эти виды изменений подразделяются на способы устранения зияния (вставка неорганических согласных, стяжение, элизия) и способы устранения неудобопроизносимых групп согласных (вставка неорганических гласных, сокращение групп согласных)⁹⁴. В этом разделе фонологии, как и при изложении

⁹³ Такие изменения в некоторых концепциях называются «эвфоническими» (благозвучными по своей функции, так как они способствуют удобству произношения) или «количественными» (по своей формальной структуре, так как они изменяют фонемную длину слов).

⁹⁴ На первый взгляд здесь (как и в других разделах «Введения») классификация Маслова кажется само собой разумеющейся, чуть ли не тривиальной. Кажется бы, что тут оригинального, ведь речь идёт о традиционных, широко известных понятиях (кроме, может быть, термина «эпитеза»)? Однако это иллюзия: в наиболее известных изданных на русском языке учебниках общей фонетики раздел про такие («эвфонические») изменения просто отсутствует (!). Правда, у А. А. Реформатского про них написан особый параграф (Реформатский, § 38), однако, во-первых, он озаглавлен несколько неопределённым термином «Прочие фонетические процессы», а во-вторых, вместо естественного функционального объяснения этих процессов через стремление к регулярности слоговой структуры (что мы видим у Маслова) Реформатский пыгается «привязать» все эти типы изменений к действию ассимилятивных и диссимилятивных тенденций (в частности, поэтому

явлений коартикуляции (позиционных изменений), синхронный аспект фонологии сочетается с диахронным; и опять же, как и при изложении коартикуляции, описание фонетического явления сопровождается иллюстрацией того, какие результаты это явление породило в сфере морфонологических фактов. Таким образом, фонология слога содержит не только «статический», но и «динамический» аспект (актуализуемый при описании исторической фонетики и синхронной морфонологии).

II.8. Теория просодических единиц. При изложении собственно фонетической и фонологической стороны ударения Маслов в основном содержательно следует за Зиндером; хотя и тут в некоторых вопросах взгляды Маслова отходят от взглядов Зиндера: так, в отличие от Зиндера (и вслед за Трубецким) Маслов признаёт, что в языках со связанным ударением оно играет словоразграничивающую (делимитативную) функцию, с чем хочется согласиться. Особенностью акцентологической концепции Маслова является разграничение акцентного слова и клитик, а также особое внимание, уделяемое морфонологическому аспекту ударения — «борьбе» морфем за место ударения в данном слове (в частности, влиянию их на подвижность и неподвижность ударения).

III. Лексикология

В целом раздел лексикологии у Маслова изложен довольно традиционно. Однако и здесь интересно обратить внимание на те характерные особенности масловской лексикологической концепции, которые проявились в этом изложении.

III.1. Теория слова. Наряду с понятием слова вообще Маслов вводит разграничения:

слово акцентное vs. орфографическое vs. словарное;

слово как минимальная подвижная единица (глоссема) vs. слово как минимальная единица, способная составить предложение (лексема);

слово в системе (лексема, глоссема) vs. слово в речи (лекс, глосс);

слово как инвариант (лексема, глоссема) vs. слово как вариант (аллоглоссема, аллолексема).

III.2. Теория лексических значений

(а) Разграничено три стороны лексического значения: предметная отнесённость, понятийная отнесённость и значимость.

(б) В предметной отнесённости выделяются общая и частная отнесённость. С точки зрения способности выступать в общей или частной предметной отнесённости выделено три класса слов: собственные, нарицательные и указательно-заместительные.

Реформатский не включает своё учение о «прочих типах фонетических процессов» в свою теорию слога).

(в) Среди понятий выделяются научные и бытовые.

(г) При изложении теории «значимости» введены основные понятия компонентного анализа: семантическое поле, гипероним, гипоним, сема, дифференциальные vs. интегрирующие семантические признаки, синкретизм.

(д) При изложении различий между семантическими микро-системами разных языков дано предстание о гипотезе лингвистической относительности.

III.3. Теория многозначности. Подчёркнуто различие между переносным значением и переносным употреблением (тропом). Любопытно, что данное различие обнаруживает нетривиальный параллелизм с противопоставлением аллолексема (или аллоглоссема) лексу (или глоссу). А именно: переносное значение, будучи фактом языка, свойственно языковому варианту слова — аллолексема (или аллоглоссема), тогда как переносное употребление, будучи фактом речи, свойственно речевому экземпляру слова — глоссу (или лексу).

III.4. Теория омонимии. Как известно, Маслов в специальной статье [Маслов 1963] разработал свою оригинальную классификацию омонимов; её основные положения вошли и в его учебник. Что такое омонимы, как будто всем известно. Но Маслов внёс свою лепту и в уточнение этого понятия.

Во-первых, Маслов дал некоторым уже известным понятиям, описывающим разновидности омонимии, гораздо более чёткие и ясные определения, чем те, которые были распространены в работах большинства лексикологов-теоретиков того времени (дававших весьма нечёткие и внутренне противоречивые дефиниции соответствующих понятий); это понятия «грамматической омонимии», «лексико-грамматической омонимии», «омографической омонимии», «неомографической омонимии», «полной омонимии», «частичной омонимии», «омографов».

Во-вторых, Маслов ввёл в классификацию омонимов некоторые новые понятия: таково различие «равнообъёмной» и «неравнообъёмной» омонимии, «омонимии, фиксируемой в словарях» и «омонимии, не фиксируемой в словарях».

При равнообъёмной омонимии совпадение форм является полным для одного из омонимов, но лишь частичным — для другого; таким образом, один из членов омонимической пары — а именно тот, который имеет более богатую парадигму, чем другой, — образует часть форм, не вступающих в отношения омонимии с формами другого члена этой пары. Так, у слова *борз* («химический») неупотребительны формы множественного числа, а у слова *борз*₂ («зубной») они свободно образуются и активно употреб-

ляются; аналогичны отношения между существительным *учёный* и прилагательным *учёный* (-ая, -ое); между наречием *утром* и существительным *утро*.

Не всякая омонимия фиксируется в словарях. Так как словари исходят из письменного облика слова, то они не замечают неоморфической омонимии (типа *рог* и *рок*, *компания* и *кампания*). Так как словари исходят из «словарных» форм слова, то они учитывают лишь те омографические омонимы, которые совпадают в этих формах, и потому другие случаи омонимии не учитываются: ср. такие омонимичные сегменты, как *вине*, *вину*, *вина* (хотя у слов *вино* и *вина* им. п. ед. ч. не совпадает), *бегу* (ср. *на бегу*) (хотя у слов *бег* и *бежать* словарные формы различны).

III.5. Теория мотивировки. Само наличие этого раздела в У-75 и У-87 выгодно отличает его от большинства учебных пособий по языкознанию⁹⁵. Согласно этой концепции, составной частью внутреннего содержания многих (хотя и далеко не всех) слов является так называемая мотивировка — заключённое в слове и осознаваемое говорящими «обоснование» звукового облика этого слова, т. е. его экспонента, — указание на мотив, обусловивший выражение данного значения именно данным сочетанием звуков, как бы ответ на вопрос «Почему это так названо?»⁹⁶. Признак, составляющий объективную основу наименования, называется мотивирующим признаком.

Согласно Маслову, мотивировка может быть: (а) реальной (*подснежник*, *колокольчик*), (б) фантастической или мифической (нем. *Donnerstag*, *Sonntag*); (в) чисто формальной (*антоновка*, *анютины глазки*).

По способу звукового выражения мотивирующего признака мотивированность подразделяется на «изобразительную» (у звукоподражательных слов: *кукушка*, *пинг-понг*...) и «описательную» (у обычных слов).

Описательная мотивированность свойственна: (1) словам, употреблённым в переносном значении; (2) производным словам.

Мотивировку следует строго отличать от концептуального значения.

С одной стороны, слова с разными значениями нередко имеют сходную или одинаковую мотивировку (*белок*, *беляк*, *бельмо*, *белка*, *белуга*).

С другой стороны, одно и то же значение мотивировано в разных языках, а также в словах-синонимах одного языка по-

⁹⁵ Исключение составляет разве что учебник Р. А. Будагова «Краткое введение в науку о языке», где внутренней форме посвящён особый раздел.

⁹⁶ См.: У-75: 135—143; У-87: 111—116.

разному. Так, портной в одних случаях обозначен как «режущий» («кроющий»): фр. *tailleur* (от *tailler* «резать, кроить»), *Schneider* (от *schneiden* «резать»), в других — как «шьющий» (болг. *шивач*, сербохорв. *шивач*, *шавац*), в русском *портной* было (в древнерусском) мотивировано связью с *пъртъ*, *портъ* «кусочек ткани», мн.ч. *пърты*, *порты* «платье», прилаг. *портной* «имеющий отношение к платью» (напр., в старорусском словосочетании *портной мастер*), а в современном русском языке вообще почти перестало ощущаться как мотивированное. Растение *одуванчик* в некоторых русских говорах называется *пухлянкой*, в других *летучкой*, в третьих — *молочником* (сок его стеблей по цвету напоминает молоко).

В учение о мотивировке Маслов включает также учение об утрате мотивировки, о её причинах и следствиях. Среди причин утраты мотивировки — утрата исходного слова (ср. *кольцо*, *колесо*, *около*), утеря предметом мотивирующего признака (ср. *город*, *стрелять*, *мешок*, *чернила*), расхождение звуковой формы слов (*оскомина* и *щемить*, *коса* и *чесать*, *жердь* и *городить*), заимствование мотивированного слова (*атом*), заимствование этимологически связанных друг с другом слов с непохожим звучанием (*студент* и *штудировать*). Среди последствий утраты мотивировки — катахреза (*красные чернила*, *розовое бельё*...). Этимология определяется как наука о восстановлении утраченных мотивировок.

Другая часть учения о мотивировке описывает переосмысления и приписывание мотивировок рядовыми носителями языка (*колики*, *одинарный*, *понедельник*).

Включение Масловым учения о мотивировке в его теорию языковых знаков до сих пор не оценено по достоинству теоретиками лексикологии и семантики, но можно надеяться, что со временем это будет сделано⁹⁷.

⁹⁷ Глубокая общесемиотическая концепция внутренней формы как компонента содержательной структуры знака была в те же годы подробно разработана В. Г. Гаком в целом ряде его работ конца 1960—1970-х годов. Важнейшей особенностью концепции Гака является распространение понятия мотивировки (и внутренней формы) с языкового знака на речевой знак (высказывание).

Большое внимание проблемам внутренней формы уделено в трудах Д. Н. Шмелёва по русской лексикологии (1964; 1973; 1977). Д. Н. Шмелёв относит мотивировку производных и переносно употреблённых слов к т. н. «эпидигматическому» измерению лексики, которое он предлагает отличать от парадигматического и синтагматического измерений. Эпидигматическое отношение усматривается им (а) между разными значениями одного слова, а также (б) между словом мотивирующим и словом мотивированным.

III. 6. Устойчивые сочетания и фразеологизмы. Наличие мотивировки усматривается не только у слов, но и у многих фразеологизмов многих фразем и идиом⁹⁸.

Примечательна трактовка фразеологизмов как «составных лексем»⁹⁹.

Можно провести некоторые параллели между концепцией Маслова и концепцией «составных слов» И. Е. Аничкова, которую также ещё предстоит осмыслить и по достоинству оценить теоретикам общего языкознания.

Экскурс 1.

Источник теории «составных слов»

И. Е. Аничков в своей статье, написанной в 1955—1960 гг. и основанной на идеях его работ начала 1930-х годов, писал:

«Слово — не графическая единица. Оно, как правило, пишется слитно; но оно может писаться и раздельно. Как это ни странно на первый взгляд, слово может состоять из двух и более слов (...).

Целесообразно различать не только простые, производные и сложные слова, но и отличные от сложных слов, пишущихся слитно, и, по терминологии А.И.Смирницкого, цельноформленных, составные слова, пишущиеся раздельно, и, по терминологии А.И.Смирницкого, но вопреки его использованию этой терминологии, (...) раздельно-оформленные. К составным словам относятся такие единицы речи, как *железная дорога, политическая экономия, части света, двадцать пять, принять ванну, по отношению к, в связи с тем, что, chemin de fer, pomme de terre, political economy* и т. д.

Составные слова (composite words, les juxtaposes, uneigentliche Komposita) в отличие от сложных слов (compound words, compounds, les composes, Komposita) пишутся и оформлены раздельно, но выполняют синтаксические функции одной части речи — знаменательной или служебной — и имеют одно значение, не складывающееся из значений их компонентов.

В сочетании *политическая экономия* прилагательное *политическая* — не грамматическое определение существительного *экономия*, не отвечает на вопрос «какая экономия?». *Читать лекции по политической экономии* значит не *читать лекции по такой-то экономии*, а *читать лекции по такой-то науке*. Все сочетание *по политической экономии* — определение к существительному *лекции*.

Составные слова могут относиться ко всем девяти традиционным частям речи и быть составными существительными, глаголами, прилагательными, местоимениями, числительными, наречиями, предлогами, союзами и междометиями (...).

⁹⁸ См. У-75 и У-87.

⁹⁹ Там же.

Составные слова, как и слова других основных словообразовательных типов — простые, производные и сложные, — делятся на изменяемые и неизменяемые. Изменяться могут один из компонентов или оба компонента составного слова. Изменяемые составные слова — раздельноформленные.

От сложного слова составное слово отличается по существу не раздельным написанием и не раздельноформленностью, свойственной не всем составным словам, а тем, что компонентны его — не морфемы, которые не способны выступать в речи самостоятельно, а слова, встречающиеся в речи и в самостоятельном синтаксическом использовании, в качестве членов предложения. Составные слова происходят от словосочетаний и сходны с ними по строению. Бывшее грамматически зависимое слово в них формально продолжает выполнять синтаксическую функцию, которую оно выполняло в словосочетании, но по существу уже не выполняет её, точнее, только формально выполняет ту или другую предельно ослабленную синтаксическую функцию.

С превращением словосочетания в составное слово его грамматически зависимый компонент не превращается в морфему, а остаётся определённой частью речи. Он не превращается и в омоним тождественно звучащего слова, используемого в качестве члена предложения, а остаётся одним и тем же словом с ним, получившим другое употребление. В составных словах *железная дорога*, *политическая экономия* и *части света* прилагательные *железная* и *политическая* и существительное *части* — не омонимы компонентов словосочетаний *железная кровать*, *политическая ситуация* и *запасные части*, а те же слова в другом употреблении.

Составные слова занимают промежуточное положение между словами и словосочетаниями. Они сходны со словами по существу и со словосочетаниями по форме. Поскольку семантическая и синтаксическая неделимость — признаки более существенные, чем морфологическая раздельность, последовательнее относить их к словам, чем к словосочетаниям.

В соответствии с различием в словообразовании непростых слов — производных, сложных и составных — последовательно и в словоизменении (или формообразовании) различать формы слов, производные от слов, сложные и составные.

Аналитические формы изменяемых слов — это составные формы.

В построениях — английском *I have written* и немецком *ich habe geschrieben* — сочетания *have written* и *habe geschrieben* представляют определённые, соответствующие одна другой аналитические, другими словами, составные формы глаголов *to write* и *schreiben*, образования, формально состоящие из двух слов, как составные слова формально состоят из двух или более слов. Но здесь из двух слов, образующих составную форму, одно слово, именно вспомогательный глагол, — не полнозначное или не знаменательное слово, а формальное, формообразующее, выражающее не лексическое значение глагола, а вместе с

характеристиками причастия прошедшего времени — глагольные критерии времени и вида.

Как одно и то же слово может быть компонентом составного слова и членом предложения и как компонент составного слова не превратился в омоним тождественного с ним по звуковому составу самостоятельного слова, так одно и то же слово, в частности глагол, может быть в одних случаях компонентом составной формы слова, в частности вспомогательным глаголом, и в других случаях — самостоятельным словом, членом предложения.

Как прилагательное *железная* в составном слове *железная дорога* и в словосочетании *железная кровать* — не омонимы, не два слова, а одно и то же слово, так полнозначный глагол *have* в предложении *I have many books* и вспомогательный глагол *have* в предложении *I have written a letter* — не омонимы, а одно и то же слово, один и тот же глагол в разном употреблении.

(...) Глагол во всех своих формах остаётся одним глаголом, одним словом. Допущение, что глагол, слово, в определенных формах своих (*rufe an, habe geschrieben*) представляет не слово, а словосочетание, странно. Словосочетание — сочетание не менее двух слов, двух лексических единиц. Отделяемые приставки, общие для многих глаголов, и вспомогательные глаголы, общие для всех глаголов, — единицы не лексические, а морфологические; они образуют не словосочетания, а первые — производные слова, вторые — формы слов, по терминологии А. И. Смирницкого, «словоформы». Немецкие глаголы типа *anrufen* имеют чередующиеся формы словообразования двух типов — производные и составные; все немецкие глаголы имеют чередующиеся формы словоизменения трёх типов — простые, производные и составные.

Соответствующие немецким глаголам с отделяемыми приставками английские глаголы с послелогоми советские англисты (в том числе и я) называют «составными глаголами» и признают, что они составляют вместе с послелогом одно слово (...).

Я уже говорил о том, что компоненты составных слов — не словообразовательные элементы, не морфемы, а слова.

Однако английские глаголы с послелогоми часто, но далеко не всегда, являются составными глаголами. Я остаюсь при этом мнении, высказанном мною ещё в 30-е годы в моей диссертационной работе о послелогах. Часто послелогом — компоненты составных глаголов; но они нередко выполняют функции предикативного члена или обстоятельства, и в таких случаях сочетание глаголов с послелогом — не составной глагол, не слово, а словосочетание»¹⁰⁰.

Замечание. На концепции «составных лексем» Ю. С. Маслова (а заодно и концепции «составных слов» его предшественника —

¹⁰⁰ Аничков И. Е. Об определении слова // Аничков И. Е. Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997, с. 217—263.

И. Е. Аничкова) можно было бы не останавливаться подробнее, если бы не одно немаловажное обстоятельство. При создании общих концепций («формальных моделей») описания языка (в частности, реализуемых в виде действующих лингвистических процессоров) сплошь и рядом наблюдаются непрекращающиеся попытки игнорировать самый факт расхождения между местом описываемых единиц в чисто структурной иерархии единиц (морфема < слово < словосочетание < предложение < сверхфразовое единство) и функциональной иерархии единиц (словарная единица < сочетание словарных единиц в номинативную единицу < сочетание номинативных единиц в коммуникативную единицу < сочетание коммуникативных единиц в связный текст)¹⁰¹.

Одним из отрицательных последствий такого неразграничения является, с одной стороны, трактовка лингвистическими процессорами окказионально образуемых (регулярных) дериватов как словарных (лексических, нерегулярных) единиц (приводящая к тому, что процессор отказывается интерпретировать слитно пишущиеся единицы, не входящие в словарь), а с другой стороны — трактовка фразеологизмов как свободно образуемых речевых единиц (приводящая к многочисленным буквализмам при их интерпретации).

Литература

- Зиндер 1979* — Зиндер Л. П. Общая фонетика. 2-е изд., М., 1979.
- Маслов 1961* — Маслов Ю. С. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема» // Маслов Ю. С. (отв. ред.) Проблемы языкознания. Сборник в честь академика И. И. Мещанинова. Л.: ИЛУ (= Ученые записки ЛГУ. Л.: 1961, № 301. Серия филологических наук, вып. 60), 1961, с. 140—152.
- Маслов 1963* — Маслов Ю. С. Омонимы в словарях и омонимия в языке (к постановке вопроса) // Маслов Ю. С. (отв. ред.) Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь профессора Б. А. Ларина. Л.: ЛГУ, 1963, с. 198—202.
- Маслов 1965* — Maslov Ju. S. Drei Typen der Lautalternationen // *Philologica Pragensia*, 1965, t. 8 (47), № 2—3.

¹⁰¹ В сфере теоретической лингвистики отрядным исключением является концепция лингвистических единиц В. Б. Касевича, в которой последовательно проводится различение иерархии так называемых «конструктивных единиц» и иерархии так называемых «инвентарных единиц». К инвентарным единицам языка относятся (из значимых единиц) морфема, фразеологично устроенное слово, фразеологичное словосочетание, пословица и т. п. Между тем иерархия конструктивных единиц устроена иначе: регулярно образуемые (потенциальные и окказиональные) слова будут единицами конструктивными, так же как свободные словосочетания и нефразеологичные предложения.

- Маслов 1966a* — Маслов Ю. С. Основные направления структурализма // Русский язык в школе, 1966, № 5, с. 3—16.
- Маслов 1966б* — Маслов Ю. С. Рец. на кн.: *Koschmieder E. Beiträge zur allgemeinen Syntax*. Heidelberg, 1965. 224 S. // Вопросы языкознания, 1966, № 5, с. 123—129.
- Маслов 1967a* — Маслов Ю. С. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками? // Язык и мышление. М., 1967, с. 284—294.
- Маслов 1967б* — Маслов Ю. С. Основные направления структурализма // Уч. зап. Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 354. Л., 1967, с. 59—79.
- Маслов 1967в* — Маслов Ю. С. Знаковая теория языка // Уч. зап. Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 354. Л., 1967, с. 109—126.
- Маслов 1967г* — Маслов Ю. С. Промежуточные ярусы в структуре языка // Филин Ф. П. (отв. ред.) Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских учёных на X Международном конгрессе лингвистов (Бухарест. 28/VIII — 2/X 1967). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1967, с. 27—30.
- Маслов 1968a* — Маслов Ю. С. Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка // Вопросы языкознания, 1968, № 4, с. 69—79.
- Маслов 1968б* — Маслов Ю. С. Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянских глагольных форм // Советское славяноведение, 1968, № 4, с. 48—62.
- Маслов 1971a* — Маслов Ю. С. Членные формы болгарского литературного языка с точки зрения лингвистической типологии // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник статей в честь С. Б. Бернштейна. М.: Наука, 1971, с. 181—188.
- Маслов 1971б* — Maslov Ju. S. Morfologická typologie fonémových alternací a pojem introflexe (introfixace) // Acta Universitatis Palackianae Olomucensis // Philologica supplementum. Ostrava, 1971, s. 9—13.
- Маслов 1972a* — Маслов Ю. С. Понятие основы и формата в дериватологии и парадигматике // Актуальные проблемы русского словообразования. Часть 1. Самарканд, 1972, с. 7—13.
- Маслов 1972б* — Маслов Ю. С. О морфеме // Актуальные проблемы русского словообразования. Часть 2. Самарканд, 1972, с. 195—197.
- Маслов 1972в* — Маслов Ю. С. Об интерфейсах и асемантемах // Актуальные проблемы русского словообразования. Часть 2. Самарканд, 1972, с. 200—201.
- Маслов 1973* — Маслов Ю. С. Заметки по теории графики // Philologica. Л.: Наука, 1973, с. 220—226.
- Маслов 1975* — Маслов Ю. С. Проблемы морфологической структуры слова в славянских языках // Славянская филология. Вып. 3. Л., 1975, с. 45—50.
- Маслов 1978* — Маслов Ю. С. К семантической типологии морфем // Шведова Н. Ю. (отв. ред.) Русский язык. Вопросы его истории и современности. М.: Наука, 1978, с. 105—110.

менного состояния. (Виноградовские чтения I—VIII.) М.: Наука, 1978, с. 5—18.

Маслов 1979 — Маслов Ю. С. О типологии чередований // Аванесов Р. И. (отв. ред.) Звуковой строй языка. М: Наука, 1979, с. 195—201.

Маслов 1984 — Маслов Ю. С. Морфологическая конверсия в славянских языках // Сравнительно-типологическое изучение славянских языков и литератур. М., 1984, с. 6—24.

Маслов 1990 — Маслов Ю. С. Спряжение // Ярцева В. Н. (отв. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, с. 485.

Маслов 1997 — Маслов Ю. С. Синтетосемия и синтетоморфия // Богданов С. И., Герд А. С. (отв. ред.) Морфемика. Принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц. Межвузовский сборник. СПб., 1997, с. 156—168.

Pulgram 1961 — Pulgram E. A proposal: allophoneme, allomorpheme // General linguistics. Vol. 2, 1961, p.72—74.

Библиография к основной части

- Адмони 1964 — Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964.
- Алпатов 1979 — Алпатов В. М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М., 1979.
- Алпатов 1985 — Алпатов В. М. Об уточнении понятий «флективный язык» и «агглютинативный язык» // Лингвистическая типология. М., 1985.
- Апресян 1966 — Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
- Апресян 1988 — Апресян Ю. Д. Морфологическая информация для толкового словаря // Словарные категории. М., 1988.
- Арутюнова 1964 — Арутюнова Н. Д. [Рец.:] Juillard A. Outline of general theory of structural relations // Вопросы языкознания. 1964, № 1.
- Барулин 1984 — Барулин А. Н. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. АКД. М., 1984.
- Бережан 1973 — Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность языковых единиц. Кишинев, 1973.
- Бертагаев 1964 — Бертагаев Т. А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964.
- Бертагаев 1974 — Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1974.
- Бидер & Большаков 1978 — Бидер И. Г., Большаков И. А. Общие основы оптимизации морфологического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Известия АН СССР. Техническая кибернетика. 1978.
- Блумфилд 1933/1968 — Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
- Бондарко 1985 — Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. 1985, № 1.
- Булыгина 1977 — Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Булыгина 1980 — Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Бураев и др. 1988 — Бураев И. Д., Пюрбеев Г. Ц., Рассадин В. И. (ред.) Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск, 1988.
- Вардудь 1977 — Вардудь И. Ф. Основы описательной лингвистики. М., 1977.
- Вардудь 1991 — Вардудь И. Ф. (отв. ред.) Морфема и проблемы типологии. М., 1991.

- Владимирцов 1929/1989 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929; 2-е изд.: М., 1989.
- Гак 1977 — *Гак В. Г.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
- Гак 1986 — *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986.
- Галсан 1975 — *Галсан С.* Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. Фонетика и морфология. Ч. 1. Улан-Батор, 1975.
- Гловинская 1975 — *Гловинская М. Я.* О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации // Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975.
- Гринберг 1963 — *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Дарбеева 1984 — *Дарбеева А. А.* Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М., 1984.
- Дарбеева 1984 — *Дарбеева А. А.* Проблемы контактов монгольских языков с иноструктурными языками в социолингвистическом освещении. АДД. М., 1985.
- Дыбо 1994 — *Дыбо В. А.* Язык — этнос — археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы). I // Язык. Культура. Этнос. М., 1994.
- Дыбо 2002 — *Дыбо В. А.* Язык — этнос — археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы). III // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002.
- Земская 1975 — *Земская Е. А. (отв. ред.)* Развитие современного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
- Зиндер 1979 — *Зиндер Л. Р. (отв. ред.)* Звуковой строй языка. Л., 1979.
- Золхов 1980 — *Золхов В. И.* Фонология и морфонология агглютинативных языков. Новосибирск, 1980.
- Касевич & Яхонтов 1982 — *Касевич В. Б., Яхонтов С. Е. (отв. ред.)* Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.
- Касевич 1986 — *Касевич В. Б.* Морфонология. Л., 1986.
- Касевич 1988 — *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Касьяненко 1968 — *Касьяненко З. К.* Современный монгольский язык. Л., 1968.
- Кодзасов 1986 — *Кодзасов С. В.* Модель фонетической системы // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации, Вып. 81. М., 1986.
- Кодзасов & Кривнова 1981 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Современная американская фонология. М., 1981.
- Кононов & Барулин 1987 — *Кононов А. Н., Барулин А. Н.* Теоретические проблемы турецкой грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIX. Проблемы современной тюркологии. М., 1987.
- Крылов 1985 — *Крылов С. А.* О многоуровневом подходе к классификации чередований современного монгольского языка // Языки Азии и Африки. Фонетика. Лексикология. Грамматика. М., 1985.
- Крылов 1986 — *Крылов С. А.* О классификации звуковых чередований в халхал-монгольском языке // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов 29 сессии РЯС. Ч. 2. М., 1986.

- Крылов 1987 — *Крылов С. А.* О тематическом (носовом) склонении в современном халха-монгольском языке // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Языкознание. М., 1987.
- Крылов 1988 — *Крылов С. А.* Неединственность интерпретаций как одна из трудностей морфонологической типологии (на материале современного халха-монгольского языка) // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. 1. М., 1988.
- Крылов 1989а — *Крылов С. А.* Звуковое варьирование внешнего облика морфемы в современном халха-монгольском языке // Владимирцовские чтения. М., 1989.
- Крылов 1989б — *Крылов С. А.* О соотношении фонемы и морфемы в современном халха-монгольском языке // V Всесоюзная школа молодых востоковедов. Тезисы. Т. 2. 1989.
- Крылов 1991 — *Крылов С. А.* Типы морфем в современном халха-монгольском языке // Морфема и проблемы типологии. М., 1991.
- Крылов 1995 — *Крылов С. А.* Супплетивизм и гетероклизия как проявления нерегулярности в местоименном склонении (с точки зрения формальной модели халха-монгольской морфологии) // Владимирцовские чтения. М., 1995.
- Кузьменков 1980 — *Кузьменков Е. А.* Опыт дистрибутивной классификации лексем монгольского языка // Востоковедение. Вып. 7. Л., 1980.
- Кузьменков 1984 — *Кузьменков Е. А.* Глагол в монгольском языке. Л., 1984.
- Леонтьев 1965 — *Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.
- Леонтьев 1974а — *Леонтьев А. А.* (отв. ред.) Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Леонтьев 1974б — *Леонтьев А. А.* Лингвистическое моделирование речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Лувсанвандан 1974 — *Лувсанвандан Ш.* Дистрибуция гласных и ударение в монгольском языке // Исследования по восточной филологии. М., 1974.
- Лувсанжав 1971 — *Лувсанжав Чой.* Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках. АДД. М., 1971.
- Мартине 1963 — *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Маслов 1975 — *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1975.
- Маслов 1978 — *Маслов Ю. С.* К семантической типологии морфем // Русский язык. Вопросы истории и современного состояния. М., 1978.
- Маслов 1979 — *Маслов Ю. С.* О типологии чередований // Звуковой строй языка. Л., 1979.
- Маслов 1987 — *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. 2-е изд. М., 1987.
- Мельчук 1971 — *Мельчук И. А.* К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Ч. 1. Семантика, синтаксис. М., 1974.
- Мельчук 1975 — *Мельчук И. А.* Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975.
- Моомоо 1970 — *Сурэнгийн Моомоо.* Система фонем современного монгольского языка. АЖД. Л., 1970.

- Наделяев 1957 — *Наделяев В. М.* Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестник ЛГУ. 1957, № 8.
- Наделяев 1988 — *Наделяев В. М.* Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск, 1988.
- Нещименко 1994 — *Нещименко Г. П. (отв. ред.)* Язык. Культура. Этнос. М., 1994.
- Нещименко 2002 — *Нещименко Г. П. (отв. ред.)* Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002.
- Орловская 1961 — *Орловская М. Н.* Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.
- Плунгян 1992 — *Плунгян В. А.* Глагол в агглютинативном языке (на материале языка догон). М., 1992.
- Плунгян 1994 — *Плунгян В. А.* Агглютинативные языки и проблемы теории грамматики. Вместо предисловия // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1994, № 3.
- Подлеская 1985 — *Подлеская В. И. (отв. ред.)* Языки Азии и Африки. Фонетика. Лексикология. Грамматика. М., 1985.
- Подлеская 1988 — *Подлеская В. И. (отв. ред.)* Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. 1. М., 1988.
- Поливанова 1976 — *Поливанова А. К.* Морфонология русского субстантивного основообразования. АКД. М., 1976.
- Поппе 1931 — *Поппе Н. Н.* Практический учебник монгольского разговорного языка (халхаское наречие). Л., 1931.
- Пюрбеев 1972 — *Пюрбеев Г. Ц.* Функциональное чередование звуков в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1972, № 3.
- Санжеев 1960 — *Санжеев Г. Д.* Современный монгольский язык. М., 1960.
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М., 1953.
- Санжеев 1963 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 2. Глагол. М., 1963.
- Санжеев 1982 — *Санжеев Г. Д.* Фонематичны ли мягкие согласные в монгольских языках // Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 5, М., 1982.
- Санжеев & Тодаева 1993 — *Санжеев Г. Д., Тодаева Б. Х.* Монгольские языки // Языки Азии и Африки. V. Алтайские языки. М., 1993.
- Серебренников 1973а — *Серебренников Б. А. (отв. ред.)* Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.
- Серебренников 1973б — *Серебренников Б. А. (отв. ред.)* Проблема взаимоотношения общей методологии лингвистической науки и частных методов лингвистического исследования // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.
- Серебренников 1977 — *Серебренников Б. А. (отв. ред.)* Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
- Серебренников 1983 — *Серебренников Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Соколовская 1980 — *Соколовская Н. К.* Некоторые семантические универсалии в системе личных местоимений // Теория и типология местоимений. М., 1980.
- Солнцев 1974 — *Солнцев В. М. (отв. ред.)* Исследования по восточной филологии. М., 1974.

- Солнцев 1976 — *Солнцев В. М.* О соизмеримости языков // Принципы описания языков мира. М., 1976.
- Солнцев и др. 1982 — *Солнцев В. М. и др.* О значении изучения восточных языков для развития общего языкознания // Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 2. М., 1982.
- Солнцев 1993 — *Солнцев В. М. (отв. ред.)* Языки Азии и Африки. V. Алтайские языки. М., 1993.
- Стеблин-Каменский 1974а — *Стеблин-Каменский М. И.* Спорное в языкознании. Л., 1974.
- Стеблин-Каменский 1974б — *Стеблин-Каменский М. И.* Называние и познание в теории грамматики // Спорное в языкознании. Л., 1974.
- Степанов 1980 — *Степанов Ю. С. (отв. ред.)* Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Тенишев & Шагдаров 1988 — *Тенишев Э. Р., Шагдаров Л. Д.* О развитии советского монголоведения (языкознание) // Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск, 1988.
- Тодаева 1951 — *Тодаева Б. Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951.
- Трубецкой 1960 — *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Трубецкой 1987 — *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Фице 1974 — *Фице Х.-П.* Формальная морфологическая структура монгольского слова // Исследования по восточной филологии. М., 1974.
- Цыдендамбаев 1979 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
- Чурганова 1973 — *Чурганова В. Г.* Очерк русской морфологии. М., 1973.
- Шайкевич 1980 — *Шайкевич А. Я.* Гипотеза о естественных классах и возможность количественной таксономии в лингвистике // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Шаляпина 1985 — *Шаляпина Э. М.* Три функции языкового знака и проблемы их отражения в лингвистическом описании // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
- Шведова 1978 — *Шведова Н. Ю. (отв. ред.)* Русский язык. Вопросы истории и современного состояния. М., 1978.
- Шрейдер 1975 — *Шрейдер Ю. А. (отв. ред.)* Семиотика и информатика, Вып. 6. Грамматические и семантические проблемы. М., 1975.
- Шрейдер 1978 — *Шрейдер Ю. А.* Некоторые особенности математического описания языковых объектов // Papers in Computational Linguistics, 1978.
- Щедровицкий 1967 — *Щедровицкий Г. П.* О методе семиотического анализа знаковых систем // Семиотика и восточные языки. М., 1967.
- Якобсон 1948/1985 — *Якобсон Р. О.* Русское спряжение // Избранные труды. М., 1985.
- Ярцева 1985 — *Ярцева В. Н. (отв. ред.)* Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
- Ярцева 1990 — *Ярцева В. Н. (отв. ред.)* Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Ярцева 1997 — *Ярцева В. Н. (отв. ред.)* Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.
- Яхонтов 1965 — *Яхонтов С. Е.* О морфологической классификации языков // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М., 1965.

- Яхонтова 1982 — *Яхонтова Н. С.* Монгольский язык // Квантитативная типология языков Азии и Африки. Л., 1982.
- Яхонтова 1997 — *Яхонтова Н. С.* Монгольский язык // Языки мира. М., 1997.
- Beffa & Hamayon 1975 — *Beffa M. L., Hamayon R.* Eléments de grammaire mongole. P., 1975.
- Bühler 1934/1993 — *Бюлер К.* Теория языка. М., 1993.
- Chao 1949/1956 — *Chao Yuen-Ren.* The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems // Readings in linguistics. Ed. by M. Joos. N.Y.: American Council of Learned Societies, 1958.
- Dressler 1985 — *Dressler W. U.* Morphology. Ann Arbor: Karoma, 1985.
- Mel'čuk 1982 — *Mel'čuk I. A.* Towards a language of linguistics. München: Wilhelm Fink, 1982.
- Poppe 1951 — *Poppe N.* Khalkha-Mongolische Grammatik. Wiesbaden, 1951.
- Ramstedt 1903 — *Ramstedt G. J.* Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingfors, 1903.
- Shalyapina 1987 — *Shalyapina Z. M.* A Model of human linguistic competence as a unified basis for a set of fundamental dissimilar models of linguistic performance // 8 Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. Abstracts. Vol. 8. М., 1987.
- Street 1963 — *Street J. C.* Khalkha Structure. Baltimore, 1963.
- Svantesson 1985 — *Svantesson J.-O.* Vowel Harmony Shift in Mongolian // Lingua. Vol. 67. 1985, No. 4 (Dec.).
- Trubetzkoy 1934/1987 — *Trubetzkoy N. S.* Das morphonologische System der Russischen Sprache. — TCLP. 1934. V. 5, No. 2; рус. пер.: *Трубецкой Н. С.* Морфонологическая система русского языка // Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Vacek — Luvsandordž — Luvsandžav, 1979 — *Vacek J., Luvsandordž Dz., Luvsandžav Č.* Učebnice mongolštiny. Hovorovy styl. Praha, 1979.
- Vietze 1969 — *Vietze H. P.* Lehrbuch der Mongolischen Sprache. Lpz., 1969.
- Vietze 1976 — *Vietze H. P.* Rückläufiges Wörterbuch der Mongolischen Sprache. Lpz., 1976.
- Weiss 1984 — *Weiss D.* Sowjetische Sprachmodelle // Handbuch der Russisten. Wiesbaden: Harassowitz, 1984.
- Базарагчаа 1987 — *Базарагчаа М.* Монгол хэлний авиа сэлгэх ёс. Улаанбаатар, 1987.
- Болд 1976 — *Болд Л.* Орчин цагийн монгол хэлний тонгоруу толь. Улаанбаатар, 1976.
- Болд 1986 — *Болд Л.* Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. Улаанбаатар, 1986.
- Бямбасан 1975 — *Бямбасан П.* Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц, нэр үгсийн аймаг. Улаанбаатар, 1975.
- Дашцэдэн 1975 — *Дашцэдэн Т.* Орчин цагийн монгол хэлний нэрийн тоо. Улаанбаатар, 1975.
- Жамбалсүрэн 1987 — *Жамбалсүрэн Г.* Монгол хэлшинжлэлийн онолын зарим асуудал. Улаанбаатар, 1987.
- Лувсанвандан 1967 — *Лувсанвандан Ш.* Орчин цагийн монгол хэлний зүй. Монгол хэлний авианы бүтэц. Улаанбаатар, 1967.

- Лувсанвандан 1968 — *Лувсанвандан Ш.* Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. Монгол хэлний үг, нөхцөл хоёр нь. Улаанбаатар, 1968.
- Лувсанжав 1976 — *Лувсанжав Ч. (ред.)* Монгол хэл сурах бичиг. Улаанбаатар, 1976.
- Мөөмөө 1979 — *Мөөмөө С.* Монгол хэлний авиан зүй. Улаанбаатар, 1979.
- Өлзийхутаг 1972 — *Өлзийхутаг Ц.* Монгол үгийн бүтэц, түүний заах арга. Улаанбаатар, 1972.
- Орчин 1966 — Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаанбаатар, 1966.
- Орчин 1976 — Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт: Монгол хэлний үйл үгийн тогтолцоо. Улаанбаатар, 1976.
- Орчин 1987 — Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт. Улаанбаатар, 1987.
- Ринчен 1976 — *Ринчен Б.* Монгол хэлний бүрэн зүй. Дээд дэвтэр. Авиан зүй. Улаанбаатар, 1976.
- Цогбадрах 1981 — *Цогбадрах Ж.* Монгол хэлний ижил нэрийн толь. Улаанбаатар, 1981.
- Цолоо 1976 — *Цолоо Ж.* Орчин үеийн хэлний монгол хэлний авиан зүй. Улаанбаатар, 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
0. Общий контекст и лингвистическая методика исследования	26
Глава 1. Место морфологии в монгольской грамматике	32
1. Уровни представления текста	32
2. Гипофонемика монгольского языка	35
3. Собственно фонемика. Особенности используемой фонологической транскрипции	37
4. О лексограммемной трансформаторике	47
5. Каноническое выражение граммем в современном халха-монгольском языке	48
Глава 2. Морфологическая синтагматика	58
2.1. Правильная морфологическая структура предложения	58
2.2. Морфонемная структура акцентного слова	58
2.3. Морфологическая структура гармонического слова	60
2.4. Квазикомпозиты в халха-монгольском языке	63
2.5. Морфонемная структура лексемы	67
2.6. Глагольные суффиксы	75
2.7. Субстантивные суффиксы	79
2.8. Адъективные суффиксы	88
2.9. Адвербиальные суффиксы	90
2.10. К проблеме омонимии суффиксов	91
2.11. Морфонемная структура природного корня	91
Глава 3. Типы морфем в современном халха-монгольском языке	94
3.0. Общие замечания	94
3.1. Классификация морфем по функции в составе более сложных единиц	99
3.2. Морфема и высшие единицы (слово и предложение)	100
3.3. Классификация корней и аффиксов	104
3.4. Несегментные морфемы	108
3.5. Редупликация	111
3.6. Морфологическая структура морфем	113
3.7. Статус морфологических чередований	116
3.8. Синтагматическая выделимость морфем	117

3.9. Синтагматическая выделимость элементарного морфологического знака	120
3.10. Парадигматическая выделимость (идентификация) морфемы	125
3.11. Содержательное варьирование морфемы	133
3.12. Функции морфем	137
Глава 4. Типы чередований в халха-монгольском языке	155
0. Введение	155
1. Лексограммемные чередования	156
2. Морфемные чередования	171
3. Морфофонемные чередования	192
4. Фонемные чередования и их подклассы: элементы фонологической трансформаторики	223
5. Выводы	242
6. Экскурсы	243
Глава 5. Неединственность интерпретаций в морфонологической типологии	251
5.0. Эпистемологический аспект проблемы множественности	251
5.1. Противопоставление по долготе/краткости в эпистемологическом аспекте	252
5.2. Морфонологический vs. фонологический сингармонизм: эпистемологический аспект	252
5.3. Альтернатива vs. апофония: эпистемологический аспект	253
5.4. Эпентеза vs. синкопа: эпистемологический аспект	256
5.5. Эпентеза vs. выпадение: эпистемологический аспект	258
5.6. Выбор исходной записи как предпосылка морфонологических решений	259
5.7. Наличие альтернативных описаний как стимул для усовершенствования теоретического аппарата морфонологии	261
Заключение	263
Приложения	269
Приложение 1. О предмете «монгольское языкознание»	269
Приложение 2. Важнейшие работы по монгольскому языкознанию	281
Приложение 3. К понятию гиперфонемы	312
Приложение 4. Позиционный принцип в фонологии и морфонологии	340
Приложение 5. Практическая транскрипция или симплиграфия?	356
Приложение 6. Некоторые понятия общей лингвистики, существенные для изложения	370
Приложение 7. Размышления об общелингвистических идеях Ю. С. Маслова	433
Библиография к основной части	471

Научное издание

Крылов Сергей Александрович

Теоретическая грамматика
современного монгольского языка
и смежные проблемы общей лингвистики

Часть 1

Морфемика, морфонология,
элементы фонологической трансформаторики
(в аспекте общей теории морфологических
и морфонологических моделей)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Художник *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректор *И.И. Чернышева*

Подписано к печати 24.11.04
Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная
Усл. п. л. 30. Усл. кр.-отт. 30. Уч.-изд. л. 31,5
Тираж 800 экз. Изд. № 8113. Зак. № 11251

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП «Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018397-0

9 785020 183971 >

